

SOVREMENIK Vol. 74
pts. 1-3 1859

UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT CHICAGO
801 SO. MORGAN
CHICAGO, IL 60607

Dupl. 202

AP

50

869

V. 74

PTS. 1-3

1859

WARE

~~0221~~ 1221 5 =

2. výt. (= 76 B 79)

Do skladu
by
Dvay

Vyřazeno z přebytkůch výtisků
bibliotheky Musea král. Českého.

1859/6.

СОВРЕМЕНИКЪ

Vyřazeno z přebytných výřků
bibliotheky Musea král. Českého.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

Vyřazeno z přebývacích vy-
bibliotheky Musea král. českého.
386

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и (съ 1859 года) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ съ 1847 года

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Марта 1 дня 1839 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

О ПОГОДѢ

(ВСТУПЛЕНИЕ КЪ САТИРАМЪ).

III

СУМЕРКИ.

Говорятъ, еще день. Правда, я не видалъ,
Чтобы мѣсяцъ свой рогъ золотой показалъ,
Но и солнца не видѣлъ никто.

Безъ его даровыхъ, благодатныхъ лучей
Золоченые куполы пышныхъ церквей

И вся роскошь столицы — ничто.

Надо всемъ, что ни есть — надъ дворцомъ и тюрьмой,
И надъ мѣднымъ Петромъ, и надъ грозной Невой,
До чугунныхъ коней на воротахъ заставъ
(Что хотятъ ускакать изъ столицы стремглавъ) —

Надо всемъ распростерся туманъ.

Душной, стройной, угрюмой, гнилой
Не красивъ въ эту пору нашъ городъ большой,
Какъ изношенный фатъ безъ румянъ....

Наша улица улицъ столичныхъ краса;
Въ ней дома все въ четыре этажа,
Не лазурны надъ ней небеса,
Да за то процвѣтаетъ продажа,

Сверху до низу вывѣски сплошь
 Покрываютъ громадныя стѣны,
 Сколько хочешь тутъ нѣмцевъ найдешь —
 Изъ Берлина, изъ Риги, изъ Вѣны.
 Все соблазны, помилуй насъ Богъ!
 Тамъ перчатка съ руки великана,
 Тамъ торчитъ Велингтоновъ сапогъ,
 Тамъ съ открытою грудью Діана,
 Даже ты, Ворсонофій Петровъ,
 Подлѣ вывѣски «дѣлають гробы»
 Прицѣпилъ полужонныя скобы
 И другіе снаряды гробовъ,
 Словно хочешь сказать: «другъ-прохожій!
 Соблазнись — и умри поскорѣй»!
 Человѣкъ ты, я знаю, хорошій,
 Да многолько родилъ ты дѣтей —
 Непрестанные нужны заказы....
 Ничего! обезпеченъ твой трудъ,
 Бѣдность гибельнѣй всякой заразы —
 Въ нашей улицѣ люди такъ мрутъ,
 Что по ней то-и-знай на кладбища
 Какъ въ холеру тащить мертвецовъ.
 Холодъ, голодъ, сырыя жилища —
 Не робѣй, Ворсонофій Петровъ!...

Въ нашей улицѣ жизнь трудовая:
 Начинають ни свѣтъ ни заря
 Свой ужасный концертъ, припѣвая,
 Токари, рѣшники, слесаря,
 А въ отвѣтъ имъ гремитъ мостовая!
 Дикій крикъ продавца-мужика,
 И шарманка съ пронзительнымъ воємъ
 И кондукторъ съ трубой, и войска
 Съ барабаннымъ идущія боемъ,
 Понуканье измученныхъ клячь,
 Чуть живыхъ, окровавленныхъ, грязныхъ,
 И дѣтей раздирающій плачь
 На рукахъ у старухъ безобразныхъ —
 Все сливается, стонетъ, гудеть,
 Какъ-то глухо и грозно рокочетъ,

Словно общая гибель идетъ,
 Словно городъ разрушиться хочетъ!
 Давка, говоръ.... (о чемъ голоса?
 Все о деньгахъ, о нуждѣ, о хлѣбѣ.)
 Смердь и копотъ... Глядишь въ небеса —
 Но отрады не встрѣтишь и въ небѣ....

Этотъ омутъ хорошъ для людей,
 Разставляющихъ ближнему сѣти,
 Но не жалко ли бѣдныхъ дѣтей!...
 Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?
 Неужели душѣ молодой
 Ужъ знакомы нужда и неволя?
 Ахъ, уйдите, уйдите со мной
 Въ тишину деревенскаго поля!
 Не такой тамъ услышите шумъ —
 Тамъ шумитъ созрѣвающій колосъ,
 Усыпляя младенческій умъ
 И страстей преждевременный голосъ.
 Солнце, воздухъ, цвѣтовъ ароматъ —
 Это всѣхъ поколѣній наслѣдство,
 За предѣлами душевныхъ оградъ
 Проведете вы сладкое дѣтство.
 Нѣтъ! вамъ краснаго дѣтства не знать,
 Не прожить вамъ покойно и честно.
 Жребій вашъ.... но къ чему повторять
 То, что даже ребенку извѣстно?

На спишѣ ли дрова ты несешь на чердакъ,
 Черезъ лобъ протянувши веревку,
 Грошъ ли просишь, бредешь ли въ кабакъ,
 Задаютъ ли тебѣ потасовку —
 Ты знакомъ уже намъ, петербургскій бѣднякъ,
 Нарисованный ловкою кистью
 Въ модной книгѣ — угрюмый, худой,
 Обезсмысленный дикой корыстью,
 Страхомъ, голодомъ, мелкой борьбой.
 Мы довольно похвалъ расточали
 И довольно сплели мы вѣнковъ
 Тѣмъ, которые намъ рисовали

Любопытную жизнь бѣдняковъ:
Гдѣ жъ плоды той работы полезной?
Увидавъ, какъ читатель иной
Льетъ надъ книгою слезы рѣкой,
Такъ и хочешь сказать: «другъ любезной!
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманныхъ книжонокъ,
Но не ставь за каретой гвоздей,
Чтобъ вскочивъ наколоса ребенокъ»!

Н. НЕКРАСОВЪ.

НОВѢЙШІЙ ОРАКУЛЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА КУРОПАТКИНА, 50-ти лѣтъ, помѣщица.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА, ея племянница, 25 лѣтъ, въ разводѣ съ мужемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА, 18 лѣтъ, дѣвица, племянница и воспитанница Александры Ивановны.

СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ ТРОЕРУКОВЪ, молодой человѣкъ, женихъ Вѣры.

СЕРАФИМА, горничная дѣвушка и наперсница Александры Ивановны, 55 лѣтъ.

АКСИНЬЮШКА, убогонькая.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА, мѣщанка, у которой Аксиныюшка проживаетъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА, статская совѣтница, постоянная московская жительница.

АГАФЬЯ, ея горничная.

ГОТЛИБЪ ЭРНСТОВИЧЪ ЗИЛЬБЕРБАХЪ, магнетизеръ.

ПЕТРЪ, его слуга.

ТЯПКИНА, мѣщанка, хозяйка квартиры Зильбербаха.

ЗОЛОТУНЧИКОВЪ, квартальный надзиратель.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

ДМИТРІЙ, лакей Куропаткиной.

ПАЛАГЕЯ, горничная Софьи Сергѣевны.

АХЛЕБЕНЕВЪ, помѣщикъ, старикъ.

ОМУТОВЪ, частный страпчій.

АРБУЗИНЪ, купецъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Одна изъ внутреннихъ комнатъ квартиры Александры Ивановны, убранныя довольно богато, но безпорядочно. Окна завѣшены темными занавѣсками, полъ устланъ толстыми коврами. Передъ диваномъ на столѣ стоитъ самоваръ, въ корзинкѣ булки и сухари, нѣсколько тарелокъ съ разными лакомствами. Другой столикъ въ сторонѣ, у стѣны, весь уставленъ пузырьками съ лекарствами. Вечеръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (въ глубокихъ мягкихъ креслахъ, вся обложенная подушками), АКСИНЬЮШКА (сидитъ на диванѣ передъ столомъ), АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (рядомъ съ ней), СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (разливаетъ чай), ВѢРА СЕРГѢЕВНА (рядомъ съ ней) и СЕРАФИМА (стоитъ за кресломъ Александры Ивановны).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (къ Аксиньюшкѣ).

Ну, что же, матушка, скажи ты мнѣ чтонибудь.... Неужели ужъ я такъ недостойна, что ты не хочешь ничего сказать мнѣ?... Вѣдь, ты все знаешь.... Видишь, сколько у меня огорченій: сама больна, пріѣхала лечиться, по имѣнію непріятности, тяжба, нужно хлопотать, а гдѣ мнѣ хлопотать — больной, слабой женщинѣ? Вотъ, Соничку мужъ бросилъ, несчастна въ своемъ супружествѣ; а къ Вѣрѣ женихъ сватается, совсѣмъ безъ состоянія, а она непременно хочетъ идти за него, влюблена противъ моего желанія.... Каково все это мнѣ переносить?... Матушка, утѣшь меня, научи, предскажи чтонибудь....

АКСИНЬЮШКА (съ жадностью пьетъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, ѣстъ лакомства и ничего не говорить, только лишь изрѣдка хохочетъ и икаетъ).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же, Аксиньюшка, такъ ты мнѣ и не предскажешь, не утѣшишь меня?... Богъ съ тобой. Видно, я тебѣ не мила, Аксиньюшка....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не извольте, сударыня, тревожиться, и ее, матушку, не беспокойте, не упрасивайте. Не изволить говорить, — значитъ не

угодно, или часъ еще не насталъ.... Съ ней, съ матушкой, это бываетъ....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да что же это она ломается? Цѣлыхъ два часа ѣстъ и пьетъ, мы сидимъ передъ ней, а она не хочетъ и слова сказать. Что за невѣжа!...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (строго).

ВѢра!...

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

Ахъ, барышня, не извольте такъ говорить, не прогнѣвайте и ее, матушку. Гдѣ намъ своимъ умомъ до этого дойти? Извѣстное дѣло, блаженная душа.... какъ ей угодно, такъ себя и содержать. Не то что, барышня, два часа, — бываетъ, что по двои сутки ничего не изволить говорить.... а добрые люди стоять да дожидаются....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Что же она дѣлаетъ въ это время?

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

А только изволить лежать и воздыханія свои возносить.... А тутъ Господу Богу извѣстно, что въ душенькѣ ея творится. Только одни вздохи и слышишь....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Полноте, какіе вздохи? просто, я думаю, ичетъ безпрестанно, какъ теперь же.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

ВѢра! Ты знаешь, я люблю это или нѣтъ?... Оставь эти замѣчанія для своего обже. Онъ очень уменъ, съ нимъ и умничай. А при мнѣ прошу не смѣть....

ВѢРА СЕРГѢВНА (вспыльчиво).

Ахъ, тетенька, да что же мнѣ дѣлать, если я не вѣрю всѣмъ этимъ вашимъ гадальщицамъ?...

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (съ упрекомъ).

Ахъ, ВѢра, какъ тебѣ не стыдно? Вѣдь Аксиньюшку не для тебя привезли. Что тебѣ за дѣло? Ну, не вѣришь, и оставь это за собой....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (жалобно къ Аксиньюшкѣ).

Вотъ, матушка, посмотри, какъ она тетку огорчаетъ: къ чему она душу свою готовить?

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ и продолжаетъ бѣсть).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не извольте, сударыня, беспокоиться. Это — какъ кому дано: иной вѣруеть не видя, а другой и видя не повѣритъ. А придетъ время и для барышни: увидятъ, такъ станутъ вѣрить. Это конечно отъ ихной юной младости. Вотъ я вамъ расскажу такъ же былъ случай.... Этакъ же одна дама, очень важная, значительная дама — прѣзжали къ матушкѣ съ дочкой, а дочка ихная уже была помолвлена за одного прекраснѣйшаго человѣка, и страстно-какъ они были влюблены другъ въ друга. Вотъ эта дама и стала спрашивать у матушки, счастлива ли будетъ судьба ихной, значить, милой дочери. Матушка стала этакъ говорить, что не всякому можно вдругъ себя въ понятіе принять.... значить, отъ высокихъ умовъ.... а барышня эта самая такъ же вотъ и вздумай посмѣяться надъ матушкой. Матушка и прогнѣвалась, да и изволить говорить: не быть, говорить, тебѣ.... извините сударыня, тутъ она такое слово сказала.... извѣстно, блаженный человѣкъ, какъ ей угодно, такъ и скажетъ.... Такъ не бывать, говорить, тебѣ замужемъ.... Что же вы изволите думать? — какъ прѣехала эта барышня домой, поссорилась она съ своимъ возлюбленнымъ женихомъ, и свадьба ихная разстроилась... Такъ вотъ какъ.... А ужъ какъ были пламенно, можно сказать, влюблены другъ въ друга. Эта барышня прѣзжала послѣ того, въ ногахъ валялась у матушки, просила: нельзя ли какъ ее счастье воротить?... да ужъ матушкѣ не угодно было, и говорить съ ней не стала, прогнѣвалась. Такъ вотъ какъ барышня.... Такого человѣка не извольте гнѣвить, остерегайтесь этого. Конечно вы какъ по молодости своей, еще отъ вашей неопытности....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А что она, какова, когда прогнѣвается на чтонибудь?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (съ двусмысленной улыбкой).

Ну, сударыня... Конечно, матушка руками никогда не изволитъ наказывать... Этого у ней нѣтъ никогда... за то ужъ этотъ человѣкъ, на котораго прогнѣвается, въ судьбѣ своей неудовольствіе или препятствіе какое безпремѣнно увидитъ.

АКСИНЬЮШКА (вдругъ прыскаетъ чаемъ въ лицо Вѣры Сергѣевны и потомъ истерически хохочетъ).

ВѢРА СЕРГѢВНА (вздрагиваетъ отъ испугу).
 Что это такое?... (съ сердцемъ) Что за невѣжество!.. Развѣ
 это можно позволять?

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А вы, барышня, не пугайтесь и не разстраивайтесь...это еще
 можетъ быть къ хорошему, не къ худу. Оботритесь съ благо-
 дарностью, да и содержите при себѣ этотъ платочекъ. Иные
 вѣдь, знаете, еще за счастье считаютъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА (сердито).

Велико счастье... нечего сказать... Фи, какая гадость! Что
 это позволяютъ дѣлать..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣра, чего тебѣ хочется?.. чтобы матушка въ самомъ
 дѣлѣ разсердилась, что ли?.. Удивляюсь тебѣ...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да помилуйте, тетенька, развѣ это пріятно?.. Ну, что же
 тутъ... слюни... плюются... Фи, какая гадость!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ ты глупа и необдуманна! Что люди за счастье счи-
 таютъ, а ты... ахъ, какъ глупа!.. Да еслибы матушка... да на
 меня, такъ я бы еще благодарна была....

ВѢРА СЕРГѢВНА (сердито, вполголоса).

Жалѣю, что не на васъ.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

А что, скажите, давно она такая или недавно?

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

Съ малолѣтства, сударыня, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ въ ней
 это замѣчено. (Со вздохомъ) Ужъ взыскана, надо сказать, что взы-
 скана... одно слово — блаженная душа... Вѣдь вотъ изъ проста-
 го званія, изъ крестьянскаго, и одежду, изволите видѣть, какую
 носятъ,—самую крестьянскую. А когда начнетъ говорить... Гос-
 поди, откуда эти сладости берутся!.. такъ бы все и слушаль.
 Извѣстно, не все поймешь, что она изволить говорить... вѣдь она
 не все къ человѣческому уразумѣнію говорить. А ужъ никакого
 слова мимо не скажетъ... ужъ что нибудь да недаромъ... Послѣ
 развѣ сдогадаешься: вотъ, дескать, къ чему матушка изволила
 говорить...

АКСИНЬЮШКА (на распѣвѣ).

Кукуреку... (Александра Ивановна и Софья Сергѣевна вздра-
 гиваютъ, Вѣра Сергѣевна смѣется).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Вотъ, вѣрно, угодно начать говорить... Что, матушка, бесѣдой, что ли, своей удостоить желаете?.. Осчастливьте-вотъ господь... (*цалуетъ у Аксиньюшкирку*) потрудитесь, давно уже и то ожидаютъ...

АКСИНЬЮШКА.

Чего ждать-то?.. Вотъ я давно жду водки, да не даютъ, а мнѣ эти пряники-то и безъ того надоѣли... Сладостей убѣгай, горестей желай...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Это не на счетъ ли моихъ огорченій?..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Извольте, сударыня, слушать. Ужь сами извольте разбирать, къ кому что идетъ...

АКСИНЬЮШКА (*къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ*),

Что же, matka, давай пить горькую-то... не все тебѣ варенье лизать...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣрочка, что-то тебѣ не хорошо говорить.

АКСИНЬЮШКА.

Слышь, тебѣ говорятъ: давай водки горькой...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (*къ Агнѣ Афанасьевнѣ*).

Что же, подать надо?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да ужъ, сударыня, если такое ихъ желаніе, извольте исполнять... Неизвѣстно, къ чему такое ихъ желаніе...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Серафима, поди же, — подай поскорѣе...

СЕРАФИМА.

Слушаю-съ.

АКСИНЬЮШКА.

Matka, да закусокъ дай соленыхъ. Горькое ѣшь, соленымъ закусывай...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (*со вздохомъ*).

Соленымъ закусывай... Это слезы... (*Нюхаетъ табакъ*).

АКСИНЬЮШКА.

Ты на что табакъ-то нюхаешь?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Отъ глазъ, матушка! Глазами слаба.

АКСИНЬЮШКА.

Подай-ка сюда (*Беретъ у Александры Ивановны табакерку и кладетъ къ себѣ въ карманъ*)... Не нюхай, грѣхъ... На-вотъ, потри *Подаетъ конфекту, отъ которой откусываетъ половину*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же это, матушка.... глаза потереть прикажете?

АКСИНЬЮШКА.

Три...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же... ее въ водѣ распустить, или такъ?..

АКСИНЬЮШКА. (*хохочетъ*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ужъ такъ извольте потереть... не разводя...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (*треть конфетой глаза*).

Какъ же мнѣ... ужъ, матушка, совсѣмъ не нюхать прикажете?..

АКСИНЬЮШКА.

На что тебѣ горькаго-то нюхать?.. будетъ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да ужъ я, матушка, привычку сдѣлала.

АКСИНЬЮШКА.

Привычка заковычка, птичка невеличка, ноготокъ востеръ...

Не увидишь — забудешь. Не станешь — перестанешь... Три сладенькимъ...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Это, сударыня, вамъ очень-какъ хорошо. Вникните, что матушка изволить говорить. Прежде вы были среди огорченій, проливали слезы. Теперь матушка взяла это горькое зелье, табакъ, значить всѣ ваши огорченія отъ васъ отнимаетъ и общаетъ вамъ утешать вашу душу одними сладкими чувствами, значить конфеткой приказала глаза потереть... Это вамъ очень хорошо. Вы эту табатерочку не извольте и требовать назадъ...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

А у нея оставить: это всего лучше... табатерка золотая, пригодится блаженной душѣ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Вѣра, какъ тебѣ не стыдно! Про кого ты говоришь?.. и какъ ты смѣешь?.. Ахъ, Боже мой! Чужіе люди желаютъ тет-

къ здоровью, а она только раздражаетъ. Неужели мнѣ жалко для матушки какойнибудь табатерки?..

ВѢРА СЕРГѢВНА (въ полголоса).

Да вамъ для такихъ людей ничего не жаль...

АКСИНЬЮШКА (на распѣвъ, смотря на Вѣру Сергѣевну).

Пѣсню веселую пѣла соколу соколена, люли соколена, соколена! А соколъ летаетъ, ее забываетъ, другу утѣшаетъ — соколону, соколону, люли соколону!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и СОФЬЯ СЕРГѢВНА (смотря на Вѣру Сергѣевну и Аксиньюшку).

Это что значить? къ чему бы это?..

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Не ко мнѣ ли это, Аксиньюшка? Не про мое ли несчастье говоришь? не про то ли, какъ я теперь брошена своимъ благовѣрнымъ?..

АКСИНЬЮШКА (поетъ).

Коза скачетъ за козломъ, за козломъ, козелъ отъ козы, козелъ отъ козы, коза скачетъ отъ козла, отъ козла, козелъ за козой, козелъ за козой... Слышишь, дѣвка?..

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ахъ, это правда, это чистая правда!.. Онъ не умѣлъ меня цѣнить, когда я его любила; теперь, когда я ушла отъ него, онъ и радъ бы вернуться ко мнѣ, да поздно... Ахъ, это правда, добрая Аксиньюшка... я теперь тебѣ вполне вѣрю... Слышишь, Вѣра?..

СЕРАФИМА (вноситъ поднось съ водкой и закусками и ставитъ на столѣ).

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ и наливаетъ полную рюмку, подаетъ ее Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

На, выпей...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, нѣтъ, милая, спасибо... Это не въ моемъ вкусѣ... Я не стану пить...

АКСИНЬЮШКА.

Тебѣ говорить, пей, прихлебни...

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

Откушайте, барышня, не для питья, а для здоровья... Матушка вамъ на добро жалуется...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Выпей немножко, Вѣра; можетъ быть, такъ надо...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Что вы, тетенька!.. Васъ эти предсказатели съ ума сведутъ...
Стану ли я пить водку?..

АКСИНЬЮШКА.

Станешь, станешь. Смотри, какъ станешь... *(Выпиваетъ рюмку, потомъ наливаетъ другую, третью и пьетъ одну за другою).*

ВѢРА СЕРГѢВНА *(насмѣшливо).*

Браво! Теперь какъ не начать предсказывать!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вѣра, побойся Бога. Какъ тебѣ не стыдно! про кого ты говоришь? Точно ты не русская, не христіанка... Уйди, коли не можешь молчать: не огорчай меня.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Вѣра вѣчно со своимъ умничаньемъ. Какъ это противно!..

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

А какъ вы, барышня, полагаете: что матушка изволила вы-
кушать?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Кажется, видите сами, что.

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

Нѣтъ, однакоже?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да о чемъ тутъ спрашивать? Разумѣется, водку пила.

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

То-то и есть, барышня... Вотъ, по молодости своей, о такомъ
человѣкѣ вамъ ничего—сказать такое слово въ осужденіе ему...
А почему вы знаете, можетъ эта водка въ матушкиныхъ устахъ
также вода ключевая?

ВѢРА СЕРГѢВНА *(громко смѣется).*

Вотъ это такъ чудесно!... ха, ха, ха!..

СЕРАФИМА.

Что же, сударыня, это бываетъ; и въ писаніи есть, что на-
рочно нине на себя это напускають для человѣческаго осуж-
денія и гоненія...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вѣдь Серафима—то умнѣ тебя, Вѣра... право умнѣ...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, что же, тетенька, и слава Богу... очень рада!..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да нѣтъ, послушайте-ка, барышня, что я вамъ скажу, вникните вы въ это: вѣдь она, хоть бы матушка, все-таки есть сосудъ человѣческій, скудельный, потому женщина... А какъ же она иной разъ чуть не цѣлый штофъ изволить выкушать? Вѣдь видишь: вино вкушаетъ, надо бы охмѣлѣть отъ этакаго мѣста. А матушка выкушаетъ, такъ хоть бы она пошатнулась, или въ одномъ словѣ загнулась... какъ всегда, такъ и есть... Ни въ чемъ перемѣны... Такъ какъ бы вы объ этомъ полагали? скажите-ка мнѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Что мнѣ говорить? Привыкла, такъ и не пьянѣть....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, барышня, видно и то сказать: вольному воля, спасенному рай.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да полноте, оставьте ее,—что съ ней говорить?—она у насъ извѣстная спорщица. И батюшка ея такой же спорщикъ былъ, да не много выигралъ въ жизни, только состояніе свое все разстроилъ.... Не за что бы мнѣ ее любить-то, да вотъ люблю....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А скажи-ка, Аксиньюшка, которая изъ насъ больше тетеньку любить?

АКСИНЬЮШКА.

Ха, ха, ха.... А которая больше, та и больше....

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

То есть, которая старше, Аксиньюшка.... такъ ты говоришь?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Такъ, такъ, сударыня, изволите понимать: которая то-есть возрастомъ больше и разумомъ своимъ отъ лѣтъ больше собралась, та и тетеньку больше любить.... такъ вѣдь, матушка?

АКСИНЬЮШКА.

Горе съ горемъ скорѣй слюбятся.... А на что намъ плясуновъ-то, да говоруновъ-то? У горя объ горѣ больше сердце болить. — Плясунъ-то пропоетъ да пропляшетъ, до тетушки ли ему?...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Слышите, тетенька, что Аксиньюшка говорить?... А тетенька утѣряетъ, Аксиньюшка, что я не могу ее такъ любить, какъ сестра, потому что Вѣра на ея рукахъ съ малолѣтства.... и что

будто бы я потому только ласкаюсь къ ней, что мнѣ хочется получить что нибудь отъ нея. Слышишь, Аксиныюшка, можно ли такъ обо мнѣ думать?

АКСИНЬЮШКА.

Ты завязла, такъ и сидишь крѣпко, а та прыгаетъ, выскочить хочетъ....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

То-есть — я никогда не разстанусь съ вами, тетенька, а Вѣра только и думаетъ, какъ бы замужъ выдти.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Софья, пожалуйста, не вооружай противъ меня тетеньки. Это не хорошо.... не благородно.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Гдѣ же я вооружаю? Съ чего ты это взяла?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Понимаю я все....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну-те-ка, полно-те объ этомъ: скучно слушать. Скажи-ка лучше, Аксиныюшка, получу ли я облегченіе отъ своихъ болѣзней и выиграю ли свое дѣло?

АКСИНЬЮШКА.

А ты на какой дудкѣ-то играешь? Коли на большой да на золотой, такъ ладно: далеко услышать.... А то кто за тебя станетъ даромъ Богу-то молиться?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Это что же значить? Богу велитъ больше молиться, что ли?

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

Да, сударыня, это ужь разумѣется, что Богу больше возносить свои молитвы надлежить. Ну, и пожертвованія дѣлать тоже слѣдуетъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА. (Вполголоса къ Софѣ Сергѣевнѣ).

Это недурно!... Видно, мало золотой-то табатерки за предсказанія.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Оставь меня, Вѣра, въ покоѣ пожалуйста.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Господи, и тетенька ихъ слушаетъ!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я бы ничего, Аксиныюшка, не пожалѣла, только бы мнѣ себя успокоить во всѣхъ своихъ огорченіяхъ. Вотъ научи-ка,

какъ мнѣ быть съ Вѣрой. Сватается къ ней человѣкъ незна-
чущій, недостаточный; она хочетъ непременно идти за него, а
мнѣ отдавать не хочется. Не стоитъ онъ ея....

АКСИНЬЮШКА.

Стоитъ быкъ коровы.... ха, ха, ха!... У тебя, видно, сун-
дукъ—отъ крѣпко запертъ: подбираютъ ключъ да не подходятъ....
А ты не больно распоясывайся, на тары—то да бары не больно
подавайся. Около—то походятъ, да увидятъ, что нече взять,
такъ и прочь пойдутъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪЖЕ и СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ ТРОЕРУКОВЪ.

ТРОЕРУКОВЪ (почтительно).

Здравствуйте, Александра Ивановна.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Здравствуйте, батюшка.

ТРОЕРУКОВЪ.

Bonjour, Софья Николаевна. Здравствуйте, Вѣра (последней
подаетъ руку и потомъ съ любопытствомъ смотритъ на прочихъ).

АКСИНЬЮШКА.

Здорово, соколъ, — легокъ на поминѣ.

ТРОЕРУКОВЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А, у васъ опять юродивые.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Какъ видите.... по обыкновенію.... (вполголоса). Эта осо-
бенно несносна.

АКСИНЬЮШКА.

Что, соколъ, не говоришь со мной? али не радъ мнѣ?... Али
ужъ больно радъ, что къ разлапушкѣ своей пришелъ?... сердце не
на мѣстѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и СОФЬЯ СЕРГѢВНА
(въ одинъ голосъ).

Вообразите, отгадала.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Развѣ ты знаешь, Аксиныюшка, Сергѣя Николаича?

АКСИНЬЮШКА.

Ась?... Что мнѣ знать.... Не знаю я.... Я незнайка.... Ха,
ха, ха!... Что парень, смотришь? не хошь ли лекарства да мѣ,
сладкаго? а?...

ТРОЕРУКОВЪ.

Благодарю, милая, здоровыхъ не лечатъ....

АКСИНЬЮШКА.

Аи, парень, больно сердце-то у тебя нездорово. Надорвалось, сердечное, излюбилось.... Мечется, мечется да все-то въ разныя стороны, все-то въ разныя.... Ха, ха, ха.... все-то въ разныя....

ТРОЕРУКОВЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Эта изъ какого сорта? Вы ужь, я думаю, наглядѣлись на этихъ госпожъ.... Что эта,—изъ странствующихъ, полудумныхъ, мзды ради юродивыхъ, или изъ какихъ тамъ еще? Какіе еще бываютъ?...

ВѢРА СЕРГѢВНА (вполголоса).

Полноте, тетенька разсердится, — не говорите про нее ничего....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (вполголоса къ Александрѣ Ивановнѣ).

Какой онъ однако невѣжа; только что пришелъ и начинаетъ ужь издѣваться надъ человѣкомъ, котораго не знаетъ. И не подумаетъ того, пріятно ли это будетъ для васъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужь не говори. Не правится онъ мнѣ. Какъ бы, кажется, не Вѣра....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (также).

А не подумаетъ того, что по его лѣтамъ и по ничтожеству своему, онъ не долженъ бы въ вашемъ домѣ и голосу своего подавать.

АКСИНЬЮШКА (незамѣтно прислушивавшаяся къ словамъ Софьи Сергѣевны и Александры Ивановны).

Пришелъ фря въ чужой домъ, ходитъ фря фертомъ.... Калина, малина, красная смородина.... Ха, ха, ха!... А, батюшки мои, уморилъ со смѣху.... Господинъ честной, баринъ, а баринъ.... твое благородіе.... слышишь ли? чьего ты отца сынъ?... какіе твои достатки?

ТРОЕРУКОВЪ.

— Не богатыхъ достатковъ, милая.... дать мнѣ тебѣ не изъ-чего, извини, пожалуйста. Оставь меня (оборачивается къ Врѣ Сергѣевнѣ).

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вполголоса).

Ради Бога, не говорите такъ: тетенька и безъ того на меня сердится, что я ей не вѣрю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Полно, Аксиньюшка, не говори съ ними: они люди молодые, пынѣшніе, ничему не вѣрятъ. Скажи лучше мнѣ что нибудь....

АКСИНЬЮШКА.

Скажи, не солги.... Ха, ха, ха!... Слыхала ли сказку: голь по чужимъ карманамъ ходитъ, своего нѣтъ, на чужое норовить. Давай ему бабу, да съ бабой-то денегъ, денегъ, да больше, да больше. Много ли у тебя денегъ-то?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Дѣла мои въ разстройствѣ, Аксиньюшка. Старую больную женщину всякій старается обидѣть. Вотъ тяжбу завелъ со мной сосѣдушка добрый.

АКСИНЬЮШКА.

Нищему давай, странному давай, въ церковь на свѣчку подавай — поминъ душѣ будетъ.... Голи не давай. Голь тебя провѣтетъ, просѣтетъ, въ муку изотретъ, съ масломъ съѣстъ, а Богу не будешь угодна.... Ай люли!... Ха, ха, ха!...

ТРОЕРУКОВЪ (пристально смотритъ на Аксиньюшку, про себя).

Э, да она вотъ какая!...

АКСИНЬЮШКА.

Что, соколъ, смотришь? али и я полюбилась?... Много ли у тебя разлапушекъ-то? Которую больше любишь-то? Али которая богаче да тароватѣй? Которая больше денегъ даетъ?... Ай люли, ай люли.... Такъ что ли?...

ТРОЕРУКОВЪ (вспыхнувъ).

Послушай, тетка, ты или оставь меня въ покоѣ, или тебѣ худо будетъ.

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ).

Хуже вора не будешь.... На что воровать хочешь? Стащить, стащить, выкрадетъ, выкрадетъ, барышню выкрадетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (всплеснувъ руками).

Что ты говоришь, Аксиньюшка?... Неужели у нихъ это было намѣреніе....

АКСИНЬЮШКА.

Выкрадетъ, выкрадетъ.... Молись Богу, выкрадетъ.

ТРОЕРУКОВЪ (подходя къ Аксиньюшкѣ).

Послушай, тетка, — а хочешь, я тебя въ острогъ посажу?

АКСИНЬЮШКА (хохочетъ).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Тетенька, слышите, что хотятъ дѣлать въ вашемъ домѣ?... Это ни на что не похоже....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ негодованіемъ).

Послушайте, милостивый государь, что же это такое значить въ самомъ дѣлѣ? За кого вы меня принимаете? Какъ вы можете себѣ позволять такіе поступки въ моемъ домѣ?

ВѢРА СЕРГѢВНА (въ тревогѣ, подходя къ Александрѣ Ивановнѣ).

Тетенька, тетенька! Онъ ничего не сказалъ и не сдѣлалъ такого....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ты ко мнѣ не подходи.... (къ Сергію Николаичу) Вамъ досадно, что она отгадала ваши намѣренія. Но я все-таки не позволю вамъ никого изъ моего дома посадить въ острогъ.

АГНЕЯ АФАНАСЬВНА.

И за что же бы они, сударыня, могли ихъ посадить? Матушка имѣютъ свой настоящій пачпортъ и въ дурныхъ никакихъ поступкахъ не замѣчены....

ТРОЕРУКОВЪ.

Александра Ивановна, извините меня.... Я никакихъ дурныхъ намѣреній не имѣлъ и не обратилъ бы вниманія на слова этой.... этой дуры.... еслибы она говорила это не при васъ, или еслибъ вы не вѣрили всѣмъ этимъ предсказателямъ, которые васъ только обманываютъ и смущаютъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ вамъ, сударь, до меня никакого дѣла.... такъ же, какъ и мнѣ до васъ.... Много обяжете, если оставите меня въ покоѣ.... оставите мой домъ....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Тетенька, да разсудите....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ты ко мнѣ не подходи.

АКСИНЬЮШКА.

Что меня, рѣзать что ли будутъ? Бить что ли будутъ?... Ай боюсь, ай боюсь....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Никто тебѣ ничего не можетъ сдѣлать въ моемъ домѣ, пока я хозяйка. Пойдемъ, матушка, отсюда. Пойдемъ въ мою комнату. Успокойся тамъ.... Можетъ полежать захочешь.... Серафима, веди меня.

СЕРАФИМА (поднимая Александру Ивановну изъ кресла).

Что это за проказъ въ самъ дѣлъ!... Ужъ волю какую взяли, — изъ дома выживаютъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (къ Троерукову).

Прошу же васъ, милостивый государь, оставить меня въ покоѣ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Простите меня, Александра Ивановна, за невольное и необдуманное....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я, сударь, стара, чтобы въ моемъ домѣ распоряжались.... Пойдемъ, Аксиньюшка. (*Уходитъ поддерживаемая съ одной стороны Серафимой, съ другой Софьей Сергѣвной*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (беретъ подъ руку Аксиньюшку).

Подейте, матушка....

АКСИНЬЮШКА.

Ай боюсь, ай боюсь.... Ай люли.... Ха, ха, ха....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не безпокойтесь, матушка, не тревожьтесь.... (*Уходитъ, ведя Аксиньюшку подъ руку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТРОЕРУКОВЪ и ВѢРА СЕРГѢВНА.

ВѢРА СЕРГѢВНА (съ упрекомъ).

Ну, вотъ теперь что надѣлали? Говорила я вамъ....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но вѣдь вы слышали.... Я не могъ вынести....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, а теперь лучше сдѣлали?... Тетенька совсѣмъ отказала отъ дома.

ТРОЕРУКОВЪ (схватываясь за голову).

Господи, что же я въ самомъ дѣлѣ надѣлалъ? Какъ теперь быть?... Вѣра, неужели этого никакъ нельзя поправить?

ВѢРА СЕРГѢВНА (притворяясь опечаленною).

Какъ теперь поправить? Тетенька не захочетъ и видѣть васъ, да и меня слушать не станетъ. Вотъ что теперь сдѣлать?

ТРОЕРУКОВЪ (въ отчаяніи).

Господи, какъ же быть?... Неужели я долженъ разстаться съ вами?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ужъ теперь конечно нѣтъ никакой надежды.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣра, Вѣра.... ангелъ мой.... что вы говорите? Я готовъ на колѣняхъ просить прощенія у вашей тетки.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Это не поможетъ. Она не захочетъ и смотрѣть на васъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Неужели же я долженъ потерять васъ?... Этого быть не можетъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА (скрывая улыбку).

Отчего же не можетъ быть? Напротивъ, — очень возможно. Я противъ тетеньки ни на что не рѣшусь.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣра, что вы говорите? Богъ съ вами, вы не любите меня, смѣтаетъ надо мной (закрываетъ лицо руками).

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, полноте, полноте.... Я пошутила.... Не бойтесь ничего. Тетенька любитъ меня, жить безъ меня не можетъ. Хотя милая сестрица и старается вооружить ее противъ меня, и теперь будетъ стараться воспользоваться этимъ случаемъ, а все-таки ничего не сдѣлаетъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Что вы, Вѣра, — только утѣшаете меня, или серьезно говорите?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, серьезно. Тетенька вѣдь рѣшительно не имѣетъ характера, — я дѣлаю изъ нея все, что ни захочу.

ТРОЕРУКОВЪ.

Полноте, Вѣра, другъ мой! Мнѣ кажется, вы только обманываете себя въ этомъ. Отчего же вы не можете до сихъ поръ получить ея согласія на нашъ бракъ?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

А, это совѣтъ дѣло другое, тутъ нужно время.... Вы знаете, что тетенька предубѣждена противъ васъ, какъ небогатаго и печиновнаго человѣка.... Она задала себѣ задачу непременно выдать меня за богача и знатнаго.... Да и въ этомъ бы я успѣла скорѣе, еслибъ не мѣшала сестра Софья, которой, кажется, ужасно хочется поссорить меня съ теткой изъ корыстныхъ видовъ. Она видитъ, что я не могу отказаться отъ васъ, и старается вооружить тетеньку противъ васъ, чтобы я рѣшилась выйти за-мужъ безъ ея согласія.... Но ей это не удастся.

ТРОЕРУКОВЪ.

Но послушайте, я радъ бы подслуживаться вашей теткѣ, дѣлать для нея все: подавать скамеечки, растирать ей табакъ, хлопотать по ея тяжбынымъ дѣламъ, лишь бы она отдала мнѣ васъ поскорѣе.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Готовы бы все дѣлать; а между тѣмъ не умѣли угодить ей и сегодня, а сдѣлали то, что она отказала вамъ отъ дома....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но послушайте, мой ангелъ: вѣдь, это невыносимо—слышать, какъ на мой счетъ смѣетъ говорить какая-то дура или плутовка, и еще тамъ, гдѣ ей могутъ повѣрить.... И наконецъ, что вамъ за охота стѣснять себя волей вашей тетки? Какъ вамъ не надоѣла жизнь съ этой пустой.... простите меня.... съ этой старухой, вѣчно окруженной юродивыми, колдунами, гадалышницами? Что васъ можетъ останавливать, что связываетъ? Вы можете располагать собой, знаете, что я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, вы сами не разъ говорили мнѣ, что любите меня.... Неужели же изъ-за предразсудковъ или капризовъ старухи слѣдуетъ удалять счастье, которое ожидаетъ насъ?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

А вамъ бы хотѣлось, чтобы я вышла за васъ противъ воли тетки и лишилась состоянія, которое она мнѣ отказываетъ?

ТРОЕРУКОВЪ.

Фи, Вѣра.... Что за проза, что за матеріальные расчеты!

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Проза, матеріальные расчеты!... Да, можетъ быть, ихъ бы не было, если бы—или я или вы имѣли какое нибудь состояніе. Но вы бѣдны, у меня ничего нѣтъ.... зачѣмъ же добровольно

лишать себя тѣхъ выгодъ, которыя могутъ облегчить намъ жизнь?

ТРОЕРУКОВЪ.

Это все благоразумно, практично; но меня удивляетъ, отчего, если вы любите меня такъ, какъ я васъ люблю,—отчего вы не спѣшите такъ принадлежать мнѣ, какъ тороплюсь я; отчего я не боюсь бѣдности, а вы боитесь ея; отчего я готовъ лучше обречь себя нищетѣ, нежели откладывать на неопредѣленное время счастье назвать васъ своею.... скажите, отчего это?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Отчего?... Можетъ быть оттого, что я женщина, привыкшая къ терпѣнію, испытывавшая, что значить чужой хлѣбъ.... (*Грустно*) Я должна была много перенести до тѣхъ поръ, какъ пріобрѣла власть надъ тетенькой и сдѣлалась для нея необходимою.... Наконецъ — я вѣрю въ себя, знаю, что не перестану любить васъ, если вы не охладѣете ко мнѣ, и буду принадлежать вамъ; но не хочу быть бѣдной, когда могу принести вамъ состояніе. Божусь, я не корыстолюбива и хотѣла бы все раздѣлить съ Софьей; но если она начала вредить мнѣ безъ всякаго повода съ моей стороны, я не хочу уступить ей и поставлю на своемъ. Тетенька должна васъ оцѣнить и согласиться на нашу свадьбу.

ТРОЕРУКОВЪ (страстно цѣлуя руку Вѣры Сергѣевны).

Счастье мое.... Какое вы будете сокровище для вашего мужа!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (быстро входя).

А, здравствуйте, здравствуйте!... Съ какою якъ вамъ новостью пріѣхала—просто удивительно.... непостижимо!... Дайте, *mon ange*, огонька—закурить папироску: просто измучилась.... часа четыре была въ городѣ, все торопилась къ вамъ.... Покупокъ было пропасть, просто меня завалили порученіями.... (*Сергій Николаичъ подаетъ огня*) *Merci*.... А купцы все знакомые: тотъ кричить: Ольга Федоровнакъ намъ; тотъ,—нѣтъ у насъ лучше.... Да мнѣ не того, говорю, нужно.... Да нѣтъ, говоритъ, вы хоть зайдите, хоть въ задней компатѣ папироску выкурите.... Вѣдь

знаютъ меня, знаютъ, что люблю папироски. Ахъ, *ma chère*, какой я дамъ видѣла, просто диво.... Чтò тотъ, что, помните, я привозила къ вамъ,—никакого сравненія!... Это диво, просто обвороженье.... Мѣха стали дешевле.... Ну, да меня, правда, знаютъ, уступаютъ передъ прочими.... Не будете ли покупать новаго салопъ? я, пожалуй, похлопочу.... Да гдѣ же тетенька и сестрица?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Въ своей комнатѣ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, пусть.... Я пока здѣсь отдохну: вѣдь она не любитъ, какъ курять.... Ахъ, *mon ami*, одна знакомая мнѣ купчиха продаетъ соболью шубку, и какъ дешево, просто даромъ.... Ну, вѣдь, глупо, глупо: изъ соболя и вдругъ шубка! Ну вѣдь, глупо—мужики!... А какая бы вышла тальяма—просто восторгъ!.. Вотъ не хотите ли купить? для васъ я бы похлопотала. Просите тетеньку, чтобы купила. Я привезу показать.... Или скупа? Ну, къ свадьбѣ купить. Да что жь, когда свадьба, господи?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Чья, Ольга Федоровна?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да ну, ваша! развѣ я не знаю! Все еще не соглашается старуха? Ахъ какая!... Да ну, все будетъ, все сдѣлаемъ: погодите, вотъ есть у меня такой человѣкъ,—все сдѣлаетъ!... Ахъ да, про него вѣдь я хотѣла сказать.... Да гдѣ бы тетеньку.... Ну, да все равно: ей послѣ расскажу.... Дайте еще папироску выкурю. Одолжите огонька.... Это необыкновенный человѣкъ.... (*Троеруковъ подаетъ огня*). *Merci*.... (*Къ Троерукову*). Я знаю, вы не вѣрующій, но этому и вы повѣрите: это не то что какой нибудь странникъ или просто предсказатель.... нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: онъ магнетизеръ, магнетизмомъ дѣйствуетъ.... (*Обращаясь къ Троерукову*) знаете, магнетизмомъ? Ну, и самъ предсказываетъ и лечитъ, все чрезъ магнетизмъ.... Но чтò онъ дѣлаетъ — это удивительно.... И очень не дорого стоитъ къ нему проѣхать — всего три рубли. Но чтò онъ дѣлаетъ и какой красавецъ—это чудо что такое!... А чтò дѣлаетъ — невообразимо! Просто для него нѣтъ тайнъ; взглянетъ и говоритъ про человѣка все, все, понимаетъ, все.... Просто и не ѣздите къ нему,—влюбитесь, я вамъ напередъ говорю.... Онъ у меня будетъ

непрерѣнно, прїѣзжайте тогда ко мнѣ, тетенькѣ необходимо съ нимъ познакомиться: онъ удивительно лечитъ отъ женскихъ болѣзней.... А какъ хорошъ, ахъ, какъ хорошъ!... Кажется, если бы не мои года, не перенесла бы, влюбилась.... (Къ Троерукову съ улыбкой). И она влюбится: вотъ я вамъ напередъ говорю.

ТРОЕРУКОВЪ.

Такъ за этимъ-то вы ее зовете, Ольга Федоровна? Богъ съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь: онъ женщинъ не любитъ, то есть не то, что не любитъ, а онъ не тѣхъ правилъ.... А красота — представьте.... Родомъ онъ грекъ, изъ Египта, волосы по плечамъ и вьются, черные, черные, какъ вороново крыло, знаете, съ отливомъ; на головѣ ермолка пунцовая съ золотой кистью; бѣлый, бѣлый, какъ снѣгъ, и во всю щеку румянецъ, усы, и съ бородой; но какъ идетъ къ нему эта борода, — чудо!... Но какіе глаза!... Я ничего подобнаго не видала; представьте двѣ искры.... и черные, черные, какъ вы можете себя представить.

ВѢРА СЕРГѢВНА (сдерживая улыбку).

Гдѣ же вы отыскиали такого необыкновеннаго человѣка?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А бы и не знала про него, да была я у одного купца на свадьбѣ, — сына женилъ. Ну, знаете, вѣдь меня всѣ знаютъ и любятъ. Ну, просятъ осчастливить... Отчего же не поѣхать? мнѣ ничего, а имъ, знаю, лестно, что у нихъ статская совѣтница... Ну, и поѣхала... Впрочемъ купецъ очень, ужасно богатый: нѣсколько милліоновъ. Роскошь какая, *та chère*, вы ничего подобнаго представить себѣ не можете... но только вкуса никакого... Представьте себѣ: на ней, на невѣстѣ, салонъ песцовый, тысяча въ полторы, соболій воротникъ, и какъ вы думаете, покрытъ шубой?... ну, чѣмъ?... зеленымъ атласомъ... можете себѣ представить... а?... Но брилліантовъ, брилліантовъ! Это просто горѣло... Такъ вотъ у нихъ — разговорились о лекаряхъ: тутъ одна купчиха и рассказала мнѣ про этого магнетизера, какъ онъ лечитъ и много предсказываетъ. Я на другой же день къ нему, а онъ живетъ у Николая въ Кобыльскомъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Зачѣмъ же это вы къ нему, Ольга Федоровна?..

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, а вотъ вы послушайте.... Приѣзжаю я къ нему, насилу отыскала... Вхожу, знаете, въ кухню.... Ну, онъ видно, что еще не въ славіи и ходъ черезъ кухню... а тамъ двѣ комнаты, но очень мило убраны, много вещицъ.... Но онъ будетъ, будетъ въ славіи. Это будетъ стыдно Москвѣ, если она его не оцѣнитъ... Ну вотъ—вошла я въ кухню, велѣла о себѣ доложить: тутъ человѣкъ его. Только долго онъ меня не принималъ, наконецъ вхожу. И что вы думаете: здравствуйте, говорить, Ольга Федоровна!.. Такъ это меня фрапировало, я такъ и остолебѣла... Ну представьте: вѣдь онъ меня никогда не видалъ, не могъ ожидать, что я приѣду и вдругъ называетъ по имени.

ТРОЕРУКОВЪ.

А, можетъ быть, онъ посылалъ спросить о вашемъ имени вчера вашего...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Э, да гдѣ же? Вѣдь я оставалась въ кухнѣ: тутъ никто не проходилъ

ТРОЕРУКОВЪ.

Да, можетъ быть, у него есть другой выходъ на улицу.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Э, полноте, не можетъ быть, да и некогда.... Вѣдь я тутъ дождалась какихъ нибудь двѣ-три минуты. Да этого быть не можетъ.... Нѣтъ, вы слушайте, что было дальше.... Вотъ, знаете, стою я этакая офрапированная и смотрю на него во всѣ глаза, а онъ на меня смотритъ и вдругъ спрашиваетъ: что подѣлываетъ вашъ супругъ? И такъ, знаете, смотритъ на меня и съ сожалѣніемъ и съ насмѣшкой.... А я вѣдь, признаюсь вамъ, всегда подозрѣвала своего.... Неужели, я говорю, это правда? Неужели я не ошибалась? Скажите, я говорю, какъ зовутъ ее, мерзкую?... Садитесь, говорить, успокойтесь. Я вамъ открою все, вы все узнаете, только сегодня я не могу вами заняться: было много посѣтителей, усталъ ужасно. Пожалуйста, говорить, комнѣ днѣ черезъ два, вотъ тогда-то.... Ужъ не знаю, какъ я прожила эти два дня.... Только приѣзжаю.... Онъ взялъ у меня обручальное кольцо и долго, очень долго, я думаю съ полчаса, молча держалъ его въ рукахъ и все смотрѣлъ на него; потомъ вдругъ говоритъ: Агафья!... А, какъ вы думаете, именно она, которую я всегда подозрѣвала.... А, каковъ мой-то!... Вѣдь вы знаете: толстый, вѣдь толстый, насилу ходитъ, задыхается, а

туда же.... А, каковъ милый.... въ 60-то лѣтъ.... это ужасъ!... только мнѣ это и переносить!... Какъ же, я говорю, мнѣ бы ихъ застать?... Этого, говорить, не нужно дѣлать, а я васъ постараюсь въ этомъ убѣдить, чтобы вы не сомнѣвались въ моей силѣ, и потомъ помогу вамъ вылечить отъ этого вашего мужа. Я заплакалась и даже поцаловала у него руку.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Фи, Ольга Федоровна, неужели?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, *ma chère*, что жъ тутъ удивительнаго? Вы не знаете, что такое ревность и каковы чувства, когда знаешь, что мужъ тебѣ невѣренъ (*Плачетъ*).

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, полноте, Ольга Федоровна, можетъ быть это еще и неправда.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, *mon ami*, правда, я знаю, что правда.... Я сейчасъ ѣду къ нему и буду просить, чтобы онъ завтра ко мнѣ пріѣхалъ. И вы пріѣзжайте.... (*Съ восторгомъ*). Вы посмотрите, что это за необыкновенный человѣкъ.... Пріѣдете?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Я не знаю, какъ тетенька....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ да, надо идти къ тетенькѣ, надо рассказать ей.... (*Грустно и со вздохомъ*). Ахъ, *mon ange*, дай Богъ вамъ никогда въ вашемъ супружествѣ не испытывать того, что я теперь испытываю.... Пойду къ тетенькѣ (*уходитъ*).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая комната, раздѣленная поперегъ драпировкою, которая составляетъ заднюю стѣну. Мебель мягкая, обитая зеленымъ сукномъ. На противоположныхъ стѣнахъ зеркала, поставленные такъ, что одно въ другомъ отражаются.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ въ нарядномъ халатѣ и ермолкѣ сидитъ у стола, ПЕТРЪ стоитъ около него.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а про вчерашнюю барыню узналъ?

ПЕТРЪ.

Ужь это какъ же не узнать? Все обследоваль.... Эта, что за которой въ догонку-то ѣхаль, что не приняли-то?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, да! Ну что? кто она?

ПЕТРЪ.

А она не изъ маловажныхъ: домина такой, что боялся и къ людямъ-то подступиться, думаль — и разговаривать не стануть, да нѣтъ, ничего.... дворянъ-то ужь больно баловень.... Вольно очень, вольготно жить....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего?

ПЕТРЪ.

Оттого — воля! Потому баринъ больше дома не живетъ: либо на счетъ картъ, либо на счетъ этихъ мамзелекъ, а у барыни свои.... а то по богомольямъ ѣздить.... Вотъ дѣвкамъ такъ нѣтъ житья....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего?

ПЕТРЪ.

А потому — на нее находить, на барыню: пѣтухомъ кричить, значить, выкликаеть... Ну, ужь тутъ дѣвкамъ не житье: все при ней будь, весь домъ собьеть....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а баринъ тогда что?

ПЕТРЪ.

Баринъ въ это не входитъ. Ей отъ него не больно честно приходится: говорить, бьеть....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А какъ зовутъ?

ПЕТРЪ.

Да ее-то — Авдотья Петровна, а барина-то — Василій Петровичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а Агафья съ кѣмъ?

ПЕТРЪ.

Воробейчиковыхъ Агафья — съ Иваномъ; изъ сосѣдняго дома лакей, важный малый.... да еще хожалый потаскивается.... Избили, чу, ее этта.... И сами передрались....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не солгалъ.... все правда! И по моему такъ выходило.... все такъ! На цѣлковый за правду....

ПЕТРЪ (принимая деньги).

Да ужъ на счетъ этого, если что узнать — не сумлѣвайтесь: тоньше меня человѣка нѣтъ.... А только бы, баринъ, надо жалованья прибавить: хлопотъ больно много....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я хочу тебя только испытать: я и безъ тебя все знаю....

ПЕТРЪ (почесывая затылокъ).

Да такъ-то такъ, только замъ этакого другаго человѣка не найти, окромѣ меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

И ты нигдѣ этакого жалованья не получишь, какъ у меня. Я и еще прибавлю, только будь вѣренъ.

(Слышенъ стукъ въ двери направо).

(Голосъ за сценой) Можно войти?

ПЕТРЪ.

Хозяйка, знать....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Можно.... А ты, Петръ, поди.

(Петръ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и ТЯНКИНА.

ТЯНКИНА (входя).

Здравствуй, сударь, Готлибъ Эрнычъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуйте. Садитесь....

ТЯНКИНА (садится).

Ну, батюшка мой, привела я къ тебѣ и красную дѣвицу.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Какую? Неужели Агафью?...

ТЯНКИНА.

Ну, нешто....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ахъ, ну вотъ хорошо!... благодарень!... А какъ же тамъ, дома, никто ся не хватится?

ТЯПКИНА.

Ну, ужь коли я за это дѣло взялась, такъ ничего не бойся: у меня и не отъ такихъ дѣловъ концы прятались.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а вамъ за это пять цѣлковыхъ, какъ сказалъ....

ТЯПКИНА.

Да на этомъ покорнѣйше благодарю.... Только вотъ что, баринъ: скажи ты мнѣ всю правду, что ты есть за человѣкъ и какія ты дѣла дѣлаешь?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужь я вамъ говорилъ, что я лекарь, магнитизеръ....

ТЯПКИНА.

Да я это слышала.... Такъ и добрымъ людямъ говорю, какъ ты велѣлъ, что-молъ, лекарь у меня постоялецъ.... мигазоръ, глазами лечитъ; начнетъ глазами мигать, изъ глазъ у него искры посыплются, въ сонъ человѣка вгонитъ, и сномъ всякая болѣзнь проходитъ, а особливо такая болѣзнь, что съ порчи на человѣка напущена. Это я все такъ и говорю.... Только ты смотри, баринъ, этимъ мигазорствомъ въ бѣду меня не введи. Сегодня надзиратель объ тебѣ у меня навѣдывался: чѣмъ, говоритъ, занимается твой постоялецъ и отчего къ нему прїѣзды такой большой? Я ему воть этими самыми словами и говорю.... А имѣетъ ли, говоритъ, онъ разрѣшеніе отъ начальства лечить этакимъ манеромъ? У насъ, говоритъ, по дѣламъ этого не видно. Надо, говоритъ, до него добратся.... Ты смотри, баринъ, чего бы не вышло, чтобы мнѣ послѣ не напрыгаться.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Развѣ вы не знаете, какія ко мнѣ знатныя особы ѣздятъ.... Я ничего не боюсь, и вы не бойтесь. А скажите квартальному, чтобы онъ ко мнѣ побывалъ. Мнѣ давно надо съ нимъ познакомиться.

ТЯПКИНА.

Да смотри: онъ уже и самъ безъ зва къ тебѣ нарѣжется, ужь я вижу.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, и прекрасно.... А вы, Анна Семеновна, служите мнѣ только вѣрно и ничего не бойтесь. Дайте мнѣ время: я скоро у васъ займу весь верхъ на нѣсколько лѣтъ, за хорошую цѣну и отдѣлаю на свой счетъ.... Ну, гдѣ же Агафья?

ТЯПКИНА.

А она у меня въ комнатѣ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Пошлите же се ко мнѣ, да скажите ей, чтобы она ничего не боялась.

ТЯПКИНА.

Ну, баринъ! Печего говорить, и безъ того не испугается: не такая дѣвка.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что?

ТЯПКИНА (уходя).

У! удалая!...

ЯВЛЕНИЕ III.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (одинъ).

О, если бы это удалось, моя карьера сдѣлана! Да и чего нельзя здѣсь сдѣлать умному человѣку?

ПЕТРЪ (выставляя голову черезъ дверь).

Пустить что ли дѣвицу-то?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Пусть войдетъ.

(Агафья входитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и АГАФЬЯ.

АГАФЬЯ (входя).

Здравствуйте, сударь.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуй, милая.

АГАФЬЯ.

Зачѣмъ, сударь, изволили требовать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что, твой Иванъ здоровъ?

АГАФЬЯ (усмѣхаясь).

Какой-съ Иванъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Твой Иванъ.... сосѣдъ....

АГАФЬЯ (ухмыляясь и манерничая).

Не знаю, сударь, про что вы говорите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А что лучше: сѣрая шинель или черный сюртукъ? а?... Они сошлись и разодрались изъ-за тебя: который сильнѣе? а?...

АГАФЬЯ (съ изумленіемъ).

Ай, да чтой-то, батюшки! Баринъ, вы колдунъ что ли?... (*оправляясь*) Да ничего этого нѣтъ и не было; вамъ все наврали на меня.... Да и что вамъ до меня, баринъ? Зачѣмъ изволили звать-то?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Хочешь, я предскажу тебѣ твою судьбу.

АГАФЬЯ.

Ну, предскажите-съ. Не больно, чай, весела выдетъ моя судьба....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, слушай: барыня тебя не любитъ и бранить.

АГАФЬЯ.

Да ужъ пашей барынь что и дѣлать, что не дѣвокъ бранить: она безъ этого изсохнетъ.... Да вы ее знаете, что ли?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я и барыню твою знаю, и тебя знаю, и всю вашу дворню знаю: Прохоръ, Савелій, Марья, Дарья.... Такъ ли?

АГАФЬЯ (улыбаясь).

Такъ, такъ! затвердили твердо. Ну, а вотъ я такъ не знаю васъ, никогда не видывала....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Меня, никто не видитъ и не знаетъ, пока я самъ не захочу показаться, а я знаю всѣхъ, всѣхъ....

АГАФЬЯ.

Ай! Ну, а вотъ у насъ Марья прессекретная дѣвка.... Путь-ка скажите, кто у нея. Ужъ вотъ никто во дворѣ не знаетъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я знаю.

АГАФЬЯ.

Ахъ, скажите: хоть бы попрекнула!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Его зовутъ Федоромъ.... по она никогда не признается, будетъ запирается.... Слушай дальше про себя.

АГАФЯ.

Федоръ.... Ну, ужъ я не забуду же, допытаюсь.... Извольте гсворить про меня-то.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Барыня у васъ всегда была сердита и не любила тебя, а съ недѣлю точно съ ума сошла: пилить тебя поминутно, каждый день....

АГАФЯ.

Ахъ, баринъ.... А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ ровно съ ума сошла.... Проходу не даетъ. И ну-те-ка что выдумала!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (перебивая ее).

Я знаю.... будто ты въ связи съ бариномъ....

АГАФЯ (хохочетъ).

Да, да.... Ну, придетъ же вѣдь этакая исторія въ голову! Кабы вы знали, баринъ-то какой.... Уморушка одна: какъ ей это въ ея башку-то втемяшилось.... Только бы вы на барина-то посмотрѣли.... (Смѣется).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Мнѣ нечего смотрѣть: я и отсюда вижу.... Онъ толстый, задышается, лицо красное, больше лежитъ, ходитъ мало....

АГАФЯ.

Ну такъ, такъ.... Какъ есть, — вылитый.... Да какъ вы это все знаете? право, баринъ, вы либо колдунъ, либо ужъ я не знаю что....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я не колдунъ, но мнѣ Богъ далъ такую силу, что я могу видѣть человѣка издали и знаю все, что онъ думаетъ и дѣлаетъ... Ну, молчи и слушай, что будетъ съ тобой.

АГАФЯ.

Ну-съ, извольте.... Ахъ, баринъ, мнѣ ужъ ровно и страшно стало съ вами.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не бойся: черезъ меня тебя ожидаетъ счастье. Я увидѣлъ, что тебя обижаютъ по-напрасну. И знаешь, что я для тебя сдѣлаю. Ты будешь вольная и будешь жить со мной въ богатствѣ и роскоши, какъ барыня....

АГАФЯ (весело смѣется).

Ну, ужъ вотъ такъ, баринъ, выдумали сказку. Отъ нашей барыни вольная. Да и съ вами жить, да и барыней.... Ха, ха, ха....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ. (строго).

Не смѣйся, когда я говорю.... Я могу все сдѣлать, все зависить отъ меня, только ты должна повиноваться мнѣ въ теченіе одного вечера и исполнять все, что я тебѣ прикажу.... Вотъ смотри на часы: теперь безъ четверти 11 часовъ. Я хочу, я приказываю, чтобы около 11 часовъ пріѣхала сюда твоя барыня, и она непременно явится.... Повѣришь ты тогда моей силѣ?...

АГАФЬЯ.

Ужъ я не знаю, сударь, что мнѣ и говорить-то. Вы такіе страхи на меня напустили! Ужъ, право, къ чему вы хотите меня подвести?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, смотри же: черезъ нѣсколько минутъ пріѣдетъ ко мнѣ твоя барыня и ты сама услышишь.

АГАФЬЯ.

Ахъ, нѣтъ! такъ, сударь, позвольте мнѣ домой бѣжать: коли она меня здѣсь увидитъ, такъ вѣдь мнѣ не больно сладко придется отъ нея....

ПЕТРЪ (быстро входитъ).

Барыня Воробейчикова пріѣхала.

АГАФЬЯ (испугавшись).

Ахъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (Петру).

Попроси подождать въ сѣняхъ, а когда закашляю, зови ее сюда.... (Петръ уходитъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (Агафѣ).

Не бойся ничего. Ты видишь, — мнѣ стоило только подумать и она ужъ является.... Поди вотъ сюда за эту драпировку; сидь тутъ и молчи, не ворочайся.... Слушай хорошенько, что будемъ говорить.

АГАФЬЯ.

Ахъ, батюшки мои, зачѣмъ я только пошла, сударь, къ вамъ?... А ну, какъ я не ссизу: поворочусь какъ, али чихну, али кашлянну?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Старайся молчать. Ничего не бойся.... Слушай же хорошенько,... Ну, ступай же...

АГАФЬЯ (идя за драпировку чуть не со слезами).

Какъ бы знала, кажись.... ни за что бы не пошла.... (Скрывается за драпировкой).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (тщательно задерживаетъ драпировку, кашляетъ и садится на диванъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (входя).

Здравствуйте, Готлибъ Эрнстовичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (сурово).

Я вамъ велѣлъ явиться ровно въ 11 часовъ, а вы пріѣхали раньше....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (сконфузившись).

Ахъ, извините.... Я думала, что теперь 11 часовъ.... Вѣрно какъ нибудь.... часы....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Садитесь.... Я сердитъ на васъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

За что это, Готлибъ Эрнстовичъ? Чѣмъ я такъ несчастна?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы у меня подъ покровительствомъ, я устремилъ на васъ свою силу; а вы губите себя, приготовляете себѣ ужасное несчастіе.... Если вы будете такъ поступать, васъ скоро не будетъ на свѣтѣ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (съ ужасомъ и отчаяніемъ).

Ахъ, я предчувствую, что я такая несчастная... Но что же я такое дѣлаю? Научите, спасите меня. Я жепщина несчастная во всей моей жизни.... Но что я такое дѣлаю? И какая еще грозитъ мнѣ бѣда? Ахъ, ахъ, Боже мой!..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Зачѣмъ вы преслѣдуете Агафью, зачѣмъ упрекаете вашего мужа?

ВОРОБЕЙЧИКОВА (со слезами).

Ахъ, онъ только смѣется надъ моими упреками и меня же называетъ душой....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но знаете ли вы, умѣете ли понять, что у него въ душѣ и что онъ скрываетъ за этимъ смѣхомъ. Вы возбуждаете въ его душѣ ярость; каждая обида, которую вы наносите Агафѣ, увеличиваетъ въ немъ злость противъ васъ. Вы понимаете, на что онъ можетъ рѣшиться, и въ душѣ его уже зрѣетъ замыселъ!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, онъ хочетъ меня отравить. О, я давно это подозрѣвала. Онъ на все способенъ. Ахъ, Господи, что будетъ со мной несчастной? онъ и сегодня ночью подавалъ мнѣ воды.... Ахъ, ахъ!... Можетъ быть, уже я и теперь отравлена.... ахъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Успокойтесь: я бы зналъ, еслибъ это было. Нѣтъ, вы не отравлены. Успокойтесь....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, успокойте меня; я такъ вѣрю вашимъ словамъ. Успокойте меня. Я страдала за свою любовь къ мужу....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я принимаю въ васъ участіе, я хочу вамъ помочь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (со слезами).

Ахъ, помогите мнѣ, спасите меня!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Слушайте: только тогда вашъ мужъ будетъ излеченъ отъ своей страсти и вы останетесь въ безопасности, когда Агафя сама признается во всемъ; но къ этому можетъ принудить ее только моя сила; я могу ее усыпить при васъ и во снѣ она расскажетъ все.... Хотите, чтобы я это сдѣлалъ?...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, ради Бога....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но я въ такомъ только случаѣ берусь за это, если послѣ моего сеанса Агафя ни минуты не останется въ вашей власти. Поймите: мнѣ очень трудно будетъ заставить ее говорить, и весь мой трудъ пропадетъ даромъ, если она останется послѣ того въ вашемъ домѣ, потому что тогда гибель ваша неизбежна....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, полноте, стану ли я держать ее у себя? лишь бы она только призналась, я ее тотчасъ же даромъ отдамъ кому угодно....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но развѣ мужъ вашъ не можетъ купить ее назадъ и возвратить къ себѣ? Потомъ, изъ страха вашей мести, она готова будетъ погубить васъ; да наконецъ я не хочу, чтобы чрезъ мое вмѣшательство кто нибудь страдалъ: я употребляю свою силу только для счастья людей; а если бы я захотѣлъ вредить, тогда бы все погибало отъ одного моего взгляда.... У меня больше могущества для зла, но я добръ и не хочу вредить людямъ. Такъ вотъ вамъ два условія: или вы дайте Агафѣ вольную и я возвращу вамъ спокойствіе и вѣрность мужа, или я отказываюсь отъ всякаго вмѣшательства и не ручаюсь за вашу жизнь.... Выбирайте....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Но какъ же я дамъ вольную этакой мерзавкѣ, которую надо бы упрятать куда нибудь за ея поступки, чтобы она помнила, что значить быть соперницей барыни....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, въ такомъ случаѣ нечего и вамъ ждать отъ меня помощи. Позвольте съ вами проститься....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не оставляйте меня въ такомъ ужасномъ положеніи!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Это отъ васъ зависитъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я согласна на все, только не оставляйте меня. Дайте мнѣ вашу руку. Я готова всею пожертвовать для васъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Сударыня, я служу всему человѣчеству.... Я исключеніе изъ людей; мнѣ дана такая сила, которой никто не имѣетъ. Я долженъ дѣлать добро слабымъ людямъ и хочу его дѣлать. Я лѣчу бѣдныхъ безвозмездно и знаю, что многіе молятся за меня.... Я вижу, что у васъ добрая душа, что вы страдаете, и хочу вамъ помочь, но не хочу, чтобы чрезъ добро для васъ кто нибудь пострадалъ, хоть бы даже и эта виновная Агафья.... не мнѣ се наказывать!... И вы, если хотите получить отъ меня помощь, не должны ей вредить, а то сила моя, вмѣсто добра, принесетъ вамъ несчастіе.... Я не богатъ, оттого что люблю людей и часто жертвую своей силой даромъ, между тѣмъ какъ мнѣ стоитъ захотѣть и золото со всѣхъ сторонъ понесутъ ко мнѣ. И вамъ по-

ночь я хочу не изъ корысти, а только потому, что полюбилъ васъ: въ доказательство этого я ничего не возьму съ васъ за сеансъ съ Агафьей. Я сдѣлаю для васъ добро даромъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этого....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, это ваше дѣло.... Теперь дайте мнѣ вашу руку и смотрите мнѣ прямо въ глаза; я скажу вамъ, что вы думаете и чувствуете....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (подавая руку и жеманясь).

Ахъ, мнѣ такъ трудно смотрѣть въ ваши глаза, изъ нихъ такъ и сыплются искры. Ахъ, нѣтъ я право не могу.... *(то опускаетъ, то поднимаетъ глаза)*. Что за глаза!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (пристально смотреть на нее нѣсколько времени).

Сейчасъ вы думали очень много дурнаго: вамъ жалко дать вольную, вамъ жалко потерять слугу; подъ вліяніемъ скупости вы начинаете даже подозрѣвать меня; не вѣрите моимъ словамъ и думаете: не обманываетъ ли онъ меня?... *(Отталкиваетъ ее руку)*. Нѣтъ, вы не стоите моего вниманія и участія....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (хватая его руку).

О, простите меня, простите.... Вы удивительный, вы необыкновенный человѣкъ!... Да, это правда, что вы говорите: я не могу скрыть предъ вами своихъ мыслей. Но теперь я вамъ вѣрю, вѣрю и готова все дѣлать, что вы прикажете....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (смотря на нее).

Да, теперь вы говорите искренно. Я васъ прощаю. Но помните, что тотъ, кто колеблется въ довѣріи ко мнѣ — вызываетъ на себя мой гнѣвъ. А худо тому человѣку, на кого этотъ гнѣвъ обрушится. Помните это.... Дайте-ка мнѣ вашу руку. *(Воробейчикова подаетъ)*. Что это? Агафья бѣжала отъ васъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (въ тревогѣ).

Неужели?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, но она воротится.... Погодите.... Когда? Воротится послѣ завтра въ 5 часовъ вечера. Она имѣла дурной замыселъ противъ васъ, но онъ ей не удастся. Ну, такъ всего лучше: послѣ-завтра будетъ мой сеансъ, а къ тому времени вы приготовьте отпускную и предъ началомъ сеанса отдайте мнѣ ее... Мужа вашего не должно быть тутъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я и не подумала объ этомъ. Куда же мнѣ его дѣвать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Постарайтесь, чтобы уѣхалъ куда нибудь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, онъ вѣдь почти никуда не ѣздитъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь знакомыхъ, куда бы я могъ пріѣхать.... Погодите.... Дайте руку.... У васъ есть знакомая Александра?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Есть, есть....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

У нея въ домѣ Софья, Вѣра....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да! Ахъ, это удивительно, ахъ, что за чудо такое!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вотъ у нихъ. Они будутъ рады....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вообразите, что я хотѣла васъ просить съѣздить именно къ этимъ знакомымъ. Я имъ говорила объ васъ, и они непременно хотѣли васъ видѣть. Боже мой, что вы за необыкновенный человѣкъ! Это просто удивительно, сверхъестественно! Ахъ Готлибъ Эрнстовичъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну-съ, такъ до свиданья! Ужъ извините, я усталъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Прощайте, прощайте, до свиданія. Я все сдѣлаю, что вы приказываете.... А объ Агафѣ, если въ самъ-дѣлѣ бѣжала, не беспокоиться?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Она бѣжала, но послѣ завтра воротится: я вамъ сказалъ вѣдь ужъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вѣрю, вѣрю! Буду вѣрить во всемъ, всегда. Это просто непостижимо! До свиданія, до свиданія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Прощайте.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А завтра мнѣ позволите къ вамъ пріѣхать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, завтра сельзя, а послѣ завтра пожалуйста, чтобы увидѣть, какъ и гдѣ вы все устроите.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Хорошо, хорошо, непременно.... Прощайте. Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, вѣдь, это просто непостижимо! Но я васъ задерживаю. Прощайте.... Непостижимый человѣкъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и АГАФЬЯ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*выждавъ, когда Воробейчикова уѣхала, говорить за двери Петру*).

Петръ, больше никого не принимать. (*Идетъ къ драпировкѣ и открываетъ ее*) Ну, Агафья, выходи теперь (*Агафья выходитъ*). Ну, слышала ли?

АГАФЬЯ.

Слышала, слышала. Ахъ, баринъ! Да что вы за баринъ такой и вправду... Такъ неужто я и въ самомъ дѣлѣ вольная буду?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Будешь, если сдѣлаешь все, что велю послѣ завтра вечеромъ.

АГАФЬЯ.

И вольная буду?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Будешь.

АГАФЬЯ.

Совсѣмъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Совсѣмъ.

АГАФЬЯ.

Ну, просто ума помраченье. Вотъ чего никогда не ожидала, не чаяла... Да что съ нашей-то сдѣлалось? Да какъ это она во всемъ вѣрить-то да слушаетъ-то васъ?.. Ну, баринъ! Этакую жидовку обработать... Такъ за носъ и водить... И что выдумалъ! Что про меня-то выдумать!.. А она вѣрить... ха, ха, ха... Ну-у!.. вы хитры, да ужъ и она дура, даромъ что барыня моя. Плететъ ей турусы на колесахъ,, а она слушаетъ, вѣрить... ха, ха, ха...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (строго).

Чему же ты смѣешься? Ты видишь, что твоя судьба зависить отъ меня: захочу, и ты будешь вольная, а не захочу,—подумай, что съ тобой будетъ...

АГАФЬЯ.

Ужъ извините, сударь, не прогибвайтесь. Я право тутъ и ума не приложу, что это за диковинное дѣло такое... Только мнѣ на свою—то очень смѣшно, что какъ вы ей помыкаете...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Чего ты не понимаешь, о томъ не должна и разсуждать. Ты должна только помнить, что я хочу сдѣлать тебѣ добро: ты будешь вольная... Желаетъ ты этого?

АГАФЬЯ.

Какъ, сударь, не желать... На вѣки за васъ Бога должна молить... Только какъ бы мнѣ въ бѣду не попасть какую,—ужъ очень вы мудреное нѣчто затѣиваете...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ты видишь, что я имѣю власть надъ твоей госпожей: она сдѣлаетъ все, что я ни захочу... Мнѣ хочется сдѣлать тебя вольной, чтобы ты жила у меня... понимаешь?... Только для этого нужно, чтобы ты сдѣлала то, что я тебѣ прикажу... Согласна?..

АГАФЬЯ (опуская глаза съ притворною скромностью).

Извольте-съ, коли станетъ моего умѣнья...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, это не трудно, я тебя научу. Ты теперь не пойдешь домой, а останешься у меня... Барыня твоя будетъ думать, что ты бѣжала...

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (входя съ нѣкоторою робостью):

Надзиратель пришелъ... требуетъ васъ видѣть.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вѣдь я тебѣ сказала: никого не принимать...

ПЕТРЪ.

Да я и говорилъ ему, что вамъ теперь некогда... Такъ скажи, говорить, что мнѣ нужно по дѣламъ службы...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подумавъ).

Ну, хорошо! Проси его сюда... А ты, Агафья, пооди въ ту комнату... вотъ за драпировку — и сейчасъ дверь направо... Тутъ мой кабинетъ... Я сейчасъ освобожусь...

(Агафья и Петръ уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Честь имѣю кланяться... Извините, что обезпокоилъ... Надзиратель здѣшняго квартала Золотунчиковъ...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Очень радъ познакомиться (подаетъ ему руку). Не угодно ли садиться?..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (саясь).

Вы господинъ Зильбербахъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я самый. Что вамъ угодно?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Вы изволите здѣсь жить?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, я здѣсь квартирую...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

До сихъ поръ не имѣлъ удовольствія съ вами познакомиться... Вы иностранцы?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, иностранецъ. Мой паспортъ предъявленъ въ полиціи...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Очень знаю-съ... Но не имѣлъ чести быть лично знакомъ съ вами... А наша служба, знаете, требуетъ полной извѣстности, потому — такая наша обязанность полицейская. Я отвѣчаю за всѣхъ обывателей своего квартала передъ начальствомъ... И начальство предписываетъ намъ имѣть полныя свѣдѣнія насчетъ всѣхъ своихъ обывателей... Позвольте узнать, вы чѣмъ изволите заниматься?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я?.. ничѣмъ...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Какъ ничѣмъ-съ?.. То есть какъ же это?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Такъ, ничѣмъ...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

То есть какъ же ничѣмъ-съ? Наше начальство такого отзы-
ва не приметъ. У насъ въ Россіи каждый человѣкъ долженъ
имѣть какое нибудь занятіе... потому, знаете, безъ всякаго за-
нятія даже можетъ быть вредно для нравственности... (*Съ лука-
выми видомъ*) И притомъ даже можетъ быть отъ этого скучно ..
Нѣтъ-съ, безъ этого нельзя... У каждого человѣка должно быть
какое-нибудь занятіе...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, пожалуй, и у меня есть занятіе: я пью, ѣмъ, сплю, ѣзжу
въ гости...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (*съ улыбкою*).

Помилуйте, какія же это занятія... Это такъ сказать обяза-
ности человѣка предъ природою, а не занятія...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А развѣ нѣтъ людей, которые ничего другаго не дѣлаютъ,
кромѣ исполненія этихъ обязанностей?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да нѣтъ-съ, позвольте: то совсѣмъ другое.... Тѣ люди такъ
живутъ отъ большаго состоянія....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А почему вы знаете, какое у меня состояніе?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Помилуйте, я васъ обижать не хочу: я ничего не знаю, какое
у васъ состояніе, можетъ быть и очень значительное. Но вотъ
изволите видѣть: у насъ въ Россіи ужъ такъ заведено, что всякій
имѣетъ свое занятіе: купецъ, напримѣръ, производитъ торговлю,
помѣщикъ имѣетъ своихъ крестьянъ, ремесленникъ занимается
своимъ мастерствомъ, чиновникъ своей службой....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а я, видите ли, не купецъ, не помѣщикъ, не ре-
месленникъ и не чиновникъ.... чѣмъ же мнѣ прикажете за-
ниматься?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Если вы не имѣете никакихъ занятій, значитъ вы здѣсь нахо-
дитесь никогниго. Съ такомъ случаѣ я долженъ буду довести

о васъ чрезъ свое начальство до свѣдѣнія его превосходительства господина оберъ-полицмейстера....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я не никогнито.... Вы видѣли мой паспортъ и знаете мою фамилію.... Да скажите наконецъ яснѣе: чего вамъ отъ меня угодно?... Чтѣмъ за дѣло, чѣмъ я занимаюсь?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Если вы начинаете мнѣ дерзости говорить, такъ я не для дерзостей пришелъ. Отъ насъ это начальствомъ требуется. Въ такомъ случаѣ я долженъ буду довести до свѣдѣнія начальства, что въ моемъ кварталѣ проживаетъ человѣкъ изъ иностранцевъ, не имѣющій никакого занятія.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, что же, доносите....

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А между тѣмъ извѣстно мнѣ, что къ нему каждодневно прѣзжаютъ разнаго рода неизвѣстные мнѣ люди, и въ чемъ проводятъ они время, мнѣ неизвѣстно. Въ народѣ же идетъ молва, что господинъ Зильбербахъ занимается лѣченіемъ неизвѣстными средствами и предсказаніемъ будущаго, не имѣя на то разрѣшенія отъ медицинскаго начальства. Сія народная молва подтверждается и показаніями хозяйки дома, въ которомъ господинъ Зильбербахъ имѣетъ свое квартированіе. Предупреждаю васъ, что я долженъ буду донести такимъ образомъ, и напередъ вамъ говорю, что пріятности вамъ отъ этого никакой не будетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, полноте, господинъ надзиратель.... чѣмъ намъ ссориться, лучше будемте друзьями.... Позвольте узнать ваше имя?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да мое имя — Николай Ивановичъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Полноте, Николай Ивановичъ, не заводите со мной ссоры, а лучше познакомитесь покороче. Ссора со мной вамъ не принесетъ никакой пользы, а если мы будемъ жить въ миру, такъ я вамъ же могу быть полезенъ, потому что изъ числа моихъ знакомыхъ есть очень знатныя дамы.... Я вамъ признаюсь откровенно: я точно лечу магнетизмомъ, я магнетизеръ, но не имѣю разрѣшенія отъ медицинскаго начальства, и хотя въ силѣ моего магнетизма не можетъ быть никакого сомнѣнія, но ваши доктора изъ зависти помѣшаютъ мнѣ получить дозволеніе прак-

тиковать открыто. Такъ будьте вы честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, не мѣшайте мнѣ дѣлать добро: есть болѣзни, которыхъ ничѣмъ нельзя вылѣчить, кромѣ магнетизма. Зачѣмъ же пропадать моей силѣ даромъ?...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да вотъ изволите видѣть, конечно я очень вамъ вѣрю, только вѣдь отвѣтственность—то наша очень велика, если въ случаѣ чего нибудь....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Э, не опасайтесь, пожалуйста, ничего.... Вы поймите, я лѣчу большею частію богатыхъ и знатныхъ дамъ, которыя всегда за меня вступятся.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да это я очень хорошо понимаю, и конечно до высшаго начальства это скоро не дойдетъ. Да вѣдь у меня есть ближайшее начальство — частный приставъ. — Ну, случится, что онъ узнаетъ какъ нибудь мимо меня. Вѣдь тогда мнѣ очень не хорошо будетъ. Ты, скажетъ, братецъ, чего смотришь. Какой же, скажетъ, ты кварталный надзиратель? Или, скажетъ, ты нарочно скрывалъ отъ меня, чтобы одному пользоваться?... И мало ли что онъ можетъ подуматъ! У насъ передъ начальникомъ будь открытъ всѣмъ сердцемъ и всей душой.... Конечно вы, какъ иностранецъ, можетъ быть нашихъ служебныхъ порядковъ не знаете. Впрочемъ вотъ которые изъ иностранцевъ да пообживутся у насъ, такъ еще лучше русскихъ бываютъ.... всегда гораздо признательнѣй. Это надобно къ ихъ чести сказать.... Особенно въ нынѣшнія времена, какъ у насъ это вольнодумство завелось.... иностранцы гораздо признательнѣй русскихъ стали.... Вы давно ли изволите находиться въ Россіи?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я ужъ давно, только я прежде жилъ въ западныхъ губерніяхъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Ну, такъ вамъ должно быть все извѣстно. Я полагаю вездѣ все одни порядки.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я очень хорошо все знаю, — и будьте увѣрены, вы будете мной довольны.... Только признаюсь вамъ, теперь еще пока я только начинаю практику, она еще въ плохомъ состояніи. Вы видите: и квартира маленькая, и мебель дурная....

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (осматриваясь).

Нѣтъ, ничего....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, полноте, то ли будетъ въ послѣдствіи, когда меня узнаютъ побольше.... А теперь пока для начала.... *(Шепчетъ ему что-то на ухо, потомъ говоритъ вслухъ)* Довольно?

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (отрывисто и не-
смотря на него).

Какъ вамъ угодно...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а потомъ, когда устроюсь, конечно уже тогда и болѣе..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (тѣмъ же тономъ).

Какъ вамъ угодно... Я вѣдь не настаиваю. Для будущаго.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Позвольте мнѣ на минутку *(уходитъ за драпировку. Въ от-
сутствіе его квартальный надзиратель молча осматриваетъ ко-
мнату)*.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (возвратившись, садится око-
ло квартальнаго и подаетъ
ему что-то въ руку).

Вотъ на первый разъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (молча киваетъ го-
ловой).

Я смотрю, — славныя зеркала. Ваши или хозяйскія?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Мои...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Позвольте же узнать ваше имя и отчество?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Готлибъ Эрнстовичъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Впрочемъ у иностранцевъ, кажется, по отчеству не назы-
ваютъ. Это только мы русскіе... Вы изъ евреевъ или нѣтъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я нѣмецъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А, нѣмцы славный народъ, только скупеньки... Хе, хе, хе!..
Я люблю нѣмцевъ. Вотъ въ моемъ кварталѣ у меня есть боль-
шой пріятель нѣмецъ, булочникъ. Зайдешь этакъ иногда. Ну,
что? скажешь. Пишовой! говорить... Ну, что, водка есть? — А,
водка, мощно! говорить. Пресмѣшной... А вы водки не пьете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, не пью. Но если вамъ угодно, я велю сейчасъ по-
дать.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (разсѣянно).

Нѣтъ, я не къ тому, а впрочемъ...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Эй, Петръ!

ПЕТРЪ (входя).

Чего изволите?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Подай сюда водки поскорѣе.

ПЕТРЪ.

Сейчасъ. (*Уходитъ*).

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Да напрасно. Что это у васъ, — нанятой? (*Указывая на Петра*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нанятой.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Хорошій человѣкъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, хорошъ!..

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И расторопенъ? проворный?

(Петръ вноситъ подносъ съ водкой и закуской).

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

А, братецъ, проворенъ. (*Къ Готлибу Эрнстовичу*). По-рус-
ски, съ хозяина начинать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, я не пью.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (наливая рюмку).

Напрасно! Это иногда не мѣшаетъ... (*Выпиваетъ*). Ну, лю-
безнѣйшій Готлибъ... какъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Эрнстовичъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Эрнстовичъ, такъ какъ же, полѣчиваете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, лѣчу.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (закусывая).

Этимъ... магнетизмомъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И помогаетъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Почти всегда въ иныхъ болѣзняхъ.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Гм... Лѣчите, лѣчите... Давай вамъ Богъ... (*Наливаетъ рюмку*) Слыхалъ и я, что очень помогаютъ иные. Когда случится, не оставьте и насъ (*выпиваетъ*). Ну, а скажите пожалуйста, какъ вы до этого достигли: изъ книгъ, отъ ученья, или такъ, отъ себя? (*закусываетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Книги этому не научатъ, для этого нужна особенная, врожденная сила...

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (*съ легкимъ вздохомъ*).

Да, премудрость... И какъ же эта сила... въ глазахъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

И вы только и дѣйствуете, что глазами?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только глазами.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ.

Скажите... (*Наливаетъ рюмку и выпиваетъ*). То-то, я думаю, барыни-то, барыни-то наши... воображаю... Хе, хе, хе... Вы же, батюшка, природой-то одарены.... Лафа вамъ... а? хе, хе, хе... (*Послѣ краткаго молчанія*) Однако (*быстро наливаетъ рюмку и выпиваетъ*) сколько видно ни сиди, а хозяину надо дома оставаться, а гостю домой идти. (*встаетъ*) Прощайте, почтеннѣйшій, (*подастъ руку*) желаю вамъ всякаго успѣха. Милости прошу ко мнѣ. Будьте знакомы... Право, что же?.. Заходите когда... И я когда къ вамъ заверну.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Благодарю васъ. Заходите.

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ (*уходя*).До свиданія (*уходитъ*).ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*вслѣдъ ему, злобно*).*Schwer not.*(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Александры Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢВНА и ВѢРА СЕРГѢВНА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я тебѣ сказала, Вѣра, что я не хочу, чтобы этотъ человѣкъ бывалъ въ моемъ домѣ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Тетенька, простите его, онъ раскаивается, что огорчилъ васъ, и готовъ просить прощенія.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не надо мнѣ его извиненій: пусть только оставитъ меня въ покоѣ. Я не могу терпѣть тѣхъ людей, которые позволяютъ себѣ въ моемъ домѣ вольности... И кто же, кто?... какой нибудь Троеруковъ!.. Что онъ такое? мелочь, ничтожество!..

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Не говорите такъ, тетенька, про Сергѣя Николанча. Вы знаете, что я люблю его.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не хочу я знать этой любви: я на нее тебѣ своего согласія не давала. Или ты хочешь безъ моего благословенія выйти замужъ? Да, вѣдь вы бѣжать съ нимъ хотите, обвиняться потихоньку. Такъ знай, тогда я отрекаюсь отъ тебя. Не надѣйся, что я прощу тебя. Я не изъ такихъ. Нога твоя въ моемъ домѣ не будетъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Не беспокойтесь, тетенька, я ни на что не рѣшусь безъ вашего согласія. Я знаю, что мнѣ грѣхъ будетъ огорчить васъ. Вы мнѣ вторая мать. Я вамъ всеѣмъ обязана.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (смягчаясь).

Ну, такъ и нечего его тебѣ любить. Эту глупость надо выкинуть изъ головы. И подумай, мой другъ, пара ли онъ

тебѣ: ни чину, ни состоянію. И къ тому же невѣжа: не умѣетъ себя держать въ порядочномъ обществѣ. Видитъ, что у меня сидитъ женщина, съ которой и я обращаюсь съ уваженіемъ... потому что такихъ людей не только уважать надо, а благоговѣть передъ ними, потому что они наши наставники... онъ вдругъ: я тебя въ острогъ посажу!... Ну, что это? подумай. Какимъ надобно быть человѣкомъ, чтобы позволить сказать себѣ это! И что онъ-то такое?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Конечно, тетенька, онъ тогда очень глупо и неосторожно выразился: онъ самъ въ этомъ раскаивается. Но, вѣдь и эта Аксиньюшка вывела его изъ себя: стала говорить на его счетъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А-а, стало быть онъ заслужилъ того.... Аксиньюшка не стала бы говорить такъ про него, если бы въ немъ этого не было. Такіе люди видятъ всю душу человѣка. Вѣдь, она не стала же говорить про меня ничего дурнаго.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Но что же ему дѣлать, тетенька, если онъ не вѣритъ во всѣхъ этихъ предсказателей?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Во что же онъ вѣритъ послѣ этого?... Значитъ, ужъ онъ совсѣмъ потерянный, невѣрующій человѣкъ. Чего же послѣ этого ждать отъ него? Можетъ ли онъ быть хорошимъ мужемъ и отцомъ? Нѣтъ, правду говорила про него Аксиньюшка, что онъ думаетъ только получить состояніе и прибрать къ рукамъ меня, старуху, и что онъ вовсе не любитъ тебя... что у него и безъ тебя есть много....

ВѢРА СЕРГѢВНА (вспыхнувъ).

Все это вздоръ, вздоръ.... Ахъ, тетенька, зачѣмъ вы вѣрите этимъ юродивымъ?—они васъ только обманываютъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Прекрасно! безподобно!... Видно и тебя ужъ онъ успѣлъ просвѣтить? Да позволь тебя спросить, что я — глупѣе тебя что ли? или меньше твоего на свѣтѣ жила? Отчего же это я вѣрю Аксиньюшкѣ? И развѣ я могу ей не вѣрить, когда она открываетъ мою душу, мои тайныя мысли?

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

А мнѣ-то, тетенька, рассказала всю мою жизнь.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, вотъ!... А ты про такого человѣка говоришь, что она обманываетъ.... Къ чему же послужило тебѣ все мое воспитаніе? Спасибо, племяненка! Аксиныюшка, этакая блаженная, которая можетъ быть голодомъ себя морить, цѣлыя ночи молится, — она станетъ обманывать!... Нечего сказать, умно....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, тетенька, если не обманываетъ, такъ можетъ ошибаться.... вѣдь она человѣкъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Никогда не можетъ ошибаться.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Полно, Вѣра, какъ ты заразилась идеями Сергѣя Николаича. Хоть бы ты сегодня-то не приглашала его, а то ужъ при магнетизерѣ онъ, пожалуй, такую же сцену пріятную сдѣлаетъ, какъ и съ Аксиныюшкой.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, Вѣра Сергѣевна, я напередъ тебѣ говорю, что если онъ, ужъ, когда будетъ у насъ магнетизеръ, если онъ хоть слово позволитъ себѣ сказать противъ него, я велю его вывести. Да прошу ему объявить, чтобы это былъ его послѣдній визитъ ко мнѣ. Нѣтъ, я вижу, что онъ производитъ на тебя самое дурное вліяніе.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Я вамъ даю честное слово, что онъ ничего не будетъ говорить противъ магнетизера.... (твердо). Но отказать ему отъ дома я, тетенька, не могу. Послѣ васъ онъ для меня дороже всего на свѣтѣ. Я вамъ сказала, что безъ вашего согласія я ни на что не рѣшусь, позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ видѣть человѣка, котораго я люблю....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Что же изъ этого будетъ, милая Вѣра?... Присутствіе человѣка, котораго ты любишь, который въ тебя влюбленъ, и за котораго тебѣ нельзя выдти за мужъ, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія: дѣвушка никогда нельзя за себя ручаться....

ВѢРА СЕРГѢВНА (вспыльчиво).

Оставь меня, Софья, въ покоѣ. Сколько разъ я просила тебя никогда не принимать во мнѣ участія. Я ни твоихъ совѣтовъ, ни заботъ о себѣ не прошу, не прошу, не желаю....

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА (съ притворно-равнодушной улыбкой).

Зачѣмъ же такъ горячиться? Я ничего не сказала обиднаго для тебя. Я говорила вообще обо всѣхъ дѣвицахъ и полагаю, что ты изъ нихъ не исключеніе. Я вѣдь не сказала, что ты въ связи съ твоимъ Троеруковымъ, а только говорю, что весьма короткія отношенія съ молодымъ человѣкомъ и неприличны и не безопасны....

ВѢРА СЕРГЬЕВНА.

Я тебѣ говорю — оставь, не тронь меня. Я все понимаю, къ чему что говорится, все....

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (быстро входитъ при послѣднихъ словахъ Вѣры Сергѣевны).

Что, что? что за споръ?... въ чемъ дѣло?... Здравствуйте, моя голубушка, Александра Ивановна (*цалуется съ нею*). Здравствуйте, *mesdames*. Ну что, объ чемъ спорите? (*подаетъ имъ руки и садится*).

(Вѣра и Софья, принужденно улыбаясь, не отвѣчаютъ).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да впрочемъ—что намъ теперь спорить? Вотъ сейчасъ къ вамъ придетъ такой человѣкъ, который все вамъ расскажетъ. Ахъ, право, *mesdames*, какъ я рада, что вы его увидите. Ахъ, голубушка, Александра Ивановна, лѣчитесь у него и больше ни у кого, онъ чудеса дѣлаетъ. Вотъ сами увидите....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ улыбкой).

А у меня вотъ невѣрующая завелась: ничему не вѣрить, и Аксиныюшкѣ не вѣрить....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Кто это?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вотъ Вѣра Сергѣевна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, пѣтъ, вѣрьте, *mon ange* (*со вздохомъ*). Какъ можно не вѣрить? вѣрьте! Ахъ, это такіе люди.... Но что вы увидите сегодня, это необыкновенно! Представьте: вѣдь Агафья-то

моя явилась!... Билась, билась, допрашивала ее, гдѣ была? Ничего не сказываетъ: сама, говорить, не знаю, гдѣ бродила. Зачѣмъ же ты убѣжала? Тоска, говорить, меня одолѣла.... Ну, какая тоска?... Вѣдь я ее, кажется, не уморила съ голода; посмотрите, какая рожа.... Ну, да ужѣ все расскажетъ, голубушка. Я ей ничего не сказала, а привезла сюда будто проводить. Боюсь, какъ бы отсюда-то не бѣжала.... да ужь я просила вашихъ дѣвушекъ присмотрѣть за ней. Помните ли вы, *mesdames*, его имя? смотрите, не забудьте: Готлибъ Эрстовичъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Какъ же это, Ольга Федоровна? Готлибъ, это имя нѣмецкое, а вы говорили, что онъ грекъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, *ma chère*, онъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ Грекъ и родился въ Египтѣ. А видите ли, какъ это, должно быть, случилось.... Онъ мнѣ рассказывалъ всю свою жизнь. Ахъ, сколько онъ перенесъ несчастій! Видите ли, отецъ у него былъ грекъ, а мать армянка.... но онъ ихъ не помнитъ; они умерли, когда еще онъ былъ ребенкомъ. Потомъ его увезли.... въ Пруссію?... да именно, въ Пруссію.... это вѣдь тоже нѣмцы, знаете.... и вотъ тамъ, должно быть, дали ему нѣмецкое имя.... ахъ, сколько перенесъ этотъ человѣкъ!... А знаете ли, *mesdames*, я вамъ скажу какую радость: онъ нашей вѣры. Онъ мнѣ самъ сказалъ.... Ахъ, право, голубушка, Александра Ивановна, какъ я рада за васъ, что вы съ нимъ познакомитесь: онъ вамъ поможетъ въ вашей болѣзни, непременно поможетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Дай Богъ. Я бы очень была вамъ благодарна. Ужъ мнѣ мои болѣзни, кажется.... Дай вамъ Богъ здоровья, что вы обо мнѣ заботитесь.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, полноте, моя родная... если бы вы знали, какъ я васъ люблю! Право, какъ родную.... (*къ Виръ Сергѣевичу*). А вы что задумались, *mon ange*?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, такъ, ничего....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А что же, Сергѣй Николаичъ будетъ сегодня?...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Хотѣлъ быть.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, я очень рада!... (*вполголоса*). Вотъ мы ужò его обо всемъ спросимъ.... (*вслухъ*). Ахъ, что-то онъ мнѣ скажетъ? Боже мой, если бы кто зналъ, въ какой я тревогѣ все это время: просто ни жива, ни мертва, рѣшительно измучилась; обѣ эти ночи совсѣмъ не сплю.... И повѣрите ли, какъ только забудусь, усну, сейчасъ мнѣ представляется, что меня хотятъ зарѣзать, убить, или отравить, и что онъ вдругъ въ самую рѣшительную минуту является моимъ избавителемъ. Такъ вздрогну, проснусь, сердце, сердце такъ и бьется, выпрыгнуть хочется.... Ахъ! это мое счастье, что я отыскала этого человѣка. Что бы со мной было безъ него?... ахъ, я ужь не знаю!... Вы еще кого приглашали сегодня или нѣтъ?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я не приглашала, а проговорилась Авдотѣ Петровнѣ.... Та стала убѣдительно просить позволенія пріѣхать....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Не знаю, не разсердится ли онъ, что будутъ постороннія. Впрочемъ, что же, вѣдь это къ его славѣ.... Ахъ, Боже мой, что ужò будетъ со мной.... Просто сердце дрожить.... А вы, *mon ange*, Вѣра Сергѣевна, если что ужò будетъ Агашка говорить этакое.... знаете, непозволительное для дѣвушки.... вы ужь выйдите, *ma chère*.... Впрочемъ нѣтъ, я думаю, онъ не допуститъ.... Но я на всякой случай говорю, потому что вѣдь она будетъ во снѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Знаете, меня только одно беспокоитъ немножко.... Не грѣхъ ли это?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Полноте, тетенька, вѣдь это онъ будетъ дѣлать особенной силой, наука есть такая—магнетизмъ. Она даже и преподается въ училищахъ, но, знаете, не всѣ способны ее принять. Какойнибудь одинъ изъ милліона. Для этого даръ нуженъ особенный...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (*подтверждавшая слова Софьи Сергѣевны киваніемъ головы и отрывистыми: да! да!*)

Притомъ же, вѣдь онъ и вѣры нашей.... Нѣтъ, родная, Александра Ивановна, на счетъ этого не беспокойтесь. Да если

бы тутъ было что нибудь такое.... неужели бы я-то стала говорить о немъ? Вы меня знаете. Я вамъ говорю, что онъ нашей вѣры.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, вотъ это точно.... Впрочемъ нынче иные и нашей-то вѣры есть такіе, что ни во что не вѣрятъ.... вотъ, какъ господинъ Троеруковъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, я вамъ отвѣчаю: когда Сергѣй Николаичъ увидитъ его, и онъ ему повѣритъ. Вы посмотрите только, что это за человекъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и ТРОЕРУКОВЪ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (при входѣ Троерукова).

Ахъ, вотъ и Сергѣй Николаичъ. — Легокъ на поминѣ.... *(Троеруковъ со всѣми раскланивается. Александра Ивановна и Софья Сергѣевна молча и небрежно киваютъ ему головой, Вѣра Сергѣевна подаетъ руку).*

ТРОЕРУКОВЪ (обращаясь къ Воробейчиковой).

Вы изволите говорить: легокъ на поминѣ, — стало быть рѣчь шла обо мнѣ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Да, тетенька говорила, что вы не вѣрите ничему чудесному.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А я увѣряла, что когда вы увидите, что дѣлаетъ тотъ человекъ, который будетъ сегодня здѣсь, вы ему повѣрите.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (выразительно смотря на Троерукова).

Я тоже въ этомъ увѣрена, потому что вы сами говорили, что магнетизмъ есть въ природѣ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да, дѣйствительно, магнетизмъ существуетъ; этого нельзя отвергать.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Слышите, Александра Ивановна? Уже если Сергѣй Николаичъ этому вѣритъ, можете себѣ представить, что въ состояніи сдѣлать этотъ человекъ, если онъ магнетизеръ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢЖЕ и АДЮТЯ ПЕТРОВНА.

ВРОБЕЙЧИКОВА (увидя Адютю Петровну, стремительно бросается къ ней).

Ахъ, Адютя Петровна, какъ я рада, что вижу васъ сегодня...

АДЮТЯ ПЕТРОВНА.

Здравствуйте, *ma bonne amie* (Идетъ къ Александръ Ивановичъ). *Bonsoir*, Александра Ивановича... (Садится) Ухъ, устала... *Bonsoir, mesdames* (киваетъ головой Софьѣ и Виръ и сидя продолжаетъ имъ руки) Уфъ, какъ устала... Какъ я нынче стала слаба...

ВРОБЕЙЧИКОВА.

Ужъ давненько я васъ не видала, Адютя Петровна... Какъ здоровье-то ваше?

АДЮТЯ ПЕТРОВНА.

Что мое здоровье!.. (Машетъ въ отчаяннѣ рукой) По обыкновенію, нервы...

ВРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, какъ онъ пользуется отъ нервовъ. Это совсѣмъ по его части. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ первыя болѣзни онъ особенно удачно лѣчить...

АДЮТЯ ПЕТРОВНА.

Это магнетизмомъ... да, я думаю... Ахъ, ужъ чѣмъ меня не лѣчили... (къ Александръ Ивановичъ). А что, онъ скоро будетъ?..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Долженъ быть скоро...

ВРОБЕЙЧИКОВА (смотреть на часы).

Хотѣлъ быть въ 7 часовъ. Теперь ужъ пять минутъ осьмаго...

АДЮТЯ ПЕТРОВНА.

Интересно видѣть... Ахъ, еслибъ онъ меня взялся вылѣчить... Но это, кажется, невозможно...

ВРОБЕЙЧИКОВА.

Онъ вылѣчить, вылѣчить, увѣряю васъ...

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (тихо Троерукову).

Ради Бога, показывайте видъ, что всему слѣпо вѣрите...

ТРОЕРУКОВЪ.

Но вѣдь это, право, неблагородно...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Это необходимо... Этимъ можете поддѣлаться къ тетенькѣ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (Авдотѣ Петровнѣ).

Ну, а что — отъ сыновей нѣтъ писемъ?

АВДОТЯ ПЕТРОВНА (со вздохомъ).

Отъ Александра получила, а отъ Пьера нѣтъ. Да ужъ я знаю: меня предчувствіе не обманетъ... Ахъ, вчера я видѣла какое видѣніе...

СЛУГА (въ дверяхъ).

Пріѣхалъ...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (торопливо).

Ахъ, пріѣхалъ... Александра Ивановна, голубушка, пріѣхалъ онъ...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну что же проси, проси скорѣе сюда... Да чаю подавать...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Софѣ и Вѣрѣ).

Что, *mesdames*, не правда ли — какъ-то страшно передъ такимъ человѣкомъ? а?..

СОФЯ СЕРГѢВНА (съ улыбкой).

Да, немножко (смотрится въ зеркало).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (молча и важно раскланивается со всѣми).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (указываетъ ему мѣсто на диванѣ возлѣ себя).

Не угодно ли вамъ садиться... вотъ сюда... по ближе ко мнѣ... Какъ я вамъ благодарна, что вы сдѣлали честь своимъ посѣщеніемъ мнѣ, больной старухѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я предчувствовалъ, что вамъ нужна помощь...

ТРОЕРУКОВЪ (тихо Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Пари готовъ держать, что онъ жидъ и...

ВѢРА СЕРГѢВНА (также тихо).

Ради Бога, молчите... Помните, о чемъ я васъ просила.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Зильбербаху).

Александра Ивановна съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала васъ... Она вполне увѣрена, что вы не откажете ей въ своей помощи...

(ЗИЛЬБЕРБАХЪ молча кланяется).

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Ваша слава такъ гремитъ, что многія бы желали просить вашего совѣта и помощи...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я лѣчу только коротко знакомыхъ. .

(СЛУГА разноситъ чай).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Если вы удостоили насъ своимъ знакомствомъ, то позвольте рекомендовать вамъ (указывая на Авдотью Петровну) — это другъ нашего дома...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (перебивая).

Позвольте... Авдотья Петровна...

(Всѣ выражаютъ изумленіе).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, это удивительно! Это просто непостижимо! Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ!..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужъ я не знаю послѣ этого, нужно ли представлять вамъ моихъ внучекъ... (указывая на Софью Сергѣевну) Эта...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Софья...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А эта... (Указываетъ на Вѣру Сергѣевну).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вѣра...

(Общее изумленіе).

ВОРОБЕЙЧИКОВА (съ торжествующимъ лицомъ подходитъ къ Софѣ, то къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

А, каково, *mesdames!*.. а?... Я вамъ говорила, что это необыкновенный человѣкъ. Погодите еще, что послѣ будетъ...

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА (вполголоса, взглядывая на Зильбербаха).

А какъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ!

ВОРОБЕЙЧИКОВА (въ совершенномъ восторгѣ).
Чудо, чудо! (Снова садится около Зильбербаха).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Скажите, пожалуйста, какъ это вы можете узнавать имена? Это, вѣдь, непостижимо...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Простой даръ предчувствія...

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Охъ, я вѣрю въ предчувствія. Со мной это часто случается. У меня вѣдь нервы... Миѣ, кажется, я очень склонна къ магнетизму... Знаете, со мной бываютъ даже этакія видѣнія (*Зажимаетъ глаза и машетъ рукой*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Слѣдовательно вы очень способны воспринимать магнетизмъ.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Да, да, я именно такъ думаю. Я даже хотѣла непременно искать такого магнетизера, который бы могъ меня магнетизировать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*улыбаясь*).

Магнетизеровъ, если хотите, теперь появилось очень много, но большею частію это либо шарлатаны, либо имѣютъ такую ничтожную силу, что они скорѣе бы повредили вамъ, еще больше разстроили бы ваши нервы. Но у васъ именно такая болѣзнь, на которую можетъ дѣйствовать только магнетизеръ.

СОФЯ СЕРГѢВНА (*нѣсколько жеманясь*).

Ну, а я, скажите, — способна ли воспринимать магнетизмъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы хотя здоровы физически, но вашъ организмъ разбитъ нравственными страданіями вслѣдствіе огорченій, которыя испытывали въ жизни...

СОФЯ СЕРГѢВНА (*изображаетъ на лицѣ своемъ совершенное удивленіе, тихо вскрикиваетъ, всплескиваетъ руками и уныло опускаетъ голову*).

ВОРОБЕЙЧКОВА (*подбѣгая къ ней*).

Говорила я вамъ, *ma chère*, — это удивительный, необыкновенный человѣкъ. Даже страшно смотрѣть ему въ глаза... (*обращаясь къ Вирѣ Сергѣевнѣ и Троерукову*) А? каково?.. (*Потрясаетъ торжественно головой, потомъ снова отходитъ и садится рядомъ съ Зильбербахомъ*).

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

А я именно очень склонна къ магнетизму. Со мной, знаете, что бываетъ. Вдругъ слѣдается, что я ничего не вижу, не слы-

шу, не чувствую, только чувствую, что я лечу, лечу, лечу... И вдругъ падаю, падаю, падаю... Или вдругъ вижу я такое видѣніе, что будто я гуляю въ этакое садѣ... и кругомъ меня этакіе цвѣты, деревья, виноградъ... А то мнѣ представляется видѣніе, что вокругъ меня ничего нѣтъ, совершенно ничего: одно небо... и я вижу кого нибудь... тамъ сыновей, или изъ знакомыхъ, о которыхъ много думаю... И всѣ слышатъ, какъ я съ ними разговариваю... Дѣвки мой тогда нарочно сходятся и слушаютъ, что я говорю, и послѣ мнѣ все рассказываютъ... А я говорю, говорю, и сама не знаю, что говорю... Я ужъ и знаю, что это къ чему нибудь, какое нибудь предчувствіе... И ужъ непременно что нибудь послѣ этого со мной случится... Не правда ли, вѣдь это тоже магнетизмъ?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, это не то, что магнетизмъ, а это, знаете, — что-то въ родѣ галлюцинаціи.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Ну, да, именно что нибудь въ этомъ родѣ.... Но вѣдь значить, я все-таки способна къ магнетизму?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, на васъ онъ будетъ очень скоро дѣйствовать.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Я васъ прошу, вы, пожалуйста испробуйте надо мной свои силы. *(со вздохомъ)*. Я вѣдь очень страдаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ, когда буду имѣть честь покороче познакомиться съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Готлибъ Эрнстовичъ, теперь вы здѣсь со всѣми знакомы, кромѣ одного человѣка. *(указываетъ на Троерукова)*. Позвольте васъ познакомить.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ *(вставая и направляясь къ Троерукову, который также идетъ къ нему)*.

Очень пріятно.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вы, вѣроятно, и мое имя знаете, такъ же, какъ и другихъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, теперь еще не знаю.... но можетъ быть не ошибусь, хотя, признаюсь вамъ, на мужчинъ магнетизмъ дѣйствуетъ го-

раздо слабѣе, нежели на женщинъ, потому что организмъ ихъ грубѣе женскаго.... Ваше имя.... (*нѣсколько секундъ смотритъ на него пристально*). Ваше имя.... Сергѣй.

(Общее изумленіе).

ТРОЕРУКОВЪ (пожимаетъ плечами).

Совершенно справедливо: Сергѣй Николаичъ Троеруковъ.... (*съ улыбкой*). Дѣйствительно—вы необыкновенный человѣкъ!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А какъ вы думаете, Готлибъ Эрнстовичъ, что ожидаетъ въ будущемъ Сергѣя Николаича?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Все тоже, что и всякаго молодаго человѣка съ благородной душой и гордымъ сердцемъ, принужденнаго идти по тѣсной дорожкѣ жизни: больше горя, нежели радости, горе въ настоящемъ, невѣрная радость въ темномъ будущемъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Благодарю васъ хоть за то, что вы, не общая много хорошаго, умѣете польстить человѣку.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не польстить, а отдать должное.

СОФЯ СЕРГѢЕНА.

А меня что ожидаетъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ваше будущее таково, что я могу его объявить вамъ только однимъ. Пожалуйте сюда (*отводитъ ее въ сторону*). Вы зароните искру любви въ душу такого человѣка, котораго считаете менѣе всего къ тому способнымъ; будете любить сами,—и ваше бывшее счастье къ вамъ возвратится... Этотъ человѣкъ, кромѣ любви, можетъ вамъ достигнуть того, чего вы теперь напрасно желаете...

СОФЯ СЕРГѢЕВНА (*сconfузившись и опускаетъ глаза*).

Что же такое?... Я, кажется, ничего не желаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Если не понимаете теперь этихъ словъ, то поймете тогда, когда исполнится первая половина моего предсказанія.

СОФЯ СЕРГѢЕВНА.

Но я за-мужемъ и не могу любить никого, кромѣ мужа.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы имѣете пылкое и пыжное сердце, но любить своего мужа не можете, потому что онъ не стоитъ вашей любви....

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА.

Вы удивительный человекъ!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Помните мои слова, — они сбудутся.... (*Отходитъ отъ нея, между тѣмъ какъ Софья Сергѣевна остается на томъ же мѣстѣ въ большомъ волненіи*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, а скажите-ка мнѣ, — меня вы старуху и забыли, — можно ли мнѣ ожидать чего нибудь хорошаго?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Главное хорошее, чего вы можете ожидать, — это здоровье. И вы будете вылѣчены именно мною, только, предупреждаю васъ, не скоро; другой же никто васъ не можетъ вылѣчить. И я васъ могу лѣчить только въ такомъ случаѣ, если вы готовы исполнѣ мнѣ довѣриться; если же нѣтъ, то лучше и не приниматься, — всѣ усилія мои будутъ бесполезны.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же мнѣ не вѣрить вамъ, когда вы общаетесь меня вылѣчить?... Я вѣдь ужъ вотъ другой годъ въ креслахъ катаюсь, почти ходить не могу, спина ужасно болитъ. Чего мнѣ больше желать, какъ не здоровья?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, у васъ есть и кромѣ того много другихъ заботъ и огорченій....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, ужъ если обо всѣхъ моихъ огорченіяхъ говорить, такъ ихъ и не перечесть, нѣсть числа. Вотъ хоть бы одинъ процессъ, такъ меня смаялъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Процессъ вашъ очень скоро превратится для васъ изъ горя въ большую радость....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ? Такъ неужели я его выиграю?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы его выиграете непременно съ помощью одного человека на котораго меньше всего рассчитываете, если только (*вполголоса*) не будете довѣряться очень молодой дѣвушкѣ и очень молодому человеку, которые и есть ваше настоящее горе — и въ настоящемъ, и въ будущемъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, понимаю! Такъ неужели правда, что они затѣваютъ что нибудь противъ меня?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Теперь я вамъ ничего не скажу болѣе, кромѣ того, что вы не должны показывать вида и должны быть ласковы съ обоими.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Благодарю васъ, благодарю васъ!... Ахъ, неблагодар....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Смотрите же, не подавайте вида....

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а я не стану васъ теперь спрашивать о себѣ, а попрошу васъ, чтобы вы меня намагнетизировали, чтобы я сама все про себя предсказала....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Очень хорошо.... (*Къ Виръ Сергѣевнѣ*) Ну, а вамъ не угодно меня спросить?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, я боюсь узнавать впередъ будущее.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да и не мудрено бояться будущаго, когда въ настоящемъ все улыбается....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, не совсѣмъ.... Вы ошибаетесь....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не мудрено и ошибиться, потому что вѣдь я вамъ и не предсказываю. Тотъ, кто не хочетъ слышать отъ меня словъ правды, долженъ принимать ложь за правду.... (*Отворачивается*).

ВОРОБЕЙЧИКОВА (постоянно слѣдившая за Зильбербахомъ, быстро къ нему подходитъ).

Готлибъ Эрнстовичъ, теперь ужъ вы всѣмъ предсказали.... не забудьте же и меня. Можно начать.... съ Агафѣей?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ удовольствіемъ, если позволить Александра Ивановна.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, сдѣлайте милость....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только послушайте: можетъ быть будутъ разоблачаться ваши семейныя тайны.... не тяжело ли вамъ будетъ при посто-

ронныхъ? не лучше ли до другаго раза, когда нибудь у васъ въ домѣ?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста теперь: здѣсь все мои друзья, мнѣ ихъ нечего стыдиться. Да и кто не знаетъ моей несчастной судьбы?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, какъ вамъ угодно, для меня все равно.... Я готовъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Такъ я ее позову.... (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢЖЕ безъ ВОРОБЕЙЧИКОВОЙ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подходя къ Троерукову).

Пожалуйста, не смотрите на меня, какъ на какого нибудь чудесника и не считайте меня за человѣка, желающаго казаться необыкновеннымъ и сверхъестественнымъ существомъ. Мы съ вами не женщины. Притомъ вы такъ образованы, что вѣроятно давно поняли, что всѣ мои дѣйствія — результатъ особенной магнетической силы, которая развита во мнѣ до крайней степени. Конечно, я увѣренъ, что вы не встрѣтите другаго такого магнетизера, какъ Зильбербахъ.... но все-таки тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго....

ТРОЕРУКОВЪ.

Признаюсь вамъ, я ничего и не вижу такого во всѣхъ вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе все больше убѣждаюсь, что вы необыкновенно умный человѣкъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Но однимъ умомъ тутъ ничего нельзя сдѣлать, если нѣтъ врожденнаго дара.

ТРОЕРУКОВЪ.

Скажите, пожалуйста, давно ли вы этимъ занимаетесь?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я открылъ въ себѣ эту способность, еще бывши ребенкомъ: какъ теперь помню, одинъ разъ въ школѣ я не могъ оторвать глазъ отъ ногъ учителя: почему-то мнѣ казалось, что у него одна нога въ чулкѣ, другая безъ чулка, босая; меня это такъ сильно заняло, что я не могъ удержаться и невольно сказалъ

вслухъ при всемъ классѣ: господинъ учитель, у васъ одна нога босая.... Сначала онъ на меня разсердился, а потомъ, когда дѣйствительно увидѣлъ, что, по разсѣянности, не надѣлъ чулка на одну ногу, чрезвычайно удивлялся, какъ я могъ это рассмотреть сквозь сапоги.... Тогда я и самъ не понималъ, что это было ясновидѣніе....

ТРОЕРУКОВЪ.

Но когда же наконецъ вы сознали въ себѣ эту силу?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, уже послѣ, когда я былъ въ геттингенскомъ университетѣ.

(Входитъ Воробейчикова и Агафья).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, ВОРОБЕЙЧИКОВА и АГАФЬЯ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Вотъ, Готлибъ Эрнстовичъ, эта нимфа,—не угодно ли полюбоваться (*указываетъ на Агафью*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А!.. (*Смотритъ на нее молча*) Ну, *mesdames*, признаюсь, мнѣ эту дѣвушку будетъ трудно привести въ состояніе полного ясновидѣнія: она совершенно здорова и организма довольно крѣпкаго.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (*злобно*).

Кажется, нельзя сказать, чтобы барыня изморила на работѣ.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Такъ нельзя ли меня вмѣсто ея?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ потрудитесь ее негодную. Сдѣлайте милость, Готлибъ Эрнстовичъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, тяжело мнѣ будетъ, но я по крайней мѣрѣ заставлю ее отвѣчать на нѣкоторые вопросы относительно одного обстоятельства. Ну, милая, возьми кресла и поставь сюда на средину комнаты.

(Агафья исполняетъ приказаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Садись въ кресла.

АГАФЬЯ.

Какъ это можно, сударь!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Садись, садись, ничего.... тебѣ позволяютъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Полно манерничать, что, — тебя въ гости что ли позвали?...
Садись, когда приказываютъ.

АГАФЬЯ.

Да я и постою, ничего-съ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (гнѣвно).

Тебѣ что говорить?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (дѣлаетъ знакъ рукою).

Позвольте. (Къ Агафьѣ) Поди сюда... (становитъ ее передъ самымъ кресломъ и обращается къ окружающимъ) Она у насъ сидеть и не конфузясь.... Ну, mesdames, я васъ прошу теперь занять свои мѣста и не развлекать меня, а главное не обращаться къ ней (указываетъ на Агафью) ни съ какими вопросами.

(Всѣ усаживаются, воцаряется молчаніе. Зильбербахъ становится противъ Агафьи и начинаетъ въ упоръ смотрѣть ей въ глаза. Потомъ говоритъ ей тихо, но твердо: «сидь!» и Агафья какъ бы невольно опускается въ стоящія зади ея кресла. Всѣ переглядываются и знаками выражаютъ удивленіе; Зильбербахъ начинаетъ магнетическій сеансъ. Подъ вліяніемъ его взглядовъ и движеній, Агафья постепенно впадаетъ въ магнетическій сонъ; глаза Зильбербаха блестятъ, лицо блѣдно, руки и ноги нѣсколько дрожатъ, какъ бы отъ сильной усталости).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ухъ, какое упрство!.. Однако уснула. (Дѣлаетъ знаки молчанія, подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ воды и залпомъ выпиваетъ ее, потомъ опять подходитъ къ Агафьѣ и продолжаетъ магнетизированіе. Вслѣдъ за движеніемъ его руки, производимымъ въ воздухъ, спящая поднимаетъ и опускаетъ свои руки, наклоняетъ голову то въ ту, то въ другую сторону, не разжимая глазъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Теперь она спитъ совершенно и находится въ моей власти.
Я буду спрашивать. (Къ Агафьѣ) Ты спишь?

АГАФЬЯ.

Сплю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Кто тебя заставилъ спать?

АГАФЬЯ,

Готлибъ Эрнстовичъ,

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Чего я хочу?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай, чего я хочу?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отчего ты не отвѣчаешь?

АГАФЬЯ.

Тяжело. (*Грудь ея высоко поднимается, дыханіе тяжелое*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*дѣлаетъ нѣсколько движеній
руками надъ Агафьей*).

Теперь отвѣчай на вопросъ, чего я хочу?

АГАФЬЯ.

Чтобы я отвѣчала на всѣ вопросы.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О чемъ я буду спрашивать?

АГАФЬЯ (*со стономъ*).

Тяжело.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай.

АГАФЬЯ.

О баринѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Виновата ли ты?

АГАФЬЯ.

Виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Давно ли?

АГАФЬЯ.

Два года.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (*всплеснувъ руками*).

Два года!... Представьте, два года, а я и не знала ничего....

Ахъ, я несчастная! (*Начинаетъ плакать*).

ВСѢ (*кромя Сергѣя Николаича, машутъ
руками*).

Сс, сс.... тише, испугаете!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Когда у васъ началось?

АГАФЬЯ.

Не помню,

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вспомни.

АГАФЬЯ.

Не помню; тяжело.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я тебѣ приказываю, вспомни.

АГАФЬЯ.

Въ пятницу; вечеромъ. Барыни не было дома... (*Тяжело дышетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Тебѣ очень тяжело?

АГАФЬЯ.

Очень, очень. Душно....

ВСѢ.

Довольно, довольно.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Еще одинъ вопросъ, послѣдній: гдѣ ты была послѣдніе два дня?

(Молчаніе).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Отвѣчай.

АГАФЬЯ.

За городомъ. Охъ!..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, довольно, больше нельзя. (*Начинаетъ дѣлать движенія, выводящія изъ магнетическаго усыпленія*).

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Спросите ее, зачѣмъ она убѣгала, что у нея было на умѣ?...
Батюшка, родной, спросите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, больше нельзя, можетъ быть дурно.... Очень опасно, да и у меня больше нѣтъ силы.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Довольно, довольно, ради Бога.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, ахъ, каково? Какова жизнь!

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Пожалуйста, теперь меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, извините, я усталъ, не могу....

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Я сейчасъ усну, у меня сейчасъ видѣніе сдѣлается. Пожалуйста, я вамъ все буду отвѣчать.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, не могу.... Я право усталъ....

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Да вѣдь меня, право, легко: я вѣдь слабой комплекціи.... У меня нервы....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не могу.... Вотъ еще надо ее разбудить. *(Начинаетъ снова движенія)*.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какъ это жалко!...

АГАФЯ *(постепенно просыпается, озирается съ удивленіемъ и какъ бы вдругъ прійдя въ сознаніе, поднимается съ кресла)*.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Помнишь ли, что съ тобой было?

АГАФЯ *(слабымъ голосомъ)*.

Никакъ нѣтъ-съ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Что у тебя болитъ?

АГАФЯ.

Голова болитъ-съ и грудь болитъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, поди, выпей холодной воды и прилягъ тамъ, полежа!....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ мерзкая, мерзкая!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ступай, ступай отсюда, милая!... *(Агафя уходитъ)* Ольга Федоровна, пожалуйста сюда. *(Отводитъ ее въ сторону и говоритъ вполголоса)*. Послушайте, вы завтра же объявите ей, что она вольная и пришлите-ка мнѣ: я ей отдамъ отпускную, а то можетъ быть очень нехорошо, я предупреждаю васъ. Теперь вѣдь уже вы знаете, что воротить ее нельзя, такъ, пожалуйста, не ссорьтесь же съ ней, а просто прогоните ее отъ себя....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Охъ, если бы я знала прежде, дала бы я ей вольную!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а ужъ теперь дѣло сдѣлано и, если хотите спокойствія, ни ей, ни вашему мужу ни слова, а то будетъ худо: смотрите. Я вамъ говорю.... Слышите?...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Непремѣнно, непремѣнно все сдѣлаю, какъ вы говорите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, а теперь сейчасъ же отошлите ее домой, чтобы не было лишней болтовни между здѣшними людьми.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Уходитъ и потомъ вскорѣ возвращается).*

ЗИЛЬБЕРБАХЪ *(во время отсутствія Воробейчиковой).*

Однако какъ разстроило все это г-жу Воробейчикову!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

И не мудрено: въ ея года получить такой афрозитъ—не мало-важность.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Я не могла безъ страха смотрѣть на васъ, когда вы магнетизировали. У васъ глаза до такой степени блестѣли, что, кажется, не было возможности смотрѣть на нихъ. Скажите, вамъ очень трудно было?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, сегодняшній сеансъ для меня очень тяжелъ....

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какъ не трудно: это было видно по лицу.... Но если бы вы меня.... вамъ гораздо бы легче было. Я увѣрена, что вы когда нибудь исполните обѣщаніе, помангнетизируете меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Съ удовольствіемъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Но скажите пожалуйста, что вы сами чувствуете, когда магнетизируете?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я въ это время забываю рѣшительно все окружающее и даже какъ будто не чувствую самого себя, но весь сосредоточиваюсь на какой нибудь одной мысли или желаніи.

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ такъ же точно бываетъ и со мной, когда я вижу видѣнія.

ЗИЛБЕРБАХЪ.

Однако позвольте мнѣ проститься. Я очень усталъ. ..

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же вы развѣ не откушаете у насъ?..

ЗИЛБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, благодарю васъ. Я не могу теперь ничего ѣсть.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, не смѣю васъ останавливать. Надѣюсь, что не оставите меня своей помощью. Теперь у меня только и будетъ надежды, что на васъ.... Когда вы къ намъ опять пожалуете?

ЗИЛБЕРБАХЪ:

Постараюсь въ скоромъ времени....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А мнѣ когда прикажете пріѣхать къ вамъ?

ЗИЛБЕРБАХЪ.

Когда вамъ угодно, я почти всегда дома.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, благодарю васъ, благодарю.... Безъ васъ я никогда бы не знала того, что теперь знаю.

ЗИЛБЕРБАХЪ (раскланиваясь съ Софьей и Вѣрой).

Прощайте, *mesdames*.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Надѣюсь, что до свиданія.

ЗИЛБЕРБАХЪ (подавая руку Троерукову).

Прошу быть знакомымъ. (*Кланяется всѣмъ и идетъ. Въ, кромѣ Александры Ивановны, его провожаютъ до самыхъ дверей, а Воробейчикова и въ слѣдующей комнатѣ*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, какъ Авдотья Петровна? На мои глаза вѣдь онъ чудеса дѣлаетъ.

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, да!... Только — ахъ, какой онъ.... Зачѣмъ онъ не посадилъ меня?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, усталъ вѣдь очень. Вы видѣли....

АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Да вѣдь я бы его не утомила. Я бы въ одну минуту.

ВѢРА СЕРГѢВНА (тихо Сергѣю Николаичу).

Ну, что вы скажете?

СЕРГѢЙ НИКОЛАИЧЪ.

Что сказать? Я и сообразить ничего не могу. Если онъ и шарлатанъ, то такой, какихъ не много на свѣтѣ.

ВѢРА СЕРГѢВНА,

А я такъ, признаюсь, почти вѣрю въ его силу, да и сомнѣваться нѣтъ возможности....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (возвращаясь).

Ну, *mesdames*, каковъ! Я вамъ говорю: чудо что такое.... Чудо, чудо!... Но какова моя судьба, а?... ахъ Боже мой, Боже мой!...

АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Полноте, *ma bon amie*, плюньте на это. Пожили бы вы съ моими нервами....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Или съ моими непріятностями.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Ахъ, всѣмъ намъ женщинамъ суждено переносить это несчастіе!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Но вѣдь лѣта, *mon ange*, лѣта.... Вотъ вѣдь что главное.... Но онъ, онъ необыкновенный человѣкъ! не правда ли?

Всѣ.

Да, да! Чудо, чудо!

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Небольшая комната, уставленная простою деревянною мебелью. У стѣны на право кровать подъ ситцевымъ пологомъ. По стѣнамъ наклеены лубочныя картинки духовнаго содержанія. На окнахъ бѣлыя кисейныя занавѣски. Въ простѣнкѣ между ними шкафъ со стеклами. Ярко вычищенный самоваръ стоитъ на столикѣ въ углу.

ЯВЛЕНІЕ 1.

АКСИНЬЮШКА, АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА и АРБУЗКИНЪ.

(АКСИНЬЮШКА сидитъ на кровати, поджавши подъ себя ноги, черезъ столъ противъ нея сидитъ кунаецъ; АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА помѣщается у того же стола, рядомъ съ кроватью: въ рукахъ у нея толстый чулокъ, передъ нею на столѣ развернутая книга въ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застѣжками).

АРБУЗКИНЪ.

Такъ теперича значить, Аксиныюшка, мнѣ эту матерію надо бросить и чувства свои оставить.

АКСИНЬЮШКА.

Распояшь кошель, наклади полнѣй горемъ маслянымъ, да и носи у сердца.

АРБУЗКИНЪ.

Ахъ, грустно.... А какъ я эту дѣвицу почитаю всѣмъ своимъ сердцемъ, такъ этого сказать невозможно.

АКСИНЬЮШКА.

Товары-то хороши, да не про наши гроши.

АРБУЗКИНЪ.

А нельзя ли, Аксиныюшка, по крайности чувства ея на меня оборотить какимъ ни-на-есть манеромъ? Что пущай, коли родители не выдаютъ ее за меня, такъ хоша бы въ любовь мнѣ съ ней сердечную войти. Помогите, Аксиныюшка, нѣтъ ли у васъ какого противъ этого средствія?...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что вы, почтеннѣйшій, развѣ матушка такими дѣлами заимствуется? Развѣ она колдунья, али ворожейка какая, что станетъ вамъ приворотнаго зелья давать? Да про твои грѣхонныя богомерзкія дѣла и слушать-то не захочетъ. Ну-те-ка привороту просить!...

АРБУЗКИНЪ.

Да вѣдь, пожалуйста, позвольте-съ: вѣдь я не къ тому-съ ... я только совѣта прошу, что мои чувства самыя мучительныя, измучили меня совѣмъ. Извините пожалуста.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да ты, любезный человѣкъ, зналъ бы къ кому съ чѣмъ идти. Коли ты къ блаженному человѣку пришелъ, такъ ты не о томъ помышляй: мірскія-то свои грѣхонности оставь, а проси совѣта на дѣла добрыя, да помышляй, какъ бы душу свою спаси....

АКСИНЬЮШКА.

Шарень дѣвку полюбилъ, свою душу загубилъ, Богу не молится.... Ха, ха, ха.... (*Дѣлая вдругъ печальное лицо*) Простите, Христа ради.... Не поминайте лихомъ.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Слышишь ли, чѣмъ матушка изволить говорить, внятно ли тебѣ это?... То-то, любезненькій мой! Вы вѣдь вотъ какой народъ: придете вы безпеконтъ такого человѣка, говорите ему о всякихъ вашихъ мерзостяхъ, а нѣтъ чтобы—на-ка, дескать, матушка, отъ моего усердія, раздайте на пищую братію, да помо-

гите вы мнѣ своимъ добрымъ совѣтомъ, наставьте на путь. Тогда бы матушка тебѣ и сказала, какъ тебѣ, — къ мірскому ли твоему удовольствію дѣла наслѣдуютъ, али что къ успокоенію души твоей....

АРБУЗКИНЪ.

Да я ничего, могу-съ, съ моимъ полнымъ удовольствіемъ.... чѣмъ могу-съ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да матушкѣ ничего отъ тебя не надо: ты не подумай.... Она невидимо сыта будетъ, какъ птица поднебесная. Отъ васъ она, мой любезненькій, ничѣмъ не захочетъ покорыстоваться. Я говорю къ назиданію вашему, что какъ надобно съ такими людьми обращеніе имѣть.

АРБУЗКИНЪ (кладя на столъ полтинникъ).

Пожалуйте, примите.... Не оставьте своимъ добрымъ совѣтомъ, потому — искренно желаю не ко грѣху, а въ законный бракъ вступить.

АКСИНЬЮШКА (беретъ со стола, со смѣхомъ перекидываетъ съ руки на руку и потомъ кидаетъ на полъ).

Даль пятакъ, даль дуракъ. Катись, покатись.... *(Со смѣхомъ ложится навзничъ на кровать)*.

АРБУЗКИНЪ.

Зачѣмъ же такъ-съ.... *(Смотритъ на полъ, намъреваясь поднять монету)*.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Не беспокойтесь, не ищите; найдемъ, себѣ не возьмемъ. Куда велѣли, туда и поидетъ....

АРБУЗКИНЪ (снова сядя на свое мѣсто).

Что же, Аксиныюшка, не оставьте своимъ совѣтомъ.

(Аксиныюшка хохочетъ и ничего не отвѣчаетъ.)

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Нѣтъ, ужъ она теперь прогнѣвалась, не станетъ ничего говорить. Лучше и не приступай, а то хуже будетъ. Приходите когда въ другой разъ.

АРБУЗКИНЪ.

Когда же-съ?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, а вотъ обдумайтесь хорошенько. Ну, и что съ вами будетъ, и придите съ матушкой посовѣтоваться.

АРБУЗКИНЪ.

Очень хорошо-съ.... А теперь такъ ничего и не получу?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да вѣдь вы сами видите, въ какой духъ матушку привели, потому не съ благочестивыми мыслями пришли, да и усердіе ваше малое. Къ такому человѣку вѣдь надо подступаться не какъ къ своему брату, такому же, какъ и самъ, грѣшнику. А вы приготовьтесь хорошенько да и приходите: она вамъ много скажетъ утѣшительнаго, и что вамъ въ пользу послужить, — только съумѣйте подойти.

АРБУЗКИНЪ.

Такъ извините, пожалуйста.... Прощайте, Аксиньюшка, не прогнѣвайтесь на меня, коли въ чемъ не такъ поступилъ. Коли инъ, въ другой разъ ужъ приду.... *(Вздыхаетъ)* Ахъ, судьба моя несчастная! Опять должонъ въ горести остаться. Прощайте.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА *(проводя сго до дверей)*.

Что дѣлать-то, потерпите. Всѣмъ намъ терпѣть велѣно.... Приходите опять.... *(Затворяетъ за Арбузкинымъ дѣри; потомъ начинаетъ искать на полу)* Куда полтинникъ-отъ закатился? *(Аксиньюшка выглядываетъ на нее съ кровати и хохочетъ)*. Ну, что все хохочешь, и въ дѣлѣ и безъ дѣла? Вотъ куда деньги-то забросила?... А, вотъ они! *(поднимаетъ)* Къ какимъ деньгамъ-то положить?... Ну, полно-ка, слышишь ли?

АКСИНЬЮШКА.

Чай на свѣчку дали.... Дай чайку....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, все бы тебѣ чайку. Давно ли пила? И денегъ-то вонъ самая малость осталась....

АКСИНЬЮШКА.

Дай чайку на полтинничекъ....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну-ка, полно и вправду, Аксиньюшка.... Чтой-то это. Ну-ка чужіе бы люди на тебя посмотрѣли, что только у тебя и дѣла, что ѣшь да пьешь, что бы подумали?...

АКСИНЬЮШКА.

Уйду, уйду.... Дай чайку, а то и жить не стану, уйду....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да, уйдешь.... Гдѣ ты такую-то найдешь, какъ я? Кто такъ-то станетъ ходить за тобой?...

АКСИНЬЮШКА.

Уйду.... Вонъ денегъ—то сколько мнѣ носить....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да, велики деньги... Полтинникъ—отъ дали.... да и тотъ, говоришь, па свѣчку.... Нѣтъ, матушка, какъ бы не была ты блаженный человекъ, не стала бы и держать. Отъ тебя вѣдь корысть—то небольшая.... тебя вѣдь обуи, одѣнь, накорми, напой,—а все я: ты вѣдь вонъ руками не переложить....

АКСИНЬЮШКА.

Дай чайку, да водочки дай, а то уйду.... Наплевать,—уйду.... Жилъ козелъ около коня даромъ, чужой кормъ ѣлъ, да бодаться сталь.... Ха, ха, ха.... Уйду....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, ну полно, съ тобой вѣдь не сговоришь; сейчасъ коли согрѣю самоваръ.... Ужъ послѣднiя, видно, деньги изводишь....

АКСИНЬЮШКА.

Водочки дай.... Ха, ха, ха....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, вотъ погоди,—и водки дамъ... (*Про себя*) Кто тебя знаетъ, блаженная ли ты или какая.... Коли бы, кажется, не добрые люди.... Больно прихотлива, разорительна.... (*Беретъ самоваръ и хочетъ выйти, но въ дверяхъ встрѣчается съ Серафимой*).

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢЖЕ и СЕРАФИМА.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (поспѣшно ставитъ самоваръ на мѣсто).

Ахъ, Серафима Яковлевна, какими судьбами? Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видалась.... Здравствуйте, матушка....

СЕРАФИМА.

Здравствуйте, Агнѣя Афанасьевна.

(Цалуются).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Матушка, вставайте, гостя дорогая къ намъ пожаловала.... Серафима Яковлевна....

СЕРАФИМА.

А что, матушка—то опочиваетъ что—ли?...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Нѣтъ, не почивала, такъ въ мысляхъ своихъ сама съ собою лежитъ.... Матушка, встаньте же, присядьте.

АКСИНЬЮШКА (приподымается и садится на кровати по прежнему).

СЕРАФИМА (къ ней).

Здравствуйте, матушка.... Какъ ваше здоровье?.... Вотъ я вамъ гостинчикъ принесла, не побрезгуйте, примите: вареньеца баночку, да маслаца скоромнаго....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Совсѣмъ вы насъ, Серафима Яковлевна, забыли... и не вспомните. Видно, не полюбилась наша матушка вашимъ господамъ молодымъ, что правду говорила.

СЕРАФИМА.

Ахъ, ужъ и не говорите про нашихъ господъ.... Чтò только у нихъ теперь дѣлается, такъ только.... за грѣхи, видно, насъ Богъ наказываетъ!.. Вотъ вѣдь и пришла посоветоваться съ матушкой-то. Господа наши совсѣмъ на другую дорогу стали.... На нечистую силу, прости Господи, стали больше полагаться, а такихъ людей вотъ, богоданныхъ (*указываетъ на Аксиньюшку*) обѣгать стали.... Аха-ха-ха, ахи-ахи!.. И гостинчикъ-отъ этотъ какъ отъ моего усердія примите, а не отъ господекаго: нѣтъ, сударыня моя, въ другую сторону онѣ нынче смотрятъ.... Сама ужъ, безъ спросу, потихоньку, взяла изъ кладовой, чтò захватилось, чтобы къ матушкѣ съ гостинчикомъ какимъ ни-на-есть подъявиться, потому—совѣсть меня за моихъ господъ изгрызла, что какъ онѣ стали неблагодарны хоть бы и передъ Аксиньюшкой: за всѣ ея старанія совсѣмъ позабыли....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

То-то ужъ, признаться, я не мало дивовалась; кажется бы, барыня добрая, страннопріимная, богобоязненная, а совсѣмъ позабыла матушку....

СЕРАФИМА.

Ахъ, родная вы моя, да вы послушайте, чтò у насъ дѣлается-то, грѣхи-то какіе завелись въ нашемъ домѣ, что ужъ подлинно былъ богобоязненный домъ.... (*Обращаясь къ Аксиньюшкѣ*) Послушайте-ка, матушка, да наставьте вы меня на разумъ, наведите на путь истинный: какъ мнѣ тутъ, что дѣлать, какъ свою барыню отъ грѣха спасти?... Вѣдь что у насъ дѣлается-то! Навела барыня Воробейчикова.... знаете, чай?..

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Ну, какъ не знать, — бывали мы у нея....

СЕРАФИМА.

Навела она къ намъ какого-то нехрестя нѣмца, что съ нечистой силой знается....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (протяжно, съ ужасомъ).

Ахъ, ба-тю-шки....

СЕРАФИМА.

Да и не то, что самъ знается, а и въ другихъ-то людей сажаетъ ее.... окаянную-то силу. Только посмотреть на чело-вѣка, такъ чело-вѣкъ уснетъ и дѣлается самъ въ себѣ невла-стенъ, а онъ той минутой въ него, въ этого чело-вѣка и сажаетъ... И начинаетъ тотъ чело-вѣкъ все говорить: и все онъ видитъ, и все онъ знаетъ, а самъ спитъ, и глаза зажаты.... И у этакого-то нечестиваго вздумала наша барыня лѣчиться....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (качая головой, на распѣвъ).

Матушка, Серафима Яковлевна.... куда она поспѣла....

СЕРАФИМА.

И что же, вы думаете: вѣдь барыня-то говорить, что ей лучше.... Ну, какое лучше: все тоже.... а она свое увѣряетъ: лучше, говорить, себя чувствую. Да ну, пускай бы ужъ коли такъ, губи свою душу, коли сама того хочешь, такъ вѣдь и домъ-то весь къ рукамъ прибралъ: все дѣлается по его, какъ онъ хочетъ.... Помните, тогда матушка Аксиныюшка, дай Богъ ей здоровья, дѣло говорила, что барышнѣ не стать за этого Троерукова идти, что онъ только на имѣніе норовить, а этотъ песъ повернулъ по своему: ужъ теперь у насъ Троеруковъ первый гость, и того и смотри старая барыня согласие свое дать, чтобы свадьбѣ быть.... Другая барыня молодая, Софья Сергѣевна, глазъ съ него не сводить, точно за женихомъ ходить. То все объ мужѣ плакала, а теперь и мужа позабыла. Вѣдь всѣхъ, матушка, приворожилъ. Право, ужъ я думаю, не самъ ли это въ образѣ чело-вѣческомъ въ нашъ домъ повадился.... Вѣдь ночи-то не сплю, Агния Афанасьевна, ночи не сплю.... боюсь.... такъ и лежу, не сплю.... боюсь, какъ бы мной-то не овладѣлъ въ ночное-то время. (Обращаясь къ Аксиныюшкѣ) Ну-те-ка, матушка, научите, какъ мнѣ тутъ быть, что дѣлать?

АКСИНЫЮШКА.

Баранъ хоть и съ рогами, а и комолая корова прибѣтъ.

СЕРАФИМА (къ Агнѣѣ Афанасьевнѣ).

Это къ чему же?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

А это, надо бѣть, матушка изволить говорить, что она можетъ преодолѣть силу этого нечестивца...

СЕРАФИМА.

Ахъ, матушка, какъ бы вы да этакое благодѣяніе оказали, кажется, всю бы жизнь васъ помнила да благодарила. Да и барыня-то, еслибы опомнилась, по гробъ бы жизни была вамъ благодарна. Не оставьте, матушка, помогите. (*Кланяется Аксиньюшкѣ*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Какъ же? Вѣдь матушкѣ-то надо бы побывать къ вамъ, а то заглазно-то чтò же она сдѣлаетъ...

СЕРАФИМА.

Объ этомъ-то я и пришла просить, не оставьте, пожалуйста къ намъ. Ужъ я выжду времячко, когда... и пришлю за вами.... Вы бы посмотрѣли на барыню-то: вѣдь совсѣмъ другая стала. Бывало, все охала да стонала, а теперь начала рядиться да молодиться. Чтой-то, Господи, за чудеса такія дѣлаются чудесныя!...

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (со вздохомъ).

Ахъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе, Серафима Яковлевна!... Да что же вы, пробовали ли говорить-то ей, что губить свою душу во грѣхѣ смертномъ, что довѣрилась нечестивцу?...

СЕРАФИМА.

Ахъ, Агнея Афанасьевна, такъ неужто не говорила? Сколько разъ!... Чтò, я говорю, вы, барыня, дѣлаете? куда вы себя готовите? Отъ чьей руки, я говорю, вы думаете пользу себѣ получить? Вѣдь, я говорю, это лукавой силой онъ васъ лѣчитъ... Такъ только смѣется: дура, говорить, ты, не смѣй этого говорить, ты не понимаешь: это, говорить, все происходитъ отъ науки.... Да какая, я говорю, это наука-то? Вѣдь, я говорю, эта наука-то извѣстная, отъ нечистой силы, молъ, вѣдь эта наука-то.... Такъ осержается.... Ну, да вѣдь ужъ и мнѣ-то стала вѣрить не по прежнему, ужъ и ко мнѣ-то не прежняя стала любовь-то. Нѣтъ, матушка, и отъ меня отворотилъ окаянный.

АКСИНЬЮШКА.

Ой, тяжело, тяжело! Увязла, не вытацишь ... Тяжелая ка-кая.... охъ!...

СЕРАФИМА.

Что, матушка? — неужто нельзя ее спасти, неужто ужь и вы не властны будете надъ ней?

АКСИНЬЮШКА.

Колодець—отъ глубокъ. Больно тяжело тащить—то.... дорого стоять.... охъ, дорого....

СЕРАФИМА.

Матушка, ничего не пожалѣемъ. Все въ вашихъ рукахъ будетъ, только помогите.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Повидать надо, Серафима Яковлевна....

СЕРАФИМА.

Ужъ устрою, подведу.... только пожалуйте.... Да ужъ коли и матушкины молитвы не возьмутъ силу, такъ и буду знать, что всѣ мы, видно, погибать должны. Охъ, не оставьте, родная, а я ужъ побѣгу домой, — пожалуй хватится.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да вотъ чайку бы....

СЕРАФИМА.

Нѣтъ, матушка, пора. Теперь вѣдь не прежнее времячко: пожалуй и заругаетъ.... Прощайте, матушка. Ужъ не оставьте; какъ подамъ вѣсточку, такъ пріѣзжайте, хоть посмотрите на наше горькое житье-бытье.... А авось, можетъ Богъ и дастъ вашими молитвами. Прощайте, матушка. Прощайте, Агния Афанасьевна.

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Прощайте, Серафима Яковлевна.... *(цалуются)*. Очень жалѣю объ вашихъ непріятностяхъ....

СЕРАФИМА.

Да ужъ такія непріятности, такія непріятности, что и сказать невозможно. *(пріостанавливается въ раздумьи)*. Ужъ не знаю, что и дѣлать....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что бы вамъ давно-то побывать къ матушкѣ-то? Вѣдь, подите-ка, недѣль чай съ шесть мы васъ не видали.

СЕРАФИМА.

Ужъ и именно давно бы мнѣ надо побывать къ вамъ. Да подите, и я-то совсѣмъ спуталась. Право, точно путаная какая.... Да все сначала думала, пройдетъ, да пройдетъ, а оно вотъ до чего дошло.... Ахъ, ужъ прощайте-ка, матушки мои.

Ужъ не оставьте. (*Кланяется и уходитъ. Агния Афанасьевна провожаетъ ее*).

АКСИНЬЮШКА (*векакиваетъ и бѣжитъ вслѣдъ за ними*).

Дай чайку. .. дай чайку....

(Перемѣна декораціи).

Столовая въ домѣ Александры Ивановны, среди комнаты круглый столъ, у стѣны стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДМИТРІЙ и ПАЛАГЕЯ.

ДМИТРІЙ (*отираетъ пыль съ мебели и приводитъ ее въ порядокъ*).

ПАЛАГЕЯ (*входя*).

Митрей, самоваръ поскорѣ подавать.

ДМИТРІЙ.

Да что больно рано? и барыня—то еще не вставала.

ПАЛАГЕЯ.

Софья Сергѣевна проснулась, велѣла подавать.

ДМИТРІЙ.

Что сегодня больно рано? а—то спать до одиннадцати....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, поскорѣ, поскорѣ велѣли. Барышня сейчасъ сойдетъ...

ДМИТРІЙ (*сердито*).

Больно много у насъ хозяевъ—то, не знаешь кому служить....
Еще поскорѣ.... У меня и самоваръ—то еще не поставленъ.

ПАЛАГЕЯ.

Какъ же это такъ? Неравно Готлибъ Эрнычъ встанетъ, а и чай неготовъ.

ДМИТРІЙ.

Вотъ еще баринъ, еще хозяинъ; мало, что каждый день съ утра до вечера торчитъ, еще и въ ночовку сталъ оставаться....
А ты служи.... Подганы!

ПАЛАГЕЯ.

Ну, поди же, поди поскорѣ.... Да посмотри, не проспнулся ли.

ДМИТРІЙ (*медленно выходя изъ комнаты, съ сердцемъ*).

Такъ все вдругъ: и самоваръ ставъ, и къ нему бѣги... черти!... (*уходитъ*).

ПАЛАГЕЯ (одна).

Дуракъ, дуракъ! Чѣмъ бы радоваться, что въ домѣ сторонніе люди завелись, гостятъ; чѣмъ бы прислуживать, чтобы какая благодарность перепала за службу, онъ еще осержается. Впрямь, что необходимый дуралей.... Иѣтъ, мнѣ много лучше стало, какъ этотъ гостекъ въ домѣ завелся: съ моей только говори объ немъ, такъ и дать, и дать что нибудь....

ЯВЛЕНИЕ II.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА и ПАЛАГЕЯ.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (входя).

Ну, что самоваръ?...

ПАЛАГЕЯ.

Велѣла подавать.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

А всталъ?...

ПАЛАГЕЯ.

Не знаю-съ.... Велѣла посмотреть.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА

Послушай, Палагея, ты не врешь, все это точно было, что давеча рассказывала?

ПАЛАГЕЯ.

Ужъ точно, сударыня. Неужели же ужъ стану передъ вами лгать?...

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Такъ какъ же ты говоришь? Онъ сталъ у нея руку цаловать, онъ сначала.

ПАЛАГЕЯ.

Да-съ; они, Готлибъ Эрнычъ, сначала поцаловали у нихъ ручку....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, а тетенька ихъ и изволили обнять за головку.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну....

ПАЛАГЕЯ.

Ну, и говорятъ: поцалуйте, говорятъ, меня, я васъ люблю, какъ сына роднаго, вы мнѣ можете служить замѣсто сына.... Жизнь, говоритъ, вы мою поддерживаете.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну, и поцаловались?

ПАЛАГЕЯ.

Да-съ, и изволили поцаловаться.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Что же они говорили послѣ этого?

ПАЛАГЕЯ.

Да я вѣдь ужъ вамъ докладывала, что очень, говоритъ, и я благодаренъ вамъ, и чувствую все ваше обхожденіе и ласки.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну, а тутъ что у нихъ было?

ПАЛАГЕЯ.

Я вамъ докладывала, что тутъ помѣшали, нельзя было смотрѣть-то-съ.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ну, поди же узнай: проснулся ли онъ, или нѣтъ.

ПАЛАГЕЯ.

Сейчасъ-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (одна).

Ай-да, тетушка! Вотъ эти святоши каковы! Въ какія лѣта и чѣмъ изволить заниматься! Недаромъ она стала рядиться.... Ха, ха, ха. Однакожь — онъ поцаловался съ ней.... Неужели онъ?... Быть не можетъ.... Нѣтъ, это онъ, вѣрно, для чего нибудь въ мою же пользу. (*вздыхаетъ*). Ахъ, Готлибъ, Готлибъ.... И можно же такъ увлечься человѣкомъ съ первой встрѣчи, какъ я имъ увлеклась. Да!... съ первой встрѣчи, съ перваго взгляда.... Да, онъ необыкновенный человѣкъ!... И въ сравненіи съ моимъ благовѣрнымъ супругомъ.... (*презрительно усмѣхается*). Неужели онъ сдѣлаетъ для меня все, что общаетъ? Но онъ все можетъ сдѣлать!

ЯВЛЕНИЕ IV.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА, ПАЛАГЕЯ, ДМИТРІЙ и потомъ ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ПАЛАГЕЯ (входя поспѣшно).

Встали-съ.... и сейчасъ самоваръ несутъ.... (*Дмитрій вноситъ и ставитъ на столъ чайный приборъ*).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (къ Дмитрію).

Всталъ Готлибъ Эрнстовичъ?

ДМИТРІЙ.

Ужъ совсѣмъ одѣлся.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Проси сюда чай кушать.

(Дмитрій уходитъ).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

А ты, Палагея, поди и смотри: какъ кто проснется, — тетенька или сестра, приди сюда сказать.

ПАЛАГЕЯ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (одна).

Что-то онъ мнѣ скажетъ сегодня?... (*подходитъ къ зеркалу и смотрится въ него*). Ахъ, тетушка! (*сѣмется*). Какова соперница отыскалась! Однако жъ я его спрошу: пусть онъ объяснитъ мнѣ свои отношенія съ нею. (*садится къ столу и начинаетъ готовить чай. Входитъ Зильбербахъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Здравствуйте. Рано же вы встали сегодня (*осматривается кругомъ и протягиваетъ руку*).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (подавая свою руку).

Нѣтъ, здѣсь никого нѣтъ. Люди всѣ заняты, а наши спятъ еще. (*Протягиваетъ ему руку къ губамъ, Зильбербахъ целуетъ ее и хочетъ съѣсть черезъ стулъ отъ Софьи Сергѣевны*).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (привлекаетъ его и сажаетъ съ собою рядомъ).

Что это значить, что вы удаляетесь? Извольте сѣсть рядомъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*садится и боязливо оглядывается*).

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Я вамъ говорю, здѣсь никто не увидитъ теперь. (*кладетъ ему руку на плечи и смотритъ въ глаза*). Безцѣнный!... (*протягивается къ нему, какъ бы выражая желаніе поцаловать*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (безпокойно озираясь).

Ахъ, Софія, того и жду, что кто нибудь войдетъ.... *(быстро цалуетъ ее и поспѣшно садится на другой стулъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея)*. Намъ нужно поторопиться переговорить о важномъ дѣлѣ.

СОФІЯ СЕРГѢВНА (кокетливо).

А, вы охладѣли ко мнѣ, вы измѣнили мнѣ.... И въ кого же влюбился? безстыдникъ! въ старуху.... Фи, какая гадость!... *(Съ миной наивнаго обиженнаго ребенка)*. Извольте-ка прежде всѣхъ вашихъ важныхъ дѣлъ объяснить мнѣ, зачѣмъ вы цаловались съ тетушкой?... а? что вы мнѣ скажете?... Что? сконфузились? Станете заператься?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (улыбаясь).

Нисколько... я и самъ признался бы вамъ въ этой измѣнѣ!.. Ничего не бойтесь: я ее цѣловалъ, какъ покорный и преданный сынъ нѣжную родительницу.

СОФІЯ СЕРГѢВНА (гримасничая).

Но я все-таки васъ ревную. За это вы должны мнѣ повторить, что вы меня любите, должны сказать мнѣ о любви вашей вашимъ чуднымъ языкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Готлибъ, не обманываете ли вы меня, искренно ли любите? Вы знаете, какъ я всегда была обманута въ своихъ чувствахъ. Можетъ быть и ты, Готлибъ, въ душѣ смѣешься надо мной, а я предалась тебѣ всѣмъ своимъ существомъ. *(Дѣлаетъ жестъ рукою, вздыхаетъ и опускаетъ голову на руку)* Пу, скажи мнѣ, что ты меня любишь... Скажи, какъ ты любишь меня...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ахъ, Софія, какъ же мнѣ не любить тебя!.. Ты для меня тоже, что холодный ключъ для пилигрима въ степи, изнывающаго отъ жажды, что отрадное теплое пристанище для путника, замерзавшаго отъ холода... Я одинъ на свѣтѣ, я сирота, у котораго нѣтъ, ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; я шелъ въ жизни одинъ, только со своей великой силой; я употребилъ ее, чтобы дѣлать добро людямъ, но люди всегда платили мнѣ черной неблагодарностью. Всѣ меня боялись, всѣ пользовались моей силой, но всякій, получа добро, убѣгалъ отъ меня, потому что тяжела ему казалась благодарность; только ты одна поняла и оцѣнила меня, ты первая изъ всѣхъ людей протянула руку дружбы и приняла одинокаго странника на свою пламенную

грудь: ты первая пролила бальзамъ утѣшенія въ его изсохшую одинокую душу... Какъ же мнѣ не любить тебя, Софія?

СОФІЯ СЕРГѢВНА (съ энтузіазмомъ).

Божественный!.. (Откидывая назадъ голову) Что за дивный языкъ, что за поэзія! (Улыло опуская голову) Ахъ, для чего я не свободна, чтобы передъ всѣмъ свѣтомъ объявить мою любовь къ тебѣ? Ахъ, зачѣмъ я такая несчастная!..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Только любите меня, только вѣрьте мнѣ, и я устрою ваше счастье. Вы будете имѣть состояніе, мы уѣдемъ куда нибудь и будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно. Вы видите, я уже сдѣлалъ половину дѣла: тетка стала любить и довѣрять вамъ болѣе, нежели Вѣрѣ. Слушайте же, что пужно теперь дѣлать: я расскажу вамъ поскорѣе, чтобы кто не помѣшалъ (оглядывается). Сегодня утромъ, можетъ быть сейчасъ, придетъ къ тетускѣ довѣренный противной стороны, съ которой она ведетъ тяжбу. Вы знаете, я хлопоталъ по этому дѣлу и устроилъ его такъ, что противники Александры Ивановны хотятъ идти ужъ на мировую. Но ей не надо соглашаться, а пусть она мнѣ дастъ полную довѣренность на управленіе своими дѣлами и я выиграю ей тяжбу непременно. Потомъ надо убѣдить старуху, чтобы она согласилась выдать Вѣру за Троерукова и общала ей имѣніе. Она выйдетъ замужъ, жить съ теткой не будетъ, а имѣнія никогда не получить, потому что оно будетъ у меня въ рукахъ, и мы вмѣстѣ такъ овладѣемъ теткой, что она все предоставитъ одной вамъ еще при жизни. Я берусь за это, а что я говорю то всегда сбывается. Вы знаете, воля старухи и здоровье ея въ моихъ рукахъ: что ни прикажу, она все сдѣлаетъ. Теперь я ее вылѣчилъ, она здорова, а захочу—завтра ее разобьетъ параличъ,—это во власти магнетизѣра... Ну, такъ не мѣшайте же мнѣ дѣйствовать, если желаете себѣ счастья... Лишь бы мнѣ только получить полную довѣренность, а тамъ все будетъ въ вашихъ рукахъ... Показывайте же видъ, что вы хлопочете за сестру, и просите тетку, чтобы она отдала ее замужъ и наградила... Согласны?..

СОФІЯ СЕРГѢВНА.

Я на все согласна, что приказываетъ мой Готлибъ, лишь бы онъ любилъ меня...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Готлибъ дѣлалъ добро и для людей, которые его не любили, а для того, кто его любитъ, онъ готовъ жертвовать жизнью.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Милый, безцѣнный!.. Ты мой?.. Скажи, что ты мой!.. (*протягиваетъ къ нему руки*) Ну, поди ко мнѣ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*дѣлаетъ знакъ рукой*).

Погодите, кто-то идетъ... (*Входитъ Палагея*).

ПАЛАГЕЯ.

Сестрица встали... Чай туда изволите послать, или...

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, проси сюда; скажи, что я и Готлибъ Эрнстовичъ ее ожидаемъ.

ПАЛАГЕЯ.

Слушаю-съ.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

А тетенька еще не проснулась?

ПАЛАГЕЯ.

Никакъ нѣтъ-съ.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Ну, ступай же, позови сестру!

(*Палагея уходитъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Смотрите же, вы не измѣняйте себѣ. Я буду говорить въ пользу Вѣры, а вы представляйте видъ, что недовольны этимъ, хотя будто бы и стараетесь скрыть свое неудовольствіе. А то ей покажется подозрительно, почему вы вдругъ измѣнились къ ней... понимаете?

СОФЯ СЕРГѢВНА (*съ улыбкой*).

А вы смотрите, не измѣните мнѣ для Вѣры.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Для этой дерзкой, самоувѣренной дѣвочки, которая думаетъ, что она всѣхъ умнѣе и хитрѣе...

СОФЯ СЕРГѢВНА.

О, мужчины очень непостоянны! ихъ души, ихъ сердца никто не разгадаетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Если бы вы говорили это не шутя, я разсердился бы на васъ. Развѣ я похожъ на обыкновенныхъ людей?.. Развѣ такой человекъ, какъ я, способенъ на измѣну той, которую онъ считаетъ своею роковой звѣздой, когда онъ знаетъ, что она указана ему судьбою, что она одна можетъ быть вѣрной спутницей его жиз-

ни, что только она одна может вѣчно... (*Останавливается и прислушивается*) Кажется, идутъ...

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (*вполголоса, торопливо*).

Сокровище мое, идолъ мой!... Все, все для тебя, самую жизнь.... на вѣки....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*тихо*).

Сс.... идутъ.... (*громко*). По моему, Вѣрѣ Сергѣевнѣ надо больше просить тетеньку.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ и ВѢРА СЕРГѢВНА.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Доброго утра, Вѣра Сергѣевна! (*подаетъ ей руку*).

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Здравствуйте, Готлибъ Эрнстовичъ. Здравствуй, сестра (*цалуется съ нею*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А мы ужъ давненько встали, и вотъ все толкуемъ съ Софьей Сергѣевной, только не совсѣмъ соглашаемся.... Какъ вы думаете, о комъ и о чемъ?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Не знаю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, попробуйте отгадать....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Отгадать мудрено, тѣмъ болѣе, что, какъ вы говорите, сестра не соглашается съ вами.... а этого, кажется, никогда не случается: она такъ вѣрять вамъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, такъ я вамъ скажу, мы говорили о васъ и объ Сергѣѣ Николаичѣ.

ВѢРА СЕРГѢВНА (*съ улыбкой*).

О, въ такомъ случаѣ мнѣ нисколько не странно, что сестра не соглашалась съ вами.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (*сухо*).

Что же, я изъ доброжелательства же къ тебѣ говорила.

ВѢРА СЕРГѢВНА (*иронически*).

О, конечно.... Позволь мнѣ чаю. (*Къ Зильбербаху*). О чемъ же именно вы разговаривали?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я говорилъ, что ваша любовь къ Сергѣю Николаичу никогда не можетъ пройти и что вы ни за кого не пойдете за-мужъ, кромѣ его.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

А я говорила, что ты, вѣроятно, никогда не рѣшишься выдти за-мужъ безъ согласія тетеньки.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ты справедлива, но въ душѣ, вѣроятно, думала другое.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, я говорила то, что думала, потому что ты конечно не захочешь лишиться милостей тетеньки, которую ты такъ любишь.... и которая никогда не согласится на этотъ неровный бракъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А я такъ думаю напротивъ, — что когда Александра Ивановна убѣдится, что чувство Вѣры Сергѣевны искренно и неизмѣнно, она дастъ свое согласіе.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Ну-съ, предоставляю вамъ мечтать о будущемъ. А я схожу посмотрѣть, не проснулась ли тетенька. (*встаетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ и ВѢРА СЕРГѢВНА.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (по уходѣ Софьи Сергѣевны, садится рядомъ съ Вѣрой).

Послушайте, Вѣра Сергѣевна, — я давно искалъ случая поговорить съ вами наединѣ; я все вижу и понимаю: сестра ваша васъ ненавидитъ и употребляетъ все усилія, чтобы вооружить противъ васъ тетку. Она и успѣла бы въ этомъ, если бы на вашей сторонѣ не было защитника.... Я понимаю васъ и люблю; съ Сергѣемъ Николаичемъ, вы знаете, мы очень сошлись: онъ славный молодой человекъ. Хоть онъ и сомнѣвается въ моей силѣ, но Богъ съ нимъ: я на это не сержусь. Я знаю, что онъ честный и благородный человекъ. Я такихъ людей больше уважаю, нежели тѣхъ, которые показываютъ видъ, что вѣрятъ мнѣ и льстятъ для того, чтобы я дѣйствовалъ въ ихъ пользу, какъ дѣлаетъ ваша сестра. О, я все вижу, меня мудрено обма-

нута. Но она ошибается: я желаю вамъ добра. И знайте, я такъ расположилъ вашу тетеньку, что она готова дать согласіе на вашъ бракъ съ Сергѣемъ Николаичемъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Что вы говорите, Готлибъ Эрнстовичъ.... неужели?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я вамъ говорю, стало быть это вѣрно.

ВѢРА СЕРГѢВНА (въ восторгѣ).

Дай вамъ Богъ здоровья. Я никогда не забуду, что вы для меня дѣлаете.... Но какъ бы не помѣшала сестра!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, она очень будетъ недовольна, особенно тѣмъ, что тетюшка хочетъ дать вамъ большую часть своего имѣнія,—и будетъ этому противодѣйствовать, но не бойтесь: Александра Ивановна даетъ мнѣ довѣренность на управленіе ея имѣніемъ, и я настою, чтобы она отдала вамъ еще до свадьбы все, что будетъ обѣщать.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, какъ мнѣ благодарить васъ? Я право не стою такой доброты съ вашей стороны.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (съ доброй улыбкой).

О, я знаю, что и вы не совсѣмъ вѣрили мнѣ, но для меня первое наслажденіе доказывать такимъ людямъ, что я честный и благородный человѣкъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Простите меня, простите ради Бога: я не понимала васъ. Я то вѣрила вамъ, то сомнѣвалась.... Но неужели это возможно? Неужели это все случится?..

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А вотъ увидите. Сегодня же просите тетеньку, и она согласится, я въ этомъ увѣренъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Еще разъ прошу, простите меня, что я иногда сомнѣвалась....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Э, полноте, я на это никогда не сержусь: это участь людей необыкновенныхъ, что на нихъ смотрятъ недоувѣрчиво и подозрительно. Гдѣ же вамъ понять то, что и самъ я только чувствую, а объяснить не могу!... Я знаю и доказывалъ вамъ, что во мнѣ есть особенная сила, а почему она дана только мнѣ одному, почему я знаю?... Одно мнѣ прискорбно, если вы иногда дума-

ли, что я въ состоянн дѣлать зло людямъ добрымъ.... Вы должны бы замѣтить давно, что я желаю вамъ добра: вспомните, какъ смотрѣла тетенька на Сергѣя Николаича прежде, до меня, и какъ смотритъ теперь? Неужели вы не догадывались, что онъ мнѣ этимъ обязанъ? Вотъ сестру вашу, признаюсь, я не люблю, потому что и она никого не любитъ, кромѣ себя и денегъ; и если я допускалъ ее сближаться съ Александрой Ивановной, такъ именно только для того, чтобы тетушкѣ не казалось, что я къ вамъ одной пристрастенъ; но она черезъ это ничего не выиграетъ, лишь бы мнѣ васъ устроить.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, я чувствую себя виноватой передъ вами, и чтобы очистить совершенно свою совѣсть, выскажу еще послѣднее сомнѣнне, только дайте слово, что вы не разсердитесь.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Даю, и напередъ вамъ скажу, о чемъ вы хотите спросить: зачѣмъ я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла? Не такъ ли?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да, именно. Вы сердцеѣдецъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, слушайте же.... Я сирота, одинъ въ свѣтѣ, у меня никого нѣтъ въ мірѣ, я не помню ни отца, ни матери. И въ тоже время природа дала мнѣ такую силу, которой нѣтъ у другихъ людей; когда я почувствовалъ ее въ себѣ, я сказалъ себѣ: ты человѣкъ роковой, ты одинъ въ мірѣ, безъ роду, безъ племени, но тебѣ дано то, чего никто не имѣетъ, слѣдовательно ты посланъ служить человѣчеству, и весь родъ человѣческій тебѣ родня. Иди и помогай тамъ, гдѣ почувствуешь, что твоя помощь нужна... И я иду и дѣлаю добро вездѣ, гдѣ могу, дѣлаю добро и ухожу дальше. У меня нѣтъ цѣли, къ которой бы я стремился, нѣтъ мѣста, гдѣ бы я думалъ остановиться и отдохнуть. Мнѣ всѣ люди братья, но злымъ я не протягиваю руки помощи. Не для нихъ послана моя чудная сила... Но вы, можетъ быть, не поймете меня....

ВѢРА СЕРГѢВНА.

О, нѣтъ, нѣтъ!... Теперь я понимаю и вѣрю вамъ, вы дѣйствительно человѣкъ необыкновенный!..

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ, СЕРАФИМА, АКСИНЬЮШКА и АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

СЕРАФИМА (отворяя двери).

Пожалуйте, матушка, сюда; я сейчас доложу барынѣ...

(Входятъ Аксиньюшка и Агней Афанасьевна).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (съ изумленіемъ къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Это кто?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (вполголоса).

Ахъ, это одна юродивая, которую тетенька считаетъ предсказательницей, а мнѣ кажется—она просто плутовка... Мнѣ она очень повредила.

СЕРАФИМА (усаживая гостей).

Садитесь, матушка... Барыня скоро выйдутъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

Серафима, да развѣ тетенька посылала за ними?

СЕРАФИМА.

Нѣтъ, барышня. Матушка сами изволили удостоить своимъ посѣщеніемъ.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (тихо Серафимѣ).

А, можетъ быть, тетенькѣ не угодно. Зачѣмъ ты приняла, не спросившись?

СЕРАФИМА.

Такъ неужели, сударыня, такому человѣку отказать, коли тетенька принимали, бывало, за счастье ихъ посѣщеніе?...

АКСИНЬЮШКА (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Али не рада, соколена? Давай чаю-то.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (къ Зильбербаху вполголоса).

Что мнѣ дѣлать?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (пожимая плечами).

Какихъ людей у васъ пускаютъ!

СЕРАФИМА.

Вотъ, матушка, я сейчас велю другой самоваръ разогрѣть для васъ, этотъ ужъ потухъ... (Уходитъ).

АКСИНЬЮШКА.

Забрался воръ въ хоромы, поймала вора ворона, испугался воръ вороны... Ха, ха, ха!...

АГНЕЯ АФАНАСЕВНА.

Погодите, матушка, вотъ сама барыня выйдетъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ).

Что, она прикидывается дуручкой?...

ВѢРА СЕРГѢВНА (также).

Да.... и все говорить намеками. Тетенька прежде ей очень вѣрила.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢЖЕ и АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢВНА въ сопровожденіи СЕРАФИМЫ.

СЕРАФИМА (слѣдуя за Александрой Ивановной).

Сами удостоили этой чести.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (разряженная, но смущенная).

Здравствуй, Аксиныюшка; давно я тебя не видала.

АКСИНЬЮШКА (болтаетъ ногами и хохочетъ).

Молодая, молодая здравствуй!... Форы, моры, а грѣхи-то на душенькѣ, а воръ-то въ дому. Ха, ха, ха.

(Александра Ивановна еще болѣе смущенная здоровається съ Зильбербахомъ и Вѣрой Сергѣевной).

АКСИНЬЮШКА.

Эй, matka, за-мужъ что ли вышла? Ха, ха, ха.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что ты такое говоришь, Аксиныюшка? я не знаю. А вотъ порадуйся-ка: я почти совсѣмъ поздоровѣла, вотъ этотъ лѣкарь меня вылѣчилъ. (Указываетъ на Зильбербаха).

АКСИНЬЮШКА.

Какъ онъ тебя вылѣчилъ-то? (Хохочетъ) Много ли въ приданое-то принесла? Давай ему денегъ-то больше, онъ всю оберетъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (обращаясь къ Агнѣ Афанасьевнѣ).

Что она такое говоритъ?... Я право не понимаю.

АГНЕЯ АФАНАСЕВНА.

Извольте, матушка, сами разсудить. Блаженная душа, кто ее знаетъ, къ чему говорить.

(Александра Ивановна со смущеніемъ смотритъ на Зильбербаха).

АКСИНЬЮШКА.

Завела лебедка дружка коршуна. Коршунъ дружокъ весь домъ заполонилъ. Обвожжалъ лебедку, да и норовить весь домъ разорить.... Ха, ха, ха!... Толкай его въ зашей, толкай его въ зашей, а то бѣда, бѣда....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (смущенная, обращается къ Зильбербаху).

Какое странное существо.... Не правда ли?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (внимательно наблюдавший за всѣми).

А вотъ я сейчасъ объясню вамъ это странное существо....
(Подходитъ къ Аксиньюшкѣ и смотритъ ей прямо въ глаза).

АКСИНЬЮШКА.

А-а, бука, бука!... нечистая власть, батюшки мои, спасите, сохраните, помилуйте....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (не спуская глазъ съ Аксиньюшки).

Ты, говорятъ, предсказываешь, а не хочешь ли и я тебѣ буду предсказывать? Ты говоришь что-то такое для того, чтобы про меня здѣсь подумали дурно. И я знаю, кто тебя научилъ. Смотри: вотъ кто (указываетъ вдругъ на Серафиму).

СЕРАФИМА (испугавшись).

Какъ можно, что вы это, сударь.... Какъ я могу.... (Лицо ея выражаетъ крайнее смущеніе).

(Аксиньюшка хохочетъ притворно).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Серафима была у тебя, наговорила на меня разнаго вздора и привела сюда, чтобы выжить меня изъ дому.

СЕРАФИМА.

Нѣтъ-съ, они сами....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Она тебя привела. Александра Ивановна, смотрите на Серафиму: ея лицо доказываетъ, что я говорю правду. Софья Сергѣевна, Вѣра Сергѣевна, смотрите на нее. Правда ли моя?

ВѢРА СЕРГѢЕВНА (довольная).

Это сейчасъ видно, что правда: Серафима не знаетъ, куда глаза дѣвать.

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

Это удивительно! Какъ вы все проникаете!...

СЕРАФИМА.

Да нѣтъ-съ, это неправда.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Молчи!

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Вотъ такъ предсказательница! (*Весело смѣется*).

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (къ Александрѣ Ивановнѣ).

Мы, сударыня, не знали, что придемъ къ вамъ на посмѣяніе и что вы позволите срамить ложными словами блаженную душу.... Пойдемъ, матушка....

АКСИНЬЮШКА (къ Александрѣ Ивановнѣ).

Умрешь, грѣшница....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я ничего.... Я....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Не беспокойтесь, Александра Ивановна, не умрете, а вотъ она, эта предсказательница, еще со мной раздѣляется.

АКСИНЬЮШКА.

Рѣзать хочеть... Батюшки, рѣзать хочеть....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Что же вы, сударь, съ нами можете сдѣлать?...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я знаю, что надо дѣлать съ такими мошенниками, какъ вы: развѣ позволено ѣздить по домамъ и выдавать простую бабу за предсказательницу?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Она, сударь, не предсказательница, а блаженная душа.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Что значитъ блаженная душа? Какъ ты смѣешь ее такъ называть?...! Чѣмъ она занимается?

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА.

Да что же намъ, сударь, вамъ отвѣтъ давать? Вы не начальство наше. Пойдемъ, Аксиныюшка.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, погодите, я вотъ сейчасъ пошлю за квартальнымъ. Тогда увидимъ, куда пойдетъ эта предсказательница.

АКСИНЬЮШКА.

Ай, ай.... Батюшки, помогите....

АГНЕЯ АФАНАСЬЕВНА (оробѣвъ).

Что же вамъ, сударь, ваше благородіе, насъ такъ обижать? Мы не съ тѣмъ пришли....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, Готлибъ Эрнстовичъ, отпустите ихъ.... Богъ съ ними....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ступайте вонъ, да не смѣть впередъ этимъ заниматься. Вездѣ отыщу васъ.... Слышите.... Вонъ!

(Агнея Афанасьевна и Аксиныюшка поспѣшно уходятъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (къ Серафимѣ).

А ты зачѣмъ такъ, милая, дѣлаешь: это не хорошо....

СЕРАФИМА.

Напрасно, сударь.... Я ни въ чемъ не виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, ну, а ты не запирайся, а то хуже будетъ. Ты видишь, что я насквозь вижу душу человѣка. Винись скорѣе и я попрошу барыню, чтобы она тебя простила. А не повинись, — смотри, худо будетъ.

СЕРАФИМА (бросается въ ноги къ Александру Иванову).

Простите меня, сударыня! Согрешила грѣшная, виновата.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужъ простите ее, Александра Ивановна, коли признается.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Пошла вонъ, мерзкая этакая, негодница! Какова! чѣмъ стала заниматься!... Пошла вонъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ужъ простите ее....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, ступай. Впередъ не смѣй этого и думать!

(Серафима цалуетъ ручку Александры Ивановны и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢЖЕ безъ СЕРАФИМЫ, АКСИНЬЮШКИ и АГНЕИ АФАНАСЬЕВНЫ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, какъ я рада, что вы обличили эту обманщицу!

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Каково, тетенька, только взглянулъ. Вотъ что значитъ наука!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, удивительно! Ну, что ты хочешь, разумѣется, и наука и даръ. *(Смотритъ съ улыбкой на Зильбербаха)* Только посмотрѣль и все разсѣяль!...

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А это ужасно досадно: сколько въ Россіи такихъ обманщиковъ! Славная страна, а какъ суевѣрна!...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, ужасно! А все оттого, — наука еще не дошла до насъ. А вотъ какъ побольше будетъ являться у насъ такихъ, какъ вы, такъ и мы будемъ умнѣе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ и ДМИТРІЙ.

ДМИТРІЙ *(къ Александрѣ Ивановнѣ)*.

Какой-то Оматовъ пріѣхалъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Оматовъ! А, это тотъ дѣлецъ, частный стряпчій, о которомъ я вамъ говорилъ, довѣренный отъ вашего соперника по тяжбѣ. Зачѣмъ бы онъ это къ вамъ?... Видно, испугался, что проигрываетъ дѣло.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же? принять его или нѣтъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Конечно, примите....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА *(Дмитрію)*.

Проси.

(Дмитрій уходитъ).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Знаете что: я уйду, какъ будто меня нѣтъ совсѣмъ: мнѣ хочется знать, что онъ будетъ говорить безъ меня....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, нѣтъ! Какъ же вы меня одну оставите? Я ничего не знаю.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я приду, приду опять. Мнѣ хочется только знать, что онъ безъ меня будетъ говорить. А вы смотрите, ни на что не соглашайтесь. Онъ большой плутъ.... Пойдемте, *mesdames*....

(Беретъ Софью и Вѣру подъ руки и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и ОМУТОВЪ.

ОМУТОВЪ (входя и разшаркиваясь).

Позвольте мнѣ, *madame*, имѣть честь представить вамъ себя: коллежскій секретарь, Федоръ Васильичъ Омутонъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (гордо).

Что вамъ угодно?

ОМУТОВЪ.

Я частный стряпчій по дѣламъ, то есть адвокатъ, какъ называется за границей, и довѣренный по дѣлу съ вами полковника Ахлебенева....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, такъ что же?

ОМУТОВЪ.

Я вижу вы, *madame*, принимаете меня не за такого человека. Позвольте мнѣ сѣсть и объяснить вамъ себя. (*Садится*). Вы, кажется, принимаете меня за стариннаго сутяжника, крючка. Но вы ошибаетесь: вы видите, я человекъ молодой и современнаго образованія. Я не приказный, а юристъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вы дворянинъ?

ОМУТОВЪ.

Я личный дворянинъ по чину, но я долженъ признаться, что я изъ духовнаго званія. Но это ничего-съ. Я не то, что другіе семинаристы. Я получилъ воспитаніе и знаю всѣ общественныя манеры и свѣтское обращеніе.... Вотъ видите: хотя я сынъ духовнаго лица, но село наше принадлежитъ князю Звѣреву. Князь Звѣревъ — мой папаша крестный. Папаша крестный, когда прїѣзжали въ село, всегда брали меня къ себѣ и держали съ своими дѣтьми, гдѣ я и могъ почерпнуть все свѣтское образованіе....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Но что же мнѣ-то до этого.... Вы имѣете до меня дѣло?...

ОМУТОВЪ (перебивая).

Позвольте.... Я вамъ совершенно объясню себя, чтобы вы не нушались моего общества. Я даже могу сказать, что имѣю подозрѣніе, не былъ ли папенька крестный моимъ роднымъ от-

цемъ, потому попеченіе ихъ обо мнѣ было совершенно родительское....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (съ важностію).

Помилуйте, что вы мнѣ рассказываете....

ОМУТОВЪ.

Ну-съ, прошу извиненія.... Я хотѣлъ вамъ только доложить, что можетъ быть и во мнѣ есть дворянская кровь и что я имѣю вѣсь въ обществѣ. Папенька крестный опредѣлилъ меня послѣ семинаріи въ здѣшнюю гражданскую палату. Я прошелъ всѣ должности до столоначальника и сдѣлался отличнымъ юристомъ. Тогда я подумалъ, подумалъ и написалъ папашѣ, что хочу выдти въ отставку и заняться частными дѣлами. Вотъ видите, мы, люди современные, такъ разсуждаемъ: служить — надо брать взятки, безъ этого нельзя, — жить нечѣмъ.... Ну, а мы, люди современные, понимаемъ, что взятокъ брать не слѣдуетъ. Хотя нынче и въ гражданскихъ палатахъ все облаго-родилось; тамъ уже нынче не станутъ васъ прижимать и тянуть рубль за рублемъ, а прямо скажутъ, чего стоитъ дѣло, потому — все ужъ расчитано.... Ну, вы ужъ и знаете одного, ему и платите, а они ужъ тамъ какъ знаютъ между собой, такъ и дѣлается. Конечно, это очень хорошо, и деликатно, и дѣло чистое, вѣдь всякій понимаетъ, что безъ этого нельзя. Но все это какъ-то, знаете, не утверждено еще закономъ, не такъ свободно. Я рѣшился лучше заняться частными дѣлами. Всякій образованный человѣкъ нынче разсуждаетъ такъ: у васъ тяжба, вамъ хочется ее выиграть, но вы не имѣете ни требуемаго знанія, ни знакомствъ, вы не юристъ, а я юристъ; вы приходите ко мнѣ и объясняете дѣло; я вамъ говорю: хорошо, вамъ хочется купить мои знанія и мой трудъ, извольте: вотъ чего стоитъ выиграть ваше дѣло; вы соглашаетесь или нѣтъ — это ваше дѣло, тутъ знаете полюбовное соглашеніе, прижимки нѣтъ; вы согласились — я хлопочу за васъ, не согласились — я продаю свои труды, свои знанія другому, хоть бы вашему сопернику, для меня все равно. Это таже торговля, нынче всѣ стали умнѣе и поняли, что весь міръ и даже всякое государство стоитъ и держится только торговлей, что можно и должно всѣмъ торговать, что всякій продаетъ то, чего у него много, и покупаетъ то, чего у него нѣтъ.... Вотъ я какой человѣкъ!... За это меня цѣнятъ и уважаютъ всѣ образованные люди.... Если есть какое дѣло у знатнаго и образованнаго человѣка, то будьте увѣрены, что по

этому дѣлу стряпчій непременно я.... потому—я понимаю вещи, и самъ человѣкъ современный, образованный, а не какой нибудь крючокъ стараго вѣка.... Я заключилъ съ вами условіе, беру съ васъ деньги и ужь дѣлаю въ вашу пользу все, что ни захотите... Не бывало дѣла, котораго бы я не выигралъ, взявшись за него, потому что въ этомъ мой собственный интересъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Значить, вы надѣетесь выиграть и дѣло со мной?

ОМУТОВЪ.

Не только надѣюсь, но я уже его и выигралъ.... Извините меня, *madame*.... но вы дѣло свое проиграли....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (поблѣднѣвъ).

Какъ проиграла? Чтò вы говорите? У меня тоже есть довѣренный, который хлопочетъ за меня....

ОМУТОВЪ.

Это, вѣрно, изъ иностранцевъ, нѣкто Зильбербахъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да.... И неужели вы думаете, что онъ позволить вамъ выиграть у меня мое правое дѣло? Этого быть не можетъ...

ОМУТОВЪ (улыбаясь).

Извините, *madame*, но я вамъ долженъ сказать, что этотъ г. Зильбербахъ, во-первыхъ, ничего не понимаетъ въ дѣлахъ, во-вторыхъ онъ плутъ и только обманываетъ васъ. На этихъ недѣляхъ дѣло ваше будетъ слушаться. И вотъ не угодно ли вамъ видѣть выписку съ рѣшенія, по которому вы не только теряете вашу деревню.... Конечно, это не все ваше имѣніе, но все-таки потеря значительная.... А главное, вы должны будете заплатить 25 тысячъ рублей сер. за завладѣніе, протори и убытки.... Не угодно ли прочитать?... (*Подаетъ бумагу*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (дрожащими руками беретъ бумагу, блѣдная и растерявшаяся).

Что же это такое, Господи!... Неужели это можетъ быть.... Ахъ, я несчастная!...

ОМУТОВЪ.

Madame, успокойтесь, успокойтесь. Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ современнымъ, образованнымъ. Успокойтесь, выслушайте меня. Къ дамамъ я питаю всегда особенное уваженіе и стараюсь оказывать имъ всевозможныя услуги. Я для этого къ вамъ и пріѣхалъ.... Дѣло въ моихъ рукахъ. Мой до-

вѣритель ничего не знаетъ, какъ оно идетъ. Отъ меня зависитъ нѣсколько облегчить ваше положеніе и измѣнить рѣшеніе. Для меня все равно за кого бы не хлопотать: угодно вамъ дать мнѣ 5 тысячъ рублей серебромъ, и я устрою дѣло такъ, что до-вѣритель мой помирится съ вами, если вы согласитесь отдать ему находящуюся въ тяжёбномъ имѣніи лѣсную пустошь, а деревня останется за вами....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Боже мой, что это такое! Что со мной дѣлаютъ?...

ОМУТОВЪ.

Благороднѣе этого поступить нельзя: вы дадите только 5 тысячъ, а сохраните деревню и не должны будете платить 25 тысячъ рублей....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, я несчастная!... Неужели онъ обманулъ меня?... Что же это такое.... Господи!... (*Кричитъ*) Готлибъ Эрнстовичъ, Готлибъ Эрнстовичъ....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*быстро входя*).

Что, что такое? (*Увидя Омутава*) А, здравствуйте.... Что такое?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что вы сдѣлали со мной? Вы увѣряли, что я выиграю дѣло, а я проиграла. Я разорена.... убита.... Что вы со мной сдѣлали?... (*Рыдаетъ*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да растолкуйте мнѣ, что такое?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что такое?... Вотъ посмотрите, прочитайте.... (*Подаетъ со стола бумагу*).

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (*пробѣжавъ бумагу, къ Омуту*).

Это что же такое-съ?...

ОМУТОВЪ (*нѣсколько смутившись*).

Это, это рѣшеніе по дѣлу....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (смотря на него прямо въ глаза).

Это рѣшеніе по дѣлу Александры Ивановны?

ОМУТОВЪ (смущенный протягиваетъ руку, намѣреваясь взять бумагу).

Да-да-съ.... Что же-съ?...

(Зильбербахъ не даетъ бумаги).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

И онъ проситъ 5 тысячъ серебромъ, чтобы помирить меня съ Ахлебевымъ на одной лѣсной пустоши....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (выразительно).

Такъ вы вотъ какими дѣлами занимаетесь, милостивый государь!...

ОМУТОВЪ.

Что же такое?... Я имѣю право предлагать свои услуги.... Я адвокатъ.... Я не принуждаю....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (показывая издали бумагу и не давая ее взять у себя Омуту).

А это что? Это копія съ рѣшенія гражданской палаты? Такъ вы занимаетесь составленіемъ фальшивыхъ документовъ?

ОМУТОВЪ (оробѣвъ).

Это.... это не документъ....

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Все равно: это подложная бумага, посредствомъ которой вы хотѣли выманить себѣ деньги. И вы написали ее своею рукою.... Я знаю ее. И на это у васъ не стало осторожности.... А, такъ вы вотъ чѣмъ занимаетесь съ вашимъ довѣрителемъ!... Развѣ я не знаю, какъ идетъ дѣло? Развѣ я не знаю, что оно приготовлено къ рѣшенію въ пользу Александры Ивановны? а? Ахъ, вы плутъ этакой!...

ОМУТОВЪ.

Вы не можете.... не имѣете права такъ говорить.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Нѣтъ, честный человѣкъ имѣетъ право называть настоящимъ именемъ такихъ мошенниковъ, какъ вы. Вы посягали на мою честь.... Я взялся хлопотать за правое дѣло.... А главное, возмутили спокойствіе дамы, которую я люблю и уважаю, какъ мать, интересы которой для меня дороже своихъ собственныхъ.... Да хорошо.... что съ вами говорить!... Ступайте вонъ. А съ этой бумагой я посажу васъ въ острогъ вмѣстѣ съ г. Ахлебевымъ.

ОМУТОВЪ.

Простите великодушно.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ступайте вонъ, негодяй!... А то я велю васъ вытолкать.

ОМУТОВЪ.

Я человѣкъ семейный... сударыня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вонъ, я вамъ говорю. Мы еще съ вами увидимся.

ОМУТОВЪ (медленно идетъ и останавливается у дверей).

Madame, пожалѣйте моей жены и дѣтей.... васъ прошу я.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Я вамъ сказалъ, чтобы вы шли вонъ и не смѣли беспокоить своимъ присутствіемъ эту почтенную даму.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Готлибъ Эрнстовичъ, простите его.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Тамъ увидимъ! Ступайте. А бумагу я вамъ не отдамъ.

ОМУТОВЪ.

На ваше великодушіе, *madame*, возлагаю всю свою надежду. Отъ васъ будетъ зависѣть моя судьба (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА и ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

А, каковы мошенники? Что выдумали?... Ну, вотъ меня бы не случилось, вѣдь вы бы и повѣрили, пожалуй бы и денегъ ему дали.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да я и теперь, признаюсь вамъ, Готлибъ, совсѣмъ было ему повѣрила.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, какъ же вамъ не стыдно; если вы повѣрили ему, значить усомнились во мнѣ! Это мнѣ обидно.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Готлибъ, вѣдь я женщина; долго ли меня обмануть?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да, я согласенъ, что женщина, несвѣдущая въ дѣлахъ, всему повѣрить.... Но какъ же вы сомнѣваетесь во мнѣ? Еще ли

мало доказывалъ я вамъ и свою честность, и любовь къ вамъ?... Нѣтъ, Богъ съ вами, это мнѣ обидно.... Я васъ оставляю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, нѣтъ, Готлибъ.... Ради Бога, простите меня.... Что я стану дѣлать безъ васъ? Я совсѣмъ пропаду. Готлибъ, милый подите сюда, простите меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

И если бы не эта глупая привязанность ко всѣмъ моимъ болѣнымъ, я давно бы васъ бросилъ. Что это такое? Вамъ нужно спокойствіе; малѣйшая непріятность можетъ опять возвратить къ вамъ прежнюю болѣзнь; я хлопочу, удаляю отъ нея всѣ непріятности, разрушаю всѣ планы добрыхъ людей, которые хотятъ ее обогреть, и стоитъ только отвернуться, чтобы первый мошенникъ разрушилъ всѣ мои труды.... На что это похоже. Нѣтъ, я брошу васъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Послушайте, Готлибъ, возьмите себѣ все въ управленіе, я васъ давно прошу объ этомъ; освободите меня отъ всѣхъ этихъ непріятныхъ дѣлъ, въ которыхъ я ничего не понимаю.... только не покидайте меня. Другъ мой, не бросайте меня!... что будетъ со мною безъ васъ?... Теперь въ васъ вся моя радость, вся моя жизнь.... Я и жить-то начала только съ тѣхъ поръ, какъ вы начали меня лѣчить. Нѣтъ, ради Бога,—я васъ прошу, умоляю, возьмите все имѣніе, всѣ дѣла въ ваше распоряженіе. Я ни на что не рѣшусь, ничего не стану дѣлать безъ вашего приказанія.... Готлибъ Эрнстовичъ!... ну, не сердитесь же на меня.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, хорошо, положимъ, что я и возьму все въ свое управленіе.... Что же изъ этого будетъ?... Конечно, я знаю, что въ два три года я приведу всѣ ваши дѣла въ такой порядокъ, въ какомъ онѣ никогда не бывали. Я буду трудиться, беспокоиться,—и какая же награда? Вы будете сомнѣваться, подозрѣвать меня.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

О, нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ. Если бы у меня былъ братъ, сынъ, мужъ, я и тому бы не могла вѣрить такъ, какъ вамъ. Ахъ, Готлибъ Эрнстовичъ, подойдите же ко мнѣ, скажите, что вы простили меня. Мнѣ ужасно тяжело!

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

О, я знаю, что вы изстрадаетесь, умрете въ ужасныхъ мученіяхъ, если васъ теперь брошу, и никто не въ силахъ вамъ

будеть помочь, потому что послѣ такого магнетизера, какъ я, никто не можетъ лѣчить.... Боже мой, вспомните, каковы вы были.... я чисто оживилъ васъ! И чего же просить человѣкъ въ награду за все, что онъ дѣлаетъ для людей? — одной благодарности и довѣрія.... И того люди не умѣютъ дать ему.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, не говорите такъ про меня—. Миѣ тяжело, миѣ тошно. Я благодарю васъ, я готова все отдать для васъ.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Да я-то ничего не возьму. Неужели вы думаете, что я чѣмъ нибудь дорожу и чего нибудь ожидаю отъ васъ?. Вы знаете: вся Москва знаетъ и говоритъ обо миѣ, вся знаетъ ищетъ моего знакомства.... Но посланникамъ рока ничего не въ состояніи дать прочіе люди, имъ ничего не надо, они посланы дѣлать добро, и дѣлаютъ его, служатъ людямъ, и ничего не хотятъ брать отъ людей за свою службу, какъ бы она ни была тяжела. Ну, Богъ съ вами.... Миѣ васъ жаль, я васъ прощаю.... Извольте, я согласенъ взять отъ васъ довѣренность на полное управленіе имѣніемъ, только прошу васъ объявить объ этомъ племянницамъ и растолковать, какую милость хочу я сдѣлать для васъ по вашей просьбѣ. Ну, оставимъ объ этомъ говорить; ужё я приготавливаю довѣренность и вы ее подпишете. Поговоримте о другомъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, подойдите же ко миѣ, дайте миѣ васъ поблагодарить, какъ друга, какъ брата или какъ сына, чтобы я видѣла, чувствовала, что вы меня простили.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ (подходить и цалуесть у нея руку).

Къ несчастію я васъ люблю больше, нежели вы меня, больше, нежели любилъ бы васъ братъ или сынъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (обнимаетъ его съ восторгомъ).

Другъ мой, чтò вы говорите. Неужели это правда?... Ахъ, повторите, повторите еще разъ.... Требуйте отъ меня всего, чего вы хотите.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ. (освобождаясь изъ объятій).

Миѣ ничего не надо, кромѣ вашей любви, благодарности и полного довѣрія.... Когда я увѣрюсь въ этомъ, я сдѣлаю для васъ вашу жизнь одною свѣтлою радостью.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (закрывая лицо руками)

Ахъ! — Онъ меня любитъ.... Боже! за что такое счастье.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Ну, успокойтесь же, успокойтесь.... Миѣ еще вамъ нужно сказать: зачѣмъ вы не соглашаетесь на бракъ Вѣры? Ну, что вы ее держите при себѣ? Чего дожидаетесь?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же, надо согласиться?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Конечно. Вѣдь ужъ она не разлюбитъ его; это я вамъ говорю. Чего же вы хотите въ самомъ дѣлѣ? Если вы боитесь, чтобы онъ не промоталъ состоянія, такъ не давайте вдругъ приданого, которое обѣщали; дайте теперь только незначительную часть, а остальное послѣ, когда убѣдитесь въ немъ. Для поддержки же можно выдавать имъ ежегодно весь доходъ съ того имѣнія, которое ей назначаете.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ вы находите, что миѣ слѣдуетъ дать согласіе на ея бракъ?

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

думаю.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Смотрите же, Готлибъ, какъ я васъ слушаю.... Эй, кто тутъ? *(звонитъ)*.

ЗИЛЬБЕРБАХЪ.

Вы теперь же объявите ей всѣ обѣщанія, о которыхъ мы сейчасъ говорили. *(Входитъ слуга)*.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Позови поскорѣ Вѣру Сергѣевну. *(Слуга уходитъ)*. Не только это, все, все, что ни захотите, что ни прикажите, все буду дѣлать.... Я чувствую, я вся ваша.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢЖЕ и ВѢРА СЕРГѢЕВНА.

ВѢРА СЕРГѢЕВНА *(вбѣгая)*.

Чего изволите, тетенька?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я хочу объявить тебѣ радость.... Я согласна на твой бракъ съ Сергѣемъ Николаичемъ.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Тетенька, душенька.... *(бросается къ ней и обнимаетъ ее)*.
Благодарю васъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Благодари Готлиба Эрнстовича. Онъ хочетъ сдѣлать всѣхъ
насъ счастливыми.

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Гостиная въ домѣ Александры Ивановны).

ЯВЛЕНІЕ I.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА и ПАЛАГЕЯ.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА *(выходить изъ дверей направо)*.

Господи, когда же наконецъ это кончится: эта старуха просто невыносима. Ухаживаешь, услуживаешь, а отъ нея только и видишь, что упреки, да капризы. Ничѣмъ не угодишь. А еще Богъ знаетъ изъ-за чего и хлопчешь-то. Пожалуй, бьешься, бьешься, да и уѣдешь, съ чемъ пріѣхала. Отъ ея скупости всего можно ожидать. Гдѣ ты, милый Готлибъ? Живъ ли ты, здоровъ ли? Что съ тобой сдѣлалось? Неужели ты не чувствуешь, какъ страдаетъ твоя Софія? Милый, безцѣнный! Неужели ты бросилъ меня?... *(плачетъ)*.

ПАЛАГЕЯ *(осторожно входитъ и замѣтя, что Софья Сергѣевна плачетъ, быстро подходитъ къ ней)*.

Чтой-то, матушка Софья Сергѣевна? о чемъ это? Неужто ужъ это о томъ, что съ тетенькой-то контра у васъ вышла?... Полноте-ка, полноте, сударыня! Объ этомъ плакать, слезъ не достанетъ. Развѣ вы не изволите замѣчать, что тетенька теперь сами не въ себѣ оттого, что Готлибъ Эрнычъ долго не ѣдетъ и письма не шлетъ. Вотъ оттого и рветъ и мечетъ, и все не по нимъ. А къ тому еще и Серафима, и сестрица-то подбиваютъ противъ васъ. Вотъ и сейчасъ Вѣра-то Сергѣевна пріѣхали да прямо и пошли къ тетенькѣ.

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА.

Одна, или съ мужемъ?

ПАЛАГЕЯ.

Одни. А вы, матушка, не убивайтесь. Вотъ только бы прѣхалъ Готлибъ Эрнычъ. Онъ все повернетъ по старому. Опять пойдетъ на вашу руку.

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА.

Прѣдетъ! А когда онъ прѣдетъ?... Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я измучилась, изтерзалась отъ одной мысли, что не увижусь съ нимъ болѣе. И некому высказаться, не съ кѣмъ поговорить, чтобы облегчить свое горе. Конечно ты все знаешь, но ты не можешь имѣть понятія о моихъ чувствахъ.

ПАЛАГЕЯ.

Отчего не имѣть понятія?... Ужъ это нѣтъ того тяжелѣе, что коли сдѣлалъ къ какому человѣку привычку и долженъ его лишиться. Привычка великое дѣло, отъ нея не скоро отвыкнешь.

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА (съ грустной улыбкой).

Ахъ, какъ ты глупа, Палагея. Какая же это привычка? Это страсть.... любовь.

ПАЛАГЕЯ.

Такъ какъ же, сударыня: все и есть привычка.... Вотъ тоже, какъ съ Алексѣемъ Маркычемъ изволили разойтись, тоже какъ убивались, плакали— все тоже и выходитъ отъ привычки... Вѣдь ужъ не изъ любви же расходились, а отъ ссоры, а плакали же вѣдь.

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА.

Ну, полно врать, Палагея: надоѣла.... Я тогда плакала отъ огорченія.... Господи, какая я страдалица на земли!... Кажется, нѣтъ меня несчастнѣе.... Гдѣ онъ? Господи, гдѣ онъ, мой Готлибъ?... (плачетъ).

ПАЛАГЕЯ.

Полноте же, матушка, Софья Сергѣевна. Ну, какъ можно такъ убиваться?...

СОФЬЯ СЕРГЬЕВНА.

Богъ меня наказываетъ за то, что я не хорошо поступила съ мужемъ.

ПАЛАГЕЯ.

Не вы съ нимъ нехорошо поступили, а онъ съ вами.... Онъ не умѣлъ оцѣнить вашей доброты и вашего ангельскаго сердца.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Ахъ, полно, Палагея, не говори.... (со вздохомъ). Нѣтъ, ужъ я такая несчастная. Нѣтъ мнѣ ни, въ чемъ счастья. Мужъ бросилъ, всѣ, кого люблю, всѣ бросаютъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, здравствуйте, *mon ange*.

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Здравствуйте, Ольга Федоровна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, что тетенька?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Очень не хороша: ужасно раздражительна, капризна, все не по ней; безпрестанно жалуется на нездоровье; гораздо хуже прежняго.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!... А отъ него нѣтъ писемъ?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Нѣтъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!... Скажите, что бы это значило?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Не знаемъ, что и думать.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Вѣдь вотъ ужъ скоро три мѣсяца, какъ уѣхалъ.... Да, скажите, зачѣмъ онъ уѣхалъ?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Что-то хлопотать по тетенькиной тяжбѣ.... Палагея, поди доложи тетенькѣ, что Ольга Федоровна пріѣхала.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да я бы сама къ ней прошла. Да впрочемъ нѣтъ, ничего... Поди, душенька, доложи (*Палагея уходитъ*). А я вамъ хочу сказать словечка два. Я и сама не знаю, что и думать: недавно приходила къ намъ въ людскую моя Агашка, говорятъ, ужасно разфранченная и такъ, говорятъ, и хохочетъ.... Славно, говорить, я обманула и барыню, и всѣхъ господъ: захотѣла, говорить, сѣмѣла себѣ вольную получить.... А что такое—не гово-

рить... Да такіе мерзкіе мои людишки—не сказали мнѣ, какъ она была у насъ: я бы ужъ ее пугнула. Теперь не знаю, что и думать... Да и того боюсь: не началось ли у нихъ опять чего съ моимъ благовѣрнымъ. Я ужъ ѣздила къ одной гадащицѣ... на кофейную гущу гадаеть. Очень хорошо гадаеть, и благородная: мужъ отставной офицеръ. Такъ она смотрѣла для меня: говоритъ, что будутъ письма и пріятныя новости. Видѣла какого-то толстаго мужчину,—это моего мужа: лежитъ, говоритъ, на диванѣ и куритъ трубку. Есть, говоритъ, у него мысли въ головѣ и чѣмъ-то огорченъ. Ну, да это-то я и сама вижу, что у него еще не совсѣмъ прошло и что онъ тоскуеть объ ней. Да еще что говорить, — представьте. Я нарочно разъ приступила къ нему: скажи, о чемъ ты все думаешь и о чемъ грустишь? Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ: грущу, говоритъ, о томъ, что прожилъ цѣлый вѣкъ съ такой пустой бабой.... Какъ вамъ нравится?... Это про меня-то.... Хоть бы дѣтей, говоритъ, видѣлъ бы около себя, такъ и тѣхъ не нажили... А, каковы комплименты, какъ вамъ нравится?... Каковы эти мужчины!... Самъ кругомъ виновать, а что говорить.... Ну я же ему и отпѣла....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Что же вы ему сказали?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, порядочно,—дала понять, что онъ отъ меня не имѣетъ и права требовать дѣтей.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (закрывая лицо).

Ахъ, Ольга Федоровна....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, *mon ange*.... Вѣдь горько это слышать, — я вамъ какъ другу говорю. Я знаю свои правила. Онъ во всемъ виновать, а еще смѣетъ меня упрекать. Ахъ, Боже мой! Этакихъ варваровъ, какъ мужчины.... я не знаю, пѣтъ,—звѣри ихъ лучше!...

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (со вздохомъ).

Что правда, то правда....

ВОРОБЕЙЧИКОВА (также со вздохомъ).

Да, вы сами испытали это, *ma chère*.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ахъ, Ольга Федоровна, я столько испытала, то испытала, чего, кажется, ни одной женщиной не придется даже вообразить въ своей жизни....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, нѣтъ *та bon amie*, не говорите, — кажется, нѣтъ такой другой несчастной, какъ я!... Одно то взять, что мужъ, — и въ такія лѣта....

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Это.... это.... Да это всѣ они дѣлаютъ.... Это я всегда бы перенесла отъ мужа.... А вы представьте мое положеніе.... Онъ былъ влюбленъ въ меня, женился по страсти, взялъ меня съ очень небольшимъ приданымъ, а самъ страшный богачъ.... Я была неопытная дѣвушка и ввѣрилась ему... А онъ—что же? вообразите, вдругъ начинаетъ меня ревновать ужаснѣйшимъ образомъ.... хотя я была неопытна и невинна, право, какъ голубь. Тутъ ѣздилъ къ намъ одинъ молоденькій офицеръ. Однажды мужа не было дома, этотъ офицеръ засидѣлся очень долго у меня вечеромъ. Вдругъ мужъ пріѣзжаетъ, вообразилъ Богъ знаетъ что.... А вѣдь мнѣ не выгнать же гостя, когда онъ хочетъ сидѣть у меня.... И что же вы думаете, душенька, Ольга Федоровна? Вѣдь мужъ выгналъ меня изъ дому!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА (всплеснувъ руками).

Какъ выгналъ?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Да, да, просто выгналъ.... Какъ я ни просила у него прощенія, стояла на колѣняхъ, плакала, клялась, что ничего не было,—онъ ничего не хотѣлъ слушать....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!...

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Погодите.... Этого еще мало: онъ позволилъ мнѣ взять только мое приданое, а вещи, которыя онъ мнѣ подарилъ, всѣ, всѣ взялъ, не оставилъ даже брилліантоваго кольца на пальцѣ, которое подарилъ мнѣ въ дѣвичникъ!... и положилъ всего только тысячу цѣлковыхъ на содержаніе!

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Но послушайте, *ma chère*, вы могли жаловаться на него черезъ судъ?

СОФЯ СЕРГѢВНА.

Я такъ была огорчена, такъ убита, что даже была готова и на это, — да тетенька меня отговорила, убѣдила меня, что будетъ дурная огласка, увѣрила, что онъ одумается и самъ станетъ звать меня. А онъ вотъ какъ зоветъ: ужь пятый годъ

живемъ врозь. Ну, а что же тетенька? — Вотъ я послушалась ея, повиновалась ей, какъ маленькій ребенокъ, ухаживаю за нею другой годъ, — и что же, какая благодарность? Одни капризы, одни колкости.... Милая сестрица боится, какъ бы тетенька не отказала чего мнѣ, и всячески вооружаетъ ее противъ меня. А, кажется, чего бы ей еще добиваться: дано ей шестьдесятъ душъ, обѣщано еще двѣсти. Приданое, вы знаете, какое сдѣлано: сколько вещей даже черезъ васъ куплено.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да! А какъ все дешево, *та chère*, не правда ли?

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Я не знаю. Можетъ быть и дешево, да сколько вещей—то!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, конечно. Ужъ это неблагородно — быть всѣмъ недовоальной. А не хотите ли, *mon ange*, купить себѣ, — у меня есть теперь на примѣтѣ, — соболей воротникъ продаютъ — великолѣпный, совершенно новенькій, почти не ношенъ, и за безцѣнокъ продаютъ, совершенно за безцѣнокъ. Вотъ купите....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, благодарю васъ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Можно попросить тетеньку: можетъ быть она и купитъ для васъ....

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (со злобынымъ смѣхомъ).

Для меня.... Что вы? — Я вѣдь не Вѣра Сергѣевна.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, вотъ если бы былъ Готлибъ, онъ бы упросилъ тетеньку купить для васъ.... (*Объ вздыхаютъ*).

(Входятъ Троеруковъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢЖЕ и ТРОЕРУКОВЪ.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Сергѣй Николаичъ, какъ рада, что васъ вижу.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (молча и холодно кланяется въ отвѣтъ на поклонъ Троерукова).

ТРОЕРУКОВЪ (Софьѣ Сергѣевнѣ).

А моя жена вѣрно у тетеньки?..

СОФЬЯ СЕРГѢВНА (сухо).

Не знаю... можетъ быть...

ТРОЕРУКОВЪ.

Развѣ вы не видали ее?

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, не видала.

ВОРОБЕЙЧИКОВА (къ Троерукову).

Совсѣмъ меня позабыли... И не вспомните... Богъ съ вами.

ТРОЕРУКОВЪ.

Извините, Ольга Федоровна... Право, некогда.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, какъ бы не найти времени, если бы захотѣли...

ТРОЕРУКОВЪ.

Божусь вамъ, некогда... Утро у должности... Измучишься до такой степени, что радъ Богъ знаетъ какъ отдохнуть вечеромъ дома...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Нѣтъ, ужь не хотите... Богъ съ вами...

ТРОЕРУКОВЪ.

Простите, Ольга Федоровна... Постараюсь непременно загладить свою вину...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Прощаю только потому, что вы еще молодые .. (со вздохомъ) Ахъ, счастливики... Я думаю, не насмотрятся другъ на друга... Да, пользуйтесь этимъ временемъ... (Со вздохомъ) Ахъ, золотое времечко эти первые мѣсяцы... Послѣ ужь все будетъ не то.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Ольга Федоровна, я иду къ тетенькѣ: хотите вы идти къ ней?

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Пойдемте, пойдемте, *ma chère*.

ТРОЕРУКОВЪ.

А мнѣ можно къ тетенькѣ?

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Не знаю. Она была еще не одѣта... Я думаю, скоро сюда выйдетъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Если Вѣра у тетеньки, потрудитесь пожалуйста сказать ей, чтобы она сюда пришла ко мнѣ.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Хорошо.

(Уходитъ вмѣстѣ съ Воробейчиковой).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТРОЕРУКОВЪ (одинъ).

Что она все злится? Что за фурия!.. Хорошо, если Вѣра успѣла поговорить съ теткой безъ нея. Неужели въ самомъ дѣлѣ эта госпожа успѣетъ взять верхъ надъ нами?..

(Вѣра Сергѣевна поспѣшно входитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТРОЕРУКОВЪ и ВѢРА СЕРГѢВНА.

ТРОЕРУКОВЪ.

Ну, что, Вѣра?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Тетенька сейчасъ выйдетъ сюда.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да ты мнѣ только скажи, просила ты ее объ обѣщанномъ имѣніи, или нѣтъ?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Нѣтъ, Сержъ...

ТРОЕРУКОВЪ.

Опять нѣтъ... Отчего же? вѣдь сестры не было?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Опять не стало духа...

ТРОЕРУКОВЪ.

Ну, что же это такое, Вѣра? Когда же этому будетъ конецъ?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да къ чему же торопиться? Она теперь такая больная. Право, мнѣ совѣстно просить.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да чего же совѣстно? Вѣдь ты своего будешь просить, обѣщаннаго?..

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, да ужъ если обѣщано, такъ получимъ. Къ чему же торопиться?

ТРОЕРУКОВЪ.

Вѣдь ужъ это ты давно мнѣ говоришь: каждый разъ, какъ прошу тебя объ этомъ. Къ чему торопиться! Ты подумай: мы

теперь не живемъ съ теткой, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ тебя, а Софья этимъ пользуется. И кончится тѣмъ, что ты останешься только съ тѣмъ, что получила.

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Ну, если бы и такъ, Сержъ: я теперь очень жалѣть не стану. Я теперь такъ счастлива съ тобою, что право мнѣ какъ-то даже стыдно думать и заботиться объ имѣніи... *(Нѣжно обнимаетъ его)*.

ТРОЕРУКОВЪ.

Вотъ такъ! А гдѣ же твоя прежняя практичность?

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да вѣдь тебѣ же самому она не нравилась. Ты самъ же называлъ ее прозой и даже корыстолюбіемъ...

ТРОЕРУКОВЪ.

А теперь что это вдругъ за излишняя сентиментальность?..

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Оттого, что я счастлива...

ТРОЕРУКОВЪ.

Ахъ, Вѣра, я не ожидалъ отъ тебя такой неровности въ характерѣ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, СОФЬЯ СЕРГѢВНА и ВОРОБЕЙЧИКОВА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА *(поддерживаемая подъ руку Серафимой)*.

Вѣра, Вѣра, слышала ли ты,—ко мнѣ Ахлебевъ пріѣхалъ? *(Троеруковъ цалуетъ руку Александры Ивановны)* Здравствуйте! Да ну, Серафима, усаживай, что ли. Охъ, спинушка! Дай же подушку за спину.... Что же скамеечку подъ ноги?... *(Софья Сергѣвна, Вѣра Сергѣвна и Воробейчикова суетятся около нея)*.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ну, покойно ли вамъ теперь, моя голубушка?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ужъ какое спокойствіе, Ольга Федоровна? Съ тѣхъ поръ какъ Готлибъ уѣхалъ, я не знаю себѣ покою ни днемъ, ни ночью. Совсѣмъ разкленлась! Ахъ, Боже мой, ну какъ я при-
му этого злодѣя своего, Ахлебенева? Одинъ видъ его мнѣ не-
спосенъ!...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Можетъ быть, не привезъ ли онъ какихъ извѣстій о Готлибѣ Эрнстовичѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вонъ и Софья тоже говоритъ, да безъ этого пустила ли бы я на свои глаза этого изверга. Ну, что же, принимать его или нѣтъ?

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Какъ же не принять, тетенька?—Можетъ быть онъ что нибудь по дѣлу....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я не знаю, что ужъ и думать. Право, не умеръ ли ужъ Готлибъ: вѣдь онъ поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы видѣться и съ этимъ извергомъ.... (Къ Ольгѣ Федоровнѣ) Ну, какъ, скажите, цѣлый мѣсяцъ нѣтъ писемъ отъ него!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

А вотъ офицерша-то сказала, что будутъ письма и радостныя извѣстія. Можетъ быть про этого самаго Ахлебенева она и говорила.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Очень можетъ быть.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, дай-ка Господи!... (Къ Серафимѣ) Ну что же ты стоишь? Скажи тамъ, чтобы его сюда просили.

(Серафима уходитъ).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, Боже мой, какъ я боюсь этого человѣка! Такъ сердце и замираетъ....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Мудрено ли, моя родная! Я знаю это: вотъ я Агашки своей просто боялась, чувствовала, что она моя злодѣйка....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

А вы, Сергѣй Николаичъ, поддержите же меня, если что коснется дѣла: помните, что вы теперь мой родственникъ и это прямая ваша обязанность....

ТРОЕРУКОВЪ.

Что только могу....

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Да, да, ужъ теперь кому же и хлопотать за васъ, какъ не Сергѣю Николаичу?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Кажется, что такъ. По моему, кажется бы, не надо и допускать меня до свиданія съ такими злодѣями.... Ахъ, нѣтъ Готлиба!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢЖЕ и АХЛЕБЕНЕВЪ.

АХЛЕБЕНЕВЪ (разшаркиваясь).

Имѣю честь свидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе. Здравствуйте, почтеннѣйшая Александра Ивановна. Позвольте вашу ручку поцаловать. (*Цалуетъ у нея руку*) Вотъ Богъ привелъ опять свидѣться.... А это, неужели это Вѣра Сергѣевна?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (сухо).

Да, это Вѣра.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Скажите.... А, какъ года-то идутъ, Александра Ивановна... Вотъ какую зналъ! Позвольте (*цалуетъ руку у Вѣры Сергѣевны*) Очень, очень пріятно.... Да вѣдь вы, кажется, изволили вступить въ законный бракъ.... Не супругъ ли это вашъ? (*Указываетъ на Троерукова*).

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Да, это мой мужъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Позвольте съ вами познакомиться. (*подаетъ руку Троерукову*) Очень радъ, очень радъ. Прошу полюбить старика, который, можно сказать, на рукахъ носилъ вашу любезнѣйшую супругу. Какъ же, какъ же.... Вѣдь мы ближайшіе сосѣди съ тетенькой вашей, Александрой Ивановной.... (*Обращаясь къ ней*). Вотъ, матушка, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Вотъ у васъ и семейство прибыло.... Я думаю и забыли совсѣмъ сосѣда и стараго знакомаго.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, мнѣ нельзя было забыть васъ: вы заставляли о себѣ помнить вашими обидами.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Какія обиды, почтеннѣйшая сосѣдушка, что вы?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Конечно обиды. Развѣ не обида эта тяжба, которую вы со мной начали?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Я, почтеннѣйшая Александра Ивановна, тяжёбъ никогда не начинаю. Я не сутяжникъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ кто же это началъ-то ее, не я ли?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

И не вы, и не я. А всякую тяжбу начинаетъ истина, справедливость.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, хороша справедливость, которую хотѣлъ сдѣлать со мной вашъ довѣренный: хотѣлъ заставить заплатить меня даромъ 5 тысячъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Кто, вы изволили сказать, хотѣлъ это сдѣлать съ вами?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вашъ довѣренный, Омутовъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Никогда, никакихъ, сударыня, довѣренныхъ я не имѣлъ, дѣйствую всегда во всемъ самъ лично, ибо ничьей добросовѣстности не довѣряю, и фамилію такую въ первый разъ слышу.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да, это пожалуй, записаться можно во всемъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Записаться, многоуважаемая Александра Ивановна, я не имѣю надобности, такъ какъ ничего противозаконнаго не дѣлаю, а что довѣренныхъ никогда не имѣлъ, и господина Омута никогда не видалъ, и даже фамиліи этой никогда не слыхивалъ, въ томъ могу васъ увѣрить.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да какъ же вы увѣряете, когда я видѣла его своими глазами, говорила съ нимъ.... да позвольте, даже и фальшивая-то бумага, которую этотъ Омутовъ написалъ, осталась у Готлиба Эрнстовича. Это мой довѣренный.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Вотъ съ Готлибомъ Эрнстовичемъ имѣлъ честь познакомиться.... Пріятнѣйшій человѣкъ!

ВСѢ, кромѣ Троерукова.

Вы видѣли его?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Здоровъ ли онъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Когда видѣлъ, онъ былъ совершенно здоровъ, а теперь не знаю.

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Давно ли вы его видѣли?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да какъ вамъ сказать, съ мѣсяцъ тому будетъ: какъ мы совершали купчую, съ тѣхъ поръ не видалъ, потому — онъ очень скоро куда-то уѣхалъ. А я вѣдь полагалъ, что онъ возвратился къ вамъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, вообразите, — не бывалъ и цѣлый мѣсяцъ ничего не пишетъ.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Мм.... да, это удивительно. А я ему и денежки всѣ сполна отдалъ; 25 тысячъ рублей до одной копѣчки уплатилъ.

ТРОЕРУКОВЪ.

Да что же такое онъ вамъ продалъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Тетеньки вашей, Александры Ивановны, село Высоково.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА (поблѣднѣвъ).

Какъ, Высоково продалъ?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Точно такъ-съ. Да неужели же это безъ вѣдома вашего? Впрочемъ онъ совершалъ купчую по данной вами ему полной довѣренности. Ну-съ, и опять, почтеннѣйшая Александра Ивановна, можетъ быть вы скажете, что я хочу начинать тяжбу, но разсудите великодушно и войдите въ мое положеніе: я покупалъ Высоково со всѣми принадлежащими къ нему землями, пустошми и угодьями. Между оными значится лѣсная пустошь Макариха, но онъ же господинъ Зильбербахъ весь лѣсъ въ этой пустоши продалъ и деньги получилъ, но при совершеніи со мною купчей этого не показалъ. Какъ же, вѣдь я не могу этого простить?... Я съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы рѣшить это обстоятельство полюбовно.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что вы мнѣ такое говорите? Я и понять не могу. Вы смѣетесь что ли надо мной?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Помилуйте, развѣ такими вещами можно шутить?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что вы? Я никогда не думала и не хотѣла продавать Высоково, да и какъ же можно 600 душъ и за 25 тысячъ руб... Это невозможно!...

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да вѣдь это съ переводомъ долга. Нѣтъ, это хорошо, больше никто бы не далъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не далъ!... Да я-то никогда не думала и не хочу продавать ни за какія деньги.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Да вѣдь ужъ этого воротить нельзя: я введенъ во владѣніе. Все сдѣлано по закону. А вотъ объ лѣсѣ-то какъ бы намъ рѣшить.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да вы просто меня обманываете: Готлибъ Эрнстовичъ никогда не рѣшится сдѣлать такой низости.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, да!.. Можетъ ли это быть?

ТРОЕРУКОВЪ.

Позвольте васъ спросить: съ вами купчая на Высоково?

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Какже-съ: я точно зналъ,—нарочно захватилъ. Вотъ извольте посмотрѣть. *(Подаетъ бумагу)*.

ТРОЕРУКОВЪ *(просмотрѣвши купчую)*.

Ну, тетенька,—дѣло кончено: Высоково дѣйствительно продано, купчая совершена законнымъ образомъ. Ахъ, мошенникъ!...

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, Боже мой!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ что же это такое? Вы хотите меня разорить, ограбить.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Что вы говорите, почтениѣйшая? Я купилъ законнымъ образомъ, я еще отъ роду никого не грабилъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да какое же купилъ.... Гдѣ же деньги? Я ихъ не получала.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Это не мое дѣло.... Я деньги вручилъ вашему уполномоченному довѣренному.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Такъ вы разорили меня, пустили по міру!.. Вамъ мало того, что вы хотѣли отнять у меня имѣніе, вамъ хочется убить меня. Вы воръ, грабитель, убійца.

АХЛЕБЕНЕВЪ.

Позвольте, позвольте, сударыня: я пришелъ не за тѣмъ, чтобы слушать отъ васъ подобныя рѣчи.—Если не угодно вамъ раздѣлаться со мною за проданный лѣсъ полюбовно и если, вмѣсто того, чтобы поблагодарить меня за желаніе кончить дѣло мирно, вы называете меня такими обидными именами, такъ я лучше удалюсь и буду вѣдаться съ вами судебнымъ порядкомъ. Благодарю васъ за гостепріимство. Имѣю честь кланяться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ безъ АХЛЕБЕНЕВА.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что же теперь дѣлать?... Да гдѣ же Готлибъ съ деньгами?... Куда онъ дѣвался?

ТРОЕРУКОВЪ.

Теперь ясно: онъ воспользовался вашей довѣренностью, продалъ имѣніе, получилъ деньги и скрылся съ ними.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Ахъ, кто бы этого могъ ожидать?... Боже мой, какіе люди! Значитъ и моя Агашка....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, полноте вы, Ольга Федоровна, съ своей Агашкой! Вы меня съ нимъ познакомили.... Да вы подумайте, всѣ подумайте, вѣдь я нищая, у меня ничего нѣтъ! Вѣдь я не могу придти въ себя.... что мнѣ дѣлать-то!

СОФЬЯ СЕРГѢЕВНА.

А сколько у васъ осталось? Всего 70 душъ, да и тѣ пожалуй Ахлебенева оттягаетъ.... Ахъ Готлибъ, Готлибъ, неужели онъ могъ это сдѣлать?... Боже!... (*Закрываетъ лицо руками*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Да что же вы всѣ смотрите и молчите? Или вы всѣ сговорились, чтобы разорить меня? Батюшки, что мнѣ дѣлать! Тоска меня грызеть.... Или вы всѣ радуетесь моей бѣдѣ? Видно, онъ продалъ и съ вами подѣлился.... (*Къ Софьѣ Сергѣевнѣ*).

Или съ тобой одной?... Ты, кажется, была съ нимъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ.... Или и тебя обманулъ?... Ха, ха, ха!.. Обманулъ, обманулъ!...

СОФЬЯ СЕРГѢВНА.

Нечего клеветать на другихъ, въ чемъ кругомъ сами виноваты: какъ бы вы поменьше на старости лѣтъ вѣшались къ нему на шею (*смѣется истерически*), какъ бы вы не влюблялись въ 50 лѣтъ отъ роду и не старались соблазнить его собою.... никто бы не заставилъ васъ дать этой довѣренности!... Нечего вамъ меня упрекать и ожидать участія.... Я ничѣмъ вамъ не обязана.... Вотъ сестра всѣхъ больше получила отъ Готлиба, къ ней обращайтесь. А я еще никому не позволю оскорблять себя.... Дорого мнѣ досталась ваша хлѣбъ-соль.... Прощайте. (*Уходитъ*)

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, ахъ, Боже мой, что мнѣ говорятъ!... Ничего не видя, ужь обижаютъ!... Господи, убей меня!... (*Плачетъ и мечется*) Батюшки, задыхаюсь...

ВѢРА СЕРГѢВНА.

Тетенька, успокойтесь, душенька.... Ради Бога.... Я не расстаюсь съ вами.

ВОРОБЕЙЧИКОВА.

Не послать ли за лекаремъ?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ.... не за лѣкаремъ.... Это Богъ меня наказываетъ за Аксиньюшку!... За пей, за ней послать, за Аксиньюшкой!... На нее одну надежда.... За Аксиньюшкой, за Аксиньюшкой!...

(Занавѣсъ опускается).

АЛЕКСѢЙ ПОТѢХИНЪ.

13-го декабря, 1858 г.

С. Языкино

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПРАГѢ.

I.

Я только что разстался съ Прагой и пишу еще непосредственно подъ тѣми впечатлѣніями, которыя она оставила во мнѣ послѣ двухъ-мѣсячнаго знакомства. Все это время я употребилъ на то, чтобы освоиться ближе съ чешскимъ языкомъ, литературой, вообще славянскимъ движеніемъ, наблюдать которое издали весьма неудобно, какъ я убѣдился теперь. Я не буду передавать вамъ ни исторіи Праги, ни чешской этнографіи, не буду описывать всѣхъ пражскихъ достопримѣчательностей, — это требуетъ больше времени, нежели сколько находится въ моемъ распоряженіи; мое письмо будетъ заключать только короткія замѣтки, результатъ того, что я видѣлъ, слышалъ и читалъ въ Прагѣ.

Прага безъ сомнѣнія умственный и нравственный центръ западнаго славянства, важнѣйшій славянскій городъ въ австрійской имперіи. Здѣсь началось, сложилось и продолжалось то славянское движеніе, которому въ Европѣ и у насъ даютъ названіе панславизма. Само собою разумѣется, что и меня Прага занимала въ высшей степени именно въ этомъ отношеніи. Для того, кто посвятилъ бы себя изслѣдованію объ австрійскомъ славянствѣ, Прага была бы заключительнымъ, все заканчивающимъ и опредѣляющимъ предметомъ изученія. На мою долю досталась только она одна: я оставилъ Венецію и вступилъ въ славянскія области уже въ нынѣшнее суровое начало зимы, когда экскурсіи въ глубь страны становятся очень неудобными; изъ Триеста я поналъ прямо въ Вѣну, изъ Вѣны въ Пра-

гу, и слѣдовательно очутился вдругъ въ славянскомъ центрѣ, безъ всякихъ введеній и предисловій. Первыя впечатлѣнія Праги бываютъ довольно неожиданны, нѣсколько странны: мы, съ университетской аудиторіи знакомые отчасти съ чешскимъ языкомъ, литературой и т. д., ожидаемъ найти въ Прагѣ яркіе признаки чешской жизни, ожидаемъ слышать только чешскій языкъ, видѣть родной славянскій типъ, но эти ожиданія почти всегда обманываютъ на первый разъ. На улицѣ только и слышится нѣмецкій языкъ, гораздо рѣже чешскій; почти всѣ вывѣски на домахъ нѣмецкія; типъ жителей не имѣетъ особенно рѣзкихъ славянскихъ чертъ, и чеха по лицу очень трудно отличить, особенно если онъ говоритъ по-нѣмецки. Я еще довольно удачно попалъ съ моимъ русскимъ спутникомъ въ отель, гдѣ женская прислуга была чешская: для опыта мы говорили по-русски и могли удобно распорядиться, чтобы затопили печь, принесли воды и т. д. Но одинъ изъ моихъ пріятелей, также ожидавшій найти въ Прагѣ чистыхъ чеховъ, имѣлъ опытъ болѣе неудачный: пріѣхавши въ Прагу, онъ спросилъ перваго кельнера, который встрѣтился, — чехъ ли онъ? Gott bewahre, отвѣчалъ тотъ. Обыкновенный путешественникъ, заѣзжающій въ города, подобные Прагѣ, на нѣсколько дней, осматривающій ихъ съ помощью гида, и уѣхалъ бы изъ Праги въ полномъ убѣжденіи, что Прага есть замѣчательный нѣмецкій городъ, какъ говоритъ его Reisebuch, — городъ, въ которомъ живетъ много чеховъ или лучше сказать «богемцевъ»: названіе, еще сильно распространенное въ нашихъ географіяхъ и очень неправящееся самимъ чехамъ. Надобно остаться въ Прагѣ дольше, надо сойтись съ ея жителями, бывать въ театрѣ, въ многолюдныхъ собраніяхъ, чтобы убѣдиться фактомъ, что Прага есть наоборотъ чешскій городъ, въ которомъ живутъ также и нѣмцы. Этнографическія цифры пражскаго народонаселенія до сихъ поръ составляютъ финксову задачу: благоразумнѣйшія нѣмецкія книги говорятъ, что изъ полутораста тысячъ пражскихъ жителей четыре седьмыхъ — чеховъ, остальные — нѣмцы и жида. Меня очень занималъ вопросъ о численномъ отношеніи чеховъ и нѣмцевъ въ Прагѣ, и я, зная, что на австрійскія нѣмецкія цифры нельзя положиться въ этомъ случаѣ, спрашивалъ опытнѣйшихъ пражскихъ жителей и получалъ различные отвѣты: одни считали до двадцати пяти тысячъ нѣмцевъ, другіе доходили только до десяти тысячъ, — цифры почти невѣроятныя, если обратить вниманіе на массу народа, говорящаго по-нѣмецки. Трудность заключается въ томъ, что при нѣмецкомъ господствѣ, управленіи, школахъ, при матеріальномъ превосходствѣ нѣмецкаго населенія, Прага стала такимъ же двуязычнымъ городомъ, какъ Страсбургъ, гдѣ простолюдинъ знаетъ по-французски и по-нѣ-

мечки. Чистый чехъ, чехъ по рожденію, вслѣдствіе наклонностей, обстоятельствъ, мнѣній, можетъ совершенно объѣмчиться, получить предпочтеніе къ нѣмецкому языку, наконецъ даже и забыть свой родной: куда же должна отнести его этнографическая статистика? А возможность объѣмчиться представляется очень легко, и для простолюдина, и особенно для челоѣка образованнаго: поселянинъ попадаетъ въ солдаты, уходитъ защищать *Gesammtvaterland* на По и Адигѣ, проводитъ тамъ годы и иногда пропадаетъ для родины; въ образованномъ классѣ далеко не у всѣхъ пробуждается ревность къ сохраненію народности; иные прямо становятся австрійскими патріотами, слѣдовательно заклятыми врагами національнаго стремленія, считая его фантастической идеей, вреднымъ сепаратизмомъ, и наконецъ удерживаютъ изъ своей народности только имя, искалѣченное нѣмецкимъ правописаніемъ. Какъ спльно вообще германизированіе въ чехахъ, вопросъ очень трудный; для него мудрено найти вѣрныя статистическія данныя, а между тѣмъ разрѣшеніе его было бы весьма важно: оно показало бы, что успѣло сдѣлать новое славянское движеніе и какую перспективу можетъ оно имѣть въ будущемъ, при томъ же порядкѣ вещей.

Какъ я замѣтилъ, на первый разъ бросается въ глаза именно преобладаніе нѣмецкаго элемента. Когда я пріѣхалъ въ Прагу, оно было еще замѣтнѣе: я еще засталъ праздники, слѣдовавшіе за открытіемъ памятника знаменитому чеху, изъ древней фамиліи, Радецкому. Сколько я могъ замѣтить, чехи не особенно радовались почестямъ, которыя отдавались памяти ихъ соотечественника.... Городъ наполненъ былъ австрійскими *militärs* разныхъ цвѣтовъ, свѣхавшимися со всѣхъ концовъ имперіи для этого торжественнаго случая. Прага имѣла совершенно нѣмецкій, или вѣрнѣе, австрійскій видъ. Подъ этими авспиціями я въ первый разъ познакомился съ городомъ. Хотя мнѣ пришлось видѣть его зимой, сырой и туманной, я тѣмъ не менѣе могъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ хороша должна быть Прага лѣтомъ съ зеленѣющей окрестностью, свѣтлымъ Градчиномъ и чудными островами Волтавы. Многіе, видѣвшіе Прагу лѣтомъ съ Градчина или съ Петржины, изъ сада Кинскаго, увѣряютъ, что Прага сильно напоминаетъ Москву: этому можно повѣрить; я думаю, что, при меньшихъ размѣрахъ, она можетъ быть еще живописнѣе Москвы.

Извѣстно, что она принадлежитъ къ числу очень красивыхъ городовъ. Чехи любятъ приводить отзывъ о своей столицѣ знаменитаго Гумбольдта, который называлъ Прагу въ живописномъ отношеніи четвертымъ городомъ въ Европѣ послѣ Константинополя, Неаполя и Лиссабона. Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ Волга-

вы, огибающей полукругомъ «Старое Мѣсто», т. е. старый городъ, главную часть нынѣшней Праги. Около «Старого» раздвинулось «Новое Мѣсто», обстроенное довольно правильно и иногда изящно, — и жидовскій городъ, грязный, тѣсный и мрачный. Великолѣпный старинный мостъ, выстроенный Карломъ IV въ блестящія времена Праги и Чехіи, уставленный множествомъ статуй, ведетъ черезъ Волтаву на «Малую Страну», надъ которой поднимается Градчинъ, пражскій Кремль, и пустынная гора Петржинъ. Видъ на нихъ съ набережной Франца, изъ Новаго Города, удивительно хорошъ: противоположный берегъ круто встаетъ надъ Волтавой съ Бельведеромъ, Градчиномъ, наполненнымъ дворцами и храмами, Петржиномъ, зеленымъ даже зимой, на которомъ виденъ Страговъ и уединенная церковь св. Лаврентія на вершинѣ. На ближайшемъ планѣ милостивые островки, заросшіе высокими деревьями, Стрѣлецкій и Софійскій: послѣдній изъ нихъ, мѣсто пражскихъ увеселеній, баловъ и концертовъ, чрезвычайно напоминаетъ островъ Руссо въ Женевѣ. Еще лучше видъ съ Градчина, откуда открывается весь городъ съ его церквями и башнями и далеко видна волнистая окрестность съ городками и деревнями. Съ пражскаго «дома» (собора) на Градчинѣ видно, говорятъ, половину Богеміи. За старымъ городомъ поднимаются другія возвышенности: древній историческій Вышеградъ, о которомъ говоритъ старая пѣсня, нѣкогда столица Чехіи, теперь незначительное предмѣстье Праги, и историческая Жижкова гора: здѣсь одержалъ онъ побѣду надъ своими непріятелями, сваливая съ крутой горы огромные камни. Теперь подъ горой мирно проходитъ желѣзная дорога въ Вѣну.

Каменный мостъ черезъ Волтаву, о которомъ мы упоминали, есть одна изъ главныхъ достопримѣчательностей Праги: мнѣ понравился онъ больше знаменитаго моста Св. Ангела въ Римѣ. Онъ много длиннѣе римскаго и весь заставленъ статуями и группами, старыми и новыми: здѣсь и святой Вацлавъ, патронъ чешской земли, и Францискъ Ксаверій—память іезуитскаго владычества, и св. Непомукъ: въ срединѣ моста рѣшетка надъ перилами указываетъ мѣсто, откуда святой брошенъ былъ въ воду. Съ моста опять прекраснѣйшій видъ на обѣ стороны города, на острова и вдаль по рѣкѣ. Волтава шириной съ Неву, довольно быстра въ этомъ мѣстѣ и до сихъ поръ мутитъ свои волны, какъ во времена Любуши. Съ обоихъ концовъ моста стоятъ старинныя готическія башни, пережившія много разрушительныхъ осадъ. Башни, какъ видно, очень нравились чехамъ; Прага усѣяна ими, и получила отъ нихъ свой живописный и совершенно справедливый эпитетъ «сто-башенной» (стоветжита Прага). Онъ попадаетъ во всѣхъ частяхъ города и служилъ прежде городскими воротами,

укрѣпленіями, пороховыми складами; теперь онѣ разнообразятъ картину города и остались на память его древней физіономіи, вѣроятно очень эффектной, сколько можно судить по остаткамъ. Въ свое время башни были богато снабжены статуями и готическими украшеніями; теперь ихъ осталось уже не много: нѣмецкіе хозяева города очень много уничтожили. Высокая башня пражскаго моста, у Клементинума (огромнаго зданія, выстроеннаго иезуитами въ XVII вѣкѣ, гдѣ помѣщается теперь часть университета и гимназія), одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ въ Прагѣ; она стоитъ еще на стражѣ, какъ старій, но бодрый инвалидъ, и не дальше какъ въ сорокъ восьмомъ году выдержала сильную бомбардировку съ «Малой Страны» отъ войскъ Виндишгреца. Когда всѣ войска собрались изъ города на Малую Страну, эта башня, составляющая входъ на мостъ, была однимъ изъ пунктовъ, куда собрался народъ и куда направлено было главное дѣйствіе артиллеріи; здѣсь были лучшія пражскія баррикады и здѣсь разыгрался одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ пражской трагедіи 48-го года. Студенты изъ стоящаго рядомъ Клементинума составляли большинство защитниковъ башни и баррикады; полъ ядрами они пѣли здѣсь пѣсню: *hej slované, ještě naša slovanskà řeč žije*, — залпы артиллеріи заглушали на минуту пѣсню, но пѣвцы не останавливались и съ этимъ страшнымъ аккомпаниментомъ допѣли свою пѣсню, лебединую пѣсню недолговременной свободы.

Старая часть города своимъ оригинальнымъ видомъ напоминаетъ вообще другіе старинные города средневѣковой Европы: тѣже узкія, кривыя улицы; неправильныя площади; готическія церкви, заставленныя кругомъ домами и пристройками; дома, украшенные знаками, гербами, статуями въ нишахъ и на фронтонахъ, очень часто картинами. Отъ старой ратуши уцѣлѣла только башня съ часовней, нетронутая при послѣдней перестройкѣ; на ней осталась и старая надпись: *Praha caput regni*. Къ сожалѣнію, Прага сохраняетъ уже очень немного изъ своей чисто-чешской старины: интересъ народности долго былъ заброшенъ, чешская старина нисколько не была дорога властителямъ Богеміи, а главное, Прага столько разъ была бомбардируема своими и чужими, столько разъ ограблена, что исчезновеніе памятниковъ объясняется очень легко. Въ церквахъ вы уже не встрѣтите того богатства, которымъ онѣ нѣкогда славились: ихъ драгоценныя украшенія сняты и растащены, картины чешскихъ и другихъ художниковъ вывезены и украшаютъ теперь дрезденскую, вѣискую и мюнхенскую галлерей. Я еще недавно видѣлъ великолѣпныя храмы Италіи, и мнѣ казалось, что пражскія церкви ограблены еще недавно.... Пражскій «домъ» св. Вита, замѣчательный въ архитектурномъ отношеніи, остался недооконченнымъ, и на немъ

этотъ обыкновенный готическій недостатокъ замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь; одна наружная стѣна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно было быть продолженіе храма, просто покрыта была фресками, но и тѣ уже стерлись. Теперь только основалось общество, чтобы привести къ концу постройку собора. Весьма оригинальный Тыньскій храмъ, съ могилой Тихо-Браге и памятникомъ славянскимъ апостоламъ, Кириллу и Меѳодію, также даетъ меньше, чѣмъ ожидаешь: памятникъ Кириллу и Меѳодію поставленъ въ темномъ углу, такъ что его надо отыскивать, и снабженъ католическими атрибутами. Знаменитая Вишесемская часовня, гдѣ началъ свою проповѣдь Гусъ, давно не существуетъ и имя ея уцѣлѣло только въ названіи «Бетлемскаго плаца» т. е. площади; королевскій дворецъ въ Старомъ Городѣ обращенъ въ казарму; древности были поняты вообще утилитарно и исчезли. Другія достопримѣчательности города, Клементинумъ, огромное зданіе стараго іезуитскаго коллегіума, аристократическіе дворцы на Малой-Странѣ напоминаютъ роковое для чеховъ семнадцатое столѣтіе, владычество іезуитовъ и паденіе національной самобытности. Страна наполнилась множествомъ иноземной аристократіи нѣмецкой, французской, итальянской, которая настроила въ Малой-Странѣ много богатыхъ палацовъ: вы безпрестанно слышите имена Шварценберговъ, Коллоредо, Рочановъ, Кламъ-Галласовъ и т. д.

Но гораздо болѣе древностей интересовала меня живая Прага, то удивительное возрожденіе, которое началось такъ недавно и несмотря на то успѣло уже принести столько блестящихъ результатовъ. Чехи шли первые въ трудѣ реставраціи; они первые развили мысль о цѣломъ славянствѣ, которая повела за собой общее движеніе австрійскихъ славянъ, сообщилась сербамъ и болгарамъ и нашла своихъ кліентовъ и у насъ. Эта мысль, проведенная не политическими событіями, не революціями, составляетъ существенный предметъ чешской литературной дѣятельности; она и до сихъ поръ остается руководительной нитью чешской словесности и науки, хотя въ настоящее время ея дальнѣйшее развитіе сильно затруднено неудобными обстоятельствами. Мысль эта продолжаетъ жить; принадлежа сначала одной литературѣ, немногимъ писателямъ — патріотамъ, она входитъ теперь въ жизнь общества, становится болѣе и болѣе общимъ убѣжденіемъ и обѣщаетъ много впереди, если только устоитъ противъ враждебнаго ей направленія.

Исторія панславизма, понимаемаго въ литературномъ смыслѣ, чрезвычайно занимательна. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ совершился этотъ крутой поворотъ въ нравственной жизни чешскаго общества, почти уже задавленнаго нѣмецкимъ вліяніемъ? Какимъ

образомъ выросла цѣлая новая литература, имѣющая вліяніе на всѣ славянскія племена и обратившая на себя вниманіе Европы? Откуда взялись силы, которыхъ прежде никто не подозрѣвагъ? Начало движенія было чисто—литературное и намъ нѣтъ нужды восходить слишкомъ далеко для его объясненія; еще теперь живы люди, бывшіе свидѣтелями его первыхъ попытокъ, первыхъ невѣрныхъ шаговъ. Мы ограничимся одной чешской литературой, чтобы рассказать о ходѣ такъ называемаго панславизма, тѣмъ болѣе, что ей же принадлежатъ его главнѣйшіе представители, въ ней совершились главнѣйшіе факты новой славянской литературы.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Прага представляла совершенно иное зрѣлище, чѣмъ теперь. Національная жизнь была подавлена; чешское общество почти не существовало, какъ чешское; во главѣ его стояла чужая аристократія, владѣвшая землями и думавшая только о своихъ узкихъ интересахъ; городское населеніе и народъ, безъ средствъ и образованія, подчинялись сильному нѣмецкому вліянію; сколько нибудь живой литературы не было. Этотъ порядокъ вещей установился съ несчастной бѣлогорской битвы, послѣдняго акта, завершившаго драматическую исторію старой Чехіи. Съ 1620 г. начинается непрерывный рядъ преслѣдованій и угнетенія, грозившихъ окончательнымъ истребленіемъ чешской національности. Бѣлогорская битва была сигналомъ страшныхъ притѣсненій, направленныхъ противъ побѣжденной некаатолической стороны, т. е. противъ большинства чешской націи. Всѣ некаатолики, не покорявшіеся іезуитамъ, подверглись изгнанію изъ отчизны; масса чеховъ, до 36000 семействъ, разошлась по окрестнымъ краямъ, въ Пруссію, Бранденбургъ, Саксонію, даже въ Америку, и на всегда погибла для родины; другіе насильно обращены въ католичество. Эмиграція, войны, потомъ голодъ и моръ, страшно опустошили страну, и народонаселеніе сохранило едва треть прежней численности. Привилегіи чешскаго королевства уничтожились. Съ этимъ ударомъ матеріальной силѣ націи нанесенъ былъ ударъ и нравственнымъ спламъ ея. Профессоры каролинскаго университета должны были въ теченіе трехъ дней оставить Прагу; въ 1622 году Каролинумъ былъ даже запечатанъ. Кости славныхъ чеховъ стараго времени, напр. знаменитаго Рокицаны, были вырыты изъ земли и сожжены; страшныя казни постигли многихъ чешскихъ писателей и покровителей науки: доктору Яну Есенскому отрѣзанъ былъ языкъ, потомъ онъ былъ казненъ и наконецъ четвертованъ. Университетъ отданъ былъ іезуитамъ, которые употребили всѣ средства, чтобы искоренить всѣ остатки прежняго еретичества. Они ходили вмѣстѣ съ цесарскими солдатами изъ дома въ домъ, отбирали вездѣ чешскія книги, въ

которыхъ должна была крыться ересь: чешское стало синонимомъ еретическаго. Изъ этихъ книгъ устраивали они гнусные ауто-да-фе, въ которыхъ погибло не мало замѣчательныхъ произведеній старой литературы. Ученый чехъ того времени, Бальбинъ, самъ іезуитъ, и потому свидѣтель достойный вѣры, жалуется на незаслуженную участь чешскихъ книгъ. «Въ дѣтствѣ моемъ, рассказываетъ онъ, вскорѣ послѣ бѣлогорской побѣды, всѣ под-рядъ чешскія книги, потому только что они были чешскія, принимались за еретическія и писанныя еретиками, по невѣжеству нѣкоторыхъ людей (т. е. его собратій) и безъ разбора, добрыя они или худыя, полезныя или не полезныя, отбираемы были изъ домовъ или вырываются изъ рукъ людей, хотя бы въ нихъ ничего не говорилось о религіи; ихъ рвали, клали тамъ и сямъ на костры, — какъ мы помнимъ въ Прагѣ, на публичной площади, — и такимъ образомъ истребляли огнемъ.... Я слышалъ дѣйствительно отъ людей, участвовавшихъ въ томъ, что безъ всякаго разсужденія, даже не посмотрѣвши, что за книги, всѣ чешскія сочиненія бросали въ пламень.» Истребленіе книгъ продолжалось очень долго; іезуитъ Антоній Коніашъ, умершій въ 1760 году, почти черезъ полтора ста лѣтъ послѣ бѣлогорской битвы, хвалился, что онъ одинъ сжегъ шестьдесятъ тысячъ чешскихъ книгъ. Школы и съ ними все народное образованіе также перешли въ руки іезуитовъ. Чешскій языкъ падалъ и въ литературѣ и въ народномъ употребленіи; въ высшемъ классѣ господствовалъ нѣмецкій языкъ; ему должны были учиться и горожане; чешскій удержался только въ деревенской избѣ и сталъ считаться мужицкимъ языкомъ. Духъ народа упалъ; чехи, поражаемые столькими несчастіями и потерями, не находили въ себѣ той энергіи, которая отличала ихъ прежде; исчезло ихъ мужество и гордость національнаго сознанія. Народность упала даже въ костюмѣ: до того времени чехи носили длинныя бороды и свое народное платье; теперь они одѣлись по-нѣмцки.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда начались реформы Іосифа II. Императоръ имѣлъ цѣлью систематическое германизированіе чеховъ, и главная изъ его мѣръ, введеніе нѣмецкаго языка въ школы, легко могла привести къ этой цѣли: славяне чешскіе также превратились бы въ нѣмцевъ, какъ случилось съ прибалтійскими и тюрингскими, если бы въ это самое время не возсталъ національная реакція, сначала робкая и невѣрная, потомъ болѣе и болѣе рѣшительная. Прежнее невѣжество, господствовавшее при іезуитахъ, начало исчезать при Іосифѣ II, и реакція, поддержанная наукой, скоро выказала свое дѣйствіе. Обстоятельства были трудны: всѣ двигатели общественной жизни, — управленіе, школа, наука, искусство, —

дѣйствовали за одно съ намѣреніями правительства; чешскій элементъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста и казалось совершенно невозможнымъ выдвинуть его на сцену, дать ему общественное значеніе. Въ это время явился человѣкъ, которому, безъ ясно сознанныго намѣренія, пришлось сдѣлать первый важный шагъ, вызвать къ жизни чешскій языкъ и дать вѣрную точку опоры новой литературѣ. Это былъ ученый аббатъ Добровскій.

Были въ то время люди, которые понимали всю опасность положенія, но что начать, чтобы выйти изъ него?—никто не зналъ. Умный чехъ нашего времени такъ говоритъ объ этомъ: признаемся, мы сами не знали бы что дѣлать, еслибы нынѣшнее положеніе было также печально, какъ тогдашнее; мы не сказали бы ничего больше того, что говорилъ величайшій славянофилъ того времени, знаменитый Добровскій. Этотъ гигантъ чешской учености (1753—1829) писалъ о нашемъ языкѣ, о нашей исторіи, о славянщинѣ; но, считая все это за мертвое, за анатомическій препаратъ, и самъ онъ не писалъ по-чешски и не хотѣлъ, чтобы и другіе это дѣлали; онъ говорилъ только: «оставьте мертвыхъ въ покоѣ»!

Не смотря на то, ему принадлежитъ великая заслуга быть первымъ дѣятелемъ славянскаго возрожденія. Онъ въ первый разъ въ ученой системѣ изложилъ характеръ чешскаго языка, указалъ на обширную семью славянскихъ языковъ, между которыми чешскій занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, посвятилъ всю свою дѣятельность славянской исторіи и филологіи, и когда даже чужой ученый міръ обратилъ вниманіе на его труды, то дома произвели они тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе. Его мягкій личный характеръ, обширныя знакомства также пріобрѣли не мало друзей его дѣлу. Общество патріотовъ, до сихъ поръ колебавшееся и несмѣлое, почувствовало твердую почву подъ ногами. Вслѣдъ за Добровскимъ выступило нѣсколько лицъ, начинающихъ новую чешскую литературу: Пухмайеръ, Неѣдлый, Крамеріусъ, Фавстинъ Прохазка, Томза, Пельцель, Гибѣвскій, Юнгманны, Ганка. Они писали книжки въ защиту чешскаго языка, выставяли его достоинства, издавали грамматики, занимались поэзіей и исторіей; печатали книжки для народнаго чтенія, затѣяли даже чешскія газеты, издавали памятники старой литературы, переводили необходимѣйшія книги. Ганка, тогдашній студентъ философій, сталъ душой молодого кружка, занимавшагося изученіемъ роднаго языка: онъ съ жаромъ проповѣдывалъ любовь къ родному и народному, и заведенныя имъ чешскія декламации возбуждали больше и больше патріотическаго участія; они заинтересовали даже губернатора, графа Коловрата-Либштейнскаго. Во многихъ уже заговорила инстинктивная привязанность къ чеш-

скому и славянскому. Новые ратоборцы рѣшились во что бы ни стало создать новую чешскую словесность, трудились безъ устали и наконецъ достигли своей цѣли. Надъ ними много смѣялись тѣ, кому непонятна была страсть къ полу-истлѣвшимъ хартіямъ и мужицкому языку, но результаты скоро показали, что дѣло было важнѣе, чѣмъ казалось съ перваго взгляда.

Съ самаго начала представилась однако трудность, съ которой долго должны были бороться чешскіе писатели и которая опять подала поводъ къ насмѣшкамъ ихъ противниковъ. Начались длинные споры объ языкѣ и орѳографіи. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было не легко: почти въ теченіе двухъ столѣтій чешскій языкъ оставался на одной степени развитія, — той, на которой застигло его начало семнадцатаго вѣка; долгіе годы быстрого въ то время движенія науки и общественныхъ понятій прошли, не коснувшись до языка, и чело- вѣку, которому должно было писать на немъ въ XIX столѣтіи, приходилось пользоваться формами XVII вѣка и бѣднымъ, необработаннымъ языкомъ народа. Не находя необходимыхъ словъ, выраженій и оборотовъ, онъ долженъ былъ, или приновряться къ существовавшимъ уже формамъ и слѣдовательно дѣлать насипіе своей мысли, которая въ нихъ не укладывалась, или принужденъ былъ создавать новый языкъ, способный выразить новыя понятія. Эго было бы напримѣръ тоже, если бы наши малорусскіе писатели захотѣли писать по-малорусски все то, что пишется теперь очень хорошо по-русски: само собою разумѣется, что нынѣшній малорусскій языкъ далеко не въ состояніи дать средства для этого, и писатель долженъ или поневолѣ остаться простонароднымъ или отказаться отъ своего намѣренія. У чеховъ перспектива была обширнѣе, и они предпочли тяжелый трудъ образованія новаго языка, безъ чего невозможно было ожидать успѣховъ новой литературы. Въ какую область науки или искусства ни обращался чешскій писатель, вездѣ онъ долженъ былъ выбирать, придумывать слова, передѣлывать свои, переводить чужія и т. д. Послѣ многихъ трудовъ, колебаній, ошибокъ, они успѣли однако въ главномъ, и хотя работа еще до сихъ поръ не кончена, но чешскій языкъ уже чрезвычайно расширилъ свои границы, создалъ новую, уже богатую, терминологию, легко дается и поэту, и серьезному ученому, и вообще начинаетъ выходить изъ своего неопредѣленнаго положенія, которое можно сравнить съ положеніемъ нашего языка въ концѣ прошлаго столѣтія и въ эпоху Карамзина, когда у насъ было столько споровъ изъ-за словъ и запятыхъ. Къ вопросу о языкѣ присоединился вопросъ о правописаніи и о шрифтѣ. Какъ ни маловаженъ кажется этотъ вопросъ, онъ занималъ всѣхъ въ первое время, и долго послѣ; споры объ орѳо-

графіи были такъ горячи, что иные защитники старины представляли нововводителей, какъ людей опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Между тѣмъ дѣло шло объ изгнаніи изъ письма и типографій такъ называемаго швабаха (нѣмецкаго почерка и шрифта) и объ ипсилонахъ (у), и именно Неѣдлѣй, защищавшій ихъ, указывалъ на своихъ противниковъ, какъ на людей съ вредными тенденціями.

Эти мелочи, необходимыя въ свое время, не мѣшали однако серьезнымъ успѣхамъ національнаго дѣла, которое продолжалось съ блестящимъ успѣхомъ. Въ 1817 году Ганка, при помощи одного священника, нашелъ знаменитую Краледворскую рукопись. Незадолго передъ тѣмъ надѣлали въ Европѣ шуму сербскія пѣсни Караджича; чехи обратили вниманіе на свои древніе поэтическіе памятники, Липда нашелъ извѣстную пѣсню о Вышеградѣ, Ганка издалъ уже первый томъ своего изданія: *Starobylá Skladanie*. Въ концѣ этого года, 16 сентября, сдѣлана была знаменитая находка, бросившая совершенно новый свѣтъ на всю чешскую древность и имѣвшая благотѣльное дѣйствіе на ходъ новой литературы: въ великолѣпныхъ пѣсняхъ Краледворской рукописи открылся новый міръ древне-чешской поэзіи; прелесть ихъ во многихъ пробудила дремавшее чувство народности, стремленія литературы начинали вознаграждаться блестящимъ образомъ. Добровскій въ слѣдующемъ же году помѣстилъ въ своей Исторіи чешской литературы свое сужденіе о памятникѣ и нѣкоторые отрывки. Полное изданіе потребовало цѣлаго года для правильнаго чтенія и объясненія текста; оно вышло въ 1819 г. вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ Свободы. Европейскіе ученые съ любопытствомъ обратились къ замѣчательному поэтическому памятнику; Гёте, оракулъ тогдашняго литературнаго міра, призналъ его высокое значеніе для новой духовной жизни Чехіи и даже перевелъ пѣсню «Вѣнокъ» на нѣмецкій языкъ; у насъ Шишковъ тотчасъ же перевелъ Краледворскую рукопись на русскій. Съ тѣхъ поръ рукопись издавалась множество разъ; Ганкова «Полиглотта» представляетъ переводы ея на всѣ славянскія нарѣчія и почти на всѣ европейскіе языки, вполнѣ или въ отрывкахъ. Въ послѣднее время вышли венгерскій и французскій переводы; въ нынѣшнемъ году должно появиться великолѣпное изданіе Краледворской рукописи съ прекрасными иллюстраціями извѣстнаго чешскаго художника Манеса.

Къ этому же времени относится основаніе одного патріотическаго учрежденія, имѣвшаго въ свою очередь большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ національнаго движенія. Это было основаніе Народнаго Чешскаго Музея. Частныя желанія и предложенія о необходимости подобнаго учрежденія слышались уже давно въ новомъ чешскомъ

обществѣ; теперь наконецъ они пошли въ дѣло. Съ одной стороны чисто чешскіе патріоты: Ганка, Янъ-Евангелистъ Пуркинѣ, Янъ-Святопукъ Пресль, замѣчательный естествоиспытатель и горячій патріотъ, — профессоръ Яндера, баронъ Стенчъ; съ другой болѣе космополитическіе любители и покровители наукъ, графы Францъ и Каспаръ Штернберги, князь Лобковицъ, графъ Гартманнъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, лучшіе умы народа и лучшіе представители аристократіи соединились въ патріотическомъ дѣлѣ, и послѣдній, получивши частнымъ образомъ согласіе императора, уже 15 апрѣля 1818 года издалъ воззваніе «къ отечественнымъ друзьямъ наукъ». Открылась дѣятельная подписка и скоро собрана была значительная сумма въ пользу будущаго народнаго учрежденія. Каспаръ Штернбергъ былъ одинъ изъ людей, принесшихъ наибольшую пользу новому Музею своей заботливой дѣятельностью; онъ былъ назначенъ первымъ президентомъ общества, открытаго при Музеѣ для распространенія его и для покровительства наукамъ. Онъ положилъ основаніе библіотекѣ Музея, пожертвовавши ему свое прекрасное собраніе по естественнымъ и точнымъ наукамъ; графъ Коловратъ подарилъ музею драгоценную для чешской исторіи и археологіи библіотеку Бржезницкую; Францъ Штернбергъ далъ свой минцъ-кабинетъ, другіе пожертвовали замѣчательныя коллекціи по естественной исторіи, Ганка принесъ Краледворскую рукопись. Первый уставъ Народнаго Музея и Музейнаго Общества утвержденъ былъ въ 1822 году. Музей соединяетъ въ себѣ богатыя коллекціи по естественной исторіи, большое замѣчательное собраніе чешскихъ древностей и рукописей и обширную, мы думаемъ даже лучшую въ своемъ родѣ, библіотеку по славянскимъ литературамъ. Для изученія чешской и вообще славянской старины и литературы она представляетъ богатые средства; множество рукописей сохранено было здѣсь отъ гибели и стали доступны изслѣдователю. Ганка назначенъ былъ первымъ библіотекаремъ и до сихъ поръ остается заботливымъ и усерднымъ стражемъ библіотеки.

Воззваніе графа Коловрата и основаніе Музея были приняты въ чешскомъ обществѣ съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ 1818 году, въ только-что основанный Музей прислано было по почтѣ, съ тайственнымъ анонимнымъ письмомъ, еще одно въ высшей степени важное произведеніе древне-чешской литературы, драгоценность, подобной которой не имѣетъ ни одно славянское племя. То былъ «Любушинъ Судъ», два листочка пергамена, писанные древнимъ, но довольно необыкновеннымъ письмомъ, и заключавшіе отрывокъ поэмы, которую отнесли къ IX вѣку. Добровскій пріостановилъ изданіе памятника, потому что смотрѣлъ на него очей недовѣрчиво. Мы

теперь нисколько не сомнѣваемся въ памятникѣ, пользуемся имъ какъ драгоценнымъ остаткомъ славянской древности, но тогда онъ сдѣлался причиною раздора между славянскими учеными. Добровский, подъ конецъ жизни жолчный и подозрительный, прямо думалъ, что памятникъ, въ которомъ для него было столько новаго и неожиданнаго, просто сочиненъ Ганкой и Юнгманномъ и написанъ Линдой, тѣмъ самымъ, который прежде отыскалъ пѣсню о Вышеградѣ. Въ послѣдствіи Копитаръ объявлялъ подложными не только Любушинъ Судъ, но даже Краледворскую рукопись, древній словарь *Mater Verborum* и другіе памятники, и обвинялъ чешскихъ ученыхъ въ фальсификатѣ; послѣднимъ не оставалось больше ничего, какъ сказать, что и Копитаръ самъ написалъ славянскія глоссы въ изданный имъ кодексъ Гезихія. Polemica произвела сильное одушевленіе въ новой литературѣ, но всѣ сколько нибудь благоразумные люди должны были оставить свою подозрительность послѣ знаменитаго изданія этого памятника въ 1840 году.

Важныя литературныя событія быстро смѣнялись въ новой чешской литературѣ. Еще не сошелъ со сцены «славянскій патріархъ», когда въ двадцатыхъ годахъ появились замѣчательные труды Шафарика. Чешскіе ученые обобщили мало по малу вопросъ о своей національности и связали его съ интересомъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Прага уже становилась «славянскими Аѳинами», названіе, которое не безъ причины могло быть ей присвоено. Труды Шафарика именно отличались этимъ всеобъемлющимъ содержаніемъ и быстро создали ему огромный авторитетъ; это былъ ученый уже сознательнаго панславизма. Онъ издаетъ изслѣдованіе о происхожденіи славянскаго племени, онъ первый пишетъ исторію славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ, онъ издаетъ громадный трудъ, «Славянскія Древности», одно изъ произведеній, имѣвшихъ сильное вліяніе на изученіе всего славянства, наконецъ онъ первый издаетъ полный, хотя очень сжатый, обзоръ славянской этнографіи. Не упоминаемъ наконецъ множества его частныхъ изслѣдованій по славянскимъ древностямъ, филологіи и литературѣ. Изъ трудовъ его, относящихся собственно къ чешской литературѣ стараго времени, важнѣйшій есть изданіе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка», приготовленное имъ вмѣстѣ съ Палацкимъ, гдѣ окончательно рѣшенъ былъ между прочимъ спорный вопросъ о «Любушинѣ Судѣ». Правда, это изслѣдованіе и многія другія сочиненія Шафарика были написаны на нѣмецкомъ языкѣ, но это только распространило ихъ извѣстность и открыло иноземнымъ ученымъ возможность лучше оцѣнить тѣ стремленія, которыя одушевляли новую литературу. Шафарикъ сталъ извѣстенъ вездѣ, какъ наиболѣе ком-

петентный судья in slavicus; берлинскій университетъ, первый университетъ Германіи, предложилъ ему славянскую кафедру; въ славянскомъ ученѣмъ мірѣ труды Шафарика стали путеводною нитью для каждаго, кто пускался въ лабиринтъ славянской науки.

Я называлъ сейчасъ другое имя, которому будутъ посвящены блестящія страницы новой чешской литературы. Палацкій выступилъ на литературное поприще почти въ одно время съ Шафарикомъ и скоро обнаружилъ энергическую дѣятельность; она почти исключительно посвящена была исторіи чешскаго народа. Палацкій долго былъ редакторомъ «Часописа» (повременнаго изданія) Чешскаго Музея и очень поднялъ это изданіе, которое подъ его редакціей представило много важныхъ ученыхъ трудовъ; онъ же долго завѣдывалъ дѣлами и предпріятіями Музейскаго Общества, которое много обязано его трудамъ. Послѣ долгихъ приготовительныхъ занятій Палацкій началъ издавать знаменитую «Чешскую исторію», сначала на нѣмецкомъ, потомъ вмѣстѣ и на чешскомъ языкѣ, которую онъ неутомимо продолжаетъ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще перевода этой книжки и она знакома у насъ только немногимъ спеціалистамъ. По литературному значенію, книгу Палацкаго можно сравнить съ трудомъ Карамзина: оба произведенія составили литературную эпоху. Они сходны отчасти и въ томъ отношеніи, что оба писателя принимались за огромную работу, почти не имѣя предшественниковъ, которые бы облегчили ихъ задачу. Палацкій долженъ былъ самъ отыскивать источники, оцѣнять ихъ достоинство, наконецъ издавать ихъ; онъ читалъ своихъ авторовъ въ рукописяхъ, еще не читанныхъ и не комментированныхъ; онъ пересмотрѣлъ важнѣйшіе чешскіе архивы, библіотеки въ Вѣнѣ, Бреславлѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ, Франкфуртѣ, Базелѣ и ватиканскій архивъ въ Римѣ; онъ самъ долженъ былъ ставить вопросы и разрѣшать ихъ. Плодомъ всѣхъ его усилій было мастерское произведеніе, какихъ немного могутъ представить новыя славянскія литературы. Если мы сравнили его положеніе съ положеніемъ Карамзина относительно матеріала, то относительно результата мы не сомнѣваясь поставимъ трудъ Палацкаго гораздо выше: владѣя въ совершенствѣ своимъ матеріаломъ, Палацкій владелъ и строгимъ историческимъ методомъ, выработаннымъ современною наукою, котораго, разумѣется, нельзя было бы и требовать отъ нашего исторіографа; въ тоже время онъ увлекаетъ прекраснымъ художественнымъ изложеніемъ, обличающимъ сильный литературный талантъ. Точнымъ изученіемъ и силою свѣтлаго взгляда Палацкій избѣжалъ и той опасности, которой легко подвергается историкъ-патріотъ: въ немъ нѣтъ и тѣни сентиментальнаго взгляда, такъ скучнаго теперь въ Карам-

зинѣ. Палацкій не остался однако при сухомъ безпристрастїи или безстрастїи ученаго изслѣдователя: читая его книгу, вы чувствуете теплую симпатїю автора къ предмету и видите вмѣстѣ съ тѣмъ, что она не мѣшаетъ ему быть строгимъ судьей тамъ, гдѣ событія вызываютъ строгій приговоръ. Возьмите послѣдній томъ его исторїи, гдѣ описывается одна изъ самыхъ яркихъ эпохъ чешской исторїи, XV столѣтіе, и вы поймете воззрѣнія Палацкаго.

Мы упоминали о томъ, какую важность получилъ для новой литературы вопросъ о языкѣ. Образование новой литературной рѣчи шло постепенно, не оставаясь при исключительномъ соблюденїи старыхъ формъ, но принимая также и новыя, слагавшіяся болѣе или менѣе удачно и входившія въ употребленіе. Въ такія эпохи колебанія языка играютъ важную роль словари, которыми — справедливо или несправедливо — думаютъ установить языкъ, собравши его наличное содержаніе. Для чешскаго языка этотъ огромный трудъ, которымъ занимаются обыкновенно цѣлыя академіи, и то безъ большого толку, совершенъ былъ однимъ Юнгманномъ: словарь его, оконченный въ 1839 году, есть одинъ изъ лучшихъ, если не лучший словарь по славянскимъ нарѣчіямъ. За этимъ канитальнымъ произведеніемъ слѣдовало другое, столь же канитальное — «Исторія чешской литературы» отъ древнѣйшаго времени до послѣднихъ годовъ. Это собраніе одного библиографическаго матеріала, съ сжатыми историческими замѣчаніями о политическихъ событіяхъ, ходѣ просвѣщенія, языка и литературы. Книга Юнгмана, плодъ необыкновеннаго трудолюбія, есть чисто ученое, сухое сочиненіе, но она долго останется необходимымъ началомъ и руководствомъ для всякаго, кто желалъ бы заняться этимъ предметомъ. Бываютъ обстоятельства, когда книги этого рода дѣлаются литературными событіями, и тогдашнее положеніе было именно такое: задача чешскихъ ученыхъ была какъ можно скорѣе и точнѣе оріентироваться въ своей прежней исторїи, и Юнгманъ, собравши всѣ извѣстные факты чешскаго языка и литературы, сдѣлалъ важную услугу новой чешской наукѣ.

Изученіе языка и изданіе старыхъ памятниковъ было также постояннымъ трудомъ Ганки. Дѣятельный библіотекаръ Чешскаго Музея принадлежитъ къ числу людей, горячо преданныхъ интересу своей народности, которой онъ служитъ всеми своими средствами. Множество русскихъ, бывшихъ въ Прагѣ, съ удовольствіемъ вспоминаютъ любезное гостепрїимство чешскаго ученаго; его обширныя знакомства, его готовность сообщить указанія, матеріалы, книги, много способствовали къ установленію сношеній между славянскими учеными, облегчили многіе труды и скрѣпляли взаимность между новыми славянскими литературами, что очень важно для ихъ общаго успѣ-

ха. Его собственные занятія почти исключительно посвящены чешскому языку, археологii, нумизматикѣ; онъ издавалъ руководства, хрестоматii, печаталъ древніе памятники. Цѣлый рядъ изданій послѣдняго рода былъ очень важенъ для изученія древне-чешской литературы, упомянемъ его *Starobylà Skladanie*, множество изданій Краледворской рукописи, Книгу о законахъ чешской земли, изданіе древнихъ словарей, Хронику Далимила, Реймское Евангеліе и т. д., не говоря о многихъ мелкихъ его изслѣдованіяхъ. Въ настоящее время приготовляетъ онъ два любопытные труда: изслѣдованіе о славянскомъ богослуженіи у чеховъ съ изданіемъ глаголическихъ и кирилловскихъ текстовъ, которые сюда относятся, и нѣмецкій переводъ Хроники Далимила, сдѣланный современникомъ чешскаго лѣтописца и интересный для опредѣленія тогдашнихъ отношеній между двумя національностями.

Вмѣстѣ съ учеными трудами, началась у чеховъ легкая литература; издавались популярныя книги по разнымъ предметамъ знанія, повѣсти для народнаго чтенія и т. п. Въ одно время нужно было создавать и литературу и читателей: гдѣ же нашлись они? Въ высшемъ и богатомъ, среднемъ классѣ находилось не много партизановъ народнаго движенія; они большею частью оставались къ нему болѣе чѣмъ хладнокровны; они скорѣе враждебно смотрѣли на тѣхъ, въ комъ кромѣ новыхъ литературныхъ тенденцій подозрѣвали и новыя соціальныя тенденціи. Для новой литературы, защищавшей дѣло народа, публика нашлась въ самомъ народѣ, наименѣе тронутомъ германизированіемъ. Небогатая часть средняго класса и провинціальное населеніе стали главною массою читателей; нужно было сдѣлать книги доступными этой массѣ, которая не могла тратить много на ихъ приобрѣтеніе, и въ то же время нужно было облегчить небогатымъ авторамъ изданіе ихъ сочиненій. Для достиженія этихъ цѣлей послужило прекрасное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Чешской Матицы. Въ 1830 году, Музейное Общество на основаніи своего устава образовало особенное отдѣленіе въ обществѣ для усовершенствованія чешскаго языка и литературы, а для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ основало особенный фондъ, подъ названіемъ Матицы; это родъ общества на акціяхъ. Главная мысль и заботливость о Матицѣ принадлежитъ другому Штернбергу, Францу. Членомъ основателемъ Матицы дѣлается тотъ, кто вноситъ заразъ или въ теченіе пяти лѣтъ 50 конвенціонныхъ флориновъ; отвлеченныя лица, напримѣръ, ученые общества, заведенія, библіотеки вносятъ одинъ разъ на всегда 100 флориновъ. Въ вознагражденіе за то каждый членъ до смерти своей получаетъ даромъ всѣ изданія Матицы, выходящія со времени его вступленія. Это чрезвычайно практическое учрежде-

ніе послужило образцомъ для другихъ славянскихъ народовъ, которые также основали у себя подобныя Матицы. Исключеніе составляетъ сербская, основанная еще раньше въ Пестѣ, потомъ перенесенная въ Новый Садъ. Послѣ чешской открыты были, скромная Словацкая Матица, Иллирская въ Загребѣ, Русинская въ Львовѣ, Далматская, Луицкая въ Будишинѣ (Бауценѣ). Въ то же время основаны подобныя общества «Св. Кирилла и Меѳодія» въ Бернѣ (Брюннѣ), «Дружество» въ Целовцѣ (Клагенфуртѣ) и другія, для той же цѣли сохраненія и возбужденія народной литературы.

Первымъ кураторомъ Матицы былъ князь Рудольфъ Кинскій, пожертвовавшій на основаніе капитала тысячу флориновъ. Въ послѣднее время занималъ это мѣсто извѣстный профессоръ физиологій Пуркинѣ; когда онъ отказался отъ него въ началѣ нынѣшняго года, кураторомъ выбранъ былъ извѣстный чешско-нѣмецкій писатель Венцигъ, о которомъ мы будемъ еще говорить послѣ. Матица имѣла огромный успѣхъ, если взять въ расчетъ небольшія средства чешской публики; чтобы показать это нагляднѣе, мы заимствуемъ у Риттерсберга нѣкоторыя цифры. Въ 1831 году, на другой годъ по открытіи ея, Матица считала 15 членовъ и около 2,500 флориновъ капитала; въ концѣ 1846 г. число членовъ возрасло уже до 1,900, а капиталъ до 50,000 флориновъ; къ концу 1854 года, капиталъ выросъ до ста тысячъ; въ 1857 году число членовъ доходило до 5,000. Комитетъ, завѣдывавшій изданіями, исполнилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ свои обязанности къ подписчикамъ Матицы: сочиненія, изданныя ею, имѣютъ несомнѣнные достоинства; особенное вниманіе обращено было на изданіе важныхъ и обширныхъ книгъ, которыя иначе были бы недоступны для большинства; по содержанію изданія были довольно разнообразны. Матица сдѣлала, на примѣръ, слѣдующія изданія: Словарь Юнгманна, Древности Шафарика, Выборъ изъ старо-чешской литературы, Исторію Палацкаго, Исторію литературы Юнгманна, Сочиненія Челяковского, книги по географіи и естественной исторіи. Матица издастъ также извѣстный журналъ Чешскаго Музея «Часописъ», «Археологическіе памятники» профессора Запа, и «Живу», прекрасный популярный журналъ по естественной исторіи, редакціей котораго занимаются профессеры Пуркинѣ и Крейчій.

Ученая дѣятельность, развившаяся такъ быстро въ новой чешской литературѣ, имѣла великое значеніе для самихъ чеховъ и для другихъ славянъ тѣмъ, что она путемъ строгаго изслѣдованія привела общество къ сознанію національной самобытности, поддержала упавшій духъ народа и дала ему свѣжія силы для борьбы съ гнетущимъ началомъ. Защита несправедливо поправной народности

была лозунгомъ этой дѣятельности; мысль, высказанная ею, до такой степени соотвѣтствовала общему настроенію умовъ, давнишней потребности, что она тотчасъ же крѣпко привилась къ возрожденному обществу и съ тѣхъ поръ стала главною его двигательницею. Чисто научный способъ проведенія этой мысли имѣлъ ту великую выгоду, что онъ далъ прочное основаніе національнымъ стремленіямъ и далъ силу правды поэтическимъ дѣятелямъ, которые скоро выступили апостолами чешской и всеславянской народности, апостолами братскаго соединенія всѣхъ славянскихъ племенъ. Всѣхъ сильнѣе, энергичнѣе между ними былъ Колларъ, знаменитый авторъ «Дочери Славы».

Янъ Колларъ, родомъ словакъ, былъ изъ того же поколѣнія, которому принадлежатъ названные нами выше представители чешской науки. Онъ родился въ 1793 году и уже въ ранней молодости прилежно изучалъ народную словесность, собиралъ пѣсни и преданья, и, окончивши свои богословскія занятія въ Бреславлѣ, отправился для продолженія ихъ въ Іену, въ 1817 году. Здѣсь, на Саалѣ, поразило его зрѣлище земель, нѣкогда славянскихъ, теперь совсѣмъ отмеченныхъ; его славянское чувство получило толчекъ, который уже тогда опредѣлялъ направленіе его пылкой поэзіи. Къ этому присоединилось еще особенное обстоятельство, сильно подѣйствовавшее на поэта. Въ одномъ мѣстечкѣ, невдалекѣ отъ Іены, познакомился онъ съ Фрейлейнъ Вильгельминой Шмидтовой, отецъ которой, тамошній евангелическій проповѣдникъ, по семейному преданью происходилъ изъ далекой отсюда деревни Рославы, отъ славянскихъ, насильно отмеченныхъ предковъ. Любовь къ Минѣ, любовь къ родинѣ, любовь къ всему славянству, стали главнымъ, единственнымъ содержаніемъ поэзіи Коллара; онъ рассказываетъ въ ней свои радости и печали, путешествія и приключенія, судьбу славянства прошедшую и настоящую. Онъ издалъ свое произведеніе подъ названіемъ «Дочь Славы» (Slavy Dcera), подъ которой понималось и великое славянство и его любезная Мина, дочь славянскихъ предковъ. Последнее изданіе поэмы, 1832 г., заключаетъ болѣе шести сотъ сонетовъ и дѣлится на пять пѣсень, названныхъ именами рѣкъ: 1) Сала, 2) Эльба, Рейнъ и Волтава, 3) Дунай, 4) Лета и 5) Ахеронъ. «Дочь Славы» написана, какъ мы уже замѣтили, сонетами, звучными и сильными; но одной формѣ своей это произведеніе было огромнымъ успѣхомъ для молодой литературы. Въ содержаніи ихъ явилось чрезвычайно поэтическое выраженіе дѣлаго направленія, обнявшаго дѣятельность новыхъ чеховъ и всѣхъ славянъ, у которыхъ пробудилась идея народности. Колларъ сталъ первымъ поэтомъ панславизма. Во всей поэмѣ оригинально смѣшиваются оба

предмета любви Коллара; къ разсказу о своей любви, о прекрасной дѣвѣ онъ привязываетъ разсказъ о своихъ странствованіяхъ по землямъ славянъ, воспоминанія объ ихъ печальной исторіи, гаданья о будущемъ. Сонеты его то лирическая пѣсня, то элегія, когда онъ смотритъ на грустное настоящее, то звучатъ они энергическимъ воззваніемъ къ народному патріотизму, то жолчной сатирой на недостойныхъ отщепенцевъ, то поэтъ становится суровымъ дидактитомъ и даетъ своимъ соотечественникамъ наставленія въ истинной любви къ родинѣ. Поэма встрѣчена была съ необыкновеннымъ сочувствіемъ; этимъ однимъ произведеніемъ Колларъ создалъ свою славу.

Чтобы указать полнѣе характеръ его стремленій, мы должны упомянуть и о другихъ трудахъ знаменитаго поэта. Въ самой молодости Колларъ инстинктивно попалъ на ту дорогу, по которой шли потомъ славянскіе ученые, возстановлявшіе полузабытую народность: мы сказали уже, что онъ занимался собираніемъ пѣсень; онъ продолжалъ эти занятія и послѣ, и въ тридцатыхъ годахъ издалъ замѣчательный сборникъ словацкихъ народныхъ пѣсень и легендъ, въ двухъ большихъ томахъ, съ разными этнографическими и мифологическими объясненіями. Это была одна изъ его наиболѣе удачныхъ ученыхъ работъ. Стремясь на дѣлѣ быть полезнымъ изыскателемъ народности, Колларъ предпринималъ много другихъ ученыхъ трудовъ, но его поэтическая натура не могла ужиться съ холоднымъ анализомъ науки и живая фантазія автора всегда мѣшала строгому объясненію дѣла. Скажемъ сначала, что по возвращеніи въ Венгрію Колларъ сдѣланъ былъ въ 1819 году евангелическимъ проповѣдникомъ въ Пестѣ. Онъ имѣлъ на каѳедрѣ большой успѣхъ, проповѣди его усердно читались его соотечественниками; но съ другой стороны онъ навлекъ на себя страшныя преслѣдованія со стороны мадяровъ и нѣмцевъ, которые вовсе недоброжелательно смотрѣли на талантливаго славянина, прекраснаго проповѣдника религіи и народности. Извѣстны ужасныя притѣсненія словаковъ, обратившія въ сороковыхъ годахъ вниманіе цѣлой Европы. Колларъ трудился неутомимо, словомъ и дѣломъ, на защиту угнетенныхъ соотечественниковъ, положеніе которыхъ становилось невыносимо; его энергія наконецъ истощилась, въ 48-мъ году онъ уже не могъ стоять впереди своего народа, и въ слѣдующемъ году принялъ славянскую каѳедру въ вѣнскомъ университетѣ, которая должна была дать ему спокойствіе и свободу.... Рядъ ученыхъ его трудовъ начинается изслѣдованіемъ объ именахъ и о происхожденіи славянскаго племени, изданнымъ въ 1830 году. Онъ предпринималъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянской старины, въ Швейцаріи, Италіи и Сѣверной

Германиі, и изложилъ свои наблюденія въ нѣсколькихъ любопытныхъ, но далеко не критическихъ сочиненіяхъ. Его воображеніе, наполненное славянствомъ, опережало историческіе факты и ученые съ недоувѣрчивостью смотрѣли на его скорые выводы. Такова его «Славянская Старо-Италія», его изслѣдованія о новострелицкихъ древностяхъ и др.

Между литературными трудами Колларъ заслуживаетъ большаго вниманія еще одно сочиненіе, вышедшее въ тридцатыхъ годахъ, о которомъ въ свое время сообщено было въ нашихъ журналахъ, г. Срезневскимъ, если не ошибаемся. Это брошюра «О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчіями славянскаго народа». Разсматривая положеніе славянскихъ литературъ, Колларъ выводитъ заключеніе, что для лучшаго выполненія ихъ задачи, для подкрѣпленія народности, славянскія племена должны какъ можно тѣснѣе соединиться въ литературной взаимности: они должны дѣлиться другъ съ другомъ своими результатами и взаимно облегчать свои труды. «Въ наше время, говорилъ онъ, недостаточно быть хорошимъ русскимъ, польскимъ полякомъ, совершеннымъ сербомъ, ученымъ чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по-русски, по-польски, по-чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ пынѣшняго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно: считать всѣхъ славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу, по изреченію: *Slavus sum, nihil slavici a me alienum esse puto* (я славянинъ, ничто славянское мнѣ нечуждо).» Поэтому каждый образованный славянинъ долженъ знать четыре главныя славянскія нарѣчія, чтобы читать книги и понимать разговоръ. Колларъ не желалъ никакого общеславянскаго языка, потому что понималъ его несбыточность и думалъ достаточно замѣнить его этимъ изученіемъ нарѣчій, которое конечно не совѣмъ легко въ томъ размѣрѣ, какъ онъ желалъ. Онъ выставляетъ потомъ опасность, предстоящую славянамъ отъ раздѣленія силъ и интересовъ, указываетъ на прежнія несчастныя времена, и въ заключеніе объясняетъ, что духовное общеніе должно облегчить историческую задачу, лежащую на славянахъ. Задача эта — вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, когда народы романскіе и германскіе уже оканчиваютъ свое поприще и уступаютъ мѣсто новому, совершеннѣйшему дѣятелю. Мы не будемъ теперь останавливаться на этомъ взглядѣ, потому что нашимъ читателямъ извѣстна эта доктрина изъ русскихъ писателей, не разъ ее развивавшихъ. Наконецъ Колларъ предлагаетъ средства, которыя могутъ пособить установленію этой взаимности славянскихъ литературъ. Мы будемъ говорить

впослѣдствіи, до какой степени осуществились черезъ двадцать лѣтъ желанія Коллара.

Вліяніе Коллара было весьма обширно. Сильная поэзія его «Дочери Славы» начинается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, навѣянныхъ тѣмъ же чувствомъ славянской личности, братской любовью къ соплеменникамъ, враждой къ притѣсненію и неправдѣ. Мысль о литературной взаимности встрѣтила большую симпатію со стороны многихъ славянскихъ писателей; идею цѣломъ славянствѣ, о великой роли его въ будущемъ, о широкихъ качествахъ славянскаго характера, — идеи, которыя съ такимъ жаромъ проповѣдывалъ Колларъ, пріобрѣтали болѣе и болѣе послѣдователей; за этими идеями окончательно утвердилось названіе панславизма. Поэтический авторитетъ Коллара еще долго сохранить свою силу надъ умами тѣхъ, для кого дорого дѣло славянской народности.

Въ одно время съ Колларомъ дѣйствовалъ на поэтическомъ поприщѣ другой талантъ, не столь яркій и многообъемлющій, но также замѣчательно оригинальный. Франтишекъ-Ладиславъ Челяковскій родился въ 1799 году, только нѣсколькими годами позднѣе Коллара; отецъ его былъ небогатый плотникъ, или сапожникъ — неизвѣстно. Онъ прошелъ однако школу, гимназію и университетъ, и когда въ молодости начало сказываться въ немъ поэтическое дарованье, Челяковскій началъ писать по-нѣмецки; но чувство народности наконецъ взяло верхъ и онъ уничтожилъ свои нѣмецкія произведенія. Еще въ 1822 году онъ издалъ свои стихотворенія и славянскія народныя пѣсни, переводилъ изъ Гёте, Вальтера Скотта, пробуя свои силы въ языкѣ — трудъ не маловажный въ то время, когда чешскій писатель, при каждомъ новомъ предметѣ занятій, долженъ былъ бороться съ формами языка и дополнять ихъ недостаточность такъ или иначе. Поэтическая извѣстность Челяковского начинается съ 1829 года, когда онъ издалъ превосходный *Ohlas pѣsni ruskych*, «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ.» По общему направленію Челяковскій былъ также поэтъ чисто-панславистскій, подобно Коллару, но средства ихъ были различны. Челяковскій хотѣлъ прямо знакомить чешскихъ читателей съ поэзіей другихъ славянъ; онъ издастъ славянскія пѣсни, цѣлую антологию переводовъ изъ славянскихъ поэтовъ. Русская поэзія, исторія, литература были однимъ изъ его любимыхъ занятій и «Отголосокъ русскихъ пѣсенъ» доказываетъ, что дѣйствительно ему удалось прекрасно понять и усвоить себѣ духъ нашей народной пѣсни. Говоря безъ преувеличеній, немногіе даже изъ нашихъ поэтовъ умѣли такъ хорошо передать характеръ народной нашей поэзіи, соединить глубокое знаніе послѣдней и свою поэтическую самостоятельность. Русский читатель Челяковского имѣетъ неожиданное удовольствіе, ког-

да въ чешской формѣ узнаеть свои давно знакомые мотивы, повидимому возможные только по-русски. Эффектъ русскихъ пѣсенъ Челяковского напоминаетъ «Пѣсни западныхъ славянъ» Пушкина, но то, что у Пушкина было чистой удачей, поэтическимъ инстинктомъ, что было у него случайно, у чешскаго поэта является какъ сознательное воспроизведеніе. Онъ не держался только того содержанія, какое давала ему пѣсня, и напротивъ умѣлъ въ аналогическую форму вносить совершенно новую поэтическую мысль.... Такой же трудъ принималъ Челяковский и въ отношеніи своихъ народныхъ пѣсенъ: «Отголосокъ чешскихъ пѣсенъ» имѣлъ тотъ же успѣхъ. Его «Столистая роза,» вышедшая въ одно время съ послѣднимъ произведеніемъ, представляетъ другую его манеру: одни изъ стихотвореній нѣсколько скучны, потому что отличаются общимъ, нѣсколько отвлеченнымъ содержаніемъ, другія посвящены патріотическимъ стремленіямъ автора, и въ нихъ гораздо больше интереснаго.

Въ тридцатыхъ годахъ Челяковский былъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и вмѣстѣ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ университетѣ; и то и другое продолжалось однако недолго. Во время польскаго возстанія Челяковский сочувствовалъ русскому дѣлу, съ убѣжденіемъ въ его пользѣ, но потомъ судьба поляковъ возбудила его симпатію и онъ открыто отказался отъ своего прежняго мнѣнія. Въ 1842 году онъ былъ вызванъ на профессуру въ Бреславль, гдѣ его товарищемъ былъ другой истый чехъ, Пуркинѣ: они вмѣстѣ слѣдили за славянскими литературами и старались распространить охоту къ ихъ изученію. Здѣсь навѣщали ихъ наши слависты, Срезневскій и Бодянский. Наконецъ въ 1849 г. Челяковский возвратился въ Прагу, на славянскую кафедру, которую и сохранилъ до своей смерти. Ученые труды Челяковского также были обращены на всеславянское изученіе; главные изъ нихъ — «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій» и «Мудрословіе» славянскаго народа въ пословицахъ. Живой, иногда раздражительный характеръ Челяковского отражается и въ его поэзіи, въ которой эпиграмма занимаетъ не послѣднее мѣсто. Спорные вопросы новой литературы не разъ увлекали его въ полемику, и онъ перѣдко мстил своимъ противникамъ злыми сарказмами, которые еще не все извѣстны въ печати. Челяковский умеръ въ 1852 г., въ одинъ годъ съ Колларомъ.

Мы называли наиболѣе извѣстныхъ представителей новой чешской литературы, еще видѣвшихъ ея возникновеніе. Въ настоящее время чешскій литературный міръ весьма расширился; теперь можно назвать много специальныхъ ученыхъ и болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, но въ то время чувствовался большой недостатокъ въ

силахъ, и оттого первые чешскіе писатели отличались большою многосторонностью. Каждый тогда изъ своей особенной спеціальности заходилъ и въ другія области литературы, совершенно постороннія главному направленію его трудовъ. Превосходный поэтъ Колларъ со страстью занимается археологіей; Челяковский пишетъ грамматики; бібліографъ и нумизматъ Ганка пишетъ пѣсни; Шафарикъ переводитъ «Марію Стюартъ», Юнгманъ — «Потерянный Рай» и «Аталу» Шатобріана, ученый Пуркинѣе переводитъ стихотворенія Шиллера. Движеніе литературы было очень единодушно; одна общая идея одушевляла каждого изъ новыхъ писателей; эта идея была любовь къ народности, доходившая иногда до энтузіазма. Чешскіе поэты не дѣлились на школы, не расходились въ направленіи. Каждый истинный талантъ попадалъ на эту дорогу, каждый возвеличивалъ свою народность и проповѣдывалъ о самобытности. Суровый критикъ указалъ иногда бы въ этихъ стихотвореніяхъ и книгахъ преувеличенное и самолюбивое понятіе о своей народности, но въ цѣломъ направленіи столько было свѣжести и наивнаго чувства, что мы сочувствуемъ ему и желаемъ ему полного успѣха. Чешскіе патріоты притомъ не такіе злостные патріоты, какъ тѣ, которыхъ у насъ называли квасными. Иногда легкой отгѣнокъ шутики сглаживаетъ у чешскихъ поэтовъ, напр. у Челяковского, ихъ исключительный патріотизмъ, и читатель легко съ нимъ мирится.

Колларъ, опредѣляя, въ чемъ должна состоять любовь къ родинѣ, возставалъ противъ узкаго пониманія ея, заставляющаго любить свою родину въ тѣсномъ смыслѣ и забывающаго объ общемъ великомъ отечествѣ. «Меньшее всегда должно быть подчинено большому, высшему: любовь къ родинѣ любви къ отечеству. Ручьи, рѣки и потоки выливаются въ море; такъ и отдѣльныя земли, края, племена, нарѣчія должны выливаться въ народъ. Всѣ славяне имѣютъ только одно отечество». Въ своей поэмѣ онъ повторяетъ ту же мысль. «Конечно, дороги невинному чувству та роща, рѣка, хижина, которую прадѣдъ оставилъ своему внуку, но прочныя границы отчества, которыхъ боится тронуть злоба, — лежатъ въ нравахъ, рѣчи и единодушныхъ стремленіяхъ». Это панславистское воззрѣніе на цѣлое славянское отечество повторяется потомъ часто въ чешской поэзіи. Одинъ изъ менѣе извѣстныхъ поэтовъ, въ прекрасномъ и по формѣ стихотвореніи «Отечество Славянъ», говоритъ о немъ слѣдующимъ образомъ:

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ ли, гдѣ царь Лазарь въ славномъ бою пролилъ свою кровь? Въ сербской землѣ?—Выше, выше, предѣлы царства славянъ.

«Скажи, гдѣ племя могучей Славы раскидываетъ свои широкія земли? Тамъ, гдѣ Эрини умирая совершали безсмертныя дѣла? Надъ Дунаемъ?—Выше, выше, предѣлы славянскаго царства.

«...Гдѣ Янъ Трощновскій (Жижка) велъ своихъ воиновъ на святую битву за народъ? На Волтавъ....

«...Гдѣ славянинъ ступалъ въ крови, чтобы освободить Европу? На Моравъ?...

«...Тамъ ли, гдѣ уланъ (полякъ) не позволялъ, пока пролилъ послѣднюю каплю? Тамъ, надъ Вислой?...

«...Тамъ, гдѣ пламень охватилъ Москву, чтобы возратить спокойствіе міру? Въ русской землѣ? — Выше, выше предѣлы царства славянъ.

«Тамъ, гдѣ языкъ сына Славы говоритъ о чести отцовъ, гдѣ чистая мысль, пылкое сердце совершаютъ мужественные подвиги для отчизны, гдѣ любовь соединяетъ братьевъ,—тамъ стоитъ царство славянъ».

Мы сообщимъ здѣсь для образчика еще отрывки изъ двухъ-трехъ стихотвореній подобнаго содержанія: они дышатъ прямымъ, непосредственнымъ сознаніемъ народности, и это было самое естественное, живое содержаніе, которое прежде всего должно было представиться національному поэту. Въ новой чешской литературѣ читатель нерѣдко встрѣчается съ этими выраженіями наивнаго, но полнаго чувства; стихотвореніе «патріотическое» прямо отвѣчало на мысли и желанія читателя. Яблонскій, въ стихотвореніи «Славянинъ Чехъ», Махачекъ и особенно Рубешъ въ очень извѣстномъ стихотвореніи «Я Чехъ», и многіе другіе, развивали поэтическую теорію любви къ родинѣ. Приводимъ нѣкоторыя строфы изъ Яблонскаго:

....«Не дивитесь, мои дорогіе, говоритъ онъ, что звукъ пѣсни часто исцѣляетъ мою боль; что онъ погружаетъ меня въ райское блаженство; что я, увлеченный полетомъ музыки, готовъ раздѣлить сердце съ цѣлымъ широкимъ свѣтомъ: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что я такъ горячо люблю свой языкъ; что онъ звучитъ для меня слаще всѣхъ рѣчей; что эти любимые звуки я такъ радъ слышать, такъ люблю говорить: вѣдь я рѣчью, родомъ чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что мнѣ нравится славянская одежда, славянская пляска, веселье; что всегда играетъ во мнѣ сердце, когда вижу братьевъ, когда вижу славянскіе края: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что сладкая слеза навертывается на глазахъ моихъ, когда читаю чудеса о сынахъ Чехіи; что гордый

славою предковъ, чту свидѣтелей чешской славы: вѣдь я по родинѣ, по племени чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что моя славянская кровь неспокойна, когда на мой народъ пахнётъ ядовитое дыханье; что я всегда караю злаго клеветника, какъ только онъ касается чести моего рода: я славянинъ, я чехъ!

«Не дивитесь, мои дорогіе, что всѣ мои силы собираются, когда слухъ мой почувствуетъ вздохъ отчизны; что этой дорогой чешской отчизнѣ я хочу принести въ жертву и себя и все мое: я и тѣломъ и душой чехъ!...»

У Челяковского, который признается въ «Столистой розѣ», что онъ никогда бы не могъ полюбить нѣмку, хотя бы она была ангеломъ, — выраженія любви къ родинѣ граничатъ съ веселой, а иногда и злой шуткой. Въ одной сельской пѣснѣ поселяне говорятъ у него, что они засѣяли льну для своихъ женъ, розъ для своихъ дѣвушекъ, яблонн для парней и конопль (на веревки) для какихъ-то бездѣльниковъ, которыхъ они не называютъ и заставляютъ угадывать.... Въ другой пѣснѣ онъ говоритъ о чешскомъ патріотѣ: «Тотъ нашъ братъ, кто въ дни юности не преклоняется съ радостію предъ чужими идолами; кто загарается любовью къ невинной, милой дочери изъ чешскаго рода, готовъ соединиться съ ней и отдавать отечеству дань добрыми дѣтми. Тотъ нашъ братъ, кто, помня славныхъ праотцевъ, гордится быть чехомъ; кто, другъ давнихъ обычаевъ и правъ, не носитъ знаковъ рабства; кто мельницкое и жернощцкое (чешскія виноградныя вина) считаетъ лучше итальянскаго и нѣмецкаго. Тотъ нашъ братъ, кто воспѣваетъ для потомковъ геройскую борьбу предковъ и, не заглядывая въ чужіе сады, воспитываетъ домашнюю красу; кто радость и печаль и сладкую тоску умѣетъ вылить въ чешскую пѣсню....»

Талантливейшая изъ чешскихъ писательницъ нашего времени обращается съ патріотическимъ воззваніемъ къ чешскимъ женщинамъ, убѣждаетъ ихъ быть хранительницами народности, воспитательницами истинныхъ чеховъ:

«Чешскія женщины и матери! Дадимъ себѣ обѣтъ и сохранимъ его: принесемъ всѣ наши силы въ жертву дорогой родинѣ! Пусть мужчина не одинъ гордится тѣмъ, что все отдаетъ отечеству. Впередъ, женщины! мы также положимъ свою жертву на олтарь.

«Мужъ, — у него есть острый мечъ, рука, сила, у него есть все; но нѣжная, слабая женщина, — у нея есть только сердце и — дитя. Дѣти, — сладкое имя, даръ, данный женщиной небомъ. Матери! отдадимъ то, что у насъ есть самаго драгоценнаго, родинѣ,

«Первымъ ласковымъ словомъ, первымъ сладкимъ поцалуемъ вольемъ имъ въ душу чешскій звукъ съ горячей любовью къ отчизнѣ. Называйте имъ славныхъ отцовъ, говорите о пролитой за право крови, скажите имъ, какъ снова гордо поднимается чешскій левъ.

«Пусть вырастутъ изъ нихъ герои могучіе, какъ липы и дубы; да имѣемъ въ нихъ Бржетиславовъ, защитниковъ права, губителей злобы. Чешскія женщины, чешскія матери! Пусть будетъ однимъ счастьемъ для насъ — воспитать нашихъ дѣтей для нашей славной, драгоценной родины».

Австрійская цензура не давала конечно этому направленію поэзіи развиться полнѣе. Писатели-патріоты должны были довольствоваться недосказанными словами, недопечатанными строчками, которыя однако понимались, наперекоръ ценсурѣ. Подобный примѣръ мы видѣли сейчасъ у Челяковскаго; когда въ 48-мъ году типографскіе станки дѣйствовали свободно, появилось множество пѣсень, которыя откровенно досказали то, что не было высказано прежде — вражду къ нѣмцамъ за ихъ неправыя притязанія и за угнетеніе народности. Патріотизмъ, который проповѣдывали чешскіе поэты, не остался безъ вліянія на общество; чешскій языкъ началъ проникать въ кругъ людей, предпочитавшихъ прежде нѣмецкій; образовались разныя общества, гдѣ чешскій языкъ получилъ всѣ права, на примѣръ общества для чтенія, чешскій клубъ («бесѣда») въ Прагѣ, основанный въ 1846 г.; составлялись чешскіе концерты, чешскіе балы, на которыхъ чешскій языкъ былъ обязателенъ. На этихъ балахъ кавалеры старались выиграть своихъ дамъ для національнаго дѣла, дарили имъ миньютурные альманахи, которые печатались къ каждому новому году и наполнялись исключительно мадригалами патріотическаго свойства. Вотъ примѣры:

«Бѣденъ былъ садъ чешской родины (такъ писалъ одинъ изъ любимыхъ поэтовъ, баронъ Виллани), но онъ начинаетъ пышно цвѣсти, потому что наши чудныя дѣвы ухаживаютъ за нимъ съ патріотической любовью.

«Будемъ же любить, прекрасныя сестры, свой народъ и чешскій край, надъ которыми ясное небо снова играетъ блестящею зарей.

«Скоро утихнетъ жалкая зависть, языкъ чешскій разцвѣтетъ, когда ваши привѣтливыя уста будутъ обращаться къ намъ съ чешскимъ словомъ».

Другой поэтъ даетъ слѣдующій остроумный оборотъ своему мадригалу:

«Если кто какъ язычникъ не хочетъ вѣрить въ мощныя чудеса Власты (извѣстная чешская амазонка), — каждый день глаза видятъ и сердце чувствуетъ прекрасное, живое доказательство!

«Наши новыя Власты не носятъ блистающаго шлема и оружія: но кто могъ противустать имъ въ жгучемъ, тяжеломъ боѣ чувствъ?»

«Чешское слово изъ розовыхъ устъ, пылающія стрѣлы изъ прекрасныхъ очей—и тотчасъ сердце несетъ ключи къ завоеванной мужской головѣ!»

Другую, подразумѣваемую сторону чешскаго патріотизма составляетъ, какъ мы замѣтили, рѣшительная антипатія къ нѣмцамъ. Нашимъ читателямъ извѣстно, что неблагорасположеніе къ нѣмцамъ повторяется и у нашихъ славянофиловъ, и если нельзя одобрить этой мало мотивированной нелюбви къ нѣмцамъ у послѣднихъ, то у чеховъ она имѣетъ свои законныя и давнія права. Чешская народность съ незапамятныхъ временъ была въ борьбѣ съ нѣмецкой и къ нынѣшнимъ поколѣніямъ враждебное отношеніе къ нѣмцамъ перешло готовое; новое время только подкрѣпляетъ его, потому что и теперь нѣмцы не хотятъ признавать чешской народности. Древнѣйшій памятникъ чешской литературы, «Любушинъ Судъ», уже предостерегаетъ чеха, что ему «нехвально въ нѣмцахъ искать правду»,—обстоятельство, между прочимъ подавшее нынѣшнимъ нѣмцамъ поводъ заподозрить поэму, потому что ненависть славянъ они не считали такою давнишнею. Болѣе поздніе памятники различнымъ образомъ подтверждаютъ эти отношенія: въ одномъ старомъ законникѣ, писанномъ въ XV столѣтіи, но болѣе древнемъ по содержанию, прочли мы, напримѣръ, запрещеніе, — «прежде всего, чтобы никакой нѣмецъ-чужеземецъ, ни въ пражскомъ городѣ, ни въ чешскомъ княжествѣ никакимъ урядникомъ (чиновникомъ) не былъ учиненъ подѣ страхомъ урѣзанія носа, и притомъ ни въ духовномъ, ни свѣтскомъ чинѣ, но чтобы они считались какъ гости» (т. е. иностранцы), и при этомъ какой-то старинный читатель прибавилъ замѣчаніе: «нѣмецъ, береги носъ» (niemcze, wagug nosu), что достаточно говоритъ о его симпатіи къ нѣмецкой націи. Въ старинныхъ штамбухахъ, альбомахъ прежняго времени, случалось намъ видѣть отзывы и уподобленія, очень неслестныя для нѣмцевъ. Новые поэты не могли изъ ценсурныхъ причинъ высказываться яснѣе объ этомъ предметѣ, но все-таки читатель найдетъ у Коллара жолчныя выходки противъ притѣснителей нѣмцевъ, у Челяковского встрѣтитъ онъ слѣдующую эпиграмму, бросающую свѣтъ на его взгляды: «Зачѣмъ завидуєте вы греческой Иліадѣ, говоритъ онъ нѣмцамъ:—вѣдь Клопштокъ воспѣвалъ же вамъ Мессію; но свою Одиссею вы не такъ скоро увидите, развѣ кто нибудь изъ васъ попробуетъ объ Іудѣ».... Вражда къ нѣмцамъ проходитъ черезъ всю чешскую исторію и безпристрастный изслѣдователь найдетъ, что она явилась у чеховъ не изъ узкой національной нетерпимости, а вслѣдствіе тяжелыхъ отношеній, въ

какія всегда становилась къ чехамъ нѣмецкая нація, случайно или намѣренно. Въ новѣйшее время раздвѣтаніе чешской народности встрѣчено было сначала съ насмѣшкой и презрѣніемъ, потомъ съ ожесточенной ненавистью....

За идеей любви къ отечеству чешскому и общеславянскому слѣдовала, какъ прямое слѣдствіе, любовь къ народности. Отсюда прилежное изученіе языка, этнографія, народной словесности, преданій и обычаевъ: оно одновременно распространилось у всѣхъ славянскихъ племенъ, — у насъ и у чеховъ оно принесло наиболѣе результатовъ и понято было глубже и живѣе. Для чеховъ вопросъ заключался въ возстановленіи упавшей національности, и изученіе народной жизни съ разныхъ сторонъ стало необходимой потребностью; въ народѣ коренныя начала національности сохранились всего чище, въ его словесности выражался неподдѣльный, неиспорченный чужимъ вліяніемъ характеръ. Эти начала, возведенныя въ литературу, объясненныя и поддержанныя наукой, должны были опредѣлить будущее чешское образованіе. Вслѣдствіе того занятія народностью слѣлалось послѣднимъ словомъ литературы: начали усердно собирать чешскія нѣсни, старыя и новыя, преданья, сказки, пословицы, обычаи; лучшие писатели давали этому матеріалу литературную обработку, появилось множество разсказовъ изъ народной жизни и преданій, нѣсенъ въ народной формѣ и т. д. Челяковский издалъ книжку славянскихъ народныхъ нѣсенъ, Гапка переводилъ сербскія и польскія, Камаритъ издалъ духовныя народныя нѣсни, Эрбенъ — лучшее собраніе чешскихъ нѣсенъ, Колларъ — прекрасный сборникъ словацкихъ; теперь Ф. Сушилъ издаетъ моравскія. Чешскіе поэты искали вдохновенія въ бытѣ народа и въ историческихъ воспоминаніяхъ.

Новой литературѣ предстояла и другая обширная задача — усвоить себѣ современныя литературныя формы, совершенно недостававшія ей, и она скоро представила свою поэзію, повѣсть, романъ, драму, популярное чтеніе, ученыя книги. Характеръ читающей публики и еще не вполне развитый литературный языкъ дали чешской литературѣ особенныя качества, которыя она сохраняетъ еще и теперь. Легкая литература у чеховъ до сихъ поръ гораздо ближе и доступнѣе для массы, чѣмъ напримѣръ у насъ, потому что она должна была имѣть въ виду большинство массы, слѣдовательно менѣе высокій уровень образованія. Чешская лирика долго оставалась съ чертами народной нѣсни; чешская повѣсть была популярнымъ разсказомъ и рѣдко бралась за отвлеченные психологическіе вопросы, какіе господствуютъ въ нашей повѣсти. Словомъ, въ легкой литературѣ у чеховъ народныя сюжеты и популярное изложеніе еще перевѣшиваютъ число произведеній, назначаемыхъ для избраннаго, бо-

лѣе образованнаго класса читателей. Не пересказывая подробно фактовъ этой литературы, мы считаемъ однако нужнымъ назвать особенно извѣстныхъ писателей, тѣмъ болѣе, что со времени Коллара въ ней не было ни одного таланта такой же силы, на которомъ можно было бы объяснить все положеніе и успѣхъ литературы.

Въ настоящее время едва ли не лучший представитель чешской поэзіи Карлъ-Яроміръ Эрбенъ, архивариусъ города Праги, упомянутый нами какъ лучший издатель чешскихъ пѣсень. Эрбенъ соединяетъ прекрасный поэтический талантъ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта; его «Вѣнокъ изъ народныхъ повѣстей» пользуется большимъ уваженіемъ у чешскихъ читателей. Поэтъ Эрбенъ извѣстенъ также какъ очень многосторонній ученый; онъ приготовилъ къ 500-лѣтнему юбилею пражскаго университета прекрасное изданіе древняго чешскаго писателя, Оомы Штатпаго; нѣсколько лѣтъ назадъ онъ издалъ большое очень важное собраніе древнихъ актовъ по чешской исторіи; въ настоящее время онъ издаетъ продолженіе «Выбора изъ старо-чешской литературы. Онъ издалъ потомъ нѣсколько монографій по чешской исторіи и славянской мифологіи, представляетъ изданіе славянскихъ сказокъ по всеѣмъ нарѣчіямъ, которое при извѣстномъ талантѣ и знаніяхъ автора обѣщаетъ быть замѣчательнымъ дополненіемъ къ всеславянскимъ трудамъ Шафарика. Во главѣ чешскихъ эпическихъ поэтовъ стоитъ опять извѣстный, какъ археологъ, профессоръ Воцель, авторъ поэмъ «Премысловцы», «Лабиринтъ Славы», «Мечъ и Чаша». Католическій священникъ Вацлавъ Штульцъ издалъ въ 1845 году свои «Воспоминанія на путяхъ жизни», гдѣ патріотическія воспоминанія о прежней силѣ чешскаго отечества соединяются съ религіозно-мистическими изліяніями поэта. Упомянутый нами Яблонскій, также священникъ, отличается преимущественно піетистическимъ направленіемъ; изъ произведеній его особенно любопытенъ «Соломонъ», собраніе патріотическихъ и нравственныхъ размышленій и наставленій, не лишенныхъ иногда прекрасныхъ поэтическихъ оборотовъ. Янъ-Православъ Коубекъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ пражскаго университета, приобрѣлъ себѣ репутацію въ особенности двумя произведеніями, поэмой «Гробы славянскихъ поэтовъ» и юмористическимъ «Странствованіемъ поэта въ адъ», въ которыхъ есть много остроумныхъ выходокъ, но которое въ цѣломъ занимаетъ довольно уединенное мѣсто въ чешской поэзіи. Карлъ-Марія баронъ Вилланъ—одинъ изъ любимыхъ и плодovitыхъ чешскихъ поэтовъ, не пишущій впрочемъ съ 1848 года, который своимъ несчастнымъ исходомъ вообще заставляетъ замолчать многихъ чешскихъ писателей. Вацлавъ-Яроміръ Индчекъ (Подевіанскій) есть авторъ очень популярныхъ пѣсень. Въ на-

стоящее время приобрѣлъ себѣ извѣстность также пѣснями молодой поэтъ Витезславъ Галекъ; его «Вечернія пѣсни», вышедшія въ прошломъ году, произвели впечатлѣніе, хотя быть можетъ слишкомъ много заняты чисто субъективными чувствами автора. Умершій въ 1838 году въ очень молодыхъ лѣтахъ Карлъ-Гинекъ Маха оставилъ очень любимую чешскими читателями поэмю «Май»; это былъ поэтъ несомнѣннаго таланта, но съ направлениемъ, которое, какъ намъ кажется по крайней мѣрѣ, еще несвоевременно для чешской литературы: поэзія мистицизма и разочарованія, въ байроновскомъ или гейневскомъ родѣ, еще тяжелая пища для литературы начинающей. Къ сожалѣнію, этому направленію отдають большую дань молодые чешскіе поэты, Галекъ, Флегеръ и другіе, у которыхъ нельзя отрицать таланта. Изъ женщинъ поэтовъ мы назовемъ въ особенности Марію Чацкую, въ стихотвореніяхъ которой много свѣжаго чувства и поэзіи.

Литература повѣсти и романа также имѣетъ многихъ представителей. Изъ нихъ мы назовемъ: Каэтана Тиля, весьма плодовитаго писателя, оставившаго много романовъ и повѣстей, историческихъ и изъ современной жизни; Седлецкаго (Хохолушекъ), повѣсти котораго, въ переводѣ, очень понравились и южнославянскимъ читателямъ; Вацлава Клицперу, изъ числа старѣйшихъ и плодовитѣйшихъ чешскихъ писателей, которому принадлежитъ нѣсколько романовъ изъ чешской исторіи; Правду (псевдонимъ Глинки), автора нѣсколькихъ повѣстей, написанныхъ съ большимъ знаніемъ современнаго чешскаго быта; наконецъ Мозера, Іосифа Юрія Колара, Риттерсберга и др. Повѣсти для народа, передѣлки народныхъ преданій и разсказовъ составляютъ обширный отдѣлъ въ чешской беллетристикѣ, которая постоянно заботилась съ одной стороны доставить чтеніе своей народной публикѣ, съ другой сохранить для литературы народные разсказы. Въ этомъ отдѣлѣ мы обратимъ особенное вниманіе читателя на произведенія даровитой чешской писательницы Божены (*) Нѣмцовой. Ни у кого чешскія преданія не разсказываются съ такимъ искусствомъ, простотой и истиной; чешская писательница превосходно изучила народный бытъ деревенскаго населенія въ Чехіи и у словаковъ, среди которыхъ она жила нѣсколько времени. Она издала нѣсколько книжекъ «Народныхъ сказокъ и повѣстей», нѣсколько разсказовъ изъ народной жизни, между которыми особенно хороши повѣсти «Горная деревушка» и «Бабушка»; наконецъ ей принадлежитъ нѣсколько серьезныхъ этнографическихъ очерковъ ея отечества.

(*) Чешское названіе «Беатриче».

Чешская драма наиболѣе обязана тремъ изъ названныхъ нами писателей: Тилу, Клицперѣ и Колару. Изъ прежнихъ писателей можно назвать только Яна-Непомука Степанка, въ свое время полезнаго, но тяжелаго драматическаго автора и переводчика, и Махачка, у котораго есть удачныя и веселыя пьесы, наприм. комедія «Женихи». Тиль, и особенно Клицпера, оба чрезвычайно плодотворные, всего болѣе поддерживали репертуаръ чешской сцены множествомъ переводовъ, передѣлокъ и оригинальныхъ произведеній. Особенный успѣхъ имѣли комедіи Клицперы, напр. «Чудесная шляпа», «Мечъ Жижки», «Фридландскій банщикъ» и др. Іосифъ-Юрій Коларъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, очень эффектныхъ и прекрасно рассчитанныхъ для сцены. Изъ нихъ были очень извѣстны трагедія «Моника», «Прекрасная Магелона» историческая драма изъ временъ Рудольфа II, золотаго вѣка Чехіи, и особенно «Смерть Жижки», патріотическая трагедія, имѣвшая въ 1850 году успѣхъ небывалый на чешской сценѣ, и вслѣдствіе того запрещенная австрійскимъ правительствомъ послѣ перваго представленія. Народный элементъ является иногда на сцену у лучшихъ писателей, но все еще мало, конечно, не всегда по винѣ авторовъ. Между молодыми писателями для театра первое мѣсто занимаетъ Фердинандъ Миковецъ, которому принадлежитъ трагедія изъ чешской исторіи «Гибель рода Премысловцевъ», и изъ русской—«Дмитрій Ивановичъ» (Самозванецъ); теперь онъ готовится трагедію изъ «Конрада Валленрода». Іосифъ Фричъ передѣлалъ въ драматическую форму «Тараса Бульбу» Гоголя; мы читали также забавную передѣлку «Исторіи о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», очень удачно написанную однимъ изъ молодыхъ чешскихъ поэтовъ, Іосифомъ Коларжемъ.

Не смотря на отсутствіе сильныхъ талантовъ, литература въ цѣломъ приносила полезные результаты; она могла уже удовлетворить насущнымъ потребностямъ читателей. У нихъ была своя поэзія и романъ; національный театръ имѣлъ достаточно большой репертуаръ, переводный и оригинальный; для народа написано было много популярныхъ книгъ. Этимъ послѣднимъ предметомъ съ самаго начала были серьезно заняты чешскіе писатели и многіе усердно трудились на этомъ поприщѣ, сначала Крамеріусъ, современникъ Добровскаго, потомъ Америкъ, Свобода; въ настоящее время популярная отрасль литературы идетъ еще съ большимъ успѣхомъ. Чешскіе ученые разныхъ специальностей приспособляли языкъ къ научному изложенію, создавая новую терминологію, мало по малу расширяли область понятій, доступныхъ языку, и такимъ образомъ явилась возможность писать популярно по разнымъ отраслямъ зна-

нія. Главной задачей было сдѣлать возможнымъ образованіе при одномъ чешскомъ языкѣ, иначе, сдѣлать чешскій языкъ проводникомъ образованія, и если не уничтожить, то облегчить тотъ насильственный характеръ, который господствуетъ до сихъ поръ въ чешскомъ воспитаніи. Тотъ, кто желалъ бы узнать что нибудь болѣе первыхъ элементарныхъ свѣдѣній, долженъ былъ идти въ нѣмецкую школу, гдѣ его встрѣчали вдругъ двѣ трудности: незнакомый ему предметъ объясняли ему на языкѣ, обыкновенно еще мало знакомомъ ученику. Лучшіе, наиболѣе впечатлительные годы проходятъ въ усиліи овладѣть чужимъ языкомъ; официальное пренебреженіе къ чешскому имѣетъ при этомъ вредное вліяніе на воспитанника, который начинаетъ объѣмчиваться еще со школы. Опытъ многихъ чешскихъ писателей, которымъ приходилось быть въ подобномъ положеніи, показываетъ, какъ тяжело оно для ученика и какъ прискорбно патріотическому чувству видѣть эту отвычку отъ роднаго языка. Чешскіе писатели выходятъ изъ прямо противоположнаго начала, именно, что воспитаніе, образованіе идутъ естественнымъ путемъ только тогда, когда дѣйствуютъ посредствомъ роднаго языка; что мысль и чувство развиваются подъ его вліяніемъ дѣятельнѣе и живѣе. Они готовятъ теперь средства для будущаго чешскаго воспитанія и многое уже сдѣлали.

Другой практической цѣлью новой литературы было усвоеніе замѣчательныхъ чужихъ произведеній посредствомъ переводовъ. Мы видѣли, что имъ отдавали свое время даже серьзные ученые. Въ настоящее время чешская литература имѣетъ уже достаточный запасъ переводныхъ, историческихъ и другихъ книгъ, интересныхъ для образованнаго читателя; кромѣ того она представляетъ большое количество замѣчательныхъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ: напримѣръ, изъ англійскихъ писателей чехъ можетъ познакомиться въ переводахъ съ Шекспиромъ, Мильтономъ, Байрономъ, Ирвингомъ, Куперомъ, Диккенсомъ, Бичеръ-Стоу и др. Переводами съ другихъ славянскихъ языковъ чешская литература богаче всѣхъ относительно, если припомнить молодость новой ея дѣятельности. Чехамъ извѣстны, напримѣръ, въ переводахъ Мицкевичъ, Крашевскій, Чайковскій, Корженевскій, Мальчешскій; Загоскинъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ и т. д.; они имѣютъ переводы сербскихъ, польскихъ, русскихъ пѣсень.

Не смотря однако на очевидный успѣхъ литературы, сомнѣнье западало иногда въ мысли даже лучшихъ людей напславизма, напр. Юсифа Юнгманна: произведетъ ли литература желаемый пересворотъ, не останется ли она дѣломъ дилеттантовъ, выдержитъ ли она и побѣдитъ ли препятствія, безпрестанно становившіяся ей на пути?

Мысль о необходимости литературной взаимности, высказанная Колларомъ и принятая другими, между прочимъ вызвана была желаніемъ подкрѣпить чешскую литературу произведеніями другихъ славянъ. При разнообразіи нарѣчій и литературъ нужно было непременно концентрировать литературную дѣятельность; для этого должна была служить славянская взаимность. Другіе, менѣе знающіе и болѣе мечтающіе люди говорили о необходимости одной общей литературы, общаго языка для всѣхъ славянъ: одни думали, что его можно сочинить искусственно, на основаніи стараго славянскаго; другіе полагали, что общимъ языкомъ можетъ слѣжаться русскій, какъ языкъ сильнѣйшаго, всего болѣе общающаго племени. Мечты были конечно не практичны; нужно было по крайней мѣрѣ обезпечить настоящую область чешскаго языка, утвердить его литературное значеніе въ Чехахъ, на Моравѣ, въ австрійской Силезіи и у словаковъ. Во всемъ этомъ краю чешскій языкъ издавна господствовалъ въ литературѣ: словаки, наиболѣе далекіе отъ чеховъ по языку, имѣли чешскую біблію и привыкли къ языку такъ, что отъ своихъ проповѣдниковъ требовали, чтобы они говорили по-чешски. Въ прежнія времена, въ послѣдней половинѣ XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, во время окончательнаго упадка литературы въ самой Чехіи, словацкіе писатели поддерживали ее въ своихъ сочиненіяхъ и доставили ей нѣсколько замѣчательныхъ именъ. Въ настоящую пору словакамъ принадлежали два знаменитѣйшіе дѣятели панславизма, Колмаръ и Шафарикъ. Не смотря на всѣ эти тѣсныя связи, старыя и новыя, словаки произвели въ сороковыхъ годахъ печальный расколъ въ чешской литературѣ: въ то время, когда единство и согласіе было всего нужнѣе и полезнѣе для обоихъ, нѣкоторые словацкіе писатели вздумали ввести свой литературный языкъ и отдѣлились отъ чеховъ. Первый примѣръ поданъ былъ Бернолакомъ (+ 1813), который сталъ употреблять питранское нарѣчіе; опытъ его не имѣлъ успѣха, хотя впрочемъ ему слѣдовалъ одинъ изъ извѣстныхъ чехо-словацкихъ писателей, поэтъ Янъ Голый, и хотя «бернолачина», какъ стали называть новоизобрѣтенный языкъ, удержалась отчасти въ употребленіи у словацкихъ католическихъ духовныхъ. Гораздо сильнѣе подвинутъ былъ словацкій сепаратизмъ Людевитомъ Штуромъ и Гурбаномъ, замѣчательными словацкими патріотами, принимавшими потомъ дѣятельное участіе въ возстаніяхъ своего народа противъ венгровъ во время революціи. «Бернолачина» такъ не правила въ томъ, что Гурбанъ и Штуръ взяли въ основаніе другое нарѣчіе, липтовское, и начали писать на немъ книги, отказавшись отъ чешскаго языка. Это была крайность славянскаго патріотизма: стремленіе воздѣлывать народ-

ныя нарѣчія должно имѣть свои границы; чѣмъ больше они обособляются, тѣмъ хуже. Люди серьезные не могли не высказать своего явнаго неодобренія, и Музейное Общество издало въ 1846 году «Голоса о необходимости единства литературнаго языка для чеховъ, мораванъ и словаковъ», гдѣ собраны были мнѣнія многихъ компетентныхъ судей этого дѣла и вопросъ объясненъ былъ со всѣхъ сторонъ. Колларъ и Шафарикъ, сами изъ словаковъ, Палацкій, Юнгманнъ, Палковичъ, Шембера и многіе другіе чехи, мораване и словаки, объявили себя прямо противъ нововведенія, положительно вреднаго для словаковъ, и достаточно мотивировали свои мнѣнія. Еще при первыхъ попыткахъ отдѣленія, Добровскій писалъ: «Истинно досадно, что словаки не хотятъ держаться съ нами, чехами. Деревенскіе говоры нельзя же принимать за дорическое, аттическое и іоническое нарѣчія. Нѣмцы были въ этомъ случаѣ умнѣе, чѣмъ мы, несогласные славяне». Странно, что Штуръ, человѣкъ съ талантомъ, не понималъ этой простой истины. Чехи говорили въ свое успокоеніе, что нововведенія словаковъ будутъ вредны имъ же; но на дѣлѣ они столько же вредны и для чешской литературы, потому что отрываютъ отъ нея цѣлую массу народа, которая бы доставляла ей много читателей и писателей. Сила литературы очень зависитъ отъ массы, на которую она можетъ распространять свое вліяніе и изъ которой она вербуетъ своихъ дѣятелей. Колларъ, этотъ славянинъ «безъ упрека», навлекъ на себя обвиненіе со стороны своихъ соотечественниковъ въ холодности къ родному языку и народу: такъ далеко зашло ослѣпленіе!... Къ сожалѣнію, это была не единственная темная сторона въ новой славянской дѣятельности; раздѣленіе шло и въ другихъ направленіяхъ. Восторженныя воззванія Коллара о братскомъ единствѣ и общемъ трудѣ не были довольно сильны, чтобы подѣйствовать на всѣхъ духомъ согласія: новая литература отъ времени до времени представляла примѣры непримиримой вражды, зависти и зложелательства. Извѣстно, съ какой непереносимостью смотрѣлъ крайнецъ Копитаръ на многихъ почтенныхъ чешскихъ ученыхъ, какія непозволительныя вещи писалъ онъ противъ нихъ и какіе непохвальные мотивы управляли иногда его перомъ,—а это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей новой славянской науки. Писатели разныхъ племенъ не одинъ разъ встрѣчались, какъ явные враги. Тоже было и въ самой чешской литературѣ; но она еще далеко не была въ той порѣ, когда раздѣленіе на кружки и партіи бываетъ безвредно въ литературѣ, становится даже необходимо въ ней; силы ея можно еще было легко сосчитать. Въ сороковыхъ годахъ новая литература встрѣтила еще одно враждебное начало; это была германская пресса, сначала мало интересовав-

шаяся славянами, но потомъ напуганная панславизмомъ и указывавшая правительству на панславизмъ, какъ на зловредное нарушение правъ германской націи.

Таковы были обстоятельства. Если, разбирая объемъ новой литературы, мы вспомнимъ, что все дѣло совершилось только при двухъ поколѣніяхъ — потому что до сихъ поръ дѣйствуютъ люди, еще видѣвшіе труды Добровскаго, — то нельзя не признать за ней большой внутренней силы. Обставленная самымъ невыгоднымъ образомъ, она совершила многое, но трудности далеко не были побѣждены: она все еще имѣла противъ себя непріятелей въ высшемъ и богатомъ классѣ чешскаго общества, въ бюрократическомъ и военномъ людѣ, въ значительной части образованныхъ людей съ нѣмецкими или вѣриѣ съ австрійскими симпатіями и въ non plus ultra обнѣмечившихся сынахъ Израиля, какъ жолчно называетъ ихъ одинъ чешскій писатель. Кромѣ того отрицательнаго вреда, что въ этой массѣ пропадало для національнаго дѣла много чеховъ, она приносила и положительный вредъ, потому что не рѣдко прямо дѣйствовала противъ чешскихъ патріотовъ. Трудно было выиграть въ свою пользу этихъ людей, когда они не поддавались ни резонамъ, ни национальной гордости, которую могъ пробудить блестящій успѣхъ литературы; но большей части они даже не знали, что именно дѣлается въ литературѣ, и становилось на сторону нѣмецкихъ памфлетистовъ, которые скоро начали серьезную войну противъ панславизма. Нѣмцы еще прежде говорили изрѣдка о чешскомъ движеніи, не придавая ему большой важности; успѣхъ Коллара, распространеніе его идей у всѣхъ славянъ, не могли не обратить ихъ вниманія и они увидѣли въ этихъ фактахъ зловѣщія предзнаменования. Въ сороковыхъ годахъ уже началось у австрійскихъ славянъ безпокойное броженіе, приготовлявшее событіе 48-го года, и нѣмецкіе публицисты заговорили о панславизмѣ, какъ о гибельной тенденціи, которую слѣдуетъ искоренить во что бы ни стало. Всѣмъ извѣстны несчастья словаковъ въ Венгріи: когда чехамъ грозила германизація, словаковъ хотѣли сдѣлать мадярами. Такъ называемое тогда «націонализированіе» Венгріи началось съ такими насиліями, гордые и дикіе венгерцы имѣли такъ мало терпимости, что положеніе словаковъ было невыносимо. Когда защитники словаковъ говорили вообще въ защиту славянской народности отъ угнетенія, противники ихъ говорили о панславизмѣ, грозившемъ основать какое-то славянское царство въ ущербъ единой и цѣлой Австріи и Германіи: въ боязливомъ воображеніи ихъ, стремленія западнаго панславизма имѣли несомнѣнную связь съ завоевательными видами Россіи, и этого было достаточно, чтобы каждый истинный германецъ вооружился противъ него всѣмъ

ми своими способностями. Въ сороковыхъ годахъ эти бури разражались безпрестанно, и любители чешской литературы должны были обезпечить тѣмъ нибудь ея положеніе. Однимъ изъ ревностныхъ защитниковъ ея выступилъ графъ Лео Тунъ, въ то время чешскій патріотъ, а нынѣ министръ народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ. Въ 1842-мъ году онъ издалъ любопытную нѣмецкую брошюру «О нынѣшнемъ состояніи чешской литературы и ея значеніи;» эта апологія очень характеристична для тогдашняго положенія вопроса, и мы позволяемъ себѣ вкратцѣ изложить главныя мысли автора.

Объяснивши очень безпристрастно короткую исторію новой литературы, графъ Тунъ старался доказать ея непріятелямъ въ чешскомъ и нѣмецкомъ обществѣ полную законность ея существованія и необходимость ея для народнаго блага, и старался внушить равнодушной части чеховъ участіе къ національному стремленію. Въ своихъ убѣжденіяхъ онъ опровергаетъ всѣ упреки и обвиненія, какія только ввоздвигались на нее. Сначала онъ обращается къ тѣмъ людямъ, которые, даже не имѣя ничего противъ принципа этой литературы, были недовольны ея произведеніями и говорили о непонятности языка, введеннаго писателями. Авторъ доказываетъ, что ходъ литературы и языка былъ именно такой, какого требовала необходимость. «Другіе, продолжаетъ онъ, съ сожалѣніемъ смотрятъ на то, что чешскій языкъ еще не пришелъ въ забвеніе, и прямо не одобряютъ тѣхъ, кто хочетъ языкъ простолюдина, какимъ былъ чешскій въ теченіе двухъ столѣтій, сдѣлать даже разговорнымъ языкомъ для всѣхъ сословій; эти люди вообще считаютъ несчастіемъ совмѣстное существованіе нѣсколькихъ языковъ. Они радуются, когда какой нибудь языкъ вымираетъ; они думаютъ, что этимъ только устраняется одно препятствіе къ общему братству и одинаковому размѣну мыслей, что этимъ совершается успѣхъ гуманности. Для чешскаго народа въ особенности ничто не можетъ быть, по ихъ мнѣнію, такъ полезно, какъ совершенное сліяніе съ нѣмцами. Если образованные классы чеховъ уже употребляютъ преимущественно нѣмецкій языкъ, то зачѣмъ хотятъ отдавать дѣло образованія литературѣ, которую еще должно создать, вмѣсто того, чтобы окончательно присоединиться къ великой нѣмецкой націи, которая по духовному развитію и литературной дѣятельности стоитъ въ ряду первыхъ народовъ и можетъ представить почти неисчислимыя сокровища для удовлетворенія любознательнаго читателя въ каждой отрасли наукъ или практическихъ свѣдѣній. Тамъ ищите мудрости; простой человѣкъ пойдетъ тогда по вашимъ слѣдамъ и будетъ пользоваться отъ нѣмцевъ тѣмъ, что ему нужно и чего онъ не можетъ найти на языкѣ своихъ отцовъ.» Такъ опредѣляли свои требованія противники новой литературы, не

только нѣмцы, но и значительная часть самихъ чеховъ. Вы хотите слѣдовательно полного германизированія, говоритъ авторъ, потому что и народъ долженъ же пользоваться средствами образованія, и онъ долженъ поэтому обнѣмечиться. Но возможно ли это? Съ самой бѣлогорской битвы, народъ, истощенный и уменьшенный войнами и эмиграціей, угнетенный, окруженный нѣмецкими поселенцами, выросъ въ числѣ втрое и сохранилъ до сихъ поръ свою національность; слѣдовательно германизация не такъ легка, какъ кажется. «Теперь мы находимъ въ Чехіи три милліона людей, исключительно или преимущественно говорящихъ по-чешски, поддерживаемыхъ другими четырьмя милліонами въ Моравіи и сѣверной Венгріи, ведомыхъ людьми съ глубокой прозорливостью и благородной силой, въ эпоху, когда уже нельзя думать о принудительныхъ мѣрахъ къ искорененію народностей, — и при этихъ обстоятельствахъ долженъ исчезнуть языкъ, пережившій всѣ измѣнчивости судьбы? Пусть вѣритъ этому кто хочетъ, но пусть не ожидаетъ онъ, чтобы основанный на этой мысли планъ его — осчастливить свой народъ — нашелъ общее одобреніе. Притомъ онъ долженъ сознаться, что перемѣна, на которую онъ разсчитываетъ, не можетъ совершиться въ нѣсколько лѣтъ, что по крайней мѣрѣ еще много столѣтій должно пройти, чтобы утвердить нѣмецкій языкъ вездѣ, гдѣ звучитъ теперь чешскій. *И такъ долго* хотите вы держаться вдали отъ своего народа? *Такъ долго* хотите вы быть въ немъ чужеземцами?» Эти люди скажутъ, что они допускаютъ чешскій языкъ на столько, на сколько онъ нуженъ для разговора съ простолюдиномъ; но кто желаетъ говорить съ простолюдиномъ, особенно если долженъ вступать съ нимъ въ сношенія по обязанности, какъ школьный учитель, духовный, врачъ, чиновникъ, — тотъ долженъ вполнѣ владѣть языкомъ, долженъ изучить его, и можетъ ли онъ тогда быть противникомъ литературы, которая заботится о томъ же народѣ, о его пользахъ, его развитіи? Въ этомъ случаѣ гораздо послѣдовательнѣе тѣ, которые совсѣмъ отказываются отъ чешскаго языка и замѣняютъ его нѣмецкимъ вездѣ, гдѣ только можно. И тѣ и другіе совершаютъ однако явную несправедливость, отказываясь отъ чеха, если онъ чехъ; желая германизовать его, они во всякомъ случаѣ должны образованіе и благо нынѣшнихъ поколѣній принести въ жертву мнимому благу будущихъ. Но какъ еще будутъ смотрѣть на это будущія поколѣнія? Это остается вопросомъ.... Отъ этой частной точки зрѣнія авторъ переходитъ потомъ къ болѣе общей и защищаетъ права языка и народности на существованіе, особенно, если они уже доказали свою силу и способность къ развитію. Языкъ и народность являются не случайно; какъ отдѣльный человѣкъ отличается особеннымъ характеромъ, взглядомъ

на вещи, талантомъ, такъ каждый народъ приносить что нибудь свое въ общій ходъ человѣческой цивилизаціи. Препятствіемъ участвовать въ дѣлѣ человѣчества служить не языкъ, а меньшая степень развитія, и ей то должно помогать всѣми средствами; если уже несомнѣнно, что она можетъ подняться. Для чешской литературы это уже не подлежитъ сомнѣнію; и прежде эта нація дѣйствовала со славою въ исторіи, и если пала, то отъ страшнаго напряженія; усилія ея направлены были къ благородной, человѣчественной цѣли. Если каждый развивающійся народъ имѣетъ свою историческую задачу, она есть и у чеховъ. Славянскія племена еще мало дѣйствовали въ исторіи, но придетъ и для нихъ время выступить на сцену общечеловѣческой дѣятельности; усвоивъ себѣ результаты, добытые другими народами, они поведутъ ихъ дальше своимъ собственнымъ трудомъ. Задача чешской націи, по мнѣнію автора, именно есть вызвать славянскія племена на это поприще и указать имъ дорогу. Дѣйствительно, новое чешское движеніе нашло отзвѣвъ у всѣхъ славянскихъ племенъ, и первый важный успѣхъ пріобрѣтенъ. Прошедшая исторія и всѣ внѣшнія обстоятельства дали чехамъ возможность взять на себя и выполнить ту задачу. Возрожденіе чешской литературы есть фактъ величайшаго значенія для всего славянства, и содѣйствіе другихъ племенъ облегчаетъ ея дѣло.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ опасеніямъ, которыя возбуждалъ панславизмъ въ нѣмецкомъ обществѣ. «Именно то, говоритъ онъ, что мы ставили въ заслугу національному движенію чеховъ, быть можетъ всего болѣе поднимаетъ вражду противъ него. Въ особенности между нѣмцами симпатіи славянскихъ народовъ возбуждаютъ извѣстныя опасенія, и въ движеніи, замѣчаемомъ одновременно у всѣхъ славянъ, въ ихъ предчувствіи великаго назначенія, нѣмцы видятъ грозящую опасность. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на этотъ образъ мыслей, потому что подозрѣніе враждебныхъ замысловъ способно бываетъ вызывать ихъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, особливо въ нашемъ случаѣ. Въ прежнія времена между славянами и нѣмцами велся суровый, продолжительный бой, который наконецъ шелъ и въ Богеміи. Владычество осталось въ рукахъ нѣмцевъ и тяжело легло на побѣжденныхъ. Мы не хотимъ винить нѣмцевъ въ томъ, что было недостаткомъ той мрачной эпохи; но нечего и удивляться, что событія возбудили въ славянахъ недовѣрчивость къ нѣмцамъ. Серьезная забота каждаго честно думающаго человѣка должна быть обращена къ тому, чтобы не зажигать снова стараго пожара. Кто бы вздумалъ теперь оживлять національное чувство славянъ возбужденіемъ ненависти и мщенія противъ нѣмцевъ, тотъ взялъ бы на себя тяжелый грѣхъ относительно обоихъ. Напротивъ, теперь и для нѣм-

цевъ должно быть священной обязанностью не увѣковѣчивать печальнаго впечатлѣнія историческихъ событій. Мы желаемъ поэтому, чтобы они радостно и дружелюбно встрѣтили славянскіе народы, у которыхъ начинается являться надежда на лучшія времена и стремленіе къ духовному прогрессу. Настоящіе факты доказываютъ одно это стремленіе, по какому же праву считаютъ его покровомъ враждебныхъ замысловъ? Неужели же вѣчно, какъ во времена переселенія народовъ, появленіе націи должно наводить страхъ на сосѣдей? Неужели понапрасу за тысячу лѣтъ распространилось по Европѣ христіанство? Неужели духъ любви не долженъ никогда проникнуть народы, установить имъ взаимныя сношенія и направить ихъ къ общему достиженію высшихъ цѣлей?... Осмотритесь спокойно кругомъ, и страхъ исчезнетъ, когда вы лучше узнаете истинный видъ дѣла. Становится замѣтно, что въ положеніи славянскихъ народовъ приготавливаются важныя перемѣны, и такъ какъ многіе не объясняютъ себѣ ихъ основанія и направленія, то и смотрятъ на неизвѣстное будущее съ боязливымъ сомнѣньемъ... Но цѣль, она уже открыта, эта цѣль славянскихъ симпатій: необходимымъ слѣдствіемъ общихъ литературныхъ стремленій славянскихъ народовъ должна быть всеславянская монархія, разрушающая настоящія отношенія Европы. Это мѣнѣе выставляется многими совершенно серьезно; но сколько мы знаемъ, они еще не представили никакихъ доказательствъ». Эгихъ доказательствъ, разумѣется, и никогда не было представлено. Авторъ доказываетъ сначала примѣромъ самихъ пѣмцевъ, что единство языка не обуславливаетъ еще единую монархію, что напротивъ оно не помѣшало и существовавшей уже одной монархіи разбиться на отдѣльныя государства. Притомъ между славянскими народами никогда не было такого единства въ языкѣ и въ исторической жизни, какое всегда соединяло германцевъ. Раскинутые на огромномъ пространствѣ, раздѣленные чужими племенами, славяне имѣли различную исторію, должны были познакомиться съ своими сосѣдями и еще болѣе отдѣлиться отъ соплеменниковъ. Литературы и языка ихъ на столько различны, что не могутъ соединиться въ одно, безъ опасности для отдѣльныхъ національностей; языки такъ несходны, что знаніе ихъ пріобрѣтается изученіемъ, и произведенія одного языка должны быть переводимы, чтобы сдѣлаться доступными читателямъ другаго. При этомъ возможно вліяніе литературъ, помощь ихъ одна другой, потому что онѣ имѣютъ общую цѣль—сохраненіе и развитіе славянской національности, но тѣмъ не менѣе всеславянское національное чувство можетъ жить только въ груди образованнѣйшихъ славянъ: оно можетъ имѣть великую важность для духовнаго развитія, но не можетъ провести по-

литической тенденціи. Авторъ опровергаетъ и тѣхъ, которые указывали въ панславизмѣ русскія симпатіи, смотрѣли на него какъ на предисловіе будущаго русскаго владычества въ славянскихъ земляхъ. «Это могутъ считать возможнымъ, или даже желать только отдѣльныя лица, пока ихъ ослѣпляетъ страхъ, что всякая другая комбинація опасна для національнаго существованія ихъ народа.» Онъ переходитъ потомъ къ вопросу объ австрійской имперіи и утверждаетъ, что панславизмъ не представляетъ для нея ни малѣйшей опасности, что Австрія, какъ государство разноплеменное, будетъ сильна, когда будутъ сильны ея составныя части; предпочтеніе одной національности предъ другими не должно имѣть мѣста; славянское развитіе должно быть поощряемо и не долженъ быть вводимъ раздоръ во внутреннія отношенія, потому что *discordia res magnae dilabuntur*.

Панславизмъ сильно встревожилъ нѣмцевъ, потому что имъ казалось, что панславизмъ есть чисто политическая тенденція, и она, еслибы существовала дѣйствительно, вовсе не могла нравиться великой нѣмецкой націи. Графъ Тунъ уже говорилъ на это очень справедливо, что никто не думаетъ о славянской монархіи, думаютъ только объ образованіи и литературѣ. Если при этомъ славяне не выражали особенной любви къ нѣмцамъ, вѣроятно не было въ нѣмцахъ много достоялюбезнаго, вѣроятно натуры слишкомъ несходны. Множество брошюръ, журнальныхъ статей наполнено было филиппиками противъ славянъ древнихъ и новыхъ, писанными большей частью съ крайней нетерпимостью. Чтобы познакомить читателей съ мало извѣстными у насъ взглядами анти-славянскихъ писателей, мы выбираемъ одну брошюру, изданную годомъ позже книжки Тунъ, подъ названіемъ: «Австрія—нѣмецкая ли?» (*Ist Oesterrreich deutsch?*). Читатель увидитъ, сколько гуманнаго чувства было въ этихъ господахъ, проповѣдывавшихъ нѣмецкое образованіе, которое конечно сильно, плодотворно и человѣчественно, но къ представителямъ котораго эти писатели едва ли могутъ быть причислены.

Изобразивъ вкратцѣ положеніе юной и могучей Австріи, авторъ спрашиваетъ, можетъ ли она считаться вполне нѣмецкой, когда въ ней столько славянскихъ и другихъ племенъ, и отвѣчаетъ да. Онъ приводитъ въ цифрахъ количество населенія и находитъ прежде всего, что въ извѣстныхъ австрійскихъ земляхъ, принадлежащихъ къ Германскому союзу, нѣмцы многочисленнѣе славянъ, что къ нѣмцамъ принадлежитъ высшій и образованный классъ, что славяне часто оторваны другъ отъ друга и окружены нѣмецкими поселеньями. Въ другихъ австрійскихъ земляхъ славяне, правда, составляютъ большинство, но и тамъ они раздѣлены: словаки подчинены венграмъ (которые хотя

и притѣсняютъ словаковъ, но, по мнѣнію автора, исполняютъ почетное дѣло, загораживая Германію отъ властолюбивой Россіи, и заслуживаютъ всякой похвалы); русины—полякамъ, города заняты нѣмцами; по развитію они стоятъ невысоко, слѣдовательно и тамъ необходимо нѣмецкій присмотръ. Главное, почему Австрія остается нѣмецкой, то, что славяне, хотя ихъ и много, должны германизироваться, чтобы усвоить себѣ образованіе и стать людьми. Авторъ радикально не вѣритъ въ славянъ и не надѣется, чтобы они могли что нибудь сдѣлать. Приводимъ его злые обвиненія, которыя не разъ дѣлались славянамъ ихъ противниками; хотя сильно преувеличивая, они иногда попадали на дѣйствительно слабыя стороны славянства, стараго и возрожденнаго, — стороны, знакомыя и самимъ панславистамъ, но не всегда ими признаваемыя.

«Нѣмецкій языкъ, говоритъ авторъ, есть родной языкъ всѣхъ образованныхъ и полубразованныхъ, и даже низшія сословія славянъ добровольно и постоянно стремятся усвоить его себѣ. Большею частью это происходило еще до Іосифа II, и нѣмецкій языкъ сдѣлался господствующимъ не потому, что Іосифъ объявилъ его такимъ, а Іосифъ могъ и долженъ былъ сдѣлать это, потому что языкъ путемъ естественнаго развитія сталъ господствующимъ. Каждый славянинъ, который хочетъ выйти впередъ въ духовной и общественной жизни вообще или въ какой нибудь отрасли ея, необходимо долженъ стремиться къ нѣмецкому образованію. Конечно это ни пріятно, ни почетно для славянъ, но имъ некого обвинять въ этомъ, кромѣ себя. Почему они подобно нѣмцамъ не соединились въ одну націю, по крайней мѣрѣ въ образованіи? Почему, въ теченіе столь многихъ вѣковъ, они не развили никакого образованія, которое бы можно было сравнить съ европейскимъ вообще и съ нѣмецкимъ въ особенности, хоть въ самой отдаленной степени?» Авторъ задаетъ потомъ другіе вопросы, на иные изъ которыхъ исторія уже давно отвѣчала удовлетворительно, въ оправданіе славянъ: отчего славяне, столь же многочисленные, какъ и нѣмцы, позволили обнѣмечить себя на сѣверѣ и въ срединѣ Германіи? Зачѣмъ поляки не возвысили славянства? Отчего они не развили у себя государственной жизни и не послужили примѣромъ для другихъ соплеменниковъ? Отчего дунайскіе славяне до сихъ поръ такъ неразвиты? Отчего Россія только съ Петра принимаетъ образованіе и мѣшаетъ его съ варварской грубостью?... Образованнѣйшіе люди славянъ образованы по-французски или по-нѣмецки; одни изъ нихъ отчаяваются въ своемъ народѣ, другіе хотятъ возстановить національность, но для ихъ воззваній недостаетъ народа, который бы могъ ихъ послушать и пойти за ними. Существенное несчастье и недостатокъ славянъ, говоритъ ав-

торъ, есть отсутствіе гражданскаго элемента въ славянскомъ характерѣ; потому они не могли создать ничего оригинально прекраснаго и великаго. Успѣхъ возможенъ только тогда, когда дѣло литературное соединится съ гражданскимъ, политическимъ

Славяне, живущіе съ нѣмцами, должны германизироваться необходимо, продолжаетъ онъ. «Они германизируются даже противъ ихъ воли, по естественному превосходству нѣмецкаго духа (sic), и всѣ образованные уже стали нѣмцами; но они хотятъ этого сами, они обнѣмечиваются ревностно и съ любовью, потому что знаютъ гражданскія и чисто человѣческія выгоды нѣмецкаго просвѣщенія. Они граждански и нравственно обязаны германизироваться, потому что только съ нѣмецкимъ образованіемъ они могутъ имѣть важное значеніе въ службѣ государству и потому что нравственный долгъ каждаго человѣка—облагораживать и совершенствовать самого себя.... Каждый славянинъ въ нѣмецкой Австріи, желающій принять участіе въ общечеловѣческомъ просвѣщеніи и высшихъ гражданскихъ стремленійхъ, даже послѣдній славянскій ремесленникъ, который не хочетъ ограничиться одной своею деревней, необходимо по свободному побужденію долженъ учиться по-нѣмецки и долженъ быть благодаренъ правительству, что оно облегчаетъ ему эту духовную метаморфозу. Австрійское правительство дѣлаетъ здѣсь истинно все, что только должно и можетъ сдѣлать. Оно содержитъ вездѣ славянскія школы для низшихъ потребностей славянскаго населенія; приказываетъ, чтобы каждый военный и гражданскій чиновникъ, которому нужно имѣть дѣло съ народомъ, зналъ славянскій языкъ; издаетъ въ славянскихъ земляхъ всѣ законы по-нѣмецки и по-славянски; поддерживаетъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ профессуры для славянскаго языка и литературы; не только не препятствуетъ (еще бы препятствовало!), но даже помогаетъ и даетъ вознагражденія усиліямъ славянскихъ поэтовъ и ученыхъ. Поистинѣ, это все, что можетъ сдѣлать австрійское правительство; но если оно образовываетъ по-нѣмецки каждаго, кто въ гражданскомъ отношеніи хочетъ выступить изъ самой низшей среды или выбираетъ ученое поприще, оно дѣлаетъ это конечно не потому, что оно само нѣмецкое, а потому, что это совершенно необходимо. — Большинство славянъ въ этихъ провинціяхъ признаетъ это и благодаритъ правительство; слабая оппозиція существуетъ только въ Прагѣ, но и тамъ она выходитъ изъ одной очень небольшой партіи, которая кромѣ того состоитъ въ сильномъ подозрѣніи, что она доступна русскому вліянію (именно!). — Поэтому въ сложности образованіе этихъ провинцій издавна совершенно нѣмецкое, и оно имѣетъ свое средоточіе въ Вѣнѣ, которая тутъ даетъ тонъ. Недавно одинъ берлинскій писатель

выставилъ забавное мнѣніе, что вѣнское образованіе вовсе не нѣмецкое, а смѣшанное изъ итальянскаго, славянскаго и нѣмецкаго; еще забавнѣе, что Коль хочетъ найти въ вѣнскомъ образованіи даже восточный элементъ. Правда, въ Вѣнѣ живетъ много славянъ, мадяровъ и итальянцевъ, даже часто встрѣчаются живописныя восточныя фигуры, но всѣ они нисколько не измѣняютъ чисто южно-нѣмецкой жизни Вѣны; скорѣе она измѣняетъ ихъ. Давно извѣстно волшебное вліяніе Вѣны въ этомъ отношеніи. Въ Вѣнѣ не только славяне, мадяры и итальянцы, но даже французы и англичане германизируются по-вѣнски, и тамъ вовсе не рѣдкость встрѣтить людей въ греческомъ, даже турецкомъ костюмѣ, говорящихъ и живущихъ чисто по-вѣнски. Богатая удовольствіями, прекрасная и женственная Вѣна для всѣхъ провинцій монархіи и даже за предѣлами ея служить главнымъ мѣстомъ прививки германизма».

Мы хотѣли оставить безъ комментарія разсужденія этого автора, какъ видно изъ послѣднихъ словъ, чисто вѣнскаго патріота; но разсужденія эти могли бы ввести въ заблужденіе читателя, мало знакомаго съ славянскими обстоятельствами, когда авторъ такъ утвердительно говоритъ о великодушномъ отношеніи правительства къ славянскому образованію. Если правительство обязываетъ чиновника знать славянскій языкъ, объявляетъ законы по-славянски, къ тому принуждаетъ его не желаніе дать значеніе языку, а чистая необходимость, потому что далеко не всѣ достаточно владѣютъ нѣмецкимъ. Притомъ самъ авторъ признается, что это сдѣлано только для облегченія метаморфозы, т. е. превращенія славянина въ нѣмца. Дозволеніе каедръ славянскаго языка и литературы не есть какое нибудь особенное благодѣяніе для чеховъ, напримѣръ, имѣющихъ значительную ученую литературу и создавшихъ главнымъ образомъ самую науку о славянствѣ. Когда для славянскій литературы есть каедры и тамъ, гдѣ очень мало или вовсе нѣтъ славянскаго населенія, напримѣръ въ Берлинѣ и Парижѣ, то было бы варварствомъ не завести ихъ въ Вѣнѣ и Прагѣ. Деревенскія школы и не могутъ обойтись безъ славянскаго языка, потому что въ сельскомъ населеніи дѣти не знаютъ по-нѣмецки. Мы никогда не слыхали объ особенно блестящихъ вознагражденіяхъ славянскимъ ученымъ; если Шафарику дали мѣсто библіотекаря въ университетской библіотекѣ, это награда слишкомъ скромная для громадныхъ заслугъ ученаго; если Палацкому давали для его ученыхъ трудовъ и путешествій шестьсотъ флориновъ въ годъ, то мы должны замѣтить читателю, что это составляетъ только около 400 р. сер., слѣдовательно о подобномъ вознагражденіи можно и не писать громкихъ фразъ. Напротивъ, сколько мы знаемъ, ученые всего чаще предоставлены самимъ себѣ и слу-

чаю; въ тѣхъ, кого правительство назначаетъ своими чиновниками, оно не одобряетъ занятій славянской литературой; официальное пренебреженіе и черезъ мѣру строгая цензура всегда были для новой чешской литературы тяжелымъ камнемъ преткновенія, на который она спотыкается до сихъ поръ. Что касается до чарующей Вѣны, то и сами сѣверные нѣмцы не очень долюбиваютъ ее, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться и въ настоящее время, если онъ слѣдитъ за газетными дебатами по поводу итальянскаго дѣла. Прелесть вѣнской жизни и отличительное качество вѣнскаго образованія, такъ восхваляемаго авторомъ, заключаются во внѣшней комфортабельности и наслажденіяхъ жизнью: вѣнцы—хорошіе гастрономы и бонвиваны,—занятія, удобно отвлекающія массу общества отъ тернистыхъ вопросовъ общественнаго устройства и политики, и въ этомъ заключается прелесть вѣнскаго вліянія, которому не могутъ сопротивляться не только «люди въ восточномъ костюмѣ», но, по словамъ автора, даже французы и англичане. Вѣна—городъ австрійской дипломатіи и бюрократіи, съ веселымъ въ извѣстномъ родѣ препровожденіемъ времени; нѣмецкая наука и искусство, по признанію самихъ нѣмцевъ, всегда хромали въ Австріи.

Затѣмъ авторъ говоритъ о чешскомъ движеніи, которому отдаетъ справедливость, но по своему. «Національное движеніе чеховъ основалось естественно и достойнымъ уваженія образомъ. Изъ всѣхъ славянъ чехи самые талантливые; они до сихъ поръ истинные хранители чести славянства. Одни чехи рядомъ съ другими и отчасти даже прежде другихъ народовъ завоевали себя почетное мѣсто въ исторіи европейской цивилизаціи и уже въ раннее время создали цвѣтущую литературу. Ихъ исторія представляетъ славные моменты героизма и своимъ высоко-трагическимъ исходомъ должна возбуждать удивленіе и сочувствіе всего свѣта и всѣхъ временъ. Воспоминаніе объ этой славіи никогда совершенно не исчезало въ Богеміи, и въ новѣйшую пору, когда національныя стремленія составляютъ главную черту духа времени, оно оживилось сильнѣе и свѣжѣе. Но оно оживилось не въ народѣ, потому что на свѣтѣ не существуетъ образованнаго чешскаго народа; оно движетъ голову и сердце только немногихъ людей, которыхъ именно ихъ нѣмецкое образованіе побуждаетъ къ сохраненію чешскаго (замѣтимъ здѣсь, что съ точки зрѣнія автора это должно быть странно: отчего люди, владѣющіе великимъ нѣмецкимъ образованіемъ, заботятся о незначительномъ чешскомъ?). Но эта небольшая партія чешскихъ патріотовъ дѣлится на двѣ существенно различныя части. Большая состоитъ изъ серьезныхъ и благоразумныхъ людей, которые видятъ, что никакая земная сила не можетъ возстановить того, что погибло въ потокѣ временъ,

какъ чешская слава. Эти люди знаютъ, что Богемія уже никогда не можетъ сдѣлаться славянскимъ царствомъ, что она сама для себя, ради собственной выгоды и блага, должна оставаться соединенною съ Германіей и германскимъ образованіемъ. Поэтому они хотятъ только рядомъ съ нѣмецкимъ сохранять и образовывать чешскій языкъ и литературу, и это стремленіе конечно въ высшей степени похвально и достойно уваженія, и не только нѣмецкое правительство, но даже многіе изъ нѣмецкихъ жителей Богеміи поддерживаютъ его (но черезъ двѣ страницы автору очень не нравится, что нѣмецкій графъ Тунъ выступилъ въ числѣ защитниковъ чешской національности). Удастся ли этимъ достойнымъ людямъ развить и сберечь истинно оригинальную и сколько нибудь значительную литературу, найдутъ ли они для того твердое и живое основаніе, не будетъ ли эта литература по большей части предавать нѣмецкія мысли славянскими знаками,—это конечно другой вопросъ; но какъ сказано, похвально и желаніе. Меньшая часть чешскихъ патріотовъ идетъ гораздо далѣе, и сами благоразумные чехи обвиняютъ ее въ чехоманіи. Эти чехоманы не хотятъ для мирнаго и дружелюбнаго развитія стать рядомъ съ нѣмецкимъ образованіемъ, но становятся противъ него. Они злобно смотрятъ на преобладаніе нѣмецкаго начала въ Богеміи и хотятъ не только прекратить его дальнѣйшее распространеніе, но совершенно повернуть дѣло и чехизировать нѣмцевъ (автору было бы прискорбно узнать, что теперь именно доказаны нѣкоторые факты подобнаго чехизированія нѣмцевъ въ Богеміи, несмотря на все могущество нѣмецкаго духа). Для славизма они представляютъ притязанія на цѣлую Богемію со всѣми ея жителями, и каждого нѣмецкаго жителя Богеміи бранятъ, какъ ворвавшася разбойника или славянскаго отщепенца. Они желаютъ, чтобы Богемія подъ властью какого нибудь австрійскаго принца получила чисто славянское правительство; они мечтаютъ даже о новомъ славянскомъ центральномъ царствѣ, которое должно обнять Богемію, Моравію и по крайней мѣрѣ сѣверную Венгрію.» Славянское царство—общій кошмаръ всѣхъ враговъ панславизма и одно изъ ловко употребляемыхъ обвиненій, возстановляющихъ противъ него правительство, хотя каждый благомыслящій человекъ видитъ, сколько правды въ этомъ обвиненіи. Что чехи не любятъ нѣмцевъ, мы уже объясняли прежде; да и какъ имъ не приходится къ такому взгляду на нѣмцевъ, когда земли дѣйствительно достались имъ послѣ насильственной эмиграціи и притѣсненія чеховъ въ семнадцатомъ столѣтіи; теперь нѣмцы своей враждой первые подаютъ поводъ къ недовольству и раздраженію. Авторъ не придаетъ впрочемъ значенія этой послѣдней партіи. Но, «такъ какъ писатели этой партіи находятъ въ Германіи, Франціи, Англіи и особенно въ

Россіи достаточно органовъ, посредствомъ которыхъ они возвѣщаютъ свѣту огромный успѣхъ славизма въ Богеміи; и такъ какъ въ австрійскихъ дѣлахъ охотно вѣрятъ самымъ баснословнымъ разсказамъ; такъ какъ есть люди и правительства, которыя сердечно радуются каждому затрудненію Австріи, то въ новѣйшее время сдѣлалось модой безъ дальнѣйшихъ околичностей причислять Богемію къ славянскимъ землямъ,» — и авторъ, въ оригинальномъ обзорѣ чешской исторіи, старается доказать, что Богемія уже издавна есть нѣмецкая земля, и что въ настоящее не можетъ быть вопроса о чешской Богеміи. Это разсужденіе похоже какъ двѣ капли на толки австрійскихъ журналовъ, увѣряющихъ теперь весь свѣтъ, что «такъ называемый» итальянскій вопросъ вовсе не существуетъ. — Событія сорокъ восьмага и девятаго года показали, что нѣкоторые правительства, на которыя намекаетъ авторъ, не только не были рады затрудненіямъ Австріи, но даже спасли ее отъ окончательной гибели, за что она отплатила по своему обыкновенію.

Наконецъ переходитъ авторъ къ литературѣ и замѣчаетъ, что чешскія книги и журналы покупаются и читаются мало. «На народную жизнь и состояніе просвѣщенія усилія чешскихъ писателей не имѣютъ никакого вліянія; ихъ дѣйствіе чисто филологическое. По большей части они и не имѣютъ другой цѣли, и при каждомъ случаѣ громко и прямо отвергають подозрѣніе въ намѣренномъ духовномъ или политическомъ отдѣленіи отъ Австріи и Германіи. Но глубже видящій наблюдатель и критикъ не можетъ не замѣтить, что многіе изъ начинателей и участниковъ этого чешскаго движенія менѣе одушевляются національнымъ чувствомъ, чѣмъ прельщаются оппозиціей и мнимой политической важностью дѣла. Можно опредѣлительно сказать, что чехизмъ и не пробудился бы, или не могъ бы достигъ своей нынѣшней, хоть и небольшой важности, если бы въ Австріи позволено было участіе въ политической жизни.» Да въ этомъ и дѣло. Если бы предоставлена была какая нибудь свобода общественнаго развитія, все бы пошло правильно; чешское движеніе подвигалось бы мирно, не возставая противъ нѣмецкаго ярма, потому что нѣмецкое начало было для чеховъ синонимомъ лишенія всякой возможности свободной мысли. Авторъ не сознаетъ хорошенько, что чешская литература, мимо всякихъ идей о славянскомъ царствѣ, проникнута была также и вопросомъ чисто социальнымъ, общественнымъ. Свободная національность предполагаетъ нѣкоторую автономію общества, и къ ней вмѣстѣ стремились лучшіе чешскіе и нѣмецкіе либералы Австріи. Авторъ то боится чешской литературы, то не приписываетъ ей никакой важности и не знаетъ хорошенько ея истиннаго смысла. Въ этомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ еще слѣ-

дующее замѣненіе: «Очень небольшая партія чеховъ отчасти дѣйствительно одушевлена за панславизмъ, отчасти, съ *буквальной истиной* (курсивъ въ подлинникѣ) пріобрѣтена для него (*gewonnen*). Эта партія посылаетъ въ Россію отчеты и доносы,—и что въ Богеміи есть явные или тайные русскіе агенты, что русскій министръ просвѣщенія получаетъ правильные отчеты о состояніи чешской литературы, это извѣстно (!). Но эту партію презираютъ и осуждаютъ сами чехи; Россіи нечего надѣяться въ Богеміи.» Подобныя вещи могли представиться только перепуганному воображенію; человѣкъ съ здравымъ смысломъ никогда бы не могъ нашихъ мирныхъ ученыхъ, бывавшихъ въ Прагѣ, принять за политическихъ агентовъ.

Мы нарочно приводимъ буквально нѣкоторыя мѣста сочиненія, потому что самый тонъ, то наглый и презрительный, то раздраженный, показываетъ, съ какими доброжелателями встрѣтилась молодая литература. Мы не винимъ нѣмцевъ за превознесеніе ихъ образованія, мы сами признаемъ его великія заслуги, но самое это образованіе должно было внушить имъ болѣе гуманные взгляды на чешскій вопросъ. Нерѣдко подъ перомъ писателей говорилъ просто страхъ передъ русской силой; нѣмцы не могли простить чехамъ, что въ русскомъ обществѣ явились теплыя симпатіи къ чешскому національному вопросу, и они вездѣ подозрѣвали заговоръ и козни.

Къ сожалѣнію, вопросъ явился на сцену, встрѣтился съ грудными испытаніями, раньше, чѣмъ успѣло созрѣть новое общество; литература, занятая еще элементарными вопросами, раздѣленная и во многомъ еще слабая, еще не имѣла возможности приготовить общества къ болѣе важнымъ задачамъ; общеславянскія симпатіи, правда, уже заявили себя, но еще не пріобрѣли практическаго значенія; интересы были разрознены. Поэтому панславизмъ и чешскія стремленія потеряли печальную неудачу, когда наступилъ сорокъ восьмой годъ.

А. Р.

Берлинъ.

9/24 февраля 1859 года.

БѢЛОЕ ПОКРЫВАЛО.

(Старинная баллада, изъ Морица Гартмана).

I.

Позорной казни обреченный,
Лежить въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ : гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ, —
И взять въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться....
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

По утру, грустно мать лаская,
 Онъ говорилъ: «прощай, родная!
 Я у тебя дитя одно,
 А мнѣ такъ скоро суждено
 Разстаться съ жизнью молодою!
 Погибнетъ безъ слѣда со мною
 И имя честное мое.
 Ахъ, пожалѣй дитя свое!
 Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
 Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
 Но завтра, при позорной казни,
 Дрожать какъ листъ придется мнѣ».

Мать говорила, утѣшая:
 «Не бойся, не дрожи, родной!
 Я во дворецъ пойду, рыдая,
 Слезами, воплемъ и мольбой
 Я сердце разбужу на тронѣ....
 И поутру, какъ поведутъ
 Тебя на площадь, стану тутъ,
 У мѣста казни, на балконѣ.
 Коль въ черномъ платьѣ буду я,
 Знай — неизбежна смерть твоя....
 Не правда ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
 Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?...
 Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
 Но если въ покрывалѣ бѣломъ
 Меня увидишь надъ толпой,
 Знай — вымолила я слезами
 Пошаду жизни молодой.
 Пусть будешь схваченъ палачами —
 Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
 И до утра онъ будетъ спать....
 Ему все на балконѣ мать
 Подъ бѣлымъ покрываломъ снится....

II.

Гудить набатъ; бѣжить народъ....
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настѣжь. Сколько глазъ
Его слезами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ.
Тамъ на балконѣ мать стоитъ, —
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ.

И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ.... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помость съ палачомъ....
И ясенъ къ петлѣ поднимался
И въ самой петлѣ — улыбался!

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?...
О, ложь святая!... Такъ могла
Солгать лишь мать, полна бѣззныю,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКОЕ СУДОУСТРОЙСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы....

Карамзинъ.

Изъ предшествовавшей моей статьи (*), въ которой я изложилъ недостатки нашего судоустройства и производства дѣлъ безспорныхъ, читатель можетъ легко убѣдиться, что я поставилъ себѣ цѣлью—не систематически излагать наши охранительные уголовные и гражданскіе законы, въ видѣ учебника или свода, а рассмотреть тѣ начала, на которыхъ они основываются и тѣ послѣдствія, какія они влекутъ за собой; поэтому въ своихъ статьяхъ я старался избѣгать тѣхъ подробностей, которыя въ каждомъ отдѣлѣ нашего гражданского и уголовного права являются въ видѣ дополненія и разъясненія главной юридической идеи. Обсудивъ главную идею, я считаю излишнимъ говорить о видовыхъ понятіяхъ и постановленіяхъ, изъ нихъ вытекающихъ. Я не намѣренъ также излагать историческое развитіе закона или правила; какое намъ дѣло, что тогда-то *родовая мѣсть* или *правезжъ* были въ модѣ и не считались предосудительными?

(*) См. № I Современника 1839 г.
Т. LXXIV. Отд. I.

Моя цѣль изслѣдовать вопросъ: содѣйствуютъ ли формы и обряды нашего судопроизводства настоящимъ требованіямъ общества, удовлетворяютъ ли они его современнымъ нуждамъ и оправдываются ли философскими началами, выработанными въ теченіе вѣковъ человѣческимъ обществомъ? И если я коснусь историческаго происхожденія закона, то для того только, чтобы показать, что онъ порожденъ не настоящими требованіями народа, а условіями давно минувшими, давно отжитыми. Каждому ученому юристу извѣстно, что главныя основанія настоящаго нашего судопроизводства почерпнуты изъ Уложенія Алексѣя Михайловича, изъ узаконеній Петра I и Екатерины II, и что подробности и части, встрѣчающіяся въ немъ, суть только варіаціи на одну и ту же тему. Происхожденіе же послѣднихъ изслѣдовано и давно извѣстно, и намъ остается только сказать, что многіе юридическіе документы и факты, сохранившіеся отъ тѣхъ историческихъ временъ, свидѣлствуютъ намъ опредѣлительно и ясно, что эти узаконенія съ самаго выхода въ свѣтъ были несовершенны и не удовлетворяли потребностямъ общества. Изъ постоянныхъ жалобъ народа на подкупность судей, на неправосудіе и медленность дѣлопроизводства, правительство ясно видѣло, что чего-то недостаетъ нашему судопроизводству, и тогдашніе юристы находили единственнымъ средствомъ къ прекращенію существовавшего зла—увеличить число инстанцій. вмѣсто того, чтобы исправить зло, это еще болѣе его увеличивало: дѣла въ каждой высшей инстанціи начали подвергаться тѣмъ неудобствамъ, какими они подвергались въ низшей. Въ такомъ положеніи находится наше гражданское судопроизводство и въ настоящее время: вся гарантія правосудія заключается въ нѣсколькихъ судебныхъ инстанціяхъ, т. е. уѣздномъ судѣ, или магистратѣ, или ратушѣ, или надворномъ судѣ, палатѣ гражданского суда, палатѣ уголовного суда, департаментѣ правительствующаго сената и общихъ собраніяхъ сената; а тѣ дѣла, о которыхъ въ общемъ собраніи не устанавливается узаконенное большинство голосовъ, идутъ въ государственный совѣтъ. Но много уходитъ лѣтъ въ вѣчность и много воды утекаетъ въ моря, пока дѣло достигаетъ этой обѣтованной земли; да и по достиженіи этой апогеи, развѣ не случается, что дѣло, по неправильному его дѣлопроизводству, вновь обращается въ уѣздный судъ и вновь начинается?!. Эти факты заслуживаютъ того, чтобы указать ихъ причины; а это возможно только при полномъ разсмотрѣніи всего судопроизводства, начиная отъ возникновенія дѣла до окончанія процесса въ сенатѣ: въ этомъ и заключается наша задача.

ГЛАВА I.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ГРАЖДАНСКАГО КЪ УГОЛОВНОМУ.

А) «Если во время производства гражданского дѣла откроются обстоятельства, которыя по рѣшенію гражданского суда, не вошедшему еще въ законную силу, подлежатъ суду уголовному; то сей послѣдній можетъ быть начать не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи суда гражданского» (*).

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ опредѣляетъ сущность преступленія и проступковъ слѣдующимъ образомъ (**). «1) Всякое нарушеніе закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ власти верховной и установленныхъ ею властей, или же *на право* или безопасность обществъ или частныхъ лицъ, есть преступленіе. 2) Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступкомъ. 3) За преступленія и проступки, по роду и мѣрѣ важности ихъ, виновные подвергаются наказаніямъ *уголовнымъ* или *исправительнымъ*. 4) Преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, чѣмъ подѣ страхомъ наказанія уголовного или исправительнаго закономъ предписано».

Первое изъ этихъ правилъ — о томъ, чѣмъ такое преступленіе, — слишкомъ обширно въ своемъ опредѣленіи: посягательство на право общества или частныхъ лицъ можетъ быть и не преступленіемъ уголовнымъ, такъ напримѣръ: человекъ не платящій своего долга, или самовольно завладѣвшій имуществомъ своего ближняго, или наносящій ему оскорбленіе, также посягаетъ на его право; а между тѣмъ это предметы гражданского суда. *Проступокъ* еще болѣе неясно опредѣляется вторымъ правиломъ: развѣ нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или личной безопасности не есть преступленіе? Такъ напримѣръ: развѣ нарушеніе карантинныхъ правилъ не есть тяжкое преступленіе, наказываемое даже болѣе тяжело, нежели убійство? а вѣдь нарушеніе карантиннаго устава есть ни больше, ни меньше, какъ нарушеніе правила. Изъ

(*) Ст. 2228 т. X.; ст. 899 и 959 т. XV; ст. 1489 т. XI, изд. 1842 г. Всѣ ссылки мои на Сводъ Законовъ, изд. 1842 г.

(**) См. ст. 1—4, Уложенія о наказаніяхъ.

этого открывается, что вообще дробленіе противозаконныхъ дѣйствій на преступленія и проступки затруднительно; притомъ, при сужденіи дѣла главное не въ названіи дѣйствія, а въ его сущности. Это же самое почти и говоритъ 3-е правило слѣдующими словами: за преступленія и проступки, *по роду и мѣрѣ важности ихъ*, виновные подвергаются наказаніямъ уголовнымъ или исправительнымъ. Слѣдовательно, и тому и другому свойственны уголовныя и исправительныя наказанія, смотря по мѣрѣ ихъ важности (*). Поэтому французское законодательство говоритъ совершенно справедливо: противозаконное дѣйствіе, наказываемое по закону полицейскими мѣрами, называется нарушеніемъ (*contravention*); противозаконное дѣйствіе, за которое слѣдуетъ исправительное наказаніе, называется проступкомъ (*délit*); противозаконное дѣяніе, за которое слѣдуетъ наказаніе тѣлесное или позорное, есть преступленіе (*crime*). Въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ при опредѣленіи дѣлъ, подлежащихъ порядкамъ апелляціонному и ревизіонному, говорится почти въ такомъ же смыслѣ, какъ во французскомъ законодательствѣ. Послѣ этого мы вправѣ не придерживаться дробленія уголовныхъ дѣйствій на преступленія и проступки, а можемъ называть ихъ просто преступленіями, такъ какъ наказаніе за нихъ соразмѣряется степенью ихъ важности. 4-мъ правиломъ, по которому преступленіемъ или проступкомъ признается какъ самое противозаконное дѣйствіе, такъ и неисполненіе того, что, подъ страхомъ наказанія уголовного или исправительнаго, закономъ предписано, — законъ выразилъ ту мысль, что можно совершить преступленіе не только дѣйствіемъ, но и бездѣйствіемъ, — такъ напримѣръ, если нѣсколько человѣкъ присутствуютъ при совершеніи кѣмъ нибудь преступленія и, имѣя всѣ средства къ отклоненію его, по равнодушію или по другимъ причинамъ, не примутъ къ тому никакихъ мѣръ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ опредѣленія уголовныхъ дѣйствій по нашимъ законамъ, мы видимъ, что одни слишкомъ обширны, другія темны; слѣдовательно, чтобы не впасть въ ошибки, скажемъ, что подъ уголовнымъ преступленіемъ подразумѣвается такое дѣйствіе, которое нарушаетъ внутреннюю или внѣшнюю безопасность общества и за которое положительнымъ законодательствомъ извѣстнаго государства положены наказанія, какъ то: смертная казнь, изгнаніе, ссылка, тюремное заключеніе, денежная пеня, лишеніе общихъ или частныхъ личныхъ правъ. Этимъ послѣднимъ опредѣленіемъ наши судебныя мѣста практически руководствуются для разграниченія не только уголовного дѣйствія отъ гражданскаго, но и

(*) *Code Pénal*, art. 1.

преступленія отъ проступка: то дѣйствіе, за которое слѣдуетъ тяжкое наказаніе, они называютъ уголовнымъ преступленіемъ; а дѣйствіе, за которое подсудимый подлежитъ штрафу или кратковременному аресту, называется проступкомъ. Это опредѣленіе вѣрно. Но такое практическое пониманіе значенія уголовного дѣйствія слишкомъ недостаточно и требуетъ разъясненія законодательствомъ, для избѣжанія различныхъ толкованій; поэтому, подобно французскому законодательству, можно было бы уголовныя дѣйствія подвести подъ слѣдующія категоріи. 1) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ штрафъ до 15 р. с. или арестъ отъ 4 до 7 дней, есть *противозаконіе*. 2) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ наказаніе исправительное есть *проступокъ*. 3) Нарушеніе закона, за которое слѣдуетъ позорное наказаніе и лишеніе чести, есть *преступленіе*. Такое опредѣленіе уголовныхъ дѣйствій, какъ мы послѣ увидимъ, будетъ имѣть огромную практическую пользу: оно дастъ возможность законодательству съ точностью опредѣлить, какіе предметы должны будутъ идти въ трибуналы полицейскіе, исправительные и уголовные. Мы же будемъ придерживаться пока практическаго нашего опредѣленія преступленія и скажемъ, что существенное его отличіе отъ гражданскаго нарушенія права заключается въ томъ, что первое нарушаетъ внутреннее и внѣшнее общественное спокойствіе; второе же сохраняетъ характеръ частный и относится до частныхъ правъ гражданъ и общества, вытекающихъ изъ ихъ взаимныхъ отношеній между собою. По этому-то различію нарушеній и дѣленію ихъ на гражданскія и уголовныя у насъ судебная власть и раздѣляется на гражданскую и уголовную. Но, какъ мы видѣли выше изъ приведенной нами статьи закона, могутъ быть случаи, что гражданское дѣло придетъ въ соотношеніе съ дѣломъ уголовнымъ; тогда законъ повѣлываетъ приступать къ сужденію уголовной части дѣла не прежде, какъ по окончаніи судагражданскаго. Мнѣ кажется, что такой ходъ не совершенно правиленъ, по слѣдующимъ причинамъ: а) по несовершенству нашихъ судебныхъ мѣстъ дѣла тянутся безконечно, и пока гражданскій процессъ кончится, судебная уголовная власть не можетъ пресѣчь зла; такъ напримѣръ, если судьи, положимъ первой инстанціи, по гражданскому дѣлу слѣлаютъ подлогъ, то дѣло уголовное объ ихъ проступкѣ можетъ, по смыслу вышеприведеннаго закона, не иначе кончиться, какъ по окончаніи гражданскаго дѣла; а вѣдь на это нужны многіе годы; между тѣмъ эти неблагонадежные люди сидятъ на своихъ мѣстахъ и беззаконничаютъ. б) Высшая инстанція или всякое судебное мѣсто, усмотрѣвъ въ гражданскомъ дѣлѣ уголовный проступокъ, можетъ отдѣлить, или въ подлинникѣ или въ копіи, тѣ документы, изъ которыхъ это открывается, и можетъ

передать ихъ уголовнымъ судамъ: въ этомъ послѣднемъ случаѣ зло будетъ преслѣдоваться и пресѣкаться по горячимъ слѣдамъ, и преступники получаютъ своевременное возмездіе. Вообще, преступленіе должно преслѣдоваться какъ можно скорѣе; только при такихъ условіяхъ и возможно собрать всѣ достовѣрныя свѣдѣнія и улики; а то нашъ русскій человѣкъ, какъ незлопамятный, отвѣтитъ вамъ обычное: «за давностью времени не упомяну»; иногда за этою же давностью и прахъ преступника исчезаетъ съ лица земли.

В) Дѣла о фальшивости духовныхъ завѣщаній, когда подлогъ законнымъ образомъ будетъ *обнаруженъ* (?), производится уголовнымъ порядкомъ (*). Кто же долженъ и можетъ это обнаруживать? Ни полиція, ни губернаторъ не вправѣ вмѣшиваться въ такія дѣла и производить по нимъ слѣдствіе, а споръ о духовныхъ завѣщаніяхъ, какъ дѣло тяжёлое, должно начаться и производиться вотчиннымъ порядкомъ въ судѣ 1-й инстанціи (**); слѣдовательно она должна и обнаруживать фальшивость завѣщанія. Но кто можетъ поручиться, что судъ будетъ имѣть желаніе это сдѣлать? тогда куда вы обратитесь съ жалобою?... Вы отправитесь въ уголовную палату, но она можетъ отвѣчать вамъ, что она въ вотчинное дѣло не вмѣшивается, что она принимаетъ къ разсмотрѣнію только тѣ дѣла о завѣщаніяхъ, гдѣ подлогъ законнымъ порядкомъ обнаруженъ. Вы отправляетесь въ гражданскую палату; она отвѣчаетъ вамъ, что уголовныя дѣла не подлежатъ ни ея сужденію, ни производству. Впрочемъ при извѣстныхъ условіяхъ такія дѣла, не стѣсняясь, рѣшаютъ и обѣ палаты, по вашему выбору, гдѣ удобнѣе и гдѣ судьи сговорчивѣе. Не лучше ли бы было дѣла о подлогѣ завѣщаній производить прямо порядкомъ уголовнымъ? а то многіе подводятъ ихъ подъ статью дѣлъ гражданскихъ, соединенныхъ съ уголовнымъ преступленіемъ.

В) «Если приведенный съ полиціимъ не сознается въ похищеніи, но будетъ называть его своимъ, то надлежитъ потребовать отъ истца доказательства, что поличное дѣйствительно принадлежитъ ему и что о покражѣ его въ свое время было объявлено; для представленія сихъ доказательствъ надлежитъ назначить ему срокъ не далѣе 2-хъ недѣль. Буде же истецъ не представитъ этихъ доказательствъ, то приводнаго освободить, предоставивъ истцу отыскивать вещи свои порядкомъ гражданского суда (***)».

(*) Т. X., изд. 1842. ст. 2,029 и 2,124.

(**) На практикѣ мнѣ случалось читать нѣсколько сенатскихъ указовъ по этому предмету.

(***) Т. XV, ст. 961.

Этотъ назначенный для доказательства воровства, двухъ-недѣльный срокъ, по пропущеніи котораго дѣло обращается изъ уголовного въ гражданское, мнѣ кажется вреденъ: онъ можетъ вора и мошенника освободить отъ справедливаго наказанія; потому что въ большей части случаевъ онъ можетъ быть пропущенъ: 1) не всегда обворованный можетъ въ трехъ-дневный срокъ подать въ полицію объявленіе о пропавшихъ его вещахъ; 2) не всегда онъ обворовывается на мѣстѣ своего жительства, гдѣ подъ рукою находятся его доказательства. Какъ, напримѣръ, житель Одессы, или Кавказа или Сибири, обворованный въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ онъ челоувѣкъ чужой, можетъ въ двѣ недѣли представить доказательства? Значитъ московскіе и петербургскіе мошенники могутъ обворовывать совершенно спокойно пріѣзжихъ, въ полной увѣренности, что дѣло объ этомъ пойдетъ гражданскимъ порядкомъ? Не лучше ли было во избѣжаніе этого зла дозволить обворованнымъ лицамъ, въ теченіе общей земской давности, отыскивать и доказывать права свои уголовнымъ порядкомъ, а вора не освобождать по голословному его показанію, что личное — его собственность, но потребовать отъ него законныхъ на то доказательствъ, и лишь по разсмотрѣніи ихъ судебнымъ мѣстомъ и по рѣшеніи дѣла, если его показаніе окажется справедливымъ, — давать ему свободу?

ГЛАВА II.

РАЗДѢЛЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Нашъ извѣстный юристъ, г. Дегай, въ своемъ сочиненіи «Учебная книга російскаго гражданскаго судопроизводства (*)», говорить: «всѣ различныя средства, установленныя правительствомъ къ разбирательству тяжбъ судебнымъ порядкомъ, раздѣлены быть могутъ на два главные рода: судопроизводство примирительное и понудительное, независящее отъ примирительнаго соглашенія. Последнее имѣетъ двѣ главныя отрасли: дѣла исковыя и дѣла вѣчинныя».

Это опредѣленіе только вполнину справедливо: дѣйствительно, наше судопроизводство раздѣляется на примирительное и понудительное; только первое не всегда зависитъ отъ воли тяжущихся, а второе часто прекращается отъ примирительнаго ихъ соглашенія, — такъ дѣла компаній, акціонерствъ и товариществъ, безъ воли ихъ

(*) См. ст. 1, § 30.

членовъ, подлежатъ третейскому суду по закону; а такъ называемое г. Дегаемъ понудительное судопроизводство—по желанію тяжущихся можетъ обратиться въ медиаторскій судъ.

Далѣе г. Дегай продолжаетъ: «дѣла вотчинныя, по порядку перехода ихъ изъ одной инстанціи въ другую, раздѣляются на апелляціонныя и слѣдственныя. По мѣрамъ, принимаемымъ къ охраненію нѣкоторыхъ особыхъ вѣдомствъ, дѣла обыкновеннаго теченія отличаются отъ дѣлъ, производимыхъ на правахъ казны. По особому порядку доказанія права на предметъ иска отличается *форма суда* отъ прочихъ видовъ судопроизводства. Дѣлопроизводства, предшествующія окончательному рѣшенію тяжбы или за онымъ послѣдующія, по приведенію въ дѣйствіе такого рѣшенія или по другимъ обстоятельствамъ называются дѣлами частными».

Апелляціонными и слѣдственными бываютъ не только дѣла вотчинныя, но и исковыя; господинъ же Дегай относитъ ихъ только къ вотчиннымъ, такъ какъ въ § 38 своего сочиненія онъ, говоря объ искомомъ судопроизводствѣ, не упоминаетъ о томъ, что многіе иски слѣдуютъ порядку апелляціонному, а нѣкоторые изъ нихъ слѣдственному (*). Опредѣленіе значенія слѣдственного порядка въ учебникѣ правильно; но для меня непонятны слова «порядокъ доказанія права», чѣмъ, по словамъ г. Дегай, отличается *форма суда* отъ прочихъ видовъ судопроизводства. Впрочемъ въ § 39 г. Дегай разъясняетъ это слѣдующими словами: «форма суда отличается особыми обрядами, по коимъ она получила свое названіе». Ну, это другое дѣло: обрядъ не есть порядокъ доказанія; подъ послѣднимъ мы подразумеваемъ судебныя доказательства: письменные документы, свидѣтельскія показанія, собственное признаніе, присягу, повальный обыскъ. На этомъ основаніи мы уже предполагали, — судъ по формѣ не отличается ли отъ простаго тяжёбнаго порядка, напримѣръ, какъ иски о недвижимости отъ исковъ о движимости: въ первыхъ показаніе свидѣтелей и присяга за доказательства не принимаются, а во вторыхъ они допускаются.

Еще несогласенъ я съ опредѣленіемъ въ «Учебникѣ» *частнаго* судебного дѣлопроизводства; оно слишкомъ тѣсно и не вполне удовлетворительно: по его опредѣленію, частныя дѣлопроизводства могутъ возникнуть только изъ тяжёбнаго дѣла во время его теченія и по его окончаніи, когда судебныя рѣшенія неправильно исполняются. Дѣйствительно, ст. 2,489, т. X, изд. 1842 г., точно также опредѣляетъ частный порядокъ слѣдующими словами: «жалобы частныя

(*) Г. Дегай основывается на ст. 2,177, т. X; но въ книгѣ VI, раз. I, апелляція относится какъ къ вотчинному, такъ и къ искомому судопроизводству.

приносятся на медленное производство дѣла, на нарушеніе порядка судопроизводства, на опредѣленія объ удовлетвореніи за тяжбыя издержки и вообще на всѣ опредѣленія, коими рѣшится не самое существо дѣла, но какое либо обстоятельство онаго». Но далѣе въ примѣчаніи въ ст. 2,496 того же тома говорится, что «сроки на подачу частныхъ жалобъ относятся единственно къ частнымъ жалобамъ, приносимымъ по дѣламъ тяжбымъ и исковымъ, и не простираются ни на частныя жалобы, приносимыя *по дѣламъ судебного управленія*, каковы суть акты въ судебныхъ мѣстахъ, какъ крѣпостнымъ, такъ и явочнымъ порядкомъ совершаемые, — ни на жалобы, приносимыя на дѣйствія мѣстъ губернскаго и уѣзднаго управленія и полиціи».

Но и здѣсь не всѣ дѣла частныя вычислены; сюда должно отнести: дѣла гражданскихъ палатъ и сената, возникающія по жалобамъ на опеки и попечительства; дѣла объ утвержденіи судебными мѣстами правъ наслѣдства *по закону*; дѣла о подсудности; дѣла, передаваемые разными административными присутственными мѣстами на законное постановленіе судебныхъ мѣстъ; дѣла о признаніи кого либо несостоятельнымъ; о публичныхъ продажахъ коммерческимъ судомъ недвижимаго имущества.

Все это повидимому мелочи, но на практикѣ послѣдствія отъ этой неопредѣленности огромныя: въ судебныхъ мѣстахъ господствуетъ по этому предмету совершенный произволъ, несмотря на постоянное направленіе правительствующимъ сенатомъ подчиненныхъ ему мѣстъ къ единству дѣйствія. Это-то самое и вынудило меня, кромѣ Свода Законовъ, принять во вниманіе и мнѣніе г. Дегая по гражданскому судопроизводству: въ его учебникѣ выражается практическій взглядъ нашихъ юристовъ на судопроизводство, и эта книга служитъ единственнымъ печатнымъ руководствомъ для нашихъ правовѣдовъ.

Такимъ образомъ мы признаемъ, согласно съ Сводомъ Законовъ, слѣдующіе роды судопроизводства: вотчинное и исковое, судъ по формѣ и частное; первое и второе можетъ быть апелляціоннымъ и слѣдственнымъ. Существенная разнища этихъ двухъ послѣднихъ заключается въ томъ, что первые суть тяжбы частныхъ лицъ между собою и могутъ быть прекращены ими во всякое время или окончиться вступившимъ въ законную силу рѣшеніемъ даже 1-й инстанціи, и не переходятъ въ высшую степень суда иначе, какъ по апелляціонной жалобѣ; дѣла же слѣдственные въ порядкѣ перехода въ высшую степень суда не подлежатъ произволу сторонъ, и нѣкоторыя изъ нихъ окончательно рѣшаются въ правительствующемъ сенатѣ, другія не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія.

Такое развѣтвленіе судопроизводства вмѣсто пользы можетъ приносить вредъ правосудію.

1) Чѣмъ проще законодательство о судопроизводствѣ, тѣмъ доступнѣе оно для изученія и руководства, тѣмъ легче вести процессы и тѣмъ проще производство дѣлъ въ судахъ. Если же, по различію предметовъ или тяжущихся сторонъ, существуютъ въ законодательствѣ различныя формы и обряды, то это производитъ замѣшательство въ дѣлахъ: не рѣдко суды, для своихъ частныхъ цѣлей, или по незнанію законовъ, употребляютъ законы одного рода судопроизводства по предметамъ, подлежащимъ вовсе другому роду. Такъ напримѣръ, въ судѣ по формѣ требуются отъ суда доказательства въ искѣ только при судоговореніи (*); между тѣмъ суды часто требуютъ отъ истцовъ представленія ими доказательствъ при подачѣ прошеній, т. е. законы объ обыкновенномъ искѣ они примѣняютъ къ *суду по формѣ*.

2) Раздѣленіе судопроизводства на вотчинное и исковое имѣетъ только историческое значеніе: вотчинныя дѣла подлежали у насъ въ старину разбирательству собственно судебныхъ мѣстъ, а исковыя принадлежали разбирательству административной власти; отъ этого произошло различіе въ этихъ двухъ родахъ судопроизводствъ. Но въ настоящее время, когда всѣ дѣла спорныя подлежатъ вѣдомству судовъ, это различіе, не имѣя твердыхъ, теоретическихъ или практическихъ основаній, можетъ быть уничтожено.

3) Вникая въ сущность постановленій о вотчинномъ и искомомъ судопроизводствѣ, мы не находимъ въ нихъ внутренняго отличія, которое бы происходило изъ сущности предметовъ, ими обнимаемыхъ.

а) Къ *вотчинному* судопроизводству принадлежатъ дѣла тяжбы о недвижимости, движимости и крѣпостныхъ людяхъ.

б) Къ *исковому* относятся споры по неисполненнымъ договорамъ и обязательствамъ, за нарушеніе правъ обидами, ущербами, убытками и о самоуправномъ завладѣніи.

Изъ этого опредѣленія видно, что и исковое судопроизводство обнимаетъ предметы движимые и недвижимые: самовольное завладѣніе можетъ состоять въ присвоеніи вещи движимой и недвижимой. Значитъ тутъ нѣтъ разницы въ предметахъ: оба рода судопроизводства обнимаютъ одни и тѣ же предметы и вся разница ихъ заключается въ одномъ лишь *поводѣ* тяжбы: вотчинное дѣло производится тогда, когда споръ возникаетъ отъ правъ на-

(*) Это объяснено въ указѣ общаго собранія 1-хъ трехъ департаментовъ правительствующаго сената, отъ 1-го февраля 1846 года, за № 692, по дѣлу купцовъ Розенберга и Шлюхина.

слѣдства по закону или завѣщанію; а исковое—съ повода самовольнаго завладѣнія. Мнѣ кажется, что одинъ только поводъ, одна только причина дѣйствія не можетъ быть принята основаніемъ развѣтвленія судопроизводства: какъ будто предъ лицомъ закона не все равно, по какимъ побужденіямъ оспаривается предметъ; здѣсь дѣло въ сущности факта, а не во внѣшней причинѣ его.

Такимъ образомъ вотчинное и исковое судопроизводство, не отличаясь рѣзко предметами, имѣютъ въ своемъ теченіи только слѣдующія отличія.

а) Въ одной отрасли вотчинныхъ дѣлъ, а именно о движимости, свидѣтельство и присяга, какъ доказательства, не принимаются; но это постановленіе, мнѣ кажется, не совершенно правильно:

1) Выше я показалъ, что споръ о недвижимости бываетъ на столько же вотчиннымъ, какъ исковымъ дѣломъ; поэтому невольно рождается вопросъ: слѣдуетъ ли по исковымъ дѣламъ о самовольномъ завладѣніи недвижимою принимать показаніе свидѣтелей и присягу, какъ доказательства? Если, на основаніи приведеннаго мною закона, отвѣчать отрицательно, то какъ вы, на основаніи 10-тилѣтней давности владѣнія недвижимою, докажете права свои на это пріобрѣтеніе, если у васъ на это нѣтъ письменныхъ доказательствъ?..

2) Почему для недвижимои такое исключеніе въ судебныхъ доказательствахъ?.. На это вѣроятно отвѣтятъ, что постановленія о куплѣ, продажѣ и вообще о пріобрѣтеніи недвижимои, такъ опредѣлены нашимъ законодательствомъ, что они по своей сущности и условіямъ исключаютъ свидѣтельство и присягу, какъ юридическій аргументъ. Дѣйствительно, это такъ относительно пріобрѣтенія недвижимои куплею или наслѣдствомъ по закону или завѣщанію; но какъ вы осуществите законъ о давности владѣнія, безъ общихъ судебныхъ доказательствъ? Притомъ въ нихъ нуждаются и общіе способы пріобрѣтенія недвижимои; приведу два примѣра: положимъ, что я купилъ по купчей крѣпости, совершенной въ керченскомъ коммерческомъ судѣ, въ г. Керчи домъ; во время нашего непріятельства, истребленъ архивъ этого суда и купчая моя крѣпость; значитъ всѣ слѣды моихъ документовъ исчезли и если бывшій хозяинъ этого дома сохранилъ какія нибудь бумаги о принадлежности ему этого дома, то онъ можетъ завладѣть имъ, и по силѣ вышеприведеннаго закона я могу лишиться собственности. Можетъ быть и такой случай: я имѣю пріятеля, который словесно разрѣшаетъ мнѣ сдѣлать постройки на его землѣ; дружескія мои отношенія съ нимъ побуждаютъ меня вѣрить его слову, что строенія и земля подъ нею—моя собственность, и я убѣжденъ, что онъ въ завѣ-

щаніи своемъ, на случай его смерти, приведетъ это въ исполненіе. Но къ моему несчастію, мой пріятель скоростижно умираетъ, не оставивъ завѣщанія, а наслѣдники его и знать не хотятъ объ обѣщаніи ихъ родственника; здѣсь я бы могъ на основаніи показаній свидѣтелей сдѣлать что нибудь въ свою пользу: они или показали бы, что давность владѣнія узаконяетъ за мною право собственности на постройку и принадлежащую къ ней землю, или же они могли быть очевидцами даннаго мнѣ обѣщанія и разрѣшенія покойникомъ; но вышеприведенный мною законъ лишаетъ меня судебной защиты.

б) По вотчиннымъ дѣламъ тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству на докладной запискѣ суда, а въ нѣкоторыхъ исковыхъ они не вызываются (*); впрочемъ при исковомъ судѣ, если тяжущіеся домогаются этого права, то и имъ разрѣшается совершить этотъ обрядъ... Я называю рукоприкладства обрядомъ, потому что во-первыхъ, судьи въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ читаютъ; во-вторыхъ, указанія рукоприкладства были бы тогда дѣйствительны, если бы дѣла всегда рѣшались справедливо и добросовѣстно; но какъ этого нѣтъ, то рукоприкладство во всѣхъ трехъ инстанціяхъ задерживаетъ только дѣло на 1½ года по крайней мѣрѣ; слѣдовательно съ уничтоженіемъ этого обряда будетъ еще меньше различія между обоими родами судопроизводства.

б) Штрафа по исковымъ дѣламъ полагается процентъ съ рубля, а по дѣламъ о недвижимости, если она состоитъ изъ опредѣленнаго количества земли, — по извѣстному количеству денегъ съ каждой десятины; если же пространство земли неопредѣлено или недвижимость заключается въ строеніяхъ, то за каждую пустошь платится, смотря по инстанціямъ, 3, 6 и 12 рублей. Здѣсь мнѣ кажется совершенно излишнимъ при опредѣленности количества земли взыскивать штрафъ не съ цѣнности ея, а съ количества десятинъ: въ этомъ случаѣ происходитъ несоразмѣрность штрафовъ въ ущербъ не только казнѣ, но и судьямъ. Положимъ, что я оспариваю у кого нибудь 1,000 десятинъ земли; стоимость ея, если считать по 20 р. сер. десятину, составляетъ 20,000 руб.; если присудятъ меня къ уплатѣ 20%, то составитъ 4,000 руб., между тѣмъ какъ 20 коп. съ десятины составляетъ всего 200 р. сер. Но въ другихъ процессныхъ дѣлахъ полагается штрафъ въ видѣ процентовъ съ исковаго рубля. Почему такое преимущество давать земляхъ? Развѣ онѣ лучше или хуже другаго имущества? Мнѣ кажется, что имущества, если они одной цѣнности, всѣ одинаковы и равны; да и самая цѣн-

(*) По дѣламъ вексельнымъ и заемныхъ писемъ; по прочимъ исковымъ дѣламъ тяжущіеся вызываются къ рукоприкладству.

ность земли не опредѣляется ли денежнымъ курсомъ, то есть, цѣнностью движимой вещи — монеты?

г) Последнее отличіе вотчинныхъ дѣлъ отъ исковыхъ заключается еще въ образѣ приведенія въ исполненіе рѣшеній: по исковымъ дѣламъ о векселяхъ и частныхъ письмахъ, если уплата по нимъ не доказана, то рѣшеніе приводится въ исполненіе первою же степенью суда; въ дѣлахъ же вотчинныхъ о недвижимости, если отвѣтчикъ формально уже введенъ во владѣніе этимъ имѣніемъ, то онъ остается фактическимъ его владѣльцемъ впредь до окончанія дѣла (*).

Такія незначительныя различія судопроизводства вотчиннаго и исковаго, — въ остальныхъ обрядахъ и формахъ совершенно согласныхъ между собою, — не даютъ повода къ ихъ разграниченію, которое влечетъ за собою увеличеніе объема свода гражданского судопроизводства и запутанность при руководствѣ имъ въ судахъ. Что же касается до дѣленія вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ на апелляціонныя и слѣдственные, то это дѣленіе я допускаю только въ томъ смыслѣ, что интересы цѣлой націи требуютъ того, чтобы дѣла объ имуществѣ казны и разныхъ общественныхъ учрежденій, не подвергаясь окончательному рѣшенію инстанцій, восходили бы на окончательное заключеніе или правительствующаго сената или Государя Императора. Въ порядкѣ же защиты подобныхъ дѣлъ въ судахъ нельзя не найти капитальныхъ недостатковъ. Основная идея нашего законодательства, установившаго слѣдственный ходъ, заключается въ томъ, что тѣмъ больше обезпеченія будетъ имѣть казна и дѣла, защищаемыя ею на правѣ казенномъ, чѣмъ больше они будутъ имѣть надзирателей и судебныхъ инстанцій. — Это мнѣніе, мнѣ кажется, несовершенно правильно: большое число надзирателей и инстанцій запутываютъ дѣло, доводятъ его до громаднѣйшихъ размѣровъ, обременяютъ судебныя и административныя мѣста излишнею перепискою, сбиваютъ судей съ толку и съ истиннаго пути. Посмотримъ наглядно на ходъ подобныхъ дѣлъ; возьмемъ на примѣръ такую тяжбу, которая восходитъ на Высочайшее утвержденіе. Въ первой инстанціи за этимъ дѣломъ хлопочутъ и уѣздный стряпчій, и окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ. Здѣсь, принявъ почтенный объемъ, дѣло рѣшается и препровождается на ревизію въ палату гражданского суда, которая собираетъ разныя справки, получаетъ разныя наставленія и направленія, то отъ палаты государственныхъ имуществъ, то отъ

(*) Ниже я подробно буду говорить объ этомъ предметѣ и покажу всѣ его исключенія.

ея стряпчаго, то отъ губернскаго прокурора, иногда, а если и казенная палата можетъ въ это дѣло вмѣшаться, то и отъ нея, и отъ стряпчаго казенныхъ дѣлъ. Наконецъ, благодаря такимъ усиліямъ, дѣло возрасло до такого объема, что оно составляетъ цѣлыя тюки; тутъ гражданская палата рѣшаетъ его и отираетъ сначала въ палату государственныхъ имуществъ, — иногда и въ казенную палату, — на ихъ заключеніе. Когда дѣло такимъ образомъ обогатится еще нѣсколькими стопами бумаги, тогда оно идетъ на заключеніе къ губернатору. Само собою разумѣется, что послѣднему, по обширности дѣла, трудно его понять, и бывають такіе случаи, что онъ даже не знаетъ, о чемъ рѣчь идетъ: ищутъ ли чегонибудь съ казны или она отыскиваетъ какіянибудь потерянные права; вслѣдствіе этого, выбравъ наудачу въ дѣлѣ какоенибудь обстоятельство, онъ разбираетъ его въ своемъ заключеніи, чтобы казна знала, что «мы кое-что да понимаемъ». Въ такомъ великолѣпномъ видѣ поступаетъ процессъ въ сенатъ, откуда онъ идетъ предварительно на заключеніе министерства государственныхъ имуществъ, а иногда и къ министру финансовъ; само собою разумѣется, что они также высказываютъ о тяжбѣ свое мнѣніе, отчего еще болѣе возрастаетъ дѣло, и докладная записка сенату по этому процессу иногда пишется цѣлыя мѣсяцы и потомъ иногда печатается. Въ отпечатанномъ видѣ, прослѣдивъ со вниманіемъ дѣло, правительствующій сенатъ зачастую находитъ, что все оно не стоитъ той бумаги, которая исписана по нему; но будучи неправъ рѣшить его окончательно, онъ съ своимъ заключеніемъ представляетъ дѣло чрезъ г. министра юстиціи на окончательное рѣшеніе Государя Императора. Но что замѣчательнѣе всего въ слѣдственномъ судопроизводствѣ, такъ это то, что окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ и ея стряпчій обязаны по дѣламъ, ими защищаемымъ, совершать обрядъ апелляціонный — первый въ 1-й инстанціи, стряпчій — во второй; и къ чему эти обряды, когда дѣло безусловно должно идти на ревизію въ высшую инстанцію? Апелляціонный обрядъ въ подобныхъ случаяхъ есть чисто формальность.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о *судѣ по формѣ*. Какъ-то неловко приклеился этотъ ветеранъ къ нашему судопроизводству; чувствуя свою немощь, этотъ старецъ пріютился за всѣми родами и видами судопроизводствъ; онъ и правъ въ своемъ смиреніи, потому что его значеніе самое темное, самое неопредѣленное въ законодательствѣ: дѣйствіе его открывается какъ-то случайно, безъ законнаго основанія. Законодательство такъ опредѣляетъ его существованіе. Тяжбы судомъ по формѣ производятся:

- 1) въ случаѣ подачи истцомъ исковаго о томъ прошенія;

2) по предоставленію тяжущемуся этого права опредѣленіемъ судебного мѣста или Высочайшимъ повелѣніемъ.

Но почему, зачѣмъ и по какимъ предметамъ можетъ истецъ начать дѣло *формою суда*, этого законодательство въ точности не разъясняетъ; просто забредетъ кому блажь въ голову и будетъ судиться судомъ по формѣ... (*). Слѣдовательно, какъ явленіе случайное, судъ по формѣ охотно уступитъ свое мѣсто открытому словесному судопроизводству, по крайней мѣрѣ онъ успокоится и утѣшится тѣмъ, что онъ — слабый намекъ на словесную расправу, эту усовершенствованную форму европейскихъ законодательствъ. Если бы законодательство вмѣсто развитія судопроизводствъ вотчиннаго и исковаго, съ ихъ подраздѣленіями и порядками апелляціоннымъ и слѣственнымъ, развило бы судъ по формѣ, мы, быть можетъ давно ужъ имѣли бы въ нашемъ отечествѣ словесное судопроизводство. И какъ просто будетъ наше судопроизводство и какъ малъ будетъ его кодексъ, когда установится одна общая форма для всѣхъ предметовъ и лицъ, когда судебныя доказательства будутъ общи, когда сроки будутъ однообразны, — и сколько кляузныхъ дѣлъ, неправильныхъ исковъ сами по себѣ уничтожатся, и какъ сократится тогда переписка не только судебныхъ, но и административныхъ присутственныхъ мѣстъ!

ГЛАВА III.

О ЗЕМСКОЙ ДАВНОСТИ.

Разсматривая абсолютно данное право или нарушеніе его, мы убѣждаемся, что право съ того момента, какъ оно усвоивается чело-вѣку или обществу, такъ сливается съ нимъ, что нарушеніе его во всѣ времена сохраняетъ свой нравственный, анти-юридическій характеръ. Въ абсолютномъ понятіи права никому нѣтъ дѣла, пользуется ли или осуществляетъ ли данное лицо (физическое или юридическое) свое право; также—за нарушеніе даннаго права должно непременно возпослѣдовать справедливое возмездіе его нарушителю, не обращая вниманія на время, протекшее со дня преступленія до его открытія. Но это абсолютное понятіе о правѣ и его нарушеніи на практикѣ не можетъ быть примѣнено безъ явнаго вреда общественному спокойствію и порядку. Если я имѣю данное право и не пользуюсь имъ въ теченіе долгаго времени, то не вправѣ ли законъ

(*) Въ законѣ эта форма предписывается судамъ при спорахъ по закладнымъ и по крѣпостнымъ частнымъ письмамъ; но объ этомъ я буду говорить ниже.

предположить, что я добровольно отказался отъ него, тѣмъ болѣе, что это предположеніе тѣсно связано съ общественнымъ спокойствіемъ? Равно — если какое нибудь преступленіе остается безгласнымъ и неизвѣстнымъ въ теченіе долгаго времени и преступникъ послѣдующую свою дѣятельность посвящаетъ благу и пользѣ общества, то не вправѣ ли законъ считать, что такой преступникъ искупилъ своимъ раскаяніемъ и добродѣтельною жизнію лежавшее на немъ пятно преступленія? Такое понятіе о преступленіи и наказаніи, хотя не принадлежитъ къ абсолютнымъ теоріямъ о справедливомъ возмездіи, но зато его характеръ чисто гуманный и основанъ на любви къ ближнему.

Такимъ образомъ, если цѣль законодательства — исправленіе преступника и пресѣченіе зла, могущаго произойти отъ его преступной воли, то само собою разумѣется, что по такому характеру своему, законодательство должно допускать и распространеніе земской давности на уголовныя дѣла, потому что въ этомъ случаѣ исправительныя мѣры оказываются излишними. По этимъ причинамъ гражданскія и уголовныя законодательства европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и наше, допускаютъ земскую давность, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ: въ первыхъ они оправдываются тѣмъ, что право получаетъ чрезъ нее надлежащую крѣпость и силу; во второмъ случаѣ она замѣняетъ исправительныя мѣры закона.

Наши законы опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ земскую гражданскую давность (*): «Срокъ законный, опредѣленный для начатія тяжбы и иска о недвижимомъ и движимомъ имѣніи, какъ между частными людьми, такъ и между ними и казною, есть десятилѣтній. Истеченіе сего срока именуется *земскою давностью*. Кто не учинилъ или не учинитъ иска о недвижимомъ или движимомъ имѣніи въ теченіе 10 лѣтъ, или, предъявля оный, 10 лѣтъ не будетъ имѣть хожденія, таковой искъ уничтожается, дѣло предается забвенію. Одно лишь оглашеніе предмета безъ представленія самаго иска въ надлежащемъ, закономъ установленномъ порядкѣ не прерываетъ земской давности» (**).

Какъ я выше сказалъ, законъ совершенно справедливо уничтожаетъ право на искъ, если въ теченіе десяти лѣтъ онъ не начатъ; но лишать кого нибудь этого права за *нехожденіе* по этому иску неопре-

(*) Ст. 2232, т. X. изд. 1842 г.

(**) Въ законѣ этомъ не выговорено, относится ли давность къ дѣламъ объ обидахъ и ущербахъ; но ст. 590, т. X. разъясняетъ, что и на нихъ 10-лѣтняя давность простирается.

дѣленно и совершенно несправедливо: 1) слово хожденіе неопредѣленно: мы можемъ подѣ нимъ подразумѣвать и словесное и письменное ходатайство; 2) судъ не долженъ задерживать у себя дѣла въ теченіе 10 лѣтъ безъ всякаго движенія: правосудіе должно быть само по себѣ дѣятельно и должно обнаруживать жизнь безъ всякаго понужденія: гражданинъ, передавая свое дѣло судебной власти, имѣетъ полное право желать и требовать, чтобы она не бездѣйствовала. Въ законѣ же дѣйствія 10-лѣтней давности на дѣла, которымъ не дано въ судебныхъ мѣстахъ надлежащаго хода, для этихъ послѣднихъ существуетъ страшный соблазнъ: многіе суды употребляютъ его какъ орудіе своихъ корыстныхъ цѣлей, медлятъ производствомъ дѣла и по истеченіи 10 лѣтъ передаютъ его забвенію. Безконечное число причинъ способствуютъ имъ къ осуществленію этой цѣли; но важнѣйшія изъ нихъ — отсутствіе истца или его несостоятельность. Положимъ, у меня есть дѣло въ Вятской губерніи, а я проживаю въ Одессѣ; какой нибудь изъ тамошнихъ судовъ медлитъ производствомъ моего дѣла, я жалуюсь на это всѣмъ возможнымъ властямъ и оканчивается обыкновенно только взысканіемъ съ меня за негербовую бумагу, потому что виновный въ проволочкѣ моего дѣла, уѣздный судъ, и не читаетъ даже предписаній и указовъ, получаемыхъ имъ объ ускореніи моего дѣла. Я же съ своей стороны, видя неуспѣшность дѣйствій моихъ жалобъ, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ только опустошеніе моего кошелька, умолкаю; этого только и ожидалъ уѣздный судъ: какъ я умолкъ — дѣло и предано забвенію; 10-лѣтняя давность принимаетъ его въ свои могучія объятія и передаетъ его архивариусу, для продовольствія крысъ или для назиданія торговца бакаліи, къ которому по большей части и поступаютъ архивныя дѣла въ уѣздныхъ городкахъ. Нѣтъ, бездѣйствіе власти (*) судебной или административной, убивающее и сокрушающее терпѣніе истца, не можетъ быть основаніемъ уничтоженія его правъ; за то, что мнѣ не оказывалось правосудіе, за то, что я разоренъ процессомъ и впалъ въ апатію, потерялъ вѣру во все святое и въ особенности въ правосудіе, за эти пытки нравственныя и физическія, — неужели я долженъ быть лишенъ своего права на вознагражденіе? И если законодательство находитъ эту мѣру необходимою для общественнаго спокойствія, то по крайней мѣрѣ, снимая за давностью времени отвѣтственность съ отвѣтчика, оно должно бы было обратить всѣ послѣдствія иска на судей и администраторовъ, допустившихъ бездѣйствіе власти судебной или административной. Тоже самое должно сказать и относительно неисполне-

(*) Т. X. прод. 6, статья 2239.

нія въ теченіе 10 лѣтъ рѣшеній судебныхъ: снимая отвѣтственность въ этомъ случаѣ съ отвѣтчика, вся отвѣтственность должна пасть на тѣ лица, которыя медлили его исполненіемъ; наши же законы, лишая въ подобномъ случаѣ истца удовлетворенія, подвергаютъ только наказанію секретарей и членовъ судебныхъ мѣстъ; ⁽¹⁾ но что мнѣ въ этомъ наказаніи, когда я остался безъ куска хлѣба?...

Кромѣ общей земской давности, законодательства, въ томъ числѣ и наше, устанавливаютъ извѣстные сроки для совершенія нѣкоторыхъ юридическихъ обрядовъ и формъ и разныхъ другихъ дѣйствій тяжущихся строго при судопроизводствѣ; цѣль учрежденія этихъ сроковъ оправдывается тѣмъ, что каждый пропускъ въ своемъ теченіи долженъ имѣть въ извѣстное время свой исходъ, въ противномъ случаѣ тяжбы тянулись бы безконечно, завися въ своемъ ходѣ частью отъ произвола тяжущихся сторонъ, частью отъ усмотрѣнія суда. Но сроки, устанавливаемые въ подобномъ случаѣ, тогда лишь полезны, когда они не слишкомъ кратки и не слишкомъ длинны, въ противномъ же случаѣ они могутъ служить орудіемъ злоупотребленій и мѣшаютъ дѣйствию и отправленію правосудія. Съ этой точки зрѣнія рассмотримъ узаконенія наши относительно различныхъ сроковъ для начатія тяжбъ; о срокахъ же апелляціонныхъ и частныхъ поговорю въ другомъ мѣстѣ.

1) *Семидневный* — для жалобы коммерческимъ судамъ на постановленіе конкурсовъ ⁽²⁾ и на рѣшеніе словесныхъ торговыхъ судовъ магистрату или ратушѣ. ⁽³⁾

2) *Двухъ-недѣльный* — на подачу жалобы на рѣшенія ремесленной управы. ⁽⁴⁾

3) *Четырехъ-недѣльный* — по дѣламъ, начавшимся въ полиціи и непредоставленнымъ окончательному ея разрѣшенію, по взысканію по договорамъ и обязательствамъ, по пресѣченію обидъ, возвращенію насильно отнятаго и вознагражденію убытковъ. ⁽⁵⁾

4) *Мѣсячный* — на требованіе прикащиками и сидѣльцами заслуженныхъ денегъ, если они не были въ отлучкѣ. ⁽⁶⁾

5) *Двухъ-мѣсячный* — по дѣламъ удѣльныхъ крестьянъ на жалобу противъ рѣшенія управляющаго конторою. ⁽⁷⁾

⁽¹⁾ Въ ст. 2239, т. X. прямо высказана мысль эта относительно Высочайшихъ указовъ, на которыхъ 10-лѣтняя давность не простирается.

⁽²⁾ Т. XI. Уставъ Торгов. ст. 1808, изд. 1842 г.

⁽³⁾ Т. IX. ст. 1684.

⁽⁴⁾ Т. XI, Уставъ Ремес. ст. 663, изд. 1842 г.

⁽⁵⁾ Т. X, ст. 2047, изд. 1842 г.

⁽⁶⁾ Т. XI, ст. 612, изд. 1842 г.

⁽⁷⁾ Т. X, ст. 3029, изд. 1842 г.

6) *Годовой* — а) на искъ формою суда, по опредѣленію судебнаго мѣста или по Высочайшему повелѣнію, для пребывающихъ внутри Россіи, а для находящихся въ арміи противу непріятеля и за границею — *двухъ-годовой* ⁽¹⁾; б) на начатіе иска, когда апелляціонный судъ, найдя въ дѣлѣ такія притязанія, которыя не были въ виду суда 1-й степени и предъявлены тяжущимся лишь при апелляціи, предоставитъ ему вѣдаться объ этихъ претензіяхъ особо ⁽²⁾; в) для жалобы на землемѣровъ ⁽³⁾; г) на жалобу о завладѣніи приплодомъ животнаго и пчелъ ⁽⁴⁾; д) на расчетъ между хозяевами и ихъ прикащиками по минованіи срока служенія послѣднихъ ⁽⁵⁾; г) на подачу иска о передѣлѣ имѣнія. ⁽⁶⁾

7) *Полутора-годиный*, на споръ по искамъ, предъявленнымъ противъ должниковъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ ⁽⁷⁾.

8) *Двухлѣтній* — а) на предъявленіе спора противъ духовныхъ завѣщаній и купчихъ крѣпостей; въ обоихъ этихъ случаяхъ, по прошествіи двухлѣтняго срока со дня опубликованія объ ихъ утвержденіи, никакія споры противъ нихъ не принимаются; б) на искъ о подлогѣ, самовольномъ изданіи и присвоеніи ученой собственности; для находящихся же за границую четыре года, считая со времени появленія въ свѣтъ книги или иного произведенія наукъ и словесности и музыки; в) на искъ о вещахъ спасенныхъ отъ кораблекрушенія ⁽⁸⁾; г) на предъявленіе правъ своихъ пришедшимъ въ совершеннолѣтіе.

9) *Трехлѣтній* — въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской на искъ объ ущербахъ и убыткахъ, причиненныхъ въ недвижимомъ имуществѣ ⁽⁹⁾. Въ этихъ же губерніяхъ тотъ же срокъ распространяется на тотъ случай, если на купленномъ имѣніи, еще до его продажи, былъ обезпеченъ законнымъ образомъ чей либо долгъ; но если заимодавецъ не отыскивалъ его послѣ продажи въ теченіе этого срока, то онъ лишается права отыскивать его съ того имѣнія и долженъ обратиться съ искомъ къ самому должнику.

Такъ вычислены г. Дегаемъ въ его «Учебной книгѣ гражданскаго судопроизводства» всѣ сроки судебные; но у него выпущены — 1)

⁽¹⁾ Т. X, ст. 3112, изд. 1842 г.

⁽²⁾ Т. X, ст. 2343 и 3112, изд. 1842 г.

⁽³⁾ Зак. Меж. ст. 869, изд. 1842 г.

⁽⁴⁾ Т. X, ст. 399 и 533, изд. 1842 г.

⁽⁵⁾ Т. XI, ст. 607, изд. 1842 г.

⁽⁶⁾ Т. X, ст. 1099, изд. 1842 г.

⁽⁷⁾ Т. X, ст. 2,085—2,087, изд. 1842 г.

⁽⁸⁾ Т. X, ст. 3,098, изд. 1852 г. и по прод. VI. прим. къ ст. 3,093.

⁽⁹⁾ Т. XI, 417. Торг. Ст. 1,071 изд. 1842 г.

9-мѣсячный срокъ, дающійся безвѣстно отсутствующему, когда онъ предполагается въ Россіи, на предъявленіе имъ спора противъ денежнаго обязательства, представленнаго на него ко взысканію (ст. 2,085, т. X); 2) трехлѣтній срокъ, существующій на право начать искъ о выкупѣ родового имущества (*); 3) двухлѣтній срокъ на обжалованіе по дарственной, даннымъ и другимъ актамъ укрѣпленія (ст. 751 и 756, т. X); 4) полугодовой на предъявленіе правъ наслѣдства (ст. 1,025, т. X.); послѣдствіе неявки въ этотъ срокъ отсутствующихъ наслѣдниковъ есть введъ во владѣніе наличныхъ наслѣдниковъ; 5) двухлѣтній для наслѣдниковъ иностранца, умершаго въ Россіи (ст. 1029, т. X.); 6) годовой для наслѣдниковъ учебнаго вѣдомства (ст. 1,032, т. X); 7) для сохранной казны шестилѣтній по срочнымъ капиталамъ (ст. 1,033, т. X.); 8) десяти-недѣльный—для начатія иска въ полицію объ обидахъ, ущербахъ и самовольномъ завладѣніи. Я вовсе не въ укоръ г. Дегаю показалъ его упущенія: его сочиненіе о гражданскомъ судопроизводствѣ—трудъ добросовѣстный; и можно ли не сдѣлать упущенія, когда эти различные сроки разбросаны, какъ изъ моихъ ссылокъ видѣть можно, по разнымъ томамъ Свода Законовъ? Такимъ образомъ ученый специалистъ въ руководствѣ для высшаго юридическаго учебнаго заведенія, какъ училище правовѣдѣнія, сдѣлалъ пропускъ: можно ли послѣ этого требовать полного познанія законовъ отъ какого нибудь секретаря уѣзднаго суда и магистрата? Но кромѣ вычисленныхъ мною сроковъ, существуютъ еще сроки относительно разныхъ судебныхъ обрядовъ, о которыхъ я буду говорить ниже; теперь же вникнемъ въ тѣ сроки, которые установлены нашимъ закономъ для начатія иска: прослѣдивши ихъ со вниманіемъ, исторически, мы находимъ, что эти сроки возникали по личнымъ убѣжденіямъ и взглядамъ разныхъ администраторовъ, въ различное время; а потому, не будучи строго подчинены одной общей идеѣ, которая извѣстна во всѣхъ законодательствахъ подъ названіемъ «духа законовъ», часто противорѣчатъ общему закону о земской давности или же нетверды въ своихъ основаніяхъ.

1) Недвижимое имущество пріобрѣтается куплею, наслѣдствомъ по закону или по завѣщанію, посредствомъ даренія, выдѣла дѣтей родителями, посредствомъ раздѣла, приданаго и наконецъ отчужденіемъ въ пользу кредиторовъ имущества должника.

а) При куплѣ, по истеченіи двухъ лѣтъ отъ ввода во владѣніе покупателя, по купчей крѣпости никакихъ споровъ не принимается.

б) По завѣщанію должно быть тоже самое, потому что и здѣсь существуетъ *отказъ*.

(*) Т. X, ст. 361, изд. 1842 г.

в) Относительно же наслѣдованія по закону сказано въ ст. 1,067 т. X, что наслѣдники по закону вводятся въ имѣніе на общемъ основаніи о ввѣдѣ во владѣніе; обращаясь къ статьямъ закона по этому предмету (*) мы находимъ, что по истеченіи 2 лѣтъ отъ ввода во владѣніе слѣдуетъ такъ называемый отказъ имущества, о которомъ говорится въ примѣчаніи къ ст. 759, т. X слѣдующее: въ постановленіи 1801 г. изъяснено: «правительство надѣется, что съ уничтоженіемъ пошлины за отказъ всякій изъ помѣщиковъ потщится имѣніе свое законнымъ образомъ *справить и отказать*, пользуясь удобностью, симъ доставленною». Такимъ образомъ отказъ не есть одинъ пустой обрядъ, а по выраженію указа «законное *справленіе*» или другими словами—укрѣпленіе. Отсюда вытекаетъ простое логическое заключеніе, что если отказомъ наслѣдники по закону и завѣщанію укрѣпляютъ за собою права законнымъ образомъ, то можетъ ли съ этимъ быть совмѣстна земская 10-лѣтняя давность, предоставляющая другимъ наслѣдникамъ оспаривать ихъ права?

г) Эго же самое можно сказать и о дареніи, раздѣлѣ, выдѣлѣ и приобрѣтеніи отъ должника кредиторомъ имущества; по записямъ дарственнымъ и отдѣльнымъ, также по такъ называемымъ даннымъ, и по нимъ существуетъ общій порядокъ ввода во владѣніе, обозначенный въ статьяхъ 751—760, т. X, т. е. съ *отказомъ* имущество недвижимое окончательно за владѣльцами укрѣпляется.

Не должно ли заключить изъ всего сказаннаго мною, что 10-лѣтняя давность относительно недвижимости остается только по одному роду тяжбъ: (**)—о самовольномъ завладѣніи недвижимости, что въ нынѣшній вѣкъ, признаться, встрѣчается очень рѣдко, въ особенности въ Европейской Россіи, гдѣ земли по большей части размежеваны. Относительно же движимости, обязательствъ и договоровъ, а также по ущербамъ, убыткамъ и обидѣ, общая земская давность сохраняетъ свою силу.

II) Выше я сказалъ, что сроки не должны быть ни слишкомъ кратки, ни слишкомъ длинны и что только среднее между тѣмъ и другимъ можетъ принести существенную пользу: и дѣйствительно, слишкомъ краткіе сроки не даютъ возможности собрать необходимыхъ доказательствъ и свѣдѣній для начатія дѣла; длинныя же сроки затягиваютъ дѣла на безконечныя времена. Поэтому каждое законодательство должно, при опредѣленіи сроковъ, принять во вниманіе слѣдующія основанія: 1) время, потребное для явки въ судъ на случай отсутствія

(*) Ст. 751—760, т. X.

(**) Двухлѣтній срокъ, существующій по отказамъ, по купчимъ крѣпостямъ,—противорѣчитъ еще трехлѣтнему сроку о выкупѣ.

отвѣтчика; 2) время необходимое, чтобы приготовиться къ защитѣ дѣла; 3) качество самого дѣла.

а) На чемъ основаны сроки: 7-ми-дневный для дѣлъ о несостоятельности, двухъ-недѣльный — для жалобы на ремесленные управы, 4-хъ-недѣльный для жалобы на полицію (*)? Во всѣхъ этихъ случаяхъ недовольный не предполагается въ отсутствіи, значитъ нужно принимать во вниманіе только качество дѣла. Но въ дѣла о несостоятельности, заключааясь въ разсмотрѣніи книгъ и дѣлъ торговаго лица за нѣсколько лѣтъ, многосложнѣе дѣлъ ремесленной управы и полиціи; и между тѣмъ, — какъ законодательство, такъ и лица неторговья, вовсе не находятъ этотъ срокъ краткимъ. Это же самое можно сказать относительно сроковъ: двухъ-мѣсячнаго по жалобамъ удѣльныхъ крестьянъ на рѣшенія управляющаго конторою; годового — на иски формою суда, по жалобамъ на землемѣра, по просьбамъ о передѣлѣ имущества. Миѣ кажется, что если по этимъ дѣламъ лицо не находится въ отсутствіи, то сроки двухъ-мѣсячный и годовые слишкомъ длинны.

б) Слѣдующіе же сроки должны бы быть вовсе уничтожены — одни по неимѣнію твердыхъ основаній, другіе же по противорѣчію ихъ съ дѣйствіемъ общей земской давности.

1) Срокъ годовой предоставленъ тяжущемуся для начатія иска, когда апелляціонный судъ, найдя въ дѣлѣ такія притязанія, которыя не были въ виду суда первой степени и предъявлены имъ лишь при апелляціи, предоставитъ ему право начать искъ по этому предмету особѣ. Но дѣло въ томъ, что истецъ обязанъ еще въ 1-й инстанціи въ исковомъ прошеніи опредѣлить мѣру своего иска, и если бы онъ при апелляціи вздумалъ предъявить какія нибудь другія претензіи, то они не должны быть судомъ приняты къ разсмотрѣнію, и суду нечего предоставлять ему право начинанія этого дѣла исковымъ порядкомъ, такъ какъ это право, независимо отъ суда, принадлежитъ ему по закону.

2) Годовой срокъ на начатіе дѣлъ: о завладѣніи приплодомъ животнаго и пчелъ, на расчетъ между хозяевами и ихъ прикащиками, и мѣсячный — на требованіе прикащиками и сидѣльцами заслуженныхъ денегъ, — какъ противорѣчащіе общему закону о земской давности могутъ быть отмѣнены. Причины тому слѣдующія: а) подобныя дѣла относятся по большей части къ простолюдинамъ, незнающимъ о существованіи ни годового, ни мѣсячнаго срока и легко ихъ пропускаю-

(*) Эти сроки собственно относятся не къ начатію дѣла, а къ его продолженію; но такъ какъ, разбирая г. Дегаля, я ихъ вычислилъ въ этой главѣ, то ужъ и разсмотримъ ихъ, для избѣжанія повтореній.

щимъ, по невозможности отлучиться отъ своего промысла для явки въ судъ; б) отдѣленіе этихъ предметовъ отъ однородныхъ имъ, подчиненныхъ общей земской давности, не имѣетъ, мнѣ кажется, достаточнаго основанія ни теоретическаго, ни практическаго: по сущности своей они ничѣмъ не отличаются отъ однородныхъ имъ предметовъ.

3) Полутора-годи́чный срокъ на споръ по искамъ, предъявленнымъ противъ должниковъ, находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ. Этотъ срокъ г. Дегай отнесъ къ срокамъ начинанія тяжбы ⁽¹⁾, но онъ относится къ срокамъ объ отвѣтѣ; объ этомъ срокѣ много говорено уже въ первой моей статьѣ, въ отдѣлѣ одѣлахъ безспорныхъ.

4) Двухлѣтній срокъ, соединенный съ отказомъ недвижимаго имущества, противорѣчитъ общей земской давности; а потому обрядъ отказа могъ бы существовать не спустя 2 года отъ ввода во владѣніе, но по прошествіи 10 лѣтъ.

5) Иски о подмогѣ, самовольномъ изданіи и присвоеніи ученой, литературной, художественной и музыкальной собственности могли бы подчиняться также общей давности, какъ имѣющіе общія свойства собственности.

6) Двухлѣтній срокъ на искъ о вещахъ, спасенныхъ отъ кораблекрушенія, не совершенно справедливъ въ самомъ основаніи своемъ: потерявшій кораблекрушеніе достоинъ всякаго сожалѣнія и заслуживаетъ, чтобы законъ не дѣлалъ его исключеніемъ изъ общаго правила, въ ущербъ его интересамъ.

7) Трехлѣтній срокъ, существующій въ Черниговской и Полтавской губерніи по двумъ предметамъ: на иски объ ущербахъ, убыткахъ и по закладамъ имущества, если оно послѣ залога продано, — можетъ быть уничтоженъ по обоимъ предметамъ: а) по первымъ этотъ срокъ противорѣчитъ общей земской давности безъ особыхъ причинъ; б) по вторымъ — онъ не имѣетъ законнаго основанія; договоръ залога имущества недвижимыхъ подлежитъ у насъ той формальности, что на заложенное имѣніе налагается запрещеніе въ совершеніи купчихъ крѣпостей; эта мѣра служитъ обезпеченіемъ для покупателей, и если такого запрещенія нѣтъ, то они вправѣ полагать и считать имѣніе, ими покупаемое, свободнымъ отъ всякихъ взысканій. Должны ли они послѣ этого въ теченіе трехлѣтней давности подлежать отвѣтственности за то единственно, что присутственное мѣсто, совершившее закладную, не соблюло порядка наложенія запрещенія, т. е. другими словами: отвѣчать за чужіе грѣхи?

8) Большая часть сроковъ для предъявленія правъ наслѣдства — неопредѣленна:

(1) См. г. Дегай Учебная книга гражданскаго судопроизводства, § 119 пун. 1.

а) Для предъявленія наследственныхъ правъ на имущества чиновниковъ учебнаго вѣдомства и университетовъ установленъ годовой срокъ.

б) На предъявленіе же иностранцами правъ наследства на имущества умершихъ въ Россіи ихъ родственниковъ существуетъ двухъ-годовой срокъ.

Законодательство въ этихъ случаяхъ не разъяснило, должны ли быть послѣдствія неявки въ эти установленные сроки такія же, какъ по статьѣ 1025, т. X, т. е., что наличные наследники вводятся во владѣніе, а остальнымъ въ теченіе десятилѣтней давности предоставляется доказывать свои права; или же вмѣсто этого въ первомъ случаѣ имущества безвозвратно должны отойти къ учебнымъ заведеніямъ, а во-второмъ, какъ выморочныя сдѣлаться собственностью казны. Обыкновенно подразумѣвается, что по истеченіи годоваго срока отъ публикаціи, по неявкѣ наследниковъ, имущества остаются въ пользу учебныхъ заведеній, но въ законодательствѣ *подразумѣванія* могутъ приносить вредъ. Даже статья 1025, т. X, не совсѣмъ опредѣлительна; въ ней сказано, что по истеченіи 6 мѣсяцевъ отъ публикаціи наличные наследники вводятся во владѣніе наследственнымъ имуществомъ; но какъ поступать въ такомъ случаѣ, когда при публикаціи нѣтъ наличныхъ наследниковъ и они являются только по истеченіи этой публикаціи, — когда же и въ какіе сроки эти наследники должны быть введены во владѣніе?

в) Шестилѣтній срокъ о срочныхъ капиталахъ сохранной казны слѣдовало бы также, для однообразія сроковъ, продолжить до десяти лѣтъ.

Вообще я предполагаю, что для облегченія изученія законодательства, уничтоженія злоупотребленій, происходящихъ отъ разныхъ исключеній изъ общаго правила о земской давности, во избѣжаніе ссылокъ судовъ, по личнымъ ихъ видамъ, то на общее правило, то на частное, нужно учредить для начатія исковъ и тяжбъ, къ какому бы предмету они не относились, общую земскую давность, уничтоживъ всѣ исключенія изъ этого общаго правила. Земская давность имѣетъ теоретическое и практическое оправданіе; исключенія же изъ этого общаго правила, въ видѣ привилегій, не имѣютъ, мнѣ кажется, твердыхъ основаній. Гражданскія права всѣхъ лицъ юридическихъ и физическихъ должны быть равны; предметы жетѣмъ болѣе не могутъ имѣть привилегій, такъ напримѣръ: какая разница между купленною мною недвижимостью или занятыми мною деньгами? То и другое — имущество; почему же въ первомъ случаѣ существуетъ 2-хъ лѣтняя давность, а во второмъ 10-ти лѣтняя?

Сроки о наслѣдствѣ по закону, оставаясь въ своей силѣ, требуютъ указаннаго мною разъясненія: полугодичный срокъ очень достаточенъ для явки наслѣдниковъ, если они желаютъ быть введены во владѣніе имуществомъ въ годъ его открытія; но пропущеніе этого срока нисколько не лишаетъ ихъ права отыскивать, въ теченіе 10-ти лѣтъ, своего наслѣдства. Притомъ этотъ полугодичный срокъ имѣетъ еще то основаніе, что наличные родственники умершаго вовсе невиновны, что отсутствующій ихъ сонаслѣдникъ не предъявляетъ своихъ правъ, и они чрезъ это бездѣйствіе не могутъ и не должны лишиться удовлетворенія.

Сроки: 10-ти недѣльный относительно начатія дѣла въ полиціи по искамъ объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ; равно 4-хъ недѣльный на начатіе дѣла въ судѣ недовольнымъ полицейскими дѣйствіями, по дѣламъ безспорнымъ, какъ объяснено мною въ 1-й моей статьѣ, могутъ уничтожиться.

О срокахъ же, существующихъ въ самомъ судопроизводствѣ, по разнымъ дѣйствіямъ судовъ и обрядамъ, будетъ говорено мною ниже.

ГЛАВА IV.

О ПОДСУДНОСТИ.

Подсудность по гражданскимъ дѣламъ у насъ опредѣляется: 1) по предмету тяжбы; 2) по мѣстопребыванію отвѣтчика; 3) по сословію тяжущихся; 4) по цѣнѣ иска; 5) по отношенію одного иска къ другому; 6) по взаимному согласію тяжущихся.

Г. Дегай объ этихъ разныхъ основаніяхъ (*) говоритъ слѣдующее: «вѣдомство суда опредѣляется *начально* по предмету тяжбы, а *за симъ* по сословію, къ коему принадлежатъ тяжущіеся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣдомство зависитъ отъ сословія тяжущихся, или отъ цѣны иска, а иногда отъ связи дѣла съ другою тяжбою».

По прочтеніи такого опредѣленія невольно и сотни разныхъ вопросовъ лѣзутъ въ голову: почему, спрашиваете вы, это опредѣленіе такъ вѣрно характеризуетъ нашу подсудность и почему оно вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ столько противорѣчій? Разсудокъ говоритъ вамъ, что два разнородныхъ предмета исключаютъ другъ друга; въ этомъ же опредѣленіи вы находите, что вѣдомство суда опредѣляется *начально* по предмету тяжбы, а *за симъ* по сословію: кажется, предметъ тяжбы и сословіе не имѣютъ ничего общаго,—и

(*) См. Учебную книгу гражд. судопроизводства, § 92.

одно изъ двухъ: если опредѣлять подсудность по предмету тяжбы, то для того, чтобы избѣгнуть запутанности въ дѣлахъ, слѣдовало бы не принимать во вниманіе званія тяжущихся, и обратно. Мнѣ кажется, что подсудность, какъ фундаментъ судопроизводства, должна быть доведена до возможной простоты: все, что влечетъ за собою неясность и запутанность, должно быть тщательно исключено изъ нея, для избѣжанія особаго рода дѣлопроизводствъ,—о подсудности. Притомъ многосложность категорій, подъ которыя подведена подсудность, затрудняетъ изученіе законодательства.

1) о подсудности по предмету тяжбы.

1) «Дѣла о недвижимости производятся въ томъ судебномъ мѣстѣ, въ округѣ котораго находится спорное имущество ⁽¹⁾; но они поступаютъ прямо въ гражданскія палаты, какъ 1-ю инстанцію: во 1) по тяжбамъ о городской собственности; во 2) по дѣламъ объ имѣніи, въ разныхъ уѣздахъ или въ разныхъ губерніяхъ состоящемъ ⁽²⁾. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло производится въ той изъ мѣстныхъ палатъ, которую выберутъ сами тяжущіеся, а при ихъ несогласіи—въ палатѣ той губерніи, въ которой состоитъ большее количество имѣнія ⁽³⁾».

а) Почему такое исключеніе изъ общаго правила для вотчинныхъ дѣлъ городскихъ обществъ ⁽⁴⁾? Если законъ предполагаетъ этимъ исключеніемъ сократить производство дѣлъ городскихъ обществъ,—значить, что онъ признаетъ излишнюю 1-ю степеню суда; но мнѣ кажется, что если ужъ допустить только двѣ инстанціи, то скорѣе нужно отдать предпочтеніе уѣзднымъ судамъ предъ палатами: уѣздный судъ, какъ мѣстный трибуналъ, имѣетъ больше средствъ и возможности близко познакомиться съ спорнымъ дѣломъ. Но городскія общества ничѣмъ не отличаются отъ другихъ государственныхъ учреждений, чтобы пользоваться особыми правами.

б) Относительно городскихъ обществъ исключеніе изъ общаго правила можетъ еще имѣть основаніемъ общественный интересъ; но почему дѣла о недвижимости, состоящей въ разныхъ уѣздахъ или губерніяхъ, должны подлежать этому же исключенію? Развѣ одно данное имѣніе въ извѣстномъ уѣздѣ не можетъ превосходить многія имѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ или уѣздахъ? Я

⁽¹⁾ Ст. 2631, т. X, изд. 1842 г.

⁽²⁾ Т. III, ст. 2239 и т. X, ст. 2633 и 2634 изд. 1842 г.

⁽³⁾ Т. X, ст. 2634 изд. 1842 г.

⁽⁴⁾ Казна и другіе общественныя учрежденія подлежатъ общему закону.

могу имѣть по одной десятинѣ въ двухъ разныхъ губерніяхъ и могу владѣть сотнею тысячъ десятинъ въ одномъ уѣздѣ: почему въ первомъ случаѣ я долженъ начать дѣло въ палатѣ, а во второмъ въ уѣздномъ судѣ? Съ какой стороны ни разсматривайте этотъ предметъ, вы согласитесь со мною, что 1-е дѣло ничѣмъ не можетъ быть ни серьезнѣе, ни сложнѣе 2-го.

в) Самое общее правило, что вотчинныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію того суда, въ округѣ котораго недвижимое имущество состоитъ, — чрезвычайно стѣснительно и для отвѣтчиковъ и для истцовъ. Причины тому слѣдующія: если владѣлецъ даннаго имѣнія находится въ отсутствіи изъ своего владѣнія, то ему затруднительно вести свое дѣло противъ истца, проживающаго въ томъ уѣздѣ, гдѣ производится дѣло; тоже самое бываетъ и обратно: если отвѣтчикъ находится въ судѣ на лицо, а истецъ въ отлучкѣ. Для избѣжанія всѣхъ жалобъ по этому предмету, можно было бы вотчинныя дѣла подчинить подсудности по мѣстожительству отвѣтчика; сюда подходятъ всѣ данные случаи, такъ напримѣръ: 1) если отвѣтчикъ въ отлучкѣ изъ своего спорнаго имѣнія и проживаетъ, положимъ, въ столицѣ, то ему выгоднѣе, чтобы его подчинили петербургскимъ судамъ, гдѣ онъ можетъ лично ходатайствовать по своимъ дѣламъ; 2) если отвѣтчикъ проживаетъ въ своемъ имѣніи, то онъ судится въ своемъ округѣ; 3) по самовольному завладѣнію, гдѣ дѣло требуетъ формальнаго слѣдствія, тамъ отвѣтчикъ или лицо имъ уполномоченное для завладѣнія—судятся въ томъ округѣ, гдѣ они находятся.

II) Всѣ споры между сочинителями, переводчиками, первыми издателями или типографщиками и книгопродавцами на собственность книги или инаго произведенія наукъ и словесности, равно какъ и по преслѣдованію за самовольное изданіе чужихъ музыкальныхъ произведеній,—во всѣхъ этихъ дѣлахъ, по несогласію спорящихъ сторонъ разобратся третейскимъ судомъ, иски начинаются въ гражданской палатѣ той губерніи, гдѣ имѣетъ жительство отвѣтчикъ.

Это постановленіе г. Дегай отнесъ ⁽¹⁾ къ подсудности по мѣсто-пребыванію отвѣтчика; но мнѣ кажется, что оно скорѣе должно отнестись къ подсудности по предметамъ тяжбы или иска: здѣсь главную роль играютъ произведенія наукъ, литературы, музыки и живописи, а не авторы, композиторы и художники; эти лица по предметамъ, выходящимъ изъ ихъ профессіи, подлежатъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Впрочемъ здѣсь дѣло не въ этомъ: подчиняя произведенія наукъ и изящныхъ искусствъ вѣдѣнію гражданской палаты, какъ 1-й степени суда, законъ имѣлъ въ виду облегчить ходъ

(1) См. Учебн. кн. гражданскаго судопроизводства § 98.

этихъ дѣлъ. Цѣль прекрасная, но она не вполне осуществляется закономъ: если отвѣтчикъ не проживаетъ въ губернскомъ городѣ, то онъ ставится закономъ въ затруднительное положеніе, — онъ долженъ оставить свои занятія и ѣхать въ палату защищать тамъ начатое противъ него дѣло.

III) Подсудность по предмету тяжбы могла бы остаться въ своей силѣ только по подчиненію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи, дѣла торговыхъ коммерческихъ судамъ: въ городахъ, гдѣ существуютъ эти суды, они чрезвычайно облегчаютъ отправленіе правосудія по дѣламъ имъ подвѣдомственнымъ, и практическая ихъ польза признана уже обществомъ.

2. о подсудности по мѣстожительству тяжущихся.

Г. Дегай эту подсудность называетъ подсудностью по мѣстопробыванію тяжущихся; но *мѣстоожительство* есть нѣчто постоянное, а *мѣстопробываніе* — временное. Остается намъ разяснить: какъ наши законы опредѣляютъ эту подсудность. Въ уставѣ паспортномъ говорится (*): постояннымъ мѣстомъ жительства считается то: «1) гдѣ кто обязанъ службою, или состоитъ въ ея вѣдомствѣ; 2) гдѣ находится недвижимое его имущество, въ коемъ онъ имѣетъ постоянное пребываніе; и 3) гдѣ кто, бывъ записанъ въ книгахъ дворянскихъ, городскихъ или ревизскихъ, имѣетъ водвореніе».

Изъ этого открывается, что законъ подъ мѣстоожительствомъ подразумѣваетъ постоянное пребываніе даннаго лица въ какомъ нибудь мѣстѣ; статья же 2748, т. X., прямо говоритъ, что дѣла объ обидахъ, ущербахъ и убыткахъ подсудны *по мѣстоожительству* отвѣтчика; но такъ какъ въ статьѣ 2734, т. X, сказано, что споры по обязательствамъ подсудны *по мѣстопробыванію* отвѣтчика, то слѣдуетъ эти два слова разяснить. Эта подсудность по дѣламъ коммерческихъ судовъ ясне опредѣлена, въ т. II, Уст. Торг. ст. 1369, гдѣ постановлено: во всѣхъ тяжбахъ и спорахъ по дѣламъ, вѣдомству коммерческихъ судовъ лежащимъ, искъ открывается тамъ, гдѣ имѣетъ жительство или пребываніе отвѣтчикъ, хотя бы пребываніе это было *временное*.

Изъ всѣхъ опредѣленій подсудности, мнѣ кажется, это самое правильное и совершенное: судебная власть даннаго государства есть власть единая; дробленіе же ея на суды и распределеніе послѣднихъ на инстанціи есть только различные способы проявленія этой

(*) См. Т. XIV, ст. 2, устав. паспорт.

власти; слѣдовательно, если въ данномъ государствѣ нарушено чье нибудь право какимъ нибудь лицомъ, то судебная власть, гдѣ бы ни настигла нарушителя, должна его подчинить тому своему органу, въ вѣдѣніи котораго отвѣтчикъ застигнуть. Только при такихъ правахъ судовъ можно надѣяться, что отвѣтчики не будутъ уклоняться отъ суда гражданскаго, не будутъ заволакивать тяжбы и иски дѣлопроизводствами о подсудности, не будутъ переѣзжать изъ города въ городъ, чтобы избѣгнуть справедливаго взысканія. Вглядитесь въ дѣла торговыя, и вы убѣдитесь, что и купцы и иностранцы, и даже дворяне ⁽¹⁾, по дѣламъ торговымъ дѣйствуютъ въ городахъ, гдѣ существуютъ коммерческіе суды, чрезвычайно осмотрительно, и если на ихъ совѣсти лежитъ какое нибудь торговое дѣло съ лицомъ, проживающимъ въ городахъ, гдѣ эти суды учреждены, они боятся и носа показать туда: «вѣдь коммерческій судъ, говорятъ они обыкновенно, шутить не любитъ: пожалуй и арестуетъ!»! Одно только въ подсудности коммерческаго суда нахожу я неосновательнымъ — это то, что коммерческій судъ, при разсмотрѣніи подвѣдомственнаго ему дѣла, если встрѣтитъ въ немъ постороннія спорныя статьи, разсмотрѣніе которыхъ, по ихъ существу, принадлежитъ къ другому судебному мѣсту, не останавливаясь разсмотрѣніемъ дѣла по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя подлежатъ его сужденію, *отсылаетъ* статьи стороннія на разсмотрѣніе, куда слѣдуетъ, по принадлежности ⁽²⁾. Этотъ законъ, мнѣ кажется, нарушаетъ общій порядокъ начатія тяжбы и исковъ и изъ дѣла апелляціоннаго дѣлаетъ частное: на практикѣ принято, что по такимъ дѣламъ суды свое законное постановленіе облакаютъ въ форму частнаго дѣлопроизводства; кромѣ этого, чрезъ этотъ законъ коммерческіе суды принимаютъ на себя нѣкоторымъ образомъ роль ходатаевъ по этимъ дѣламъ, что обременяетъ ихъ совершенно-излишнею перепискою.

3) о подсудности по словію тяжущихся.

По этому предмету было говорено много въ 1-й моей статьѣ, гдѣ я предлагалъ соединеніе уѣздныхъ судовъ съ магистратами въ одинъ общій трибуналъ, подъ названіемъ: императорскаго уѣзднаго суда.

4) о подсудности по цѣнѣ иска.

Къ этой категоріи подсудности г. Дегай относитъ ⁽³⁾ только два рода предметовъ: 1) не подлежатъ, говоритъ онъ, разсмотрѣнію об-

⁽¹⁾ И дворяне по дѣламъ торговымъ подвѣдомственны коммерческимъ судамъ (т. XI, Уст. торг. ст. 1174).

⁽²⁾ Т. XI, ст. 1180.

⁽³⁾ См. Учебн. кн. гражданскаго судопроизводства §§ 107 и 109.

щихъ инстанцій дѣла, которыя по цѣнѣ иска предоставлены окончательному рѣшенію примирительныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ и лицъ. 2) Коммерческимъ судамъ неподвѣдомственны споры по торговлѣ, ниже 150 руб. сер., которые разбираются въ городскихъ словесныхъ судахъ при магистратахъ или въ самыхъ магистратахъ, по усмотрѣнію истца.

Но куда же отнесетъ г. Дегай слѣдующія постановленія: а) по вотчиннымъ и исковымъ дѣламъ: 1) палатамъ гражданскимъ не подвѣдомственны дѣла ниже 30 руб. сер.; 2) правительствующему сенату—ниже 600 руб. сер., б) по дѣламъ торговымъ, подвѣдомственнымъ коммерческимъ судамъ, правительствующій сенатъ не входитъ въ разбирательство дѣлъ ниже 1500 рубл. или 3000 руб., смотря потому, къ какому коммерческому суду дѣло подлежало.

Мнѣ кажется, что и здѣсь нѣкоторую роль играетъ цѣна иска или тяжбы.

Въ первой моей статьѣ, говоря о степени власти полиціи, я высказалъ мысль, что хотя по теоріи всѣ лица, къ какому бы сословію они ни принадлежали и въ чемъ бы ихъ дѣла ни заключились,—равны предъ закономъ и имѣютъ одинаковое право на судъ; но что это общее правило можетъ имѣть нѣкоторыя исключенія, заключающіяся въ предоставленіи права администраторамъ и судамъ окончательно рѣшать дѣла на извѣстную сумму. Это же отступленіе отъ общаго правила должно имѣть существенною цѣлью облегченіе отправления правосудія; поэтому оно не должно переходить предѣлы справедливости, въ противномъ случаѣ, вмѣсто облегченія, оно будетъ нарушеніемъ правосудія. Съ этой точки зрѣнія разсматривая права гражданскихъ палатъ и коммерческихъ судовъ объ окончательномъ, безъ-апелляціонномъ рѣшеніи ими дѣлъ суммою на 600 руб., 1500 и 3000 руб., мы находимъ, что это постановленіе не вполне удовлетворяетъ требованіямъ правды: оно дѣлаетъ правосудіе какъ бы исключительною привилегіею достаточныхъ и богатыхъ людей. Устанавливая двѣ или три степени судовъ, законъ допускаетъ возможность пристрастія нижнихъ инстанцій; почему же послѣ этого богатый ограждается отъ этого возможнаго пристрастія, а участь бѣдняка отдается безъ-апелляціонно коммерческимъ судамъ и палатамъ? Положеніе бѣдняка и такъ незначительно въ обществѣ; богачъ, потерявши 600, 1500, или даже 3000 руб., не разорится, а недостаточный этими деньгами можетъ обезпечить всю жизнь свою и своего семейства.... Въдъ бѣднякъ и недостаточный не могутъ имѣть дѣлъ, превышающихъ 3,000; значить, вся грозная власть палатъ и коммерческихъ судовъ обрушивается на голову бѣдняковъ, которыхъ больше, нежели богатыхъ: поэтому привилегія на правосудіе

принадлежитъ меньшинству общества; исполни ли это справедливо? Многие, быть можетъ, возразятъ мнѣ на мои доводы общей канцелярской фразой, что власть палатъ и коммерческихъ судовъ увеличена для того, чтобы не обременять правительствующій сенатъ многочисленными дѣлами; но сокращеніе переписки не можетъ служить здѣсь основаніемъ: для уменьшенія дѣлъ сената законъ вѣрно не пожертвуетъ справедливостью; есть другіе пути къ осуществленію этой цѣли.... Ниже, рассматривая дѣлопроизводство палатъ, я укажу средства къ уничтоженію этого зла.

5) о подсудности по отношенію одной тяжбы къ другой.

Искъ отвѣтчика на истца, называемый встрѣчнымъ, разбирается въ томъ же судѣ, гдѣ предъявленъ на него искъ его соперникомъ, развѣ дѣло по роду своему принадлежать будетъ какому либо особенному вѣдомству (*). Но дѣло въ томъ, что встрѣчнымъ можетъ называться искъ только однородный съ основнымъ; поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы опредѣлить, что такое встрѣчный искъ, и затѣмъ послѣдующее разъясненіе окажется излишнимъ. Такъ напри-
мѣръ, если бы мы сказали, что встрѣчнымъ долженъ называться искъ, предъявляемый на истца отвѣтчикомъ, проистекающій изъ того же самаго факта, на которомъ основывается истецъ, то послѣдующее неясное поясненіе закона окажется излишнимъ. Въ этомъ случаѣ каждый пойметъ, что если я по обидѣ начинаю на кого нибудь искъ, то отвѣтчикъ можетъ доказывать встрѣчнымъ искомъ, что не онъ меня, а я его обидѣлъ.

6) о подсудности по взаимному согласію тяжущихся.

Въ отношеніи коммерческихъ судовъ постановлено (**): что если при заключеніи какого либо торговаго договора для разбора споровъ назначенъ контрагентами какой нибудь извѣстный городъ, то хотя бы онъ не былъ мѣстомъ жительства ни той, ни другой стороны, искъ начинается тамъ, гдѣ договоромъ постановлено.

Этотъ полезный законъ можно бы примѣнить ко всѣмъ дѣламъ исковымъ и тяжбынымъ: вопросъ о подсудности здѣсь разрѣшается тяжущимися, и сами собою прекращаются многочисленные дѣлопроизводства по этимъ предметамъ въ высшихъ инстанціяхъ; кромѣ того, онъ дастъ возможность контрагентамъ обезпечить себя на случай спора.

(*) Т. X. ст. 2227.

(**) Т. XI. ст. 1182 и 1370.

ГЛАВА V.

О ПРОШЕНІИ ВООБЩЕ, ЕГО ФОРМЪ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХЪ.

По духу нашего законодательства, каждое гражданское дѣло, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, не иначе можетъ возникнуть, какъ по просьбѣ или жалобѣ какой либо изъ тяжущихся сторонъ; между тѣмъ это общее правило находитъ противорѣчіе въ постановленіяхъ: 1) что полиціи (*) по дѣламъ объ обидахъ, ущербахъ и завладѣніи должны при спорахъ отправлять дѣла въ судъ; 2) что коммерческіе суды, встрѣчая по дѣламъ, ими производимымъ, обстоятельства, подлежащія вѣдомству другихъ судовъ, должны передавать имъ рѣшеніе этихъ предметовъ (**). Но кромѣ этихъ противорѣчій законодательство могло бы уничтожить большую часть правилъ относительно формы и принадлежности прошеній. Касаясь только внѣшности, они и влекутъ за собою огромныя злоупотребленія. Изъ всѣхъ правилъ, соблюдаемыхъ въ судебныхъ мѣстахъ при принятіи прошеній, мнѣ кажутся нужными слѣдующія:

1) При прошеніи или жалобѣ, подаваемыхъ по довѣренности, должно быть приложено вѣрующее письмо.

2) Прошеніе должно быть подано въ надлежащее судебное мѣсто, а не въ судъ.

3) При прошеніи должны быть приложены исковыя пошлины.

4) Прошеніе или жалоба должны быть подписаны.

5) Мѣстожителство отвѣтчика должно быть показано.

6) Цѣна и предметъ иска должны быть обозначены.

Объ остальныхъ принадлежностяхъ прошеній и жалобъ замѣчу слѣдующее.

1) О ТИТУЛѢ НА ПРОШЕНІЯХЪ И ЖАЛОБАХЪ.

Прошенія и жалобы, подаваемые въ судебныя мѣста, должны быть на Высочайшее Имя, по титулу Его Императорскаго Величества, Государя Императора. Въ этомъ постановленіи заключается та мысль, что судъ есть органъ верховной судебной власти, что гражданъ судить законъ и что отъ суда каждый имѣетъ право требовать правосудія, — мысль прекрасная и высокая по своей сущности; но сколько злоупотребленій было по этому поводу! Огромные процессы прикрывались пропусченіемъ сроковъ на жалобы, чрезъ вымышленныя судами поправки, описки и подчистки въ титулѣ; тыся-

(*) Т. X, ст. 2044.

(**) Т. XI, ст. 1150.

чи людей ежегодно разорялись и были доводимы судами до крайности, такъ что правительство вынуждено было начать отпечатываніе титула на гербовой бумагѣ, для прекращенія всѣхъ злоупотребленій. Но мнѣ кажется, что титулъ могъ бы оставаться не обязательною формою: въ Закавказскомъ краѣ это уже введено нѣсколько лѣтъ и приноситъ вожделѣнные плоды. Во 1) форма обращенія къ Государю Императору и вмѣстѣ къ присутственному мѣсту стѣснительна и затруднительна; 2) всѣ неудобства, проистекающія иногда отъ недостатка бумаги съ титуломъ, избѣгаются.

2) о писаніи прошеній по пунктамъ.

Писаніе прошеній по пунктамъ имѣетъ двоякій смыслъ: 1) для сохраненія системы изложенія; 2) какъ мѣра охранительная, чтобы пробѣлы, остающіеся между такъ называемой красной строкой и предшествовавшей ей законченной мыслью, не могли имѣть подложныхъ приписокъ.

О первомъ основаніи можно сказать тоже самое, что о риторическихъ формахъ: если въ головѣ пишущаго нѣтъ системы, то никакія риторическія формы не прибавятъ ему ни ума, ни краснорѣчія, а напротивъ собою только съ толку; можетъ быть онъ былъ бы въ состояніи просто рассказать данное событіе, но, заключая его мысль въ извѣстныя формы, его можно сбить съ пути истины, и онъ напишетъ чистую чепуху. Пункты его прошенія не заканчиваются уже опредѣленною мыслью, а ставятся произвольно, и такимъ образомъ судебное мѣсто, вмѣсто того, чтобы закономъ о пунктахъ облегчить чтеніе прошеній и жалобъ, только затрудняется въ дѣлопроизводствѣ. Приведу примѣръ изложенія прошенія однимъ простымъ малороссомъ; изъ него легко можно видѣть, что несмотря на всю безыскусственность, при свободномъ теченіи своей мысли, истецъ хотя оригинально, но довольно ясно изложилъ предметъ своей жалобы:

Господину такому-то Земскому Суду,

Сидора Рябошапченки,

Прошеніе.

Я! мене дома не було. ⁽¹⁾ Правда, жинка була, да блинцы ⁽²⁾ пекла. Шикъ-пикъ, ⁽³⁾ ой Господи, гусей нема!... ⁽⁴⁾ А Терешка, мій наймитъ, ⁽⁵⁾

⁽¹⁾ Не было.

⁽²⁾ Въ родѣ аладій.

⁽³⁾ Это слово непереводимо, но приблизительно можно перевести: «ни съ того, ни съ сего».

⁽⁴⁾ Нѣтъ.

⁽⁵⁾ Наемный слуга.

покравъ и мовчить (*). А посему, кому слѣдуетъ, мнѣ гусей возвратить.

Государственный крестьянинъ Сидоръ Рабошапченко.

Принимать, по своему произволу, ту или другую форму можетъ только человѣкъ развитый; въ неразвитой же личности мысль тогда только можетъ быть ясна, когда она слѣдуетъ своему естественному теченію. Если хотите убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, скажите любому простолюдину: расскажи мнѣ, какъ было вотъ такое-то дѣло?... Не затрудняясь, онъ, съ своими присказками и прибаутками, расскажетъ все дѣло очень ясно и толково. — Но попробуйте ему предложить нѣсколько вопросовъ разомъ, хотя бы они относились къ одному и тому же предмету, и вы увидите, что форма, въ которую вы заключите его мысль, только собьетъ его съ пути: онъ замнется и начнетъ молоть чепуху.

Второе же основаніе существованія пунктовъ, что будто бы они отражаютъ лица отъ подложныхъ приписокъ, неполнѣ удовлетворительно: развѣ нѣтъ другихъ способовъ измѣненія смысла прошеній, если бы кто рѣшился на это преступленіе? Развѣ мы не видимъ въ уголовныхъ дѣлахъ о подлогѣ, что вытравленіе чернилъ и подчистки играютъ въ нихъ главную роль?... (**)

Такимъ образомъ два столь шаткія начала никакъ не могутъ служить основаніемъ данной формальности, которая, вмѣсто того, чтобы служить въ пользу тяжущихся, есть только орудіе разныхъ злоупотребленій со стороны судовъ. Я знаю одинъ процессъ, который былъ проигранъ, за пропусченіемъ апелляціоннаго срока: сенатъ возвратилъ тяжущимся ихъ жалобу, за неподписаніе ими по пунктамъ прошенія. Вообще это правило, мнѣ кажется, приносить скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

3) о подписаніи прошенія его сочинителемъ и переписчикомъ.

Сочинителями всегда подписываются сами тяжущіеся; такимъ образомъ этотъ законъ становится одною формальностью, а переписчика подвергать ответственности за ябедническое прошеніе, мнѣ кажется не совсѣмъ несправедливо: переписчики люди по большей части мало развитые и отъ постоянно машинальнаго своего труда они становятся чисто машинами. Мнѣ случалось нѣсколько разъ спраши-

(*) Молчить.

(**) Изъ «Записокъ Желябужскаго» открывается, что этотъ способъ подлога очень древній.

вать старыхъ канцелярскихъ чиновниковъ: что вы переписываете? И всегда получалъ отъ нихъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «а Богъ его знаетъ! бумагу!...» Эти бѣдныя машины совершенно невинны въ перепискѣ ими прошеній и жалобъ и дѣлаютъ это, чтобы заработать себѣ и своему семейству кусокъ хлѣба.

4) ПРОШЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПИСАНО НА УЗАКОНЕННОЙ ГЕРБОВОЙ БУМАГѢ.

Если бы гербовый сборъ обратить въ пользу судовъ, то гербовая бумага могла бы быть уничтожена, а вмѣсто нея можно бы установить штемпельный сборъ. Существенное его отличие отъ гербоваго будетъ заключаться въ томъ, что тяжущіяся стороны всю переписку будутъ производить на простой бумагѣ, къ которой судъ обязанъ будетъ приложить свой штемпель, за что онъ и будетъ взыскивать гербовыя пошлины. Этотъ способъ — 1) снялъ бы съ правительства трудъ заготовленія и разпродажи гербовой бумаги, 2) облегчилъ бы тяжущихся въ дѣлопроизводствѣ.

5) ОБЪ ИСКОВЫХЪ ПОШЛИНАХЪ.

При подачѣ исковаго прошенія въ общіе суды взыскивается 1 р. 80 к. пошлины (1), въ коммерческихъ же судахъ, при словесной расправѣ, эти пошлины не взыскиваются (2). Съ предоставленіемъ исковыхъ пошлинъ въ пользу судовъ, они могли бы взыскиваться со всѣхъ исковъ, какъ словесныхъ, такъ и письменныхъ, потому что главное основаніе словеснаго судопроизводства заключается въ томъ, что просьбы и жалобы могутъ быть письменныя или словесныя, по усмотрѣнію тяжущихся; притомъ же я не нахожу никакого существеннаго, внутренняго отличія между словесной и письменной исковой просьбой, чтобы та или другая форма могла имѣть исключенія изъ общаго правила объ исковыхъ пошлинахъ. Исковой пошлинѣ должны подлежать только тѣ дѣла, окончательное рѣшеніе которыхъ ввѣрено лицамъ административнымъ и судебнымъ, по маловажности ихъ.

6) ОБЪ УКОРИТЕЛЬНЫХЪ И ПОНОСИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВАХЪ.

Прошеніе не принимается, когда въ немъ будутъ употреблены поносительныя или укорительныя слова (3).

(1) Ст. 3,698 т. X.

(2) Ст. 1612 т. XI.

(3) Ст. 2,277 т. X.

Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ, вмѣсто возвращенія прошенія или жалобы, черезъ что тяжущійся можетъ потерять процессъ, пропустивши сроки апелляціонные, можно бы, взыскавъ съ него штрафъ за неприличныя выраженія, давать ходъ прошеніямъ: грубости даннаго лица и правота его въ извѣстномъ дѣлѣ не имѣютъ между собою ничего общаго; правосудіе принадлежитъ каждому равно, не обращая вниманія на грубость и вѣжливость тона того или другаго лица. Давая ходъ прошеніямъ, написаннымъ невѣжливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ взыскивая за это пеню съ лица, избѣгли бы односторонности; но самое главное, отъ судебныхъ мѣстъ отнять былъ бы произволъ принятія или непринятія прошеній; да и всѣ дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ по этому предмету сами собою прекратились бы.

7) О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ, ПОКАЗЫВАЕМЫХЪ ВЪ ПРОШЕНІИ.

Въ законѣ сказано: (*) «когда въ исковомъ прошеніи не будетъ показано доказательствъ, на которыхъ основанъ искъ, то прошеніе не принимается». Этотъ законъ понимается нашими судами совершенно ложно: они подъ выраженіемъ «показано доказательство» подразумеваютъ, что при прошеніи должны быть представлены всѣ доказательства, на которыхъ искъ основанъ. Но во-первыхъ полное разъясненіе дѣла возможно только при окончаніи его производства, и часто, какъ на примѣръ при самовольномъ завладѣніи движимости, только слѣдствіе можетъ пояснить дѣло; во-вторыхъ, законъ имѣетъ вовсе другое въ виду: онъ требуетъ, чтобы въ исковомъ прошеніи были ссылки на судебныя доказательства, т. е. на акты, показаніе свидѣтелей, осмотръ, повальный обыскъ или присягу, самый же разборъ этихъ доказательствъ есть ужъ дѣло рѣшительныхъ опредѣленій. Но, какъ я выше сказалъ, законъ этотъ понимается иначе судами; вслѣдствіе чего они, при подачѣ къ нимъ нѣбудь исковаго прошенія, разсматриваютъ его основанія и часто отказываютъ истцамъ въ производствѣ иска; отчего возникаютъ особенныя дѣлопроизводства въ высшихъ инстанціяхъ, заволакивающія иногда процессъ на нѣсколько лѣтъ; кромѣ этого, даже по дѣламъ о *судѣ по формѣ*, гдѣ часто вся сущность въ судовомъ разбирательствѣ, и въ этихъ дѣлахъ суды ссылаются на 2,277 статью т. X и отказываютъ истцамъ въ начатіи иска, подъ предлогомъ его бездоказательности. Я знаю много такихъ дѣлопроизводствъ, которыя доходили даже до общаго собранія сената; если по самой крайности считать, что эти дѣла въ каждой судебной

(*) Ст. 2277 т. X.

инстанцій производились по полъ-года, — такъ какъ они прошли 5 инстанцій, т. е. уѣздный судъ, палату, департаментъ сената, комиссію у принятія прошеній и общее собраніе сената, то мы получимъ, что истцы теряли $2\frac{1}{2}$ года; но могу васъ увѣрить читатель, что есть несчастные истцы, которые, на основаніи этого закона, домогаются права *начать* искъ и 10 лѣтъ!... И какое основаніе этого закона? Чтобы оградить отвѣтчиковъ отъ неправильныхъ притязаній истцовъ?... Но вѣдь для предупрежденія этого существуютъ штрафы за неправильное и неосновательное взиманіе исковъ. Какое намъ дѣло послѣ этого, что такой-то хочетъ заплатить штрафъ? Если онъ находитъ въ этомъ удовольствіе, то намъ нечего хлопотать объ его интересѣ. По моему мнѣнію, всѣ иски и тяжбы могли бы безусловно приниматься судами, а тамъ ходъ процесса покажетъ, кто правъ, кто виноватъ. Это же самое можно сказать и о всѣхъ случаяхъ, по которымъ наши законы запрещаютъ вчинаніе исковъ; по этимъ дѣламъ каждый можетъ хоть двадцать разъ начинать одно и тоже дѣло, но каждый разъ онъ же заплатитъ штрафы.

ГЛАВА VI.

ПРЕДМЕТЫ, ПО КОТОРЫМЪ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПРОИЗВОДИТЬ ИСКИ.

Предметы, по которымъ запрещается въ первыхъ степеняхъ суда начинать и производить иски, раздѣляются на двѣ категоріи; одни изъ нихъ имѣютъ основаніе законное, другіе нравственное.

а) Къ первымъ принадлежатъ: 1) производство дѣлъ формою суда, прекращенныхъ по нелѣкѣ истца къ судоговоренію ⁽¹⁾; 2) тяжбы, оконченныя присягою ⁽²⁾; 3) тяжбы, прекращенныя миромъ ⁽³⁾; 4) дѣла о подвижности духовныхъ завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ ⁽⁴⁾; 5) споры о томъ, что завѣщанные капиталы или вещи суть родовыя ⁽⁵⁾.

1) Если истецъ, начавши свое дѣло судомъ по формѣ, въ назначенный судомъ день къ судоговоренію не явится, то онъ безвозвратно теряетъ искъ на отвѣтника; эта мѣра установлена закономъ для то-

⁽¹⁾ Т. X, ст. 3141.

⁽²⁾ Тамъже, ст. 2430.

⁽³⁾ Тамъже, ст. 3186. Здѣсь не вычисляю я случаи, изложенные въ ст. 712. Меж. Зак. ст. 2876, т. X и ст. 994 т. IX, потому что эти законы относятся къ дѣламъ межевымъ и о крестьянахъ.

⁽⁴⁾ Т. X, ст. 863.

⁽⁵⁾ Тамъже, ст. 922.

го, чтобы истцы не заволакивали дѣла на безконечныя времена. Но эта потеря истцами права на искъ, по внутреннему своему значенію, ничѣмъ не отличается, напримѣръ, отъ потери правъ даннымъ лицомъ чрезъ пропущеніе имъ общей земской давности. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ ни отъ кого не отнимаетъ права начать искъ; но за то начавшихъ дѣло штрафуетъ денежными пенями. То же самое можетъ быть во всѣхъ возможныхъ случаяхъ: право на судъ есть право безусловное.

2) Дѣло, оконченное присягою, теряется безвозвратно. Присяга допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточныхъ доказательствъ противъ отвѣтчика; чтобы очистить себя отъ тѣхъ уликъ, вслѣдствіе которыхъ противъ него начато дѣло, ему предоставляется присяга. Но что дѣлать въ такомъ случаѣ, когда до истеченія земской давности истецъ найдетъ совершенныя доказательства правильности своего иска и лживости присяги своего отвѣтчика? Въ подобномъ случаѣ законъ, постановляющій, что дѣло, оконченное присягою, теряется безвозвратно, можетъ принести вредъ въ отношеніяхъ юридическомъ и нравственномъ: въ юридическомъ потому, что не даетъ осуществиться въ государствѣ правдѣ; въ нравственномъ потому, что отвѣтчики легко склоняются къ лживымъ поступкамъ. Это же самое должно сказать и въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ отдастъ присягу *на душу* (*) истцу. Несовершенство окончанія дѣлъ присягою признается и нашимъ законодательствомъ, что видно изъ слѣдующаго постановленія: (**) «по дѣламъ о вещахъ, взятыхъ на сохраненіе и погибшихъ во время пожара или похищенныхъ, дозволяется давать искъ, несмотря на присягу отвѣтчика, когда послѣ присяги истецъ поймаетъ его съ какой нибудь вещью изъ поклажи или найдетъ доказательства, что вещи имъ утаены, также что пропала одна только поклажа, а имущество ея принимателя, бывшее съ нею, уцѣлѣло». Этотъ законъ совершенно справедливъ и добросовѣстенъ; и мнѣ кажется, можно было бы сдѣлать его общимъ для всѣхъ исковъ.

3) По дѣламъ, оконченнымъ миромъ и вновь начатыхъ истцомъ, могъ бы существовать общій штрафъ — о неправильномъ началіи тяжбъ и исковъ: это есть общее нарушеніе правъ гражданскихъ.

4) Споры о подлинности духовныхъ завѣщаній, крѣпостнымъ порядкомъ совершенныхъ, запрещено принимать. А если я могу доказать подложность этого завѣщанія и противозаконность дѣйствій суда, неужели я могу или долженъ быть лишенъ правосуднаго удо-

(*) Юридическій терминъ нашего законодательства и имѣетъ смыслъ: «на совесть».

(**) Ст. 1811, т. X.

влетворенія?... По другимъ дѣламъ мнѣ предоставлено право доказывать подлогъ.... Былъ слѣдующій случай: въ маленькомъ городкѣ Подольской губерніи проживалъ одинъ богатый банкиръ, еврей; сыну своему онъ оставилъ, послѣ смерти своей, болѣе полмилліона серебромъ, но завѣщанія не оставилъ; вслѣдствіе этого сынъ наслѣдовалъ ему по закону. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ разныхъ Вѣдомостяхъ, въ томъ числѣ и Сенатскихъ, появилось объявленіе магистрата другого маленькаго городка, той же Подольской губерніи, слѣдующаго содержанія: «что въ 182... г., такой-то банкиръ засвидѣтельствовалъ крѣпостнымъ порядкомъ духовное завѣщаніе въ этомъ магистратѣ, въ которомъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) всѣ капиталы и недвижности, остающіяся послѣ его смерти, поступаютъ въ распоряженіе и собственность сына его такого-то и внука отъ его дочери такого-то, каждому по ровну; 2) что они обязаны выдать богоугоднымъ заведеніямъ и бѣднымъ столько-то; 3) что обязанность исполненія этого завѣщанія возложена на магистратъ; 4) что если кто изъ наслѣдниковъ нарушитъ это завѣщаніе или утаитъ его, то лишается наслѣдства въ пользу другаго наслѣдника; 5) подлинное завѣщаніе должно храниться у сына его такого-то. Вслѣдствіе этихъ постановленій завѣщанія, магистратъ такой-то вызываетъ наслѣдниковъ, сына и внука такого-то банкира, съ тѣмъ, чтобы они явились въ узаконенный срокъ и предъявили, сколько осталось послѣ такого-то банкира имущества».

Сынъ завѣщателя въ это время жилъ въ Одессѣ, гдѣ онъ открылъ, послѣ смерти отца, самостоятельную коммерческую контору и велъ торговлю на большую сумму; прочитавъ объявленіе магистрата, онъ ужаснулся: ему грозила опасность потерять не только состояніе, доставшееся ему отъ отца, но и все, что онъ пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ. По вышеприведенному мною закону, онъ не могъ оспаривать подлинника крѣпостнаго духовнаго завѣщанія его отца; а какъ его утаитель, онъ долженъ былъ лишиться всего достоянія, и кромѣ того слѣдовало его предать уголовному суду. Видя безвыходность своего положенія, банкиръ обратился къ одному молодому, дѣльно-му ученому адвокату, который выигралъ дѣло только по неопытности племянника его кліента, главнаго виновника этого процесса. Адвокатъ этотъ подалъ формальный искъ въ магистратъ, въ которомъ доказывалъ подложность завѣщанія: судъ принялъ этотъ искъ; здѣсь противникъ его сдѣлалъ тотъ промахъ, что согласно вышеприведенному закону не обжаловалъ распоряженія суда относительно принятія имъ иска, и по прошествіи трехъ мѣсяцевъ отъ объявленія ему по этому предмету постановленія суда онъ въ палату не послалъ жалобы, отчего и постановленіе суда вступило въ законную

силу и отмѣнено уже палатою не могло быть. Это дало возможность магистрату произвести формальное слѣдствіе по этому дѣлу и оказалось, что внукъ умершаго банкира, по стачкѣ съ однимъ чиновникомъ магистрата, уладилъ это дѣло слѣдующимъ образомъ: они нашли въ крѣпостной книгѣ прошедшихъ годовъ пару листовъ не исписанныхъ и, сочинивъ текстъ крѣпостнаго завѣщанія, внесли его туда; затѣмъ былъ составленъ подложный журналъ о содержаніи этого акта и ловко вшитъ въ журнальную книгу тѣхъ годовъ. Этимъ составители и ограничились, рассчитывая на то, что въ случаѣ справокъ обратятся только къ крѣпостной книгѣ и журналамъ; но адвокатъ противника пошелъ дальше: онъ потребовалъ 1) справки въ архивѣ и по всѣмъ настольнымъ реестрамъ, поступила ли въ судъ просьба, будто бы поданная отцомъ его кліента при представленіи своего завѣщанія, какъ это значилось въ журналѣ; 2) справку по приходорасходнымъ книгамъ суда, вступали ли въ его казну въ то время тѣ пошлины, которыя показаны въ крѣпостной книгѣ взысканными; 3) требовалъ сличенія почерковъ всѣхъ канцелярскихъ этого суда съ почеркомъ подложныхъ актовъ. По этимъ даннымъ, развивая формальное слѣдствіе, адвокатъ истца доказалъ подложность завѣщанія и выигралъ дѣло во всѣхъ инстанціяхъ; но попади онъ на опытнаго противника, тотъ въ самомъ началѣ дѣла обрѣзалъ бы его на основаніи вышеприведеннаго закона, не допустивъ его даже до производства слѣдствія.

5) Запрещается принимать иски на завѣщанія, когда кто объявитъ, что завѣщаны деньги и вещи родовыя. Но законъ говоритъ ясно, что деньги и вещи—движимость, которая причисляется къ собственности благопріобрѣтенной; собственность же благопріобрѣтенная подлежитъ полному, неограниченному распоряженію собственника; поэтому излишнимъ уже становится повтореніе: деньги и вещи, завѣщанныя кому либо, не могутъ быть названы родовыми. Да и начатіе подобнаго иска не должно бы быть никому воспрещено: за объявленіе подобной юридической нелѣпости истецъ подвергнется штрафу. Вообще во всѣхъ вычисленныхъ много случаяхъ, запрещеніемъ принимать иски предоставляется судамъ произволъ — принятія или непринятія иска, отъ чего происходятъ тысячи дѣлопроизводствъ, не имѣющихъ юридическаго значенія: по теоріи они неосновательны, на практикѣ—вредны и отмѣненіе ихъ сократило бы дѣла высшихъ инстанцій, и тяжущіеся выиграли бы время и получили бы своевременное удовлетвореніе.

В) Къ нравственнымъ началамъ, по которымъ законъ воспрещаетъ начинать и производить иски, относятся слѣдующія:

1) отцу воспрещается оспаривать законность рожденія его дѣтей:

а) въ гнѣвѣ на дѣтей или на ихъ мать, а свою жену;

б) если *немалое* время имѣвъ ихъ (т. е. дѣтей) у себя въ домѣ, признавалъ своими дѣтьми, а мать, и по рожденіи ихъ, свою женою.

а) Если кто нибудь рѣшается доказывать судебнымъ порядкомъ незаконность рожденія своихъ дѣтей, т. е., не только запятнать имя ихъ и ихъ матери, но и свое отдать на позорище общества; то подобныя дѣла никакъ не могутъ совершиться въ хладнокровномъ состояніи, развѣ нашолся бы человѣкъ безъ совѣсти, чести и сердца.

в) при мачихѣ (*).

б) Законъ о *признаваніи* *немалое* время жену и дѣтей своими и о проживаніи ихъ съ ними — неясенъ въ высшей степени: что должно подразумѣвать подъ словами, «не малое время»? И въ чемъ должно заключаться *признаваніе*. Если 10-ти лѣтнюю давность распространить на всѣ гражданскія дѣла, то слѣдовало бы снова *немалое* время замѣнить общей земскою давностью; но и тутъ будетъ недоразумѣніе: родится вопросъ—съ какого момента считать эту давность? поэтому лучше будетъ сказать, что послѣ 10-ти лѣтняго возраста ребенка, его рожденіе узаконяется. *Признаваніе* же можетъ заключаться въ словахъ и на письмѣ; поэтому въ подобныхъ дѣлахъ допускать общія судебныя доказательства.

в) Отцу запрещается оспаривать законность дѣтей при мачихѣ. Читая наши національныя пѣсни, находишь большое предубѣжденіе народа противъ дѣйствій и поступковъ мачихи съ пасынкомъ и падчерицей; это предубѣжденіе вытекаетъ изъ противоестественныхъ отношеній, существующихъ между тѣми и другими. Человѣкъ женатый предается весь женѣ своей и, по справедливому выраженію нашего закона, любить ее, какъ собственное свое тѣло; отъ этого естественно проистекаетъ и любовь его къ ея дѣтямъ. Мачиха же, по своей женской природѣ, подозрѣваетъ постоянно мужа въ томъ, что онъ не любитъ ее такъ сильно, такъ нѣжно, какъ первую жену, и если у него есть отъ послѣдней дѣти, малѣйшая ласка, заботливость и вниманіе къ нимъ отца возбуждаетъ и разжигаетъ въ ея сердцѣ ревность и зависть то за себя, то за ея дѣтей; въ особенности же ея ненависть къ дѣтямъ ея мужа отъ первой жены увеличивается, когда по какимъ нибудь обстоятельствамъ эти дѣти превосходятъ ея дѣтей состояніемъ, красотой, умомъ или когда все родовое имущество ея мужа должно отойти къ пасынкамъ, а ея дочери получаютъ только $\frac{1}{11}$ часть этого имущества. Имѣя такимъ образомъ въ виду враждебныя отношенія мачихи къ пасынкамъ и

(*) Т. X, ст. 124.

падчерицамъ и вліяніе ея на мужа, законъ и запретилъ послѣднему оспаривать законность рожденія дѣтей его отъ перваго брака при мачихѣ. Положимъ, что это постановленіе совершенно справедливо; но какъ вы подведете подъ это правило слѣдующій случай: нѣкто, положимъ, Бобровъ поссорится съ женою, и они расходятся и разѣзжаются (*) по разнымъ городамъ; жена его ѣдетъ въ Петербургъ, ведетъ дурную жизнь и приживаетъ, положимъ, 10 дѣтей; имѣя документы, что она не вдова, а за-мужемъ, она креститъ всѣхъ этихъ дѣтей именемъ мужа. Между тѣмъ этому послѣднему неизвѣстны подробности его жены; но вдругъ она умираетъ, Бобровъ женится вторично и тутъ является къ нему 10 человекъ, не только носящихъ его имя, но претендентовъ на его родовое имущество. Родовое имущество, какъ извѣстно, не подлежитъ завѣщанію; слѣдовательно Боброву остается продать это имущество, а то послѣ его смерти оно отойдетъ къ незаконнымъ дѣтямъ его жены; въ этомъ родовомъ имуществѣ лежитъ прахъ и родителей и предковъ Боброва, и въ немъ соединены много свѣтлыхъ его воспоминаній,—вотъ Бобровъ и поневолѣ долженъ былъ бы начать процессъ — о незаконности рожденія дѣтей его первой жены.... Мнѣ кажется, что во избѣжаніе такихъ печальныхъ послѣдствій можно было бы предоставить каждому отцу безусловное право начинать опроверженіе законности его дѣтей; но съ тѣмъ, что если его споръ окажется неосновательнымъ, то за неправильное начинаніе иска подвергнуть его извѣстному уголовному наказанію, на примѣръ, 5-ти и 6-ти лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, по важности такихъ дѣлъ; потому что процессомъ своимъ истецъ порочитъ имя покойной своей жены и дѣтей ея. Въ процессахъ о незаконности рожденія лица не играютъ никакой роли ни гнѣвъ родителей, ни мачиха; какъ въ каждомъ процессѣ, и въ этихъ дѣлахъ сущность въ судебныхъ доказательствахъ, по которымъ и рѣшается данное дѣло; гнѣвъ же родителей и существованіе мачихи суть внѣшнія явленія, не играющія никакой роли въ процессѣ. Вообще во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ не обращается вниманіе на душевныя побужденія, а на самый фактъ; такъ на примѣръ, кому какое дѣло, по какимъ побужденіямъ я представляю ко взысканію вексель—по злобѣ ли на отвѣтника, или отъ того, что онъ не платитъ денегъ?...

(*) Хотя это запрещено закономъ, но на практикѣ вы найдете тысячи такихъ примѣровъ.

ГЛАВА VII.

О ВЫЗОВѢ ОТВѢТЧИКА КЪ СУДУ И ПОСЛѢДСТВІЯХЪ НЕЯВКИ.

а) О способѣ вызова.

ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ СУДОПРОИЗВОДСТВА:

«Въ слѣдствіе поданнаго исковаго прошенія, по опредѣленію суда, отвѣтчикъ вызывается къ суду двоякимъ образомъ: или повѣсткою чрезъ полицію, когда мѣстожителство или пребываніе его извѣстны; въ противномъ же случаѣ—чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ столичныхъ и губернскихъ (*).»

Повѣстка вызова доставляется тяжущемуся чрезъ мѣстную полицію; но если требуется личная высылка къ суду участвующаго въ дѣлѣ, живущаго внѣ дѣйствія мѣстной полиціи, то дѣлается о томъ сношеніе чрезъ губернское правленіе (**).

ПО КОММЕРЧЕСКИМЪ СУДАМЪ.

«Повѣстки посылаются находящимся въ томъ же городѣ чрезъ приставовъ или присяжныхъ служителей; отсутствующимъ же въ уѣздѣ—по почтѣ или чрезъ нарочнаго по желанію и на счетъ истца (**).

Хотя способъ вызова отвѣтчика въ суду совершеннѣе въ коммерческихъ судахъ, нежели въ общихъ судахъ имперіи, но не лишень и въ свою очередь недостатковъ; рассмотримъ то и другое:

1) Посылка коммерческими судами повѣстки не чрезъ полицію, а чрезъ своихъ присяжныхъ или приставовъ, имѣетъ то преимущество, что полиціи не обременяются отъ тѣхъ судовъ излишними дѣлами и коммерческія дѣла не подвергаются неудобствамъ, проистекающимъ отъ медленности дѣйствій полиціи; слѣдовательно по этимъ дѣламъ сами собою уничтожаются всѣ дѣлопроизводства и жалобы. Кромѣ того, въ экстренныхъ случаяхъ судъ можетъ дѣйствовать и энергически.

2) Общіе суды не иначе могутъ вызвать къ суду отвѣтчика, какъ по законному постановленію объ этомъ предметѣ; для коммерческихъ судовъ это необязательно: они могутъ прямо посылать повѣстки

(*) Т. X, ст. 2279, 2287, 2296 и 2666.

(**) Т. X, ст. 2287.

(***) Т. X, ст. 1375.

безъ опредѣленій; но многіе изъ нихъ слѣдуютъ рутинному порядку законныхъ постановленій. Эти-то законныя постановленія можно бы уничтожить, съ предоставленіемъ гражданамъ безусловнаго права суда, а необходимость послѣдняго указана мною въ предшествовавшей главѣ.

3) Въ законахъ объ общихъ судахъ сказано, что повѣстка посылается чрезъ *мѣстную полицію*. Но что должно подразумѣвать подъ словомъ: мѣстная полиція? Та ли, которая существуетъ въ округѣ суда, или въ мѣстопребываніи отвѣтчика? Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ томъ же законѣ, гдѣ говорится, что если требуется личная высылка къ суду участвующаго въ дѣлѣ, живущаго внѣ дѣйствія *мѣстной полиціи*, то о томъ судъ сносится съ губернскимъ правленіемъ (?). Здѣсь подъ словомъ «мѣстная полиція» должно подразумѣвать находящуюся въ округѣ суда; чрезъ кого же долженъ судъ посылать повѣстку отвѣтчику, когда онъ находится въ другомъ уѣздѣ и губерніи? Въ первомъ случаѣ—чрезъ губернское ли правленіе или ту полицію, гдѣ находится отвѣтчикъ? во второмъ—чрезъ свое ли губернское правленіе или чрезъ то, въ губерніи которой отвѣтчикъ находится?

4) Вызовъ чрезъ публичныя вѣдомости отвѣтчиковъ къ суду въ коммерческихъ судахъ не существуетъ; а этотъ законъ можно бы распространить и на эти суды, только не въ такомъ видѣ, какъ онъ нынѣ существуетъ, а въ слѣдующемъ: вызовъ отвѣтчиковъ, когда они не находятся въ округѣ суда, чрезъ губернскія правленія или полиціи, долженъ быть уничтоженъ, по несовершенству этого способа; и если мѣстопребываніе отвѣтчика извѣстно и онъ находится въ другомъ уѣздѣ или губерніи, то: 1) повѣстка должна посылаться къ нему чрезъ присяжныхъ того суда, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ пребываніе; если же въ этомъ мѣстѣ онъ не будетъ найденъ, то считать его безвѣстноотсутствующимъ; 2) кромѣ этого, должна быть сдѣлана публикація въ официальныхъ газетахъ (*) столичныхъ, мѣстной и той губерніи, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ жителство. Коммерческому суду должно быть предоставлено право публикаціи, потому что законъ предоставляетъ иногороднымъ лицамъ въ контрактахъ назначать для своего разбирательства извѣстный коммерческій судъ; его вѣдѣнію подлежатъ также всѣ лица, имѣющія торговые дѣлки съ лицами подвѣдомственными коммерческимъ судамъ.

5) Такъ какъ коммерческимъ судамъ не предоставлено право посылать повѣстки чрезъ полиціи, а отправлять ихъ съ присяжными и приставомъ они могутъ только въ своемъ уѣздѣ, то нѣкоторые коммерческіе суды, когда отвѣтчикъ находится въ другомъ уѣздѣ

(*) Но не въ однихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, которыя не многіе читаютъ.

или губерніи, приняли такой порядокъ дѣлопроизводства: по полученіи ими исковаго прошенія, они копию съ него отправляютъ къ отвѣтчику или чрезъ губернское правленіе или чрезъ ту полицію, гдѣ отвѣтчикъ имѣетъ мѣстопробываніе, и требуютъ отъ него объясненія. Исковое прошеніе иногда гуляетъ такимъ образомъ по разнымъ полиціямъ и правленіямъ года два, и если данный коммерческій судъ придерживается рутиннаго понятія и того порядка, что для полноты дѣла требуется отъ истца *опроверженіе* отвѣтчика, а отъ этого послѣдняго такъ называемое *доказательство*, то изъ этого можете заключить, сколько лѣтъ потребно, чтобы дѣло было пополнено. Я знаю одинъ изъ нашихъ южныхъ коммерческихъ судовъ, гдѣ подобное дѣло въ теченіе 5 лѣтъ дошло только до *опроверженія*.

б) о срокѣ явки отвѣтчика къ суду.

Какъ въ общихъ судахъ, такъ и въ коммерческихъ, общее правило для опредѣленія сроковъ явки отвѣтчика къ суду есть то, что оно зависить отъ усмотрѣнія суда ⁽¹⁾. Но для коммерческихъ судовъ крайній предѣлъ этого срока maximum — для наличнаго отвѣтчика — 3-хъ-дневный, а отсутствующаго — поверстный, полагая по 30 верстъ на день; minimum еще точнѣе опредѣленъ. Коммерческій судъ долженъ этотъ срокъ сократить даже до 1 часа, въ чрезвычайныхъ и настоятельныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ: 1) о задержаніи отвѣтчика ⁽²⁾, подозрѣваемаго въ намѣреніи скрыться; 2) о наложеніи запрещенія на его товары, деньги и другое движимое имущество; 3) о сухопутныхъ и водяныхъ торговыхъ отправленіяхъ ⁽³⁾.

Эти предѣлы не постановлены для общихъ судовъ, когда отвѣтчикъ на лицо; только для отсутствующаго опредѣлены сроки поверстные. О времени же изготовленія повѣстки на вызовъ отвѣтчика для коммерческихъ судовъ существуетъ правило, что повѣстка изготовляется въ тотъ же день приставомъ; для общихъ же судовъ не существуетъ никакого срока: оттого по общимъ судебнымъ дѣламъ случается, что повѣстка посылается и чрезъ годъ: поэтому полезно было бы распространить этотъ срокъ для посылки повѣстки и на эти суды, въ особенности если у нихъ отнята будетъ обязанность разсуждать и опредѣлять, слѣдуетъ ли или нѣтъ принять искъ. Поверстные же сроки могли бы быть замѣнены болѣе опредѣлительными, а именно ихъ слѣдуетъ переложить на время такъ: назначить для отсутствующихъ отвѣтчиковъ, находящихся въ другомъ уѣздѣ—2-хъ-недѣльный, для проживающихъ въ смежной губерніи—мѣсячный, для дальнихъ губерній—4-хъ-мѣсячный, а для проживающихъ

⁽¹⁾ Т. X, ст. 1697 и т. XI, ст. 1377.

⁽²⁾⁽³⁾ Т. X, ст. 2285.

Т. XI, ст. 1231, 1383 и 1384.

за границу и безвѣстноотсутствующихъ — $\frac{1}{2}$ -годовой ⁽¹⁾; въ эти сроки отвѣтчики могутъ явиться или прислать въ судъ своихъ повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, если бы было допущено общество присяжныхъ стряпчихъ.

в) *О препятствіяхъ въ явкѣ отвѣтчика.*

Законы наши о препятствіяхъ явки отвѣтчика въ суду основательны, только требуютъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ разъясненія, а именно:

1) По общимъ законамъ сказано, что причиною неявки можетъ быть задержаніе подѣ стражею, а при судѣ по формѣ сказано, — задержаніе въ другомъ судѣ; то и другое—предметы совершенно различные: можно быть необязательно задержаннымъ въ судѣ, по какому нибудь дѣлу; а находящійся подѣ стражею обязательно задержанъ. Не лучше ли было бы сказать, что арестованіе истца составляетъ препятствіе къ его явкѣ?

2) По общимъ законамъ, болѣзнь отвѣтчика, препятствующая ему отлучиться изъ дому, и болѣзнь жены можетъ быть причиною неявки его въ судъ; но между болѣзнями бываетъ разница, наприкладъ насморкъ и горячка; поэтому весьма справедливо законъ о коммерческихъ судахъ присовокупляетъ: *«тяжкая болѣзнь»*.

3) Законъ коммерческаго суда къ этимъ препятствіямъ относитъ—кончину близкаго родственника, жившаго въ домѣ отвѣтчика; а общіе законы объясняютъ, что близкими родственниками отвѣтчика считаются родители, жена и дѣти, и при этомъ не требуетъ вовсе, чтобы они жили у него въ домѣ, а они могутъ быть даже въ отлучкѣ; послѣдній законъ мнѣ кажется справедливѣе перваго ⁽²⁾.

4) Для уважительности препятствій, говоритъ общій законъ ⁽³⁾, справедливость ихъ должна быть *изслѣдована* судомъ. Но вѣдь изслѣдованіе не такъ-то легко, въ особенности если отвѣтчикъ былъ въ другой губерніи или за границу; поэтому законъ о коммерческихъ судахъ, требуя также доказательствъ о причинѣ неявки въ судъ, присовокупляетъ: если отсутствующій отвѣтчикъ, отправясь въ путь для явки къ суду, въ дорогѣ заболѣетъ или задержанъ будетъ другими непредвидѣнными препятствіями, то онъ обязанъ предъявить о томъ немедленно мѣстному начальству или полиціи, которыя должны увѣдомить о томъ судъ. Такое постановленіе яснѣе неопредѣленнаго выраженія «изслѣдовано судомъ» ⁽⁴⁾. Только жаль, что этотъ законъ говоритъ лишь о препятствіяхъ, встрѣчающихся

⁽¹⁾ По ст. 2298, т. X, срокъ для явки въ судъ лицъ, находящихся за границею—годовой, но этотъ срокъ слишкомъ длиненъ.

⁽²⁾ Т. X, ст. 2214 и 3126.

⁽³⁾ Т. X, ст. 2294 и 3126.

⁽⁴⁾ Т. XI, ст. 1192 и 1388.

въ дорогѣ; его бы слѣдовало распространить на все возможные случаи.

г) *О послѣдствіяхъ неявки отвѣтчика къ суду.*

По общему порядку судопроизводства, неявка отвѣтчика къ суду влечетъ за собою обвиненіе его въ искѣ, исключая дѣлъ крѣпостныхъ, которыя рѣшаются по имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ. Коммерческіе же суды за неявку отвѣтчика къ назначенному сроку только штрафуютъ его отъ 15 до 150 р. сер. и разсматриваютъ дѣло по доказательствамъ одного истца, пока не явится отвѣтчикъ, которому тогда предоставляется право опровергать данныя истца (*). Первый законъ, мнѣ кажется, справедливѣе втораго: неуваженіе къ судебной власти и неявка по ея вызову, безъ законныхъ доказательствъ о причинахъ, побудившихъ его къ этому поступку, есть проступокъ, съ которымъ не соразмѣряется полагаемый закономъ штрафъ отъ 15 до 150 р.; богачъ поэтому можетъ пренебречь судомъ и не повиноваться его требованіямъ, по малозначительности этого штрафа. Притомъ этотъ штрафъ положенъ въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ явится въ судъ до рѣшенія дѣла; когда же до его явки дѣло рѣшается, то онъ ужъ никакому штрафу не подлежитъ. Дѣло по апелляціи онъ переноситъ въ правительствующій сенатъ, куда и представляетъ доказательства неправильности притязаній истца; такимъ образомъ онъ и обошелся безъ коммерческаго суда. Мнѣ кажется, что законъ о штрафахъ слѣдовало бы разъяснить или же подчинить коммерческіе суды общему закону о послѣдствіяхъ неявки отвѣтчика.

ГЛАВА VIII.

ОБЪ ОТВОДѢ СУДЕЙ.

Тяжущіеся, имѣющіе причину подозрѣнія на кого либо изъ судей, имѣютъ право просить объ устраниніи его. (**). Здѣсь рождается вопросъ: отъ одного ли окончательнаго рѣшенія дѣла или отъ всего дѣлопроизводства? Хотя въ статьѣ 2312, т. X сказано, что отводъ судей тяжущимися долженъ быть предъявленъ прежде начатія производства дѣла; но такъ какъ въ ст. 2310, т. X говорится, что судья, состоящій въ близкомъ родствѣ и дружбѣ съ тяжущимся, долженъ самъ устранить себя отъ *сужденія* дѣла, и во многихъ другихъ статьяхъ мы находимъ тоже самое, то слѣдовало бы эти законы разъяснить. И я думаю, что если въ правѣ отвода судей находятъ гарантію правосудія, то судьи должны быть отводимы прежде начатія иска или дачи отвѣта, потому что отъ дѣлопроизводства зависитъ и самая

(*) Т. X. ст. 2292, 2734 и 3123; т. XI. ст. 1391, 3394, 1395.

(**) Ст. 2305, т. X.

участь процесса; при этомъ должно принять во вниманіе, что если во время дѣлопроизводства откроются обстоятельства, могущія подать поводъ къ подозрѣнію, то тяжущійся не долженъ быть лишенъ права отвода. Въ уставѣ же торговомъ ⁽¹⁾ прямо сказано, что отвѣтчикъ, какъ только явится въ судъ, по вызову, долженъ объявить свой отводъ.

Относительно же причинъ отвода по нашимъ законамъ мы имѣемъ нѣкоторыя кажутся не совсемъ основательными.

1) «Судья отводится, ⁽²⁾ если онъ часто имѣетъ въ обществѣ съ истцомъ или отвѣтчикомъ *тайное обхожденіе*, или когда видѣли его часто *шептавшася* съ тяжущимся на ухо.» Въ обществѣ судья можетъ очень часто встрѣчаться съ тяжущимся, можетъ имѣть съ нимъ тайное обхожденіе по тысячѣ другихъ дѣлъ и шептаться съ нимъ на ухо можетъ о какомъ нибудь вздорѣ, который совѣстно громко сказать или который касается лично ихъ; но изъ такихъ признаковъ вовсе нельзя заключить, что совѣсть судьи нечиста и что онъ можетъ быть пристрастенъ въ сужденіи о дѣлѣ.

2) Недоволеніе судьи къ рѣшенію дѣла, когда онъ находится въ дружбѣ и родствѣ или свойствѣ съ тяжущимися до 4-й степени, также, по мнѣнію моему, несправедливо, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторой степени это признаетъ и торговый уставъ, сдѣлавъ для свойства ограниченіе до 2-й степени; это ограниченіе можно бы распространить и на родство. Что же касается до дружбы, то напрасно законодательство страшится ее въ XIX вѣкѣ, когда на каждомъ шагу осуществляются слова Крылова: «а брось-ка только кость, такъ что твои собаки;» да и чѣмъ вы докажете дружбу двухъ данныхъ лицъ?...

3) «Отводъ судей, рѣшавшихъ дѣло не въ пользу тяжущагося, который взялъ на это рѣшеніе апелляцію и потомъ требуется въ тотъ же судъ по другому дѣлу, не признается законнымъ подозрѣніемъ.» ⁽³⁾ Но тяжущійся въ этомъ случаѣ, кажется имѣетъ больше права подозрѣвать судью въ пристрастіи, нежели тогда, когда судья имѣетъ съ его противникомъ *тайное обхожденіе* и *шепчется* съ нимъ на ухо? Если ужъ допускать отводы судей, то они могли существовать при всѣхъ дѣлахъ, сколько бы ихъ ни было у тяжущагося въ судѣ: съ одного его противника судья могъ взять взятку, съ другимъ состоятъ въ дружбѣ и такъ далѣе; даже если съ однимъ и тѣмъ же противникомъ тяжущійся имѣетъ разныя дѣла въ данномъ судѣ, то при производствѣ перваго дѣла онъ можетъ имѣть одно подозрѣніе, при второмъ и третьемъ — получить новые поводы подозрѣнія.

М. Филипповъ.

⁽¹⁾ Т. XI, ст. 1399 и 1340.

⁽²⁾ т. X ст. 2306, п. 8.

⁽³⁾ т. X, ст. 2308.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОДОЛЬСКО - ВИТЕБСКІЙ ОТКУПЪ.

Современная литература коснулась откуповъ.

Чтобы видѣть откупное дѣло, нужно начать съ кабаковъ. Въ кабкѣ сидѣлецъ—диктаторъ; онъ знаетъ только одну власть—власть откупщика, одинъ законъ—его волю, одну цѣль — грабить народъ, грабить, грабить и грабить всѣми способами: тутъ обмѣръ, тутъ обесчитыванье, тутъ съ пьянаго снимаютъ одежду, тутъ крадутъ у него изъ кармана деньги, тутъ вода съ виннымъ запахомъ и примѣсью какого нибудь раздражающаго вещества для обмана вкуса, тутъ закуски, возбуждающія жажду, тутъ же и всѣ соблазны для животной жизни, тутъ музыка, тутъ женщины, тутъ разныя совѣщанія, тутъ же клубъ воровъ и грабителей, тутъ сочиняются ябеды, тутъ задумываются преступленія. И изъ всего этого, группируемаго искусствомъ цаловальника, текутъ золотыя рѣчки въ карманы откупщиковъ. На этихъ поддонкахъ русской жизни создаются несмѣтные богатства. Таковы кабаки были, таковы они нынѣ, таковы они будутъ.

Обратившись отъ кабаковъ къ откупнымъ конторамъ, увидимъ дѣла другаго рода. На рукахъ управляющаго или самаго откупщика устройство разныхъ дѣлъ и дѣлишекъ или, по выраженію г. Кокорева, покупка невидимаго товара, называемаго уклоненіемъ отъ правилъ. Тутъ составляются отчеты о ходѣ откупныхъ дѣлъ. О Боже мой! разсматривая эти отчеты видимъ, что откупщики не имѣютъ выгодъ, а ежегодно несутъ миллионныя убытки. Несмотря на это, каждый годъ они надбавляютъ откупную сумму, покупаютъ себѣ дворцы и нагружаютъ карманы миллионами.

Откупщики пользуются существующимъ зломъ,—это дѣло очень дурное. Но еще хуже дѣлаетъ тотъ, кто, не довольствуясь для своего обогащенія зломъ существующимъ, изобрѣтаетъ новое зло; кто не только дѣлатель зла, но, такъ сказать, законодатель его; кто, прокладывая новыя дороги злу, служитъ коноводомъ другимъ.

Просимъ г. Кокорева сказать, справедливо ли такое мнѣніе, а затѣмъ начнемъ разбирать его оправданія, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ (1858. Ноябрь. Книжка первая).

Г. Кокоревъ говоритъ, что объ откупномъ дѣлѣ, извѣстномъ ему практически, онъ обязанъ подать свой голосъ на общее обсужденіе, что онъ считаетъ нужнымъ представить объясненія противъ возникшихъ на него нареканий за то, что онъ, писавшій противъ откуповъ, явился опять къ торгамъ. Глубокое уваженіе къ гласности, продолжаетъ онъ, слѣдовательно и къ общему мнѣнію, заставляетъ его объяснить внутреннюю сторону его дѣйствій, которая до сего времени не могла быть высказана, чтобы не повредить цѣли послѣдовательнаго (?) уничтоженія откуповъ. Всѣ возникшія на него нападенія, говоритъ онъ далѣе, его радовали, потому что онъ видѣлъ въ этихъ нападеніяхъ проявленіе общественнаго надзора за дѣйствіями, имѣющими связь съ общими интересами нашей жизни; онъ желаетъ, чтобы надзоръ этотъ неутомимо шелъ впередъ.

Мы нарочно выписали почти буквально его предисловіе, чтобы выказать его взглядъ на право общественнаго надзора за его дѣйствіями. Отъ души радуемся такому стремленію г. Кокорева къ гласности, уже давно имъ высказываемому.

И такъ изъ самаго предисловія видно, что статья г. Кокорева имѣетъ двѣ стороны или двѣ цѣли: одна представляетъ его идеи по откупному дѣлу, и въ этомъ случаѣ г. Кокоревъ подлежитъ разбору, какъ писатель; другая представляетъ дѣйствія г. Кокорева, какъ общественнаго дѣятеля, направленные къ осуществленію его идей; въ этомъ случаѣ онъ подлежитъ суду публики, какъ общественный дѣлатель.

Мы постараемся разъяснить его дѣйствія съ той точки зрѣнія, которая намъ представляется истинною. Не станемъ обвинять его за то, что онъ представляетъ дѣло свое только съ одной стороны, для него выгодной; всякій, защищая свое дѣло, употребляетъ только тѣ аргументы, которые для него полезны. Но за то мы считаемъ своею обязанностию представить другую сторону дѣла; пусть же сопоставленіе разныхъ противныхъ обстоятельствъ и взглядовъ разъяснитъ дѣло. Мы коснемся нѣкоторыхъ обстоятельствъ, можетъ быть не-пріятныхъ для г. Кокорева, но таково слѣдствіе гласности; кто свои дѣйствія предастъ на судъ общественнаго мнѣнія, тотъ все долженъ

принять съ твердостью. Г. Кокоревъ объясняетъ не только свои дѣйствія, но и свои помышленія, поэтому и мы вправѣ разобрать тайны его души, провѣрить его слова съ его дѣйствіями настоящими и прошедшими и посмотрѣть, на сколько можно довѣрять его словамъ.

Степень общественнаго довѣрія къ словамъ чловѣка соразмѣряется съ впечатлѣніемъ, которое производятъ факты, извѣстные намъ о его дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ положеніе г. Кокорева невыгодно. Всѣмъ извѣстно, что всѣ тѣ злоупотребленія, которыя существуютъ нынѣ, создалъ самъ г. Кокоревъ. Участіе его въ откупномъ дѣлѣ начинается лѣтъ 14 тому назадъ.

Вначалѣ сороковыхъ годовъ было почти такое же неудовольствіе на откуна, какъ теперь; тогдашнія злоупотребленія не идутъ въ сравненіе съ нынѣшними, потому что до 1847 года откупщики продавали водку по опредѣленной откупными условіями цѣнѣ, а не по произвольной, какъ нынѣ; вино продавали изъ всѣхъ питейныхъ заведеній, а не изъ однихъ только ведерныхъ, какъ нынѣ. При этой системѣ злоупотребленія главнымъ образомъ состояли въ чрезмѣрной разсыропкѣ вина, что можно было преслѣдовать, если бы только этого хотѣли. Своекостное заготовленіе вина откупщиками, скрывая дѣйствительную потребность вища, могло приносить вредъ казнѣ, а не народу. Но несмотря на то, что положеніе народа было гораздо легче, чѣмъ нынѣ, онъ все таки ропталъ. Потому признали необходимость измѣнить систему.

Въ это самое время, именно въ 1844 году, г. Кокоревъ находился управляющимъ винокуреннымъ заводомъ г. Ж. въ Орейбургской губерніи. Въ этомъ году г. Ж., повѣряя его, открылъ по управленію заводомъ злоупотребленія, сдѣлавъ на него начеть и завелъ формальное дѣло. Г. Кокоревъ пошелъ на сдѣлку и г. Ж. прекратилъ дѣло по уплатѣ ему г. Кокоревымъ 4,000 руб. сер.

По удаленіи г. Кокорева отъ г. Ж., онъ въ 1845 году вступаетъ на службу въ Казани у откупщика Л. Здѣсь онъ составилъ свой знаменитый проэктъ акцизно-откупнаго коммисіонерства, который доставилъ ему и всѣмъ откупщикамъ милліоны. Въ Казани онъ нашелъ доступъ къ господину N N., который, отправившись въ томъ году въ Петербургъ, рекомендовалъ г. Кокорева, какъ превосходнаго управляющаго откупомъ, какъ составителя проэкта, который долженъ принести неисчислимыя пользы. Г. Кокоревъ, самъ явившись въ Петербургъ, извлекъ все, что только можно было извлекъ изъ рекомендаціи этого господина; онъ пустилъ свой проэктъ въ ходъ; а между тѣмъ въ г. Орлѣ дается откупщикъ неисправнымъ. Г. Кокоревъ назначается туда коммисіонеромъ. Въ чемъ же состояли его права? Онъ былъ настоящимъ откупщикомъ, только ни

за что не отвѣчалъ: что выручалось, то шло въ казну; чего не выручалось, то падало на прежняго откупщика. Въ Орелѣ онъ прибылъ, если не ошибаемся, въ началѣ 1846 года, заручившись предписаніями, отношеніями и прочимъ тому подобнымъ къ мѣстному начальству, чтобы оно содѣйствовало во всемъ г. Кокореву, а также чтобы не вмѣшивалось въ его хозяйственныя распоряженія. Каковы были эти распоряженія, можно судить изъ того, что прежній откупщикъ не могъ собрать денегъ, необходимыхъ для уплаты въ казну, а у г. Кокорева выручка была гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало въ казну отъ прежняго откупщика. Чего же хотѣтъ болѣе? не ясно ли, что г. Кокоревъ честнѣйшій комиссіонеръ? Правда, но вѣдь это только одна сторона предмета; отчего не спросить у народа, какими притѣсненіями г. Кокоревъ извлекалъ изъ него деньги?

Отдали г. Кокореву въ комиссіонерское управленіе всѣ неисправныя откупа, а такихъ было тогда числомъ близко ста. Конечно г. Кокореву нельзя было успѣть заниматься всѣми откупами, тогда онъ взялъ къ себѣ въ помощь г. Мамонтова, теперешняго его компаньона. Всѣ эти неисправныя откупа поступали въ ихъ управленіе почти передъ самымъ наступленіемъ новаго откупнаго термина, а всякому извѣстно, что значить управленіе откупомъ въ послѣдніе его мѣсяцы. Управленіе г. Кокорева не вездѣ было такъ продолжаемо, какъ начато въ Орлѣ. Тутъ онъ по каждому откупу воспользовался случаемъ или дѣлать напускъ вина, или брать отступнаго за то, чтобы не дѣлать напуска, какъ это обыкновенно водится; эти деньги уже не попали въ отчеты. Принявъ во вниманіе значительное число откуповъ, бывшихъ въ его управленіи, можно себѣ представить, что г. Кокоревъ составилъ себѣ значительный капиталъ. Это было первое дѣло, которымъ онъ положилъ основаніе своему богатству.

Для нѣкоторыхъ такіа дѣйствія покажутся не особенно дурными, потому что онѣ всегда дѣлаются откупщиками. Правда, но дурное дѣло не становится хорошимъ отъ того только, что оно обыкновенно. Притомъ же откупщики поступаютъ такъ въ своемъ откупѣ, у нихъ обратилось это въ статью дохода, на которую они разсчитываютъ, и потому, принимая откупъ, сами платятъ; но у г. Кокорева этого не было: принимая откупъ, онъ ничѣмъ не рисковалъ, отступнаго не платилъ, а самъ получалъ, тогда какъ это не ему принадлежало.

Пока г. Кокоревъ управлялъ неисправными откупами, его прозектъ акцизно-откупнаго комиссіонерства прошелъ и былъ утвержденъ; на основаніи его произведены были торги на откупа съ 1847 по 1851 годъ; на нихъ г. Кокоревъ взялъ нѣсколько откуповъ, нѣкоторые одинъ, а другіе въ компаніи съ братьями N N. Эти же братья N N,

взяли и другіе откупа одни, по указанію г. Кокорева; теперь они значительные откупщики.

За свой проэктъ г. Кокоревъ получилъ изъ казны 50,000 р. сер. и назначенъ казеннымъ комиссіонеромъ на откупа Смоленской губерніи. Здѣсь первымъ дѣломъ г. Кокорева было удвоить цѣну вина. Система г. Кокорева была вновь; многіе еще не понимали ея сущности, но онъ сразу показалъ, какой имѣетъ она смыслъ, т. е. назови полугаръ водкой и продавай по какой хочешь цѣнѣ, — вотъ и все тутъ.

Теперь г. Кокоревъ честитъ откупа, на чемъ свѣтъ стоитъ; онъ сколько разъ каялся, что принималъ въ нихъ участіе, какъ будто бы не самъ онъ былъ виновникомъ нынѣшнихъ откупныхъ злоупотребленій. Можетъ ли сказать онъ положи руку на сердце, что, сочиняя свой тогдашній проэктъ, онъ имѣлъ въ виду благо народное, избавленіе народа отъ притѣсненій, которыя онъ терпѣтъ отъ откупщиковъ, развитіе промышленности, сельскаго хозяйства, нравственность народа, о которыхъ онъ такъ теперь заботится? Нѣтъ, г. Кокоревъ не можетъ сказать, что не зналъ сущности своего проэкта, не зналъ къ какимъ злоупотребленіямъ поведетъ онъ; всякій другой еще можетъ это сказать. Теперь онъ попираетъ эту систему; онъ говоритъ, что отдаются на откупъ одни лишь уклоненія отъ правилъ, потомъ восклицаетъ: неужели и въ наше время, когда является сознаніе многихъ общественныхъ недостатковъ, будутъ производиться торги на то, кто больше даетъ за уклоненія?...

Когда онъ писалъ эти самыя правила, онъ зналъ, что смыслъ ихъ — отдавать на откупъ злоупотребленія, но все-таки писалъ ихъ. Г. Кокоревъ былъ врагомъ общества, врагомъ русскаго народа. Человѣкъ, принесшій такое необъятное зло народу, неужели думаетъ, что его словамъ можетъ быть еще вѣра?

Въ чемъ сущность акцизно-откупнаго комиссіонерства? Въ томъ, что сборъ отъ продажи вина по этой системѣ однозначителенъ съ произвольнымъ на народъ налогомъ. И въ самомъ дѣлѣ, откупщикъ имѣетъ право не продавать изъ питейныхъ домовъ вина; онъ можетъ продавать въ нихъ только водки; это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ называть спеціальною водкою простой полугаръ; водка и онъ продается по вольной цѣнѣ и постоянно ее возвышаетъ. Не значитъ ли это, что онъ беретъ на откупъ сборъ съ народа такой суммы денегъ, какую только народъ въ состояніи заплатить, покупая у него вино? Откупщики пришли къ той мысли, что народъ всѣ деньги, которыя останутся у него, за удовлетвореніемъ самыхъ крайнихъ нуждъ, пропьетъ; они говорятъ, что *пьетъ не желудокъ, а карманъ*, и потому нужно назначать на вино такую цѣну, при которой изъ на

рода вытягиваются все деньги. Чемъ у народа больше средствъ къ заработкамъ, тѣмъ выше должно назначить цѣну вина. Итогъ всегда одинъ и тотъ же—довести народъ до того, чтобы у него никогда не было лишней копѣйки. Изъ этого всякій пойметъ, отчего огромныя накладки на нынѣшнихъ торгахъ: торговля и промышленность въ послѣднее время у насъ получили большое развитіе; все дорожаетъ, трудъ рабочаго также, деньги дешевѣютъ сравнительно съ другими товарами. Въ народѣ обращается денегъ много; откупщики увеличиваютъ цѣну вина, имъ нужно, чтобы народъ за то количество вина, которое для него потребно, заплатилъ все лишнія, находящіяся у него деньги. Народъ пьетъ и платитъ, потому что у него есть деньги, откупщики обогащаются; но казна вовсе не богатѣетъ, потому что получаетъ отъ откупщиковъ, хотя и болѣе, чѣмъ прежде, но такъ сказать товаромъ, который дешевле прежняго; въ этомъ случаѣ нынѣшняя большая сумма равняется прежней гораздо меньшей. Вотъ, гдѣ разъясненіе нынѣшнихъ наладъ на откупа. И конечно откупа выдержать эти цѣны. Но уничтожьте теперь бумажныя деньги, приведите количество ихъ въ тотъ размѣръ, въ какомъ были онѣ лѣтъ 5 тому назадъ, деньги вздорожаютъ, цѣны на все предметы и работу понизятся, у народа будетъ меньше денегъ, онъ будетъ меньше пить и откупщики — банкроты. Итакъ мы повторяемъ, что нынѣшняя питейная система есть сборъ произвольнаго налога съ народа откупщиками. Этими словами выражается все зло акцизно-откупнаго коммиссіонерства, этого творенія г. Кокорева.

Изъ того, что мы сказали, видно, что г. Кокоревъ, виновникъ нынѣшней откупной системы, зналъ все необъятное зло, которое она въ себѣ заключаетъ, когда предлагалъ ее, что онъ первый осуществилъ эти злоупотребленія во время управленія своего въ Смоленской губерніи.

Одно четырехлѣтіе съ 1847 по 51 годъ показало несостоятельность системы акцизно-откупнаго коммиссіонерства. Тогда увидѣли, что эта система для народа еще хуже и тягостнѣе прежнихъ откуповъ, но по неимѣнію другой готовой системы она была оставлена еще на 4 года, съ 1851 по 55 годъ.

Дѣятельность г. Кокорева такова, что она отыскиваетъ безпрерывно новое зло, новыя угнетенія для народа, новые источники барышей для откупщиковъ. На этотъ разъ у него не было въ запасѣ другой системы питейныхъ сборовъ, да онъ впрочемъ и не нуждался въ томъ; у него въ головѣ были уже средства извлечь и изъ этой системы новые барыши отъ такого зла, которое еще не было осуществлено въ первое четырехлѣтіе. И кто бы могъ подумать, что еще не все откупныя злоупотребленія изчерпаны? Можно было только

думать, что зло уже не можетъ идти дальше, что крайній предѣлъ, къ которому оно пришло — система г. Кокорева; но оказалось, что еще много зла неиспытаннаго лежитъ въ откупахъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Кокореву.

Онъ въ то время считался чѣмъ-то въ родѣ фанансоваго генія или оракула; мнѣнія его выслушивались съ благоговѣніемъ, предложенія принимались съ готовностью. Его вліянію приписывается отдача откуповъ съ 1851 по 55 годъ по многимъ губерніямъ, не раздѣльно по уѣздамъ, какъ было прежде, а совокупно по цѣлой губерніи одному лицу или нѣсколькимъ, составившимъ компанію. Такое развитіе круга дѣйствій и власти откупщиковъ принесло самыя гибельныя плоды. Отсутствіе соперниковъ на торгахъ на такія большія операціи имѣло конечно послѣдствіемъ стачку богатыхъ откупщиковъ между собою и низкую цѣну за откупа, потомъ необходимость смотрѣть сквозь пальцы на все злоупотребленія откупщиковъ и угнетеніе народа. Съ того времени въ особенности началось накопленіе несмѣтныхъ богатствъ у откупщиковъ.

Но изобрѣтательность г. Кокорева проявилась на торгахъ 1850 г. еще въ другомъ видѣ. Онъ уговорился съ нѣкоторыми откупщиками образовать компанію для взятія на откупъ губерній С.-Петербургской и Московской вполнѣ и всѣхъ уѣздовъ другихъ губерній, черезъ которые пролегаетъ Николаевская желѣзная дорога, съ тѣмъ, что изъ всѣхъ этихъ мѣстностей будетъ образованъ одинъ откупъ. О такомъ предположеніи, конечно, слѣдовало бы объявить всѣмъ откупщикамъ заранѣе, чтобы они могли составить между собою компанію, такъ какъ одному человѣку такое дѣло было не по силамъ; но объявленіе это было сдѣлано дня за два до торговъ на этотъ откупъ, а въ такой короткій срокъ ничего не могло быть сдѣлано для составленія компаній; такимъ образомъ компанія г. Кокорева, явившись вдругъ на свѣтъ Божій, сдѣлалась обладательницею такихъ золотыхъ розсыпей, которыя поспорятъ съ калифорнскими. Она взяла этотъ откупъ изъ платежа въ годъ акцизно-откупной суммы 5,471,000 руб. сер. Тотъ же г. Кокоревъ устроилъ для той же компаніи другое большое дѣло: это взятіе на откупъ акцизнаго сбора по всему Новороссійскому краю и Бессарабской области совокупно, безъ раздѣленія на губерніи, за 1,900,100 руб. сер., такъ что вся Южная Россія очутилась въ однѣхъ рукахъ. Эти два дѣла, устроенныя г. Кокоревымъ, вещи въ своемъ родѣ единственныя; онѣ у откупщиковъ слыли подъ именемъ *двухъ большихъ дѣлъ* и существовали до нынѣшнихъ торговъ въ рукахъ почти однѣхъ и тѣхъ же лицъ.

Уже конечно г. Кокоревъ не можетъ сказать, что все это было сдѣлано имъ изъ патріотизма, въ видахъ блага народнаго.

Цѣлю такихъ мѣръ, какъ мы сказали уже, было распространіе власти откупщиковъ. Изобрѣтатель этой системы и въ самомъ угнетеніи народа оказался первымъ, можетъ быть только за исключеніемъ недавно умершаго откупщика Гол — ва, котораго впрочемъ вывелъ изъ ничтожества самъ г. Кокоревъ за его таланты. Ни на одного откупщика не было столько жалобъ, какъ на г. Кокорева.

Наживши милліоны г. Кокоревъ теперь спокоенъ и безопасенъ, на совѣсти его не лежитъ преступленій; онъ говоритъ о патріотизмѣ, о благѣ народа, о вредѣ откуповъ; онъ путешествовалъ за границей, хвалитъ быть Англіи; но знаетъ ли онъ, чему подвергся бы въ Англіи совершитель дѣлъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы должны были бы рассказать коснувшись этихъ жалобъ?

Мы уже сказали, что зло акцизно-откупнаго коммиссіонерства обнаружилось еще въ первое четырехлѣтіе; въ теченіе втораго была составлена другая система питейной продажи; это система *распорядительства*, которая предполагалась ко введенію съ 1855 года и сущность которой заключалась въ томъ, что злоупотребленія откупщиковъ, существующія нынѣ, какъ незаконіе, облекались формою закона. Но военныя дѣйствія, къ счастью Россіи, помѣшали ея введенію, а нынѣ по волѣ Государя мысль о введеніи ея окончательно оставлена. Итакъ на двухлѣтіе 1855 по 57 г. была оставлена система акцизно-откупнаго коммиссіонерства. Откупа на эти два года раздавались безъ торговъ министромъ финансовъ, при посредствѣ г. Кокорева. Хотя ему, какъ дѣйствовавшему при раздачѣ откуповъ лицу, не прилично было самому участвовать въ откупахъ, но онъ не обратилъ на это вниманія (*).

Это еще ничего; но что сказать о томъ, какъ онъ требовалъ съ откупщиковъ на *расходы*, угрожая, что въ противномъ случаѣ за ними не будутъ утверждены откупа? Мы полагаемъ, что эти суммы на расходы просто должно назвать взятою, тѣмъ болѣе, что откупа на 1855 и 56 годы пошли въ суммѣ меньшей противъ прежняго четырехлѣтія на 3,806,000 руб.

Наддача 1 милліона на столичные откупа была представлена поступкомъ патріотическимъ, хотя мы не видимъ тутъ патріотизма, потому что доходы этого откупа въ предыдущее четырехлѣтіе были необычайны; тѣмъ менѣе мы назовемъ этотъ поступокъ патріотическимъ, что по акцизнымъ откупамъ Новороссійскаго края той же компаніи была сдѣлана уступка въ годъ на 457,000 руб., да по

(*) Впрочемъ, чтобы выказать свой патріотизмъ, сдѣлалъ по откупу Николаевской желѣзной дороги наддачу въ годъ на 1,000,000 руб. сер.

другимъ откупамъ той же компаніи уступлено до 100,000 руб. Оба эти откупа по случаю военнаго времени и скопленія въ нихъ огромныхъ армій получили громадныя барыши, которые г. Кокоревъ хорошо предвидѣлъ. По однимъ столичнымъ откупамъ, какъ говорятъ, чистый барышъ простирался до 8,000,000 р. въ годъ. О барышахъ этихъ можно судить потому, что на нынѣшнихъ торгахъ за откупа Николаевской желѣзной дороги, розданные по уѣздамъ, дали до 15,000,000, а за акцизные откупа Новороссійскаго края 4,022,000 рублей.

Въ это же время по привилегированнымъ губерніямъ чарочные откупа были отданы акцизнымъ откупщикамъ, потому будто бы, что было затруднительно входить въ соглашеніе съ мелкими чарочными откупщиками, хотя такое соединеніе чарочныхъ и акцизныхъ откуповъ въ однихъ рукахъ было противно коренному закону объ откупахъ. Эту затруднительность сношенія съ мелкими откупщиками нашель опять таки г. Кокоревъ, какъ главный въ этомъ дѣлѣ участникъ.

Такъ прошло еще двухлѣтіе. Кончилась война. Россія увидала раны, которыми поражено ея тѣло. Начинается стремленіе къ самосознанію, проявляется общественное мнѣніе, хотя безъ привычки слабо; всякое живое, трезвое слово принимается съ участіемъ, литература поднимаетъ многіе вопросы, всѣ ждуть чего-то новаго, лучшаго; объявляются торги на откупа на двухлѣтіе съ 1857 по 59 г.; на нихъ является г. Кокоревъ, беретъ откупа, но вдругъ послѣ торговъ отказывается *навсегда* отъ дальнѣйшаго участія въ откупныхъ операціяхъ, съ раскаяніемъ говоритъ о своемъ прежнемъ участіи, гремитъ проклятіемъ откупамъ, объявляетъ себя другомъ народа, патріотомъ; слава Кобдена и Брайта не даетъ ему покоя, онъ литераторъ, онъ ораторъ, онъ воображаетъ себя уже на пьедесталѣ, любимцемъ народа!...

Но что же это значить? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ отказался отъ откуповъ, всенародно признавъ ихъ подлымъ дѣломъ? Дѣйствительно ли онъ у всѣхъ въ виду на почетномъ пьедесталѣ? Нѣтъ, г. Кокоревъ просто взгромоздился на подмости и оттуда показываетъ разные фокусы почтениѣйшей публикѣ; но фокусы профессоровъ магіи всѣмъ извѣстны, никто не думаетъ ими обманываться, и потому г. Кокоревъ выдумываетъ новыя фокусы, какихъ еще не показывали его предшественники. Да, теперь уже нельзя, продавая публикѣ недоброкачественное вино, увѣрить ее, что она пьетъ спеціальныя водки *лучшаго вкуса и качества*.

Правда ли, что г. Кокоревъ не участвовалъ въ откупахъ съ 1857 по 59 годъ?

Конечно, всякій можетъ судить по своему, можетъ утверждать, что г. Кокоревъ дѣйствительно не содержалъ откуповъ въ этотъ періодъ, потому что имени его нигдѣ въ контрактахъ не было; но вѣдь остались же за нимъ откупа на торгахъ 1856 года, и откупа значительные? — Видите ли, онъ свои пай по откупамъ продалъ своимъ компаньонамъ или другимъ лицамъ, взявъ съ нихъ впередъ, по особой расцѣнкѣ, весь предполагавшійся на его пай въ два года доходъ. Мы не думаемъ, чтобы это значило не участвовать въ откупахъ. Мы даже положительно утверждаемъ, что это значитъ — участвовать въ откупахъ.

Но послѣ тѣхъ громовъ и молній, которые онъ съ своихъ подмостковъ бросалъ въ откупа и когда далъ своему капиталу промышленное и торговое направленіе, учреждая разныя компаніи и выговаривая себѣ изрядную долю учредительскихъ процентовъ, кто бы могъ подумать, что г. Кокоревъ явится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ на торгахъ 1858 года?

Итакъ на обѣщаніе г. Кокорева оставить откупа должно смотрѣть только какъ на особую уловку, посредствомъ которой онъ надѣялся войти въ довѣріе публики и подготовить себѣ обширное поле для дальнѣйшей дѣятельности. — Прошедшая дѣятельность г. Кокорева показываетъ намъ, надобно ли вѣрить его слову; можетъ быть онъ намъ возразитъ, что о настоящемъ нельзя еще судить по прошедшему, что въ жизни человѣка бываютъ такія обстоятельства, которыя измѣняютъ его совершенно. Посмотримъ, дѣйствительно ли онъ измѣнился.

Г. Кокоревъ такъ оправдывается въ своемъ участіи въ откупахъ. Онъ говоритъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ представилъ министру финансовъ записку объ отмѣнѣ откуповъ, что записка эта не пошла въ ходъ, потому что до открытія торговъ осталось мало времени и устроить новую систему было некогда. Поэтому онъ сталъ искать для осуществленія своей мысли практическую *тропинку*. Онъ предложилъ взять съ торговъ въ двухъ разнородныхъ губерніяхъ акцизный сборъ съ вина и согласить пріятеля своего Мамонтова взять въ тѣхъ же губерніяхъ всѣ чарочные откупа, а послѣ просить министра финансовъ исходатайствовать у Государа Императора разрѣшеніе уничтожить чарочные откупа съ обязанностію платить за нихъ данную на торгахъ сумму; для возмѣщенія же этого расхода установить акцизъ вмѣсто 75 коп. по 1 р. 15 к. съ ведра; ему казалось, что разрѣшеніе произвести этотъ опытъ не встрѣтитъ препятствія, такъ какъ казна ничего не теряетъ; но для того, чтобы имѣть успѣхъ въ своемъ предпріятіи, онъ долженъ былъ участвовать въ торгахъ.

Итакъ г. Кокоревъ, по его объясненію, явился на торги для того, чтобы проложить путь къ принятію его новаго проэкта по питейной части. Но котораго же проэкта? Того ли, о которомъ онъ подавалъ въ мартѣ мѣсяцѣ записку министру финансовъ, или того, который осуществился? Изъ словъ его, что предложенная имъ мѣра по Подольской и Витебской губерніямъ заключается въ себѣ начало всемижелаемаго разрушенія откупной монополіи, можно заключить, что эта система—переходная и что г. Кокоревъ еще смотритъ въ будущее, а потому главнѣйшая его мысль заключается въ той системѣ, которую онъ предлагалъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Объ этой системѣ мы скажемъ послѣ, а теперь посмотримъ, что г. Кокоревъ дѣлалъ на нынѣшнихъ торгахъ.

Онъ увѣряетъ, что для предположеннаго имъ опыта имѣлъ въ виду взять именно Подольскую и Витебскую губерніи. Положительно мы не можемъ знать, что было въ умѣ Кокорева, когда онъ явился на торги; чужая душа—потемки. Но всякому позволительно судить о какомъ бы то ни было предметѣ по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣются у него въ виду, и выводить заключеніе *въроятнѣйшее*. Вотъ это—то вѣроятнѣйшее заключеніе мы и намѣрены вывести.

Торги начинаются съ Сибири. На восточную Сибирь г. Кокоревъ дѣлаетъ страшныя надачи. Исторія этихъ торговъ всеѣмъ извѣстна. Съ однимъ изъ главныхъ откупщиковъ сдѣлалось дурно, его почти вынесли изъ присутствія и давали ему для освѣженія холодную воду; на это время пріостановили торги; г. Кокоревъ оставилъ таки восточную Сибирь за собою съ надачею противъ прежней цѣны до 2 милліоновъ рублей въ годъ.

Представляется вопросъ, что побуждало г. Кокорева участвовать въ торгахъ на такія мѣстности, которыя онъ никогда не думалъ дѣйствительно брать? Желаніе ли выказаться, заслужить расположеніе и тѣмъ пробить себѣ тропинку къ осуществленію своихъ дальнѣйшихъ плановъ или просто увлеченіе откупщика, который не можетъ удержаться въ предвидѣніи барышей? Намъ кажется, что послѣднее вѣрнѣе. Въ этомъ увѣряютъ насъ слова самаго Кокорева, который говоритъ: «ясно, что отдаются на откупъ уклоненія отъ правилъ. Кто по свойству своей натуры дерзновеннѣе, смѣлѣе, тотъ рассчитываетъ на эти уклоненія шире, размахистѣе и даетъ дороже, а робкій отстаегъ отъ торга ранѣе»; потомъ когда уже возмуть откупа начинаютъ придумывать разныя «штучки».

Онъ говоритъ, что много за нимъ осталось откуповъ, но всеѣ откупа, гдѣ существуетъ монополія продажи, имъ переданы, кромѣ Царицына съ уѣздомъ. За переданные откупа онъ, конечно, полу-

чиль отступное; но чтобы Царицынъ былъ имъ оставленъ за собою только для того, чтобы при постройкѣ Волжско-донской желѣзной дороги рабочіе могли получать хорошую чарку водки за законную цѣну, тому мы не повѣримъ; это можно рассказывать только дѣтямъ, если имъ интересны такія сказки.

Да и почему же хорошую чарку водки, а не чарку хорошей водки? Это не все равно. Можетъ быть г. Кокоревъ сказалъ не то, что думалъ; мы даже оставимъ эти пустяки, хотя и предоставляемъ ему сказать, когда будетъ нужно, что онъ вовсе не обѣщалъ хорошей водки за законную цѣну.

Намъ кажется, что оставить царицынскій откупъ за собою г. Кокоревъ могъ скорѣе по слѣдующимъ соображеніямъ: онъ задумалъ устроить между Волгою и Дономъ желѣзную дорогу, которая будетъ пролегать по Царицынскому уѣзду; при работахъ будетъ много рабочаго народа, слѣдовательно взять откупъ выгодно, прочимъ откупщикамъ можетъ быть неизвѣстно съ достовѣрностію, а можетъ быть и вовсе неизвѣстно, пойдетъ ли по Царицынскому уѣзду дорога, и отчаяннаго соперничества на торгахъ быть не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ царицынскій откупъ пошелъ за 140 тысячъ рублей съ надачею 93 тысячъ, или почти втрое дороже прежней цѣны, тогда какъ другіе города той же Саратовской губерніи, въ которыхъ не имѣется въ виду такихъ предпріятій, какъ проведеніе желѣзной дороги, пошли гораздо дороже; такъ Аткарексъ съ 42,200 р. въ 202,000 р., т. е. почти въ 5 разъ дороже, Камышинъ съ 40.000 р. въ 161,400 р., т. е. слишкомъ въ 4 раза, Балашовъ съ 11,100 р. въ 144,000 р. или въ 13 разъ дороже. Изъ этого сравненія мы можемъ видѣть, что царицынскій откупъ пошелъ еще очень дешево. Итакъ взятіе этого откупа г. Кокоревымъ было просто дѣло расчета, а вовсе не благодѣянія для народа.

Впрочемъ, если г. Кокоревъ и останется при мысли продавать вино по законной цѣнѣ, то мы увѣрены, что онъ въ убыткахъ не будетъ, это онъ лучше нашего самъ знаетъ и вѣроятно имѣлъ въ виду прежде. Выгоду эту онъ получитъ отъ того, что кромѣ усиленія продажи на мѣстѣ онъ зальетъ сосѣдніе откупа; о томъ, чтобы отъ правительства скрыть дѣйствительный расходъ вина—заботиться теперь уже нечего; всякій долженъ знать, что будетъ же конецъ и откупамъ. Если этому послѣдуютъ и нѣкоторые другіе откупа, то и они будутъ въ такомъ же выигрышѣ.

Теперь рассмотримъ дѣйствія г. Кокорева относительно Витебской и Подольской губерній.

Переторжка на Витебскую губернію производилась 14-го іюля. На акцизный откупъ этой губерніи явились два соперника: содержатель этого откупа Г. и г. Кокоревъ. Откупъ остался за г. Кокоревымъ за 600 тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ онъ до этого шелъ только за 300,000. Отмщенія и возмездія—явленія весьма обыкновенныя при торгахъ на откупа и совершенно согласны съ природою человѣческою: когда у откупщика перебиваютъ выгодный откупъ, является желаніе подорвать соперника, возвышая сумму до чрезмѣрности,—тутъ уже не сопернователи, а враги. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Откупщикъ Г. довелъ г. Кокорева до 600,000. Итакъ акцизная сумма по Витебской губерніи увеличилась ровно вдвое, тогда какъ весь собранный акцизъ въ 1857 году составлялъ только 545,000 рублей, слѣдовательно его недоставало на оплату откупной суммы, не говоря уже о содержаніи откупа. Конечно г. Кокоревъ замѣтилъ свою запальчивость, но уже поздно. Первымъ его дѣломъ было побудить г. Мамонтова взять всѣ чарочные откупа этой губерніи; это дѣйствіе было единственнымъ средствомъ къ спасенію. Когда всѣ чарочные откупа будутъ забраны тайнымъ компаньономъ акцизнаго откупщика, то останется только чарочному откупщику взять въ аренду питейную продажу въ казенныхъ имѣніяхъ и арендовать главнѣйшіе помѣщичьи шинки, чтобы, слѣлавшись монополистомъ всей губерніи, учредить нѣчто похожее на великороссійскіе откупа и тѣмъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Тогда всѣ такъ и полагали, что эту самую мысль имѣетъ г. Кокоревъ; и мы тоже думаемъ. Но такое явное соглашеніе г. Кокорева съ г. Мамонтовымъ и было причиною не совсѣмъ удачнаго исполненія ихъ плана: съ г. Мамонтовымъ случилось тоже, что съ г. Кокоревымъ. Какъ скоро замѣтили, что г. Мамонтовъ хочетъ забрать всѣ чарочные откупа во чтобы то ни стало, прежніе ихъ содержатели стали набивать цѣну и такимъ образомъ сумма всѣхъ этихъ откуповъ съ 167,100 руб. дошла до 265,400 р., хотя вообще города Витебской губерніи ничтожны и бѣдны. Изъ сосѣднихъ губерній ни одна не представляетъ такой значительной наддачи на чарочные откупа,

Если не одна только необходимость побудила г. Кокорева къ уничтоженію чарочныхъ откуповъ, а онъ имѣлъ эту мысль заранѣе, какъ цѣль, а не какъ средство, то какъ согласить это съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкто Ф. въ тотъ же день послѣ окончанія торговъ сказалъ г. Кокореву или г. Мамонтову, что хорошо бы было вовсе уничтожить чарочные откупа? Такимъ образомъ дѣло представляется въ другомъ видѣ. Оказывается, что первую мысль уничтоженія чарочныхъ откуповъ подалъ Ф. и уже послѣ торговъ на Витебскую губернію; это обстоятельство сильно колеблетъ показанія г. Кокорева,

что онъ это намѣреніе имѣлъ еще до начала торговъ. Что касается до Подольской губерніи, то, какъ торги на нее были чрезъ два дня послѣ Витебской, мы не отвергаемъ, что г. Кокоревъ, торгуясь на нее, имѣлъ уже свои новыя предположенія, но все таки онъ не могъ знать, будутъ ли приняты его предположенія. Или ему было это заранее обѣщано? Въ такомъ случаѣ для чего онъ этого не говоритъ?

При торгахъ на Подольскую губернію мы видимъ г. Кокорева уже болѣе осмотнительнымъ. Онъ, чтобы не встрѣтить въ содержатель акцизнаго сбора этой губерніи откупщикъ Г., томъ же самымъ, который былъ такъ неуступчивъ по Витебской губерніи, дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: требуетъ отъ Г., чтобы тотъ принялъ его участникомъ по откупу въ 50 паяхъ; хотя Г. и отказывался сначала отъ его товарищества, но какъ г. Кокоревъ угрожалъ поднять цѣну на этотъ откупъ до невозможности, то Г. согласился. При этомъ г. Кокоревъ выговорилъ, чтобы откупъ на переторжкѣ остался за нимъ, т. е. былъ записанъ на его имя. Такъ и было: акцизный откупъ Подольской губерніи остался за г. Кокоревымъ за 1,732,000 руб.

Здѣсь мы слѣдаемъ отступленіе. Мы не понимаемъ возможности къ хорошимъ цѣлямъ идти кривыми путями. Если г. Кокоревъ имѣлъ добрыя намѣренія, то для чего онъ участвовалъ въ такъ называемой *стодвадцатиустой компаніи*? Конечно онъ хорошо зналъ, что существованіе и цѣль этой компаніи незаконны. Мы не принимаемъ ссылки, что и въ прежніе годы были домашніе торги; г. Кокоревъ вѣдь не претендуетъ на то, что онъ при прежнихъ торгахъ дѣйствовалъ хорошо. У откупщиковъ искони вѣковъ были домашніе торги, но устроить компанію, въ которой 120 человѣкъ членовъ, суждено было только при нынѣшнихъ торгахъ.

Для тѣхъ, кто не знаетъ этого, мы должны объяснить, что цѣль этой компаніи и вообще домашнихъ торговъ не та, чтобы, посредствомъ стачки, остановить сколько возможно возвышеніе цѣнъ на откупа; но чтобы та сумма, которая по соображенію откупщиковъ недодадена казнѣ, шла въ пользу членовъ компаніи. Эти собранія производились въ нынѣшнемъ году у разныхъ главнѣйшихъ откупщиковъ, но, кажется, всего чаще на Крестовскомъ острову на дачѣ г. Я. На этихъ домашнихъ торгахъ въ нынѣшнемъ году собрано денегъ, которыя пошли въ раздѣлъ между членами компаніи, какъ говорятъ, болѣе 3,000,000.

Послѣ того, какъ акцизный откупъ Подольской губерніи на торгахъ въ сенатѣ остался за г. Кокоревымъ, были произведены домашніе торги на этотъ откупъ. Откупщики нашли, что за этотъ откупъ можно къ той цѣнѣ, которая состоялась въ сенатѣ, прибавить еще по 50,000 на годъ, а на 4 года 200,000 рублей. По правиламъ

компаніи прежній откупщикъ, если согласенъ на надбавку, имѣеть преимущественное предъ другими право удержать откупъ за собою и въ такомъ случаѣ половину всей наддачи долженъ отдать въ пользу компаніи; если же прежній откупщикъ за эту цѣну оставить за собою откупъ не согласится, то имѣеть право получить съ того, кто возьметъ этотъ откупъ, половину наддачи, а другая половина идетъ въ раздѣлъ компаніи. Отъ прибавки на Подольскій откупъ 200,000 прежній откупщикъ Г. отказался; г. Кокоревъ согласился; поэтому за нимъ оставленъ былъ откупъ, и затѣмъ Г. имѣлъ право на получение отъ г. Кокорева 100,000 рублей.

Мы объявляемъ, что всѣ эти сдѣлки совершенно незаконны; но что скажемъ про г. Кокорева, который, когда была утверждена по Подольской губерніи новая имъ предложенная акцизная система, отказался отъ уплаты откупщику Г. означенныхъ 100,000, основываясь на томъ, что этотъ платежъ былъ бы для него обязателенъ только при прежней системѣ, а не при новой? Однакоже когда откупщикъ Г. принялъ мѣры къ подрыву г. Кокорева тѣмъ, что къ началу откупнаго періода по двумъ уѣздамъ не будетъ ни ведра вина, то г. Кокоревъ смирился, пошелъ на сдѣлку и заплатилъ Г. 40,000 рубл. Какъ ни судить о всѣхъ вообще дѣйствіяхъ откупщиковъ, но этотъ поступокъ г. Кокорева съ своимъ компаньономъ—верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Такимъ манеромъ г. Кокоревъ успѣлъ приобрѣсти Подольскій акцизный откупъ сравнительно съ другими дешевѣе.

Г. Кокоревъ говоритъ, что выборъ Подольской и Витебской губерній имъ былъ сдѣланъ не случайно. Первая приобрѣтаетъ деньги отъ сбыта произведеній къ одесскому порту, а изъ второй, по всегдашнему въ ней неурожаю хлѣба, жители выходятъ на заработки въ другія губерніи. Такимъ образомъ всѣ выводы по одной примѣнимы (при введеніи акциза съ вина во всей Россіи) къ хлѣбороднымъ великороссійскимъ губерніямъ, а по другой къ сѣвернымъ промышленнымъ губерніямъ.

Что касается до насъ, мы не понимаемъ, какое можно сдѣлать заключеніе по Подольской губерніи о Тамбовской или Пензенской, изъ которыхъ вовсе нѣтъ сбыта хлѣба и главнѣйшее произведеніе которыхъ вино или спиртъ; а Витебская уже никакъ не можетъ идти въ сравненіи съ нашими сѣверными губерніями. Витебская губернія вовсе не промысловая, занятіе ея жителей земледѣльство, бѣлорусскіе земледѣльцы распространены почти по всей Россіи; такимъ образомъ эта губернія высылаетъ свое населеніе въ другія, а сама не можетъ давать ему средствъ къ пропитанію; жители ея бѣдны до крайности; многіе живутъ не въ избахъ, но въ землянкахъ или,

лучше сказать, въ норахъ, не дѣять чистаго, хорошаго хлѣба, а всегда съ какою нибудь примѣсью, даже съ древесною корою. Какъ же можно сравнивать съ этою губерніею наши сѣверныя губерніи, куда стекается огромное населеніе изъ другихъ губерній для разныхъ работъ, промысловъ, на фабрики, заводы, по дѣламъ торговымъ? А извѣстно, гдѣ народъ работаетъ, тамъ и пьетъ; чуть ли не половина заработной платы идетъ къ откушникамъ. Мы не видимъ никакой возможности сравнивать промысловыхъ, торговыхъ, фабричныхъ губерній съ губерніею, въ которой ровно ничего нѣтъ, кромѣ бѣдности. Итакъ очевидно, что увѣрять публику, будто выборъ губерній Подольской и Витебской имѣлъ тотъ смыслъ, о какомъ говоритъ г. Кокоревъ, есть чистая натяжка.

Мы не знаемъ, сколько г. Кокореву причлось изъ суммъ компаніи, но эти деньги всѣ пошли откушнику Б., въ придачу къ восточной Сибири, которую онъ принялъ отъ г. Кокорева, и кромѣ того пошли въ эту же придачу и пай его по петербургскому откупу. Итакъ г. Кокоревъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ по восточной Сибири вышелъ благополучно, не поплатившись собственными деньгами.

Но ему предстояло выйти изъ затруднительнаго обстоятельства по Витебской губерніи; тамъ, какъ мы уже показали выше, убытокъ былъ очевиденъ. Мы также сказали, что Ф. подаль мысль уничтоженія чарочныхъ откуповъ. Мысль эта, какъ извѣстно, осуществилась; но съ какой бы стороны намъ ее г. Кокоревъ ни показывалъ, она тѣмъ не менѣе будетъ все таки только оборотомъ, придуманнымъ послѣ торговъ. Намъ предстоитъ показать, что она предпринята вовсе не для блага народа, какъ говоритъ г. Кокоревъ.

Онъ, представляя расчетъ, увѣряетъ, что обѣ губерніи, Витебская и Подольская, обѣщаютъ при новой системѣ убытка около 200 тысячъ рублей въ годъ, и если онъ даже получить выгоды, то спрашиваетъ, зачѣмъ же нужно, чтобы онъ понесъ убытокъ отъ этого нововведенія?

Конечно мы не желаемъ, чтобы какое либо благое нововведеніе принесло убытокъ, но мы также думаемъ, что народъ не обязанъ вознаграждать убытки откушниковъ, погорячившихся на торгахъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое барышъ и что такое убытокъ? И не будутъ ли убытки, которые выводитъ г. Кокоревъ, по ихъ ближайшемъ разсмотрѣніи, барышами? У него была одна забота—выйти изъ убытковъ. Если предпріятіе непременно должно доставить убытку миллионъ, а ловкимъ маневромъ предприниматель доводитъ убытокъ этотъ до 100,000, то 900,000, которыя у него остались въ карманѣ, должны считаться барышомъ.

Приведемъ цифры. Составимъ расчетъ для губерній, находящихся въ содержаніи г. Кокорева: Витебской, Подольской и Бессарабской, о предполагаемыхъ доходахъ съ акцизныхъ откуповъ этихъ губерній по прежней системѣ, причемъ примемъ въ основаніе тѣ цифры, которыя приняты самимъ г. Кокоревымъ; но цифры о количествѣ оплаченнаго акцизомъ вина исправимъ, согласно свѣдѣніямъ, обнародованнымъ правительствующимъ сенатомъ предъ торгами. Кстати сдѣлаемъ замѣчаніе на расчетъ г. Кокорева относительно расходовъ на управленіе откупами. Числа эти преувеличены. По одной изъ губерній, поименованныхъ въ таблицѣ г. Кокорева, расходы эти нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ намъ извѣстно, дѣйствительно были въ полтора раза менѣе показаннаго; изъ этого мы заключаемъ, что и по прочимъ губерніямъ показанія его сдѣланы преувеличенно въ томъ же размѣрѣ. Вотъ нашъ расчетъ:

Губерніи.	Количество вина и спирта, оплаченное акцизомъ въ 1857 году.	Акциза получено по 75 коп. съ ведра вина и по 1 р. 20 коп. съ ведра спирта.	Акцизнооткупная сумма съ 1859 по 63 г.	Проценты на залоги и расходы на управленіе.	Ежегоднаго убытка.
Подольская:					
вина	2,149,029	{	1,660,440	1,732,000	206,000,
спирта	40,557				
Витебская:					
вина	689,341	{	545,539	600,000	164,000
спирта	23,778				
Бессарабская:					
вина	558,868	{	846,871	907,000	131,000
спирта	356,434				
					687,150

Итакъ мы видимъ, что эти три губерніи по прежней акцизной системѣ обѣщали г. Кокореву 687,000 ежегоднаго убытка, разумѣется, при вѣрномъ исполненіи его обязанностей.

Что касается чарочныхъ откуповъ Подольской и Витебской губерній, взятыхъ г. Мамонтовымъ, то объ нихъ трудно сдѣлать расчетъ; но принявъ во вниманіе, что цѣны за нихъ были вынужденныя и что изъ числа девяти губерній, въ которыхъ введена новая система, только по тремъ, именно: Подольской, Витебской и Вольнской, суммы за чарочные откупа увеличены значительно болѣе, чѣмъ на половину, нельзя полагать, чтобъ они были выгодны.

Если бы г. Кокоревъ послѣдовалъ плану арендованія казенныхъ и владѣльческихъ шинковъ, чтобы, сдѣлавшись монополистомъ, увеличить цѣну вина, то можетъ быть онъ какъ нибудь свелъ бы концы съ концами; но какъ ему представился планъ болѣе благовидный,

то конечно онъ послѣдовалъ этому новому плану, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ему никакой помѣхи заарендовать на чужое имя важнѣйшіе шинки, если это будетъ нужно, и такимъ образомъ 'увеличить свои доходы вмѣсто одного двумя путями.

Теперь посмотримъ, какія выгоды приносить ему новая система. Главное ея основаніе заключается въ томъ, что, взамѣнъ уничтоженія чарочныхъ откуповъ, откупщикъ получаетъ право за выкуриваемое вино брать акцизъ вмѣсто 75 коп. 1 руб. 15 коп. съ ведра, а со спирта вмѣсто 1 руб. 20 коп. 1 руб. 90 коп., но при этомъ крѣпость вина понижена на 5 градусовъ по спиртомѣру Гесса; объ этомъ пунктѣ Кокоревъ нашелъ полезнымъ умолчать. Онъ можетъ утверждать, что это все равно, что 5 градусовъ вещь не важная; но мы замѣтимъ, что если разсуждать такъ, то и 6 градусовъ вещь не важная и 7, и 8 и т. д. и наконецъ придемъ къ тому, что если бы положено было брать акцизъ съ чистой воды, то это было бы все равно, что брать съ вина.

Такъ какъ 1,000 ведеръ вина въ 25 градусовъ составляютъ 1,043 ведра вина въ 20 градусовъ, то

$$1,043: 1000 = x: 115.$$

откуда

$$x = 120.$$

т. е. акцизъ въ 1 руб. 15 коп. на новую норму крѣпости вина соответствуетъ акцизу въ 1 руб. 20 коп. на прежнюю норму крѣпости. Эта цифра должна быть принята въ основаніе при расчетахъ откупнаго дохода по новой системѣ.

Такимъ образомъ надбавка акциза доставитъ г. Кокореву:

по Подольской губерніи . . .	994,962 руб.
« Витебской « . . .	326,873 «
« Бессарабской области . . .	506,765 «

тогда какъ чарочные откупа стоятъ:

по Подольской губерніи . . .	573,375 «
« Витебской « . . .	265,400 «
« Бессарабской области . . .	450,600 «

Слѣдовательно онъ получаетъ противъ того, что самъ уступаетъ, по всѣмъ тремъ губерніямъ, болѣе на 539,000 руб. ежегодно, кромѣ вновь установленныхъ въ пользу его патентовъ съ питейныхъ заведеній; что дастъ ему, по его соображенію 40,000 въ годъ; кромѣ того, онъ получитъ еще акцизъ съ водокъ виноградныхъ, фруктовыхъ, изъ сахарныхъ и свекло-сахарныхъ остатковъ, которыя до сихъ поръ были отъ платежа акциза свободны, а такихъ водокъ по Подольской губерніи и Бессарабской области выдѣлывается очень большое количество (по первой свекло-сахарныхъ, а по второй виноградныхъ), и наконецъ въ пользу его остаются расходы на содержаніе чарочныхъ откуповъ, — суммы весьма значительныя, потому что содер-

жаніе чарочныхъ откуповъ обходится гораздо дороже содержанія акцизныхъ.

Никакъ нельзя сказать, чтобы народъ благодарилъ г. Кокорева за то, что онъ будетъ съ него собирать по 580,000 руб. въ годъ болѣе. Казна дѣйствительно отъ этого, какъ будто, ничего не потеряла, потерялъ только народъ. Но, вникнувъ въ дѣло глубже, мы едва ли не придемъ къ тому, что и казна понесетъ отъ этого убытки.

Съ народа, кромѣ питейнаго сбора, взимается много другихъ сборовъ; извѣстно, что въ подушной и другихъ податяхъ числятся на народѣ въ настоящее время огромныя недоимки, несмотря на то, что значительное ихъ количество сложено по двумъ манифестамъ. Намъ кажется, что увеличеніе откупной суммы, или увеличеніе акциза съ вина влечетъ за собою неудовлетворительное поступленіе прочихъ податей, и въ этомъ отношеніи между всеми разнообразными податями необходимо должна быть внутренняя связь. Хотя предметъ этотъ никѣмъ еще не былъ изслѣдованъ, но онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться: можетъ быть при этомъ встрѣтится только одно препятствіе — недостатокъ обнародованныхъ данныхъ.

Сущность новой системы г. Кокорева, независимо отъ представленныхъ уже вычисленій, обнаруживается еще и тѣмъ, что вмѣсто двухъ губерній, Витебской и Подольской, она распространена еще на семь; стало быть и другіе откупщики, которые никогда не мечтали быть благодѣтелями народа, нашли ее для себя выгоднѣе прежней.

Еще было бы хорошо, когда бы въ эти откупа не проникли злоупотребленія, которыя теперь существуютъ въ акцизныхъ откупахъ; а кто въ томъ поручится? Правда, по правиламъ за торговлю виномъ акцизнаго откупщика чрезъ подставныхъ лицъ постановленъ штрафъ равный *годовой откупной суммѣ*, но уже самая громадность этого штрафа показываетъ, что его взыскать трудно. Напримѣръ, теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что г. Кокоревъ по Бессарабской области арендуетъ главнѣйшіе помѣщичьи шинки чрезъ подставныхъ лицъ съ цѣлю произвести монополію. Чтѣ же можно сдѣлать противъ этого? Какъ доказать, что это подставныя лица? — Вотъ другой примѣръ: казенныя корчмы по тѣмъ губерніямъ, гдѣ вводится новая система, отданы были съ торговъ при условіи платежа акциза 75 коп. съ ведра; по введеніи новой системы предположено контрагентамъ платить акцизъ по 1 руб. 15 коп.; кромѣ одной губерніи, вездѣ корчемные съемщики отказались. Само собою разумѣется, этого надобно было и ожидать, потому что отъ увеличенія акциза доходъ съемщика питейной продажи уменьшается. Тогда акцизные откупщики обязались представить контрагентовъ, которые согласятся уплачивать въ казну предложенную прежде сумму, а акцизному откупщику

—акцизъ 1 руб. 15 коп. Теперь найдется ли въ Россіи хоть одинъ человѣкъ, который бы подумалъ, что этотъ контрагентъ не подставное лицо акцизнаго откупщика? А можно ли доказать это? Всегда будетъ недостатокъ доказательствъ, потому что если нѣтъ двухъ или трехъ показаній подъ присягою, такъ и доказательствъ нѣтъ. Откупщикъ всегда найдетъ не только въ пользу свою свидѣтелей, но и какія угодно присяжные показанія.

И такъ новая акцизная система нисколько не устраняетъ злоупотребленій, существующихъ нынѣ. Если г. Кокоревъ уже арендуетъ помѣщичьи шинки, то мы ожидаемъ введенія и прочихъ злоупотребленій,—какъ-то: арендованія винокуренныхъ заводовъ на чужое имя и производства выкурки вина въ подрывъ помѣщикамъ, покупку въ другихъ губерніяхъ большихъ запасовъ вина для той же цѣли, противозаконное увеличеніе акциза подъ разными видами, притѣсненіе при выдачѣ ярлыковъ покупщикамъ вина, покупающимъ его у заводчиковъ, а не въ откупныхъ складахъ и пр. Мы не думаемъ, чтобы г. Кокоревъ отказался отъ этихъ злоупотребленій, потому что онѣ непременно будутъ существовать по Херсонскому акцизному откупу, остающемуся при прежнихъ правилахъ, а по этому откупу, какъ утверждаютъ, г. Кокоревъ состоитъ *не гласнымъ компаньономъ*.

Представленные нами вычисленія нагляднымъ образомъ показываютъ, на сколько новая система выгоднѣе прежней для г. Кокорева, а изъ всего хода дѣла очевидно, что новая система предложена имъ изъ его личныхъ выгодъ, въ отвращеніе неминуемыхъ убытковъ и къ явной невыгодѣ народа, обремененнаго излишнимъ налогомъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что онъ преимущественно падетъ на крестьянъ, для которыхъ чарка вина гораздо необходимѣе, чѣмъ для городскихъ жителей; у горожанъ самыя средства къ заработкамъ обширнѣе, и потому для нихъ пріобрѣтеніе дорогаго вина не можетъ быть такъ тяжело, какъ для крестьянъ.

Представивъ, сколько могли и какъ умѣли, прошедшую откупную дѣятельность г. Кокорева и дѣйствія его на нынѣшнихъ торгахъ, изложивъ нашъ взглядъ на новую акцизную систему, введенную въ Витебской, Подольской и другихъ губерніяхъ, намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть мысли г. Кокорева объ откупномъ дѣлѣ, изложенныя въ запискѣ, представленной имъ г. министру финансовъ.

Г. Кокоревъ увѣряетъ, что остался вѣренъ неоднократно уже высказанному имъ мнѣнію о вредности откуповъ. Конечно, въ запискѣ своей онъ положительно утверждаетъ, что отдаются на откупъ однѣ лишь уклоненія отъ правилъ. Мы вполне вѣримъ въ этомъ г. Кокореву, но потому только, что сами это знаемъ и видимъ. Въ описаніи прошедшей откупной дѣятельности г. Кокорева уже было по-

казано, что виновникъ откупныхъ злоупотребленій не кто иной, какъ самъ г. Кокоревъ. Но мы находимъ совершенно бесполезными всѣ натяжки его для доказательства вредности откуповъ. Такъ онъ говоритъ, что мѣстъ для продажи вина существуетъ не менѣе 90,000, которыя всѣ находятся на содержаніи откупщиковъ и требуютъ расхода до 27,000,000 рублей (по 300 руб. на каждое). Изъ этого онъ заключаетъ, что откупщикамъ нужно собирать съ народа денегъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько они платятъ въ казну. Громадная цифра кабаковъ заставила насъ сосчитать всѣ откупщицкіе питейныя заведенія, которыя показаны по сенатскимъ реэстрамъ, и ихъ оказалось всего только около 20,000. Для чего же Кокоревъ 20,000 превратилъ въ 90,000? Очевидно для того, чтобы преувеличенно показать на нихъ расходы откупщиковъ и, осудивъ такимъ образомъ собственно откупную систему громадною непроизводительнаго расхода, въ тоже время защитить самихъ откупщиковъ. Неужели безъ этихъ натяжекъ нельзя доказать вреда откуповъ? и зачѣмъ защищать самихъ откупщиковъ?

Какую же систему онъ придумалъ вмѣсто откуповъ? Онъ говоритъ: назначьте акцизъ съ ведра вина. Хорошо. Конечно г. Кокоревъ не скажетъ, что мысль эта принадлежитъ ему; онъ знаетъ не хуже нашего, что акцизную систему предлагалъ графъ Гурьевъ еще въ 1811 году; что тогда еще мысль эта была одобрена; что дѣйствія ея на промышленную жизнь и земледѣліе за границей, въ особенности въ Шотландіи, были названы *чудесными*; но система эта для тогдашней Россіи была признана неудобопримѣнимою. Въ 1825 году была также мысль ввести акцизную систему, но вмѣсто ея съ 1827 года, взамѣнъ казеннаго управленія, возобновлены откупа; за то хотя правила для откуповъ писалъ графъ Канкринъ, а не г. Кокоревъ, и потому хотя были злоупотребленія при ихъ дѣйствіи, но ихъ нельзя и сравнивать съ существующими нынѣ. Въ 1849 году осуществилась акцизная система въ привилегированныхъ губерніяхъ, но къ сожалѣнію она приняла форму *откупной*. И такъ для осуществленія акцизной системы не мысли недоставало, а примѣненіе ея къ дѣлу считалось неудобнымъ. Что же г. Кокоревъ предлагаетъ для примѣненія мысли объ акцизѣ къ дѣлу? Какую форму взиманія акциза онъ предлагаетъ? Г. Кокоревъ не даетъ намъ формы, а въ этомъ и состоитъ вся сущность дѣла. Онъ напечаталъ 11 пунктовъ главныхъ основаній своей акцизной системы, но изъ нихъ собственно только одинъ, именно первый, говоритъ объ акцизѣ съ вина, да и то въ слѣдующихъ словахъ: «ввести акцизъ съ винокуренныхъ заводовъ по 1½ рубля съ ведра полугара въ пользу казны, и по полтинѣ на образованіе крестьянскаго капитала, для окончанія расчетовъ между помѣщиками и крестьянами, за уступаемыя симъ по-

слѣднимъ земли въ полную ихъ собственность». Остальные 10 пунктовъ говорятъ о перевозкѣ, продажѣ вина и проч. Не понимаемъ, зачѣмъ къ чисто финансовому вопросу примѣшанъ вопросъ о благоустройствѣ крестьянъ. Что общаго между питейными сборами и освобожденіемъ крестьянъ? Если будетъ признано правительствомъ справедливымъ и необходимымъ купить для крестьянъ у помѣщиковъ землю, тогда конечно правительство найдетъ для того источники и назначить опредѣленные суммы изъ казны, а для помѣщиковъ все равно, будутъ ли имъ выданы деньги, собранные за вино, или табакъ, или за иностранные товары,—отъ этого дѣло нисколько не переменится. Мы не слыхали, чтобы на свѣтѣ существовало хотя одно государство, которое каждую подать или пошлину употребляло бы на одинъ, разъ назначенный предметъ; вездѣ всѣ собранные подати составляютъ одну кассу, которая и получаетъ свое распредѣленіе по соображеніямъ правительства. Поэтому мы не понимаемъ основанія, для чего въ питейный уставъ должно входить освобожденіе крестьянъ? Мы относимъ это къ тому только, что г. Кокоревъ политическую экономію и финансовую науку изучалъ практически на своемъ дѣлѣ и не понимаетъ различія между предметами совершенно несходными. А между тѣмъ, говоря о томъ, что вовсе не относится къ питейному сбору, не говоритъ онъ, какъ производить этотъ сборъ, а въ этомъ—то вся и трудность; десять же пунктовъ о перевозкѣ и продажѣ вина — дѣло чисто второстепенное, которое всегда можно уладить.

«Управлять дѣломъ можетъ сама жизнь, сама потребность», говоритъ онъ, или далѣе: «самое дѣло, т. е. выкурку вина, развозку и продажу его можно предоставить самой жизни, не заводя для этого никакого лица». Что это такое? не понимаемъ; ужъ не будетъ ли и акцизъ собирать сама жизнь? Послѣ этого, что же предлагалъ г. Кокоревъ? Мысль о введеніи акциза не стоило предлагать, потому что она давно уже извѣстна, способовъ примѣненія ея къ дѣлу онъ не предлагаетъ. Изъ-за чего же онъ хлопочетъ, для чего отыскиваетъ *тропинки*, для чего заботится, чтобы запискѣ его дали ходъ, когда самъ говоритъ, что всѣ предположенія и записки будетъ рассмотрѣны, зачѣмъ онъ обращается съ этой запиской къ публикѣ? Вотъ въ этихъ—то дѣйствіяхъ г. Кокорева мы видимъ затаенную цѣль.

Почему онъ не представляетъ никакой системы для сбора акциза, которая обезпечивала бы доходъ казны и не стѣсняла бы дѣятельности народа? Отъ того ли онъ не выработалъ для этого никакой системы, что дѣло это было для него труднымъ, или онъ хотѣлъ такъ сказать, обойти этотъ предметъ, чтобы, сдѣлавъ такимъ образомъ косвенный намекъ на трудность этого дѣла, подсунуть въ тоже время подъ руку, кому слѣдуетъ, свой проектъ о застрахованіи ак-

цизнаго дохода? Что вотъ-дескать правительство не трудись отыскивать средства, какъ устроить акцизный сборъ съ выгодною для казны и для народа,—это вѣдь дѣло трудное; а вотъ позволь мнѣ устроить акціонерную компанію для застрахованія государственнаго дохода. Неужели г. Кокоревъ не понимаетъ, что Россія нуждается въ настоящее время въ прочной, раціональной, правительственной мѣрѣ или учрежденіи для устройства питейнаго дохода, а не во временной торговой спекуляціи, выгодной только для людей, подобныхъ г. Кокореву; пора бы ему знать, что сборъ государственныхъ доходовъ не долженъ быть торговою операціей.

Сущность предлагаемаго имъ проэкта страховой компаніи состоитъ въ томъ, чтобы правительство застраховало въ пользу свою доходъ 80,500,000 р. въ годъ; но за это застрахованіе должно платить компаніи 10% съ рубля на покрытіе расходовъ, потребныхъ на содержаніе *управленія съ надзирателями за взносомъ акциза съ вина и на платежъ процентовъ за залоги*. Въ акцизѣ, превышающемъ эту цифру, правительство должно допустить участіе страховой компаніи; но ей не должно давать никакого права вмѣшиваться въ производство винокурения и продажу вина. Все это должно идти мимо компаніи и дѣйствія ея относятся къ одному лишь надзору за взносомъ акциза и взятіемъ патентовъ.

Разсмотрѣвъ внимательно предложенія г. Кокорева, мы видимъ въ нихъ новое замаскированное зло. Страховая компанія будетъ имѣть надзирателей за взносомъ акциза съ вина и наблюдать, чтобы питейныя заведенія имѣли патентъ; этого уже достаточно, чтобы для компаніи открыть неисчерпаемые рудники богатства. Для всякаго ясно, что такая система есть ничто иное, какъ акцизная система, существующая съ 1851 года въ привилегированныхъ губерніяхъ, съ тою только разницею, что компанія будетъ обнимать всю Россію и представитъ собою какую-то новую государственную власть, тогда какъ и теперь акцизный откупщикъ, завѣдывающій только одной губерніей, является деспотомъ непобѣдимымъ. Вѣдь и теперь акцизные откупщики не имѣютъ права торговать виномъ, а вся дѣятельность ихъ ограничивается только сборомъ акциза съ выпускаемаго съ заводовъ вина и выдачею на него ярлыковъ, т. е. они дѣлаютъ тоже самое, что будетъ дѣлать страховая компанія, и отъ перемѣны названія не перемѣнится самое дѣло. А г. Кокореву конечно извѣстно, что значать акцизные откупщики и сколько зла сдѣлали они цѣлому краю своими злоупотребленіями. Если г. Кокоревъ прокладываетъ *тропинки* только для того, чтобы вмѣсто откуповъ напустить на Россію новую саранчу, подъ видомъ страховой компаніи, то да избавитъ Господь Богъ насъ отъ этого гнѣва небеснаго!

Да и какая выгода для казны отъ учрежденія этой компаніи?

Казна должна платить ежегодно по $8\frac{1}{2}$ миллионѣвъ, а какое будетъ матеріальное обезпеченіе ея за это съ ея стороны пожертвованіе, г. Кокоревъ не говоритъ; вѣроятно третья часть, какъ обыкновенно принято; а сколько будетъ утаено акцизу у казны страховою компаніею и ея надзирателями? Неужели г. Кокоревъ, какъ учредитель компаніи, и другіе ея директоры, разумѣется, изъ нынѣшнихъ откупщиковъ, будутъ дѣйствовать не въ томъ духѣ, какъ дѣйствовали постоянно до сихъ поръ?

Мы кромѣ зланичаго не видимъ въ учрежденіи страховой компаніи.

Далѣе, зачѣмъ г. Кокоревъ оставляетъ для провоза вина существующія въ нынѣшнихъ акцизныхъ откупахъ правила, т. е. снабженіе провозимаго вина ярлыками? Развѣ онъ не знаетъ, какъ обременительны эти правила для провозителей вина, въ особенности правило, чтобы провозить вино тою именно дорогою, какая значится въ ярлыкѣ? Развѣ мы не знаемъ, сколько изъ этого выходитъ притѣсненій и разореній? Неужели на вино, выпущенное изъ завода и оплаченное акцизомъ нельзя смотрѣть, какъ на обыкновенный товаръ, а непременно нужно дать ярлыкъ — этотъ *винный паспортъ*? Нѣтъ, Кокоревъ мало заботится о благѣ народа!

Далѣе, зачѣмъ г. Кокоревъ оставляетъ кабаки? Неужели они мало людей разорили и развратили въ русскомъ народѣ? Въ началѣ нашей статьи мы рѣзко отозвались о кабакахъ; иначе объ нихъ и отозваться нельзя. Г. Костомаровъ сказалъ: Борисъ Годуновъ оставилъ намъ крѣпостное право да кабаки. Крѣпостное право уничтожается, неужели останутся кабаки? — Распивочная продажа водки должна быть соединена съ продажей пищи, и потому ее слѣдуетъ допустить только въ трактирахъ, гостиницахъ, харчевняхъ, постоянныхъ дворахъ; во всѣхъ прочихъ мѣстахъ продажа водки должна производиться на выносъ. Доходъ казны долженъ разсчитываться на правильное употребленіе водки, а не на пьянство и распутство народа. Г. Кокоревъ, оставляя русскимъ кабаки, мало заботится о благѣ народа.

Какая же цѣль всѣхъ дѣйствій г. Кокорева?

По нашему мнѣнію та, чтобы предварительно приготовить атмосферу (собственное выраженіе г. Кокорева), крича какъ можно больше о вредѣ откуповъ, благѣ народа, а потомъ, заручившись мнѣніемъ обманутой публики, двигать свой проэктъ впередъ, — авось еще разъ удастся!

Намъ остается только пожелать, чтобы страховая компанія пала вмѣстѣ съ ея изобрѣтателемъ. Г. Кокоревъ, вы, благодарившій всѣхъ выражавшихъ на васъ свое неудовольствіе прямо и намеками, въ журналахъ и разговорахъ, *благодареніемъ искреннимъ*, поблагодарите и насъ тѣмъ же благодареніемъ.

В. ФЕДОРОВСКИЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ КНИГИ.

Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, Александра Лакіера. Спб. 1859 г. Два тома.

I.

«Американцы — народъ очень практическій; деньги для нихъ — все.»

«Америка — страна купцовъ, страна матеріальныхъ удобствъ жизни».

«Америка имѣетъ демократическія учрежденія и предоставляетъ въ жизни полную свободу каждой личности, не исключая женщинъ».

«Въ Америкѣ есть важный жизненный вопросъ — о невольничествѣ».

Вотъ, кажется, весь обиходъ стереотипныхъ фразъ объ Америкѣ, обращающихся въ большинствѣ нашей публики. Нѣкоторые знаютъ побольше, нѣкоторые поменьше; но рѣдко кто имѣетъ основательныя и подробныя познанія относительно американскихъ правъ и учреждений. Большую частію полагаютъ, что это тоже Англія, только уже до крайности практическая и матеріальная. Вотъ и все. А между тѣмъ мы и Англію-то знаемъ далеко не вполнѣ; и объ Англіи часто слышатся у насъ толки вкривь и вкось. Но англійскія учрежденія все-таки въ значительной степени разъяснены для

нашей публики, благодаря «Русскому Вѣстнику»; нравы англичанъ также довольно извѣстны намъ — по множеству переведенныхъ у насъ правоописательныхъ очерковъ и романовъ лучшихъ англійскихъ писателей. Относительно же Америки и этого нѣтъ. Были когда-то у насъ въ славѣ романы Купера, потомъ рассказы Герштейкера; но и тѣ и другіе знакомили болѣе съ природою страны, нежели съ гражданскою жизнью ея обитателей. Въ недавнее время произведенія г-жи Бичеръ Стоу раскрыли намъ одну изъ сторонъ быта Сѣверной Америки. А затѣмъ остается лишь нѣсколько короткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, время отъ времени помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ. Вслѣдствіе такой бѣдности знаній, въ нашей литературѣ постоянно раздавались самыя разноречивыя и часто очень забавныя сужденія объ Америкѣ. Одни, напр., уподобляли Сѣверо-Американскіе Штаты Россіи; другіе напротивъ утверждали, что въ нихъ господствуетъ гнусная анархія. Одни восхищались ихъ образованностью, другіе бранили ихъ за постыдное невѣжество во всѣхъ вопросахъ искусства, поэзіи и высшей философіи. Одни увѣряли, что женщины тамъ поставлены очень хорошо, веселятся и вполне пользуются своими человѣческими правами; другіе изображали американокъ несчастными, сухими и безжизненными существами, подобными счетной машинѣ. Относительно частныхъ вопросовъ разногласіе было бы, конечно, еще рѣзче; но ихъ, къ сожалѣнію, почти никто и не касался.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о Сѣверной Америкѣ, книга г. Лакіера составляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Наши читатели, вѣроятно, знакомы уже съ характеромъ этой книги по двумъ большимъ отрывкамъ изъ нея, помѣщеннымъ въ «Современникѣ» прошлаго года. На этомъ основаніи мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ путешествія г. Лакіера и ограничимся лишь нѣсколькими краткими замѣтками о его содержаніи. Въ коротенькомъ предисловіи г. Лакіеръ говоритъ, что «главною его заботою было изучить учрежденія и познакомиться съ внутреннимъ бытомъ страны и общества». Сообщая плоды своего изученія читателямъ, г. Лакіеръ идетъ путемъ систематическихъ, дѣловыхъ обзорѣній. Прежде всего онъ даетъ «Очеркъ исторіи колоній въ Новомъ Свѣтѣ», потомъ излагаетъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ уже изображаетъ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфію, Балтимору и проч. Но и въ этихъ частныхъ описаніяхъ г. Лакіеръ не вдается въ бѣглыя путевыя замѣтки, а наполняетъ большую часть страницъ подробностями, заимствованными изъ официальныхъ источниковъ. Въ Бостонѣ напр. его заняли школы, и онъ подробно

передаетъ свѣдѣнія о томъ, на какіе доходы содержатся школы, какіе разряды ихъ существуютъ, какъ онѣ управляются, сколько въ нихъ дѣтей, какіе часы назначены для ученія, какіе именно предметы и въ какомъ размѣрѣ преподаются, какое жалованье получаютъ учителя и т. д. Точно также подробно, систематически разсматриваетъ г. Лакіеръ вопросы о судопроизводствѣ, о тюрьмахъ, о торговлѣ и пр. Этого, разумѣется, нельзя вмѣнить въ вину автору: способъ изложенія зависитъ отъ взгляда автора на задачу своего труда. Но можно опасаться, что форма замѣтокъ г. Лакіера покажется нѣсколько утомительною многимъ изъ его читателей, которымъ нужны еще не подробности частныхъ фактовъ, а общій очеркъ учреждений и быта страны. Въ предисловіи своемъ г. Лакіеръ признается, что придаетъ значеніе своему путешествію только какъ «первому у насъ описанію Америки». Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, неимѣющему возможности познакомиться съ Америкой изъ иностранныхъ источниковъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ книгѣ г. Лакіера постоянно замѣчается весьма важный недостатокъ — отсутствіе личной наблюдательности автора. Все, что онъ говоритъ отъ себя, ограничивается тѣмъ, что онъ ѣхалъ оттуда, туда, по такому пути, останавливался тамъ-то. Къ этому не рѣдко прибавляются описанія пароходовъ, вагоновъ, улицъ, гостиницъ, замѣчательныхъ зданій или памятниковъ и т. д. А чуть дѣло коснется жизни, быта, — авторъ немедленно сообщаетъ вамъ положительныя, офиціальныя данныя. Вы хотите знать, какъ въ Америкѣ люди живутъ, торгуютъ, судятся, учатся, — г. Лакіеръ удовлетворяетъ ваше желаніе, сообщая вамъ перечень судебныхъ должностей, разныхъ школъ, цифры привоза и вывоза товаровъ, число рѣшенныхъ дѣлъ и т. п. Такимъ образомъ живая сторона быта скрывается за формальными ея проявленіями, занесенными въ книжки, газеты, отчеты и пр. Именно вслѣдствіе этого качества книги, мы полагаемъ, что кто читалъ хоть только два сочиненія объ Америкѣ — Токвиля и Фрѣбеля, — тотъ не много потеряетъ, если не станетъ читать путешествія г. Лакіера. Скажемъ больше: изъ читающихъ по-французски, даже кто не захочетъ сидѣть надъ серьезными и дѣльными произведеніями, въ родѣ названныхъ нами книгъ, и тотъ можетъ обойтись безъ книги г. Лакіера, взявши для общаго знакомства съ Америкой какія нибудь первыя попавшіяся французскія книжки, въ родѣ напр. хотъ Ксавье Эйма, Оскара Кометтана и т. п. Въ нихъ, разумѣется, болѣе общихъ фразъ и игривыхъ анекдотовъ, ничего не доказывающихъ, нежели дѣловыхъ и офиціаль-ныхъ замѣчаній. Но за то у нихъ болѣе легкости и живости, болѣе

споровки въ общихъ очеркахъ, болѣе умѣнья группировать свои замѣтки такъ, чтобы онѣ оставляли то общее впечатлѣніе, какое автору хотѣлось произвести, и въ тоже время не были обременительны для читателя. Очевидно, что наша публика, читающая по-французски, обратится скорѣе къ этимъ легкимъ замѣткамъ, нежели къ дѣльной книгѣ г. Лакіера. Читая его путешествіе, надобно вникать въ цифры, соображать частные факты, самому нужно выводить общіе результаты и составлять цѣльный очеркъ изъ матеріаловъ, излагаемыхъ въ его книгѣ. Не гораздо ли удобнѣе имѣть дѣло съ авторомъ, который, какъ говорится, все *въ ротъ кладетъ* своимъ читателямъ? Не легче ли пробѣжать французскій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, набросанный напр. въ такомъ родѣ.

«Съ одного конца до другаго Соединенные Штаты прорѣзаны желѣзными дорогами; одно уже это не внушаетъ ли вамъ мысли о процвѣтаніи промышленности въ этой странѣ?

Рѣки и озера Америки покрыты безчисленнымъ множествомъ пароходовъ, американскіе корабли въ огромномъ числѣ разгуливаютъ по всѣмъ морямъ земнаго шара; не показываетъ ли это, какъ значительна ихъ торговля?

Дома американцевъ отлично устроены и убраны; не наводитъ ли это васъ на мысль о богатствѣ обитателей страны?

Великолѣпіе общественныхъ учрежденій, составляющихъ гордость союза и предметъ удивленія для иностранцевъ, — не доказываетъ ли общаго довѣрія къ прочности государственнаго устройства?

Множество театровъ, бездна удовольствій всякаго рода, въ которыхъ кружится этотъ народъ, по наружности столь степенный, безпрерывно возрастающее количество журналовъ, охота (если не разумная любовь) къ искусствамъ, обнаруживаемая въ этой странѣ, процвѣтаніе литературныхъ обществъ, серьезное развитіе наукъ, — не свидѣтельствуютъ ли въ пользу американскихъ учреждений, не доказываютъ ли, что подъ ихъ покровомъ все можетъ успѣвать, расти, процвѣтать, — пока и въ правительствѣ и въ народѣ сохраняется ясное сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи другъ къ другу?

Да, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; только нужно, чтобы въ обществѣ заключались тѣ основныя начала, которыя одни служатъ залогомъ жизненности учреждений, подобныхъ тѣмъ, при какихъ процвѣтаетъ Американскій Союзъ.

Первые колонисты, образовавшіе въ Америкѣ общество, принесли съ собою начала нравственности, религіи, разумности и упорной энергіи въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей. Они проникнуты были презрѣніемъ къ заблужденіямъ стараго міра, который

оставили, и мыслью о великой будущности, какую они должны были приготовить себѣ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ такими идеями и средствами приступили они къ дѣлу своего общественнаго устройства и составили учрежденія, которыя въ свою очередь помогли дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ развитія.

Въ настоящее время—образованіе развито повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ, и его первое благодѣяніе состоитъ въ томъ, что оно предохраняетъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя такъ часты и легки при демократическомъ устройствѣ государства. Въ Сѣверной Америкѣ мудрено обольстить цѣлую массу народа какими нибудь вздорными обѣщаніями и теоріями; мудрено обмануть общественное мнѣніе насчетъ государственной дѣятельности частныхъ лицъ. Каждый гражданинъ понимаетъ тамъ свои обязанности и свои права, каждый знаетъ свое значеніе въ общей массѣ народныхъ силъ. Въ то же время каждый очень хорошо понимаетъ, какъ вредятъ благоденствію общества всякіе безпорядки и волненія, и потому всѣми силами старается устранять и предупреждать всякій поводъ къ нимъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣла не терпятъ медленности, рѣдко что нибудь дѣлается тамъ вполонину, никакое предпріятіе не бросается неконченнымъ. Дѣлая первый шагъ, американецъ знаетъ, къ какой именно цѣли приведетъ этотъ шагъ, и онъ не остановится на пути, пока не достигнетъ цѣли. И никто не захочетъ тамъ останавливать этого шествія: всякій самъ занятъ, и притомъ всякій сознаетъ, что каждый шагъ впередъ, каждаго члена общества, — приноситъ общую пользу, а всякая частная остановка дѣйствуетъ невыгодно и на общее благосостояніе.

Если же въ этой странѣ является какая нибудь великая, благотворная для общества мысль, — она мгновенно овладѣваетъ всѣми умами, съ необыкновенной быстротой пріобрѣтаетъ всеобщую симпатію; тысячи рукъ тотчасъ являются для ея осуществленія, но ни одна не подымется для того, чтобы помѣшать ея развитію. Явится ли она въ союзномъ конгрессѣ, или зародится въ головѣ самаго темнаго гражданина—все равно: она повсюду найдетъ себѣ равную поддержку, безъ различія лицъ и партій.

При такомъ теченіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ, участь людей, даже поставленныхъ въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, постоянно улучшается совершенно естественно и безъ всякихъ потрясеній. Здѣсь бѣднымъ не нужно стараться погубить богатыхъ для того, чтобы самимъ обогатиться. Насильственные мѣры здѣсь не нужны, потому что люди, болѣе имѣющіе средствъ и выше поставленные, считаютъ своею обязанностію—не противоdѣйствовать общему движенію, а напротивъ, сколько можно, ему способство-

вать. Поэтому на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ вы никогда не встрѣтите тайныхъ заговоровъ, имѣющихъ въ виду низпроверженіе общественнаго порядка и безопасности частныхъ лицъ; напротивъ, во всѣхъ концахъ этой огромной страны вы находите могущественныя ассоціаціи, имѣющія цѣлю возвышеніе частной производительности и распространеніе началъ нравственности, порядка и любви къ труду. Всякій гражданинъ принимаетъ тамъ общее благо столько же близко къ своему сердцу, какъ и свое собственное. Отсюда происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенная ненужность многихъ чиновничьихъ и полицейскихъ должностей, которыя кажутся необходимыми въ Европѣ. Такому ходу дѣлъ благопріятствуютъ многія условія, свойственныя исключительно Сѣверной Америкѣ.

Начнемъ съ того, что здѣсь всякій здоровый, неглупый и нелѣпый человѣкъ всегда находитъ себѣ множество средствъ и матеріаловъ, если только хочетъ приняться за работу. Притомъ же трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и уже это одно предохраняетъ работника отъ увлеченія какой нибудь другой карьерою. Смѣло, прямо и твердо можетъ онъ идти по дорогѣ труда, въ увѣренности, что она приведетъ его къ достатку, а можетъ быть и къ богатству. Кромѣ того, при общественномъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ, самый простой расчетъ заставляетъ людей быть честными и не посягать на нарушеніе общественнаго и частнаго спокойствія. Здѣсь общество настолько образовано, что умѣетъ цѣнить людей по ихъ настоящему достоинству и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ правильно понимать свое собственное благо. Поэтому популярность и авторитетъ въ американскомъ обществѣ могутъ доставаться только на долю тѣхъ, кто дѣйствительно желаетъ общаго блага и умѣетъ доказать благотѣльность своихъ стремленій и дѣйствій. Уважая трудъ, ставя его выше всего, преклоняясь только предъ нимъ, американецъ презираетъ всѣ другія привилегіи, которыми такъ дорежаты въ Европѣ. Громкія имена, почетныя титула, общественное положеніе не даютъ человѣку въ Америкѣ никакихъ личныхъ преимуществъ. Тамъ цѣнятъ человѣка только потому, какъ онъ работаетъ и что умѣетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Ясно, что при такихъ понятіяхъ общества, дѣятельность частныхъ лицъ должна быть направляема совершенно иначе и давать другіе результаты, нежели у насъ въ Европѣ.

Нельзя, конечно, безусловно превозносить Америку, нельзя видѣть въ ней одни только совершенства. Напротивъ, въ ея устройствѣ и бытѣ можно находить свои недостатки, и даже весьма важные, но недостатки эти не могутъ помрачить тѣхъ прекрасныхъ качествъ,

которыя составляют неотъемлемыя черты Сѣверо-Американскаго Союза и въ которыхъ заключается тайна его величія. Эти качества: разумное спокойствіе въ строгомъ соблюденіи правъ и обязанностей каждаго, практичность въ примѣненіи общихъ идей, стремленіе къ развитію матеріальнаго благосостоянія народа, и благородный патриотизмъ, заставляющій каждаго гражданина забывать свой собственный интересъ въ виду интересовъ общественныхъ».

Мы не ставимъ высоко этого очерка, заимствованнаго нами изъ книги г. Эйма. Мы готовы признаться, что онъ весь состоитъ изъ общихъ мѣстъ, и кромѣ того — онъ довольно одностороненъ.... Но нельзя не согласиться въ одномъ, что его можно прочесть безъ утомленія. А между тѣмъ онъ все таки *вводитъ* васъ въ Америку и даетъ нѣкоторое, хотя поверхностное, понятіе объ ея общественномъ устройствѣ даже такому читателю, который знаетъ объ Америкѣ только то, что написано въ географіи Ободовскаго. Книга г. Лакіера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ полезна такихъ легкихъ и поверхностныхъ замѣтокъ для тѣхъ читателей, которые захотятъ вникнуть въ цифры и факты, въ ней излагаемые. Но, какъ мы уже сказали, мы именно того и боимся, что въ русской публикѣ не много найдется читателей столь трудолюбивыхъ. Мы думаемъ, что путешествіе г. Лакіера имѣло бы болѣе успѣха, если бы онъ менѣе увлекался систематичностію изложенія, болѣе давалъ простора своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и болѣе обращалъ вниманія на живые и современные вопросы. Такъ напримѣръ, изъ путешествія г. Лакіера видно, что онъ былъ въ Нью-Йоркѣ около осени 1857 года, въ самый разгаръ промышленнаго кризиса. Ходъ торговыхъ операцій неизбѣжно долженъ былъ отразиться на всей физіономіи общества въ этомъ городѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ промышленнаго движенія въ Америкѣ. Наблюденіе надъ нравами жителей въ это время, изложеніе ихъ взгляда на дѣло — могли бы дать много интереснѣйшихъ страницъ для книги г. Лакіера, между тѣмъ у него о кризисѣ находимъ всего двѣ страницы, да и въ нихъ о самомъ кризисѣ говорится только мимоходомъ, по поводу устройства банковъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Точно такъ, говоря о кораблестроеніи въ Соединенныхъ Штатахъ г. Лакіеръ перечисляетъ количество судовъ, построенныхъ въ Нью-Йоркѣ, вкратцѣ излагаетъ ходъ работъ при постройкѣ судовъ, но ни слова не говоритъ о той, полной драматизма, борьбѣ, какую въ кораблестроительной дѣятельности сѣверо-американцы выдерживали, и еще доселѣ выдерживаютъ, съ англичанами. Даже вопросъ о невольничествѣ, самый важный и живой изъ всѣхъ вопросовъ не только Сѣверной Америки, но можетъ быть и всего образованнаго міра, изложенъ у г. Лакіера далеко не такъ полно

обстоятельно, какъ это было бы нужно для русскихъ читателей. Недостатокъ вниманія къ этому предмету тѣмъ менѣе извинителенъ нашему путешественнику, что въ самое время его пребыванія въ Америкѣ происходили тамъ горячія пренія о невольничествѣ по поводу Канзаса....

Указывая на эти примѣры, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы книга г. Лакіера лишена была интереса для русской публики. Напротивъ, мы убѣждены, что читатели найдутъ въ ней очень много новаго и любопытнаго. Мы хотѣли только замѣтить, что напрасно г. Лакіеръ, желая познакомить русскую публику съ Америкою, мало позаботился о внѣшней занимательности своего путешествія. Для людей серьезныхъ, слѣдящихъ за политической литературой, подробности, приводимыя нашимъ путешественникомъ, давно знакомы и ненужны. Безъ всякаго сомнѣнія, такихъ людей и не имѣлъ въ виду г. Лакіеръ, описывая свое путешествіе. Для обыкновенныхъ же читателей, ничего не знающихъ объ Америкѣ, всѣ эти частности фактовъ, цифры и извлеченія изъ отчетовъ—во-первыхъ скучны, а во-вторыхъ ни къ чему не поведутъ, потому что они все-таки неполны и отрывочны. Впрочемъ, можетъ быть новость предмета и дѣльность книги г. Лакіера придадутъ ей въ глазахъ читателей занимательность, которую не вполне даетъ ей авторское изложеніе. Мы съ своей стороны будемъ очень рады, если «Путешествіе по Америкѣ» встрѣтитъ сочувствіе публики.

Но пока еще сочиненіе г. Лакіера не разошлось въ публикѣ и не распространило въ большинствѣ читателей ясныхъ и здравыхъ понятій объ Америкѣ, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь кстати не большой очеркъ учреждений и быта Сѣверной Америки. Мы оставимъ въ сторонѣ Кубу и Канаду, тѣмъ болѣе, что о нихъ не много говорится и въ путешествіи г. Лакіера, и обратимъ исключительное вниманіе на Сѣверо-Американскіе Штаты. Мы не будемъ подробно излагать ихъ исторію, не будемъ входить въ мелкія частности ихъ учреждений, разбирать отдѣлки ихъ политическихъ партій, не будемъ прибѣгать къ цифрамъ и выкладкамъ: все это можетъ войти въ особенныя статьи, специально посвященныя разсмотрѣнію того или другаго вопроса изъ исторіи и быта Сѣверной Америки. Мы ограничимся только самымъ общимъ и самымъ легкимъ очеркомъ внутренняго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, съ цѣлію показать вліяніе ихъ учреждений на бытъ народа. Въ этомъ очеркѣ мы будемъ отчасти пользоваться книгою г. Лакіера, иногда же будемъ дополнять его свѣдѣніями изъ другихъ иностранныхъ источниковъ.

Демократическій характеръ учреждений Сѣверной Америки не разъ былъ предметомъ жаркихъ преній въ Западной Европѣ. Еще недавно спорили объ этомъ въ самой Англіи; одни приписывали демократическому образу правленія въ Америкѣ небывалыя выгоды, другіе старались представить его гибельнымъ для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось страшно. Конечно, въ Англіи подобные споры объ Америкѣ могутъ имѣть свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую непріязнь, обѣ страны имѣютъ между собою много общаго и для обѣихъ очень возможны полезныя заимствованія другъ отъ друга. Но для насъ эти споры совершенно чужды. И отъ Соединенныхъ Штатовъ и отъ Англіи насъ отдѣляютъ обширныя пространства морей, наши нравы и обычаи, весь нашъ общественный бытъ сложились совсѣмъ подъ другими условіями, наши интересы направлены совершенно инымъ образомъ, и конечно для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что составляетъ жизненный вопросъ по ту сторону океана. Поэтому мы не станемъ попусту тратить время на безплодныя и напрасныя разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ демократіи, и ограничимся спокойнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ того, какъ она выразилась въ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ и что успѣла произвести въ этой странѣ.

Начала американской демократіи нужно искать въ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились политическія убѣжденія первыхъ ея поселенцевъ; для этого нужно обратиться на минуту къ исторіи Старога Свѣта.

Много разъ уже высказано было замѣчаніе, что весь ходъ исторіи представляетъ постепенное уясненіе правъ личности и освобожденіе людей отъ ложныхъ авторитетовъ, создаваемыхъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Исторія Европы въ среднія вѣка служитъ однимъ изъ самыхъ ясныхъ подтвержденій этой мысли. Постепенное уничтоженіе авторитета папъ, паденіе феодальной системы, усиленіе городскихъ общинъ, возникновеніе парламентовъ, — всѣ эти явленія средне-вѣковой исторіи, прямо вели къ ослабленію аристократическихъ принциповъ и разширенію человѣческихъ правъ личности. Въ эпоху реформаціи личность уже ясно заявила свои права: въ дѣлѣ религіи разумъ потребовалъ свободы въ объясненіи священнаго писанія, во взаимныхъ отношеніяхъ захотѣли болѣе прочныхъ гарантій, перестали довѣряться произволу отдѣльныхъ лицъ и требовали опредѣленныхъ законовъ для общественной и частной дѣятельности. Эти явленія, общія всей Европѣ XV и XVI вѣка, съ особенною силою развились въ Англіи, изъ которой и вышли первые поселенцы Сѣверной Америки. Политическое образованіе народа въ Англіи было

уже и въ это время гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Вѣковая борьба партій непрерывно привлекала участіе значительнаго числа гражданъ въ политическихъ событіяхъ ихъ отечества, и при этомъ естественно уяснились у нихъ понятія о правѣ и законности и развивалась потребность истинной свободы. Коммунальное устройство, глубоко уже проникшее въ нравы англичанъ, поддерживало въ народѣ сознаніе его силы; а религіозныя секты, вызывая общество на серьёзное обсужденіе высшихъ духовныхъ вопросовъ, довершали его нравственное образованіе. Послѣдователи одной изъ самыхъ строгихъ и чистыхъ по нравственности сектъ въ началѣ XVII вѣка положили основаніе колоніямъ Новой Англіи (*). Это были пуритане, удалившіеся изъ отечества вслѣдствіе религіозныхъ стѣсненій, которымъ они подвергались тамъ при Стюартахъ. При самомъ переселеніи, они сознательно опредѣлили свою цѣль и образъ дѣйствій, которымъ намѣрены были слѣдовать. Памятникомъ ихъ рѣшенія остался актъ, составленный ими немедленно по прибытіи на берега Америки и приводимый между прочимъ у г. Лакіера. Вотъ этотъ актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, предпринявъ для славы Божіей, распространенія христіанства, чести нашего короля и отечества, путешествіе для того, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, торжественно, въ присутствіи Бога и другъ предъ другомъ, объявляемъ, что мы соединяемся въ политическое и гражданское тѣло для сохраненія между собою добраго порядка и достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе настоящаго договора мы введемъ у себя такіе законы, такія установленія и учрежденія, такія должностныя лица, какія будутъ для насъ необходимы и полезны для блага цѣлой колоніи. Имъ мы общаемъ полную покорность и совершенное повиновеніе. Отъ Р. Х. 1620 года, 11 ноября».

Въ дополненіе къ этому акту можно представить нѣсколько строкъ изъ книги Метера, излагающихъ причины переселенія пуританъ изъ Англіи.

«Страна, гдѣ мы живемъ, (говорятъ переселенцы) кажется, тяготится своими обитателями; человекъ, благороднѣйшее изъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, которую онъ попираетъ ногами. На дѣтей, на сосѣдей, на друзей смотрятъ, какъ на тяжелое бремя; отъ бѣдняка бѣгутъ; всѣ отвергаютъ то, что должно было бы приносить величайшее въ мірѣ наслажденіе, если бы естествен-

(*) Подъ именемъ Новой Англіи разумѣются штаты Коннектикутъ, Родъ-Эйлендъ, Массачусетъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонтъ и Мэнъ. Здѣсь первоначально опредѣлились главнѣйшія идеи, послужившія основаніемъ послѣдующихъ учреждений Соединенныхъ Штатовъ.

мый порядокъ вещей не былъ нарушенъ. Страсти наши дошли до того, что уже нѣтъ такого достатка, при которомъ бы человѣкъ въ состояніи былъ поддерживать свое достоинство въ кругу себя равныхъ; а между тѣмъ кто не можетъ успѣть въ этомъ, тотъ подвергается презрѣнію, а отсюда происходитъ то, что во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности люди стараются обогатиться непозволительными средствами, и честнымъ людямъ стало очень трудно жить въ довольствѣ и безъ позора. Школы, въ которыхъ обучаютъ наукамъ и религіи, такъ развращены, что бѣольшая часть дѣтей и нерѣдко самыя отличныя изъ нихъ, подававшія самыя лучшія надежды, оказываются совершенно испорченными отъ множества худыхъ примѣровъ и отъ распущенности нравовъ, среди которыхъ они живутъ. Между тѣмъ вся земля не есть ли достояніе Господне? Не отдалъ ли ее Богъ потомкамъ Адама для воздѣлыванія? Зачѣмъ же намъ умирать съ голоду за недостаткомъ мѣста, между тѣмъ какъ обширныя страны, равно принадлежащія всякому человѣку, остаются необитаемыми и невоздѣланными?»

Такимъ образомъ мысль о переселеніи прямо вытекала у пуританъ изъ ихъ религіознаго чувства. Но по самой сущности пуританства, религія не могла привести ихъ къ тому, къ чему приводилъ своихъ послѣдователей католицизмъ. Не преклоненіе предъ личнымъ авторитетомъ и не униженіе правъ разума, а свободное братство всѣхъ членовъ общества и широкій просторъ для развитія знаній, были провозглашены первыми поселенцами Новой Англіи. Въ американскомъ кодексѣ 1650 года находится между прочимъ такой законъ: «такъ какъ сатана, врагъ человѣческаго рода, находитъ для себя самое могущественное оружіе въ людскомъ невѣжествѣ; такъ какъ нужно, чтобы свѣтъ знаній, принесенный сюда нашими отцами, не исчезъ съ ними въ гробахъ ихъ; такъ какъ воспитаніе дѣтей составляетъ одинъ изъ первыхъ интересовъ государства, то жителямъ каждой общины предписывается заводить и содержать у себя школы, подъ опасеніемъ большаго штрафа». Такимъ образомъ изъ правильно развитаго религіознаго чувства возникло требованіе всеобщаго народнаго образованія; изъ того же чувства у пуританъ произошло стремленіе къ гражданской свободѣ. Вотъ какъ объясняли они свои понятія объ этомъ предметѣ.

«Не станемъ обманывать себя на счетъ того, что мы должны разумѣть подъ нашей независимостью. Есть одинъ родъ свободы неразумной, общей человѣку съ животными и состоящей въ томъ, чтобы дѣлать все, что вздумается; такая свобода—врагъ всякой власти; она не терпитъ никакихъ правилъ, никакихъ законовъ; ею мы унижаемъ себя; она—врагъ истины и мира, самъ Богъ противится ей. Но

есть другая свобода, гражданская и нравственная, которая находитъ свою силу въ единеніи и которую всякая власть должна поддерживать. Это свобода—безбоязненно дѣлать все, что хорошо и справедливо. Эту святую свободу мы должны защищать при всякомъ случаѣ и, если нужно, жертвовать для нея своею жизнью».

Ясно, что въ этомъ опредѣленіи свободы уничтожается слѣпой, неразумный произволъ и признаются права разумнаго убѣжденія. Человѣкъ долженъ дѣлать не все, что вздумается, а только то, что хорошо и справедливо. Этимъ требованіемъ предоставляется человеку широкая свобода въ разсужденіяхъ о томъ, что справедливо и что ложно, что хорошо и что дурно; а черезъ это прямо уже уничтожается слѣпое подчиненіе чужому авторитету и узаконяется самостоятельность личности. При соединеніи отдѣльныхъ личностей въ общество, изъ этого же начала должны возникнуть—понятіе о братствѣ и о равныхъ правахъ всѣхъ его членовъ. Такъ именно и случилось съ обществами, образовавшимися въ Сѣверной Америкѣ: полная демократическая свобода составляетъ основаніе всѣхъ ихъ учреждений.

Впрочемъ развитію демократіи въ Новой Англіи способствовалъ не одинъ пуританскій образъ воззрѣнія первыхъ поселенцевъ. Внѣшнія обстоятельства немало помогли этому. Во-первыхъ, между людьми, прибывшими на берега Сѣверной Америки, не было никакихъ притязаній на превосходство однихъ предъ другими. Если въ своемъ отечествѣ они и принадлежали къ различнымъ состояніямъ общества, то общія несчастія давно уже сравняли ихъ. Ступивши на новую почву, они всѣ очень хорошо сознавали, что здѣсь права всѣхъ совершенно одинаковы и что всѣ родовыя привилегіи, всѣ различія общественной іерархіи, оставшіяся по ту сторону океана, не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго смысла. Кромѣ того—въ Америкѣ нечѣмъ было питаться и поддерживаться аристократическимъ тенденціямъ. Извѣстно, что основаніемъ аристократіи всегда была поземельная собственность, наслѣдственно переходящая изъ рода въ родъ. На ней всегда покоилось высокое значеніе аристократовъ, на ней опирались ихъ права, безъ нея ничего не могли значить ихъ громкія титулы и почетныя званія. Въ Америкѣ земля не была ни въ чьемъ исключительномъ владѣніи. По понятіямъ пуританскихъ поселенцевъ, это было достояніе Божіе, которымъ равно можетъ пользоваться всякій человѣкъ. И дѣйствительно—всякій поселенецъ бралъ себѣ изъ огромныхъ пространствъ дѣвственной земли, разстилавшихся передъ нимъ,—столько, сколько могъ обработать. Сначала даже обработка земель, какъ въ новой Англіи, такъ и въ Виргиніи, производилась поселенцами съ обща. Откуда же тутъ было взяться поземельной ари-

стократіи? Правда, являлись и въ Америку люди, гордые своимъ феодальнымъ значеніемъ, захватывали на свою долю большіе участки земли, въ этомъ никто имъ не препятствовалъ. Но здѣсь они не могли дожидаться, чтобы кто нибудь явился къ нимъ — поселиться на ихъ землѣ, съ вассальными обязательствами. Большіе участки не имѣли никакого значенія въ виду безграничныхъ пространствъ, которыя были открыты для всякаго новаго поселенца. Такимъ образомъ поземельная аристократія съ перваго раза не удалась въ Сѣверной Америкѣ: она не пришлась ни къ почвѣ страны, ни къ нравамъ и убѣжденіямъ первыхъ ея поселенцевъ.

Въ Виргиніи очень скоро введено было невольничество, которое потомъ проникло и въ другіе штаты. Но и это учрежденіе не дало достаточной опоры для образованія аристократіи. Съ одной стороны право владѣть невольниками не было ограничено только извѣстными лицами, а принадлежало одинаково всѣмъ гражданамъ; съ другой — невольники не признавались членами общества, а считались чѣмъ-то совершенно особеннымъ, существами низшей породы. Такимъ образомъ владѣніе рабами не придавало никакого значенія человѣку въ кругу его согражданъ, и введеніе рабства нисколько не мѣшало демократическому развитію страны. Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладѣльцемъ не значитъ еще быть аристократомъ.

Можетъ быть, демократическія стремленія первыхъ поселенцевъ Новой Англіи и уступили бы наплыву новыхъ эмигрантовъ, между которыми стали появляться и люди съ аристократическими замашками, съ значеніемъ и богатствомъ. Но въ первое время такихъ людей было немного; большею частію убѣгали сюда тѣ, которые не хотѣли выносить въ Европѣ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. А между тѣмъ поселенцы успѣли уже составить гражданскія общества и начать самобытную политическую жизнь. Тогда уже поздно было старымъ европейскимъ началамъ вторгаться въ американское общество, тѣмъ болѣе, что политическое развитіе Сѣверной Америки пошло путемъ, совершенно противоположнымъ европейскому. Въ Европѣ формальное образованіе государствъ совершилось раньше, нежели успѣло развиваться въ народахъ политическое сознаніе. Отдѣльныя общины никогда не составляли здѣсь самобытнаго политическаго цѣлаго; начала государственной жизни развились прежде всего не въ нихъ, а въ высшихъ сословіяхъ, чуждыхъ народной жизни. Это обстоятельство имѣло вліяніе на все послѣдующее развитіе европейскихъ государствъ. Здѣсь все устанавливалось въ видахъ государства: законодательство соображалось съ высшими политическими интересами, администрація отдѣльныхъ частей вы-

краивалась по образцу цѣлаго, а между тѣмъ участіе въ государственной жизни очень рѣдко выпадало на долю народа. Въ Америкѣ вышло совсѣмъ другое: вліяніе государства, т. е. метрополіи, не могло быть велико, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, и именно въ Новой Англіи, оно ограничивалось только пустою формою подданства. Англійское правительство предоставило эмигрантамъ право составить въ Новой Англіи гражданское общество и управляться самимъ собою, только подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ съ самаго начала своего существованія американскія общины получили свое самостоятельное политическое устройство. Извнѣ стояло надъ ними англійское королевское правительство, но внутри онѣ развивались совершенно свободно и составляли для себя учрежденія въ демократическомъ духѣ. Изъ соединенія общинъ образовалось *графство*, по духу своихъ учрежденій совершенно подобное общинѣ; нѣсколько графствъ составили *штатъ*, и наконецъ Соединенные Штаты, избавившись отъ англійской зависимости, образовали Сѣверо-Американскій союзъ. Такимъ образомъ здѣсь не было организационныхъ частей подъ вліяніемъ государства, а напротивъ государство составилось изъ постепеннаго соединенія маленькихъ частей. Отсюда произошла та особенность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей централизаціи административной, и каждая община въ своихъ домашнихъ дѣлахъ совершенно свободна отъ всякаго вмѣшательства властей графства и штата. При такомъ отношеніи частей государства другъ къ другу легко объясняется демократическая полноправность народа, развившаяся въ Сѣверной Америкѣ. Городскія и сельскія общины до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ въ политическомъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ совершается самая дѣятельная работа жизни, въ нихъ рождаются важнѣйшіе внутренніе вопросы, составляющіе потомъ предметъ разсужденій конгресса. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Лакіера мы ничего не нашли о значеніи и устройствѣ отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. А между тѣмъ это предметъ весьма важный и любопытный, такъ какъ изъ него объясняется вся союзная конституція. Да и вообще организациія высшихъ государственныхъ учреждений далеко не представляетъ той важности, какъ устройство учреждений, непосредственно соприкасающихся съ народомъ. Въ политической жизни народа учрежденія, прямо относящіяся къ устройству отдѣльныхъ общинъ, имѣютъ тоже значеніе, какое элементарныя школы имѣютъ для народнаго образованія. Не въ устройствѣ университетовъ и академій можно узнать степень просвѣщенія народныхъ массъ; такъ точно не въ конгрессѣ и не въ министерствахъ познается степень благосостоянія народа. Самое лучшее и даже единственно-надежное

ручательство въ этомъ случаѣ представляютъ низшія учрежденія, прямо касающіяся частныхъ лицъ и небольшихъ общинъ. На этомъ основаніи мы намѣрены въ настоящей статьѣ представить нѣсколько подробностей о внутреннемъ устройствѣ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже вкратцѣ изложить учрежденія, относящіяся къ устройству отдѣльныхъ штатовъ и цѣлаго союза. Чтобы дать понятіе объ устройствѣ общинъ въ штатахъ, мы беремъ изъ книги Токвиля описаніе общинъ Новой Англіи.

Община Новой Англіи, какъ городская, такъ и сельская, обыкновенно состоитъ изъ 2000 — 3000 жителей. Такое количество вполне обеспечиваетъ возможность хорошей и довольно однообразной администраціи. Потребности небольшого числа людей, живущихъ въ одномъ мѣстѣ и при одинаковыхъ условіяхъ, нетрудно согласить; гражданамъ весьма удобно совѣщаться между собою о своихъ дѣлахъ, и изъ числа ихъ всегда могутъ найтись люди, способные успѣшно вести общее дѣло, какое будетъ имъ поручено ихъ согражданами. Такимъ образомъ въ общинѣ Новой Англіи вполне можетъ проявляться господство народа, составляющее основу всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, въ штатахъ Новой Англіи даже представительное начало допускается только въ общихъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго штата, въ общинахъ же всѣ дѣла, требующія общаго сужденія, разрѣшаются въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ-избирателей; только въ очень большихъ общинахъ и при соединеніи въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ общинъ, напр. въ значительныхъ городахъ, существуетъ меръ и при немъ городской совѣтъ.

Общинная администрація находится главнымъ образомъ въ рукахъ нѣсколькихъ чиновниковъ, избранныхъ всѣми обитателями общины и называемыхъ *выборными* (*select-men*). Они избираются каждый годъ, въ маленькихъ общинахъ по три, а въ самыхъ большихъ по девяти. Они имѣютъ опредѣленный кругъ обязанностей, ясно указанныхъ закономъ, и при исполненіи положительнаго закона дѣйствуютъ совершенно независимо, не спрашиваясь никакихъ разрѣшеній общины. Но если дѣло сколько нибудь сомнительно, если является надобность въ измѣненіи положенныхъ правилъ, въ какомъ нибудь нововведеніи, — тутъ уже выборные являются покорными служителями народной воли. Въ ихъ власти только — созвать общее собраніе гражданъ-избирателей и предложить дѣло на ихъ сужденіе. Положимъ, напр., что въ городѣ нужно открыть школу; выборные тотчасъ собираютъ гражданъ и предъ собраніемъ ихъ излагаютъ, какая надобность предстоитъ въ учрежденіи новой школы, указываютъ на средства для осуществленія этого предпріятія, рассчиты-

вають издержки, какія община должна понести по этому случаю, сообщаютъ свои предположенія относительно размѣровъ новой школы, мѣста для нея и пр. Общее собраніе выслушиваетъ ихъ, признаетъ или не признаетъ справедливость ихъ соображеній и въ случаѣ согласія съ ихъ главной мыслью, т. е. что школа нужна, тутъ же разсматриваетъ подробности дѣла, опредѣляетъ расходы и назначаетъ налогъ, который долженъ падать на всѣхъ членовъ общины, для устройства и содержанія школы. Затѣмъ — выборнымъ остается только исполнять волю общаго собранія.

Конечно, выборные могли бы и злоупотреблять своимъ правомъ, если бы общее собраніе гражданъ не могло состояться безъ ихъ вызова. Но дѣло въ томъ, что и право собирать гражданъ для сужденія о дѣлахъ не принадлежитъ имъ исключительно. Общинное собраніе можетъ состояться безъ всякаго желанія выборныхъ, просто по требованію десяти гражданъ; они могутъ предъявить свое желаніе выборнымъ, которые не имѣютъ права отказать имъ. Такимъ образомъ управленіе дѣлами общины никогда не выходитъ изъ-подъ контроля народа и очень прочно ограждено отъ всякаго произвола выборныхъ чиновниковъ.

Кромѣ этихъ выборныхъ, на которыхъ лежитъ забота объ общемъ ходѣ администраціи, въ каждой общинѣ Новой Англіи есть еще до двадцати чиновниковъ, которымъ поручаются нѣкоторыя частныя отрасли общиннаго управленія; такъ назначаются особенныя лица для раскладки податей, для сбора ихъ, для храненія общинной казны, для полицейскаго наблюденія за порядкомъ, для записыванія совѣщаній и рѣшеній, состоявшихся въ общемъ собраніи и т. д. Чиновники эти избираются каждый годъ въ общемъ собраніи гражданъ: всякій гражданинъ можетъ быть избираемъ, и ни одинъ не можетъ отказать отъ принятія должности, въ которую избранъ. Впрочемъ отказываться и не для чего: общественное служеніе вознаграждается довольно хорошо и члены общества, безъ всякаго ущерба для своихъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ посвящать ему свой трудъ и время. Здѣсь нужно замѣтить еще одну особенность американскаго общественнаго устройства: большая часть американскихъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, но каждое дѣло, совершаемое ими, даетъ имъ извѣстную плату, такъ что каждый получаетъ большее или меньшее содержаніе, по мѣрѣ того, сколько онъ трудится на общую пользу.

Въ числѣ должностей, существующихъ въ общинахъ, есть нѣсколько такихъ, которыя могутъ довольно странно поразить человека, привыкшаго смотрѣть на администрацію по-европейски. Въ общинахъ Новой Англіи назначается, напримѣръ, особый чинов-

никъ, который долженъ смотрѣть за исполненіемъ законовъ относительно бѣдныхъ; есть особые лица, которымъ поручается наблюдение за вѣсами и мѣрами, за сборомъ хлѣба съ полей, за дѣйствіями всѣхъ гражданъ въ случаѣ пожара и т. п. Намъ это можетъ показаться стѣсненіемъ, противнымъ духу демократической свободы, которымъ отличаются всѣ общинныя учрежденія Сѣверной Америки, но американцами все дѣло администраціи понимается совершенно не такъ, какъ нами. Они видятъ въ ней простое раздѣленіе труда между членами общины, и лицо, выбранное общиною для одного извѣстнаго рода дѣлъ, чрезъ это вовсе не пріобрѣтаетъ себѣ того оттѣнка власти, какое мы придаемъ обыкновенно всякому административному лицу. Въ американскихъ общинахъ нѣтъ, напримѣръ, особой пожарной команды, но въ случаѣ пожара всѣ граждане должны содѣйствовать погашенію огня. Нужно, чтобы при этомъ кто нибудь распоряжался ихъ дѣйствіями, но американецъ не хочетъ въ этомъ случаѣ подчинить себя волѣ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ возложена общая администрація; онъ хочетъ, чтобы власть и трудъ какъ можно больше были раздѣлены между членами общины, и выбираетъ для пожарныхъ случаевъ особаго человѣка, который при пожарѣ и распоряжается, но за то во всемъ остальномъ не имѣетъ уже ровно никакой власти. Такимъ образомъ распредѣленіе частныхъ должностей между значительнымъ числомъ лицъ оказывается совершенно согласнымъ съ демократическимъ характеромъ страны.

Вообще между членами въ общины Новой Англіи соблюдается совершенное равенство правъ. Тѣ, которые управляютъ, и тѣ, которые имъ подчиняются, не чувствуютъ ни малѣйшаго стѣсненія другъ передъ другомъ. Одни очень хорошо понимаютъ, что самая власть ихъ есть только особенный видъ служенія обществу и можетъ продолжаться только подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ ею пользоваться добросовѣстно. Другіе повинуются власти, но не потому чтобы признавали ея превосходство надъ собою, а только потому, что находятъ свою собственную пользу въ этомъ раздѣленіи общественной службы. Получая въ свои руки какую нибудь власть, чиновникъ американской общины знаетъ, что онъ обязанъ ею избранію своихъ согражданъ, и потому не можетъ рѣшиться смотрѣть на нихъ свысока, тѣмъ болѣе что постоянно чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ во все время отправленія своей должности. Въ свою очередь граждане, избирающіе чиновника для извѣстнаго рода дѣлъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своемъ довѣріи къ его способностямъ и честности. Вслѣдствіе того общинная администрація никого не обременяетъ и не стѣсняетъ; административныя лица не составляютъ особаго, привилегированнаго сословія, и, какъ отзываюся путешественники по

Америкѣ, со стороны даже не видно, кѣмъ и какъ управляется эта страна.

Но какимъ же образомъ сохраняется единство Союза? Какія обезпеченія существуютъ для того, чтобы каждая община, каждый городъ исполняли общіе законы союзной конституціи и не производили беспорядковъ въ управленіи? Эти вопросы разрѣшаются учрежденіемъ судовъ въ Сѣверной Америкѣ. Почти всѣ административныя затрудненія рѣшаются тамъ путемъ судебнымъ, и оттого судьи имѣютъ весьма важное значеніе даже въ политическомъ смыслѣ. Устройство и дѣятельность судебной части въ Штатахъ Сѣверной Америки имѣетъ слѣдующій видъ.

По назначенію губернатора штата, въ нѣкоторыхъ штатахъ по народному избранію, опредѣляется извѣстное количество судей; изъ числа ихъ трое составляютъ судебную палату, — *court of assizes*. Судьи эти обязаны ѣздить по общинамъ и производить судъ и расправу, при помощи присяжныхъ и адвокатовъ. Дѣло судьи состоитъ собственно въ томъ, чтобы примѣнить къ частному случаю законъ, существующій въ конституціи Союза. Сужденіе же о самомъ фактѣ предоставляется присяжнымъ, которыхъ выбираетъ сама община. Оттого при назначеніи судей смотрятъ всего болѣе на то, чтобы это были люди, юридически образованные, не только знающіе букву закона, но умѣющіе понимать духъ законодательства и отношеніе частныхъ законовъ къ общимъ правиламъ конституціи. Судья можетъ даже постановить рѣшеніе, основанное не на частномъ законѣ, а на общихъ требованіяхъ конституціи; онъ имѣетъ право объявить, что такое-то постановленіе признаетъ противнымъ конституціи и не руководствуется имъ при рѣшеніи дѣла. Бываютъ даже такіе случаи: сенатъ или собраніе народныхъ представителей сдѣлаетъ постановленіе; народъ найдетъ его несогласнымъ съ конституціей; въ такомъ случаѣ судья представляется жалоба на этотъ законъ. Судья разбираетъ дѣло, и если признаетъ жалобу справедливой, то законъ теряетъ обязательную силу и мало по малу выходитъ изъ употребленія. Отсюда видно, что значеніе судьи очень велико и что отъ него требуется высокая степень добросовѣстности, юридическаго образованія и независимости. Именно этого и стараются достигнуть въ Америкѣ назначеніемъ въ судьи не просто хорошихъ людей, любимыхъ народомъ, но юристовъ, людей опытныхъ, болѣею частію составившихъ себѣ предварительную извѣстность адвокатурою. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и судейскія должности замѣщаются по избранію; но въ другихъ назначеніе судей предоставляется губернатору штата и его совѣту. Злоупотребленіямъ, вреднымъ для демократіи, трудно вкрасться и при этомъ способѣ назначенія, потому что — во-первыхъ губернаторъ и

совѣтъ его избираются самимъ же народомъ, во-вторыхъ губернаторъ не можетъ по произволу смѣнить назначеннаго имъ судью; должность судьи отправляется однимъ лицомъ много лѣтъ, а губернаторы выбираются ежегодно. Съ другой стороны — и отъ народа судья находится довольно въ независимомъ положеніи, потому что онъ обезпеченъ очень значительнымъ жалованьемъ: въ Массачусетъсѣ судьи получаютъ жалованья болѣе 5000 руб. сер.

На разсмотрѣніе судей представляются обыкновенно и всѣ уклоненія отъ общихъ законовъ Союза, совершаемыя чиновниками общины или кѣмъ бы то ни было изъ ея членовъ. Случаи такихъ уклоненій не часты, потому что, какъ уже сказано, государство не вмѣшивается въ частныя дѣла общины и предоставляетъ ей полную свободу устроиться, какъ ей кажется лучшимъ. Но есть общія требованія, которыя должна исполнить каждая община. Требованія эти развѣ всегда постановляются закономъ, и за исполненіемъ ихъ никто не смотритъ, кромѣ самихъ членовъ общины и судей. *Графство*, состоящее изъ соединенія общинъ, не представляетъ никакой важности въ административномъ смыслѣ, а имѣетъ именно судебное значеніе. Въ каждомъ графствѣ есть судебная палата, шерифъ, какъ исполнитель приговоровъ суда, и тюрьма для содержанія преступниковъ. Изъ административныхъ дѣлъ — въ графствѣ составляется только проэктъ бюджета, который потомъ разсматривается въ законодательномъ собраніи цѣлаго штата, и затѣмъ сообразно съ нимъ распредѣляются подати на общины. Кромѣ того — забота объ устройствѣ и содержаніи дорогъ также относится къ обязанности *court of assizes* въ графствѣ. Община получаетъ обыкновенно только назначеніе того, сколько заплатить и что сдѣлать должна она вообще. Распредѣленіе повинностей между частными лицами, видоизмѣненія въ формѣ исполненія закона предоставляются совершенно на ея волю. Община непременно должна, на примѣръ, содержать школу; иначе она подвергается большому штрафу «за поддержаніе невѣжества и безнравственности». Но какъ устроить школу, откуда взять на нее денегъ, какъ распредѣлить въ ней занятія и пр., — это уже община опредѣляетъ сама. Только ежели, по скупости членовъ общины, школа будетъ устроена дурно, или ежели кто нибудь изъ людей, которымъ поручено будетъ наблюденіе за ней, станетъ небрежно исполнять, свою обязанность, то каждый отецъ семейства можетъ обвинить эти лица и даже цѣлую общину передъ *court of assizes*. Тогда дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ, и если жалоба оказывается справедливою, община присуждается къ штрафу. Та же самая исторія повторяется во всѣхъ отрасляхъ управленія. Инстанцій нѣтъ никакихъ, низшій чиновникъ

не получить отъ высшаго никакихъ предписаній, подтвержденій, запросовъ и т. п.; но онъ всегда можетъ быть позванъ къ суду за неисполненіе своей обязанности. Есть напримѣръ особый чиновникъ для смотрѣнія за устройствомъ дорогъ; ему передаются отъ сборщика податей деньги, собранныя на этотъ предметъ. Если дорога не въ порядкѣ, то всякій, у кого сломалось колесо въ какой нибудь ямѣ или вообще случилось что нибудь непріятное отъ дурной дороги, имѣетъ право позвать къ суду чиновника, наблюдающаго за путями сообщенія. Чиновникъ знаетъ это и потому самъ заботится, чтобы получить въ свои руки нужныя для расходовъ деньги. Если община не даетъ денегъ, онъ имѣетъ право самъ требовать ихъ, нарушая обычный порядокъ; въ противномъ случаѣ дѣло опять рѣшается судомъ.

Можно бы опасаться, что подобное право вмѣшательства въ общественныя дѣла, предоставленное всякому гражданину, поведетъ къ безпрерывнымъ кляузамъ и всякаго рода безпорядкамъ. Въ Америкѣ это могло бы произойти тѣмъ скорѣе, что во многихъ случаяхъ доноситель на противозаконные поступки пользуется частью штрафа, который взыскивается съ обвиненнаго. Но устройство судовъ, — словесныхъ, съ адвокатами, присяжными и съ полнѣйшею публичностью, — не слишкомъ благопріятствуетъ развитію кляузничества. Да притомъ же есть и еще обстоятельство, удерживающее американцевъ въ предѣлахъ благоразумія и справедливости, — распространеніе началъ образованія въ цѣломъ народѣ. Всякаго рода вздорныя и несправедливыя притязанія являются въ обществахъ неразвитыхъ, не имѣющихъ правильныхъ понятій о предметахъ; съ развитіемъ образованія взаимныя отношенія опредѣляются легче, разумнѣе и дружелюбнѣе. Это очень хорошо поняли въ Америкѣ, и потому-то тамъ каждая община непременно обязана содержать школы для первоначальнаго обученія. Образованіе дѣтей совершается на счетъ государства, и въ каждой общинѣ есть свой школьный капиталъ. Всѣ граждане должны жертвовать на школы часть своихъ доходовъ, потому что всѣ пользуются плодами общаго образованія: если у кого и нѣтъ своихъ дѣтей, то все же школы для него полезны, потому что только при образованности гражданъ возможно въ обществѣ поддержаніе порядка и благоденствія. Оттого человекъ, вовсе не бывшій въ школѣ, не принимается даже на фабрику; оттого для распространенія грамотности въ народѣ ничего не жалѣютъ въ Америкѣ, и всякая небрежность въ этомъ отношеніи строго преслѣдуется. Кромѣ денежной подати, въ пользу школъ выдѣляется всегда, при заведеніи общины, одна тридцать-шестая доля общинныхъ земель; земля эта продается, и деньги, вырученныя за нее, составляютъ школьный

капиталъ, находящійся въ распоряженіи штата. Въ книгѣ г. Лакіера приведены цифры изъ отчета за 1857 г. провинціи Массачусетъ. Изъ нихъ видно, что въ пользу школъ собирается въ годъ болѣе 2,300,000 долларовъ, (до 3,000,000 р. с.), а школьный капиталъ простирается до 1,625,000 дол.; проценты съ него, до 50,000 дол., распределяются между школами отдѣльныхъ городовъ. Но право на полученіе этого вспоможенія имѣетъ только та община, которая сама собираетъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ доллара на каждаго ребенка отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ отношеніи къ управленію, — и здѣсь находимъ совершенное отсутствіе всякой централизаціи. Каждая община управляетъ своими школами по собственному усмотрѣнію; даже если община, особенно городская, очень велика, то она раздѣляется на округа и участки (приходы). Такъ въ Бостонѣ, по свидѣтельству г. Лакіера «для большаго удобства городъ раздѣленъ на округа, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и притомъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіе трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для школъ своего участка особый комитетъ (district committee), и затѣмъ для мѣстнаго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію; такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городского». Нужно впрочемъ замѣтить, что не во всѣхъ штатахъ устройство школьнаго управленія таково, какъ въ Бостонѣ; въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, существуетъ иѣчто въ родѣ нашихъ учебныхъ округовъ, и мѣстныя школы подлежатъ начальственному наблюденію чиновниковъ штата.

Общая тенденція образованія въ Сѣверной Америкѣ — приготовленіе дѣтей къ гражданской дѣятельности, ожидающей ихъ за предѣлами школы. Оттого элементарныя школы считаются необходимыми для всѣхъ; затѣмъ важнѣйшими считаются среднія школы общаго образованія, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ математика, новая географія, исторія Соединенныхъ Штатовъ и ихъ конституція. Затѣмъ — знанія классическія, богословскія, философскія и пр. предоставляются каждому *ad libitum*, и охотниковъ на нихъ является сравнительно не слишкомъ много. «Но объ этомъ американецъ и не сокрушается, какъ замѣчаетъ г. Лакіеръ: онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли, — а ученые для него роскошь»...

Вообще въ образованіи дѣтей и въ устройствѣ школъ въ Америкѣ выражается тоже направленіе, какое и во всемъ другомъ отличаетъ эту страну: дѣлать какъ можно больше для народа и какъ можно менѣе потворствовать аристократическимъ тенденціямъ. Въ этомъ отношеніи любопытна для насъ замѣтка г. Лакіера, сопоставляющая воспитаніе американское съ англійскимъ. «Въ Англіи, говоритъ онъ, — безграмотный вовсе не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва ли гдѣ нибудь можетъ сравниться въ классическомъ образованіи съ англійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ тамъ воспитаніе сохранило средневѣковой, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи цѣлыя столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ былъ по возможности просвѣтить каждого по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ—не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по комнатамъ, костюмамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи.»

Таковы общія черты устройства и положенія отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной-Америкѣ. Между ними и штатомъ составляютъ посредствующее звено графства, которыя впрочемъ не имѣютъ почти никакого значенія. Правительство штата заключается въ *сенатѣ* и въ *палатѣ представителей*. Оба учрежденія очень сходны между собою и вовсе не находятся въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ двѣ палаты въ Англіи. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что сенатъ, кромѣ законодательной дѣятельности, иногда имѣетъ еще административную и судебную, а палата представителей занимается исключительно законодательствомъ, въ судебную же часть пускается—только обвиняя предъ сенатомъ чиновниковъ, не исполняющихъ своей обязанности. Кромѣ того есть еще разница—въ томъ, что въ сенатѣ членовъ меньше и они избираются на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ палатѣ представителей... Существенный же смыслъ учрежденія двухъ палатъ, вмѣсто одной, заключается въ желаніи раздѣлить законодательную власть между двумя политическими учрежденіями и чрезъ то доставить болѣе ручательствъ безпристрастію и обдуманности законовъ.

Исполнительную власть въ штатѣ представляетъ губернаторъ, избираемый на одинъ годъ. Онъ имѣетъ право остановить рѣшеніе

сената, и въ такомъ случаѣ дѣло переходитъ на разсмотрѣніе конгресса. Но самъ собою губернаторъ не можетъ ни издавать законовъ, ни вмѣшиваться въ администрацію страны. Онъ можетъ только излагать предъ законодательнымъ собраніемъ нужды штата и указывать на средства, какія, по его мнѣнію, полезно употребить. Затѣмъ на его обязанности остается только исполненіе опредѣленій сената и палаты представителей. На всякій случай у него въ рукахъ и военная власть.

Федеральный конгрессъ сената представляетъ тоже, что правительство каждого штата. Въ немъ тоже находимъ сенатъ и палату представителей; исполнительная власть въ рукахъ президента, который слѣдовательно тоже самое значитъ въ цѣломъ Союзѣ, что губернаторъ въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ. Существованіе двухъ палатъ въ Союзѣ имѣетъ историческое основаніе. При первомъ предположеніи о конгрессѣ возникли двѣ партіи: одна хотѣла, чтобы Союзъ былъ просто международнымъ конгрессомъ, въ которомъ было бы по равному числу представителей изъ каждого штата; другая напротивъ, желала болѣе тѣснаго, національнаго соединенія, для котораго нужно было, чтобы представители являлись въ конгрессъ не по штатамъ, а по числу жителей. Примирить оба требованія было трудно, и потому рѣшили принять ихъ оба. Для сохраненія принципа совершенной независимости и равенства штатовъ учрежденъ сенатъ, въ который присылается по два представителя изъ каждого штата; они обыкновенно назначаются на шесть лѣтъ, изъ числа сенаторовъ штата. Но чтобы населеніе штата не оставалось безъ вліянія на его представительство въ Союзѣ, въ палату представителей является отъ каждого штата различное число депутатовъ, сообразно съ количествомъ его населенія. Такимъ образомъ штатъ Нью-Йоркъ напр., присылаетъ на конгрессъ 40 депутатовъ, а Делаваръ — только одного. Число народныхъ представителей нынѣ 233, такъ что по расчету населенія Соединенныхъ Штатовъ, приходится по одному депутату на 93,000 гражданъ.

Обсужденію союзнаго конгресса подлежатъ: дѣла иностранной политики, содержаніе войска и флота, займы, необходимыя для общихъ интересовъ Союза, принятіе въ союзъ новыхъ штатовъ, законы о подданствѣ иностранцевъ, о банкротствѣ, о монетѣ и пр. Кроме законодательной власти, союзный конгрессъ имѣетъ и судебную во всѣхъ дѣлахъ, выходящихъ изъ круга власти одного штата, — напр. въ спорахъ между двумя штатами, между гражданами какого нибудь штата и иностранцами, и т. п. Но вообще говоря, — конгрессъ нисколько не стѣсняетъ внутренней жизни штата, и потому Сѣверо-

Американскій Союзъ не только не близится къ распаденію, какъ сначала ожидали нѣкоторые, а все болѣе укрѣпляется. Число штатовъ все возрастаетъ, и теперь ихъ уже 35, вмѣсто первоначальныхъ 13. Необходимыя условія для принятія новаго штата въ Союзъ составляютъ: признаніе имъ союзной конституціи, и населеніе не менѣе 93,000 человекъ, потому что иначе онъ не могъ бы посылать отъ себя депутата на конгрессъ.

Президентъ Союза — совершенно тоже, что губернаторъ въ отдѣльномъ штатѣ. Онъ представляетъ конгрессу о нуждахъ страны, указываетъ что и какъ можно сдѣлать, разсматриваетъ постановленія конгресса и можетъ остановить ихъ своимъ противорѣчіемъ. Въ этомъ случаѣ постановленіе опять переходитъ на разсмотрѣніе обѣихъ палатъ, и тутъ уже требуется, чтобы двѣ трети голосовъ не согласились съ президентомъ: только тогда первоначальное постановленіе можетъ остаться въ своей силѣ. Въ отношеніи къ внѣшней политикѣ президентъ можетъ, съ согласія конгресса, вести переговоры и заключать трактаты съ иностранными державами; онъ же имѣетъ начальство надъ союзной арміей въ случаѣ войны. За службу свою онъ получаетъ 25,000 долларовъ въ годъ.

Какъ ни поверхностенъ этотъ общій очеркъ учреждений Соединенныхъ Штатовъ (назначенный для тѣхъ только, кто о нихъ равно ничего не знаетъ), но и изъ него можно видѣть, что основаніемъ всего ихъ устройства служитъ народная воля и что если въ этой странѣ и есть нѣкоторые признаки *правительственной* централизаціи, то въ *административномъ* отношеніи господствуетъ децентрализація самая полная. Хорошо это или дурно, нельзя судить по одной теоріи, не зная жизненныхъ фактовъ, въ которыхъ выражается вліяніе политическихъ учреждений страны. Поэтому мы намѣрены въ другой статьѣ коснуться нѣкоторыхъ чертъ *быта и нравовъ* Сѣверной Америки. Вообще говоря, конечно справедливѣе будетъ признать зависимость учреждений отъ нравовъ народа. Но въ Америкѣ основныя положенія ея государственнаго устройства опредѣлились очень рано, и разъ сдѣлавшись необходимой принадлежностью политическаго существованія страны, не могли остаться безъ вліянія на самый бытъ народа. Поэтому намъ кажется, что для полной оцѣнки американскихъ учреждений, не мѣшаетъ прослѣдить, какъ они отражаются въ самой жизни американцевъ. Пользуясь наблюденіями нашего путешественника и другихъ писателей, мы и постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ.

Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи *Владимира Алексѣевича Корнилова*, собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ *А. Жандромъ*. Съ портретомъ Корнилова, двумя снимками приказовъ, собственноручно имъ писанныхъ, двумя картами Чернаго моря, съ означеніями мѣстъ нашихъ и турецкихъ судовъ, шестью планами Севастополя, объясняющими постепенное улучшеніе обороны его, и двумя планами сраженій. Спб. 1859 г.

Матеріалы, собранные г. Жандромъ, обнимаютъ время отъ вступленія Корнилова въ должность начальника штаба Черноморскаго флота до первой бомбардировки Севастополя союзниками, 5 октября 1854 г., въ которой Корниловъ былъ убитъ. Главную роль въ книгѣ занимаетъ Корниловъ, и дѣло обороны Севастополя изложено въ ней лишь настолько, насколько Корниловъ принималъ въ немъ участіе. Это объясняется намѣреніемъ и средствами, какія имѣлъ авторъ. Въ предисловіи своемъ онъ объясняетъ, что, бывши однимъ изъ приближенныхъ офицеровъ этого адмирала, онъ хотѣлъ «сохранить отъ забвенія духовное наслѣдство, оставленное Корниловымъ флоту», тѣмъ болѣе, что послѣднее его порученіе г. Жандру было вести журналъ обороны Севастополя, и что «отдавая ему разные, необходимые для этого журнала, документы, со словами: «возьмите—это для исторіи»,—Корниловъ какъ бы завѣщалъ ему сохранить историческіе матеріалы того времени.»

Трудъ г. Жандра исполненъ очень тщательно и добросовѣстно, — сколько можно судить объ этомъ не спеціалисту и не самовидцу дѣла. Направленіе всего труда выражено въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «тутъ (въ исторіи обороны Севастополя), мнѣ кажется, не нужны украшенія; напротивъ, чтобы дать возможность оцѣнить подвигъ во всемъ его величіи, необходимо изобразить вполне, безъ малѣйшей утайки, всѣ событія, предшествовавшія осадѣ, и самого бомбардированья; будущему же историку, конечно, нужны документы, а не общія мѣста о непоколебимомъ мужествѣ защитниковъ Севастополя.» Оставаясь вѣрнымъ этой мысли, г. Жандръ помѣстилъ въ «Матеріалахъ» множество подлинныхъ документовъ, — приказовъ, инструкцій, диспозицій, и пр., — въ которыхъ довольно ясно обозначается настоящее положеніе Севастополя при началѣ осады. Отъ себя г. Жандръ говоритъ немного, и то болѣе о Корниловѣ, нежели вообще объ осадѣ. Замѣчанія его большею частію любопытны и вѣрны; только въ двухъ мѣстахъ намъ показалось, что составитель ма-

теріаловъ преувеличиваетъ истину дѣла. На стр. 169 и 211 авторъ указываетъ на ложность мнѣнія тѣхъ, которые писали, что во время высадки союзниковъ «оборонительная линія Севастополя состояла изъ неоконченной и большою частью только проектированной каменной стѣнки,» и что «до 13 сентября не было предпринято работъ къ укрѣпленію города съ южной стороны.» Въ мнѣніяхъ этихъ оказываются неточными нѣкоторыя выраженія; но сущность ихъ не уничтожается свѣдѣніями, приводимыми у г. Жандра. Опровергая ихъ, онъ самъ сознается, что укрѣпленія были далеко неудовлетворительны и плохо вооружены, и что до 13-го сентября была только *подготовка*. Вотъ собственныя слова г. Жандра на стр. 211—212.

«Читатели помнятъ, что 1 сентября Севастополь былъ уже защищенъ линією временныхъ укрѣпленій, расположенныхъ во взаимной оборонѣ, и что тотчасъ по полученіи извѣстія о высадкѣ, всѣ береговыя Севастопольскія команды обращены были на усиленіе батарей, для чего въ тоже время сняты 30 орудій съ корвета, брига и шкуны, остававшихся не разруженными въ гавани. Тогда не было другихъ свободныхъ орудій, ибо находившіяся въ морскомъ арсеналѣ не имѣли принадлежности, а разружать корабли и фрегаты, ожидая со дня на день морскаго сраженія,—было бы крайне неблагоразумно. Но лишь только было рѣшено, что флотъ нашъ не выйдетъ изъ порта, три фрегата, носившіе 164 орудія большаго калибра, съ командирами, офицерами и командами, обращены были немедленно на усиленіе южной оборонительной линіи. Выше говорено, какъ дѣятельно принялись фрегатскія команды за работу, но пока платформы для орудій не были готовы, то съ перваго взгляда *могло казаться*, что къ укрѣпленію Южной стороны не принято дѣятельныхъ мѣръ. Когда же платформы успѣли, то свидѣтели преображенія Севастополя 14 и 15 сентября, должны были согласиться, что многое было подготовлено, и что безъ этихъ предварительныхъ мѣръ никакой волшебникъ не въ состояніи бы былъ устроить оборонительную линію столькими орудіями, что въ Севастополѣ 16 сентября—мудрено былъ узнать Севастополь 13 сентября.»

Изъ книги г. Жандра видно, какія неимовѣрныя усилія были употреблены для того, чтобы удержаться въ Севастополѣ, и въ какомъ отчаянномъ положеніи находились русскіе въ первый мѣсяцъ по высадкѣ союзниковъ. Они съ честію вышли изъ всѣхъ затрудненій; зачѣмъ же отбѣгать славу ихъ энергіи и самоотверженія преувеличеніемъ важности того, что было сдѣлано ранѣе? Теперь уже дѣло прошлое: если были недостатки, то они открыты всѣмъ и каждому не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, по возможности исправлены, и признаваться въ нихъ вовсе не стыдно, по благородному убѣжденію самого г. Жандра. Изъ многихъ документовъ,

приведенныхъ въ книгѣ, ясно, что многого не доставало тогда для нашей арміи и флота, и вспоминая объ этихъ недостаткахъ, еще болѣе изумляешься необычайному мужеству войска, одиннадцать мѣсяцевъ отстаивавшаго Севастополь.

Представимъ нѣсколько данныхъ изъ книги г. Жандра о состояніи флота, морскаго управленія и военныхъ средствъ нашихъ при началѣ восточной войны.

Люди энергическіе, честные и знающіе дѣло усердно трудились надъ улучшеніями нашего флота, незадолго до начала войны. Но ихъ успія не вполне достигали цѣли, частію по недостатку средствъ, а частію по причинѣ препятствій, встрѣчавшихся имъ со стороны разныхъ формальностей и бумажныхъ проволочекъ и недосмотровъ. Въ сентябрѣ 1851 г., когда въ Петербургъ безъ вѣдома Корнилова, отослана была финансовая смѣта на 1852 г., онъ вотъ что писалъ къ князю Меншикову (Мат. стр. 19).

«Возвратясь 12 сентября изъ Севастополя, я къ крайнему моему сожалѣнію нашелъ, что финансовая смѣта для будущаго 1852 года отправлена въ С. Петербургъ безъ предварительнаго моего взгляда. Она готовилась цѣлый мѣсяцъ въ Интендантствѣ и когда дошла до Канцеляріи Г. Главнаго Командира, то тутъ нужно было отослать ее имено въ тотъ единственный день, въ который я отлучился въ Севастополь (*). Я не думаю, чтобъ Морицъ Борисовичъ (Берхъ) сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, но во всякомъ случаѣ, если онъ, вмѣсто довѣрія, которое до сихъ поръ показывалъ ко мнѣ.... станетъ удалаться моего содѣйствія, то я не думаю, чтобъ я могъ, находясь въ такомъ отдаленіи отъ Вашей Свѣтлости, быть здѣсь полезенъ. Я обязываюсь откровенно доложить, что покуда мы съ Мѣтлиннымъ (**) все наше время и всѣ наши успія должны истощать въ борьбѣ съ ухищреніями чернильнаго братства, здѣсь издавна преобладавшаго, и конечно если Главный Командиръ будетъ двухсмысленно насъ поддерживать, то изведемъ только себя, безъ всякой пользы дѣлу».

Письмо это показываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи часто находился Корниловъ «отъ ухищреній чернильнаго братства.» Несмотря на то, онъ дѣлалъ свое дѣло; въ 1852 г. онъ указалъ на необходимость винтовыхъ кораблей и добился того, что въ томъ же году начались работы. Но успѣшное исполненіе дѣла было очень

(*) Владиміръ Алексѣевичъ откладывалъ нѣсколько времени свою поѣзду въ Севастополь, ожидая съ нетерпѣніемъ представленія финансовой смѣты, но получивъ извѣстіе, что штормъ съ проливнымъ дождемъ повредилъ часть стѣны доковаго бассейна, принужденъ былъ отправиться въ Севастополь 9 сентября. А. Ж.

(**) Оберъ-Интендантъ Черноморскаго Флота и портовъ, нынѣ Адмиралъ Управляющій Морскимъ Министерствомъ.

трудно. Флотъ требовалъ большихъ издержекъ для приведенія его въ удовлетворительное состояніе. Въ сентябрѣ 1852 г. Корниловъ писалъ, что изъ 17 кораблей Черноморскаго флота два «стоятъ въ спискахъ только для счета,» а четыре другихъ требуютъ капитальныхъ исправленій. На все это нужны были деньги, и Корниловъ поэтому замѣчалъ, въ заключеніе своей записки, слѣдующее относительно постройки новыхъ кораблей: «конечно, построеніе двухъ винтовыхъ кораблей не можетъ быть исполнено нормальными средствами черноморскаго бюджета, и на машины, заказываемыя обыкновенно въ Англіи, потребуется особое ассигнованіе, но нельзя же Черноморскій флотъ держать на отсталой отъ другихъ націй ногѣ, и тѣмъ, въ случаѣ разрыва, предоставить случайностямъ неровнаго боя.»

Затрудненія были значительны; но черезъ мѣсяць оказалось, что они не ограничиваются трудностью постройки самихъ кораблей. Въ октябрѣ 1852 г., при осмотрѣ Севастопольскихъ доковъ, Корниловъ нашелъ, «что проводныя шлюзы для удлиненныхъ трехъ-дечныхъ кораблей коротки и что самая крайняя длина судовъ, которыя могутъ быть введены этими шлюзами въ бассейнъ, простирается едва до 230 футъ.» По этому поводу Корниловъ писалъ отъ 27 окт. къ князю Меншикову: (Матер. стр. 349).

«Обстоятельство это меня крайне огорчило, тѣмъ болѣе, что сколько я ни соображалъ и сколько ни разсуждалъ съ наличными въ Севастополѣ инженерами, то нѣтъ другаго исхода изъ этого важнаго затрудненія, какъ или сдѣлать изъ трехъ шлюзовъ два, или перенести ворота 1-го, 2-го и 3-го. И то и другое потребуетъ и время и денегъ, къ тому еще поспѣшности; ибо безъ доковъ нельзя и думать строить винтовые 100-пушечные корабли размѣровъ въ Европѣ принятыхъ, такъ какъ установленіе на нихъ винта и машины не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ въ Севастополѣ,—по невозможности проводить корабли съ большимъ углубленіемъ ахтеръ-штевня Днѣпровскимъ лиманомъ, по его мелководію.

«Аккуратное соображеніе о самыхъ скорыхъ и дешевыхъ средствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ, которыя бы отстранили и на будущее время подобныя затрудненія, отъ меня будетъ представлено, когда получу всѣ потребныя для сего исчисленія инженеровъ. Теперь же обязываюсь доложить Вашей Свѣтлости, что введеніе въ доки 2-хъ кораблей и фрегата большаго размѣра, для капитальныхъ безотлагательныхъ исправленій, при всегдашней потребности флота въ другихъ, менѣе важныхъ, но не менѣе необходимыхъ исправленіяхъ судовъ,—безъ соразмѣрнаго адмиралтейства и запаса необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, заставляетъ меня вновь просить ходатайства Вашей Свѣтлости объ ускореніи рѣшенія на счетъ постройки Лазарева адмиралтейства и нашего лѣснаго

спора (*)...... безъ хорошо устроеннаго пильнаго завода, кузницы, способной отковывать большія вещи, механическаго, а съ введеніемъ винта и пароводнаго, заведенія, не предстоить никакой человѣческой возможности успѣшно капитально исправлять суда въ докахъ и приспособлять новый двигатель, и тѣмъ удержатъ Черноморскій флотъ на той ногѣ, на которой угодно Его Величеству. Пожертвованія послѣдняго времени Англіи и Франціи, на распространеніе и усовершенствованіе адмиралтействъ, и заведенія этого рода, воздвигнутыя не только у турокъ, но у неаполитанцевъ, флотъ которыхъ не составляетъ и пятой доли нашего Черноморскаго, даютъ мнѣ смѣлость представить о нуждахъ Севастопольскаго порта съ такимъ настояніемъ.»

Открывшіяся въ 1853 г. военныя дѣйствія противъ Турціи помѣшали спокойному окончанію дѣла. Корниловъ долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы, какъ онъ выражался, — «скорѣе наши скудныя пароводныя силы привести въ самое дѣйствительное положеніе» (Мат. стр. 79). Ему надобно было хлопотать даже объ улучшеніи нѣкоторыхъ частей вооруженія на корабляхъ; такъ напр. въ октябрѣ 1853 г. онъ писалъ: «осматривая тревогу на нѣкоторыхъ судахъ, я нашелъ, что заготовленіе бомбовыхъ трубокъ и пальба бомбами не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію этого дѣла во французскомъ и англійскомъ флотѣ...» При такихъ заботахъ было не до винтовыхъ кораблей. И то наши моряки сдѣлали слишкомъ много въ это критическое время: вспомнимъ, что въ ноябрѣ 1853 г. произошла знаменитая Синопская битва.

Недостатокъ винтовыхъ кораблей много однакоже повредилъ въ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Вотъ какъ передаетъ г. Жандръ впечатлѣніе, произведенное на моряковъ, и особенно на Нахимова, приближеніемъ союзнаго флота, 14 іюля 1855 г. (Мат. стр. 170).

«Непріятельскій флотъ приближался; онъ шелъ безъ флаговъ и парусовъ, на буксирахъ винтовыхъ кораблей и пароводовъ, въ направленіи къ мысу Лукуллу. Въ 9 часу можно было рассмотреть, что сила союзнаго флота—4 трехъ-дечныхъ и 10 двухъ-дечныхъ кораблей, винтовой фрегатъ и 6 большихъ пароводовъ—равнялась съ нашею; но 4 винтовые корабля его водили на буксирахъ парусные, въ то время, когда мертвый штиль отнималъ у насъ всякую надежду на возможность битвы. Три паровода, подходившіе къ Севастополю, дѣлали промѣръ у мыса Лукулла и на Евпаторійскомъ рейдѣ, а остальные непріятельскія суда все утро держались на высотѣ мыса Лукулла; при чемъ винтовые корабли учились водить на буксирахъ по два и по три парусныхъ, измѣняя курсы и поворачивая вдругъ на 16 румбовъ.

(*) Министерство Государственныхъ Имуществъ затруднялось дозволить вырубку въ казенныхъ рощахъ одного милліона кубическихъ футъ дубу для Черноморскаго флота. А. Ж.

«Послѣ полдня союзный флотъ продолжалъ тѣже эволюціи, подвигаясь къ югу, но не поднимая флаговъ. Весь Севастополь слѣдилъ за движеніями непріятеля, и легко понять, что было на душѣ у моряковъ. Нахимовъ пріѣхалъ со своего далекаго корабля на библіотеку, (гдѣ былъ устроенъ тогда наблюдательный постъ), долго смотрѣлъ на маневры враговъ, и наконецъ отвернувшись, проговоривъ: «Проклятые саомары! Не даромъ я не любилъ ихъ».

Но не въ одномъ отсутствіи винтовыхъ пароходовъ состояло наше горе. Въ книгѣ г. Жандра передаются нѣкоторыя обстоятельство, свидѣтельствующія, что несмотря на блестящую побѣду при Синопѣ, флотъ нашъ въ 1854 г. былъ далеко не въ блестящемъ положеніи. Вотъ нѣсколько фактовъ.

Отъ 15 февраля 1853 г. написано слѣдующее отношеніе Корнилова къ Нахимову, по поводу дежурной шлюпки въ карантинной бухтѣ (Мат. стр. 375).

«Вчерашняго числа, желая опросить подходившій французскій пароходъ, на дежурной шлюпкѣ, бывшей въ то время въ Карантинной бухтѣ, — я нашелъ ее безъ парусовъ, безъ оружія, безъ флага, съ оборванными гребцами, и остался очень доволенъ, что пароходъ этотъ не хотѣлъ дожидаться опроса, ибо таковая шлюпка, съ военными офицерами и матросами, могла бы имѣть самое невыгодное вліяніе на, можетъ быть, будущихъ непріятелей нашихъ. Шлюпка эта была полубарказъ съ корабля *Святославъ*. Въ предупрежденіе такихъ постыдныхъ случаевъ на будущее время, я считаю необходимымъ, для опроса судовъ, подходящихъ къ Севастополю, назначать ежедневно съ эскадры по два опрятныхъ легкихъ катера», и пр...

Въ началѣ марта былъ смотръ гребнымъ судамъ, шедшимъ со стрѣлками отъ кораблей къ Екатерининской пристани, и Корниловъ былъ пораженъ неудачнымъ управленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; потомъ онъ смотрѣлъ гребныя суда отряда контръ-адмирала Вульфа и остался еще болѣе недоволенъ. Негодованіе его выразилось въ слѣдующемъ отношеніи къ командиру порта, отъ 8 марта (Матер. стр. 132 — 133).

«По осмотрѣ сего числа стрѣлковыхъ партій и отряда гребныхъ судовъ Контръ-Адмирала Вульфа, собравшихся съ кораблей, я вынужденнымъ нахожусь просить Ваше Превосходительство сдѣлать кому слѣдуетъ извѣстнымъ: ..

1) При сборѣ стрѣлковыхъ партій, барказъ съ корабля *Варна* пришелъ подъ однимъ фокомъ съ бизань-мачтою, подвизанною у борта, и отъ этого, не имѣя чѣмъ привести къ вѣтру, присталъ дурно. Такое управленіе шлюпкою доказываетъ совершенное отсутствіе морскихъ по-

знаній, и случается на судахъ, на коихъ командиры не наблюдаютъ за подчиненными и не дѣлаютъ имъ надлежащихъ наставленій.

2) Нѣкоторыя шлюпки на возвратномъ пути выпребали на вѣтеръ съ поставленными мачтами. Это также доказываетъ отсутствіе морской сноровки.

3) На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли закутанными въ шубахъ, вѣроятно полагая, что быть назначены въ партіи для береговыхъ дѣйствій, — управленіе шлюпкою до нихъ не касалось. Прошу командировъ: офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ посылать на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинить не можетъ; ибо офицеръ, который во время порученія, налагающаго на него обязанность распорядженія и примѣра подчиненнымъ своимъ, одѣвается такъ, что трудно двигаться и что нибудь видѣть, конечно не имѣетъ чувства своего достоинства, и слѣдовательно понятіе его о служебныхъ обязанностяхъ — жалкое.

4) Гребныя суда отряда Контръ-Адмирала Вульфа, къ сожалѣнію моему, за исключеніемъ со сто-пушечныхъ кораблей и затѣмъ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ исключеній, вообще не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бываютъ на исправныхъ военныхъ судахъ: нѣкоторыя имѣютъ признаки долгаго оставленія на водѣ, другія избиты и похожи на расхожіе портовые, иные безъ дрековъ и сходень, необходимыхъ при высадкѣ десанта. Къ тому, по отзыву Контръ-Адмирала Вульфа, не всѣ команды и офицеры постоянные, и потому не знаютъ сборныхъ пунктовъ.»

Въ апрѣлѣ, съ наступленіемъ теплыхъ дней, необыкновенно умножилось количество больныхъ въ Черноморскомъ экипажѣ. Корниловъ назначилъ комиссію для изслѣдованія причинъ; оказалось, что не вездѣ матросы спятъ непременно въ подвѣшенныхъ койкахъ: «нѣкоторые командиры 84-хъ пушечныхъ кораблей не позволяли подвѣшивать коекъ къ верхней батарее, а такъ какъ въ одной нижней батарее нѣтъ возможности подвѣсить койки всей команды, то часть экипажа, по необходимости, должна была спать на палубѣ.» Узнавъ объ этомъ, Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ: (Матер. стр. 155).

«Во всѣхъ военныхъ флотахъ, не исключая турецкаго, не принято, чтобы нижніе чины на судахъ не спали въ подвѣшенныхъ извѣстной формы койкахъ, и къ особенной заботливости капитановъ отнесено наблюдать, чтобы подвѣшивание непременно исполнялось.

Въ русскомъ военномъ флотѣ койки введены съ его основанія и по штату всегда полагались, равно какъ шкентросы и прочія ихъ принадлежности. Штатомъ же 1840 года постановлено отпускать на каждаго челоѣка по двѣ койки изъ парусины, собственно для коекъ отдѣливаемой, дабы во время мытья одного комплекта, на другомъ спали.

«Полагаю, что во время управленія Черноморскимъ флотомъ Адмирала Грейга требовался этотъ, съ незапамятныхъ временъ заведенный на военныхъ судахъ, порядокъ.

«Всякій изъ насъ помнить, какъ настоятельно онъ требовался покойнымъ Адмираломъ Лазаревымъ; опытный адмиралъ отдавалъ много приказовъ и подробныхъ инструкцій о подвѣшиваніи косякъ и обращеніи съ ними, видя въ сеіи принадлежности морской жизни матроса, предметъ наиболѣе способствующій къ сохраненію его здоровья; ибо Адмиралу Лазареву, какъ много плававшему, извѣстно было лучше, чѣмъ кому либо: 1) что въ койкѣ матросъ можетъ заснуть сухо; 2) что въ койкѣ только матросъ непремѣнно раздѣнется, ибо иначе въ нее трудно лечь, и 3) въ койкѣ только онъ будетъ спать на мѣстѣ, ему опредѣленномъ, что всегда важно для судового порядка.

«Непомѣрное умноженіе больныхъ въ нѣкоторыхъ экипажахъ флота и особенно появленіе скорбута и вообще худосочія, къ развитію коего ничто столько не содѣйствуетъ, какъ ненатуральный сонъ, и притомъ на сырой палубѣ, наводитъ меня на мысль, что не на всѣхъ судахъ строго наблюдаютъ, чтобы нижніе чины непремѣнно спали въ подвѣшенныхъ койкахъ и раздѣвшись; а потому я вынужденнымъ нахожусь напомнить командирамъ судовъ, что такое несоблюденіе правилъ морской жизни, заведенныхъ съ давнихъ временъ всѣми націями, съ пожертвованіемъ значительныхъ денегъ, отнесено будетъ начальствомъ къ неспособности къ командованію, ибо нераспорядительность или безпечность, въ отношеніи къ сохраненію здоровья команды, не должна быть ничѣмъ извиняема».

Въ маѣ мѣсяцѣ Корниловъ послѣ смотра кораблямъ выдалъ приказъ, въ которомъ замѣчаетъ нѣкоторые недостатки корабельнаго содержанія, сверхъ многихъ другихъ недостатковъ, еще прежде замѣченныхъ имъ словесно. Между прочимъ онъ говоритъ: (стр. 161).

«Вообще при дѣланныхъ кораблямъ смотрахъ, относительно боевой тревоги замѣчено:

1) Недостатокъ приспособленій, для направленія выстрѣловъ, въ случаѣ, если предметъ комендору не видѣнъ.

2) Недостатокъ упражненія съ подколесными клиньями и недостатокъ самыхъ клинбевъ.

3) Заведеніе держать ружья, излишнія противъ боеваго росписанія, — въ декахъ. Излишнія ружья держать въ декахъ вдвойнѣ невыгодно: ружей чѣмъ менѣе въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ они легче разбираются, и ружья излишнія, скрытыя въ арсеналѣ, не подвержены, безъ нужды, разрѣшенію отъ непріятельскихъ ядеръ.

Въ іюнѣ, съ приближеніемъ непріятеля, оказался недостатокъ въ людяхъ, и потому съ нѣкоторыхъ фрегатовъ команда отправлялась часто къ батареямъ. Только сначала іюля, по словамъ г. Жандра,

(стр. 168) сталъ водворяться должный военный порядокъ, и фрегаты Месемврія и Сизополь могли начать свои крейсерства.

1 іюля Корниловъ, послѣ осмотра судовъ, далъ слѣдующій приказъ (стр. 172),

«На нѣкоторыхъ судахъ Черноморскаго флота часто случается, что рангоутъ стоитъ неправильно и вообще вооруженіе имѣетъ запущенный видъ; причины этому — невнимательность вахтенныхъ начальниковъ и незаботливость старшаго офицера. Такъ какъ постановка рангоута есть мѣрило порядка и знанія морскаго дѣла на судахъ, то я и предупреждаю гг. командировъ, что неисправное содержаніе рангоута мною считается дурною аттестаціею системы управленія судномъ».

22 и 24 іюля еще подобные приказы. Вотъ послѣдній изъ нихъ: (стр. 172),

24 Іюля: «Освѣдомясь, что на нѣкоторыхъ судахъ флота паруса и такелажъ не въ благонадежномъ состояніи, я предупреждаю командировъ, что можетъ случиться потребность флоту выйти, въ осеннее бурное время, для дѣйствія противъ непріятеля, и потому для сего надлежитъ заранѣе готовиться, и что затѣмъ, если съ какого судна не будетъ донесено мнѣ предварительно, то отвѣтственность ляжетъ на командирѣ.»

Высадка непріятелей застала Севастополь совершенно неприготовленнымъ. Съ моря укрѣпленія были нѣсколько значительнѣе и имѣли 611 орудій; но съ сухаго пути были только приготовительныя работы съ 200-ми орудій. Общее недоумѣніе и страхъ будущаго овладѣли Севастопольскими героями; и на генеральномъ совѣтѣ 12 сентября, по словамъ составителя «Матеріаловъ», «выражено много стремленій противостоять врагамъ до послѣдней крайности, многіе признавали необходимость принять рѣшительныя мѣры; но какъ бы поджидали, что въ минуту опасности явится распорядитель, который размѣститъ войска и одушевитъ гарнизонъ»... (Матер. стр. 212).

Распорядителемъ явился Корниловъ; но и самъ онъ не былъ одушевленъ большими надеждами, особенно послѣ того, какъ рѣшено было затопить корабли. Исторія этого затопленія рассказана у г. Жандра съ подробностью, въ которой довольно ярко выставляется драматизмъ событія. До чѣго доходила тяжесть положенія Севастопольцевъ, какъ всѣ надежды ихъ были уничтожены — это можно видѣть изъ приказа Нахимова, отданнаго 14 сентября (Матер. стр. 221).

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону; я въ необходимости нахожусь затопить суда вѣрною мнѣ

эскадры, и оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю.»

При такомъ настроеніи лучшихъ изъ героевъ, при такомъ положеніи дѣлъ, трудно было кому нибудь остаться спокойнымъ и сохранить увѣренность въ будущемъ успѣхѣ. Чрезвычайно любопытно слѣдить въ этомъ случаѣ за расположеніемъ духа Корнилова, одного изъ главныхъ распорядителей всего дѣла. Слѣдить за этимъ мы можемъ, къ счастью, изо дня въ день по его журналу, который онъ велъ постоянно для жены своей. Журналъ этотъ напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ г. Жандра, и мы не можемъ удержаться, чтобы не представить изъ него нѣсколько выписокъ нашимъ читателямъ. Въ началѣ сентября Корниловъ еще совершенно спокоенъ; по чѣмъ далѣе, тѣмъ мрачнѣе становятся его мысли; только въ концѣ сентября опять онъ ободряется.

4-го Сентября. По слухамъ изъ лагеря, непріятель высадилъ свои войска и готовится атаковать нашихъ. Позиція, избранная, княземъ (Меншиковымъ) брезвычайно сильна, и потому мы совершенно спокойны; впрочемъ все зависитъ отъ Бога.

5-го Сентября. У насъ въ Севастополѣ все благополучно, все спокойно и даже одушевлено; на укрѣпленіяхъ работаютъ безъ устали и они идутъ съ большимъ успѣхомъ. Надѣмся, что князь Меншиковъ обойдется безъ нихъ.

7-го Сентября. Мои занятія въ продолженіе дня состояли въ разъѣздахъ по инженернымъ работамъ, которые идутъ по мѣрѣ возможности. Я отрылъ имъ около пяти тысячъ рабочихъ и инструментовъ, и мы въ недѣлю сдѣлали больше, чѣмъ прежде дѣлали въ годъ. Одно, что лежитъ у меня на совѣсти — это откомандировка морскихъ стрѣлковъ, но чтоже дѣлать, когда князь не уступалъ моимъ доводамъ; вечеромъ я опять писалъ ему о томъ же, — что такое откомандированіе лишаетъ флотъ лучшихъ людей и обрекаетъ его бездѣйствію. И такъ завтра будетъ, кажется, день или великой побѣды или конечнаго пораженія. Боже, благослови наше дѣло! Мы, по крайнему разумѣнію нашему, признаемъ его правымъ...

11-го Сентября. Мы моряки останемся защищать Севастополь. Богъ да поможетъ намъ устоять противъ двадцати языцевъ. Въ городѣ суэта, на рейдѣ еще большая.

12-го Сентября. Вчера непріятель днесалъ за Бельбекомъ; наша армія снялась ему во флангъ, по высотамъ Инкерманскимъ. Я взялъ на себя защиту Сѣверной стороны и теперь поселился въ домикѣ Меншикова, у батареи № 4-го. У меня 10,000 нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣ-

лаетъ свое, надѣюсь отдохнуть. Берегъ этотъ, кромѣ войска, защищаетъ кораблями и пароходами; съ моря же мы недосыгаемы. Третьяго дня, перекрестясь, со слезами на глазахъ, затопили на фарватерѣ пять старыхъ кораблей, и обратился прекрасный Севастопольскій рейдъ въ озеро. Городъ поручень тріумвирату: Станюковичу, генералу Моллеру и Нахимову. Богъ поможетъ Меншикову побить или хоть потревожить Арно, такъ Россія не потеряетъ чуднаго порта и флота.

14-го Сентября. Непріятельскія передовыя колонны двинулись къ Балаклавѣ и заняли городъ. Пароходы въ большомъ числѣ ходили по всеѣмъ Херсонскимъ бухтамъ и кругомъ въ Балаклаву. Цѣлый день занимался укрѣпленіемъ города и распредѣленіемъ моряковъ, переведенныхъ, за исключеніемъ четырехъ баталіоновъ, на городскую сторону. Итого у насъ набирается 5,000 резервовъ Аслановича и 10,000 морскихъ разнаго оружія, даже съ пиками. Хорошъ гарнизонъ для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ!... но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ, если устоимъ;—если же нѣтъ... По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой, но все это можетъ только увеличить рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля. О князѣ ни слуху, ни духу. Вечеромъ собрались все для распредѣленія ролей и рѣшенія позицій.

«15 Сентября. О князѣ ни слуху, ни духу. 2-я непріятельская колонна ночевала на мѣстѣ ночлега первой, а въ 10 часовъ утра обѣ тронулись къ Севастополю. Во 2-мъ часу непріятельскіе аванпосты на дорогахъ старой и новой; къ вечеру утвердились на плоской горѣ, надъ хуторомъ Саранданаки. Армія вѣроятно позади. Непріятельскіе пароходы хозяйничаютъ въ Херсонскихъ бухтахъ, прилежащихъ къ маяку и къ Балаклавѣ. Конечно, завтра узнаемъ болѣе. Наши дѣла улучшаются, инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ; но чего ожидать, кромѣ позора, съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6 резервныхъ баталіоновъ и 15 морскихъ изъ матросовъ; изъ послѣднихъ 4 приобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены и плохо приобучены. Но что будетъ, то будетъ,—другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыгратъ исторія; хотимъ биться до нельзя,—врядъ ли поможетъ это дѣлу. Корабли и все суда готовы къ затопленію; пускай достанутся развалины!... Вечеръ въ черныхъ мечтахъ о будущемъ. Россія....

16-го Сентября. Мы здѣсь не унываемъ; укрѣпляемся, какъ умѣемъ и какъ средства позволяютъ. Непрерывная цѣпь редутовъ, бастионовъ и разнаго рода батарей представляютъ непрерывную линію пушечнаго

огня; но эта линия на семи верстах.... Есть высоты, на которыхъ легко воздвигнуть батареи противъ насъ и кромѣ—три или четыре пути, въ которыхъ прорваться конечно легко, ибо защитниковъ немного: моряковъ 10,000 да 6,000 резервныхъ солдатъ. Богъ да благословитъ и укрѣпитъ насъ.

18-го Сентября. Наши дѣла по старому. Укрѣпленія умножаются: все осматриваемся и готовимъ, въ случаѣ атаки, русскій отпоръ.... Къ вечеру князь пріѣхалъ на Сѣверную сторону, куда приближаются войска; съ нимъ прибылъ и курьеръ Николаевскій. Князь очень жалуется на слабость войскъ своихъ и считаетъ непріятеля очень сильнымъ; собирается опять сдѣлать движеніе; предоставляетъ Севастополь своимъ средствамъ. Если это будетъ, то прощай Севастополь!... Если только союзники рѣшатся на что нибудь смѣлое, то насъ задавятъ. Это мною было представлено князю; онъ обѣщаль военный совѣтъ, котораго мы и ожидаемъ. Держаться съ войсками въ Севастополѣ весьма можно, и держаться долго; но безъ войскъ—дѣло другое.

19-го Сентября. Князь совѣта не собиралъ, но войска далъ; къ намъ привезли три полка 17-й дивизіи: Тарутинскій, Бородинскій и Московскій. Теперь войска много; надѣюсь, что будемъ стоять — и тогда отстоимъ; укрѣпленія улучшаются.

21-го Сентября. Войска еще прибыло: присланы два баталіона черноморцевъ, такъ что мы теперь въ такомъ положеніи, что какъ бы силы враговъ нашихъ ни были велики, но мы должны устоять, развѣ войска не будутъ драться, чего предполагать нельзя.

24-го Сентября. Мы подкрѣплены войскомъ, въ сообщеніи съ главной квартирой и, несмотря на скопище непріятелей, обложившихъ Севастополь кругомъ съ Южной стороны бухты, нисколько не отчаиваемся отстоять его, — развѣ Богъ насъ оставитъ; тогда Его святая воля.

27-го Сентября. Наши укрѣпленія все усиливаются, гарнизонъ устраивается; здоровье солдатъ какъ нельзя лучше, несмотря—что все это живетъ на воздухѣ, и многіе безъ крышъ, и несутъ самую тяжелую, непрерывную службу. Войско князя Меншикова расположено на Бельбекскихъ высотахъ и Меккензіевой дачѣ и растетъ подкрѣпленіями. Сообщеніе съ Россіею восстановлено совершенно; даже начинаются подвозы на Сѣверную сторону, такъ что прекращаемъ вынужденную крайностію фуражировку. Еслибы союзники дали намъ въ такомъ положеніи дождаться дивизіи Липранди и другихъ подкрѣпленій, а сами бы дождались осеннихъ погодъ, то надобно надѣяться, что съ милостию Божіею мы бы отстояли это сокровище Россіи — Севастополь.

28-го Сентября. Къ вечеру явился на нашъ аванпостъ французскій артиллеристъ, — кажется, бѣжалъ отъ голода, потому что пища обрадовался, какъ ребенокъ. Онъ сказывалъ, что *St. Arnaud* умеръ, и что нелады между Канроберомъ и Рагланомъ, и что эти нелады—причина ихъ медленности; должно быть, Богъ не оставилъ еще Россію. Конечно,

еслибы непріятель послѣ Алминской битвы пошелъ на Севастополь, то легко бы завладѣлъ имъ...»

Этимъ искреннимъ признаніемъ знаменитаго адмирала мы заключаемъ наши выписки изъ его дневника и кончимъ нашу рецензію «Матеріаловъ», изданныхъ г. Жандромъ и заслуживающихъ, по своей полнотѣ и важности, полного вниманія и благодарности не только отъ моряковъ, но и отъ всякаго, кто добросовѣстно и съ любовью занимается нашей отечественной исторіей.

Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи. Сочиненіе *С. Палаузова*. Спб. 1859.

Вопросъ о Дунайскихъ Княжествахъ еще такъ недавно занималъ дипломатическіе умы Европы. Не дагѣ, какъ въ половинѣ прошлаго года, онъ разрѣшенъ парижскими конференціями; но послѣдовавшія за тѣмъ событія, и особенно недавнія выборы господара, придали новый интересъ дѣлу княжествъ. Интересъ этотъ такого рода, что невольно заставляетъ, для разъясненія вопроса, вникнуть въ характеръ народности и историческаго развитія обоихъ народовъ, столь тѣсно связанныхъ въ своемъ политическомъ существованіи. Поэтому книга г. Палаузова — явленіе весьма своевременное и полезное для всякаго, кто не чуждъ политическихъ интересовъ. Сочиненіе это отличается строгимъ ученымъ характеромъ, и богатство свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, выкупаетъ нѣкоторую тяжеловатость его изложенія. Мы рѣшаемся взять изъ книги г. Палаузова нѣсколько фактовъ, относящихся преимущественно къ новой исторіи Княжествъ.

Валахи и молдавы являются въ исторіи еще въ XIII вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ они подпали подъ покровительство Турціи, и съ этого времени начинается исторія ихъ бѣдствій. Тяжелая дань, постоянно возрастающая, и жестокіе господа терзали Валахію почти непрерывно въ теченіе двухъ столѣтій, до 1592 года, когда на престолъ Валахіи вступилъ Михаилъ Храбрый, съ которымъ у народа валахскаго связаны самыя свѣтлыя воспоминанія. Задушевною мыслію Михаила было соединеніе всѣхъ румыновъ въ одно независимое государство. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, онъ наконецъ чрезвычайно счастливо повелъ дѣла, такъ что императоръ и султанъ вынуждены были признать его власть надъ всѣмъ пространствомъ отъ Днѣпра и Дуная до Венгріи и Червоной Руси.

Но скоро счастье изменило ему. Разбитый нѣсколько разъ, онъ бѣжалъ въ Вѣну просить милости императора Рудольфа и былъ убитъ подосланными къ нему австрійцами. вмѣстѣ со смертію Михаила погибли послѣднія надежды Валахіи на независимость. Изъ воеводъ, занимавшихъ валахскій престолъ въ теченіе XVII вѣка, нѣкоторые пытались возродить угасавшія силы Валахіи; но попытки ихъ остались тщетными. Съ XVIII вѣка наступаетъ правленіе князей—фанаріотовъ, истощившее послѣднія силы княжества.

Молдавскіе "румыны до половины XV-го столѣтія признавали надъ собою попеременно власть то Польши, то Венгріи; а въ 1456 г. малодушный воевода Петръ—Ааронъ, уstraшенный передвиженіемъ турецкихъ войскъ въ Болгаріи, вызвался платить султану ежегодную подать, надѣясь этимъ отклонить вторженіе турокъ въ Молдавію.

Вскорѣ потомъ, именно съ 1517 года, начинается и въ Молдавіи та же кровавая борьба господарей съ боярами, тоже постоянное возвышеніе турецкой подати и тѣже притѣсненія народа, какія были и въ Валахіи. Престолъ Молдавіи сталъ также покупаться у Порты людьми недостойными, которые, въ угоду ей и удовлетворяя своему собственному корыстолюбію, не щадили своихъ подданныхъ и подвергали ихъ всевозможнымъ угнетеніямъ. Мало того, Порта высылала еще на Молдавію самозванцевъ, которыхъ появленіе и низверженіе неизбежно должно было повлечь за собою внутреннія смуты, еще болѣе увеличившія бѣдственное положеніе княжества.

Вся послѣдующая исторія Молдавіи до назначенія князей—фанаріотовъ, представляетъ только рядъ смѣнявшихся господарей, безъ цѣли и безъ сознанія появлявшихся во главѣ правленія. Пыталась—было оживить эту страну новая династія Кантемировъ, надѣясь на своего великаго сѣвернаго союзника; но ей не удалось достигнуть цѣли, и послѣднему господарю этой династіи, Дмитрію Кантемиру, суждено было умереть въ Россіи.

XVIII вѣкъ былъ по преимуществу тягостнымъ вѣкомъ для Молдавіи и Валахіи. Съ 1716 года начинается ненавистное правленіе князей—фанаріотовъ, откупная система которыхъ окончательно иссушила послѣдніе соки несчастныхъ господарствъ. Скажемъ нѣсколько словъ какъ о происхожденіи и политикѣ этихъ князей въ отношеніи къ константинопольскому двору, такъ и объ ихъ управленіи господарствами. —Фанаріоты получили свое названіе отъ константинопольскаго квартала, называвшагося *Фанаромъ*, въ которомъ жили греки. Населеніе Фанара отличалось ловкостію, изворотливостію и могло похвастаться предъ прочими жителями столицы знаніемъ иностранныхъ языковъ. Эти качества обратили на нихъ вниманіе турец-

каго правительства, и оно въ концѣ XVII вѣка замѣнило фанаріотами евреевъ и ренегатовъ итальянскихъ и польскихъ, употреблявшихся до того времени въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ западными державами. Фанаріоты употреблялись сначала, какъ канцелярскіе чиновники, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, чтобы сидѣть въ передней дивана и ожидать, когда ихъ позовутъ для прочтенія или перевода какой нибудь бумаги. Изъ этой скромной должности фанаріоты скоро успѣли возвыситься до почетныхъ государственныхъ постовъ. Собственно для нихъ были учреждены, вслѣдствіе ихъ происковъ и искательствъ, двѣ почетныя должности — великаго драгомана или переводчика Высокой Порты и драгомана адмиралтейства. Но фанаріоты не удовлетворились этимъ. Ихъ жадные взоры обращены были на Молдавію и Валахію, и имъ удалось захватить эти княжества въ свои руки.

Фанаріоты назначались обыкновенно въ госпoдари на 3 года, но это не мѣшало одному лицу подкупомъ и возвышеніемъ подати продолжать свое управленіе на нѣсколько трехлѣтнихъ періодовъ. Интриги, низость, алчность, тиранія были постоянными спутниками фанаріота и на пути его искательствъ, и во время самаго правленія, и въ изгнаніи.

Система управленія князей-фанаріотовъ по преимуществу состояла въ грабительствѣ. Если турецкое правительство приказывало госпoдарю заготовить извѣстное число рогатаго скота или зерноваго хлѣба, то госпoдарь распоряжался, чтобы заготовлено было въ пять разъ болѣе. Излишекъ обращался конечно въ пользу госпoдаря. Если Порта требовала рабочихъ для обыкновенныхъ работъ, госпoдарь отправлялъ 400 или 500 человекъ, а между тѣмъ двѣ или три тысячи откупались деньгами, которыя поступали въ кассу госпoдаря. Подобныхъ злоупотребленій было неисчислимое множество. «И въ то время, говоритъ Вальянъ, когда румынскій крестьянинъ не имѣлъ ни одежды, ни постели, не имѣлъ самой необходимой домашней утвари, въ то время, когда камышъ или сырая земля служила ему ложемъ, его надменные хищники съ головы до ногъ, были покрыты шелкомъ, золотомъ и дорогимъ горностаемъ».

Первые князья фанаріоты были—Николай Маврокордато въ Валахіи и Михайлъ Раковица въ Молдавіи. Николай Маврокордато два раза являлся на госпoдарскомъ престолѣ, чтобы грабить и угнетать своихъ подданныхъ. Преемникъ его Константинъ Маврокордато составилъ цѣлую систему грабежа, подъ предлогомъ преобразованія устарѣлаго порядка княжества. Чтобы привлечь къ себѣ крестьянъ, онъ освободилъ ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ и подчинилъ ихъ госпoдарству; но чтобы вознаградить себя за эту услугу

крестьянскому сословію, онъ наложилъ на него огромную подать и обременилъ самыми безсовѣстными налогами. Все войско было распущено и обращено также въ податное сословіе. И бояре, и народъ скоро поняли, что пресловутая реформа Константина Маврокордато была не что иное, какъ самый гнусный обманъ. Бояре ненавидѣли его за то, что онъ лишилъ ихъ многихъ правъ, крестьяне за непомерные налоги, которые лишили ихъ послѣдняго куска хлѣба, такъ что они желали лучше возвратиться въ прежнее состояніе, тѣмъ болѣе, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были опредѣлены слишкомъ неясно новымъ постановленіемъ, что открывало путь многимъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Эта всеобщая ненависть къ преобразователю была причиною его низверженія; но онъ все-таки еще два раза успѣлъ откупить Валахію, не измѣняя системы своего управленія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, въ воеводы Валахіи избранъ былъ Александръ Ипсиланти, человѣкъ съ болѣе человѣколюбивымъ направленіемъ, который заставилъ Валахію забыть на время прежнія истязанія. Современный ему господарь Молдавіи, Григорій Гика, тоже повидимому не отставалъ отъ своего сосѣда, но на самомъ дѣлѣ это была довольно грязная и сребролюбивая личность. Послѣ этихъ господарей опять возобновляются въ княжествахъ времена первыхъ князей-фанаріотовъ и уже не прекращаются до тѣхъ поръ, пока въ Молдавіи и Валахіи не отозвалось греческое возстаніе, измѣнившее на время отношенія Турціи къ господарствамъ. Дѣятель греческаго возстанія, Ипсиланти, надѣясь на мнимое тождество населенія Молдавіи и Валахіи съ населеніемъ Греціи, вошелъ въ сношеніе въ Валахіи съ Оедоромъ Владиміреско, и скоро оба они единодушно взялись за дѣло. Но почти при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, Владиміреско понялъ, что Ипсиланти желаетъ подчинить княжествъ греческому вліянію, и потому рѣшился войти въ сношенія съ турками и требовать возвращенія княжествамъ древнихъ правъ и дарованія конституціи. Взамѣнъ же этого онъ предлагалъ Портѣ свое содѣйствіе къ скорѣйшему очищенію княжествъ отъ греческихъ этеристовъ, приверженцевъ Ипсиланти. За эту измѣну Владиміреско поплатился жизнью. Онъ былъ схваченъ въ своемъ станѣ и связанный представленъ къ Ипсиланти. Несчастный безъ всякаго суда былъ казненъ.

Новый рядъ туземныхъ князей начался Иваномъ Стурдзою въ Молдавіи и Григоріемъ Гикою въ Валахіи. Оба господаря въ самомъ же началѣ правленія показали твердое желаніе возстановить права народа и дать румынамъ чисто-національное развитіе. Если они и не успѣли исполнѣ въ своемъ намѣреніи, то причиною этому была русско-турецкая война. Первымъ дѣломъ Григорія Гики было улуч-

шеніе быта крестьянъ. Затѣмъ онъ возстановилъ народныя училища въ княжествѣ, одушевилъ народное направленіе въ образованіи и учредилъ общество распространенія въ Валахіи общенормальныхъ свѣдѣній.

Господарь Молдавіи слѣдовалъ во всемъ по пути Гики. Но внѣшнія обстоятельства, какъ мы замѣтили, замедлили на время возрожденіе Княжествъ. Впрочемъ Адрианопольскій миръ, которымъ кончилась русско-турецкая война, былъ вполне благотеленъ для Княжествъ, возвративъ имъ земли, занятые туземными крѣпостями и заставивъ Порту отказаться отъ подати и налоговъ, равно какъ отъ права назначать цѣны на жизненные припасы. Господари должны были назначаться пожизненно. Порта обязалась заплатить Россіи 125 милліоновъ рублей, а для обезпеченія своевременной уплаты Россія удержала за собою Княжества. Управленіе Молдавіей и Валахіей поручено было графу Киселеву. Въ 1829 году снова открыты были засѣданія комитета, учрежденнаго въ 1827 году въ Яссахъ и Букарестѣ, для составленія новаго уложенія. Подъ руководствомъ графа Киселева, комитетъ въ непродолжительное время приготовилъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ *Органическаго Статута*. Нельзя сказать, чтобы статутъ этотъ удовлетворилъ всѣмъ потребностямъ страны. Поспѣшность его составленія, неприветливость членовъ комитета предварительнымъ изученіемъ страны во всѣхъ ея подробностяхъ были причиною той неудовлетворительности въ примѣненіи его къ дѣлу, каковая оказалась почти въ первые же дни его введенія въ Княжествахъ.

Вскорѣ графъ Киселевъ долженъ былъ оставить свой постъ. Явилось множество претендентовъ на престолъ. Изъ числа ихъ избраны были Россіей съ Турціей—Михаилъ Струдза и Александръ Гика. Александръ Гика, несмотря на свои личныя достоинства и искреннее желаніе преобразовать среднее сословіе и облегчить участь народа, не слишкомъ способенъ былъ къ управленію. Лучшимъ дѣломъ его правленія было освобожденіе цыганъ; но и это освобожденіе не было полнымъ и достаточнымъ: цыганамъ не было предоставлено ни клочка земли, и матеріальный бытъ ихъ сдѣлался еще хуже. Вскорѣ противъ Гики составила оппозиція и хотя ея попытка произвести возстаніе не удалась и главные двигатели этого движенія были арестованы и впоследствии приговорены къ работамъ въ солянокопняхъ; но это не спасло Гики. Неспособность его къ управленію съ каждымъ днемъ проявлялась яснѣе. Георгій Бибеско составилъ записку, въ которой изобразилъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось княжество подъ правленіемъ этого добраго, но неспособнаго господаря. Копія съ этой записки были отправлены въ Константи-

нополь и С. Петербургъ. Повѣрка этого доноса съ дѣйствительностью комиссарами Турціи и Россіи показала всю его справедливость, и Гика былъ отставленъ въ 1842 году, а на мѣсто его избранъ Бибеско.

Дѣла въ Молдавіи въ эту эпоху были не такъ важны, какъ въ Валахіи. Михайлъ Стурдза обратилъ особенное вниманіе на матеріальное благосостояніе страны, надѣясь этимъ путемъ упрочить свое положеніе, и пожалуй отчасти успѣлъ въ этомъ. Ему же принадлежитъ честь освобожденія монастырскихъ цыганъ.

Состояніе Валахіи между тѣмъ становилось годъ отъ году хуже. Ревизія 1845 — 1846 г. показала, что около 40,000 семействъ выселилось изъ Валахіи въ весьма короткое время, и между тѣмъ поголовная подать, вмѣсто того, чтобы уменьшиться въ итогѣ, принесла усиленный поборъ въ 300,000 піастровъ сверхъ обыкновенной цифры.

Въ это время получено было извѣстіе о февральскомъ переворотѣ 1848 г. во Франціи. Валахское общество было раздѣлено тогда на партіи, изъ которыхъ главную роль играла партія либераловъ, старавшаяся привлечь на свою сторону большинство населенія. Либералы имѣли своихъ агентовъ и въ Молдавіи. Извѣстіе о февральскомъ переворотѣ ободрило ихъ. Въ Букарестѣ, Краёвѣ, Браиловѣ, Яссахъ уже явно стали сходиться и толковать объ измѣненіи существующаго порядка правленія. Въ концѣ марта молдавскіе заговорщики собрались въ гостинницѣ Регенсбургъ въ Яссахъ. Долго они спорили и шумѣли, наконецъ согласились поднести господарю адресъ и проектъ конституціи, состоявшей въ самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ. Они просили между прочимъ сдѣлать нѣсколько измѣненій относительно права собственности, дать свободу тисненія или гласность, относительно же внутреннихъ дѣлъ княжества — учрежденіе городской стражи, отвѣтственность министровъ и прочихъ высшихъ чиновниковъ. Стурдза ласково принялъ депутацію и обѣщалъ сдѣлать все возможное, а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ далъ тайное приказаніе усилить наличное число земской стражи. Въ продолженіе ночи аресты продолжались по всему городу и къ утру все было исполнено. Главные зачинщики были отправлены въ Мачинъ, а оттуда переведены въ Бруссу.

Иной исходъ имѣло революціонное движеніе въ Валахіи. Валахская оппозиція сначала было думала уладить дѣло мирнымъ путемъ, какъ хотѣли это сдѣлать въ Молдавіи; но рѣшительный отказъ недалековиднаго Бибеско подавъ поводъ къ открытому возмущенію. Заговорщики умѣли скоро приготовить къ возстанію валахскую милицію и войти въ сношенія съ инсurreкціонной партіей Венгріи.

День возстанія назначенъ былъ 21-го іюня. Въ этотъ день поселяне изъ окружныхъ деревень толпами стекались на площадь Ислаша, небольшого мѣстечка на берегу Дуная. Торговое сословіе, арендаторы, дунайскіе матросы толпились около отряда Плессоянно. Вскорѣ явились туда и главные заговорщики, окруженные толпою помѣщиковъ и офицеровъ. Здѣсь Иліади Радулеско прочелъ во всеуслышаніе проэктъ новой конституціи; подписана была и прокламація къ народу. Магеро, исправникъ того округа, въ которомъ находился Ислашъ, долженъ былъ отправиться въ Букарестъ для поднесенія господарю проэкта конституціи, съ просьбою, чтобы онъ объявилъ себя во главѣ движенія. Посланный отъ Магеро прибылъ въ Букарестъ на другой день, 22-го іюня. Въ тотъ же день трое молодыхъ людей, не принадлежавшихъ впрочемъ къ революціонному комитету, выстрѣлили въ господаря во время гулянья. Встревоженный господарь рѣшился лично удостовѣриться въ настроеніи духа милиціонныхъ батальоновъ, находившихся въ столицѣ. Явившись въ казармы, онъ объявилъ о заговорѣ противъ правительства и спросилъ офицеровъ и солдатъ, — можетъ ли онъ надѣяться на ихъ поддержку. Уклончивый отвѣтъ начальника милиціи заставилъ Бибеско возвратиться во дворецъ въ сильномъ разстройствѣ. Черезъ нѣсколько часовъ посланный отъ Магера вручилъ ему прокламацію и прошеніе ислашскихъ бунтовщиковъ. Но въ этотъ же день одинъ изъ родственниковъ Магеро, прибывъ въ Букарестъ, собралъ нѣсколько молодыхъ людей и, отправившись съ ними на базарную площадь въ толпу народа, съ возвышеннаго мѣста прочелъ прокламацію, объявивъ, что господарь изъявилъ уже свое согласіе на перемѣну правленія. Толпа бросилась за нимъ ко дворцу благодарить господаря. Когда изумленный Бибеско вышелъ узнать причину ея появленія, то его встрѣтили оглушительные крики радости. Бибеско, растерявшись окончательно, подписалъ конституцію, а черезъ три дня уѣхалъ въ Кронштатъ.

Между тѣмъ Порта, недовольная покушеніемъ на ея ленныя права, отправила въ княжество Омера-Пашу съ двѣнадцатитысячной арміей. Турецкій уполномоченный комиссаръ, Солиманъ-Паша, объявилъ, что онъ готовъ выслушать жалобы и желанія румыновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ распустить временное правительство и учредить намѣстничество, согласно съ органическимъ статутомъ. Члены временнаго правительства вынуждены были покориться требованію турецкаго комиссара. Намѣстничество это продолжалось только съ 4 августа по 25 сентября. Солиманъ-Паша высказалъ большое сочувствіе къ новой организаціи княжества. Измѣненія въ конституціи были самыя незначительныя и проэктъ ея, одобренный ком-

миссаромъ Порты, вмѣстѣ съ депутаціей былъ отправленъ въ Константинополь, для представленія его дивану. Но депутація эта не имѣла никакого успѣха. Турецкое правительство, недовольное дѣйствіями Солимана-Паши, отозвало его обратно въ Константинополь и на его мѣсто назначило Фуада-Эфенди, который объявилъ, что столица Валахіи будетъ теперь находиться подъ надзоромъ турецкаго войска. 25 сентября отмѣнено господарское мѣстооблюстительство и избранъ каймакамомъ княжества логоеетъ Константинъ Кантакузинъ. Букарестъ былъ занятъ турецкимъ войскомъ. Вскорѣ подоспѣли туда и русскія войска.

Восемь мѣсяцевъ продолжалась русско-турецкое занятіе княжествъ. Въ маѣ 1849 года заключена конвенція въ Балта-Лиманѣ, которая отмѣнила прежнее избирательное право господарей; новые князья должны были назначаться кабинетами державъ покровительницъ, вслѣдствіе чего Барбо Стирбей, братъ Бибеско, назначенъ былъ въ Валахію, а Григорій Гика въ Молдавію. Разсказывать о правленіи Стирбея — значитъ повторять то, что уже извѣстно о своекорыстномъ управленіи его предшественниковъ. Онъ не могъ внести во вѣренное ему княжество никакихъ улучшеній, кромѣ грабежа внутри и лукаваго раболѣпства предъ покровительствующими державами. Правленіе Гики было такое же, съ тою только разницей, что въ злоупотребленіяхъ не участвовалъ самъ господарь, тогда какъ Стирбей имѣлъ въ виду личные интересы и болѣе всего заботился объ обогащеніи себя.

Въ такомъ положеніи были княжества, когда въ іюнѣ 1853 года войска наши приблизились къ Дунаю. Оба господаря оставили княжества. Нельзя сказать, чтобы расположеніе умовъ въ княжествахъ было на нашей сторонѣ, но ненависть къ Россіи, преувеличенная западными публицистами, можетъ быть отнесена только къ небольшой партіи. Въ главѣ этой партіи стояли четыре бывшіе господаря: Стирбей и Бибеско, Стурдза и Григорій Гика. Въ сентябрѣ 1853 г. они даже подали Австріи записку, за собственноручною подписью, въ которой вызвались отдать Молдавію и Валахію подъ верховную власть Австріи, если Россія въ предстоящей борьбѣ будетъ побѣждена. Валахскіе эмигранты, пошли еще далѣе: они предложили сформировать народное войско, чтобы противодѣйствовать Россіи. Но это предложеніе не было принято ни Турціею, ни Австріею. Та и другая боялись, чтобы въ послѣдствіи это вооруженіе не обратилось на нихъ самихъ. Между тѣмъ войска наши выступили изъ княжествъ, и мѣсто ихъ заняли австрійскія. Въ тоже время возстановлены были прежніе господа, Стирбей и Гика.

Разрѣшеніе вопроса о княжествахъ приближалось между тѣмъ къ концу. Въ мартѣ 1855 г. открыты были конференціи въ Вѣнѣ, и первой статьей было положено отмѣненіе русскаго протектората въ княжествахъ. Но устраниая протекторатъ Россіи, нужно было подумать и о томъ, какое устройство дать княжествамъ. Не уступать же въ самомъ дѣлѣ подъ всеокрушающее вліяніе Австріи... Въ засѣданіи 26-го марта высказана была по этому случаю французскимъ уполномоченнымъ барономъ Буркенэ мысль о слитіи обоихъ княжествъ въ одно государство, подъ наслѣдственнымъ правленіемъ государя, взятаго изъ среды европейскіхъ династовъ. Сліянія княжествъ желали сильно румыны. Россія тоже не противилась соединенію. Но горячими противниками его были Турція и Австрія, и имъ удалось мало по малу отклонить этотъ вопросъ, несмотря на то, что молдавскій диванъ 19-го октября 1857 г. торжественно объявилъ общее стремленіе молдаванъ къ соединенію княжествъ въ одно государство подъ именемъ *Румыніи*.

Наконецъ собрались и конференціи въ Парижѣ. Послѣ долгихъ споровъ, приступлено было къ обновленному устройству княжествъ. Сущность новаго устройства заключается въ слѣдующемъ.

1) Княжества Молдавія и Валахія получаютъ наименованіе *Соединенныхъ провинцій или княжествъ*.

2) Оба княжества останутся подъ верховною властію е. в. султана. Исполнительная власть въ каждомъ изъ нихъ будетъ находиться въ рукахъ господаря, избираемаго на всю жизнь.

3) Законодательная власть будетъ предоставлена двумъ собраніямъ, засѣдающимъ въ Букарестѣ и Яссахъ, и центральному комитету, составленному изъ девяти валахскихъ и девяти молдавскихъ членовъ, избираемыхъ обоими собраніями изъ среды своихъ членовъ.

4) Центральный комитетъ будетъ засѣдать въ Фокшанахъ. Законы, учрежденные имъ, будутъ общи обоимъ княжествамъ, кроиъ особыхъ случаевъ.

5) Никакой налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ безъ согласія собраній.

6) Регулярныя милиціи получаютъ одинаковое устройство, и народное знамя будетъ одно и тоже для обоихъ корпусовъ молдаво-валахской арміи.

7) Для обоихъ княжествъ имѣетъ быть учрежденъ верховный кассационный судъ.

8) Между обоими княжествами устанавливается таможенное, почтовое и телеграфное соединеніе.

Такимъ образомъ, парижскими конференціями сдѣланъ только шагъ къ соединенію княжествъ. Окончательное же соединеніе ихъ въ одно независимое государство осталось по прежнему желаніемъ народа, желаніемъ столько разъ бесплодно выразавшимся въ ихъ исторіи и нынѣ еще разъ обнаружившимся въ избраніи одного господаря для обоихъ княжествъ. Это послѣднее обстоятельство, не предвидѣнное на парижскихъ конференціяхъ, составило новый, еще доселѣ не разрѣшенный, вопросъ для европейскихъ кабинетовъ...

Основанія опытной психологіи. Сочиненіе Архимандрита Гавріила (Кикодзе). Спб. 1858.

Не факты нужно приноравливать къ заранѣе придуманному закону, а самый законъ выводить изъ фактовъ, не насилуя ихъ произвольно: эта истина такъ проста и такъ понятна каждому, что сдѣлалась наконецъ общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ чаще всего встрѣчаешь противорѣчіе этой истинѣ и, что всего досаднѣе, противорѣчащія перрѣдко сами торжественно проповѣдуютъ ее. Какъ можно, говорятъ они, начинать съ того, что должно быть результатомъ изысканій: факты, факты — вотъ съ чего надобно начинать! А посмотришь — выводъ давно уже готовъ у нихъ, а факты-то такъ-себѣ, ради единой только формальности выставляются на-показъ. Пусть бы еще факты эти гармонировали съ выводомъ, тогда по крайней мѣрѣ можно было бы подумать, что все это дѣлается для большей ясности, а то вѣдь и того нѣтъ: факты сами по себѣ, а выводъ самъ по себѣ. Этого мало: осмѣлся кто нибудь указать этимъ господамъ на непоследовательность и произвольность ихъ сужденій, и они тотчасъ назовутъ его невѣждою, да еще пожалуй, чего добраго, огласятъ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ. *Idée fixe* гвоздемъ сидитъ у нихъ въ головѣ, и что ты имъ ни толкуй, они все свое. Если же случится имъ встрѣтить что нибудь необъяснимое по ихъ теоріи, то это для нихъ ровно ничего не значитъ: они тотчасъ сошлутся на то, что въ мірѣ много непостижимаго для нашего слабаго разума, что тайны и загадки мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, да на этомъ и покончатъ все дѣло. Само собою разумѣется, что наукѣ нечего ожидать отъ такихъ изслѣдователей, что тутъ не можетъ быть и помину о движеніи впередъ.

Книга архимандрита Гавріила не сообщаетъ намъ собственно ничего новаго противъ прежнихъ психологій. Но она отличается отъ нихъ методомъ изложенія и сравнительно бѣльшимъ количествомъ фیزیологическихъ фактовъ, что составляетъ ея неоспоримое досто-

инство. Жаль только, что авторъ смотритъ на эти факты съ исключительной точки зрѣнія; на многія изъ приводимыхъ имъ возраженій даетъ только косвенные отвѣты, а нѣкоторые весьма важные вопросы и вовсе оставляетъ безъ разрѣшенія.

Книгу свою авторъ начинаетъ анализомъ виѣшнихъ ощущеній. При этомъ онъ довольно подробно говоритъ объ устройствѣ каждаго чувственного органа и объясняетъ процессъ самого воспріятія. Онъ доказываетъ, что не глазъ видитъ предметы, не ухо слышитъ звукъ, а что впечатлѣнія, получаемыя этими органами отъ виѣшнихъ предметовъ, передаются посредствомъ чувственныхъ нервовъ мозгу. Тоже онъ говоритъ о воспріятіи и трехъ остальныхъ чувствъ. Все это пока, пожалуй, удовлетворительно. Но нельзя далѣе согласиться съ авторомъ, по крайней мѣрѣ при тѣхъ доказательствахъ, какія онъ представляетъ. Сочтя весь процессъ чувственного воспріятія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что даже и самый мозгъ нельзя признать ощущающимъ началомъ. Мы охотно согласились бы съ этимъ положеніемъ, если бы авторъ дѣйствительно доказалъ его. Нельзя рѣшать вопроса только вполовину и въ тоже время утверждать, что онъ рѣшенъ окончательно. Этимъ можно обмануть людей тупоумныхъ; а кто имѣетъ хоть сколько нибудь здраваго смысла, тотъ едва ли успокоится на такомъ половинномъ рѣшеніи. Нужно сказать, да и доказать. А на слово нынче уже не вѣрятъ.

Главное и совершенно достаточное доказательство тому, (т. е. что мозгъ не есть ощущающее начало), говоритъ авторъ, — *находимъ мы въ единствѣ и простотѣ нашихъ ощущеній, единствѣ и простотѣ столько противорѣчащихъ сложности мозга и всей нервной системы.*

Но въ мірѣ вещественномъ мы не знаемъ ни одного предмета, въ которомъ бы не проявлялись какія либо свойственныя ему силы. Точно также невозможно представить себѣ и силу, независимую отъ матеріи. Сила составляетъ коренное, неотъемлемое свойство матеріи и отдѣльно существовать не можетъ. Ее нельзя передать матеріи, а можно только пробудить въ ней. Магнетизмъ можно вызвать, но не сообщить предмету. Нельзя представить магнитной силы безъ желѣза или вообще безъ тѣла, въ которомъ она заключена, какъ одно изъ коренныхъ, элементарныхъ его свойствъ. Стало быть, и въ человѣческомъ мозгѣ, каковъ бы ни былъ его составъ, должна быть своя сила. И чтожь удивительнаго, если эта сила проявляется въ ощущеніи?...

Другіе, напротивъ, приводятъ совершенно противоположное этому возраженіе, а именно, — что мозгъ представляетъ однородную сплошную массу, слишкомъ простъ и по составу, и по формѣ, чтобы быть единственнымъ источникомъ такой тонкой и сложной дѣятель-

ности, какую ему приписываютъ: сложныя силы, говорятъ они, могутъ быть только въ сложной матеріи. Но и это возраженіе, раціональное теоретически, оказывается несостоятельнымъ на дѣлѣ, потому что противорѣчитъ анатоміи. Въ органическомъ царствѣ мы не знаемъ ничего, что имѣло бы болѣе своеобразный видъ, болѣе сложное строеніе и наконецъ болѣе замѣчательный химическій составъ, какъ мозгъ. Какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о его составѣ, но мы знаемъ, что онъ не есть однородная сплошная масса, а состоитъ изъ чрезвычайно тонкихъ, нѣжныхъ, перепутанныхъ между собою цилиндровъ, называемыхъ первообразными волокнами и наполненныхъ маслянистою жидкостію, которая можетъ створаживаться. Анатомія показываетъ далѣе, что внутри мозга есть множество самыхъ странныхъ узоровъ, значеніе которыхъ для насъ еще совершенно загадочно, а на поверхности его цѣлый рядъ извилистыхъ углубленій, въ которыхъ главныя составныя части мозга, бѣлая и сѣрая массы, во многихъ точкахъ соприкасаются. Такъ называемые ганглионныя шарики, находящіеся въ сѣрой массѣ головного и спинного мозговъ, представляютъ много особенностей въ своемъ устройствѣ: первообразныя волокна то окружаютъ ихъ, то лежатъ надъ ними, то изъ нихъ выходятъ и т. п. Нѣтъ ни одного организма у животныхъ, который бы тонкостію и разнообразіемъ своего строенія сколько нибудь подходилъ къ мозгу. Наконецъ изъ всѣхъ органовъ онъ получаетъ наиболѣе крови отъ сердца и обращеніе соковъ въ немъ совершается быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо. Соотвѣтственно этому и анатомическое расположеніе кровяныхъ сосудовъ въ мозгу очень сложно и совершенно своеобразно. Не менѣе сложенъ и химическій составъ мозга. Исслѣдованія показали, что въ немъ находятся такіе элементы, какихъ нѣтъ ни въ одномъ органическомъ тѣлѣ, напр. cerebrинъ. Говорятъ даже, что массы, изъ которыхъ состоятъ мозгъ и нервы, въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія имѣютъ и различный химическій составъ. Особенно важное значеніе для умственныхъ отправленій имѣетъ фосфоръ, находящійся въ мозговомъ жирѣ; по новѣйшимъ наблюденіямъ, въ психической дѣятельности мозга и въ отправленіяхъ вообще всей нервной системы принимаетъ участіе еще одна сила, которая прежде замѣчена была только въ тѣлахъ неорганическихъ. Эта сила—электричество. Такимъ образомъ анатомическій и химическій составъ мозга, какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о нихъ, не противорѣчатъ сложности приписываемыхъ ему отправленій. Кромѣ того, неизлишне замѣтить здѣсь, что есть много тѣлъ, имѣющихъ одинаковый химическій составъ, но различныя свойства. Ни химія, ни микроскопъ до сихъ поръ еще не могли открыть разницы между заразительнымъ и незаразительнымъ

гноемъ. Если же такое неуловимое различіе въ механическомъ или химическомъ составѣ неорганическихъ тѣлъ производитъ существенную разницу въ ихъ свойствахъ, то отчего же не предположить, что подобныя же незначительныя причины могутъ имѣть вліяніе и на дѣятельность мозга. Ганглиеновыя шарики, находящіеся въ полости мозга и играющіе вѣроятно не маловажную роль въ психическихъ отправленіяхъ его, анатомическимъ своимъ устройствомъ нисколько не разнятся отъ подобныхъ же шариковъ въ брюшной полости; тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ ихъ есть и должна быть разница. Все это подтверждаетъ ту мысль, что кажущаяся простота устройства мозга не можетъ служить опроверженіемъ возможности сложныхъ отправленій его.

Если мозгъ способенъ къ такой тонкой дѣятельности, то отчего мы, говорятъ психологи, не замѣчаемъ даже и проблесковъ чего нибудь подобнаго въ другихъ тѣлахъ органическихъ и неорганическихъ, напр. въ камнѣ, деревѣ и т. п? Въдѣ камень и дерево такая же матерія, какъ и мозгъ. — Но возражатели забываютъ, что въ мірѣ все подлежитъ закону развитія и что мозгъ человѣческій, по ихъ же словамъ, есть тончайшая матерія. Въ природѣ все идетъ постепенно отъ простаго къ болѣе сложному, отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному; но вездѣ одна и таже матерія, только на разныхъ степеняхъ развитія. Чтожъ удивительнаго, если на одной степени мы находимъ то, что несвойственно другой? Въ тѣлахъ неорганическихъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ тѣлахъ органическихъ; тѣмъ не менѣе и они подлежатъ измѣненіямъ какъ въ объемѣ, такъ и во внутреннемъ своемъ составѣ. Наблюдая надъ ними, мы постоянно замѣчаемъ то механическіе, то химическіе процессы. Не есть ли это таже жизнь, хотя на низшей степени развитія? Въ растеніяхъ жизнь обозначается уже гораздо яснѣе, потому что и сами они представляютъ матерію болѣе развитую, чѣмъ тѣла неорганическія. Здѣсь есть и голова, и члены, и органы питанія, и органы воспроизведенія, рожденіе и смерть. Въ животномъ царствѣ обнаруженіе жизни еще ощутительнѣе. Животныя имѣютъ способность мѣстопоперебѣненія; кромѣ того мы замѣчаемъ въ нихъ проблески высшей жизненной дѣятельности. Человѣкъ, совершеннѣйшее изъ животныхъ, составляетъ послѣднюю степень развитія міровыхъ существъ въ видимой вселенной; почему же въ немъ, уже по одному этому, не допустить того, чего мы не замѣчаемъ въ существахъ менѣе развитыхъ? А если самую развитую часть человѣческаго тѣла составляетъ мозгъ, то отчего же не допустить, что мозгъ способенъ къ такой дѣятельности, какой мы не замѣчаемъ въ камнѣ и деревѣ? Что мозгъ имѣетъ тѣсную

связь съ психической дѣятельностью, къ этому приводятъ насъ весьма многіе разительные факты. Но мы считаемъ излишнимъ приводить ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что они извѣстны всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ физиологіею. Да кто и изъ незанимавшихся никогда физиологіей не слыхалъ, напр. объ опытахъ Флурана надъ живыми курами? Нужны ли кромѣ этого еще другіе какіе нибудь факты въ подтвержденіе того, что мозгъ, особенно человѣческій, есть источникъ высшей жизненной дѣятельности и что умственные отправления имѣютъ къ нему прямое отношеніе?

Кромѣ возраженій, которыхъ мы сейчасъ коснулись, психологи приводятъ еще множество другихъ. Но одни изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ приведенными выше, а другія до такой степени забавны, что на нихъ не стоитъ серьезно отвѣчать. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ физиологія подвигается впередъ, отвлеченная психологія къ прежнимъ нелѣпостямъ присоединяетъ новыя, пускается, но не хочетъ уступить своей соперницѣ и все еще смотритъ на нее съ какой-то средневѣковой ироніей. Старинные психологи допускали еще матеріальность животной души, новѣйшіе и въ животныхъ вложили *духовную* силу, лишивъ ее впрочемъ права на *бессмертіе*....

Для вѣщаго успокоенія себя и другихъ, нынѣшніе психологи ссылаются обыкновенно на первую лекцію Либиха, сказанную имъ въ 1856 году въ мюнхенскомъ университетѣ, видя въ ней окончательный выводъ современной науки. Да, Либихъ лицо дѣйствительно весьма замѣчательное въ области естествознанія; но близко знакомымъ съ его изслѣдованіями извѣстно, что онъ испугался своихъ собственныхъ опытовъ и бросилъ ихъ безъ всякаго вывода....

Обращаясь еще разъ къ автору разсматриваемой книги, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не отвергаемъ его основныхъ положеній, а желаемъ только, чтобы онъ, не пускаясь въ отвлеченности и фразеологію, указалъ намъ на болѣе положительные факты, которыми онъ приведенъ былъ къ высказанному результату; а теперь мы все-таки остаемся въ недоумѣніи....

Исторія рыцарства. Сочиненіе Руа. Перев. съ французскаго седьмаго изданія Г. В. Спб. 1858.

Господинъ Г. В. перевелъ сочиненіе Руа на томъ основаніи, что его похвалилъ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», журналъ, основанный г. Вышнеградскимъ, тѣмъ самымъ, который счелъ нужнымъ объявить о себѣ въ газетахъ, что онъ не беретъ взятокъ. Прочитавъ

тавши книжку Руа, мы убѣдились, что можно совершать похвальные поступки въ родѣ объявленія въ газетахъ о своемъ безкорыстіи, и въ тоже время можно основать журналъ, имѣющій совершенно ложныя понятія о книгахъ для юношества. «Исторія рыцарства» назначена, видите ли, для чтенія юношества. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», убѣжденъ что такое чтеніе будетъ для нашего юношества очень полезно; г. Г. В. согласенъ съ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», но отъ себя прибавляетъ, что чтеніе «Исторіи рыцарства» будетъ еще полезнѣе, ежели къ ней присоединить краткія свѣдѣнія изъ «Геральдики» г. Лакіера. На этомъ основаніи онъ «во многомъ дополнилъ», по г. Лакіеру, пятую главу сочиненія Руа, посвященную гербамъ рыцарскимъ. За то изъ пятой главы вышло нѣчто чудовищно-занимательное, нѣчто до изнеможенія питательное для юныхъ умовъ. Прочтите, напр. хоть эти строки: что можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе для юношей?

«Въ основаніи геральдики слѣдующее правило: если поле покрыто какою нибудь краскою или мѣхомъ, то знаки должны быть покрыты металломъ и, наоборотъ, — если поле покрыто металломъ, то знакъ покрывается краскою или мѣхомъ. Это правило излагается такъ: не должно класть металлъ на металлъ и краску на краску. Дѣлать противное—значить совершенно *извращать науку геральдики*, потому что *геральдика*, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, *есть обширнѣйшій изъ всѣхъ языковъ, — языкъ сильный и величественный, съ своимъ синтаксисомъ, грамматикою и орфографіею (!)* Искусство геральдики состоитъ въ умѣнн читать и писать на этомъ нѣмомъ нарѣчій. Нѣсколько краткихъ и поверхностныхъ замѣтокъ, относительно чтенія гербовъ, могутъ дать о геральдическомъ языкѣ нѣкоторое понятіе.» (стр. 49).

И затѣмъ слѣдуютъ *поверхностныя замѣтки*, страницахъ на десяти. Намъ показалось, что г. Г. В., вмѣстѣ съ Руа и самимъ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», могли бы съ успѣхомъ подвизаться на службѣ у того господина, который однажды, осматривая какой-то университетъ и узнавъ, что въ немъ есть *гербарій*, спросилъ: «что же тутъ гербы только княжескіе, или всѣхъ занесенныхъ въ шестую часть?»

Говоря о рыцаряхъ, авторъ «Исторіи рыцарства» постоянно старается отдѣлать ихъ отъ феодалныхъ владѣльцевъ, которыхъ называетъ *злыми*, *безпокойными* и *притѣснителями слабыхъ*. На чемъ основываетъ авторъ такое раздѣленіе, мы не знаемъ, но оно даетъ ему легкій поводъ возводить рыцарей въ идеалъ благородства, великодушія, мира и любви и проч. По его мнѣнію, —рыцарство прямо вытекаетъ изъ христіанской религіи; со всѣми своими гербами, де-

визами, турнирами, и т. п. Не знаемъ, на сколько для нашихъ юношей полезно такое понятіе о христіанствѣ и о рыцарствѣ....

Точно такъ же сомнительно, чтобъ особенно благодѣтельное вліяніе произвели на юныхъ читателей тѣ страницы, въ которыхъ авторъ съ благоговѣніемъ рассказываетъ напр. о доблести рыцарей, которые, *«спѣша заслужить шпоры, бросались въ самую чашу свалки»*; или о турнирахъ, какъ *«благородныхъ собраніяхъ, въ которыхъ очищалась нравственность...»* Это можетъ послужить для юношей развѣ къ тому, что они, *спѣша заслужить шпоры*, побѣгутъ всѣ — просить, чтобы ихъ переименовали изъ коллежскихъ регистраторовъ въ корнеты или даже приняли юнкерами въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, *для очищенія ихъ нравственности....* Конечно, это было бы не дурно; да только зачѣмъ же это? У насъ войска и безъ того много; слѣдовательно, наплывъ юныхъ кандидатовъ въ современные рыцари, т. е. въ юнкера и корнеты, мало принесетъ существенной пользы отечеству....

Съ сокрушеніемъ сердца говоритъ авторъ о томъ, что рыцарскіе ордена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и наконецъ — увы! — сдѣлались простыми почетными знаками, изъ которыхъ иные — о горе! горе! *даются людямъ всякаго сословія и званія!*... Какая глубина паденія! Какой предметъ плача и стenanій для г. Руа, для его переводчика и для «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», основаннаго *самообъявленнымъ* поборникомъ безкорыстія, г. Вышнеградскимъ!...

Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. Москва. 1858 г. Три части.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ начали появляться въ «Москвитянинѣ» рассказы, подписанные фамиліею И. Кокорева. Не смотря на то, что «Москвитянинъ» не пользовался тогда хорошей репутаціей и мало читался, Кокоревъ скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе публики. Его имя отдѣлилось отъ именъ обычныхъ вкладчиковъ «Москвитянина», вмѣстѣ съ именами Островскаго, Писемскаго, Потѣхина.... Его рассказы, раскрывавшіе подробности жизни ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ московскихъ, постоянно встрѣчали сочувствіе публики. Было время (въ 1852 г., послѣ напечатанія «Саввушки»), когда ожиданія отъ таланта Кокорева были очень велики; отъ него надѣялись серьезнаго, глубоко-задуманнаго и строго выполненнаго произведенія изъ нашей городской-народной жизни, которую онъ зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и кото-

рой умѣлъ сочувствовать. Но черезъ два года потомъ (въ 1854 г.) Кокоревъ умеръ, ожиданія остались невыполненными; о смерти молодого писателя было нѣсколько строкъ въ томъ журналѣ, гдѣ онъ участвовалъ, редакція журнала обѣщала въ скоромъ времени издать его сочиненія; но потомъ, какъ водится, забыли и о Кокоревѣ, забыли и объ обѣщаніи редакціи, (забытомъ ею самой), забыли и о самомъ журналѣ, который тоже скончался, недолго переживъ своего талантливаго сотрудника.

Теперь снова представляется случай вспомнить о Кокоревѣ: вышли его сочиненія, изданныя впрочемъ не редакціею «Москвитянина», а однимъ изъ товарищей покойнаго — В. А. Деметьевымъ. Эти три, бѣдно и сѣро изданные томика наводятъ на мысли очень невеселыя. Въ нихъ человѣкъ, хотя нѣсколько знакомый съ закулисною жизнью журналистики, ясно читаетъ грустную исторію гибели таланта. Люди, находившіе въ Кокоревѣ зародыши сильнаго дарованія, цѣнившіе его горячую любовь къ работающимъ бѣднякамъ нашимъ, болѣею частію и не предполагали тѣхъ обстоятельствъ, которыя служили у него источникомъ этой любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствовали свободному развитію его дарованія. Строгіе эстетическіе цѣнители хотѣли, чтобъ онъ долѣе *вынашивалъ* въ душѣ свои произведенія, давалъ своимъ очеркамъ больше стройности, больше *объективировалъ* ихъ, лучше отдѣлывалъ со стороны внѣшняго изложенія... Но цѣнители не знали, въ какомъ отношеніи находились произведенія Кокорева къ его собственной жизни. Немногимъ было извѣстно, что эти очерки, изображающіе горькую бѣдность съ честнымъ трудомъ, а подчасъ и грязь, и забвеніе горя за чаркой, и невольное вліяніе изъ стороны въ сторону, что все это — воспроизведеніе того, что со всѣхъ сторонъ обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Онъ не издали, не въ качествѣ дилеттанта народности, не въ часы досуга, не для художественнаго наслажденія наблюдалъ и изображалъ жизнь бѣдняковъ, съ горемъ и часто съ грѣхомъ пополамъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Онъ самъ жилъ среди нихъ, страдалъ съ ними, былъ съ ними связанъ кровно и неразрывно. Онъ недурно изображалъ мастеровыхъ, кухарокъ и извозчиковъ; не мудрено: его трудами поддерживалось существованіе стараго, больнаго отца, ремесленника изъ вольноотпущенныхъ, давалась помощь его матери — кухаркѣ, его брату — извозчику!... Ему ли было отдѣлаться отъ героевъ своихъ произведеній и стараться объективировать ихъ! Ему ли было заботиться о *вынашиваніи* въ душѣ своихъ образовъ, объ изящности ихъ отдѣлки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить въ живописное положеніе больнаго отца, чтобы съ него нарисовать изящный портретъ нища-

го старика; трудно томить его голодомъ, чтобы, смотря на его страданія, *выносить* въ душѣ образъ голодной бѣдности и потомъ съ эпическимъ спокойствіемъ выставить его на-показъ міру... Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, въ какомъ проходила жизнь Кокорева, мало благопріятствуетъ ровному и спокойному теченію мыслей. Немудрено, что его рассказы и очерки выливались изъ души лирическимъ порывомъ, что о каждомъ бѣдномъ ваянкѣ, о кулакѣ, о мастеровомъ — онъ рассказывалъ съ такимъ кроткимъ и теплымъ чувствомъ, какъ будто бы говорилъ о своемъ родномъ братѣ. Пускался онъ иногда и въ шуточки, старался смѣшить и смѣяться; но это какъ-то не шло къ его тону, не къ лицу ему было: губы его какъ будто складывались въ улыбку, а на глазахъ блестѣли слезы. И только этими невольными, кроткими слезами, да этой робкой, неудачной улыбкой — и сказался онъ міру. Ни отчаяннаго стога, ни могучаго проклятія, ни жолчной, кроваво-оскорбляющей ироніи — ни разу не выметѣло изъ этого нѣжнаго, терпѣливаго сердца. Онъ какъ будто забить, запуганъ былъ жизнью; онъ боялся поглубже заглянуть въ свое сердце, разбередить его раны, поднять со дна души вѣчные вопросы о правдѣ, о счастьи, о честномъ трудѣ и объ участи бѣдныхъ тружениковъ на этомъ свѣтѣ... Покорно склонился онъ передъ своей судьбой, и исканіе лучшаго только и выразилось у него въ этой скорбной, иногда и фальшивой, но всегда берущей за сердце, — пѣсни о жалкомъ трудѣ и о жалкой бѣдности. Рассказы его — не протестъ противъ общественной неправды, неплодъ мстительнаго раздраженія; въ нихъ нѣтъ желанія отравить вамъ нѣсколько минутъ изображеніемъ житейской неправды и незаслуженныхъ страданій. Напротивъ, въ произведеніяхъ Кокорева есть даже какая-то попытка примиренія, въ нихъ слышится тонъ не вопроса и суда, а скорѣе задушевной, грустной исповѣди за себя и за своихъ братьевъ. Но исповѣдь эта наводитъ на васъ тоскливыя думы, и ихъ не разсѣиваетъ даже оптимизмъ автора, нерѣдко выражаемый имъ въ лирическихъ строкахъ, подобныхъ напр. слѣдующему обращенію къ самовару (въ очеркѣ «Самоваръ»): «не богаты мы съ тобой, часто стучится къ намъ въ дверь нужда: такъ и объ этомъ нечего тужить. Вонъ черезъ улицу отъ насъ, яркими огнями горитъ огромный домъ, толпы кружатся въ великолѣпныхъ его залахъ: но искренно ли веселѣе насъ эти улыбающіяся лица и съ большимъ ли аппетитомъ кушаютъ они чай изъ серебрянаго самовара? Едва ли. А завтра, когда утомленные добровольными муками, они только-что сомкнуть глаза, мы будемъ съ тобою уже на ногахъ, и солинышко, не смѣя пробраться за шелковыя занавѣсы, первыхъ насъ поздравить съ добрымъ утромъ»... Читая подобныя размышленія, вы соглашаетесь съ авто-

ромъ относительно добровольныхъ мукъ; но вы не можете на этомъ успокоиться, потому что очень хорошо знаете, что добровольныя муки все-таки несравненно лучше *невольныхъ*... Не даромъ же въ императорскомъ Римѣ считалось большою милостью предоставленіе преступникамъ права избрать себѣ родъ смерти!...

Но отчего же такое горе, такая бѣдность постоянно терзали Кокорева? Вѣдь онъ писалъ, обнаруживалъ дарованіе, любилъ трудиться; неужели не было средства обезпечить его, дать ему возможность жить и развиваться спокойно? Неужели, наконецъ, онъ ничего не получалъ за свои труды? Мы знаемъ столько людей, которые живутъ литературою, и живутъ безбѣдно; а потребности Кокорева были, безъ сомнѣнія, очень скромны...

Что отвѣтить на эти вопросы? Мы не знали Кокорева, не знали его отношеній къ журналу, въ которомъ онъ участвовалъ; но вотъ выдержка изъ письма одного изъ его знакомыхъ, которое, вскорѣ послѣ его смерти, было напечатано въ Пантеонѣ (1855 г. № 5). Читайте и судите.

«Кокоревъ не имѣлъ меценатовъ; ему никто не протягивалъ руки помощи Въ потѣ лица покупалъ онъ хлѣбъ себѣ и семейству. Онъ работалъ, чаще *по заказу*, чѣмъ *по вдохновенію*, чтобы только обезпечить существованіе отца, матери, брата. Кого обвинять? Мы не посмѣемъ произносить никому укора: «дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ». Его старались ввести въ кругъ людей *сѣ въсомъ*, положеніе его безъ всякаго сомнѣнія улучшилось бы, но онъ держался мудраго правила: *pour vivre heureux, vivons caché!*

«Я не слыхалъ отъ него никогда ропота, жалобы на горькіи жребіи; казалось онъ былъ доволенъ своею судьбой, принималъ видъ веселаго, беззаботнаго, а между тѣмъ преждевременно—согбенный станъ, быстрая, отрывистая рѣчь, — доказывали въ высшей степени развившуюся дѣятельность нервной системы, результатъ внутренней борьбы, упорной, но сосредоточенной!...

«Пріѣхавъ въ Москву, я продолжалъ по прежнему трудиться для одного единственнаго московскаго журнала. Редакторъ его объявилъ мнѣ, «что такимъ—то отдѣломъ завѣдываетъ Кокоревъ, поэтому и нѣкоторыя ваши статьи переданы ему. Хотите познакомиться съ нимъ, сходите сами; онъ живетъ на Самотекѣ въ *** переулкѣ, домъ вамъ укажетъ всякій!»

«Я былъ душевно радъ познакомиться съ авторомъ «Саввуши», «Кухарки» и многихъ другихъ прекрасныхъ разсказовъ, и отправился.

«Ищу часъ, другой: никто и не слыхалъ такой фамиліи. Боже, въ цѣломъ кварталѣ никто не знаетъ человѣка, имя котораго произносить съ уваженіемъ по крайней мѣрѣ цѣлая треть читающей Россіи!...

«Какъ ни далеко Дѣвичье Поле, я возвращаюсь туда къ редактору и пускаюсь въ новый путь съ совѣтомъ *справиться въ кварталъ*.... Прой-

д по обширному грязному двору, отыскиваю наконецъ самую уединенную избенку съ двумя окнами, обращенными къ забору за конюшнею, и открываю двери: копоть и мракъ ужаснули меня... Нѣсколько минутъ я ничего не могъ разглядѣть, задыхаясь отъ плотно сгустившагося воздуха. Когда предметы мало по малу яснѣе начали обозначаться, я осмотрѣлся: въ углу, на голомъ деревянномъ канане, отдыхалъ старикъ, бѣлый, какъ лунь. Глухой кашель душилъ его. Приподнимаясь съ усиліемъ, онъ нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова. Я предупредилъ его, прося сохранить свое положеніе. Ясно,—я ошибся: я просилъ извиненія и прощаясь спросилъ; не можетъ ли онъ сказать мнѣ, гдѣ живетъ г. Кокоревъ? Въ это время въ двери сосѣдней комнаты высунулась голова какого-то молодого челоѣка; онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

«Я повторилъ мой вопросъ, прибавивъ: Кокорева, писателя, сотрудника «Москвитянина».

«Въ такомъ случаѣ я къ вашимъ услугамъ; не угодно ли вамъ войти въ мою комнату»,—продолжалъ онъ, замѣтно смутившись. Я повиновался. Комната, въ которую я вошелъ, освѣщалась двумя окнами: стулъ, столикъ, заваленный бумагами, кровать, изъ подъ которой выглядывали книги и журналы; рядомъ съ черниломъ бутылка на столѣ, исправляющая должность отсутствующаго подсвѣчника,—вотъ все, что я нашелъ въ мастерской художника, въ которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено... Какъ много людей, бесплодно обременяющихъ землю своимъ жалкимъ существованіемъ, располагаютъ богатыми средствами, не зная ни цѣны, ни прямого назначенія ихъ... а онъ, это благородное существо, возвысившееся надъ опытомъ, который взростилъ его, и силою крѣпкаго самостоятельнаго ума и прекрасными хотя тревожными стремленьями сердца!... Мать—кухарка, отецъ—слабый, больной старикъ, не покидающій постели (вольноотпущенный), братъ—извозикъ.... И не пасть, и самоотверженно, твердо нести крестъ свой, и гордо торжествовать въ борьбѣ съ подвигомъ жизни, — какое вѣское, многоцѣнное слово оставилъ онъ на память о себѣ быту, среди котораго выросъ! Авторъ «Савушки» не скоро умереть, принадлежа исторіи литературы.

«Онъ гордо отвергъ многія выгоды жизни, чтобы только сохраниться, и вся жизнь его представляетъ трогательное служеніе искусству, слѣдовательно и обществу.

«Одно меня непріятно поразило въ немъ; онъ стыдился своего положенія; онъ не былъ радъ посѣщенію незнакомца, рѣчь его была не искренна, онъ былъ въ большомъ смущеніи, и мнѣ было досадно за него.

«Я встрѣчался съ нимъ еще нѣсколько разъ. Не могу забыть одной изъ этихъ встрѣчъ: редакторъ изданія, для котораго онъ постоянно трудился, уѣзжая за границу, поручилъ ему завѣдываніе редакціей и далъ болѣе 50-ти руб. сер. Съ какой восторженной радостью летѣлъ онъ домой! Видно, давно, очень давно не видалъ оной такой суммы!...

«Послѣдняя встрѣча испугала меня; пламя таланта, сосредоточенное, безысходное страданіе пожирали нѣжную организацію; онъ угасалъ замѣтно. Труды огромные истощали всѣ его силы, убивали здоровье—и за все его вознаграждали даже, какъ поденщика! Люди промышленные пользовались его страстію къ литературѣ и крайностію положенія.

«А между тѣмъ мы знаемъ, мы читаемъ, что въ Москвѣ каждый талантъ, каждое предпріятіе, основанное на истинной пользѣ, найдутъ благородное сочувствіе, привѣтъ. Приведемъ по этому случаю слова одного изъ важнѣйшихъ московскихъ ученыхъ, г. Погодина: «Молодые люди, желающіе трудиться на поприщѣ науки! Снесите терпѣливо всѣ неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите въ отчаяніе отъ препятствій.... А вы, отъ которыхъ зависить.... Но лучше я обращаюсь къ себѣ, ибо я самъ занялъ подобное мѣсто.... Я произношу здѣсь обѣтъ—содѣйствовать всѣми силами ученымъ предначертаніямъ, возбуждать ихъ къ общепользующей дѣятельности искренними совѣтами, ободрять ихъ ласковыми пріемами, оживлять пріятными надеждами въ началѣ, доставлять нужную помощь въ продолженіи, употреблять всѣ зависящіе отъ меня средства предъ начальствомъ и публикою при окончаніи ихъ трудовъ, чтобы дѣлались эти труды извѣстными, доставляя имъ честь и выгоду, и проч. и проч. («Москвитининъ» № 4 за 1855 г. стр. 88). Вѣроятно подобныя надежды и обѣщанія поддерживали и Кокорева.

«Вскорѣ онъ умеръ въ госпиталѣ, въ жестокой нервной горячкѣ».

Такъ вотъ въ какихъ отношеніяхъ находился Кокоревъ къ издателю журнала, въ которомъ былъ постояннымъ сотрудникомъ... Однако, что же онъ дѣлалъ въ журналѣ? Стало быть, не одни очерки и рассказы сочинялъ онъ; стало быть, издатель умѣлъ извлечь и другую пользу изъ его дарованія и трудолюбія? Конечно, умѣлъ: доказательство—въ изданныхъ нынѣ сочиненіяхъ Кокорева. Половина второй и почти половина третьей части имъ заняты журнальными статьями, написанными очевидно по заказу, натянутыми, напряженными, отличающимися какой-то, несвойственной Кокореву, размашистостью, неловкимъ умничаньемъ и претензіями... Нѣсколько лѣтъ поставлялъ онъ для «Москвитинина» рецензіи глупыхъ книжонокъ для «Библіографіи» и мелкія статейки для «Смѣси». Теперь онѣ всѣ собраны и изданы усердіемъ г. Дементьева,—и Боже мой! чего тутъ нѣтъ, до чего была доведена эта свѣжая, поэтическая натура, на что растрчивался этотъ оригинальный талантъ!.. Вотъ разборъ «Хиромантіи дѣвицы Ленорманъ», вотъ рецензія, «Странухи», вотъ двѣ страницы о «Новомъ способѣ истребленія клоповъ и таракановъ», вотъ «Воззваніе къ крысоеистребителямъ», вотъ статейка, критикующая слогъ объявленія тифлискаго моднаго магазина, замѣтка «о мази отъ паденія волосъ», о поддѣлкѣ подъ вдову Кликю, о новой мужикъ-полькѣ

и пр. и пр. Какой талантъ, какая поэзія можетъ сохраниться въ человѣкѣ, принужденномъ убиваться надъ такими предметами?... Никто изъ читавшихъ «Москвитянинъ» и любовавшихся рассказами Кокорева, не предполагалъ, конечно, что этотъ же самый человѣкъ, тутъ же черезъ нѣсколько страницъ, смастерилъ какія нибудь замѣтки о парикмахерскомъ объявленіи, о новомъ полиѣйшимъ орнаментѣ, о шрифтѣ визитныхъ карточекъ, и т. п. Грустно перебирать эти замѣтки въ собраніи сочиненій Кокорева, грустно за него и горько на тѣхъ, кто его довелъ до такихъ занятій. Они не мало повредили развитію его таланта. Когда мы пересматривали «Рецензіи» и «Смѣсь» Кокорева, насъ все преслѣдовали слова одного дюжиннаго живописца, выведеннаго самимъ же Кокоревымъ въ рассказѣ «Сибирка»: «правду сказать, не хвастая, — если бы не городская работа, гдѣ пишши одно и тоже, по извѣстной мѣркѣ, да клади побольше яркихъ красокъ, чтобы не даромъ платить деньги, какъ толкуютъ покушники; если бы не это вѣчное малярство, да не нужда, которая часто заставляетъ работать на скорую руку, съ грѣхомъ пополамъ, — можно бы написать не хуже людей, хоть въ академію».

Можетъ быть, многіе изъ чернорабочихъ тружениковъ, ничего не имѣющихъ въ жизни, кромѣ своего труда, — оказались бы не хуже людей, если бы нужда не заставляла ихъ работать на скорую руку. Но имъ некого винить, кромѣ судьбы, если трудъ ихъ по крайней мѣрѣ оплачивается, какъ слѣдуетъ, и если ихъ не вынуждаютъ къ работѣ, противной ихъ наклонностямъ. Кокореву не дано было и этихъ ничтожныхъ льготъ, и за него общество могло бы спросить отчета еще у кого нибудь, кромѣ слѣпой и неразумной судьбы... Люди, эксплуатировавшіе его, загубили его талантъ и самую жизнь. Въ коротенькомъ предисловіи къ изданію его сочиненій, мы найдемъ между прочимъ грустное извѣстіе, что «Кокоревъ умеръ въ молодыхъ годахъ жертвою неправильной жизни, къ которой привыкъ рано, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ». Что это были за обстоятельства, мы вѣроятно узнаемъ подробнѣе изъ его біографіи, которую г. Дементьевъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени.

Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ рассказанная. Новое изданіе Григорія Книжника. Спб. 1859.

Въ прошломъ году одна газета увлеклась патріотическимъ негодованіемъ по поводу энтузіазма русской публики къ миссъ Юліи Пастранъ. «Вотъ, говоритъ, — поверхностные космополиты, въ своемъ близорукомъ верхоглядствѣ, полагаютъ, что такіе уроды, какъ Юлія

Пастрана, не могутъ родиться въ Россіи, а непременно должны привозиться изъ-за границы. Неправда,—говорить; —они полагаютъ такъ потому, что не знаютъ Россіи, не присматриваются къ ея явленіямъ.... Да ужъ если на то пошло, говорить,—такъ у насъ этакіе уроды вовсе не рѣдкость».... И въ доказательство своихъ словъ патриотически-задорная газета представила, рядомъ съ портретомъ миссъ Пастраны, портретъ какой-то русской женщины съ бороною....

Тотъ же самый патриотизмъ, только вывороченный совершенно наизнанку, мы встрѣтили недавно въ одномъ печатномъ сужденіи о Ванькѣ Каинѣ. На этотъ разъ патриотизмъ разыгрался по поводу заглавія книги о Каинѣ. Въ старинныхъ изданіяхъ она озаглавливается такимъ образомъ: «Жизнь и походы *россійскаго Картуша*, именуемаго Каина». Вотъ по этому-то случаю неизвѣстный патриотъ и разсуждаетъ: «къ сожалѣнію, — говоритъ, французскій мошенникъ имѣлъ у насъ больше популярности, чѣмъ свой, доморощенный, и вотъ въ заглавіи книги, чтобы дать ей болѣе хода, выставили имя Картуша. Но въ сущности, говоритъ, — сходства между ними мало: тотъ былъ, говоритъ, — и образованный, и убійства дѣлалъ, и казненъ былъ; а нашъ едва грамотѣ зналъ, не убивалъ никого, и наказаніе его смягчено было.... такъ что, говоритъ, — нашъ Каинъ совершенно самъ по себѣ, и только неосновательное и легкомысленное пристрастіе къ французамъ могло заставить прировнять его къ Картушу». Порадовались мы такому развитію патриотизма въ нашемъ отечествѣ и чуть-чуть не пожалѣли: зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ Ванька Каинъ не совершилъ дѣяній, которыя бы приобрѣли ему популярность еще большую, нежели какую стяжалъ себѣ Картушъ?...

Но отъ патриотическихъ радостей и сожалѣній должны были мы перейти къ разсмотрѣнію книжки, изданной Григорьемъ Книжникомъ. Въ книжкѣ этой не безъ огорченія усмотрѣли мы, что дѣйствительно Ванька Каинъ въ подметки не годится Картушу, и это убѣжденіе навело насъ на мысль, что, можетъ быть, прозваніе *россійскаго Картуша* придано ему даже вовсе не изъ легкомысленнаго подражанія французамъ, а просто для пущей важности, въ томъ родѣ, какъ если бы его называли напримѣръ новѣйшимъ Соловьемъ Разбойникомъ или вторымъ Степкою Разнымъ... Дѣло въ томъ, видите ли, что Каинъ былъ плутъ весьма мелкой руки, и въ наши времена его мигомъ скрутила бы полиція. Да и тогда его ловили безпрестанно, и онъ спасался не хитрыми штуками или отчаянной храбростію, а просто тѣмъ, что выдавалъ своихъ товарищей и самъ напрашивался въ сыщики. Его схватили на воровствѣ, а опъ «слово и дѣло» закричалъ, вслѣдствіе чего отосланъ былъ въ тайную канцелярію, оговорилъ помѣщика своего и «въ скоромъ времени получилъ

отъ оной тайной канцеляріи для житья вольное письмо» (стр. 9), съ которымъ опять принялся за воровство. Въ другой разъ попался онъ —и подъячему посулилъ взятку, вслѣдствіе чего опять былъ отпущенъ и получилъ паспортъ на два года (стр. 27). Въ третій разъ избавился онъ посредствомъ подкупа «стоящаго на караулѣ въ полиціи вахмистра» (стр. 32). Наконецъ онъ сталъ уже мошенничать по Москвѣ полной рукой, послѣ того, какъ въ сенатѣ объявилъ, что онъ воръ и знаетъ другихъ воровъ и разбойниковъ—не только на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ». Тогда онъ во всемъ прощенъ былъ «и притомъ приказано ему было, чтобъ старался такихъ людей воровъ впредь сыскивать, и для того сыску данъ ему былъ отъ сената указъ и опредѣлена была для вспоможенія команда». (стр. 48). Тутъ ужъ ему опасаться было нечего: знай себѣ мошенничай, сколько душа желаетъ.... Въ то время еще полицейское управленіе было не развито. Въ настоящее время (когда поднято столько общественныхъ вопросовъ и когда о полиціи сказано столько теплыхъ словъ) не можетъ, конечно, повториться подобное явленіе,—ибо всѣ понимаютъ, что нельзя оправдать вора за то, что онъ обвинитъ другихъ воровъ; всѣ знаютъ, что вору и мошеннику не слѣдуетъ поручать преслѣдованія воровства и мошенничества; взятки въ настоящее время сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ, о которомъ, какъ о неслыханной диковинкѣ, публикуютъ въ газетахъ для предостереженія... Ясно, что живи Ванька Каинъ въ настоящее время, его бы первый будочникъ обратилъ на путь добродѣтели, лишивши всякой возможности мошенничать. А въ старину, извѣстное дѣло, такимъ мелкимъ плутишкамъ было сподобя: гласности не было, не обличалъ ихъ никто.... такъ чего же вы тутъ хотите?... А теперь.... да теперь стоило бы только Ванькѣ Каину сходить въ Александринскій театръ да посмотрѣть на становаго Фролова, добродѣтельно разшаркивающегося передъ генераломъ, или послушать, какъ комильфотный Надимовъ оретъ объ искорененіи зла съ корнями.... Тутъ какой хочешь будь мошенникъ, а душа въ пятки уйдетъ, и отпадетъ всякая охота предлагать взятки мелкимъ чиновникамъ.... Да, ужъ теперь не то, что было прежде: такіе маленькіе ворышки, какъ Ванька Каинъ, успѣха имѣть ужъ не могутъ.... Общество не такъ ужъ низко стоитъ: подымай выше.

Впрочемъ, что намъ до общественныхъ вопросовъ? Намъ ждуть интересы гораздо болѣе важныя. Исторія Ваньки Каина издана Григоріемъ Книжникомъ, слѣдовательно въ ней нужно искать интереса библиографическаго. Незнакомые съ библиографіею, мы просили одного изъ друзей нашихъ,—непризнаннаго, но страстнаго библиографа, разсмотрѣть изданіе Григорія Книжника съ библиографиче-

ской и историко-литературной точки зрѣнія. Другъ нашъ объявилъ намъ, что «Жизнь Ваньки Каина» представляетъ чрезвычайно-важное пособіе для исторіи литературы, и особенно для объясненія сочиненій князя Антиоха Кантемира. Мы приведены были въ нѣкоторое изумленіе; но библиографическій другъ нашъ не замедлилъ представить доказательства

«Въ первой сатирѣ Кантемира, началъ библиографъ,—говорится о Медорѣ, который полагаетъ, что (стихъ 112-й)

Рексу, не Цицерону похвала достойтъ.

Кто такой *Рексъ*, въ исторіи литературы свѣдѣній доселѣ не было. Только въ изданіи Кантемира 1762 г. (которое нынѣ очень рѣдко; оно есть у меня), къ означенному стиху сдѣлано примѣчаніе: «Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ, а Маркъ Тулій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго ⁽¹⁾. Нынѣ примѣчаніе это вполнѣ подтверждено однимъ мѣстомъ въ «Жизни Ваньки Каина». Въ ней сказано: «пошли въ ту же Нѣмецкую Слободу, къ дворцовому закройщику Рексу» ⁽²⁾. Изъ этого видно, что дѣйствительно Рексъ былъ портной, и по всей вѣроятности нѣмецъ, ибо жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Конечно, тамъ могъ жить и русскій человѣкъ; но, по свидѣтельству г. Устрялова ⁽³⁾ въ Нѣмецкой Слободѣ издавна «поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй», и во времена Кантемира населеніе ея было, конечно, по преимуществу иноземное. Кромѣ того, — въ «Жизни Ваньки Каина», на той же страницѣ есть еще черта, бросающая нѣкоторый свѣтъ на жизнь и характеръ Рекса. «Какъ настала ночь, говорится здѣсь,—то тотъ Рексъ и живущіе съ нимъ въ домѣ обдержимы были сномъ» ⁽⁴⁾. Отсюда ясно, 1) что Рексъ жилъ не одинъ въ домѣ, и 2) что онъ имѣлъ мирныя наклонности, ибо по ночамъ спалъ, а не кутилъ. Такимъ образомъ предъ нами нѣсколько разъясняется лицо, имѣющее свою долю значенія въ исторіи русской литературы.

Далѣе: во второй сатирѣ Кантемира есть стихи ⁽⁵⁾:

Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей одиночна).

⁽¹⁾ Сат. и др. стих. сочиненія кн. Ан. Кантемира. Спб. 1762 г., стр. 9.

⁽²⁾ См. Жизнь В. К., стр. 11.

⁽³⁾ См. Ист. Петра Вел. т. II, стр. 107.

⁽⁴⁾ См. Ж. В. К. стр. 11 — 12.

⁽⁵⁾ См. стихъ 290, слѣд. Въ изд. 1762 г. стр. 32.

Въ «Жизни Ваньки Каина» разсказывается обстоятельство, подтверждающее слова Кантемира. Тамъ ⁽¹⁾ говорится, что однажды Каинъ съ товарищами не могли утащить всѣ покраденныя вещи, разбросали ихъ въ грязи, на Чернышевомъ дворѣ, и затѣмъ привезли одну знакомую бабу, какъ будто бы барыню, которая заставила ихъ эти вещи собирать и домой отвезти. Здѣсь между прочимъ замѣчено: «въ тожь время, чтобы проѣзжающіе мимо насъ люди дознаться не могли, то рѣченная барыня бранила насъ и била по щекамъ, говоря притомъ: «что де вамъ дома смотрѣть было не можно ли, все ли цѣло»? ⁽²⁾. Что эта черта нравовъ не вымыслепа, видно изъ того, что она подтверждается многими мѣстами изъ сочиненій нашихъ писателей прошлаго вѣка. Такъ въ «Недорослѣ» Скотининъ спрашиваетъ: «да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу своего, когда захочетъ» ⁽³⁾? Такъ въ «Живописцѣ»....

Но на «Живописцѣ» мы прервали нашего библиографическаго друга, зная, что если ужъ онъ попадетъ на сатирическіе журналы прошлаго вѣка, то отъ него дня три не отдѣлаешься.... Читатели впрочемъ не лишаются надежды увидѣть его изысканія: онъ обѣщаль уже намъ сочинить библиографическій трактатъ, по поводу новаго изданія Григорія Книжника.

⁽¹⁾ Ж. В. К. стр. 13.

⁽²⁾ Ж. В. К. стр. 16.

⁽³⁾ Соч. Фонъ-Визина, изд. 1852 г., стр. 181.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КНЯЗЯ МИЛОША ОБРЕНОВИЧА ВЪ СЕРБИЮ.

Въ Сербіи въ теченіе 50 лѣтъ произошло 5 революцій; сообразно съ обычаями сербскаго племени, всѣ эти перевороты имѣли чисто демократическій характеръ.

Сербы, съ оружіемъ въ рукахъ приобрѣли себѣ и свободу политическую, — и съ нею народно-экономическую независимость. Подъ турецкимъ владычествомъ сербы не имѣли своего дворянства. Территоріальное дворянство составляли турки. Съ сверженіемъ ихъ владычества естественнымъ образомъ совпало уничтоженіе этого дворянства и переходъ земли въ руки прежнихъ райевъ. Образовалось сословіе вольныхъ поселянъ, изъ которыхъ каждый завладѣлъ частью оставленныхъ земель; прежнія большія имѣнья раздѣлились. Между тѣмъ какъ въ Молдавіи и Валахіи вся территорія находится въ рукахъ 8,000 боярскихъ семействъ, въ Сербіи средняя величина участковъ не превосходитъ 10 — 15 десятинъ. Въ Сербіи нѣтъ ни большихъ территоріальныхъ владѣльцевъ (*) ни дворянства; и вотъ почему въ Сербіи всякое политическое движеніе должно необходимо быть движеніемъ демократическимъ. Этотъ характеръ основанъ на внутреннихъ экономическихъ причинахъ. Вотъ точка, съ которой надобно смотрѣть на сербскія революціи вообще и на послѣднюю въ особенности. Съ удивленіемъ была вездѣ принята вѣсть о томъ, что народное собраніе безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ низложило князя и захватило верховную власть. Но по сербскимъ обычаямъ — это вещь очень натуральная. Въ первое сербское возстаніе противъ

(*) Значительнѣйшая часть имѣній немногихъ сербскихъ «богачей» находится въ Валахіи.

турецкаго владычества, въ 1804 году, Георгій Черный считался совершенно равнымъ съ людьми, сражавшимися противъ турокъ подъ его предводительствомъ. Его слушали, какъ самаго храбраго и способнаго, да и то исключительно въ дѣлѣ сопротивленія туркамъ. Въ дѣлахъ внутреннихъ онъ постоянно былъ принужденъ собирать скупшину. Тоже явленіе мы видимъ и во второе возстаніе противъ турокъ, въ 15-мъ году, подъ руководствомъ Милоша, который, тотчасъ послѣ удавленія Георгія Чернаго изъ Сербіи, счелъ себя въ правѣ занять его мѣсто, по той простой причинѣ, что сознавалъ въ себѣ присутствіе тѣхъ же талантовъ. — Очевидно, что, при такомъ происхожденіи княжескаго достоинства, верховная власть собственно принадлежитъ народу; и весьма естественно, что народъ считаетъ себя въ правѣ низложить князя, котораго самъ надъ собой поставилъ. Сербы не могутъ чувствовать къ своему князю того робкаго благоговѣнія, которое является у подданныхъ гоеударства, гдѣ монархическое начало развилось исторически; у нихъ существуетъ цѣлое поколѣніе, которое видѣло, чѣмъ князь былъ прежде, знаетъ, какъ онъ былъ сдѣланъ княземъ, и потому смотритъ на него чрезвычайно просто. Въ 43 году скупщина собственною властью возвела на престолъ Александра Карагеоргіевича; — другая скупщина въ 58 году сочла себя въ правѣ низложить его.

Вторичное избраніе Милоша человѣку, знающему причины его изгнанія въ 1842 году, представляется несообразностью. Почему Милошъ былъ принужденъ отречься отъ престола и жить въ изгнаніи? Потому, что онъ противился установленію конституціи и хотѣлъ править на восточный ладъ, какъ христіанскій паша. Какъ же чисто демократическая скупщина, считающая нарушеніе конституціи княземъ Александромъ достаточною причиною для его низложенія, возвращаетъ теперь власть Милошу? Но эта несообразность разъясняется чувствами сельскаго населенія, господствующаго въ Сербіи. Оно привыкло видѣть въ Милошѣ освободителя его отъ турецкаго ярма и основателя народнаго правительства, оно привязано къ нему, какъ обыкновенно первобытные народы привязываются къ своимъ вождямъ. Конечно дѣло приняло бы совершенно другой оборотъ, если бы зависѣло отъ тѣхъ сословій, которыя, по прекращенія совершенно первобытнаго состоянія народа, поднялись надъ его уровнемъ. Во время прежняго владычества Милоша, они вступали съ нимъ въ столкновенія, чтобы оградить себя и первобытное состояніе государства замѣнить стройнымъ порядкомъ. Они составили конституцію (Уставъ), которая должна была ограничить Милоша. — Естественно, что Милошъ, до тѣхъ поръ правившій по своему произволу, не хотѣлъ согласиться на ихъ требованія. Слѣд-

ствіемъ его сопротивленія былъ переворотъ, ловко подготовленный и быстро произведенный триумвиратомъ, состоявшимъ изъ Вучича, Петровевича и Ефрема Обреновича (брата князя). Милошъ былъ принужденъ отказаться отъ престола въ пользу сына. Какъ теперь, такъ и тогда, явилась депутація въ Конакъ (княжескій дворецъ) и потребовала отрѣченіе Милоша. Какъ теперь, такъ и тогда, Вучичъ сказалъ князю: «Господинъ, народъ не хочетъ болѣе имѣть тебя княземъ.» — «Если народъ меня не хочетъ, такъ и я не стану ему навязываться,» — отвѣчалъ Милошъ. Отвѣтъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что, пользуясь привязанностью народа, Милошъ легко могъ зажечь междоусобную войну и удержаться на престолѣ.

Захочетъ ли теперь Милошъ, привыкшій руководствоваться произволомъ, терпѣть вмѣшательство скупщины? Милошъ никогда ея не боялся. Во время своего правленія онъ созывалъ ее нѣсколько разъ. Конечно прежде она имѣла не совсѣмъ тотъ характеръ, какъ теперь, когда она имѣетъ видъ парламента. Прежде народъ, сходясь изъ разныхъ округовъ, собирався подъ открытымъ небомъ; Милошъ являлся къ нему, и пользуясь своимъ извѣстнымъ краснорѣчіемъ и рѣдкимъ знаніемъ народнаго характера, легко убѣждалъ собраніе соглашаться на всѣ его предложенія. Теперь скупщина составлена изъ людей правильно выбранныхъ, которые дѣйствительно могутъ быть названы представителями народа. Между ними есть люди, учившіеся въ Гейдельбергѣ или въ Парижѣ, и проникнутые парламентскимъ духомъ. Они едва ли уступятъ, если Милошъ захочетъ продолжать свой прежній образъ правленія. Но Милошу теперь 80 лѣтъ, и жить ему остается конечно не долго, а сынъ его Михаилъ отличается умомъ и образованностью, и на него болѣе всего надѣются образованные сербы; притомъ 20-ти лѣтнее изгнаніе, безъ сомнѣнія, сильно измѣнило образъ мыслей стараго князя, и многое, что онъ прежде считалъ необходимымъ совершать съ драконовскою строгостію, теперь вѣроятно не повторится.

Чтобы понять характеръ нынѣшнихъ событій въ Сербіи, надобно припомнить главные факты со времени перваго отреченія Милоша. Паденіе Милоша въ 1839 году было произведено происками нѣсколькихъ честолюбивыхъ вельможъ и въ особенности Вучича. Замыселъ ихъ удался, но народъ въ немъ не участвовалъ. Миланъ, старшій сынъ и законный преемникъ Милоша, былъ человекъ больной и умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Зависть вельможъ была главной причиной, помѣшавшей Вучичу овладѣть престоломъ. Тогдашняя каймакамія рѣшилась дать странѣ другаго князя. Чтобы уничтожить въ родѣ Обреновичей право престолонаслѣдія, была созвана скупщина, и уже не ея выбору, а не по праву наслѣдства, престолъ былъ

отданъ второму сыну Милоша, Михаилу. Вучичъ и приверженные къ нему вельможи думали было принять на себя роль опекуновъ молодого князя, но, встрѣтивъ въ немъ замѣчательную энергію и силу характера, рѣшились на новый правительственный переворотъ. Въ ожиданіи этого событія, они призвали въ Сербію Александра Карагеоргіевича, младшаго сына Георгія Чернаго, находившагося тогда въ Валахіи. Ограниченность ума и слабость характера этого человека, казалось, какъ нельзя лучше соотвѣтствовали ихъ планамъ. Михаилъ весьма милостиво и безъ всякихъ подозрѣній взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ 1842 году планъ Вучича созрѣлъ. Ему удалось свергнуть князя Михаила. Скупщина, созванная Вучичемъ и большею частью состоявшая изъ наемныхъ цыганъ, выбрала княземъ Александра Карагеоргіевича. Послѣ этого переворота Вучичу дѣйствительно удалось захватить власть; Александръ пользовался только титуломъ князя. Во всѣхъ этихъ дворцовыхъ переворотахъ принимали дѣятельное участіе турецкіе комиссары, на долю которыхъ переналъ не одинъ свертокъ золота изъ оставленной Милошемъ народной запасной казны, которая также снабжала Вучича и его партію. Народъ, утомленный притѣсненіями олигарховъ, не разъ пытался освободиться отъ нихъ и снова вручить власть человеку изъ рода Обреновичей; но подавляющая система Вучича установила наконецъ въ странѣ видимое спокойствіе. Между тѣмъ родственники княгини съ помощью интригъ и деспотизма заняли всѣ важнѣйшія должности и приобрѣли этимъ перевѣсъ надъ Вучичемъ, котораго вліяніе тогда значительно ослабло. Ненадовичи заняли его мѣсто въ управленіи безхарактернымъ княземъ, стараясь и все государственное устройство привести въ состояніе крайняго разслабленія. Сенатъ, состоявшій преимущественно изъ людей ограниченныхъ, былъ значительно пополненъ людьми лишенными всякой самостоятельности. Въ послѣднее время правленіе Александра сдѣлалось ржавой машиной, съ помощью которой партіи Ненадовичей распоряжалась всѣмъ по произволу и разоряла казну. Бѣдствія народа постоянно увеличивались. Онъ впалъ въ глубокую апатію, и только событія послѣдняго времени показали, что въ глубинѣ души его еще сохранялись неиспорченныя чувства.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые сенаторы думали о низложеніи Александра и о возвращеніи престола Милошу; но планъ ихъ въ самомъ началѣ былъ открытъ Ненадовичами, и они дорого за него заплатились. Вучичъ, надѣявшійся овладѣть престоломъ, скрытно поддерживалъ составителей этого плана. Впослѣдствіи онъ однако перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, и весною настоящаго года помогъ Александру удержаться на шаткомъ княже-

скомъ престолѣ. Съ этихъ поръ Вучичъ и его кліенты играли Александромъ, какъ мячикомъ; хотя впрочемъ очевидно было, что рано или поздно послѣдніе возьмутъ верхъ. Вучичу и приверженнымъ къ нему вельможамъ угрожала тогда страшная перспектива сырыхъ подземелій Гургусовацкой кулы (тюрьмы), такъ что они были поставлены въ непріятную необходимость выбрать одно изъ двухъ: или Александра съ тюрьмой въ перспективѣ, или князя изъ рода Обреновичей, съ которымъ было неразлучно прекращеніе ихъ политическаго владычества. Нѣтъ сомнѣнія, это послѣднее было все-таки лучше; но не легко отказаться отъ власти, и въ умахъ олигарховъ появилась третья мысль, удовлетворявшая всѣмъ ихъ требованіямъ, — мысль объ учрежденіи каймаками. Планъ этотъ уже потому не могъ быть приведенъ въ исполненіе, что самые способные изъ олигарховъ мечтали во время междоусобицы овладѣть престоломъ. Эта мысль, явившись одновременно у многихъ, внушила имъ взаимную недо-вѣрчивость, въ особенности когда въ числѣ претендентовъ явился богатый маіоръ Миша, хлопотавшій вѣроятно въ пользу своего зятя Дѣка Карагеоргиевича. Впрочемъ каждый изъ претендентовъ все еще надѣялся на успѣхъ, и въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ была созвана скупщина, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Турецкое правительство боялось результатовъ этого движенія, и выборъ депутатовъ уже показывалъ, что народъ хочетъ возвратить Милоша Обреновича; но олигархи все еще были убѣждены въ успѣхъ своего дѣла. Они надѣялись посредствомъ скупщины низложить Александра; а потомъ съ помощью городского гарнизона, въ преданности котораго не сомнѣвались, разогнать самую скупщину. Въ высшихъ кругахъ общества не боялись говорить, что существованіе скупщины продолжится на нѣсколько дней въ томъ только случаѣ, если она будетъ вести себя какъ слѣдуетъ, т. е. сообразно съ приказаніями олигарховъ, — а иначе тотчасъ же будетъ она распущена.

Среди такихъ обстоятельствъ приближался день Св. Андрея. Представители народа не явились въ этотъ день къ княжескому столу. Это обстоятельство уже должно было навести Александра на мысль объ отреченіи; но жена его и слишкомъ любостыжательные ея родственники не позволили ему удалиться съ честью. 3 декабря скупщина собралась въ первый разъ и назначила своимъ президентомъ маіора Мишу. Этотъ выборъ разсердилъ олигарховъ, но они все еще не теряли надежды. 4 числа (старого стilia) Александръ въ присутствіи высшихъ должностныхъ лицъ и духовенства открылъ скупщину. Тронная рѣчь, прочитанная секретаремъ его, была принята холодно: 3—4 голоса робко крикнули: «Живѣ» (ура)! но тотчасъ

же замолкли, не найдя отклика. 5 числа собраніе рѣшилось перемѣнить статутъ скупщины. Президентъ изъявилъ желаніе отложить это дѣло; но бѣлградскій депутатъ Милованъ Янковичъ и Чупріяджи Стаменковичъ отговорили собраніе отъ принятія его мысли. Для измѣненія различныхъ пунктовъ статута назначили особую комиссію, которая тотчасъ принялась за дѣло.

По новому уставу, принятому скупщиною, правленіе Сербіею изъ рукъ олигархическаго сената совершенно переходило въ руки собранія народныхъ представителей и княжество рѣшительно становилось въ рядъ конституціонныхъ государствъ; вотъ главныя постановленія новаго устава о скупщинахъ:

Скупщина (*) одно изъ древнѣйшихъ и священнѣйшихъ учрежденій Сербской земли. Она законная выразительница воли сербской націи. Кто противится законному и свободному дѣйствию скупщины, тотъ измѣнникъ сербскому народу. Скупщина принимаетъ всѣ мѣры, нужныя для общаго блага. Никакой законъ относительно правъ князя, сената, министерства и скупщины не можетъ быть изданъ или измѣненъ безъ предварительнаго согласія скупщины. Скупщина имѣетъ право именемъ націи требовать отиженія каждаго неудобнаго закона и каждаго противнаго національнымъ выгодамъ учрежденія. Нельзя заключать ни займа, ни какого другаго обязательства безъ позволенія скупщины. Она можетъ именемъ націи отдавать подъ судъ министровъ и всѣхъ другихъ чиновниковъ. Скупщина собирается ежегодно въ день Рождества Богородицы въ столицѣ Сербіи. Если новые депутаты не выбраны къ этому дню, депутаты прежней скупщины остаются законными представителями націи и обязаны, не дожидаясь созванія со стороны правительства, сами собираться въ назначенный срокъ для составленія скупщины. Министры, которые не созвуть скупщину въ законный срокъ, объявляются государственными измѣнниками и наказываются строжайшимъ образомъ. Избиратели депутатовъ въ скупщину—все сербы, достигшіе 30 лѣтъ; избранъ депутатомъ можетъ быть каждый сербъ достигшій 35 лѣтъ. Обыкновенное продолженіе засѣданій скупщины—мѣсяцъ; въ случаѣ надобности, срокъ этотъ продолжается.

По предложенію того же Яковича собраніе единогласно приняло благодарственный адресъ гарантирующимъ державамъ и другой,—

(*) Русскій читатель едва ли нуждается въ объясненіи этого слова: скупити—совокупить; скупщина—совокупщина, собраніе, первоначально—мірская сходка всѣхъ сербскихъ людей, теперь парламентъ, состояющійся изъ ихъ депутатовъ.

въ рѣзкомъ тонѣ, — султану, который хотѣлъ воспрепятствовать собранію скупщины. 6 и 7 были дни праздничные, — такъ что 4-е засѣданіе происходило 8-го числа. Президентъ былъ боленъ. Вице-президентъ Стевча Миловановичъ занялъ его мѣсто. Собраніе слушало чтеніе своего новаго статута, единогласно его приняло и отправило на утвержденіе въ сенатъ. Въ засѣданіи 9-го числа бѣлградскій депутатъ Берловачъ изъявилъ желаніе получить отчетъ о дѣйствіяхъ правительства съ 42 года.

Это предложеніе было принято; тогда онъ же потребовалъ пересмотра законовъ о судопроизводствѣ и уголовныхъ законовъ, представленій торговой палаты, и закрытія Гургусовацкой тюрьмы. Крушевацкій окружной начальникъ Наумовичъ предложилъ составить адресъ князю; но собраніе единогласно отвергло это предложеніе, потому что князь не передалъ скупщинѣ своей тронной рѣчи. Нѣкоторые депутаты потребовали прекращенія разнаго рода противозаконныхъ злоупотребленій. Лосницкій протоіерей Васичъ и Крагуевацскій депутатъ Туцековичъ говорили въ пользу свободы книгопечатанія. Въ засѣданіи 10-го числа Берловачъ говорилъ о множествѣ народныхъ бѣдствій, и былъ также встрѣченъ сочувствіемъ собранія. Послѣ рѣзкой рѣчи предсѣдателя Семендріановскаго окружнаго суда, противъ постыднаго образа дѣйствій правительства, скупщина единогласно объявила, что подобной тираніи нельзя выносить долѣе. Берловачъ въ 19 пунктовъ исчислилъ ошибки и преступленія правительства. Выслушавъ его, палата объявила, что всему виною самъ князь, и единогласно заключила о необходимости его отрѣченія.

Изъ 19-ти пунктовъ обвиненія главными были: 1) Онъ не созывалъ скупщины съ 1842 до 1848 года, хотя при вступленіи на престолъ торжественно обѣщалъ, что будетъ созывать ее каждые три года. 2) Онъ не созывалъ скупщины съ 1848 до 1858 года. 3) Князь противозаконно назначилъ нѣсколькихъ сенаторовъ. 4) Князь приказалъ судебнымъ мѣстамъ не принимать обвиненій противъ министровъ. 5) Онъ послалъ уполномоченнаго на вѣнскую конференцію по вопросу о дунайскомъ судоходствѣ, не сообщивъ объ этомъ сенату. 6) Онъ выдавалъ эмигрантовъ. 7) Онъ покровительствовалъ нѣкоторымъ семействамъ, чтобы пріобрѣтать приверженцовъ, и подкупалъ судей. 8) Онъ отказался распустить часть войскъ для сбереженія расходовъ. 9) Онъ растратилъ 900,000 талеровъ будто бы на военныя издержки, но не отдалъ въ нихъ отчета. 10) Онъ нарушилъ Уставъ (конституцію), лишивъ судилища ихъ независимости.

Къ Александру отправили депутацію съ требованіемъ скупщины, чтобы онъ отрѣкся отъ княжескаго сана. Приводимъ этотъ актъ.

«Господинъ, народъ имѣлъ довольно случаевъ видѣть, что вы не имѣете ни умѣнья ни желанія доставить Сербіи счастье. Потому черезъ насъ народъ проситъ васъ отказаться отъ власти, но позволяеть вамъ и вашему семейству остаться въ нашей землѣ, гдѣ не будете вы ни волосомъ тронуты. Народъ ожидаетъ вашего отвѣта. Отказывайтесь безъ промедленія и тѣмъ докажете, что вы любите отечество».

Въ то же время было дано знать объ этомъ сенату; а начальникъ гарнизона (зять Александра) получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи скупщины. Депутація, отправленная къ князю, вернулась съ извѣстіемъ, что князь желаетъ посовѣтоваться съ сенатомъ и дастъ отвѣтъ на другой день.

Вечеромъ въ тотъ же день отправилась вторая депутація скупщины въ конакъ (княжескій дворецъ), «чтобы утвердить князя въ его добрыхъ намѣреніяхъ». Княгиня жестоко упрекала мужа за его слабость и говорила, что еслибъ была на его мѣстѣ, то скорѣе дала бы себя изрѣзать въ куски, чѣмъ отказалась бы. Депутаты скупщины стояли свидѣтелями этой семейной сцены. Александръ Карагеоргіевичъ нѣсколько времени слушалъ брань жены, наконецъ потерялъ терпѣніе, взялъ ее за плечи и вытолкнулъ въ сосѣдную комнату. Тогда депутаты возобновили свои увѣщанія; но едва они произнесли нѣсколько словъ, какъ опять вбѣжала въ комнату княгиня и стала бранить и депутатовъ и мужа. Мужъ опять вытолкалъ ее вонъ. Черезъ нѣсколько времени по удаленіи депутатовъ князь призвалъ Гарашанина, своего министра внутреннихъ дѣлъ, но впрочемъ бывшаго однимъ изъ главныхъ интригантовъ, думавшихъ воспользоваться для личнаго возвышенія созваніемъ скупщины, и объявилъ ему, что удаляется въ Бѣлградскую цитадель подъ защиту турецкаго гарнизона. Гарашанинъ почелъ полезнымъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, и въ 10 часовъ вечера князь прибылъ въ цитадель.

Сенатъ съ своей стороны спросилъ: вслѣдствіе какихъ причинъ скупщина требуетъ отрѣченія князя. Скупщина отвѣчала, что онѣ вполнѣ ему извѣстны; но что впрочемъ она сообщитъ ему извлеченіе изъ протокола своихъ засѣданій. Въ 8-мъ засѣданіи, 11 числа, Берловачъ и Протичъ объявили, что князь выразилъ сенату намѣреніе скорѣе отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Президентъ извѣстилъ собраніе, что князь ночью вѣроломно прошелъ въ турецкую крѣпость. Собраніе послало спросить сенатъ, справедливо ли это обстоятельство; но еще прежде возвращенія посланныхъ получило сенатскій актъ, подтверждавшій извѣстіе. Тогда скупщина объявила Александра лишеннымъ княжескаго достоинства и единогласно избрала княземъ Милоша, тотчасъ же объявивъ объ этомъ

собравшемуся народу. Начальство надъ гарнизономъ и управленіе городомъ передано было вице-президенту скупштины Стевчѣ Миловановичу. Помощниками его были назначены капитаны Алимпичъ и Марковичъ. Вслѣдъ затѣмъ доставленъ былъ изъ сената актъ, которымъ опъ изъявлялъ свое согласіе на низложеніе Александра и предлагалъ скупштинѣ рѣшить вопросъ о порядкѣ временнаго управленія краемъ. Скупштина отвѣтила, что уже озаботилась обо всемъ. Вслѣдъ затѣмъ ея постановленія были сообщены сенату, министерствамъ, бѣлградскому пашѣ и представителямъ великихъ державъ. Тысячи вооруженныхъ горожанъ постоянно окружали зданіе скупштины.

12-го декабря засѣданіе началось въ 9 часовъ утра и продолжалось до поздняго вечера. Нѣкоторые депутаты предложили собранію распустить вооруженныхъ Бѣлградскихъ горожанъ, поручивъ исполненіе этого вице-президенту Стевчѣ. Но Стевча замѣтилъ, что никого не призывали къ оружію, а что горожане по собственному желанію вооружились для охраненія своего имущества, защиты скупштины и исполненія ея приказаній. Граждане Бѣлграда, прибавилъ онъ, сохранили полный порядокъ; они достойны похвалы, а не осужденія. Сверхъ того, въ настоящихъ обстоятельствахъ, разсѣять народъ и отдѣлить его отъ скупштины было бы крайне неблагоприятно: въ прошлую ночь нѣкоторые сенаторы говорились съ княземъ о томъ, чтобъ вывести его изъ крѣпости, снова провозгласить княземъ и разогнать скупштину. Онъ прибавилъ, что солдаты въ казармахъ уже находятся въ готовности къ бою, и пушки направлены противъ скупштины. Тогда собраніе объявило, что оно не разоидется ни въ какомъ случаѣ, и скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить народу. Актъ о низложеніи Александра и указъ о перемѣнѣ городского начальства были посланы на утвержденіе сената. Депутация скоро вернулась съ извѣстіемъ, что сенатскій караулъ не хотѣлъ пропустить ее, безъ личнаго позволенія котораго нибудь изъ сенаторовъ, а вице-президентъ сената объявилъ ей, что скупштина не имѣетъ права ничего предпринимать безъ согласія сената и отвѣтъ на сообщенные ему акты получить чрезъ посредство князя Александра. Нѣкоторые сенаторы прибавили еще, что скупштина идетъ по дурной дорогѣ и что ей пора одуматься. Страшный ропотъ поднялся въ собраніи, когда оно выслушало этотъ отвѣтъ. Многіе голоса потребовали прочтенія того акта, которымъ сенатъ изъявилъ свое согласіе на низложеніе Александра. Собраніе официально выразило свое недовѣріе къ сенату. Вновь отправленная къ нему депутация тотчасъ же вернулась съ извѣстіемъ, что нѣкоторые сенаторы отирались въ казармы, а другіе въ крѣпость, съ намѣреніемъ возвратитъ престолъ

князю Александру. Донесеніе это произвело большой шумъ въ толпѣ, окружавшей залу засѣданія.

Когда же вице-президентъ объявилъ народу, что отрядъ войскъ направленъ противъ скупщины, горожане обѣщали защищать ее до послѣдней капли крови. Тогда войско возвратилось въ казармы. Тотчасъ послѣ этого собраніе приступило къ назначенію временнаго правительства. Членами его были выбраны Гараганинъ, Стевча (оставленный въ тоже время военнымъ и гражданскимъ начальникомъ города) и Угриичъ. Актъ объ этомъ тотчасъ же былъ сообщенъ всѣмъ должностнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ и народу. Черезъ нѣсколько времени въ собраніе вошелъ солдатъ съ письмомъ отъ вице-президента сената, въ которомъ онъ именемъ сената рѣзко претендовалъ на то, что вооруженная толпа задержала посланный имъ отрядъ. Собраніе, черезъ посредство того же солдата, отвѣчало, что ручается за безопасность сенаторовъ, которые не будутъ противиться желаніямъ народа, что народу нельзя запретить задерживать тѣхъ, которые хотятъ ему вредить, что военное сословіе должно исполнять волю народа, а не нападать на гражданъ и на представителей націи, и что если подобный случай повторится, то граждане будутъ защищать народное дѣло съ оружіемъ въ рукахъ.

Вскорѣ собраніе получило извѣстіе о новомъ столкновеніи. Вице-президентъ сообщилъ ему, что два сенатора (Ранковичъ и Майстановичъ), предводительствуя отрядомъ войскъ, хотѣли вывести Александра изъ крѣпости; но что вооруженные горожане окружили этотъ отрядъ и взяли обоихъ сенаторовъ въ плѣнъ, оставивъ оружіе солдатамъ, которые обѣщали поддерживать народное дѣло. Тотчасъ послѣ этого нѣсколько человекъ сенаторовъ пришли въ залу засѣданій, съ просьбой о покровительствѣ и объявленіемъ, что поступокъ ихъ былъ вынужденъ насиліемъ офицеровъ, которые до сихъ поръ задерживаютъ нѣсколькихъ сенаторовъ въ казармѣ. Скупщина передала временному правительству управленіе государствомъ до прибытія Милоша и послала за находившимися въ казармахъ сенаторами, ручаясь имъ за ихъ безопасность. Сенаторы явились блѣдные, разстроенные, со слезами на глазахъ, безпрепятственно были пропущены столпившимися горожанами и обѣщали поддерживать народное дѣло. Этимъ кончилось засѣданіе 12 дек., протянувшееся до поздняго вечера.

13 ч. рано утромъ тысячи вооруженныхъ бѣлградцевъ и множество поселянъ, собравшихся ночью изъ окрестныхъ деревень, стояли передъ зданіемъ скупщины, съ твердымъ намѣреніемъ привести

въ исполненіе все, что она постановить. — Подъ ихъ прикрытіемъ засѣданіе началось въ 10 ч. утра. Члены временнаго правительства прочли свою прокламацію народу. Призваннымъ въ собраніе: городовому полковнику, начальнику военного отряда министерства внутреннихъ дѣлъ и начальнику артиллеріи было приказано, что подвѣдомственные имъ части должны дѣйствовать согласно волѣ народа. Прокламація временнаго правительства была прочтена собравшемуся передъ скупштиною народу.

Во время засѣданія 14 ч. въ сенатъ была послана прокламація скупштины, отъ 12 числа, — и въ тоже время получена изъ сената бумага слѣдующаго содержанія:

«Вчера въ засѣданіе сената, собравшагося въ опредѣленное время, около 10 ч. утра пришли 3 офицера съ отрядомъ здѣшняго гарнизона и объявили, что гарнизонъ желаетъ снова призвать князя Александра и что тѣ, которые будутъ противиться этому желанію, себѣ однимъ должны приписать всѣ послѣдствія сопротивленія. Насиліе принудило сенатъ въ сопровожденіи солдатъ отправиться въ казармы и объявить войскамъ, что онъ раздѣляетъ ихъ желаніе. Находясь въ казармахъ, сенатъ составилъ актъ, приглашающій князя Александра вернуться, снова принять княжескую власть и распустить скупштиную. Окруженный солдатами, сенатъ былъ принужденъ прочесть это всему гарнизону казармъ. По отправленіи этого акта къ князю Александру, сенату была отведена особая комната, гдѣ онъ и оставался до прибытія депутаціи, призвавшей сенаторовъ въ скупштиную. Послѣ всего случившагося, сенатъ теперь рѣшается объявить, что его поступки были вынуждены насиліемъ, что онъ отрекается отъ нихъ, свидѣтельствуя передъ скупштиною о своей готовности, какъ и прежде, поддерживать народное дѣло». Скупштина потребовала отъ сената его актъ отъ 11 декабря и единогласно рѣшила — извѣстить султана объ избраніи Милоша, прося его утвердить это избраніе. Рѣшено было также — на слѣдующій день выбрать членовъ депутаціи, назначенной для призванія Милоша въ отечество. Между тѣмъ принесли сенатскій актъ, въ которомъ онъ изъявлялъ свое согласіе на правительственный переворотъ. Скупштина постановила, что до прибытія Милоша княжеская власть принадлежитъ ей, а начальство надъ городомъ Стевчѣ. Сенатъ утвердилъ назначенное скупштиною временное правительство. Бѣлградскій депутатъ Янковичъ объявилъ, что президентъ унижаетъ достоинство собранія и вредитъ его самостоятельности, оказывая почести министрамъ, являющимся въ скупштиную. Онъ также замѣтилъ, что, по торопливости, временному правительству были сообщены только нумера актовъ, которыми скупштина низложила Алек-

сандра и возвела на престолъ Милоша, и что въ прокламаціи временнаго правительства не помѣщено слово «низложеніе» Александра, а просто сказано, что онъ оставилъ управленіе и народъ, и тогда скупщина сочла нужнымъ выбрать другаго князя; какъ будто скупщина не имѣетъ права низложить князя, который вредитъ народу и нарушаетъ законы, если бы онъ и не оставлялъ добровольно управленія. Замѣчаніе это было принято и занесено въ протоколъ. Для успокоенія народа собраніе предложило сенату исполнить указъ о передачѣ городского управленія Стевчѣ. Сенатъ согласился. Президентъ скупщины изъявилъ желаніе, поддержанное единогласнымъ рѣшеніемъ собранія, обратиться къ бѣградскимъ горожанамъ, съ слѣдующимъ благодарственнымъ адресомъ:

«Братья! Когда власть поднялась на бой съ разумомъ, законами, желаніями и свободою народа, вы грудью защитили народную скупщину, и такимъ образомъ спасли ея существованіе. 12 (24) числа декабря будетъ всегда памятно сербамъ, не только по рѣшимости и энтузіазму, съ которымъ вы отстояли возлюбленную свободу народа; но и по безпримѣрному благоразумію и честности, которыя вы показали при защитѣ нашего святаго дѣла. Вы подвергались смерти, чтобы оградить права и свободу народа, и спасли ихъ, но не мстили побѣжденному врагу. Братья, вы этимъ доказали какъ свою честность, такъ и честность всѣхъ сербовъ, и потому примите, черезъ посредство наше, ихъ заслуженную благодарность».

Въ засѣданіи 15 числа было составлено и передано въ сенатъ для утвержденія, слѣдующая просьба на имя султана.

«Ваше императорское величество! Народная скупщина, созванная въ день св. Андрея текущаго года, осмѣливается именемъ вѣрнаго сербскаго народа съ глубочайшимъ благоговѣніемъ донести вашему величеству, нашему всемилостивѣйшему султану, что управленіе князя Александра Карагеоргіевича сдѣлалось невыносимымъ для страны и народа. Народная скупщина убѣдилась, какъ убѣжденъ въ этомъ и весь народъ, что причина всѣхъ бѣдствій края заключается въ князѣ Александрѣ Карагеоргіевичѣ, потому что онъ дѣйствовалъ противно законамъ и народнымъ выгодамъ, вслѣдствіе чего и потерялъ народную довѣренность. Продолженіе его власти стало невозможнымъ, потому что спокойствіе страны не могло быть поддержано, если бы онъ оставался княземъ Сербіи. По важности этой причины народная скупщина въ своемъ засѣданіи, 10 (22) декабря, единогласно рѣшила посредствомъ депутаціи просить князя Александра, чтобы онъ, ради счастья и успокоенія своего отечества, отказался отъ княжескаго достоинства. Князь Александръ обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день 11 (23) декабря утромъ; но не

сдержалъ слово и почью съ 23 на 24 декабря между 11 и 12 часовъ отправился въ крѣпость, а такимъ образомъ измѣнилъ народу и оставилъ его безъ верховнаго главы. Народная скупщина въ своемъ засѣданіи 11 (23) декабря единогласно рѣшила и объявила народу, что князь Александръ Карагеоргіевичъ пересталъ быть княземъ Сербіи. Чтобы страна не оставалась безъ верховнаго главы, народная скупщина, въ томъ же засѣданіи, постановила и объявила народу, что князь Милошъ Обреновичъ, прежде уже бывшій княземъ, и въ 1839 году добровольно отказавшійся отъ княжескаго достоинства, снова имъ облачается съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, согласно берату и уставной грамотѣ, уже прежде дарованнымъ ему вашимъ императорѣмъ величествомъ. До времени же его прибытія народная скупщина приняла верховную власть на себя. Чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ въ краѣ, она назначила временное правительство изъ трехъ лицъ, которыя до прибытія князя Милоша будутъ управлять краемъ и пользоваться княжескою властью. Въ настоящее время народъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, чтобы ваше императорское величество обрадовали его высочайшимъ утвержденіемъ князя Милоша въ достоинствѣ князя Сербіи. Постоянная благосклонность, съ которою ваше императорское величество до сихъ поръ принимали желанія и просьбы своихъ вѣрныхъ сербовъ, внушаетъ имъ надежду, что и въ настоящемъ случаѣ, ваше императорское величество не оставите ихъ своей высочайшей милостью. Въ этомъ убѣжденіи состоялось единогласное рѣшеніе народной скупщины, въ ея нынѣшнемъ засѣданіи, и съ этой всеподданнѣйшей просьбой она припадаетъ къ престолу вашего императорскаго величества и осмѣливается просить ваше императорское величество всемилостивѣйше издать высочайшій бератъ, утверждающій князя Милоша Обреновича въ достоинствѣ князя Сербіи, съ правомъ наслѣдственности въ мужскомъ колѣнѣ, какъ это уже прежде всемилостивѣйше ему было даровано, относящимся къ этому берату и уставной грамотой. Исполненіе этого желанія наложить новыя узы благодарности на вѣрныхъ сербовъ, и они не перестанутъ возносить къ Богу самыя теплыя молитвы о счастливой и долгой жизни вашего императорскаго величества. Принято и объявлено въ народной скупщинѣ 14 (26) декабря 1858, въ Бѣлградѣ.

Затѣмъ приступили къ избранію членовъ депутаціи, отправляемой къ Милошу.

Ее составляли слѣдующія лица: 17 представителей различныхъ округовъ Сербіи, по одному отъ cadaго, и сверхъ того: епископъ, окружный начальникъ, президентъ окружнаго суда и, въ видѣ от-

личія для бѣлградскихъ гражданъ, депутатъ отъ этого города. Депутатію положено было отпратить 19 декабря. Митрополитъ (прежній жаркій противникъ Милоша, которому онъ впрочемъ обязанъ своимъ мѣстомъ) изъявилъ желаніе присоединиться къ депутатіи.

Скупщина вручила ей слѣдующее письмо:

«Свѣтлѣйшій князь Сербіи Милошъ Обреновичъ!

Голосъ сербскаго народа посредствомъ народной скупщины, 11 (23) декабря, возвелъ васъ въ достоинство князя Сербіи съ правомъ наслѣдственности, уже прежде вамъ даннымъ. Скупщина отъ имени народа обратилась уже къ султану съ просьбой объ утвержденіи васъ въ этомъ достоинствѣ и сегодня проситъ вашу свѣтлость вернуться въ отечество. — Депутатіи, которая вручитъ вамъ этотъ актъ, поручено отъ имени скупщины и цѣлаго народа просить васъ сколько возможно скорѣе обрадовать насъ вашимъ возвращеніемъ. Въ составъ этой депутатіи скупщина назначила изъ среды своей слѣдующія лица (перечисляются имена депутатовъ), и сверхъ того сдѣлала распоряженіе о присоединеніи къ ней: одного сенатора, по назначенію сената, одного епископа, по выбору высшаго духовенства, одного офицера, по назначенію временнаго правительства, и одного гражданина, по выбору Бѣлградской общины. Скупщина именемъ народа проситъ вашу свѣтлость благосклонно принять эту депутатію и въ ея сопровожденіи вернуться въ Сербію и въ резиденцію вашу, гдѣ васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь народъ и его представители. Утверждено и объявлено въ народной скупщинѣ 15 (27) декабря 1858 въ Бѣлградѣ».

Скупщина извѣстила сенатъ объ этомъ актѣ и поручила ему сдѣлать необходимыя распоряженія относительно путешествія депутатіи и пріема Милоша. По предложенію бѣлградскаго депутата Янковича, собраніе единогласно положило, послѣ прибытія Милоша, возвратитъ въ отечество всѣхъ безъ исключенія политическихъ изгнанниковъ.

Въ засѣданіи 31 декабря были прочтены благодарственные адреса скупщинѣ отъ городовъ Смедерева, Янодины и Крагуеваца и т. д. Депутатъ Сома Протичъ предложилъ принять мѣры для удаленія бывшаго князя Александра за сербскую границу, что необходимо для успокоенія народа. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, и по предложенію Берловача скупщина просила президента назначить чиновника, хорошо извѣстнаго въ Валахіи, для сопровожденія депутатіи. Берловачъ потребовалъ, чтобы сенатъ въ наискорѣйшемъ времени утвердилъ новый статутъ скупщины. Затѣмъ онъ предложилъ возвратитъ въ отечество бывшихъ Гургу-

совацкихъ заключенныхъ, находившихся въ Русукѣ. Послѣ того скупщина занесла въ протоколъ засѣданій, что благодарственный адресъ къ бѣлградскимъ гражданамъ относится также ко всѣмъ чиповникамъ, студентамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, и поселянамъ, пришедшимъ изъ окрестностей на защиту народнаго дѣла.

Около 8 ч. утра того же числа депутація отплыла по Дунаю на небольшихъ открытыхъ судахъ, наскоро обращенныхъ въ палубныя; пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ и благословенія народа сопровождали ее. Австрійское пароходное общество не согласилось отдать одинъ изъ своихъ пароходовъ въ распоряженіе представителей народа, который оказалъ ему самое дружественное содѣйствіе при устройствѣ станцій на Дунаѣ. Необыкновенно высокая цѣна за наемъ и залогъ для обезпеченія цѣлости парохода были бы охотно даны, — но общество, имѣвшее по близости нѣсколько пароходовъ, затягивало дѣло, объявило, что пришлетъ пароходъ черезъ нѣсколько дней и т. д. Потому и рѣшено было предпочесть другой способъ путешествія, хотя бы и самый утомительный. Кромѣ письма скупщины депутація повезла Милошу пригласительный актъ и отъ сената.

Въ послѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ скупщина назначила 3 коммисіи для пріема жалобъ разнаго рода лицъ, приведенія ихъ въ систему и представленія скупщинѣ. Бѣлградская еврейская община просила позволенія присоединить одного еврея къ депутаціи, отправленной къ князю Милошу. Скупщина изъявила на это свое согласіе, хотя только жителямъ цѣлаго Бѣлграда, въ видѣ особенной награды за ихъ усердіе, было позволено назначить своего особеннаго депутата. Представителемъ еврейской общины былъ избранъ банкиръ Руссо.

Сынъ Милоша Михаилъ, жившій въ своемъ помѣстьѣ, въ австрійскихъ владѣніяхъ, ранѣе чѣмъ отецъ успѣлъ получить извѣстіе объ избраніи Милоша и о назначеніи самаго его наследникомъ престола. Онъ прислалъ благодарность сербскому народу за память объ услугахъ его отца. Черезъ нѣсколько времени были получено и согласіе Милоша, принятое бѣлградцами съ восторгомъ. Говорятъ, что народъ плакалъ отъ радости, когда въ церквахъ въ первый разъ помянули Милоша, князя Сербіи.

Но въ зимнюю погоду старикъ (ему теперь 82 года) не могъ ѣхать такъ быстро, какъ бы хотѣлось сербамъ. Онъ прибылъ въ Бѣлградъ не ранѣе 24 января (старого стilia); между тѣмъ событія въ Сербіи развивались своимъ порядкомъ. Скупщина все больше и больше убѣждалась въ злонамѣренныхъ интригахъ олигарховъ, предво-

дителями которыхъ были: Вучичъ и Анастасевичъ Миша, отчасти и Гарашанинъ. Она учредила за ними надзоръ и наконецъ арестовала Вучича. Министры и сенаторы были партизанами и креатурами олигарховъ, потому скупщина наконецъ увидѣла надобность принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ засѣданіи 19 января одинъ изъ депутатовъ Ушицкаго округа, Николай Сердаръ, взошелъ на трибуну и сказалъ: «У меня большое стадо овецъ. Я отдалъ его на попеченіе двадцати одного пастуха (министровъ въ Сербіи 4, а сенаторовъ было 17), стадо гибнетъ со дня на день, а ни одинъ изъ пастуховъ не говоритъ мнѣ, кто виноватъ въ томъ. Какъ же теперь мнѣ узнать, какихъ пастуховъ мнѣ хвалить, какихъ поподчивать палкою?» За этими словами начинаются сильныя рѣчи противъ сената, хотѣвшаго обмануть сербскій народъ, хотѣвшаго остановить движеніе вооруженной силой. Всѣ министры и сенаторы объявляются изложенными. Черезъ нѣсколько времени жители Гургусовацкой области, въ которой находилась страшная тюрьма для политическихъ преступниковъ, прислали скупщинѣ просьбу о томъ, чтобы они были избавлены отъ позора видѣть на своей землѣ это гнусное званіе. Просьба была принята, какъ заслуживала, и ненавистная Гургусоватская кула теперь разрушена.

Изъ множества прогрессивныхъ постановленій, принятыхъ скупщиною, мы упомянемъ только о возвращеніи изгнанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый родоначальникъ новаго литературнаго движенія въ Сербіи, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, знаменитый издатель народныхъ сербскихъ пѣсень, и о томъ, что въ Сербіи провозглашена свобода печатнаго слова.

24-го января Милошъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, прибылъ въ Бѣлградъ. Мы не будемъ описывать народнаго энтузіазма, съ которыми былъ онъ встрѣченъ. Скупщина теперь видѣла свои заботы приближающимися къ концу, и по совершенномъ утвержденіи новаго правительства была распущена княземъ 31-го января (12-го февраля). Для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталась избранная ею изъ числа депутатовъ постоянная коммиссія.

Олигархи, преслѣдуемые народною ненавистью, отдѣлалась очень дешево: Вучичъ и Миша получили позволеніе уѣхать за границу.

Надобно теперь сказать, хотя для формы, о томъ, какъ держало себя турецкое правительство при этомъ непріятномъ для него дѣлѣ. Читатели знаютъ, что Турція и даже Австрія боятся энергіи дряхлаго Милоша и особенно страшатся того смысла, какой имѣетъ его имя для сербовъ, еще остающихся подъ турецкимъ или австрійскимъ господствомъ. Вся популярность Милоша основана на томъ, что онъ освободитель сербовъ. Разрозненные части сербскаго племени ждуть только счастливой возможности присоединиться къ Сербскому кня-

жеству. Другіе турецкіе славяне также симпатизируютъ этому независимому, родному государству. Опасаясь, что подъ управленіемъ Милоша и его сына Сербское княжество раздвинетъ свои границы насчетъ турецкихъ и, чего добраго, даже австрійскихъ областей, эти двѣ державы, какъ извѣстно читателямъ, сначала думали было вооруженною рукою подавить бѣлградское движеніе и возстановить ничтожнаго слугу турокъ и австрійцевъ, Александра Карагеоргіевича. Читатель помнитъ, что это намѣреніе послужило первымъ дипломатическимъ предлогомъ, выставленнымъ со стороны Франціи къ разрыву съ Австріею. Само собою разумѣется, что не дипломатическіе переговоры остановили турецко-австрійскій гнѣвъ: дипломаты всегда имѣютъ привычку «признавать совершившіеся факты», и если бы Австрія съ Турціей надѣялась легко управиться съ сербами, они преспокойно заняли бы княжество, разстрѣляли и перевѣшали бы всѣхъ непріятныхъ имъ людей, а потомъ пошелъ бы обмѣнъ депешъ, сначала очень сердитыхъ, далѣе мало по малу смягчающихся передъ созерцаніемъ «совершившагося факта» и «возстановленнаго въ Сербіи порядка»; и Александръ Карагеоргіевичъ, возстановленный князь, остался бы управлять по турецко-австрійскимъ приказаніямъ. Къ счастью, сербы въ своемъ мужествѣ имѣли защиту болѣе надежную, нежели дипломатическія ноты Франціи. Турки и австрійцы сообразили, что напрасно они погорячились, что сербы не поддадутся безъ отчаянной борьбы, исходъ которой при извѣстныхъ чувствахъ босняковъ и австрійскихъ сербовъ довольно сомнителенъ, потому ограничились угрозами, а потомъ отказались и отъ угрозъ. Турція прислала свое утвержденіе избранію Милоша, и тѣмъ дѣло покончено. Разумѣется, надобно было хоть въ чемъ нибудь дать удовольствіе своей досадѣ на Милоша, оставить себѣ какой нибудь предлогъ на случай, если черезъ нѣсколько времени обстоятельства будутъ благопріятствовать вмѣшательствамъ въ сербскія дѣла. Потому въ бератѣ, утверждавшемъ Милоша, были вставлены кляузы, служащія облегченіемъ души въ беспыльной досадѣ. Вмѣсто того, чтобы сказать «по низложеніи прежняго князя скушптною», бератъ выражается «по отреченіи прежняго князя»; о наслѣдственности сербскаго престола въ родѣ Обреновичей онъ умалчиваетъ. Но эти кляузы — дипломатическое пустословіе, годное развѣ для того, чтобы надъ нимъ смѣялись. Сербская скуштина объявила, что бератъ неудовлетворителенъ и, отправивъ къ султану рѣзкія замѣчанія противъ него, продолжала дѣйствовать, не обращая никакого вниманія на Турцію. Сынъ Милоша, Михаилъ, все-таки объявленъ наслѣдникомъ своего отца, а про Александра Карагеоргіевича все-таки повторено, что онъ низложенъ,

Что можетъ обѣщать себѣ Сербія отъ новаго порядка вещей? Удержится ли старикъ Милошъ отъ произвола и притѣсненій, которыми далъ онъ олигархамъ возможность низвергнуть его 20 лѣтъ тому назадъ? Главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о Сербіи, къ сожалѣнію, служатъ константинопольскія и австрійскія газеты, враждебныя сербамъ. Они уже говорятъ о дѣйствіяхъ Милоша много дурнаго; но вѣрить имъ мы не считаемъ благоразумнымъ, пока не получимъ свидѣтельство менѣе подозрительныхъ. Относительно одной стороны дѣла, именно національныхъ стремленій новаго правительства, и эти газеты не могли совершенно скрыть правды. Въ турецкихъ и австрійскихъ сербахъ оживляется надежда на составленіе одного національнаго государства. Для австрійскихъ славянъ она конечно не исполнится иначе, какъ при сильномъ потрясеніи Австріи событіями въ родѣ происшествій 1848 года. Но турецкіе славяне имѣютъ нѣсколько болѣе возможности измѣнить свои отношенія, и потому Милошъ представляется для Турціи не совсѣмъ безопаснымъ вассаломъ и въ настоящее время. Говорятъ, будто его агенты дѣйствуютъ въ Булгаріи, и есть извѣстія, что онъ уже принималъ болгарскую депутацію. Мы не знаемъ, насколько это справедливо; но вѣрнымъ кажется то, что онъ посылалъ къ румынамъ поздравлять ихъ съ первымъ удачнымъ шагомъ къ пріобрѣтенію національнаго единства. Во всякомъ случаѣ возвращеніе Обреновичей въ Сербію, подобно избранію Кузы общимъ господаремъ Молдавіи и Валахіи, должно считаться событіемъ, указывающимъ на развитіе въ христіанскихъ жителяхъ турецкой имперіи стремленія къ соединенію въ свободныя государства на развалинахъ турецкой державы въ Европѣ, и, можетъ быть, событіемъ до нѣкоторой степени приближающимъ эти племена къ давнишней цѣли ихъ пламенныхъ желаній. Еще больше, нежели на Милоша, надобно надѣяться въ этомъ отношеніи на его сына Михаила, котораго даже враги сербскаго княжества описываютъ человекомъ, соединяющимъ въ себѣ энергію и умъ отца съ образомъ мыслей, соотвѣтствующимъ духу нынѣшняго времени, съ честнымъ характеромъ и съ желаніемъ служить не своему эгоизму, а народнымъ потребностямъ.

Въ чувствахъ, съ которыми было принято сербами возникновеніе національнаго единства румыновъ, а румынами возстановленіе національнаго правленія въ сербскомъ княжествѣ, надобно видѣть лучшій залогъ возможности удовлетворительной развязки натянутого положенія дѣлъ въ христіанскихъ областяхъ Европейской Турціи. Повидимому они понимаютъ, что должны дѣйствовать дружно и что федерація ихъ разныхъ племенъ—необходимое условіе для пріобрѣтенія и сохраненія ихъ свободы.

ПОЛИТИКА.

МИРОЛЮБИВЫЯ МАНИФЕСТАЦІИ ВО ФРАНЦІИ. — ВЫГОВОРЪ ГАЗЕТЪ *Presse*, — ОППОЗИЦІЯ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМЪ КОРПУСѢ, ПРИ ДВОРѢ И ВЪ СЕНАТѢ. — ПИСЬМО КЪ ГЕДУ, СТАТІЯ МОНИТЕРА И ОТСТАВКА ПРИНЦА НАПОЛЕОНА. — ПОСОЛЬСТВО ЛОРДА КОУЛИ. — ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ ВО ФРАНЦІИ И ИТАЛЬЯНСКІЕ ФАНАТИКИ. — ПРОЕКТЫ ПЕРЕМѢНЪ ВЪ НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМѢ. — ПОЛОЖЕНІЕ ИТАЛЬЯНСКАГО ВОПРОСА ОКОЛО 3 (15) МАРТА. — КОМПЕНСЦІИ УВѢРЕНІЯ ПЭЛЬМЕРСТОНА. — ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА ВЪ АНГЛІИ. — МИНИСТЕРСКІЙ БИЛЛЬ. — Д'ИЗРАЭЛИ КАКЪ ПРОГРЕССИСТЪ. — РОССЕЛЪ СНОВА СТАНОВИТСЯ ГЛАВОЮ ОППОЗИЦІИ. — ПРИБЫТІЕ НЕАПОЛИТАНСКИХЪ ПЛѢННИКОВЪ ВЪ АНГЛІЮ. — МОЖНО ЛИ НАЗВАТЬ ИХЪ СТРАДАВШИМИ НЕ ПО СОБСТВЕННОЙ ИХЪ ВИНѢ.

Въ прошедшій разъ, миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства приходилось намъ перечислять въ параллель съ его объявленіями и оффиціальными актами, имѣвшими воинственное направленіе; каждому дѣйствию его въ одномъ видѣ соотвѣтствовало, почти въ тотъ же день, какое нибудь дѣйствіе, имѣющее противоположный видъ; и мы заканчивали очеркъ только тѣмъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что въ пять или шесть послѣднихъ дней, входившихъ въ нашъ обзоръ, именно во вторую недѣлю Февраля (по новому стилю), миролюбивыя манифестаціи по видимому взяли верхъ надъ воинственными; но нельзя еще рѣшить, проченъ ли такой оборотъ въ наружныхъ дѣйствіяхъ французскаго правительства, а можно только находить, что нѣкоторая продолжительность манифестацій въ этомъ смыслѣ довольно правдоподобна. Такое предположеніе европейскихъ газетъ оправдалось. До того числа, извѣстія которымъ мы имѣемъ при составленіи нынѣшняго обзора (15 марта новаго стиля), всѣ наружныя дѣйствія и объявленія французскаго правитель-

ства были благопріятны сохраненію европейской тишины. Цѣлый мѣсяцъ миролюбивыхъ увѣреній и наружныхъ дѣйствій въ томъ же смыслѣ, — чего же ты хочешь больше, Западная Европа? Ты слишкомъ требовательна и недовѣрчива, если тебѣ мало столькихъ официальныхъ ручательствъ за ненарушимость твоего спокойствія.

Послѣ неопредѣлительно миролюбивой рѣчи французскаго императора при открытіи засѣданій законодательныхъ властей (7 февраля) и рѣшительно миролюбивой рѣчи графа Морни, президента законодательнаго корпуса, въ первомъ засѣданіи этого собранія (8 февраля), первою довольно яркою манифестаціею въ пользу мира былъ выговоръ, данный министромъ внутреннихъ дѣлъ газетѣ *Presse*, за одну изъ воинственныхъ статей, которыя до той поры ежедневно появлялись въ ней безъ всякихъ непріятныхъ для нея послѣдствій. Статья эта ни мало не превосходила своимъ жаромъ прежнихъ декламаций; не стоитъ она вниманія ни въ какомъ отношеніи; но она послужила пробирнымъ камнемъ для проведенія черты мирнаго зеленого цвѣта рукою Далангля, — какъ же намъ не присмотрѣться къ произведенію г. Леузонъ-Ледюка, получившаго честь, рубцомъ на своей спинѣ, свидѣтельствовать о сохраненіи европейскаго спокойствія?

По поводу одной книги объ исторіи Италіи за послѣднія десять лѣтъ, знаменитый знатокъ русской исторіи, г. Леузонъ-Ледюкъ, объявляетъ, что Италія излечилась отъ прежнихъ неопытныхъ мечтаній и получила теперь способность дѣйствовать противъ Австріи основательноѣе. Теперь, говоритъ онъ, Италія не такова, какъ въ 1848 и 1849 годахъ.

«Какъ переѣмѣнились времена! восклицаетъ правдолюбивый защитникъ Италіи. Къ Піэмонту теперь примыкаютъ даже тѣ, которые болѣе всѣхъ другихъ не довѣряли ему, отталкивали его отъ себя съ наибольшей энергіей. *Viva Verdi*, — этотъ символическій крикъ раздается съ одного конца полуострова до другаго, — блистательный симптомъ, если не единства, можетъ быть невозможнаго, то по крайней мѣрѣ общаго согласія, посящаго на своемъ знамени знаменательный девизъ: «независимость и свобода!» Самъ Маццини, этотъ нетерпѣливый агитаторъ, отказываясь отъ исключительности своей системы, присоединяется къ усиліямъ для достиженія общей цѣли. Оставимъ на минуту вопросъ о внутренней организаціи и остановимся на вопросѣ объ освобожденіи отъ иностранцевъ; онъ теперь самый настоятельный. Что значитъ этотъ всеобщій крикъ «*Viva Verdi*!» если не соединеніе къ освобожденію отъ иностранцевъ? Но, говорятъ, достаточны ли будутъ силы одной Италіи для этого? Единодушное возстаніе цѣлаго народа очень могущественный рычагъ. И не приписываютъ ли Австріи силу, которой она не имѣетъ? Вспомнимъ венгерскую войну, особенно вспомнимъ странный составъ Ав-

стрийской имперіи. Сколько въ ней самой такихъ элементовъ, которые могутъ развлечь ея силы! Одного движенія у этихъ венгровъ, или у этихъ славянъ, подобно итальянцамъ негодующихъ на габсбургскій скипетръ, было бы слишкомъ достаточно, чтобы принудить итальянскую армію Франца-Иосифа отступить, а кто не предвидитъ вѣроятности такого движенія? И развѣ Италія рассчитываетъ только на свои силы для сверженія ига своихъ поработителей? Нѣтъ, она призывается на помощь всѣхъ благородныхъ націй. Ея дѣло, дѣло справедливости и цивилизаціи, — оно наше дѣло. Мы боимся вмѣшательства, — почему же? Не должны ли мы скорѣе съ признательностью привѣтствовать представляющійся случай положить наконецъ предѣлъ этой болѣзни, мучащей Европу и задерживающей колесницу прогресса?

«Австрія повсюду поднимаетъ голову въ Италіи, она поднимаетъ голову и внѣ Италіи. Не Австрія ли уничтожила всѣ результаты парижскаго трактата? Не Австрія ли внушаетъ Турціи всѣ ея измѣны, всѣ ея преступленія? Не Австрія ли возмутила союзъ, соединявшій насъ съ Англіею? Война, которая избавитъ насъ отъ этого кошмара, не должна ли быть благословляема между всѣми войнами? Такова война, готовящаяся въ Италіи. Вотъ почему мы смотримъ на нее съ довѣріемъ и спокойствіемъ.»

Что замѣчательнаго въ этой статьѣ? Развѣ то, что преднамѣренныхъ ошибокъ въ ней покрайней мѣрѣ столько же, сколько справедливаго. Итальянцы будтобы отсрочиваютъ вопросъ о внутренней организаціи до той поры, пока рѣшится дѣло національной независимости. Какое же ручательство въ томъ? Символическій крикъ *viva Verdi!* то есть : *viva V(ictor) E(mmanuel) R(é) d' I(talia)* — «да здравствуетъ Викторъ Эммануэль, король всей Италіи?» Но, во-первыхъ, ся ли Италія повторяетъ этотъ крикъ? Кажется, онъ слышенъ только въ Ломбардіи и въ Моденѣ; Неаполь, Римъ и самая Венеція, даже и теперь не высказываютъ охоты склониться передъ Туриномъ. Да и въ Ломбардіи можно ли положиться на этотъ «блистательный симптомъ?» Кому не извѣстно, что первоначальный крикъ быстро смѣняется другими по мѣрѣ того, какъ развиваются событія? Въ 1848 году итальянское движеніе началось съ крикомъ «да здравствуетъ папа Пій IX!» А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оно пришло къ тому, что Пій IX почелъ нужнымъ бѣжать изъ Рима; и что бы возстановить его власть, Наполеонъ III, бывшій тогда президентомъ республики, почелъ за нужное послать противъ Рима французское войско, которое до сихъ поръ, вотъ уже цѣлые десять лѣтъ, стоитъ въ Римѣ. Почему знать, что возбудивъ итальянское движеніе теперь, какъ Пій IX возбуждалъ его одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Викторъ Эммануэль не увидѣлъ бы себя въ необходимости возстановлять свою власть даже надъ наслѣдственными землями тѣмъ же средствомъ, какимъ воз-

становилось правленіе Піа IX въ Римѣ? Мы уже не говоримъ о Ломбардіи, или Венеціи, или Тосканѣ; но можетъ ли онъ разсчитывать и на преданность значительной части своихъ нынѣшнихъ подданныхъ, если имъ не будетъ нужно молчать о своихъ чувствахъ къ нему изъ опасенія отъ австрійцевъ? Генуя недавно была усмирена только формальною осадою. Теперь она встрѣтила Виктора Эммануэля съ триумфомъ; но вѣдь это потому, что она хочетъ войны по воспоминанію о 1848 году, когда въ нѣсколько мѣсяцевъ она обогатилась торговлею съ Миланомъ, пока онъ былъ свободенъ отъ австрійцевъ. Она и въ 1848 году желала войны, однакожь это не помѣшало ей, въ свое время, выразить нежеланіе подчиняться Турину. Но теперь, говоритъ Леузонъ-Ледюкъ, самъ Маццини хочетъ помогать сардинскому королю и графу Кавуру. Такъ эта помощь важна? Такъ маццинисты дѣйствительно сильны въ Италіи? Это можно видѣть изъ неосторожныхъ словъ Леузонъ-Ледюка; но чтобы туринскій кабинетъ остался безопасенъ при такой помощи, этому трудно повѣрить. Нынѣ Маццини можетъ быть и не хочетъ мѣшать Кавуру, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы по изгнаніи австрійцевъ онъ не вздумалъ, вмѣстѣ съ генуэзцами, предъявить свои желанія.

Если бы выговоръ былъ данъ за преднамѣренныя ошибки, статья заслуживала бы его; но онъ данъ просто за воинственность. Миротлюбивые идеалисты сообразили, что это еще первый выговоръ, данный какой нибудь газетѣ въ министерство Делангля, который очевидно хочетъ прибѣгать къ такому средству только въ случаѣ крайней надобности; тѣмъ больше значенія получала эта экстренная мѣра: если уже Делангль сдѣлалъ выговоръ, значитъ война стала слишкомъ противна видамъ правительства.

Душевная безмятежность, вносившаяся во французское общество такимъ разсужденіемъ, была нѣсколько нарушена циркуляромъ того же самаго Делангля къ префектамъ. Въ немъ онъ говорилъ, «что они должны объяснять рѣчь императора не въ смыслѣ безусловно миротлюбивомъ, что есть опасность, которая страшнѣе войны, именно то, когда умы, предавшіеся матеріальнымъ интересамъ (то есть мыслямъ о гибельности войны для народнаго благосостоянія), забываютъ о преданіяхъ чести и патріотизма,» — иначе сказать, что хотя Наполеонъ III хотѣлъ бы сохранить миръ, но національная честь требуетъ войны, и люди, думающіе иначе — самые вредные люди. Циркуляръ заключался приказаніемъ смотрѣть, чтобы провинціальныя газеты говорили въ такомъ тонѣ; «если же не въ силахъ газетъ одушевиться тѣмъ высокимъ языкомъ, какимъ императоръ говорилъ съ Европою, то достоинство ихъ требуетъ не ослаблять его дѣйствія толкованіями, обличающими эгоизмъ или малодушіе,» — это значи-

ло, что газеты, не желающія склоняться въ пользу войны, должны молчать. Этотъ циркуляръ, сдѣлавшійся въ Парижѣ извѣстнымъ (15 февраля), наканунѣ выговора, даннаго Press' ѣ, нѣсколько парализировалъ впечатлѣніе выговора; а еще больше ослабилось оно толкованіемъ о происхожденіи знаменитаго выговора. Говорили, будто бы австрійскій посланникъ сказалъ графу Валевскому, что выѣдетъ изъ Парижа, если не получитъ удовлетворенія за нападки Press'ы на Австрію; такимъ образомъ выговоръ оказывался только дипломатическою учтивостью.

Но эти два небольшія нарушенія миролюбивыхъ симптомовъ были послѣдними отголосками прежней воинственности, да и они оказались не имѣющими важности, какую имъ придали. Выговоръ не былъ просто дипломатическимъ оборотомъ: хозяинъ Press'ы Мильйо вѣроятно осязалъ его серьезность, потому что немедленно продалъ газету, «а то, чего добраго, говорилъ онъ, запретятъ ее». Принцъ Наполеонъ, до сихъ поръ ей покровительствовавшій, сказалъ хозяину, что не въ силахъ защитить ее отъ опасностей. Новый хозяинъ не захотѣлъ служить органомъ воинственной партіи и прежній редакторъ Геру долженъ былъ уступить свое мѣсто другому, который хочетъ повести ее въ духѣ орлеанской партіи, питающей къ принцу Наполеону и его фамилии тоже самое чувство, какое прежняя Presse имѣла къ Австріи. Да, расклеивается каждое маленькое дѣло у людей, противъ которыхъ повертывается счастье въ главномъ дѣлѣ. Хотѣли обуздать вредную ревность союзника, — и что же вышло? органъ, принадлежавшій слишкомъ усердному союзнику, перешелъ въ руки врага. Дѣйствительно ли хотѣлъ Делангль сдѣлать серьезный выговоръ Press'ѣ, или только Валевскій оказывалъ черезъ него дипломатическое приличіе австрійскому посланнику, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было, выговоръ получилъ очень серьезную силу. Совѣмъ не такова была судьба циркуляра: онъ оказался безсильнымъ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что имъ вовсе не хотѣли шутить. Провинціальныя газеты быть можетъ и замолчали на нѣсколько дней, но уже давно опять говорятъ противъ войны, чуть ли не сильнѣе прежняго.

Явилась оппозиція болѣе опасная, нежели газеты. Въ прошлый разъ мы упоминали о томъ, какъ сильно говорятъ депутаты въ салонахъ противъ войны. Теперь они начали говорить подобнымъ образомъ даже въ залѣ своихъ собраний, — мы ошиблись, еще не въ главной залѣ общихъ собраний, а только въ маленькихъ частныхъ залахъ, гдѣ собираются для комитетскихъ совѣщаній отдѣлы законодательнаго корпуса (бюро) или засѣдаютъ коммисіи. Самымъ поразительнымъ случаемъ подобнаго рода была встрѣча бюджета. Вотъ

какъ разсказываютъ это дѣло. Бюджетъ 1860 года показываетъ число арміи и расходы на нее почти въ такихъ же цифрахъ, какія были въ прошедшемъ году и утверждены для нынѣшняго года. Коммиссія законодательнаго корпуса по финансовымъ дѣламъ, получивъ новый бюджетъ, объявила, что недоумѣваетъ, какимъ образомъ согласить эти цифры мирнаго положенія съ слухами о войнѣ. «Законодательный корпусъ можетъ заниматься только серьезными цифрами, сказала коммиссія, — онъ не захочетъ утверждать такой бюджетъ, къ которому будутъ сдѣланы потомъ прибавки экстренныхъ кредитовъ на веденіе войны». Поэтому, прежде нежели начать разсмотрѣніе бюджета, коммиссія потребовала у правительства объясненія о томъ, серьезны ли цифры бюджета. Коммиссіонеръ правительства для объясненій съ законодательнымъ корпусомъ по бюджету, Баронъ, долженъ былъ объявить, что цифры бюджета по искреннему убѣжденію правительства не потребуютъ прибавокъ, и что правительство увѣрено въ сохраненіи европейскаго мира.

Депутаты, начинающіе, какъ видимъ, наступательное движеніе, становятся съ каждымъ днемъ смѣлѣе, — т. е. на словахъ, отъ которыхъ еще далеко до дѣла. Даже бывшіе министры Наполеона III лица самыя близкія къ нынѣшнему правительству, отъ прежней системы почтительныхъ возраженій переходятъ къ такому образу дѣйствій, котораго сами никакъ не одобрили бы мѣсяца за полтора или за два. Напримѣръ, вотъ что произошло между Персиньи и принцемъ Наполеономъ при той церемоніи, когда передавался въ архивъ императорской фамиліи документъ о бракосочетаніи принца Наполеона. Персиньи присутствовалъ тутъ, какъ членъ тайнаго совѣта. Зашла рѣчь о войнѣ. Принцъ Наполеонъ выразилъ пренебреженіе къ трактатамъ 1815 года, сказалъ, что надобно плевать на нихъ (they should be cast to the winds) и освободить Италію въ противность имъ; а если общественное мнѣніе, прибавилъ онъ, противно такой политикѣ, то не надобно смотрѣть на него. Персиньи перебилъ его словами, что подобный образъ мыслей вреденъ, не только для правительства, но и для всего общества; и что подобная политика была бы противна интересамъ Франціи. Потому, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ, я всегда буду противиться ей всѣми силами. Разговоръ въ этомъ тонѣ тянулся довольно долго; словомъ сказать, на торжественной церемоніи произошла очень жаркая сцена въ противность всякому этикету.

Не только отдѣльные сановники, подобно Персиньи доказывавшіе, что имѣютъ мужество противорѣчить желаніямъ императора, когда то нужно для его собственной пользы; не только депутаты законодательнаго корпуса, между которыми есть десятка полтора лю-

дей независимыхъ, имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на толпу своихъ товарищей, дѣлають оппозиціонныя попытки, — даже въ сенатѣ, составленномъ самимъ императоромъ изъ самыхъ покорнѣйшихъ ему людей, начинаютъ слышаться рѣчи очень рѣзкія. По случаю бракосочетанія принца Наполеона надобно было увеличить его содержаніе. Это производится рѣшеніемъ сената (*senatusconsult*). Покорные члены не могли и думать о томъ, чтобы отвергнуть предложеніе о назначеніи принцу Наполеону требуемой прибавки въ 700,000 франковъ; а между тѣмъ непремѣнно хотѣли выразить свое неудовольствіе на принца. Какъ это сдѣлать? Двое изъ членовъ сената, Кастельбажанъ и Буасси, придумали средство: надобно предложить въ *senatusconsult* измѣненіе такого рода, что 700,000 франковъ назначаются не принцу Наполеону, а просто предоставляются въ распоряженіе императора. Эта очень замысловатая протестація такъ понравилась сенаторамъ, что наканунѣ преній Парижъ ожидалъ ея принятія большинствомъ сената. Но сами предводители оппозиціи испортили дѣло, слишкомъ понадѣявшись на доблесть своихъ товарищей. Рѣчи, ими сказанныя, были такъ рѣзки, что сенаторы перепугались; и когда дѣло дошло до подачи голосовъ противъ *senatus consult*'а въ его первоначальномъ видѣ, оказалось противъ него только два голоса самихъ ораторовъ, а всѣ остальные члены сената благоразумно отступились отъ геройскаго замысла. Результатъ не блистательный; но каковъ бы онъ ни былъ, страшно уже самое появленіе оппозиціонныхъ попытокъ въ вѣрномъ сенатѣ. Потомъ по вопросу о бюджетѣ сенатская коммиссія бюджета точно такъ же требовала объясненій какъ и коммиссія законодательнаго корпуса.

Можно вообразить себѣ, какъ силенъ ропотъ противъ войны, если даже сенатъ чуть-чуть было не вздумалъ попытаться быть его отголоскомъ. До сихъ поръ увѣряли, что по крайней мѣрѣ французская армія желаетъ войны единодушно. Было извѣстно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ генераловъ, напримѣръ Пелиссье и Канроберъ, противъ войны: но говорилось, что они составляютъ исключеніе. Теперь всѣмъ извѣстно, что изъ генераловъ большая часть противъ войны; что между солдатами также мало охоты идти въ Италію. Только офицеры, особенно штабъ-офицеры, надѣющіеся скорѣе дослужиться до генеральскихъ эполетъ на поляхъ битвъ, желали бы идти въ походъ. Словомъ сказать, даже большинство арміи едва ли не противъ войны. Принцъ Наполеонъ и его прежній органъ, газета «*Presse*», увѣряли, что лишаясь прежнихъ приверженцевъ въ промышленномъ сословіи, правительство пріобрѣтетъ себѣ усердныхъ защитниковъ между прежними врагами, республиканцами и революціонерами. Эти партіи, ожидающія въ скоромъ времени бла-

госприятнаго случая для рѣшительныхъ дѣйствій, въ послѣднее время держали себя очень осторожно и молчали. Ихъ молчаніе истолковывалось въ смыслѣ согласія. Но вотъ и эта надежда исчезла. Парижскіе республиканцы въ половинѣ февраля собирались у Карно и рѣшили, что они противъ войны. Черезъ нѣсколько дней былъ въ Лондонѣ митингъ французскихъ изгнанниковъ демократической партіи и также объявилъ себя противъ войны.

Положеніе вообще сдѣлалось въ самой Франціи еще гораздо затруднительнѣе, нежели какъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Давно уже было извѣстно, что коммерческія палаты по всей Франціи хотятъ подавать просьбы о сохраненіи мира; онѣ имѣли на это слишкомъ много основаній. Не только фонды и другія кредитныя бумаги сильно падаютъ, производя повсюду разореніе, но и вообще торговля остановилась, заграничный отпускъ чрезвычайно уменьшился, фабрики не имѣютъ заказовъ, во всѣхъ торговыхъ городахъ множество банкротствъ. Но вздумали было остановить протестъ торговаго сословія простымъ запрещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней оказалось, что запрещеніемъ нельзя утишить недовольство. Тогда самъ императоръ принялъ депутацію одного изъ торговыхъ городовъ и въ отвѣтъ на жалобы сказалъ: «Господа, успокойтесь, миръ не будетъ нарушенъ». (*Rassurez vous, Messieurs, la paix ne sera pas troublée*). Это было въ половинѣ февраля. Но послѣ того недовольство въ обществѣ росло; оппозиція сановниковъ становилась все сильнѣе; сенатъ совершилъ мужественное дѣло, выслушавъ, хотя съ испугомъ, рѣчи противъ войны и ея представителя принца Наполеона, наконецъ законодательный корпусъ потребовалъ объясненій относительно бюджета и, не ограничиваясь этимъ, бюджетная коммиссія единодушно предложила сдѣлать новое, еще болѣе рѣзкое нападеніе. Она хотѣла предложить уничтоженіе новаго министерства Алжиріи и колоній, т. е. потребовать отставки принца Наполеона, бывшаго представителемъ воинственности въ совѣтѣ министровъ. Съ половины февраля вражда стоальныхъ министровъ къ нему дошла до такой рѣзкости, что онъ три раза требовалъ отставки, т. е. предлагалъ императору выборъ между нимъ и остальными министрами, надѣясь, что его предпочтутъ имъ. Это было дѣйствительно правдоподобно по тѣмъ соображеніямъ, какія мы излагали въ предыдущей статьѣ: Франція можетъ противиться войнѣ, но война необходима для нынѣшней системы. Поэтому носились слухи объ удаленіи въ отставку министровъ, особенно сильно спорившихъ съ принцемъ Наполеономъ. Но съ каждымъ днемъ ихъ положеніе усиливалось, и вотъ наконецъ, 5-го марта, къ общему изумленію, явилось въ Мониторѣ официальное увѣдомленіе, объявлявшее, что газеты, говорящія о войнѣ

воле не должны считаться представителями намерений правительства, потому что во Франції нѣтъ цензуры, следовательно правительство не отвѣчаетъ за нѣтъ журналистовъ. За этимъ увѣдомленіемъ слѣдовала статья, подробно объяснявшая, что Франція не знаетъ никакихъ особенныхъ условій ни въ арміи, ни во флотѣ. Франція обѣщала помочъ Шевонту, если на него нападетъ Австрія, болѣе не обѣщала и не хочетъ она ничего. Слухи объ усиленныхъ приоткрытияхъ въ войнѣ—выдумки, ложь и бредни. Пѣхотные и конные полки остаются въ комплектѣ мирнаго штата. Покупка 4,000 лошадей для артиллеріи слѣдуетъ только для ремонта, чтобы привести ее въ нормальное мирное положеніе. Работы въ арсеналахъ происходятъ только потому, что надобно исправить артиллерию и флотъ, и если построено нѣсколько новыхъ судовъ, то единственно для обыкновенныхъ сношеній съ Алжиріемъ или для провоза събитыхъ припасовъ въ Чивита-Веккію, или въ Александрію для кохинхинской экспедиціи: потому слухи о войнѣ нелѣпы; выдумываются злонамѣренными людьми: принимаются на вѣру глупцами. Конечно французскій императоръ наблюдаетъ за причинами могущихъ возникнуть несчастій; но разсмотрѣніе этихъ вопросовъ приняло дипломатическій характеръ и надобно думать, что они разрѣшатся мирнымъ соглашеніемъ. Въ то же самое время въ англійскихъ газетахъ явилось письмо императора французовъ къ одному изъ его англійскихъ друзей, мистеру Гелу, съ увѣреніемъ въ симпатіи къ Англіи, о которой онъ воспоминаетъ съ глубокою любовью, потому что провелъ въ ней много лѣтъ изгнанія; императоръ всегда былъ поклонникомъ англійской свободы; жаль только, что она, какъ и все хорошее, имѣетъ крайности. Зачѣмъ она вмѣсто разъясненія истины употребляетъ ея условія для ея помярченія? Только несправедливая кража англійскихъ газетъ огорчаетъ императора, счастливаго, впрочемъ, темъ смысломъ, что онъ нашелъ такого добросовѣстнаго и безкорыстнаго записчика, какъ сэръ Френсисъ Гелъ. Къ этому письму было приложено письмо самого Гела, объяснявшаго, что дѣйстви-тельно только злоумышленіе англійскихъ газетъ мѣшаетъ упроченію союза Англіи съ новоявленнымъ полмилліона солдатъ. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ эти документы въ томъ самомъ видѣ, какъ они были напечатаны въ Санкпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ стѣтами на нихъ газеты Тимсъ, къ которой специально относилось примѣ- нѣе слѣдовавшее въ Мониторѣ за миролюбивую статью, въ столбцахъ которой появлялись статьи Гела въ защиту Наполеона, и въ редакцію которой онъ обратился съ просьбою напечатать письмо Наполеона и его комментарий.

Въ первыя минуты статья Монитёра, изумившая всѣхъ, всѣхъ убѣдила въ рѣшимости императора французовъ кончить дѣло миромъ. Но черезъ нѣсколько часовъ стали говорить, что она еще недостаточна, и тогда вздумали помѣстить въ Монитёръ вторую статью, которая бы разсѣяла остающіяся сомнѣнія. Но вечеромъ принцъ Наполеонъ вышелъ въ отставку и объявленіе объ этомъ, явившееся на другой день въ Монитёръ, было сочтено достаточнымъ усиленіемъ миролюбивыхъ увѣреній, такъ что для новой статьи почли излишнимъ слишкомъ высокое помѣщеніе въ Монитёръ, а отвели ей мѣсто въ Constitutionnel.

Отставка принца Наполеона составляетъ важнѣйшую изъ миролюбивыхъ демонстрацій. Она успокоила многихъ, даже между такими людьми, которые не вѣрили Монитёру. Миролюбивыя французскія газеты заговорили сильнѣе прежняго, и никто имъ до сихъ поръ не мѣшаетъ доказывать, что война была бы безразсудствомъ со стороны французскаго правительства и гибелью для Франціи.

До сихъ поръ мы говорили о симптомахъ, происходившихъ внутри Франціи; теперь посмотримъ, какъ развивался итальянскій вопросъ въ сферѣ дипломатическихъ переговоровъ, и въ какомъ положеніи видятъ себя державы, вовлеченныя въ него Франціею.

Съ самаго начала Англія приняла очень сильное участіе въ раздорѣ Франціи съ Австріею, усиливаясь предупредить войну. Изъ объясненій англійскихъ министровъ въ парламентѣ мы знаемъ, что сенъ-джемскій кабинетъ посылалъ множество депешъ къ отдѣльнымъ дворамъ и нѣсколько циркуляровъ къ кабинетамъ парижскому, туринскому, вѣнскому и нѣкоторымъ другимъ. Общее содержаніе всѣхъ этихъ бумагъ состояло во-первыхъ въ томъ, что Англія совѣтуетъ враждующимъ державамъ сдѣлать взаимныя уступки; во-вторыхъ, и это было главное, она объявляла, что будетъ вооруженною рукою дѣйствовать противъ той стороны, которая первая нарушитъ миръ, — противъ Австріи, если нападетъ на Піемонтъ Австрія; противъ Франціи, если Франція захочетъ помогать Піемонту въ случаѣ его нападенія на Австрію. Отъ Австріи никто не ждалъ нападенія, потому очевидно, что дѣйствительный смыслъ грознаго запрещенія относился только къ Франціи. Мы рассказывали въ прошлый разъ, какъ, подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній, одинъ за другимъ исчезали предлоги къ войнѣ, выставлявшіеся Франціею. Развязалось мирнымъ образомъ сербское дѣло. Франція отыскивала новую причину войны въ Папской Области; Англія опять устроила, что исчезъ и этотъ предлогъ: Австрія согласилась вывести свои войска изъ легатствъ, если Франціи дѣйствительно угодно вывести изъ Рима свои войска. Поя-

вился было третій предлогъ, — избраніе Кузы общимъ господаремъ Валахіи и Молдавіи; но черезъ два—три дня исчезъ и онъ: было рѣшено устроить это дѣло посредствомъ конференціи. Казалось бы не легко отыскать четвертый предлогъ, но нашелся и онъ: вдругъ разнеслись слухи, что парижскій посланникъ Англіи, лордъ Коули, черезъ Лондонъ ѣдетъ въ Вѣну посредникомъ по какому-то новому спорному вопросу. По какому же дѣлу онъ ѣдетъ, когда всѣ дѣла уже благополучно кончены? Нѣсколько дней господствовало недоумѣніе; наконецъ узнали, какія требованія привезъ онъ; узнали, что данъ отказъ на нихъ; узнали, что въ Вѣнѣ составлены другія предложенія; что получено на нихъ одобреніе Англіи; что отправлены они въ Парижъ и тамъ имѣютъ вѣроятность быть принятыми. Наконецъ узнали, что по итальянскому вопросу соберется конгрессъ въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Эта четвертая французско-австрійская дипломатическая исторія занимала Европу одна, чуть ли не столько же времени, какъ всѣ три прежнія вмѣстѣ: съ половины февраля всѣ толкуютъ о посольствѣ лорда Коули и толки еще не кончились. Въ чемъ же дѣло?

Когда Австрія согласилась вывести войска изъ Папской Области, то было открыто, что жалобы Франціи противъ нея, по итальянскимъ дѣламъ, не ограничиваются содержаніемъ ея гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ земляхъ центральной Италіи, а простираются также изъ трактатовъ заключенныхъ ею съ Неаполемъ, Тосканою, Пармою, Моденою. Общее содержаніе трактатовъ состоитъ въ томъ, что австрійскія войска должны помогать этимъ правительствамъ въ подавленіи революцій, которыя могли бы вспыхнуть противъ нихъ; а въ вознагражденіе за такую опору итальянскіе правители обязались не дѣлать въ политическомъ устройствѣ такихъ измѣненій, которыя могли бы возбуждать зависть въ ломбардо-венеціанцахъ. Такимъ образомъ, говоритъ Франція, Австрія держитъ подъ своей зависимостью всю Италію, кромѣ Піемонта; надобно уничтожить эти трактаты. И тутъ опять едва ли встрѣтилось бы серьезное затрудненіе, еслибы это требованіе не скрывало подъ собою новыхъ требованій въ случаѣ согласія на него со стороны Австріи. Трактатъ съ Неаполемъ не нуженъ для Австріи, потому что и безъ всякихъ обязательствъ неаполитанское правительство не имѣетъ никакой охоты давать конституцію; а если бы (чего никакъ нельзя предполагать) серьезно захотѣло дать ее, то никакіе трактаты не помогли бы Австріи противъ государства, имѣющаго болѣе 9,000,000 населенія, т. е. вдвое болѣе чѣмъ Сардинія, и при томъ довольно далекаго отъ австрійскихъ границъ. Чтоже касается до Пармы, Модены и Тосканы, ихъ привязанность къ Австріи и безъ письменныхъ обязательствъ

достаточно прочна по династическимъ отношеніямъ. Изъ-за чего же было бы тутъ серьезно спорить? Но говорятъ, будто Австрія не согласна на отмѣненіе трактатовъ, въ сущности не очень важныхъ. Мы не будемъ останавливаться на догадкахъ о дипломатическихъ тайнахъ, т. е. о мелочныхъ подробностяхъ австрійскаго официальнаго отвѣта: дѣло ясно и безъ всякихъ стараній проникнуть въ секреты. Во-первыхъ, вліяніе Австріи на Италію въ случаѣ отмѣны трактатовъ не исчезнетъ безъ замѣны другимъ иностраннымъ вліаніемъ: Піэмонть, руководимый Франціею и служащій ея орудіемъ, почти уже сдѣлавшійся ея вассаломъ, будетъ давать тонъ другимъ итальянскимъ правительствомъ и тонъ этотъ будетъ чисто французскій. По всей вѣроятности, Австрія согласилась бы предоставить Неаполь, Тоскану и т. д. непринужденному влеченію ихъ сердецъ, но не такъ легко ей отдать Италію подъ вліяніе Франціи. Во-вторыхъ, — и въ этомъ сущность дѣла, — даже и такая уступка не прекратила бы ссору. За четвертымъ требованіемъ явилось бы пятое и т. д., пока вопросъ бы дошелъ до своего кореннаго смысла, до очищенія Ломбардо-Венеціанскихъ провинцій Австріею съ предоставленіемъ ихъ Піэмонту и съ вознагражденіемъ Франціи за ея хлопоты, или присоединеніемъ Савойи, или основаніемъ вассальнаго французскаго королевства гдѣ нибудь въ Тосканѣ, или въ легатствахъ.

Такимъ образомъ не надобно придавать слишкомъ большой важности ходу официальныхъ переговоровъ о томъ или другомъ вопросѣ, формально выставляемомъ впередъ. Всѣ они въ сущности не болѣе какъ препровожденіе времени въ приличныхъ разговорахъ, между тѣмъ какъ на душѣ у собесѣдниковъ мысли совершенно иного рода, о которыхъ нѣтъ ясныхъ упоминаній въ бесѣдѣ.

Дѣйствительно, мы видимъ, что предметы открытаго несогласія одинъ за другимъ отстраняются, — три уже отстранены; о четвертомъ думаютъ, что Франція и Австрія подошли очень близко къ согласію въ намъ и собирается конгрессъ для разрѣшенія дѣла мирнымъ путемъ. Въ самой Франціи, соотвѣтственно этимъ наружнымъ дипломатическимъ фактамъ и требованію французскаго общества, мирные симптомы взяли въ послѣднее время рѣшительный верхъ надъ военными манифестаціями; прусское правительство формально объявило въ своей палатѣ депутатовъ, что мирное разрѣшеніе возникшихъ затрудненій сдѣлалось правдоподобнымъ. А между тѣмъ надежды на сохраненіе мира теперь едва ли не меньше, нежели до громкихъ мирныхъ манифестацій, которыми ознаменовалось начало марта. Военныя приготовленія во Франціи, Сардиніи, Австріи, Англіи продолжаются съ энергіею, которая увеличивается ежедневно. Въ послѣднее время начала становиться въ оборонительное положе-

ніе и Пруссія, увлекаая за собою тѣ второстепенныя государства германскаго союза, которыя не предупредили ее въ этомъ направленіи.

Намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь того, что мы говорили въ прошлый разъ о существенныхъ причинахъ угрожающей войны. Мы уже указывали, что онѣ лежатъ въ отношеніяхъ французскаго правительства къ общественному мнѣнію во Франціи и въ нѣкоторыхъ угрозахъ со стороны итальянскихъ энтузіастовъ. Въ дополненіе къ прежнимъ рассказамъ приведемъ нѣсколько случаевъ, сдѣлавшихся извѣстными съ половины февраля. Очень многимъ читателямъ они извѣстны изъ русскихъ газетъ, — но мы и не можемъ имѣть претензіи на сообщеніе новыхъ фактовъ, — газеты всегда будутъ предупреждать насъ въ этомъ отношеніи, и мы желаемъ только облегчать воспоминанія о газетныхъ извѣстіяхъ, приводя ихъ въ связь.

Говорятъ, что маршалъ Пелиссье имѣлъ въ Лондонѣ свиданіе съ Маццини будто бы затѣмъ, чтобы узнать, могутъ ли Франція и Сардинія рассчитывать на содѣйствіе его партіи при войнѣ. Но предполагается кромѣ этой и другая цѣль, — склонить Маццини, чтобы онъ убѣждалъ итальянскихъ революціонеровъ отказаться отъ орсиніевскихъ предпріятій, о которыхъ мы говорили въ прошлый разъ. Въ дополненіе къ прежнимъ, рассказываютъ о двухъ новыхъ случаяхъ такого рода.

Въ итальянской газетѣ «Opinione» было краткое извѣстіе о какой-то адской машинѣ, посылавшейся въ Парижъ и захваченной таможенно. Съ другой стороны въ парижскихъ газетахъ было извѣстіе о томъ, что принцесса Матильда пріѣзжала къ префекту полиціи взглянуть на какіе-то старинные документы. Эти два отрывочныя обстоятельства парижскій корреспондентъ Daily News объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

«Дней десять тому назадъ (т. е. около 15 февраля н. с.), какъ я знаю изъ вѣрнаго источника, человекъ, казавшійся по наружности лакеемъ и одѣтый въ императорскую ливрею, явился на одну изъ станцій желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ и спросилъ три ящика, которыхъ ожидаетъ принцесса Матильда съ поѣздомъ, только-что пришедшимъ въ Парижъ, и на которыхъ должна быть надпись «оставить на станціи до востребованія». Ему сказали, что дѣйствительно прибыли такіе ящики, но только два. Онъ взялъ ихъ, повторивъ, что ожидали трехъ. На слѣдующій день прибылъ третій ящикъ съ такою же надписью. Конторщики желѣзной дороги прямо послали его въ домъ принцессы Матильды на улицѣ *Courselles*. Швейцарь, выслушавъ исторію двухъ другихъ ящиковъ, сказалъ, что онъ ихъ не видѣлъ. Принцессѣ доложили о полученной посылкѣ, и она вышла въ залъ взглянуть на нее. Ящикъ

вскрыли при ней и нашли въ немъ бомбы, точно такого же устройства какъ орсиніевскія, только нѣсколько поменьше размѣромъ. Разумѣется, стали страшно беспокоиться мысляю, что два другіе ящика, вѣроятно съ подобною же поклажею, скрываются гдѣ нибудь въ Парижѣ и находятся въ рукахъ заговорщиковъ. Въ этотъ вечеръ или въ слѣдующій было то, что императоръ ѣздилъ въ *Opéra Comique*, причемъ, какъ пишетъ и корреспондентъ одной изъ англійскихъ газетъ, были замѣчены чрезвычайныя предосторожности. Теперь я слышалъ, что при этомъ случаѣ было поставлено на бульварѣ два эскадрона кавалеріи, — количество войскъ совершенно безпримѣрное, — и что пространство около подѣзда было совершенно очищено отъ народа на необыкновенно большое разстояніе. Причина этихъ предосторожностей теперь очевидна. Едва ли можно сомнѣваться, что принцесса Матильда была въ префектурѣ полиціи по дѣлу, имѣющему связь съ тревожнымъ открытіемъ, о которомъ я рассказываю. Быть можетъ, — впрочемъ объ этомъ еще нѣтъ слуховъ, — что она и ея слуги пріѣзжали взглянуть сходны ли съ полученнымъ ими ящикомъ какія нибудь два другіе, отысканные полиціею. Туринская газета *Opinione*, издающаяся подъ вліяніемъ французскаго правительства, кратко упоминала о ящикѣ съ бомбами, посланномъ на имя принцессы Клотильды. Но я почти совершенно могу ручаться, что достовѣрный рассказъ — тотъ, который передаю я».

Черезъ нѣсколько дней парижскій корреспондентъ другой англійской газеты, *Manchester Guardian* сообщилъ объ этомъ дѣлѣ рассказъ, почти совершенно сходный съ приведеннымъ нами, а въ другомъ письмѣ рассказалъ другой случай, который передаемъ его подлинными словами:

«Назадъ тому недѣли три произошло, говорятъ, загадочное обстоятельство, достовѣрность котораго я знаю. Въ Тюильрійскомъ саду былъ схваченъ и обысканъ человекъ, у котораго былъ револьверъ и двѣ или три ручныя гранаты, усѣяныя нистонами въ видѣ рожковъ, какъ на орсиніевскихъ гранатахъ. Разумѣется, его отвели въ тюрьму. Онъ называлъ себя итальянской фамиліей и имѣлъ итальянскій выговоръ. Онъ сказалъ, что можетъ дать полиціи важныя свѣдѣнія, потому что участвуетъ въ тайномъ обществѣ. Но два или три дня онъ былъ очень молчаливъ и наконецъ сталъ просить, чтобы ему дали товарища, говоря, что не можетъ и не хочетъ говорить ничего, пока его станутъ держать въ одиночномъ заключеніи. Ему данъ былъ товарищъ, одинъ изъ людей, служившихъ при тюрьмѣ, что-то въ родѣ архиваріуса или бібліотекаря. Тогда итальянецъ раскрылъ или показалъ видъ, что разкрываетъ много тайнъ. Но на другой или на третій день допрашивавшіе чиновники возвратились и объявили ему, что по произведеннымъ дознаніямъ ни одно изъ его словъ не подтвердилось фактами и что ему надобно рѣшиться говорить правду. Онъ сказалъ, что

объявить ее завтра. Его оставили на ночь въ покоѣ. Но въ четвертомъ часу утра онъ всталъ, взялъ бритву своего товарища и перерѣзалъ себѣ горло. Призванный докторъ нашелъ, что рана сдѣлана съ такою силою, что арестантъ долженъ былъ умереть въ нѣсколько минутъ. Эта исторія мало извѣстна публикѣ; хорошо извѣстна она немногимъ и тѣ различно ее истолковываютъ.»

Съ перваго взгляда легко открыть множество поводовъ къ сомнѣнію въ достовѣрности обоихъ этихъ анекдотовъ. Особенно второй имѣетъ неправдоподобныя черты. Но люди довѣрчивые или мнительные находятъ много причинъ принимать ихъ за истину. Разсказъ туринской газеты, преданной императору французовъ, долженъ былъ явиться не иначе, какъ слѣдствіемъ невозможности опровергнуть слухъ. Посѣщеніе префектуры принцессою Матильдою плохо объясняется желаніемъ разсмотрѣть какіе-то старинные документы; чрезвычайныя предосторожности при посѣщеніи театра императоромъ были приняты конечно не безъ причины. Наконецъ слѣдующій разсказъ, который можно очистить отъ всѣхъ неправдоподобныхъ подробностей, сохранивъ только главную черту, именно арестованіе и самоубійство человѣка, пойманнаго съ орсниевскими гранатами, служитъ естественнымъ продолженіемъ перваго разсказа, хотя сообщается совершенно другимъ корреспондентомъ. Такъ разсуждаютъ мнительные люди, прибавляя, что должны же быть на чемъ нибудь основаны хотя нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ, ходящихъ по Парижу въ такомъ большомъ количествѣ.

Достовѣрно то, что итальянскіе фанатики любятъ говорить о томъ, что орсниевскія попытки будутъ безпрестанно повторяться, пока Наполеонъ III не докажетъ на дѣлѣ своего желанія освободить Италію. Мнительные люди прибавляютъ, что посылка бомбъ, по сообщенію нами разсказу, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда сѣверная Италія прочла миролюбивыя рѣчи императора французовъ и графа Морни; когда разнесшійся слухъ, что Викторъ—Эммануэль написалъ императору французовъ письмо, жалующься, что императоръ охладѣваетъ къ итальянскому дѣлу, и высказывая свое намѣреніе отказаться отъ престола, если это дѣйствительно такъ. При этихъ слухахъ, продолжаютъ мнительные люди, нѣкоторые особенно горячія головы дѣйствительно могли почестъ излишнимъ сохранять далѣе систему пощадъ, принятой всею ихъ партією; могли подумать, что итальянскій вопросъ уже заглушенъ и пора имъ мстить за свое разочарованіе.

Подобныя размышленія составляютъ одну сторону дѣла; приведемъ дватрифакта въ дополненіе къ тому, что говорили въ прошлый разъ о другомъ источникѣ войны, объ отношеніяхъ общественнаго мнѣнія къ внутренней политикѣ. Мы представляли нѣсколько дока-

зательствъ тому, что въ концѣ прошедшаго года оно выражалось очень настойчиво и съ каждою недѣлею его настойчивость возрастала; и что приготовленія въ войнѣ служили средствомъ, чтобы обратить его отъ внутреннихъ дѣлъ на заграничныя; мы прибавляли, что на первое время эта фонтанель подѣйствовала, и что во французскихъ газетахъ за январь вся энергія уходила на итальянскій вопросъ. Само собою разумѣется, что временное отвлеченіе стало терять свою силу, какъ только утратило первую новизну, и въ скоромъ времени тотъ самый предметъ, который долженъ былъ служить отвлеченіемъ, обратился въ новое поощреніе для возвратившейся настойчивости. Вотъ каково напримѣръ заключеніе статьи *Journal des Débats* о поѣздкѣ графа Коули въ Вѣну:

«Мы не можемъ видѣть французское правительство дѣлающимъ столь великія усилія для пріобрѣтенія этой прекрасной странѣ (Италіи) соединенныхъ благъ порядка и свободы, не обращаясь мыслью къ состоянию нашей страны и не чувствуя желанія, чтобы пришелъ для Франціи день, когда эти два блага стали бы нераздѣльны, когда мы могли бы наконецъ безопасно наслаждаться тѣми драгоценными выгодами, которыя нынѣ съ такимъ усердіемъ хотимъ, какъ говоримъ, дать народамъ, навѣрное не превосходящимъ насъ ни блескомъ ума, ни разсудительностью, ни энергіею, ни славою. Какъ ни суровы были до сихъ поръ испытанія свободы въ нашей странѣ, мы не можемъ вѣрить, чтобы свобода должна была безсильно прозябать въ ней, какъ въ бесплодной землѣ, и чтобы французская почва была рѣшительно неудобна для этого благороднаго растенія, столь же необходимаго нашимъ душамъ, какъ хлѣбъ и вино необходимы для нашего тѣла. Мы отвергаемъ безчеловѣчный каламбуръ, присуждающій Францію считать свободу только товаромъ на вывозъ, полезнымъ для другихъ и вреднымъ для ней самой; мы составляемъ себѣ о будущности нашей страны мысль болѣе возвышенную и болѣе отрадную».

Эта статья напечатана въ номерѣ 3 марта.

Если осторожный *Journal des Débats*, всегда державшій себя такъ скромно, что не получалъ ни одного выговора, говорилъ такимъ языкомъ еще до уступки, сдѣланной противникамъ правительственныхъ желаній статьею Монитѣра, то не трудно отгадать, что другія газеты, менѣе дипломатичныя, говорили рѣзче; а послѣ статьи Монитѣра заговорили еще сильнѣе.

Мы видѣли въ Законодательномъ Корпусѣ и даже въ сенатѣ стремленіе къ оппозиціи. Обѣ корпораціи объявили свое недовѣріе къ бюджету; обѣ требовали у правительства положительныхъ увѣреній въ ненарушимости мира, говоря, что безъ этого не стоитъ и заниматься разсмотрѣніемъ бюджета; Законодательный Корпусъ

требовалъ даже удаленія принца Наполеона изъ совѣта министровъ, и принцъ былъ удаленъ и увѣренія даны. Довольно ли всего этого, чтобы судить о томъ, какъ растетъ требовательность общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, есть фактъ еще болѣе ясный. Вотъ подлинныя слова парижскаго корреспондента газеты *l'Indépendance Belge* въ письмѣ отъ 4 марта. Читатель знаетъ, какъ заботится эта газета о томъ, чтобы не подвергаться запрещеніямъ во Франціи, и какъ осторожно помѣщаетъ она парижскія извѣстія.

«Носится слухъ, — я не знаю, какого довѣрія онъ заслуживаетъ, — что въ комитетѣ министровъ обсуждался проэктъ закона въ измѣненіе нынѣшнихъ постановленій о журналистикѣ. Этотъ проэктъ долженъ измѣнить нынѣшнее законодательство въ либеральномъ духѣ. Но вотъ что болѣе положительно: г. де-Персиньи, этотъ неутомимый династическій слуга наполеоновской монархіи, приготовляетъ проэктъ конституціи, которому старается пріобрѣсти большинство въ сенатѣ. Одно изъ основаній проэкта измѣненіе статьи, устанавливающей неотвѣтственность министровъ. Г. де-Персиньи хочетъ такой организаціи кабинета, по которой кабинетъ, дѣлаясь фактически-отвѣтственнымъ, становится бы въ тѣснѣйшую связь съ общественнымъ мнѣніемъ».

Предоставляемъ читателю самому выводить заключеніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ изъ этого извѣстія. Основная черта парламентскаго правленія состоитъ въ томъ, что министрами назначаются люди, пользующіеся большинствомъ въ собраніи представителей націи (напримѣръ, въ Англіи, Палата Общинъ, въ Пруссіи Палата Депутатовъ, во Франціи Законодательный Корпусъ), и такъ скоро большинство этого собранія перестаетъ поддерживать ихъ, выходятъ въ отставку, уступая мѣсто тѣмъ людямъ, на которыхъ указываетъ большинство. Въ этомъ состоитъ существенный смыслъ такъ называемой отвѣтственности министровъ. Она предполагаетъ, что министры дѣйствуютъ самостоятельно, и потому при парламентскомъ правленіи никогда не говорится формальнымъ образомъ о вліяніи на нихъ монарха для внушенія имъ того или другаго образа дѣйствій: предполагается, что это значило бы компрометировать представителя верховной власти, и предполагается, что онъ не участвуетъ въ столкновеніяхъ между разными партіями, безпристрастно отдавая предпочтеніе той, на сторонѣ которой общественное мнѣніе, выражающееся парламентскимъ большинствомъ. По нынѣшней конституціи этого нѣтъ во Франціи: всѣ дѣйствія министровъ предполагаются исполненіемъ личной воли императора и министры отвѣчаютъ за свои распоряженія ему, т. е. должны сообразоваться съ его желаніемъ, а не съ мнѣніемъ парламентскаго большинства, т. е. министры не обязаны отвѣтственностью передъ представителями на-

цин: не ими вводятся въ кабинетъ, не ими выводятся изъ кабинета. Формальнымъ образомъ въ этомъ состоитъ различіе нынѣшней французской системы отъ той, какая была при Луи-Филиппъ и какая существуетъ наиримѣръ въ Англіи. Такимъ образомъ измѣненіе, предполагаемое Персигни, имѣло бы тотъ формальный смыслъ, что Наполеонъ III принималъ бы въ своемъ государствѣ такое положеніе, какое наиримѣръ имѣетъ въ своемъ государствѣ король Викторія. Конечно, отъ формальныхъ постановленій до дѣйствительнаго порядка дѣлъ очень далеко; ясно также, что при данномъ характерѣ и данной предшествовавшей исторіи нынѣшняго правительства подобная переменна въ немъ, не только на дѣлѣ, но и по формѣ, не болѣе какъ мечта. Не нужно также доказывать, что если бы и личный характеръ, и предшествующая исторія не противились такому измѣненію, оно дѣлалось бы невозможнымъ уже по основнымъ принципамъ существующихъ партій. Въ прежнія времена, и не далѣе какъ наиримѣръ въ дѣлѣ Монталамбера, защитники нынѣшней французской системы справедливо утверждали, что свободное парламентское правленіе возможно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существованіе династій прочно и гдѣ политическія партіи спорятъ только о томъ, каковы должны быть министры, ни мало не желая переменъ въ династіи. Министры и журналисты Наполеона III справедливо утверждали, что положеніе дѣлъ во Франціи не таково, что почти все общество примыкаетъ къ двумъ большимъ партіямъ орлеанистовъ и республиканцевъ, одинаково враждебныхъ нынѣшней династіи, и что въ этомъ состоитъ существенная разница Франціи отъ Англіи. Вспоминая эти справедливыя слова самаго Наполеона III и его приверженцевъ, мы видимъ въ проэктѣ Персигни только благонамѣренную утопію, которая не можетъ имѣть никакого фактическаго значенія. Но утопіи важны въ томъ отношеніи, что показываютъ направленіе мыслей въ людяхъ, предающихся имъ, показываютъ понятія этихъ людей о потребностяхъ своего положенія. Съ этой стороны очень занимателенъ проэктъ Персигни, который постоянно былъ ближайшимъ изъ друзей Наполеона III и воли въ достоинствѣ этой неизмѣнной дружбы своею преданностью пользамъ императора французовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его проэктъ явился слѣдствіемъ бесѣдъ съ императоромъ французовъ.

Двойственность наружныхъ дѣйствій Франціи, возникающая изъ особенности отношеній нынѣшней системы къ состоянію общественнаго мнѣнія, успешнымъ образомъ отражается на Сардиніи, вовлеченной Франціею въ такое положеніе, которому нужно безотлагательное рѣшеніе. Матеріальныя средства Сардиніи не могутъ долго выносить усилій, требуемыхъ нынѣшними отношеніями. Не только

англійская биржа оказалась нерасположенною къ сардинскому займу, но даже фирма Фульда въ Парижѣ не согласилась принять на себя реализацію этого займа, хотя Фульдъ, будучи министромъ государства, покровительствующаго Сардиніи, долженъ былъ бы, скорѣе всѣхъ другихъ банкировъ, согласиться на такую услугу. Графъ Кавуръ принужденъ былъ для покрытія бѣльшей половины займа прибѣгнуть къ добровольной національной подпискѣ въ самой Сардиніи. Это удалось, но подписка была не слѣдствіемъ коммерческаго расчета, который одинъ служить надежнымъ источникомъ финансовыхъ средствъ: она была только проявленіемъ энтузіазма, который вообще быстро остываетъ, а въ Сардиніи имѣетъ особеніости, не совѣмъ безонасныя для системы графа Кавура. Сардинскіе энтузіасты не хотятъ знать о причинахъ, принуждающихъ Францію и Піэмонть медлить объявленіемъ войны, и каждая миролюбивая манифестація Франціи раздражаетъ ихъ. Потому графъ Кавуръ принужденъ опережать иногда своими распоряженіями желанія императора французовъ, компрометировать его дипломатическіе обороты слишкомъ явнымъ раскрытіемъ общей своей и его непреклонной рѣшимости начать войну. Напримѣръ, послѣдніе нумера полученныхъ нами газетъ заключаютъ распоряженіе о призваніи подъ знамена того разряда сардинскихъ солдатъ, который, постоянно находясь въ отпуску, призывается къ службѣ только передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій. Этимъ распоряженіемъ графъ Кавуръ совершенно убилъ дѣйствіе, на которое была разсчитана статья Монитѣра и отставка принца Наполеона. Точно также компрометируется французская дипломатика тономъ сардинскихъ газетъ, даже находящихся подъ вліяніемъ турецкаго министерства. Онѣ прямо говорятъ, что не придають никакого значенія миролюбивымъ манифестаціямъ Франціи и что война не только неизбежна, но и никакъ не можетъ быть отсрочена, хотя бы на полгода. Слишкомъ неосторожные союзники раскрываютъ Европѣ даже то, о чемъ для выгоды Франціи слѣдовало бы до времени молчать. Напримѣръ, какой комментарий приложили они къ статьѣ Монитѣра? Вотъ какой. Монитѣръ говоритъ, что императоръ французовъ обѣщаль только помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія отъ Австріи. Такъ, сказали сардинскія газеты, но что надобно подразумѣвать подъ этимъ? Уже то самое, что австрійцы собрали много войскъ въ Ломбардію, имѣютъ въ ней грозныя крѣпости и занимаютъ выгодныя стратегическія линіи, должно считаться нападениемъ. Они грозятъ Піэмонту, стало быть Піэмонть, если захочетъ выбить ихъ изъ угрожающихъ позицій, будетъ только обороняться, а не нападать. Графъ Кавуръ официально сказалъ, что онъ самъ такъ думаетъ. Предоставляемъ читателю

рѣшить, до какой степени могло быть пріятно для Франціи такое истолкованіе факта, обнародованнаго ею въ доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній. «Мы не хотимъ нападать, мы только обязались помогать Піэмонту защищаться,» говоритъ Монитёръ. «Если мы нападёмъ на австрійцевъ, мы будемъ только защищаться,» объясняетъ Кавуръ. Графъ Кавуръ не дѣлалъ бы такихъ непріятныхъ для Франціи толкованій, если бы могъ удержаться отъ нихъ; но онъ теперь уже не самъ идетъ, — его ведетъ партія лѣвой стороны, на которую онъ опирается въ туринской палатѣ депутатовъ. Но и у этихъ людей, имѣющихъ наклонность къ республиканству и революціонерству, предводители вовсе не лишены политической опытности и навѣрное понимаютъ всю важность дипломатической уклончивости, которую разоблачаютъ и разрушаютъ; какъ же они рѣшаются выставить тѣ стороны дѣла, которыя надобно бы скрывать, по расчету ихъ союзниковъ? Они уже находятъ, что можно пренебрегать желаніями этихъ союзниковъ; думаютъ, что уже держать ихъ въ своихъ рукахъ. Съ половины февраля, не смотря на всѣ миролюбивыя манифестаціи французскаго правительства, они прямо говорятъ о Наполеонѣ III: *Non puo scarparsi* — «Онъ не можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ.» Впрочемъ одушевлены воинственнымъ жаромъ и надѣются выгодъ отъ нынѣшнихъ отношеній къ Франціи только тѣ итальянскіе революціонеры, у которыхъ энтузіазма болѣе, чѣмъ проницательности. Маццини не раздѣляетъ ихъ счастливой увѣренности и совѣтовалъ людямъ своей партіи держаться въ сторонѣ. Дѣйствительно, они уклоняются отъ воинственныхъ манифестацій и стараются удерживать народъ. Такая политика конечно основывается не на разговорахъ съ маршаломъ Пелиссье, если дѣйствительно маршалъ видѣлся съ Маццини: итальянскій агитаторъ въ дипломатическихъ соображеніяхъ вѣроятно проницательнѣе храбраго генерала. Вліянію Маццини приписываютъ то, что въ Римѣ строго сохраняется тишина, и римскій народъ такъ далекъ отъ мысли начинать возстаніе въ настоящее время, что папская полиція почла возможнымъ разрѣшить празднованіе карнавала безъ всѣхъ стѣсненій, которымъ нужно было подчинять его во всѣ предъидущіе 10 лѣтъ, со времени возстановленія папской власти. Маццинисты говорятъ: «подождемъ».

Но далеко не всѣ способны къ расчетливому терпѣнію. Со всѣхъ концовъ Италіи съѣзжаются въ Піэмонтъ пылкіе итальянцы, особенно средняго и высшаго сословія, чтобы сражаться за независимость и свободу отечества. Говорятъ, что въ концѣ февраля въ Сардиніи было уже до 10,000 такихъ волонтеровъ, ожидающихъ только объявленія войны, чтобы стать подъ знамена. Разумѣется, боль-

шинство ихъ—ломбардцы. До объявленія войны, Сардинія, связанная особенной конвенціей съ Австріей, не можетъ принять ихъ въ свою службу. Но уже составляются изъ нихъ два особенные легіона, изъ которыхъ однимъ командуетъ Гарибальди, такъ храбро защищавшій Римъ. Много рассказываютъ анекдотовъ о самоотверженности, съ какою эти благородные мечтатели идутъ въ Туринъ, воображая, что дѣло сардинской арміи — дѣло Италіи. Мы приведемъ только одинъ такой анекдотъ. Герцогство Пармское издавна занято австрійцами, хотя герцогиня, говорятъ, вовсе недовольна такимъ покровительствомъ. Въ концѣ февраля какой-то офицеръ, извѣстный герцогинѣ своею преданностью къ ея династіи, подалъ въ отставку. Герцогиня удивилась и пригласила его къ себѣ для объясненія. «Какъ, вы покинете насъ при настоящихъ обстоятельствахъ?» сказала она. — «Ваше Высочество, мои чувства не измѣнились; но выше васъ для меня — Италія; я принадлежу ей, не гнѣвайтесь на меня. Я ѣду въ Туринъ, снимаю мои эполеты и поступаю рядовымъ солдатомъ въ корпусъ волонтеровъ, который теперь организуется тамъ.» Прибавляютъ, что сама герцогиня, тронутая его энтузіазмомъ, не нашла возраженій противъ этого. Корреспондентъ *Indépendance Belge*, рассказывающій объ этомъ случаѣ, говоритъ, что потомъ должны были распустить цѣлый батальонъ пармскаго войска, который весь съ оружіемъ и всею аммуниціею хотѣлъ перейти въ Піэмонтъ.

Мы думаемъ, что всѣ эти благородные люди и вмѣстѣ съ ними графъ Кавуръ, патріотизму котораго мы также отдаемъ справедливость, жестоко ошибаются въ своихъ надеждахъ. Впрочемъ мы все не хотимъ сказать этимъ, что войны не будетъ. Напротивъ, никогда не казалась она столь неизбѣжною, какъ теперь. Мы видѣли истинныя причины этой неизбѣжности; мы видѣли, что эти причины усиливаются съ каждымъ днемъ. Шансы столкновеній, которыя послужатъ поводами къ ея началію, также увеличиваются съ каждымъ днемъ. Волненіе въ Ломбардіи растетъ. Народная манифестация въ Миланѣ при погребеніи молодаго графа Дандоло, извѣстнаго патріота, служитъ доказательствомъ тому. Даже въ мирной Тосканѣ агитация такъ сильна, что считаютъ нужнымъ для ея успокоенія дать либеральную конституцію. Очищеніе Рима французскими войсками должно было служить къ тому, чтобы вспыхнуло возстаніе, чтобы римляне пошли противъ австрійцевъ, чтобы австрійцы разбили ихъ и пошли преслѣдовать ихъ къ Риму и тѣмъ нарушили бы недавній трактатъ и подали бы Піэмонту возможность провозгласить войну подъ именемъ собственной обороны. Партія принца Наполеона въ Парижѣ непремѣнно ожидала этого, и когда было объявлено, что французы выходятъ изъ Рима, она радостно говорила:

«наконецъ-то заправѣсь подымается», Enfin voila la voile levée. Но совѣты Мадзини до сихъ поръ удерживали римлянъ отъ волнений. Разумѣется, такой хранитель кажется для папскаго правительства не совѣтъ надежнымъ, и пока оно будетъ въ состояніи призвать для своей защиты австрійцевъ, оно ищетъ другихъ защитниковъ. Говорятъ, что оно черезъ Христину, мать испанской королевы, проситъ прислать въ Римъ два полка испанцевъ; Неаполь, говорятъ, самъ предлагалъ такую услугу, но нынѣшнія неаполитанскія войска слишкомъ извѣстны своею отличною организаціею и стойкостью въ битвахъ: самъ неаполитанскій король былъ бы мало безопасенъ, еслибъ не было у него швейцарскихъ полковъ; потому и папское правительство, призывая испанцевъ, въ тоже время, нанимаетъ швейцарскій полкъ и вербуетъ ирландцевъ.

Нѣсколько новыхъ фактовъ произошло въ послѣдній мѣсяцъ и на сторонѣ противниковъ Піемонта и Франціи. Нечего говорить о томъ, что Австрія усиливаетъ свою армію въ Ломбардіи. Constitutionnel предпріимчиво увеличивая эту цифру въ доказательство опасности, угрожающей Піемонту, съ цѣлью предрасположить умы къ принятію нападенія со стороны Піемонта за необходимую мѣру защиты, насчитываетъ въ Италіи 177,000 австрійскихъ войскъ. Но интереснѣе тотъ фактъ, что подтвердились прежніе слухи говорившіе, что Австрія не только отлично приготовилась къ войнѣ, но и нимало не боится ея, напротивъ увѣрена въ ея успѣхъ. Молодой императоръ рѣшительно проникнутъ воинственностью и жалуется на своихъ осторожныхъ министровъ: говорятъ, еслибъ не совѣты стариковъ, онъ не сдѣлалъ бы никакой уступки, и война давно бы началась. Впрочемъ и осторожные министры высказываютъ соображенія слѣдующаго рода: «австрійскій императоръ, даже и потерявъ нѣсколько битвъ, даже и потерявъ итальянскія провинціи, все-таки останется австрійскимъ императоромъ; но нельзя сказать того же о вліяніи военныхъ неудачъ на судьбу Наполеона III. Стало быть рискъ войны не противъ насъ».

Германія утвердилась въ мысли дѣйствовать единодушно. Всѣ второстепенныя государства соединяются съ Пруссіею, которая объявила, что строго исполнитъ обязанности, лежащія на ней какъ на членѣ германскаго союза. Если бы не угрожала опасность Рейну, Германскій союзъ вѣроятно не принялъ бы участія въ войнѣ. Но никто не думаетъ, чтобы въ случаѣ итальянской войны могъ быть сохраненъ миръ на Рейнѣ. Если бы даже французы захотѣли ограничить театръ войны Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ, то каждому очевидно, что это не зависѣло бы отъ нихъ.

Пруссія объявила, что дѣйствуетъ въ совершенномъ согласіи съ Англіею, и Западная Европа раздѣлена теперь на два лагеря слѣдующимъ образомъ: съ одной стороны Франція, Піемонтъ, быть можетъ, Тоскана и либеральная партія во всѣхъ остальныхъ итальянскихъ областяхъ; съ другой стороны Австрія, Пруссія, всѣ другія нѣмецкія государства и Англія.

Въ Англіи очень можетъ быть, что на дняхъ произойдетъ перемѣна правительства, и вмѣсто кабинета лорда Дерби явится кабинетъ Росселя, или Пальмерстона, или, какъ многіе предполагаютъ, Росселя и Пальмерстона вмѣстѣ. Но если бы нынѣшнее министерство пало, и если бы даже, — случай самый благоприятный для французскаго правительства, — главою министерства сдѣлался одинъ лордъ Пальмерстонъ безъ Росселя, все-таки во внѣшней политикѣ Англіи не произошло бы перемѣны, благоприятной для Франціи. Самъ Пальмерстонъ теперь далеко не тѣхъ мыслей, какія, по увѣренію приверженцевъ французскаго правительства, высказывалъ прошлою осенью, когда гостилъ у Наполеона III въ Компьенѣ. Послѣ своего паденія Пальмерстонъ вздумалъ было держаться правила «чѣмъ ушибся, тѣмъ лечись». Онъ былъ низвергнутъ за излишнюю дружбу съ императоромъ французовъ, и долго думалъ потомъ снова войти въ кабинетъ, опираясь на эту дружбу. Его партизаны увѣрили, что только онъ одинъ въ состояніи поддержать дружбу Франціи съ Англіею, и носились слухи о разныхъ интригахъ со стороны Франціи въ Лондонѣ для возвращенія власти лорду Пальмерстону. Онъ не удался, и тогда онъ былъ приглашенъ для дальнѣйшихъ совѣщаній въ Компьенъ, подъ предлогомъ охоты, которую онъ до сихъ поръ очень любитъ. Императоръ французовъ встрѣтилъ его съ такимъ почтеніемъ, какъ встрѣтилъ бы одного изъ сильнѣйшихъ государей Европы, и могущественный лордъ держалъ себя такъ непринужденно, какъ бы хозяинъ былъ чуть ли не его вассаломъ. Извѣстенъ анекдотъ о красной курткѣ. Однажды была устроена охота въ костюмахъ какой-то старинной французской эпохи. Но лордъ Пальмерстонъ явился въ красной курткѣ, наминавшей своимъ цвѣтомъ мундиръ англійскаго солдата, не обращая вниманія на распоряженія церемоніймейстера. Погода была ненастная. Кто-то выразилъ опасеніе, чтобы благородный гость не простудился въ своемъ легкомъ платьѣ. «Не бойтесь, отвѣчалъ крѣпкій старикъ: — это сукно хорошее. Подъ Ватерлоо какой шелъ дождь, однакожь оно выдержало». Кому простили бы подобную выходку? Но съ лордомъ Пальмерстономъ были до крайности любезны. Теперь оказывается, что любезность была не даромъ: полгода тому назадъ главою оппозиціи былъ Пальмерстонъ; партія министерства была и тогда, какъ те-

перь, въ меньшинствѣ; лордъ Дерби держался только помощью Робакъ и Брайта: стоило примириться съ ними Пальмерстону, лордъ Дерби былъ бы низвергнутъ, главою министерства сдѣлался бы Пальмерстонъ. Не задолго передъ прїѣздомъ его въ Компьень Наполеонъ III видѣлся съ Кавуромъ (въ началѣ сентября) и тогда уже былъ рѣшенъ бракъ принца Наполеона и принцессы Клотильды, былъ составленъ союзъ для завоеванія Ламбардіи. Оставалось только обезпечить себѣ разрѣшеніе на это дѣло отъ Англіи, т. е. отъ Пальмерстона, имѣвшаго полную вѣроятность сдѣлаться первымъ министромъ не нынче—завтра. Дѣйствительно, лордъ Пальмерстонъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ изгнанія австрійцевъ изъ Италіи. Тогда-то, говорятъ, императоръ французскій окончательно задумалъ войну и немедленно началъ приготовленія къ ней, которыя предполагалъ онъ кончить къ апрѣлю мѣсяцу. Въ такихъ надеждахъ на лорда Пальмерстона была сдѣлана сцена новаго года австрійскому посланнику. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе въ Парижѣ, когда телеграфъ 3-го февраля принесъ рѣчь Пальмерстона объ итальянскомъ вопросѣ въ первомъ засѣданіи Палаты Общинъ. Пальмерстонъ, котораго предполагали общавшимъ свое содѣйствіе, говоритъ, что нельзя допустить нарушенія трактатовъ, что Англія должна быть противъ той державы, которая отважилась бы нарушить миръ Европы; что не только помогать ей, но даже и сохранить нейтралитетъ Англія не можетъ, если французы вторгнутся въ австрійскія владѣнія. Вотъ что писали изъ Парижа вскорѣ послѣ этого разочарованія. Мы буквально приводимъ слова корреспондента газеты *Manchester Guardian*.

«Вы можете быть улыбенетесь, узнавъ, что здѣшній придворный міръ въ неописанной ярости противъ лорда Пальмерстона, на котораго благоугодно ему сваливать всецѣлую вину за все происшедшее. Эти люди (и самъ императоръ) неистощимы теперь въ брани на великаго оратора, и распространяемыя ими изобрѣтенія очень занимательны. Они утверждаютъ, что увѣренія, данныя лордомъ Пальмерстономъ императору во время Компьенскаго свиданія, были истинною причиною того, что произошло теперь. Они утверждаютъ, что онъ жарче, нежели кто нибудь, говорилъ о надобности изгнать австрійцевъ изъ Италіи и что онъ совершенно обманулъ Наполеона III. Они не могутъ простить ему его рѣчи, и теперь нѣтъ такого браннаго слова, котораго бы они не прилагали къ человѣку, мѣсяцъ тому назадъ превозглашавшемуся отъ нихъ за идеалъ европейскаго государственнаго мужа».

Неужели лордъ Пальмерстонъ въ самомъ дѣлѣ обманулъ, оказался измѣнникомъ? Мы не имѣемъ къ нему особенной симпатіи, сви-

дѣтельствомъ тому характеристика его въ январскомъ обзорѣ и тѣ слова, которыя найдетъ читатель нѣсколькими страницами дальше въ этой статьѣ. Но надобно сказать, что въ итальянскомъ дѣлѣ лордъ Пальмерстонъ едва ли могъ и хотѣлъ обманывать. А что себѣ онъ не измѣнилъ, это доказывается самою его рѣчью 3-го февраля. Въ ней онъ говоритъ, что пламенно желаетъ освобожденія Ламбардо-Венеціанскихъ областей отъ австрійцевъ и даже прибавляетъ, что потеря этихъ провинцій была бы выгодна для самой Австріи. Значитъ, онъ не измѣнилъ своимъ Компъенскимъ словамъ. Въ чемъ же дѣло? Лордъ Пальмерстонъ въ Компъенѣ конечно говорилъ объ изгнаніи австрійцевъ, предполагая освобожденіе занимаемыхъ ими областей, предполагая, что изгнаніе совершится или самими итальянцами, или союзомъ Франціи съ Англіею, которая не дозволитъ этому дѣлу обратиться въ простую замѣну одного иностраннаго господства другимъ. Разумѣется, когда дѣло было начато безъ согласія и участія Англіи, слѣдовательно не въ такихъ видахъ, на которые могъ соглашаться Пальмерстонъ, ему по необходимости пришлось смотрѣть на это дѣло иначе. Странно тутъ только одно: какимъ образомъ можно было предполагать, чтобы англичанинъ, и притомъ, каковы бы ни были недостатки его характера и его убѣжденій, все-таки честный человѣкъ, сталъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ томъ смыслѣ, какого ожидали? Тутъ объясненіе ошибки только одно: люди очень разсчетливые, но привыкшіе думать очень дурно о человѣческомъ характерѣ вообще, понимаютъ иногда невинныя слова въ низкомъ смыслѣ. Эта особеннаго рода наивность иногда вводитъ ихъ въ такое же заблужденіе и потомъ разочарованіе, какъ наивность благородства бываетъ причиною ошибокъ идеалистовъ. Субъективная точка зрѣнія, какова бы она ни была по своему нравственному характеру, вообще ведетъ къ ошибкамъ.

Едва ли не разрушается и другое предположеніе, на которомъ основывалась рѣшимость принятая въ Компъенѣ, — предположеніе, что лордъ Пальмерстонъ будетъ главою оппозиціи въ то время, когда падетъ кабинетъ Дерби. Пальмерстонъ не менѣе Дерби противился бы нынѣшнимъ французскимъ планамъ, но все-таки онъ гораздо болѣе расположенъ къ мягкости относительно императора французовъ, нежели лордъ Россель; а теперь дѣла оборачиваются такъ, что Россель близокъ къ пріобрѣтенію прежняго своего положенія, изъ котораго на время былъ вытѣсненъ Пальмерстономъ. По вопросу о парламентской реформѣ прежній глава виговъ успѣлъ захватить и до сихъ поръ сохраняетъ первенство надъ Пальмерстономъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнаемъ, успѣетъ ли Пальмерстонъ сдѣлаться рѣшителемъ битвы въ нижней палатѣ, или замысловатый планъ

дѣйствій, имъ придуманный, дѣйствительно окажется неудачнымъ, какимъ кажется теперь; но до сихъ поръ лордъ Россель беретъ надъ нимъ явное преимущество. Такимъ образомъ вопросъ о реформѣ связывается съ переменною прежнихъ отношеній между предводителями либеральнаго большинства, и такое или иное его рѣшеніе можетъ имѣть вліяніе на ходъ общихъ вопросовъ европейской политики. Кромѣ этого интереса въ немъ раскрылась еще другая сторона, занимательная не для одной Англіи, а для цѣлой Западной Европы: онъ послужилъ очень вѣрнымъ испытаніемъ того, можно ли надѣяться на успешное веденіе историческихъ задачъ людьми, увѣряющими, что несмотря на старомодность своихъ принциповъ, они серьезно хотятъ улучшеній. Тори, бывшіе столь щедрыми на либеральныя обѣщанія, превосходно выказали свою существенную натуру въ этомъ дѣлѣ.

Тори давно распускали слухи о своихъ превосходныхъ качествахъ и намѣреніяхъ. Прежде торійская партія дѣйствительно была враждебна прогрессу, безпрестанно твердилъ Д'Израэли:—но теперь мы уже вовсе не таковы, какими были прежде. Поддерживать злоупотребленія, угнетать народъ,—какъ это можно! Въ наше время стыдно и вѣрить такимъ глупымъ обвиненіямъ. Напротивъ, мы теперь стали самыми искренними друзьями народа. Пусть только онъ не слушаетъ злонамѣренныхъ либераловъ, а вѣритъ намъ. Мы одни искренніе друзья его. Мы можемъ и хотимъ сдѣлать для него гораздо больше, нежели всѣ эти пустые либералы и своскорыстные демагоги.

Вотъ наконецъ пришло время оправдать такія увѣренія. Злонамѣренные радикалы, думающіе только о своихъ выгодахъ, объ удовольствіи своему честолюбію и тщеславію, подняли вопросъ о реформѣ, и торійскій кабинетъ долженъ былъ составить проектъ этого улучшенія. Мы уже видѣли, съ какою готовностью принялся онъ за это дѣло, какъ хотѣлъ оттянуть его на цѣлый годъ и вмѣсто того выигралъ отсрочку на двѣ недѣли, выставивъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ свой настоящій характеръ. Но нѣтъ, это дѣло еще далска не всѣхъ вразумило. Было извѣстно, что Д'Израэли, истинный представитель нынѣшняго торизма, давно, еще въ декабрѣ приготовилъ билль, но что нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ членовъ кабинета онъ показался слишкомъ либераленъ и представленіе его въ Палату Общинъ замедлилось именно съ той цѣлью, чтобы образумить этихъ отсталыхъ людей. Объ основаніяхъ билля были распущены самыя благопріятныя слухи: говорили, что онъ чуть ли не превосходитъ либеральностью билль Брайта, который будто бы совершенно доволенъ имъ, находится въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ министерству и чуть ли не приглашается на совѣщанія къ Дерби, Д'Израэ-

ли и Стенли. Вотъ приблизилось и 28 февраля, день представленія билля въ парламентъ. Наканунѣ было объявлено, что двое изъ министровъ, бывшіе въ кабинетѣ представителями сельскихъ сквайровъ, т. е. самыхъ отсталыхъ тори, вышли въ отставку, потому что не одобряютъ билль. Стало быть предразсудкамъ отсталыхъ людей не сдѣлано никакой уступки, правительство непоколебимо удержало свои либеральныя основанія. Вотъ теперь-то Англія увидитъ, что консерваторы лучше понимаютъ и ревностиѣ исполняютъ народныя желанія, нежели эти самохвалы-радикалы. Но — нечего ждать до завтра, — они сами поспѣшили скорѣе познакомить пубliku съ своимъ прекраснымъ произведеніемъ: они предварительно сообщили основанія своего билля газетѣ Times, она изложила ихъ въ подробной статьѣ въ томъ же номерѣ, который извѣщалъ объ удаленіи отсталыхъ министровъ. Позвольте однако, чтожь это такое? Судя по изложенію Times'a, билль не слишкомъ хорошо соотвѣтствуетъ народнымъ ожиданіямъ. Тутъ что нибудь не такъ. Вѣроятно, газета не умѣла понять, или искажила мысли торійскаго кабинета. Нѣтъ, лучше подождать до завтра. Вотъ завтра мистеръ Д'Израэли внеситъ билль и говоритъ очень ловкую рѣчь, продолжающуюся около четырехъ часовъ. Въ ней изложено все содержаніе билля, объяснены его достоинства, доказано, что лучшаго ничего и сдѣлать невозможно. Въ чемъ же сущность этого прекраснаго произведенія? Ценсъ въ графствахъ понижается съ 50 ф. на десять, сравниваясь съ городскимъ ценсомъ. Прекрасно; но это было уже предложено Логъ-Кингомъ, и Палата Общинъ, принявъ его предложеніе, уже рѣшила, чтобы это пониженіе было однимъ изъ основаній каждаго билля о реформѣ. Но что предлагаетъ правительство для городовъ, относительно которыхъ оно не связано рѣшеніями палаты? Тутъ перемиѣтъ нѣтъ никакихъ. Остается прежній ценсъ въ 10 ф. Но чрезвычайно большое достоинство придаетъ мистеръ Д'Израэли своему предложенію ввести въ дополненіе къ квартирному ценсу профессиональный ценсъ: священники, медики, адвокаты и люди другихъ ученыхъ званій должны имѣть голосъ, хотя бы и не занимали квартиру въ 10 ф.; хорошо, но много ли найдется медиковъ или адвокатовъ, которые занимаютъ квартиру цѣною менѣе 5 руб. сер. въ мѣсяцъ? Кромѣ того получаютъ право голоса всѣ имѣющіе болѣе нежели на 60 ф. капитала въ акціяхъ Остъ-Индской компаніи или въ сохранныхъ кассахъ; и это хорошо, но многіе ли изъ акціонеровъ Остъ-Индской компаніи занимаютъ квартиры менѣе 10 ф.? Всѣ эти уступки касаются только немногочисленныхъ отдѣльныхъ лицъ; что же сдѣлано вообще въ пользу городскихъ классовъ, не имѣвшихъ до сихъ поръ права голоса? Вообще не сдѣлано ничего. Нѣтъ, этого нельзя сказать: прежде

городскіе жители, владѣвшіе независимыми отъ феодальныхъ отношеній участками земли въ 40 шиллинговъ дохода имѣли, какъ поземельные собственники, голосъ на выборахъ въ графствахъ. Теперь они лишаются этого права: если они не занимаютъ въ городѣ квартиру въ 10 ф., они остаются вовсе безъ голоса. Число такихъ людей болѣе 100 тысячъ. Въ этой оригинальной чертѣ видѣтъ истинный смыслъ торійской реформы: тори хотятъ удалить отъ деревенскихъ выборовъ всѣхъ самостоятельныхъ людей, мѣшавшихъ иногда повластію лендлордовъ. Ихъ ревность къ истребленію злоупотребленій такъ велика, что они уничтожаютъ единственное противодѣйствіе, которое мѣшало безграничному произволу нѣсколькихъ членовъ надъ составомъ большинства Палаты Общинъ; они предлагаютъ усилить тотъ самый фактъ, который былъ главною причиною народнаго неудовольствія, увеличить то самое злоупотребленіе, противъ котораго должна быть направлена реформа. Таково-то разширеніе избирательнаго права, ими придуманное: оно состоитъ въ томъ, чтобы отнять право голоса болѣе, чѣмъ у 100,000 независимыхъ людей. А какъ пышны были слухи, распускавшіеся объ этой части билля! Не менѣе привлекательны были слухи и о другомъ важномъ условіи реформы, — о введеніи баллотировки. Говорили, что министерство предлагаетъ вводить баллотировку во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ согласится на нее двѣ трети избирателей: какой либерализмъ! Нѣкоторые люди противъ баллотировки, — пусть ихъ подаютъ голоса открытымъ образомъ, черезъ записку въ реэстръ; но повсюду огромное большинство требуетъ баллотировки, — пусть оно распоряжается, какъ ему кажется лучше. Стѣсненія нѣтъ никому, вопросъ отдается на добрую волю каждаго, а между тѣмъ цѣль реформы достигается вполне, потому что повсюду, гдѣ независимые избиратели составляютъ большинство, они введутъ баллотировку. Какъ же оправдались эти слухи? Билль рѣшительно отвергаетъ баллотировку — это правда; но за то онъ предлагаетъ нѣчто гораздо лучшее: тотъ избиратель, которому далеко, или которому некогда идти въ избирательную контору записывать свое имя въ реэстръ, можетъ присылать формальную бумагу съ объявленіемъ, за какого кандидата подаетъ онъ голосъ; не правда ли, независимость голоса ограждается этимъ вполне? Удивительное умѣнье удовлетворить потребностямъ націи! Но какъ ни высоки понятія о прогрессивности торійской партіи, внушаемыя этими двумя частями билля, третья часть, касающаяся распредѣленія депутатовъ, еще гораздо превосходнѣе всѣхъ предположеній, какія можно составить о ней по двумъ первымъ частямъ. Существуетъ до 150 ничтожныхъ городковъ, посылающихъ въ парламентъ до 250 депутатовъ, между тѣмъ какъ всѣ громадныя

города, въ которыхъ живеть болѣе половины англійскаго населенія, не имѣють и пятой части этого числа представителей. Отстраненіе этой нелѣпости, распредѣленіе депутатовъ хотя сколько нибудь соотвѣтствующее распредѣленію населенія, — въ этомъ самое настоящее требованіе здраваго смысла и огромнаго большинства націи. Что же предлагаетъ торійскій билль? Скрѣпя сердце, онъ беретъ по одному изъ двухъ депутатовъ отъ 15 городковъ и отдаетъ эти 15 мѣстъ тѣмъ изъ новыхъ большихъ городовъ, которые не имѣли до сихъ поръ ни одного представителя. Онъ такъ заботливъ объ этихъ маленькихъ запустѣлыхъ городкахъ, что ни одного изъ нихъ не лишаетъ представительства въ парламентъ. И если несчастные 15 городковъ, подвергающіеся удару, будутъ имѣть вмѣсто двухъ депутатовъ только по одному, что жъ дѣлать? — прогрессъ имѣетъ свои суровыя требованія, а торійское министерство такъ искренно и горячо служить прогрессу.

Самъ Д'Израэли очень хорошо понималъ степень соотвѣтственности своего билля съ настроеніемъ умовъ, и его рѣчь была мастерскимъ произведеніемъ по мягкой изворотливости и благодушному смиренію, съ которымъ онъ оправдывалъ и извинялъ предлагаемый билль. При каждомъ словѣ онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы увернуться отъ опасности раздражить большинство палаты и исполнить эту трудную задачу съ удивительнымъ искусствомъ. За это мастерство въ нѣсколькихъ мѣстахъ ему аплодировали, — но именно только за мастерство затруднительнаго изложенія. Негодованіе за содержаніе рѣчи сильнымъ образомъ было выражено всѣми представителями либеральныхъ партій, особенно лордомъ Росселемъ, Робаккомъ и Брайтомъ. «Это не реформа, это пародія надъ реформой», говорили они одинъ за другимъ. Предлагать такой билль, значитъ смѣяться надъ требованіями времени, значитъ оскорблять націю» Робакъ, говоря отъ имени реформеровъ, объявилъ, что министерство, измѣнившее условіямъ поддержки, которой пользовалось отъ нихъ, поплатится за это своимъ существованіемъ:

«Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьямъ, — сказалъ онъ, — полагая, что они поймутъ свое положеніе и положеніе страны; что они употребятъ ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричатъ: нѣтъ, нѣтъ). Достопочтенный джентльмень думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, къ которымъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричатъ: о, о!...). Я говорю прямо: достопочтенный джентльмень

знать не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодушною помощью, какую получалъ отъ насъ, и разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко гозорю, что на каждомъ шагу своего пути чрезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣчать оппозицію, упорную оппозицію отъ каждого друга народа въ этой палатѣ (аплодисменты)».

Въ приложеніяхъ мы сообщаемъ отрывки изъ рѣчей Росселя, Робака и Брайта, для того, чтобы читатель могъ подробнѣе видѣть отношенія парламентскихъ партій по вопросу о реформѣ.

Въ тотъ день оставалось еще объясненіе или извиненіе нецѣлостности билля Дерби: чтожь было дѣлать бѣдному лорду и его головѣ, т. е. мистеру Д'Израэли? Быть можетъ они одушевлены самыми хорошими намереніями, но ихъ товарищи по кабинету, представители отсталыхъ провинціаловъ, деревенскихъ сквайровъ, составляющихъ основу торіійской партіи, не понимали требованій времени; люди просвѣщенные и прогрессивные, Д'Израэли и Дерби, по рукамъ и по ногамъ связаны этими дикарями, которымъ уже и нынѣшній билль кажется слишкомъ прогрессивенъ. Вѣдь вотъ уже и такъ вышли въ отставку двое министровъ, Гейли и Вальполь, бывшіе въ кабинетѣ представителями деревенскихъ сквайровъ; эти невѣжественные люди, эти тупые обскуранты причиной неудовлетворительнаго характера билля. Какъ жаль, что такіе прогрессивные люди, какъ Дерби и Д'Израэли, должны сообразоваться съ нецѣлыми понятіями этихъ дубоголовыхъ джентлменовъ, съ которыми, къ несчастію, должны поддерживать дружбу! Конечно, противъ такого разсужденія довольно натурально представляется вопросъ: какая же необходимость прогрессивнымъ и просвѣщеннымъ людямъ, лорду Дерби и мистеру Д'Израэли, водить дружбу непременно съ сословіемъ деревенскихъ сквайровъ, которыхъ они называютъ обскурантами, исполненными предразсудковъ? Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся? Развѣ нѣтъ въ Англіи другихъ людей, на которыхъ могутъ опираться просвѣщенные государственные мужи? Развѣ лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли крѣпостные холопы этихъ господъ? Развѣ не по доброй волѣ нянчатся они съ ними, угождаютъ имъ? Или Англіи нѣтъ спасенія безъ деревенскихъ сквайровъ? Развѣ къ Англіи не прилагается поговорка: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишь дружбу, я буду знать каковъ ты самъ»? Если вы, милордъ и мистеръ, остаетесь въ близкихъ отношеніяхъ съ обскурантами, съ невѣждами, исполненными нецѣлыхъ сословныхъ предразсудковъ, если вы опираетесь на нихъ, значитъ у васъ самихъ лежитъ къ тому сердце, — вотъ что можно было сказать на извиненіе нецѣлости поступковъ предразсудками людей, съ которыми будто бы нельзя ссориться, на которыхъ будто

бы необходимо опираться. Изъ 23-ми миллионъ жителей Соединеннаго Великобританско-ирландскаго королевства, 27 съ половиною миллионъ аплодировали бы и благословляли бы правительство, если бы оно вздумало не побояться огорчить этихъ сквайровъ, передъ которыми трепещеть. Въдѣ эти сквайры, — незамѣтная горсть въ массѣ англійскаго населенія. Кто же виноватъ, если желаніе этой горсти людей, если ея одобреніе кажется лорду Дерби и мистеру Д'Израэли драгоцѣннѣе любви англійскаго народа? Кто виноватъ, если эта горсть людей заслоняетъ отъ нихъ цѣлую Англію? Что тутъ говорить, — лордъ Дерби и мистеръ Д'Израэли одержимы галлюцинаціей, у нихъ повреждено зрѣніе, у нихъ поврежденъ мозгъ, вотъ что говорили англійскія газеты въ то утро, которое слѣдовало за представленіемъ билля.

Но вотъ наступаетъ вечеръ, и снова засѣдаетъ Палата Общинъ и встаютъ одинъ за другимъ мистеръ Вальполь и мистеръ Генли, отставные министры, представители обскурантовъ, связывавшіе прогрессивное министерство лорда Дерби и мистера Д'Израэли. Они объясняютъ, почему именно вышли въ отставку, чѣмъ именно были недовольны въ билль лорда Дерби. Оба говорятъ одно и тоже. «Мы не хотѣли, чтобы для городовъ и для графствъ былъ одинаковый ценсъ; для графствъ приняли ценсъ въ 10 ф. До сихъ поръ всегда ценсъ въ графствахъ былъ выше ценса въ городахъ. Теперь эта основная черта англійскаго устройства стирается. Мы на это не могли согласиться. Какой ценсъ будетъ въ городахъ, это намъ все равно; но онъ долженъ быть непременно ниже ценса, принимаемаго въ городахъ.» Это говорятъ они оба. Мистеръ Генли дѣлаетъ прибавку такого рода: «Я думаю только о графствахъ. Какъ устроятся города, до этого мнѣ нѣтъ дѣла. Вводите въ нихъ, пожалуй, хоть всеобщую подачу голосовъ, я объ этомъ не забочусь. Мнѣ нужно только одно, чтобы ценсъ въ городахъ былъ ниже ценса въ графствахъ». Мистеръ Вальполь не раздѣляетъ этого совершеннаго равнодушія къ устройству избирательнаго права въ городахъ. Онъ говоритъ: «чтобы не сглаживать различія между графствами и городами, я предлагалъ понизить ценсъ въ городахъ до 5 ф.», т. е. до такой границы, при которой нѣсколько сотъ тысячъ людей рабочаго сословія вошли бы въ число избирателей.

Такъ вотъ они — обскуранты! Такъ вотъ что противопоставляли они просвѣщеннымъ прогрессистамъ, Дерби и Д'Израэли! Они люди съ предразсудками, это правда, — имъ непременно нужно, чтобы оставалась разница между городами и графствами, какъ было встарину. Но какъ легко было удовлетворить этому предразсудку! Онъ такъ невиненъ, что самъ Брайтъ не хотѣлъ его опасаться: въ про-

эктѣ предводителя реформеровъ также была сохранена разница по ценсу между городами и графствами. За то, при удовлетвореніи этому папвному желанію, какъ легко было склонить обоихъ представителей деревенской отсталости на такое пониженіе ценса въ городахъ, которое бы удовлетворило общественному миѣнію! Да чего склонять ихъ?... Одинъ самъ требуетъ такого пониженія; другой говоритъ: «дѣлайте какъ хотите.» Если бы только захотѣли Дербі и Д'Израэли, они легко могли бы согласить предразсудки этой отсталой деревенщины съ потребностями времени въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ вопроса о реформѣ. Конечно также легко было бы имъ, если бы только они сами хотѣли, убѣдить массу своей партіи на отнятіе у заустѣвшихъ городковъ, не 15, а 50 или 60 депутатовъ, и тогда, по всей вѣроятности, ихъ билль прошелъ бы; но они сами были, какъ видно изъ объясненій Генли и Вальпола, дальше отъ сочувствія потребностямъ времени, нежели простодушные люди, на которыхъ сваливаютъ они вину. Да и какъ быть иными людямъ, опирающимся на торійскую партію? Сельскіе джентльмены исполнены предразсудковъ—это правда; но предразсудки сохранились у нихъ инстинктивные, всосанные съ молокомъ матери, наивные, натуральные, безсознательные. Сельскіе джентльмены занимаютъ въ англійскомъ обществѣ вредное положеніе—и это правда; но вѣдь не они сами добровольно избрали такое положеніе: они родились и выросли въ немъ; оно досталось имъ по наслѣдству, безъ участія ихъ воли. Кому Богъ не привелъ получить образованія, кому Богъ не привелъ имѣть отцомъ и матерью людей не вредившихъ обществу, тотъ можетъ, и при невѣжествѣ, и при вредныхъ сословныхъ предразсудкахъ, оставаться въ душѣ человѣкомъ честнымъ, добросовѣстнымъ и доброжелательнымъ. Только растолкуйте ему, что вы можете улучшить положеніе общества, не обижая его безъ надобности, онъ согласится на улучшеніе; только растолкуйте ему, что добросовѣстность требуетъ нѣкоторыхъ переменъ въ общественномъ устройствѣ, онъ согласится на переменны. Между его товарищами по положенію и по предразсудкамъ могутъ даже найтись многіе такіе, которые сами съ радостью будутъ содѣйствовать полезнымъ для общества переменамъ, если только вразумятся, что переменна производится не изъ вражды къ нимъ, а изъ желанія пользы другимъ гораздо болѣе многочисленнымъ людямъ и цѣлому государству. Какъ бы ни было вредно для общества положеніе, занимаемое какимъ нибудь сословіемъ; какъ бы ни было исполнено нелѣпыхъ и вредныхъ предразсудковъ это сословіе,—все таки огромное большинство его, какъ и огромное большинство всѣхъ другихъ сословій, состоитъ изъ людей добрыхъ и хорошихъ. Но не таковы люди, основывающіе свою карьеру на пред-

разсудкахъ другихъ и на вредныхъ сторонахъ существующаго порядка дѣлъ. Они держатся предразсудковъ и злоупотребленій не по наивности, не по незнанію, какъ тѣ темные люди, которые находятъ въ нихъ предводителей своимъ страстямъ, защитниковъ своимъ предразсудкамъ. Такимъ человѣкомъ, по расчету основавшимъ свою карьеру на предразсудкахъ и злоупотребленіяхъ, мы считаемъ мистера Д'Израэли, истиннаго руководителя торійской партіи. Въ немъ не ищите ни наивности, ни незнанія. Онъ не хуже любого хартиста понимаетъ, во что обходится обществу политическое преобладаніе лендлордовъ; онъ можетъ быть не меньше Диккенса хохочетъ въ душѣ надъ дикими предубѣжденіями сельскихъ сквайровъ; но онъ разсчиталъ, что между этими сквайрами мало людей умныхъ и образованныхъ, что онъ явится звѣздою между ними, если войдетъ въ ихъ ряды. Между реформерами сдѣлаться однимъ изъ первыхъ людей не такъ легко, — даже между парламентскими дѣятелями сколько великихъ талантовъ имѣютъ они: Робакъ, Мильнеръ Джибсонъ, Брайтъ, Кобденъ и мало ли другихъ. Среди такихъ людей трудно отличиться. Да и какія выгоды могутъ они дать? Имъ далеко до того, чтобы быть канцлерами казначейства. Вотъ торіи—другое дѣло! Тутъ истинное безрыбье, на которомъ и ракъ будетъ рыбой, и мистеръ Д'Израэли несравненнымъ геніемъ, — они будутъ нянчить его, они выведутъ его въ люди. Вѣдь у нихъ великая скудость въ умныхъ и образованныхъ людяхъ, которые умѣли бы говорить человѣческимъ языкомъ. А поднять могутъ они очень быстро и высоко, — вѣдь на половину годовъ бываетъ такихъ годовъ, въ которые они составляютъ министерство. «Умные люди, образованные люди! пожалуйте къ намъ, простякамъ и невѣждамъ. Вы будете нашими оракулами, мы подѣлаемъ изъ васъ своихъ канцлеровъ казначейства, своихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и всякихъ другихъ дѣлъ и бездѣлій.» Умные люди, какъ и всякіе другіе люди, большею частію бываютъ честными людьми, — потому почти никто изъ нихъ не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ приглашеніемъ. Между умными людьми, какъ и между всякими другими людьми, попадается иногда человѣкъ, думающій, что для совѣсти самое выгодное мѣсто—быть подъ пяткой; вотъ находится такой человѣкъ и навѣрное не замедлитъ оказаться, напримѣръ, канцлеромъ казначейства въ министерствѣ лорда Дерби, достопочтеннымъ мистеромъ Д'Израэли. А не прячь совѣсть подъ пятку, не защищай того надъ чѣмъ смѣешься, не превозноси тѣхъ, кого презираешь, не покровительствуй тому, вредъ чего понимаешь, — и не оказался бы ты ничѣмъ; оставался бы довольно незамѣтенъ между множествомъ такихъ же умныхъ, какъ ты, людей, остающихся честными, и затмѣвался бы

подобно имъ многими честными геніальными людьми, надъ нерасчетливостію которыхъ ты имѣешь теперь полное право издѣваться и которыхъ, при апплодисментѣ одурачиваемыхъ тобою простаковъ, ты поносишь, какъ враговъ «счастливой англійской конституціи», враговъ общества, враговъ неба и земли, на которой ты славно устроилъ свои дѣлишки, о которомъ ты очень рѣдко думаешь, да и то съ усмѣшкой, хотя говоришь очень часто съ слезами умиленія.

Все это хорошо, — то есть для мистера Д'Израэли; но дурно для консервативныхъ принциповъ, защищаемыхъ мистеромъ Д'Израэли, то, что мистеры Д'Израэли, привыкши хитрить и лицемѣрить, забываютъ нехитрую истину, понятную даже недалекимъ людямъ выдавшимъ вблизи историческія событія, присматривавшимся вблизи къ общественной жизни: хитрость и лицемѣріе — это мелочныя пружинки, которыми можно цѣворачиваться съ успѣхомъ только въ мелочныхъ дѣлишкахъ личной выгоды; общественными силами эти годныя для личныхъ цѣлей средства сдѣлаться не могутъ, потому что огромное большинство общества честно и прямодушно, а отъ того и ходъ общественныхъ дѣлъ, двигаемый качествами общества, ломить всегда на прямой, дурно ли, хорошо ли, назадъ ли, впередъ ли, только всегда по большой столбовой дорогѣ, на которой все видно, ничего не прикроешь. Думая повести общественныя дѣла тѣми же средствами, какія пригодны только для личныхъ дѣлъ, эти люди не успѣваютъ ничего сдѣлать порядочнымъ образомъ, не умѣютъ удовлетворить никого, не умѣютъ даже понять никого, потому что слишкомъ привыкли думать только о себѣ. Себѣ они могутъ пріобрѣсти и богатство и почести, но государству не умѣютъ принести ничего кромѣ обѣдненія и униженія. Въ Англии, гдѣ контроль газетъ и митинговъ хотя не такъ дѣйствителенъ, какъ воображаютъ англоманы, но все таки не совсѣмъ безсиленъ и очень полезенъ, нельзя такимъ людямъ упражнять надъ государствомъ свои способности слишкомъ свободно, и чуть-чуть подальше свернуть они съ дороги, ихъ или вовсе сталкиваютъ, или ворочаютъ на дорогу подъ уздцы. Государству принести большого вреда — нѣтъ имъ воли тамъ; но за то своей партіи часто успѣваютъ они удружить такъ, что любо смотрѣть: такъ скомпрометируютъ темныхъ простаковъ, выдвинувшихъ ихъ впередъ, что бѣдняки не знаютъ куда отъ стыда дѣваться, а иногда и вовсе загубятъ ихъ такъ, что уже никакъ нельзя бываетъ поправить дѣла. Успѣлъ ли сочинить надъ своими бѣдными тори мистеръ Д'Израэли штуку въ размѣрѣ втораго рода и должны ли они ни за что ни про что потерять министерство, какъ увѣряютъ газеты, когда могли бы удержаться въ немъ еще довольно долго, это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но вѣрно те-

перь то, что осрамилъ онъ своимъ биллемъ торійскую партію до нельзя.

Презрительная досада овладѣла всею Англіею, когда она, поутру 1 марта, прочла въ газетахъ основанія, предлагаемыя для реформы мистеромъ Д'Израэли. Кромѣ одной газеты, принадлежащей министерству (*Morning Herald*) и одной изъ пальмерстоновскихъ газетъ (*Manchester Guardian*) и *Times'a*, вздумавшаго сообразоваться съ тактикою Пальмерстона, о которой расскажемъ ниже, всѣ другія газеты на чемъ свѣтъ стоитъ осмѣяли хитрый проэктъ съ перваго же раза. Немедленно стали назначаться во всѣхъ большихъ городахъ митинги для выраженія мнѣній о министерскомъ проэктѣ и съ каждымъ днемъ митинги растутъ, а рѣшенія ихъ всѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ, которому мы представимъ нѣсколько примѣровъ. Беремъ одинъ нумеръ *Manchester Guardian* 8 марта.

Митингъ въ Стренджвезъ. Мистеръ Джозефъ Джонсонъ предложилъ объявить, что министерскій билль прискорбно обманываетъ основательныя ожиданія націи. Предложеніе принято единогласно.

Ольдгемъ. По просьбѣ со множествомъ подписей, лордъ-мэръ назначилъ на завтра митингъ для выраженія протеста противъ министерскаго билля.

Лидсъ. На митингѣ единогласно объявлено, что билль, предложенный министерствомъ, долженъ быть встрѣченъ рѣшительной и энергической оппозиціей всѣхъ либеральныхъ людей.

Векфильдъ. Послѣ многихъ частныхъ митинговъ назначенъ на завтра общій митингъ для совѣщанія о дѣйствительнѣйшихъ мѣрахъ противиться министерскому биллю.

Саутемптонъ, Нордвувичъ и Мерильбонъ. Назначены или происходили такіе же митинги.

Демонстрація въ Глйдъ-Паркъ, въ Лондонѣ. Мистеръ Ментель предложилъ моцію: «министерскаго билля нельзя и называть биллемъ реформы; это не билль, а просто срамъ; намъ нуженъ хорошій билль, или не нужно никакого». Принято единодушно среди сильныхъ и продолжительныхъ аплодисментовъ.

Шеффилдъ. Мистеръ Фишеръ старшій предложилъ слѣдующее рѣшеніе: «билль, предложенный министерствомъ, не исправитъ недостатковъ нашей представительной системы, а размножитъ и увеличить ихъ; онъ возбудитъ чрезвычайно вредную вражду между жителями деревень и городовъ. Онъ не беретъ депутатовъ у маленькихъ зависимыхъ городковъ, не даетъ баллотировки, не даетъ голоса трудолюбивымъ и порядочнымъ людямъ рабочаго класса; эти недостатки дѣлаютъ его совершенно несообразнымъ съ потребностями націи». Принято единогласно.

Ньюкэстль. Мистеръ Джозефъ Конъ предложилъ рѣшеніе. «По мнѣнію настоящаго митинга министерскій проэктъ реформы не удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ. Митингъ считаетъ этотъ проэктъ оскор-

бительнымъ для разума, вреднымъ для интересовъ рабочаго сословія англійской націи, и заслуживающимъ самой сильной и безусловной оппозиціи». Это предложеніе принято единогласно, а вмѣстѣ съ нимъ и рѣшеніе просить королеву объ удаленіи нынѣшнихъ министровъ.

Просимъ читателя замѣтить, что всѣ эти извѣстія взяты нами только изъ одного нумера газеты, т. е. доставлены только однимъ днемъ, и что эта газета держится политики Пальмерстона, который 8 марта еще хотѣлъ покровительствовать министерскому биллю, и что наконецъ это газета провинціальная, оставляющая безъ особеннаго вниманія тѣ части Соединеннаго королевства, которыя далеки отъ Манчестера. Были сотни митинговъ въ первой половинѣ марта и ни на одномъ изъ нихъ не было сказано о министерскомъ биллѣ ни одного, не только благопріятнаго, но и снисходительнаго слова. Всѣ единодушно рѣшали противиться министерскому биллю самымъ энергическимъ образомъ. На каждомъ митингѣ онъ служилъ предметомъ самыхъ горькихъ и презрительныхъ насмѣшекъ.

Уступая давленію общественнаго мнѣнія, двѣ изъ трехъ газетъ, защищавшихъ билль, уже измѣнили свой тонъ: Times говоритъ о биллѣ съ ѣдкой ироніей и Manchester Guardian вторитъ Times'у. Единственнымъ защитникомъ билля остается бѣдный Morning Gerald, органъ министерства.

Къ чему же привели всѣ реакціонныя хитрости, всѣ лицемерныя фразы? Только къ тому, что изобрѣтатели ихъ сдѣлались предметомъ насмѣшки сами, компрометировали ту партію, которую хотѣли защитить. Быть можетъ по крайней мѣрѣ угодили они тѣмъ обскурантамъ, на потворствѣ которыхъ основываютъ свою карьеру? Нѣтъ, и того они не достигли. Органъ фанатическихъ торп, Press, объявляетъ, что она противъ билля. Какая же была выгода угождать этимъ реакціонерамъ? Они все-таки раздражены, а нація хохочетъ и негодуетъ.

Но мнѣніе націи и рѣшеніе парламента — двѣ различныя вещи, очень часто ни мало несходныя при нынѣшней системѣ выборовъ и нынѣшнемъ распредѣленіи депутатовъ. Каковъ же ходъ дѣла въ Палатѣ Общинъ? Реформеры противъ министерскаго билля, это не требуетъ объясненій. Изъ двухъ предводителей вигистской партіи, лордъ Россель, какъ мы видимъ, немедленно по внесеніи билля самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ себя противъ него. Другой предводитель, лордъ Пальмерстонъ, вздумалъ слѣдовать политикѣ болѣе хитрой: онъ промолчалъ, чтобы въ рѣшительную минуту можно было ему присоединиться къ той сторонѣ, союза съ которой потребуетъ его выгода. Соединеніе Росселя съ реформерами.

показывало, что противъ билля будетъ почти ровно половина голосовъ или даже нѣсколько больше; но все-таки Пальмерстонъ полагалъ, что тѣ 70 или 80 голосовъ, которые слѣдуютъ за нимъ, могутъ по произволу спасти или низвергнуть министерство. Однакожь тактика эта, клонившаяся къ тому, чтобы сдѣлаться рѣшителемъ парламентскихъ преній, оказалась не совсѣмъ удачною. Приверженцы лорда Пальмерстона съ перваго же раза были недовольны тѣмъ, что онъ не высказался противъ билля. Въ слѣдующіе дни, по мѣрѣ того какъ агитація въ народѣ росла, партія Пальмерстона все сильнѣе убѣждалась, что защищать билль значило бы подвергать себя негодованію націи. По послѣднимъ извѣстіямъ, надобно полагать, что пальмерстоновскіе виги не будутъ поддерживать торійскаго билля. Читатель знаетъ, что парламентскія партіи стараются держать втайнѣ свой планъ дѣйствій до послѣдней минуты; потому, не смотря на множество извѣстій и предположеній о будущей судьбѣ министерскаго билля, она еще остается неизвѣстной: неизвѣстно, на что рѣшился Пальмерстонъ; неизвѣстно, какъ поступитъ министерство, если потерпитъ неудачу, которой надобно ожидать. Надобно только думать, что лордъ Пальмерстонъ думаетъ принять въ вопросѣ о реформѣ либеральную роль для поправленія своей популярности и открытія себѣ дороги въ кабинетъ.

Удастся ли ему это, мы узнаемъ чрезъ недѣлю, при второмъ чтеніи билля. Но теперь пока видно только то, что излишняя тонкость значительно испортила его парламентское положеніе. До сихъ поръ предводителемъ оппозиціи былъ онъ. Лордъ Россель оставался на второмъ планѣ; но Пальмерстонъ промолчалъ 28 февраля и тѣмъ далъ лорду Росселю время снова выдвинуться впередъ. Предводитель оппозиціи теперь лордъ Россель. При второмъ чтеніи билля мы увидимъ, удастся ли Пальмерстону отбить у него это мѣсто, или надежда быть главою кабинета по низверженіи пынѣшняго министерства положительно отнята у него Росселемъ.

До сихъ поръ Россель, возстановившій свое прежнее значеніе рѣчью 28 февраля, дѣйствуетъ какъ предводитель оппозиціи. Онъ созвалъ къ себѣ, оставляя въ тѣни лорда Пальмерстона, либеральныхъ депутатовъ всѣхъ партій для совѣщанія о единодушномъ образѣ дѣйствій по вопросу о реформѣ. Пальмерстоновскихъ виговъ тутъ не было; но кромѣ депутатовъ, постоянно шедшихъ за Росселемъ, явились въ собраніе всѣ реформеры. Выслушавъ проэктъ Росселя, они объявили себя готовыми поддерживать его. Такимъ образомъ дѣла пошли по одной изъ тѣхъ трехъ дорогъ, вѣроятность и значеніе которыхъ мы объяснили въ январскомъ обзорѣ: реформеры и росселевскіе виги соединяются подъ предводительствомъ Рос-

селя противъ тори. Чтобы ни стали дѣлать палмерстоновскіе виги, судьба торійскаго билля уже рѣшена этимъ соединеніемъ: онъ долженъ погибнуть.

Но его фактическая гибель, уже несомнѣнная, еще не равнозначительна паденію торійскаго министерства. Чтобы понять эти тонкости, надобно вникнуть въ обычаи англійскаго парламента.

Билль, вносимый въ Палату Общинъ, долженъ быть прочитанъ въ ней три раза; на каждое чтеніе требуется согласіе палаты. Согласіе на первое чтеніе обозначаетъ только то, что палата хочетъ заняться предметомъ, къ которому относится билль: тутъ нѣтъ еще вопроса о согласіи палаты съ духомъ вносимаго въ нее проэкта. При согласіи на второе чтеніе рѣшается, одобряетъ ли палата основныя принципы билля. Если разрѣшено второе чтеніе, палата обращается въ комитетъ для разсмотрѣнія подробностей. Тутъ предлагаются различныя частныя поправки (amendment), относящіяся къ той или другой статьѣ. Послѣ всего этого проэктъ пересматривается коммиссіею для приведенія первоначальныхъ его опредѣленій въ соотвѣтственность съ принятыми поправками. Тогда палата, возвратившись къ обыкновенной формѣ засѣданій, выслушиваетъ поправленный билль и снова подаетъ голоса объ немъ. Все вмѣстѣ это называется вторымъ чтеніемъ билля. Чрезъ нѣсколько времени назначается третье чтеніе, при которомъ вопросъ идетъ и о принципѣ и о всѣхъ подробностяхъ билля въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ втораго чтенія. Такимъ образомъ первое чтеніе только формальность, дающая палатѣ время приготовиться къ подробному обсужденію билля при второмъ чтеніи. За то второе чтеніе бываетъ настоящимъ испытаніемъ предлагаемаго закона и въ немъ одномъ находятся три разные момента, изъ которыхъ на каждомъ билль можетъ погибнуть: палата можетъ, во-первыхъ, отказать ему въ согласіи на второе чтеніе; во-вторыхъ при комитетскомъ совѣщаніи можетъ принять такія поправки, которыми совершенно измѣняется характеръ первоначальнаго проэкта; въ третьихъ, наконецъ, при общемъ чтеніи поправленнаго билля можетъ отвергнуть его. Если онъ миновалъ всѣ эти опасности, то при третьемъ чтеніи наступаетъ для него самое рѣшительное испытаніе: къ третьему чтенію собираются всѣ депутаты; каждая партія старается явиться на побѣдѣ въ самомъ полномъ составѣ, и тутъ окончательно оказываетъ ся, на чьей сторонѣ большинство палаты, если и при второмъ чтеніи оно не оказалось на сторонѣ противниковъ билля.

Ясно, что борьба имѣетъ двѣ различныя части. При подачѣ голосовъ о первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи билля дѣло непременно идетъ на чистоту. Не то при поправкахъ; поправка можетъ со-

вершено измѣнить первоначальный смыслъ проэкта, замѣнивъ смысломъ прямо противоположнымъ; а между тѣмъ, если билль внесенъ министерствомъ и если министры болѣе дорожатъ сохраненіемъ своихъ мѣстъ, нежели проведеніемъ своихъ идей, то они могутъ, замѣтя, что большинство будетъ на сторонѣ поправки, объявить, что не придаютъ ей особенной важности и потому согласны на нее. Есть и другой способъ, еще болѣе благовидный и еще менѣе добросовѣстный. Если совершенно враждебная прежнему биллю поправка сопровождалась такими рѣзкими рѣчами и предложена отъ такихъ непримиримыхъ враговъ, что министерство не находитъ возможности притвориться, будто не замѣчаетъ ея враждебности, оно выставляетъ противъ нея другую поправку, которая отличается отъ предложенной противниками только какимъ нибудь пустымъ словомъ. Наконецъ недавно торіи открыли еще третье средство безвредно для своихъ министерскихъ мѣстъ выдерживать самыя враждебныя перемѣны въ своихъ билляхъ. При совѣщаніи о своемъ индійскомъ биллѣ торійское министерство объявило, что этотъ предметъ по своей національной важности выше несогласій между партіями; что министерство не хочетъ ничего болѣе, какъ только служить желаніямъ страны въ этомъ великомъ дѣлѣ, и какъ бы ни было оно рѣшено парламентомъ, министерство впередъ на все согласно. Этотъ методъ называется разрѣшеніемъ вопроса посредствомъ отдѣльныхъ постановленій объ отдѣльныхъ частяхъ его (by resolutions). Тутъ первоначальный билль долженъ разсматриваться по объявленію министерства не какъ проэктъ рѣшенія вопроса въ извѣстномъ духѣ, а просто какъ указаніе на подробности вопроса, безъ желанія настаивать на разрѣшеніе ихъ именно въ такомъ, а не другомъ духѣ.

Читатель видитъ, что всѣ эти способы не болѣе какъ хитрыя средства говорить «я доволенъ», въ то время, какъ дѣлаютъ противъ моего желанія. Министерство, прибѣгающее къ нимъ, навлекаетъ на себя насмѣшку и презрѣніе, но успѣваетъ продлить свое существованіе, если большинство ему противное раздѣлено на партіи, еще не успѣвшія согласиться относительно распредѣленія министерскихъ мѣстъ между своими предводителями при низверженіи существующаго министерства. Не будучи готовы составить новый кабинетъ, эти партіи большинства терпятъ существованіе прежняго министерства и показываютъ видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ его объясненію, что оно не принимаетъ во враждебномъ для себя смыслѣ рѣшеній парламента, противныхъ его собственнымъ предложеніямъ. Именно такимъ образомъ съ перваго дня своего существованія до нынѣшняго числа держится торійское министерство. Но разумѣется,

всѣ эти увертки не болѣе, какъ формальность, допускаемая оппозиціею по ея несогласію относительно состава новаго кабинета. Если же соглашеніе оппозиціонныхъ отѣнковъ будетъ устроено, тогда никакіе извороты не помогутъ министерству: оппозиція прямо принимаетъ рѣшенія, относящіяся не къ какому нибудь закону, а къ самому министерству, и предлагаетъ ему удалиться изъ кабинета. Но до этой невѣжливости дѣло рѣдко доходитъ. Министерству бываетъ извѣстно, успѣла ли оппозиція согласиться въ составѣ новаго министерства и если успѣла, то оно не будетъ прибѣгать ни къ какимъ хитростямъ, зная, что онѣ уже были бы бесполезны, и первое рѣшеніе палаты несогласное съ какимъ нибудь его предложеніемъ, хотя бы по самому пустому вопросу, откровенно истолкуетъ въ его настоящемъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ приказанія удалиться изъ кабинета. Читателю извѣстно, что тогда остаются двѣ дороги: министерство или немедленно повинуется парламенту, или испытываетъ свое счастье распущеніемъ прежняго парламента и созваніемъ новаго, голосу котораго оно уже не можетъ не повиноваться, потому что при выборахъ предполагался вопросъ: довольна ли нація существующимъ министерствомъ.

Мы излагали всѣ эти подробности парламентской тактики для того, чтобы читателю были ясны отрывочныя извѣстія, которыя будутъ приноситься ему газетами. Нынѣшній обзоръ нашъ будетъ напечатанъ вѣроятно до рѣшенія парламентской судьбы министерскаго билля о реформѣ, и мы хотѣли бы помочь читателю при соображеніи значенія будущихъ газетныхъ извѣстій по этому важному дѣлу; а теперь мы сообщимъ то, что уже сдѣлано по немъ, чего ожидаютъ въ настоящее время, т. е. около 15-го марта новаго стиля, и какъ думаютъ о вѣроятномъ исходѣ борьбы, которая начнется черезъ недѣлю (21-го числа).

Когда лордъ Россель, тотчасъ же по внесеніи билля Д'Израэли, высказался противъ него самымъ сильнымъ образомъ и когда реформеры, на собраніи бывшемъ у лорда Росселя, рѣшились поддерживать стариннаго предводителя либераловъ, было рѣшено ими сосредоточить всѣ свои усилія въ парламентѣ на поддержку предложеній Росселя, и Брайтъ объявилъ въ Палатѣ Общинъ, что отлагаетъ представленіе своего билля. Такимъ образомъ событія приняли именно тотъ оборотъ, который мы предполагали вѣроятнѣйшимъ и объясняли въ январской книжкѣ. Мы говорили тогда (Соврем. Политика, № 1, стр. 123): «Билль Брайта не можетъ приобрести голосовъ ни массы тори, ни массы виговъ: онъ будетъ слишкомъ прогрессивенъ для нихъ. Лучшее, на что онъ можетъ надѣяться—это «отдѣлать въ свою пользу по двадцати или тридцати прогрессивнѣй-

«шихъ людей изъ того и другаго лагеря, то есть ни въ какомъ случаѣ не могъ бы онъ имѣть у себя болѣе 250 голосовъ и вѣроятно будетъ имѣть гораздо меньше, можетъ быть всего съ небольшимъ 150, а для большинства нужно болѣе 300 голосовъ; слѣдовательно онъ будетъ служить, такъ сказать, только запросомъ, только средствомъ поднять цѣну согласія со стороны независимыхъ либераловъ, на поддержку билля какой нибудь другой партіи. Итакъ серьезнымъ соперникомъ билля Дерби вѣроятно останется только билль Росселя.» Мы прибавляли тогда, что реформеры, отъ присоединенія которыхъ къ Росселю или къ Дерби зависитъ большинство, вѣроятно будутъ имѣть болѣе наклонности дѣйствовать вмѣстѣ съ Росселемъ противъ Дерби. Въ продолженіи всего февраля послышались слухи противные нашему предположенію, но вотъ теперь и оно оправдано фактомъ. Послѣ этого соединенія Брайта съ Росселемъ, Дерби увидѣлъ невозможность провести свой билль, но онъ (то есть Д'Израэли) придумалъ новую хитрость, вовсе не лестную для твердости министерскихъ убѣжденій, но казавшуюся ему единственнымъ средствомъ спастись отъ пораженія: узнавъ о союзѣ Росселя съ Брайтомъ, Д'Израэли объявилъ, что при второмъ чтеніи само министерство предложитъ въ своемъ биллѣ поправки на принципахъ болѣе широкихъ. Къ этому обращенію въ либеральное исповѣданіе слѣдовало бы прибѣгнуть еще до представленія билля; теперь трогательный либерализмъ былъ шуточкою нѣсколько запоздалою и Россель объявилъ въ палатѣ, что при второмъ чтеніи билля Дерби предложитъ слѣдующее рѣшеніе: «Палата Общинъ думаетъ, что несправедливо и неблагоразумно (politic) поступать по способу предложенному настоящимъ биллемъ съ существующимъ правомъ фригольдеровъ имѣть голосъ въ графствахъ, и что палата и нація неудовлетворятся никакимъ измѣненіемъ избирательнаго права, не вводящимъ въ графствахъ и городахъ разширенія права голоса въ размѣрѣ болѣе значительномъ, нежели какой предлагается настоящею мѣрою». Принятіе этой мотціи, встрѣченной апплодисментами палаты, въ сущности должно равняться отверженію билля Дерби, потому что она противна обѣимъ важнѣйшимъ чертамъ билля, — сохраненію десяти-фунтоваго ценса въ городахъ и отнятію ценса въ графствахъ у фригольдеровъ живущихъ въ городахъ. Но министерству она оставляетъ возможность сказать, что ея принятіе, послѣ предложенныхъ самимъ министерствомъ поправокъ не принимаетъ оно за прямое отверженіе своего билля, то есть за требованіе удалиться изъ кабинета. Но кромѣ того однимъ изъ реформеровъ будетъ предложено при второмъ чтеніи и прямое отверженіе билля. Теперь считаютъ, что это послѣднее предложеніе будетъ принято большинствомъ отъ

80 до 90 голосовъ. Надобно однакоже замѣтить, что отъ министерства еще зависить парировать этотъ ударъ собственнымъ предложениемъ какихъ нибудь очень сильныхъ измѣненій въ первоначальномъ биллѣ. Очень можетъ быть, что такой маневръ останется не совершенно безуспѣшенъ. Точно также лордъ Пальмерстонъ при второмъ чтеніи билля, вѣроятно, сдѣлаетъ какой нибудь маневръ, чтобы возвратить себѣ роль предводителя оппозиціи, отнятую у него Росселемъ. Впрочемъ, кажется, что по вопросу о реформѣ это ему не удастся; но можетъ быть онъ приищеть какой нибудь другой вопросъ для достиженія своей цѣли.

Итакъ около 15-го марта новаго стиля положеніе дѣлъ было слѣдующее: министерскому биллю предстояло, или быть отвергнутымъ, или получить отъ поправокъ характеръ совершенно противный его прежнему духу; во второмъ случаѣ торійское министерство полагаетъ объявить, что оно не принимаетъ этихъ поправокъ за враждебныя ему. Въ первомъ случаѣ, по правильнымъ парламентскимъ обычаямъ, оно должно было бы, или выдти въ отставку, или распустить парламентъ. Но при нынѣшнемъ распаденіи виговъ на двѣ партіи (Росселя и Пальмерстона) и при отдѣльномъ существованіи независимой отъ нихъ партіи реформеровъ можетъ встрѣтиться невозможность къ составленію вигистскаго министерства, и въ такомъ случаѣ тори успѣютъ удержаться въ министерствѣ. Этотъ шансъ много зависить отъ Пальмерстона: повидимому Росселю трудно будетъ составить министерство безъ содѣйствія Пальмерстона. Примириться этимъ двумъ соперникамъ, прежнимъ друзьямъ, получившимъ другъ отъ друга страшные удары, очень трудно; но судя по газетнымъ слухамъ надобно полагать, что переговоры о примиреніи ведутся. Основаніемъ ихъ служить по видимому то, что партія Пальмерстона требуетъ у своего предводителя, чтобы онъ принесъ свое личное неудовольствіе на Росселя въ жертву общей выгодѣ виговъ. На дняхъ мы увидимъ, исполнятся ли ожиданія газетъ, предсказывающихъ примиреніе; а пока скажемъ только, что около 15-го марта, то есть за недѣлю до рѣшенія дѣлъ, предполагали, что Россель, опираясь на реформеровъ, чувствуетъ себя довольно сильнымъ составить министерство и безъ содѣйствія Пальмерстона. Разумѣется, всѣ отношенія могли совершенно измѣниться въ слѣдующіе дни, оставшіеся до 21-го числа.

Между тѣмъ какъ восточный островъ Ирландско-Великобританскаго королевства занятъ былъ этими преніями о реформѣ и различными ея шансами, въ одномъ изъ портовыхъ городовъ западнаго острова случилось дѣло, возбуждавшее общее вниманіе даже среди всѣхъ заботъ о реформѣ и слуховъ о войнѣ. Въ гавань Квинстона

прибыль 6-го марта американскій корабль съ неожиданными гостями, и газета *Cork Examiner* рассказала о немъ слѣдующія интересныя вещи.

«Сильное впечатлѣніе было произведено въ Квинстонѣ прибытіемъ американскаго корабля *«David Steward»*, на которомъ были знаменитый Поэріо и его спутники, недавно выпущенные изъ неаполитанскихъ темницъ. Помилованіе ихъ сопровождалось изгнаніемъ, и перевезенные въ Испанію, они должны были быть отправлены въ Америку. Неаполитанскій корабль привезъ ихъ въ Кадиксъ, оттуда *«David Steward»* нанятъ былъ перевезти ихъ въ Нью-Йоркъ. Всѣхъ изгнанниковъ 69 человекъ, въ тотъ числѣ жена и двое дѣтей изгнанника Маццео. 19 февраля они были посажены на этотъ корабль. Для 44 человекъ нашлись первоклассныя каюты; остальные были помѣщены во вторыхъ мѣстахъ. По отплытіи изъ Кадикса, *«David Steward»* плылъ около 200 миль подъ надзоромъ «Стромболи», неаполитанскаго военнаго парохода. Потомъ пароходъ удалился, оставивъ корабль при попутномъ вѣтрѣ по дорогѣ въ Америку. Но едва корабль очутился въ безопасности отъ пушекъ парохода, всѣ изгнанники явились къ капитану, протестовали противъ своего отправленія въ Америку и требовали, чтобы ихъ отвезли въ какую нибудь англійскую гавань. Капитанъ, оставившій третью часть платы за перевозъ обезпеченіемъ въ исполненіи контракта, отвѣчалъ, что не можетъ нарушить его. Они по видимому убѣдились его доводами и успокоились на тотъ день; но поутру возобновили свое требованіе болѣе рѣшительнымъ тономъ. Тутъ произошелъ случай романтическаго характера: въ Кадиксѣ нанялся служить на корабль молодой итальянецъ Раффаэлли Сеттембрини. До сихъ поръ онъ исполнялъ работу наравнѣ съ другими матросами; но когда пассажиры пришли во второй разъ капитану, онъ явился въ костюмѣ помощника штурмана галюзескихъ пароходовъ: въ изящной синей блузѣ съ золотыми пуговицами и золотымъ окольшемъ на шляпѣ. Дѣйствительно, онъ служилъ помощникомъ штурмана въ галюзеской паролходной компаніи. Оказалось, что онъ сынъ одного изъ важнѣйшихъ изгнанниковъ, Лунджи Сеттембрини. Услышавъ о томъ, на какихъ условіяхъ выпущенъ изъ темницы его отецъ, онъ отправился въ Испанію и, чтобы находиться вмѣстѣ съ отцомъ, придумалъ хитрость, о которой мы рассказали. Капитанъ корабля думаетъ, что цѣль у него была важнѣе, нежели простое желаніе увидѣть отца. Капитанъ думаетъ, что онъ былъ отправленъ лондонскимъ итальянскимъ обществомъ, чтобы помочь изгнанникамъ сдѣлать то, что они сдѣлали. Какъ бы то ни было, но его присутствіе придавало новую настойчивость требованію пассажировъ. Они сказали, что у нихъ теперь есть морякъ и что если бы имъ пришлось отнять управленіе кораблемъ у капитана и экипажа, то они могутъ плыть безъ ихъ помощи. Они представили капитану, что находятся въ морѣ уже цѣлыхъ два мѣсяца, что многіе изъ нихъ старики, что здоровье всѣхъ ихъ болѣе или менѣе

ослаблено десятилѣтнимъ заключеніемъ и потому долгое плаваніе было бы пыткой для всѣхъ ихъ и можетъ быть смертью для нѣкоторыхъ. Они утверждали также, что, будучи подъ американскимъ флагомъ, они свободные люди и что онъ не имѣетъ права везти ихъ туда, куда они не хотятъ. Эти аргументы подкрѣплялись превосходствомъ по физической силѣ, — изгнанниковъ было 66 человекъ мужчинъ, а экипажъ состоялъ только изъ 17, потому капитанъ уступилъ и направилъ корабль на сѣверъ. Пассажиры обращались съ нимъ ласково, но поставили надъ нимъ надзоръ, чтобы онъ не свернулъ корабля съ направленія къ гавани, въ которую они хотѣли плыть. Они направлялись въ Коркъ, но нѣсколько ошиблись въ направленіи и черезъ 14 дней прибыли въ Квинстонъ. Тотчасъ же они сошли на берегъ съ выраженіями живѣйшаго восторга отъ мысли, что теперь свобода ихъ ненарушима. Нѣкоторые изъ нихъ цаловали землю, на которой стали свободными людьми.

«Прибытіе пассажировъ въ Квинстонъ—дѣло обыкновенное, не возбуждающее никакого вниманія. Но вѣсть о прибытіи этихъ пассажировъ разнеслась чрезвычайно быстро, и они стали предметомъ заботливѣйшаго вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что отъ долговременнаго заключенія зрѣніе у нихъ ослабло. Въ продолженіи путешествія, Поэріо, здоровье котораго очень разстроено, каждый день вставалъ съ постели, чтобы просидѣть нѣсколько часовъ на палубѣ. Ему 55 лѣтъ, но на видъ онъ кажется старше. Онъ не высокаго роста и плотнаго сложенія».

Изгнанники были встрѣчены въ Ирландіи и въ Англіи съ энтузіазмомъ. «Наши американскіе братья, приготовлявшіе почести для Поэріо и его спутниковъ, будутъ завидовать намъ, что пріемъ этихъ гостей достался на нашу долю», восклицаютъ англійскія газеты. Составился комитетъ для открытія національной подписки въ честь новоприбывшихъ. Первые государственные люди всѣхъ партій поставили за славу себѣ руководить этимъ дѣломъ. Президентомъ комитета выбранъ лордъ Шефтсбери; лордъ Пальмерстонъ, лордъ Россель, Мильнеръ — Джибсонъ, Глэдстонъ, лордъ Гренвилль, лордъ Лендсдонъ, лордъ Дергемъ, лордъ епископъ лондонскій, лордъ Линдсертъ, находятся въ числѣ членовъ комитета.

Поэріо и его товарищи были брошены въ темницы вслѣдствіе событія 1848 года; но ни Поэріо, ни Сеттембрини, ни большая часть другихъ изгнанниковъ, прибывшихъ теперь въ Англію, ни мало не участвовали въ революціонныхъ движеніяхъ, вынудившихъ у Фердинанда II согласіе на конституцію. Они только пользовались популярностью, и потому самъ король почелъ нужнымъ обратиться къ нимъ, когда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ исчезло довѣріе къ нему и онъ почелъ себя находящимся въ опасности. Онъ самъ просилъ Поэріо и другихъ принять управленіе дѣлами, чтобы

спасти ему жизнь и престолъ. Вскорѣ потомъ обстоятельства измѣнились. Фердинандъ II почелъ возможнымъ обойтись безъ ихъ помощи и уничтожить конституцію. Если бы Поэріо и его товарищи могли полагать, что чѣмъ нибудь заслужили его гнѣвъ, они имѣли довольно времени уѣхать изъ Неаполя. Но они полагали, что Фердинандъ II, хотя и нашелъ полезнымъ возвратиться къ прежнему принципу управленія, смотритъ на нихъ, своихъ бывшихъ министровъ, какъ на людей, которымъ долженъ быть признателенъ за помощь въ трудныя для него времена. Такая мысль была заблужденіемъ излишней самонадѣянности. Фердинандъ II думалъ о нихъ совершенно иначе, и нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ поступилъ совершенно основательно, рѣшившись наказать ихъ за либеральныя мнѣнія. Правда, они не сдѣлали ничего преступнаго; но самый образъ ихъ понятій былъ преступенъ по неаполитанскимъ законамъ, возстановленнымъ по усмиреніи революціи. Правда, они не были революціонерами; но революціонеры довѣряли имъ, когда они были призваны къ управленію дѣлами. Безнаказанность такихъ людей конечно была бы противна прочности возстановленной системы, или по крайней мѣрѣ свидѣтельствовала бы, что эта система должна щадить своихъ противниковъ, слѣдовательно сама не увѣрена въ своихъ силахъ. Если бы эти страницы попались на глаза французскимъ, англійскимъ, сардинскимъ или нѣмецкимъ либераламъ, мы подверглись бы отъ нихъ безпощадному порицанію; но чтоже дѣлать, надобно говорить то, что думаешь. Намъ кажется, что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Поэріо и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о незаконности наказаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма и генераль-прокуроръ, бывший обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричатъ, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невиновности подсудимаго составляется на основаніи впечатлѣнія, производимаго всею его жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелочныхъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридиче-

скаго доказательства, но которые всѣ вмѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невинности? Притомъ, намъ кажется, что требовать уликъ противъ Поэріо, значило быть слишкомъ шепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно, что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно онъ имѣлъ образъ мыслей враждебный господствующему порядку; слѣдовательно онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно правительство было бы виновно передъ самимъ собою и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такую безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей. Поэріо и его товарищи могутъ быть, какъ частные люди, достойны всякаго уваженія по благородству характера, по талантамъ и т. д.; но какъ враги правительства они основательно могли быть подвергнуты смертной казни. Но правительство смягчило это наказаніе, замѣнивъ его заключеніемъ въ крѣпость. До сихъ поръ мы не видимъ въ этомъ дѣлѣ ничего противнаго основаніямъ существующаго въ Неаполѣ порядка; но дальнѣйшія дѣйствія неаполитанскаго правительства кажутся намъ уже несовершенно благоразумными. Помѣщеніе въ темницахъ, отведенное для осужденныхъ преступниковъ, было чрезвычайно дурно: тѣсно, мрачно, сыро, грязно. Они были содержимы въ цѣпяхъ, содержаніе имъ отпускалось чрезвычайно дурное. Вообще обходились съ ними также сурово, какъ съ какими нибудь убійцами пойманными на воровствѣ. Говоря по строгой правдѣ, и въ этомъ не было ничего собственно несправедливаго: по всей вѣроятности многіе другіе заключенные въ неаполитанскихъ темницахъ содержались точно также, хотя правительство и не имѣло къ нимъ личной неприязни. Но въ нашъ вѣкъ либеральные предразсудки очень сильны въ Западной Европѣ; притомъ и челоуѣколюбіе внушаетъ, что строгость напрасна тамъ, гдѣ не нужна. Намъ кажется, что Поэріо и его товарищи были бы достаточно наказаны за свой преступный образъ мыслей тюремнымъ заключеніемъ и безъ прибавленія цѣпей, грубаго обращенія и разныхъ лишеній. Впрочемъ мы не судимъ въ этомъ дѣлѣ; судя въ немъ неаполитанское правительство, которое насъ знало потребности своего положенія и вѣроятно не употребляло бы этихъ сильныхъ строгостей, если бы не были онѣ дѣйствительно нужны. Очень можетъ быть что оно было совершенно право, когда утверждало, что нѣкоторая суровость необходима для обузданія злоумышленниковъ примѣромъ ихъ предводителей и соучастниковъ, и что эта строгость, быть можетъ и дѣйствительно тяжело лежащая на нѣкоторыхъ лицъ, спа-

сительно дѣйствуетъ на множество людей, предостерегая ихъ отъ опрометчивыхъ поступковъ,—но не даромъ существуетъ пословица: «чужую бѣду по пальцамъ разведу». Глэдстонъ, не замѣчавшій у себя на родинѣ надобности въ подобныхъ мѣрахъ, не захотѣлъ, когда былъ въ Неаполѣ, понять грустной необходимости, возлагаемой на неаполитанское правительство обязанности поддерживать порядокъ при множествѣ недовольныхъ. Онъ имѣлъ случай въ подробности изслѣдовать положеніе людей заключенныхъ въ неаполитанскія тюрьмы по политическимъ причинамъ и съ чрезвычайною силою изобразилъ его Европѣ. Эти извѣстія ужаснули западно-европейскихъ либераловъ, и общественное мнѣніе заговорило такъ сильно, что Франція и Англія должны были наконецъ разорвать дипломатическія сношенія съ неаполитанскимъ правительствомъ, когда оно не согласилось исполнить ихъ требованіе объ освобожденіи этихъ несчастныхъ людей, впрочемъ справедливо наказанныхъ за свои заблужденія, которыя не могъ не замѣтить даже Монтанелли, хотя и раздѣляетъ ихъ образъ мыслей. Самъ Монтанелли, напримѣръ, рассказываетъ, что когда Фердинандъ II, провозгласивъ конституцію, назначилъ министромъ Боццелли, одного изъ предводителей демократической партіи, этотъ демократъ упалъ къ ногамъ короля и вскричалъ: «Государы! если бы я зналъ васъ раньше, я не составлялъ бы заговоровъ», — а вотъ въ этомъ-то и состояла непростительная ошибка, за которую дѣйствительно былъ онъ достоинъ наказанія, постигнувшаго его въ послѣдствіи.

Но здоровье короля въ послѣднее время ослабѣло. Сколько извѣстно, болѣзнь его ревматизмъ, въ соединеніи съ золотушными страданіями. Эта болѣзнь имѣетъ въ Неаполѣ какой-то особенный характеръ: она бросается на одну изъ ногъ, дѣлаетъ человѣка хромымъ, потомъ поднимается въ желудокъ и тогда становится смертельною. Король чувствовалъ себя правымъ, но все-таки размышленія, внушаемая тяжелой болѣзнью, склонили его оказать милость заключеннымъ. Конечно, онъ основательно думалъ, что было бы опасно оставить ихъ въ Неаполѣ, но мы видѣли какъ разстроилось намѣреніе удалить ихъ въ Америку.

Мы высказали нашъ взглядъ на это дѣло, но безпристрастіе обязываетъ насъ и въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, привести мнѣніе противной партіи, понимающей дѣло иначе, и мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ статьи Times'a, предоставляя себѣ право показать неосновательность обвиненій, взводимыхъ ею на неаполитанское правительство.

«Мы должны нынѣ объявить, что Поэріо, Сеттембрини (говоритъ Times, 9 марта) и остальные неаполитанскіе каторжники, которыхъ

везли въ Сѣверную Америку по приказанію умирающаго, но не раскаявающагося Фердинанда, презрѣли его милостью и съ чрезвычайнымъ ослѣпленіемъ и неблагодарностью не захотѣли принять прощенье на условіяхъ, имъ предложенныхъ. Десять лѣтъ онъ считалъ нужнымъ держать ихъ въ цѣняхъ, въ гнуснѣйшихъ тюрьмахъ, въ подземельныхъ подвалахъ, подвергая ихъ ужасамъ медленной смерти; но смерть, призываемая ими, не приходила. Они были наказаны по приговору суда, веденнаго такимъ образомъ, что изумлялась Европа, — такъ нагло было клятвопреступленіе, такъ возмутительны дѣйствія судей, такъ тверда ихъ рѣшимость произнести осужденіе. Показанія шпіоновъ, представленіе подложнаго письма, отвергнутаго впоследствии даже неаполитанскимъ генеральнымъ прокуроромъ, — таковы документы по ихъ дѣлу. Въ Англіи знаютъ, что Поэріо жестоко страдалъ, но почти всѣ знаютъ о немъ только по письмамъ Гладстона о состояніи неаполитанскихъ тюремъ, и англійскій народъ еще не знаетъ, какая черная измѣна погубила этихъ несчастныхъ джентльменовъ, не знаетъ, какъ велики права ихъ на нашу симпатію. Они не заговорщики; они не имѣли никакого отношенія къ итальянскимъ заговорамъ. Но когда Европа была раздираема волненіями, въ возбужденіи которыхъ они не участвовали, то по просьбѣ своего короля они помогли ему установить конституціонное правленіе въ Неаполѣ. Торжественнѣйшимъ образомъ Фердинандъ призывалъ на себя погибель, если измѣнитъ данному слову. Но послѣ 15 мая (*) онъ бросилъ на вѣтеръ всѣ обѣщанія. Несчастные джентльмены, которыхъ мы теперь съ гордостью называемъ нашими гостями, были виновны развѣ въ томъ, что повѣрили слову Фердинанда. За это преступленіе, котораго никто не захочетъ повторить, они были осуждены на десять лѣтъ страданій, какимъ подвергались очень немногіе люди, и пережили ихъ, чтобы рассказать свѣту. Чѣмъ больше мы будемъ изслѣдовать ихъ исторію, тѣмъ больше мы убѣдимся, что эти люди терпѣли невообразимое мученіе десять лѣтъ единственно за то, что имѣли безразсудство повѣрить Фердинанду и приняли участіе въ системѣ правленія, которую онъ клялся сохранить. Даже дыханіе клеветы никогда не касалось ихъ чистаго имени. Событія 1848 года произошли безъ всякаго возбужденія отъ нихъ. Фердинандъ, чтобы спасти свой престолъ и свою жизнь, бросился писать конституцію. Онъ лично и убѣдительно просилъ главныхъ между этими изгнанниками быть министрами его новаго правленія. Они исполнили просьбу. Черезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ возможность пренебречь своими обѣщаніями и обязательствами. Онъ обратилъ пушки на своихъ подданныхъ, и на-досугъ было составлено пошлое, ни на чемъ неоснованное обвиненіе въ заговорѣ противъ государственныхъ людей, оказавшихъ ему пособіе для сохраненія ему престола въ часъ

(*) Когда неаполитанское національное собраніе было разогнано вооруженною силою, городъ Неаполь бомбардированъ и либеральное движеніе подавлено послѣ упорной битвы.

его тяжелой бѣды. Жертвы его тираніи и вѣроломства теперь между нами. Чувство, гораздо сильнѣйшее всѣхъ политическихъ расчетовъ, призываетъ насъ почитать такихъ людей.»

Статья написана, какъ видимъ, очень сильно и даже краснорѣчиво; но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что ни честность Поэріо, Сеттембрини и другихъ, ни краснорѣчіе англійскаго журналиста не могутъ вознаградить за недостатокъ яснаго взгляда на сущность дѣла, — недостатокъ одинаково замѣтный и въ бѣдныхъ страдальцахъ и въ ихъ защитникѣ. Они, кажется, не понимаютъ теоріи неотъемлемыхъ правъ. Мы говоримъ, напримѣръ, что негръ — невольникъ, ступившій на англійскую или русскую землю, дѣлается свободнымъ человѣкомъ, хотя бы владѣлецъ имѣлъ на него самые неоспоримые документы и хотя бы даже онъ самъ добровольно проданъ въ рабство этому господину. Такъ постановляютъ англійскіе и русскіе законы, потому что выше всѣхъ документовъ и обязательствъ и обѣщаній ставятъ въ этомъ случаѣ неотъемлемое право человѣческой личности, объявляя недѣйствительными всякіе договоры и факты, противные этому праву. Англичанину извинительно, но неаполитанцу непростительно не знать, что также безусловна теорія неотъемлемыхъ правъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. Обѣщанія и дѣйствія, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такія уступки по самому принципу теоріи недѣйствительны и, если такъ можно выразиться, противозаконны, и по смыслу теоріи должны быть уничтожаемы. Когда Фердинандъ возстановилъ свою прежнюю власть, ему не о чемъ было жалѣть, не въ чемъ разскаиваться, кромѣ развѣ того, какъ жалѣть о грустномъ степеніи обстоятельствъ вынудившихъ уступки, и раскаяваться въ минутномъ отступленіи отъ ненарушимой теоріи. Потому выраженіе «нераскаяющійся» въ отношеніи къ нему совершенно неумѣстно. Онъ по совѣсти можетъ сказать, что правъ передъ Поэріо и его товарищами. Также неумѣстна дерзкая пронія надъ условіями, съ которыми было соединено освобожденіе этихъ преступниковъ: развѣ правитель не имѣетъ обязанности заботиться о спокойствіи своего государства? Развѣ онъ не обязанъ принимать мѣры нужныхъ для того? Фердинандъ находилъ, что для внутренняго спокойствія Неаполя было бы вредно дозволить жить тамъ Поэріо и его товарищамъ. Онъ былъ правъ передъ собою, освобождая ихъ на такомъ условіи, чтобы они удалились въ страну, гдѣ были бы безвредны для Неаполя. Онъ руководился милостью, но и самая милость должна быть благоразумна. Десяти-лѣтнія страданія преступниковъ были ужасны, — но что же дѣлать? Припомъ, чѣмъ возмущается краснорѣчивый защитникъ преступниковъ? Тѣмъ об-

стоятельствомъ, что тюрьмы не были устроены съ комфортомъ. Но неужели онъ не понимаетъ, что комфортъ въ тюрьмѣ совершенно неумѣстенъ, да еслибъ и былъ уместенъ, то почти ничѣмъ не облегчилъ бы страданія преступниковъ? Тяжесть тюремнаго заключенія состоитъ именно въ томъ, что заключенный лишенъ свободы и никакой комфортъ не можетъ чувствительнымъ образомъ уменьшить этой тяжести, никакое отсутствіе комфорта не можетъ значительно увеличить ее. Вниманіе къ тому, хороша или дурна была тюрьма, въ которой сидѣлъ Поэріо, кажется намъ такою же ничтожною щепетильностью, какъ вниманіе къ тому, соблюдено ли титулованіе по рангу на адресѣ получаемого къ намъ нибудь письма. Вопросъ въ томъ, заслуживали ли заключенія наказанные имъ люди, т. е. были ли они тяжкими преступниками? Да, потому что не исполнили лежавшей на нихъ по неаполитанскимъ законамъ обязанности защищать форму правленія, существовавшую до революціи. Съ этой точки зрѣнія, мы должны сказать, что вся статья Times'a кажется намъ слѣдствіемъ неяснаго пониманія неаполитанскихъ учреждений, точно также, какъ образъ дѣйствій, за который пострадали Поэріо и его товарищи, мы считаемъ ошибочнымъ, и полагая, что онъ былъ очень вреденъ для Неаполя, должны сказать, что они сами были виноваты въ своихъ несчастіяхъ, совершенно заслуженныхъ. Мы грустимъ о тяжести этихъ страданій, мы высоко уважаемъ личныя достоинства и благородство характера несчастныхъ страдальцевъ, — но, повторяемъ, они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты «Times» и отвѣтъ газеты.

1. Редактору газеты *Times*.

Милостивый государь! Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзалъ изъ столбцевъ вашей газеты и нашелъ полезнымъ послать къ императору Французовъ, о которомъ англійская пресса говоритъ, что онъ непремѣнно хочетъ войны, три письма, въ которыхъ я защищалъ его и которыя были напечатаны вами.

Посылаю вамъ копію записки, при которой они были отправлены и провѣренный переводъ письма, полученнаго мною въ отвѣтъ. Спокойныя и великодушныя чувства его относительно Англій, я увѣренъ, будутъ оцѣнены и одобрены вашими безчисленными читателями всѣхъ сословій и мѣстъ во всѣхъ странахъ свѣта. Для нихъ всѣхъ должно быть очевидно, что если бы англійская пресса, согласно съ желаніемъ британской націи, только приняла, а не отталкивала руку дружбы, постоянно протягиваемую Англій съ самаго его избранія французскимъ народомъ, императоромъ Наполеономъ III, нынѣ повелѣвающимъ полу-милліономъ солдатъ, то соединенныя силы, энергія и богатство двухъ державъ могли бы обезпечить Европѣ неоцѣненныя блага «мира, превышающаго всякій разумъ».

Остаюсь, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ф. Б. Гедъ.

Господину Моккару, личному секретарю императора, въ Парижѣ.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ имѣетъ честь просить мистера Моккара вручить прилагаемыя бумаги его величеству императору Наполеону III.

«Дворецъ Тюильри, 4-го марта. Любезный мой сэръ Фрэнсисъ, благодарю васъ за то, что вы собрали и прислали мнѣ различныя статьи, помѣщенныя вами въ англійскихъ газетахъ, ибо такимъ образомъ вы дали мнѣ случай изъяснить вамъ всю мою признательность за чувства, которыя вы не побоялись добровольно выразить въ мою пользу. Я увидѣлъ въ этомъ — и это меня очень тронуло — новое доказательство, что старые друзья мои въ Англіи меня не забыли и знаютъ, что я всегда сохранялъ къ англійскому народу то уваженіе и сочувствіе, какія питалъ къ нему во время изгнанія моего посреди васъ. Даже теперь, когда я пишу къ вамъ, я вспоминаю, какъ о чемъ-то счастливомъ, о томъ времени, когда, будучи изгнанникомъ, я видѣлся съ вами въ Англіи. Вѣдь человекъ вмѣстѣ съ перемѣной судьбы мѣняется и радостью, и горе свое. Въ бывшее время меня поглощала только скорбь изгнанія; теперь передо мною заботы управленія, и одна изъ величайшихъ состоитъ, конечно, въ томъ, что меня дурно понимаютъ и не вѣрно судятъ обо мнѣ именно тѣ, которыми я всего болѣе дорожу и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи. Такъ, я нахожу весьма естественнымъ, что партіи, которымъ я былъ обязанъ противодѣйствовать, выказываютъ ко мнѣ недоброжелательство и изыскиваютъ всѣ средства вредить мнѣ; но не могу понять, почему англичане, которыхъ я всегда былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ союзникомъ, безпрестанно нападаютъ на меня въ своихъ газетахъ самымъ недостойнымъ и несправедливымъ образомъ, ибо, говоря по совѣсти, для меня непостижимо, какой они могутъ имѣть интересъ въ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ Франціи. Еслибъ я у себя вздумалъ дѣйствовать такимъ образомъ, то впослѣдствіи былъ бы поставленъ въ невозможность подавить страсти, мною возбужденныя. Я всегда питалъ большое уваженіе къ свободѣ англійскаго народа; но глубоко сожалею о томъ, что свобода, какъ и все хорошее, имѣетъ свои крайности. Зачѣмъ она, вмѣсто разъясненія истины, дѣлаетъ все, что только можно, для ея затемненія? Зачѣмъ, вмѣсто поощренія и развитія благородныхъ чувствъ, распространяетъ она недовѣрчивость и вражду? Итакъ, посреди всѣхъ этихъ живыхъ происковъ, я счастливъ тѣмъ, что нашелъ защитника, который, руководствуясь одной любовью къ истинѣ, рѣшился возвысить противъ нихъ свой добросовѣстный и безкорыстный голосъ. Примите, любезный мой сэръ Фрэнсисъ, увѣреніе въ дружественныхъ моихъ чувствахъ.

«Наполеонъ.»

ОТВѢТЪ ГАЗЕТЫ *Times*.

Сэръ Фрэнсисъ Гедъ былъ почтенъ отъ императора французовъ благодарственнымъ письмомъ за свое усердіе къ императорскому дѣлу. Это письмо онъ посылаетъ намъ, а мы представляемъ его читателямъ. Черезъ него сэръ Фрэнсисъ Гедъ болѣе прежняго убѣдился, что Наполеонъ III есть достойнѣйшій и искреннѣйшій властелинъ, желающій только одного того, чтобы жить въ мирѣ со всѣми націями и особенно съ Англіею. Сэръ Фрэнсисъ Гедъ считаетъ это письмо побѣдоноснымъ оправданіемъ своихъ собственныхъ мыслей и увѣренъ, что мы не будемъ долѣе представлять собою помѣху тому прочному союзу предмета его обожанія съ англійскимъ народомъ, который такъ сильно будетъ содѣйствовать счастью человечества. Мы жалѣемъ, что неспособны раздѣлять увѣренность, внушаемую нашему корреспонденту письмомъ императора. Если бы судьба мира зависѣла только отъ прекрасныхъ словъ, она скоро была бы рѣшена. Къ счастью люди смотрятъ не на одни слова, а также и на дѣла, и общія мѣста о мирѣ и союзѣ будутъ производить мало впечатлѣнія, пока арміи остаются собранными для нападенія на сосѣда и увеличивается число военныхъ кораблей въ видахъ имѣть послѣ того войну съ другимъ сосѣдомъ.

Разбирая письмо Наполеона III, мы не имѣемъ намѣренія припоминать событія хорошо извѣстныхъ каждому. Карьера повелителя французовъ — предметъ исторіи, и Европа знаетъ путь, которымъ онъ вошелъ на престолъ. Даже сэръ Фрэнсисъ Гедъ, хотя его душа очевидно распростерта въ поклоненіи монарху, личнымъ знакомствомъ котораго онъ почтенъ, требуетъ съ нашей стороны хорошаго обращенія съ нимъ только на томъ основаніи, что императоръ простираетъ къ намъ руку дружбы и что онъ повелѣваетъ полумилліономъ солдатъ. Мы согласны разсматривать вопросъ исключительно на этихъ основаніяхъ. Французскій императоръ могущественнѣйшій властелинъ и увѣряетъ Англію въ своей дружбѣ. Обязываютъ ли насъ эти причины забывать о томъ фактѣ, что, получивъ полное распоряженіе надъ своимъ отечествомъ, онъ поступалъ съ слабѣйшими государствами высокомерно и оскорбительно, и что нынѣ онъ грозитъ Европѣ такимъ дѣломъ, которое можетъ стать общеою европейскою войною? Жалобы императора, высказанныя въ его письмѣ, конечно были бы достойны уваженія, если бы имѣли хотя какое нибудь основаніе. Онъ говоритъ, что перемѣна судьбы только измѣнила его радости и печали. «Прежде мнѣ являлись только скорби изгнанія, теперь ясно вижу я прискорбія власти, и одно изъ величайшихъ моихъ прискорбій то, что я вижу себя предметомъ ложныхъ мнѣній и сужденій со стороны тѣхъ, кого я наиболѣе уважаю и съ которыми желаю жить въ добромъ согласіи». Намъ кажется, что послѣ событія послѣдняго года, послѣ адресовъ французскихъ полковниковъ, послѣ открытія Шербургскаго порта и статуи Наполеону I, послѣ п-эр

слѣдованія Монталамбера за похвалу англійскимъ учрежденіямъ и послѣ отказа принять британское посредничество въ пользу древнѣйшей нашей союзницы Португаліи по дѣлу корабля *Charles et Georges*,—это обращеніе къ англійской чувствительности нѣсколько не своевременно. Мы утѣшаемся мыслью, что каковы бы ни были печали нашего союзника, отчужденіе англичанъ отъ него не можетъ занимать важнаго мѣста между ними. Послѣ опытовъ, представленныхъ послѣдними мѣсяцами, тщеславіемъ было бы съ нашей стороны предположеніе, что миѣніе англичанъ имѣло бы особенную цѣну для императора французовъ, если бы не казалось оно нужнымъ для руководства миѣніями французскаго народа. Императоръ удивленъ, что англійская пресса говоритъ противъ него, «потому что по совѣсти, говоритъ онъ, я не вижу для нея никакой выгоды въ возбужденіи общественнаго миѣнія противъ Франціи. Если бы въ своей странѣ я вздумалъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, миѣ потомъ невозможно было бы удержать страсти, которыя возбудилъ бы я». Надобно замѣтить, что это старинный аргументъ самаго сэра Фрэнсиса Геда. Во-первыхъ предполагается, что каждое слово о настоящемъ правительствѣ возбуждаетъ общественное миѣніе противъ Франціи. Во-вторыхъ дается намъ предостереженіе, что императоръ, когда бы ему ни вздумалось, можетъ поднять противъ насъ французскій народъ. Но великій и единственный вопросъ для Англіи и для другихъ странъ состоитъ въ томъ, можетъ ли даже самая терпѣливая и неизмѣнная учтивость отвратить нападеніе, которымъ грозитъ имъ французское правительство. Еслибы несомнѣнно было, что миръ Европы можетъ быть купленъ молчаніемъ, мы все-таки еще подумали бы, стоитъ ли покупать его такую цѣною; но когда оказывается, что подобная робость только можетъ поощрять къ нападенію, то и это жалкое искушеніе исчезаетъ. Сколько можно судить, бывшія и нынѣшнія наши несогласія съ Франціею были произведены не смѣлостью газетъ или какихъ нибудь парламентскихъ ораторовъ, а угодливостью нашихъ государственныхъ людей. Европѣ кажется, что натянуто — похвальные выраженія, въ которыхъ всегда говорятъ объ императорѣ наши бывшіе и настоящіе министры, обозначаютъ страхъ предъ его могуществомъ и сознаніе нашей слабости. Мы не ставимъ этого языка въ вину англійскимъ политическимъ людямъ; фразеологія въ парламентѣ совершенно искусственная, и мы знаемъ, что когда министръ говоритъ «нашъ августѣйшій союзникъ» или «этотъ проникательный государь», то эти выраженія совершенно равносильны тому, какъ онъ своего политическаго противника называетъ своимъ «достопочтеннымъ другомъ». Но континентъ не понимаетъ этихъ тонкостей; и если онъ теперь расположенъ твердо воспротивиться притязаніямъ французской имперіи, то его надежды на англійскую помощь внушаются тономъ народа, а не тономъ нашихъ официальныхъ правителей.

Но что намъ разсуждать о вѣроятностяхъ, когда можно указать на фактъ. Австрія имѣетъ всѣ качества, какія желалъ бы придать каждой державѣ Наполеонъ III, и ея газеты были постоянно идеаломъ, въ

родѣ того, какой представляет намъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ. Императоръ «глубоко жальетъ, что свобода, подобно всему хорошему, можетъ имѣть свои излишества». Онъ спрашиваетъ, «зачѣмъ, вмѣсто обнародованія истины, она употребляетъ всѣ усилія на ея помраченіе? зачѣмъ она, вмѣсто того, чтобы развивать и ободрять благородныя чувства, распространяетъ недовѣріе и ненависть»? Чтожь, если свобода въ Англіи дѣлала такой грѣхъ, она была невинна въ Австріи. Когда англійскія газеты, въ противность императорскимъ парижскимъ газетамъ, «употребляли всѣ усилія на помраченіе истины,» австрійскія газеты неуклонно удерживались цензурою въ границахъ учтивости. Во все продолженіе царствованія императора Наполеона, австрійскій императоръ обращался съ нимъ учтиво и уважительно; по его внушенію Францъ-Іосифъ сталъ врагомъ царя Николая, такого государя, котораго онъ привыкъ считать благодѣтелемъ и почти отцемъ. Обмѣнивались учтивости между вѣнскимъ и парижскимъ дворами; давались ордена; было устроено дружеское свиданіе въ Штутгартѣ и не было никакихъ причинъ предусматривать какой нибудь раздоръ. Кромѣ нѣкоторыхъ мало-важныхъ различій во мнѣніи объ устройствѣ турецкихъ провинцій, не возникало потомъ никакихъ случаевъ несогласія. Характеромъ внутренняго французскаго управленія австрійцы никогда не огорчались. Вѣнскіе государственные люди чуть ли не первые привѣтствовали возстановленіе такъ называемаго «порядка», и съ той поры до настоящаго времени они зорко наблюдали за своими газетами, строго запрещаая даже тѣ робкія размышленія, которыя дозволялись сѣверонѣмецкимъ газетамъ. Каковъ же былъ результатъ? Принесло ли все это какую нибудь пользу Австріи? Были ли, хоть на одинъ часъ, ради всего этого, отсрочены приготовленія французскаго императора, или поколебался ли онъ, хоть на минуту, въ своей рѣшимости найти причину въ ссорѣ? Въ войнѣ съ Австріею, въ союзѣ съ Сардиніею, въ предложеніи независимости итальянскому народу, онъ увидѣлъ путь къ увеличенію личнаго и семейнаго могущества и почти два года неотступно готовялъ свои планы. Кто помнить, какъ сначала разнеслись тихіе слухи по Италіи, какъ они смѣнились маленькими замѣчаніями австрійскому посланнику въ Парижѣ и какъ вдругъ, когда все было готово, былъ поднятъ занавѣсъ перваго января,—кто помнить это, можетъ судить, насколько могутъ измѣнять намѣреніе императора Наполеона самыя усердныя заботы о его смягченіи.

Потому, не смотря на письмо, вызванное сэромъ Фрэнсисомъ Гедомъ, англичане будутъ продолжать судить о европейскихъ дѣлахъ. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія обижать императора, или его династію, или народъ его избравшій. Очень можетъ быть, что онъ съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ воспоминаетъ о странѣ, гдѣ провелъ много лѣтъ и пріобрѣлъ знакомства, поддерживаемыя до сихъ поръ. Быть можетъ, что онъ не желаетъ зла Англіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не требуютъ того его расчеты. Но образъ его дѣйствій, принципы его правленія и, наконецъ, насильственность его иностранной политики и

его безмѣрные вооруженія породили недовѣріе, которому мы только служили органомъ. Наполеону III еще остается исполнить два собственныхъ свои изрѣченія, которые теперь свѣтъ начинаетъ повторять только въ ироническомъ смыслѣ. Онъ сказалъ намъ, что «имперія—это миръ» и что «свобода должна увѣнчать зданіе имперіи». Пусть онъ покажетъ свою вѣрность этимъ принципамъ и ему не нуженъ будетъ защитникъ передъ англійскимъ народомъ.

В. ЗАМѢЧАНІЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ ИЗЪ МОНИТЕРА 5 МАРТА СЪ ОТВѢТОМЪ ГАЗЕТЫ «Times».

1. ЗАМѢЧАНІЕ, СТАТЬЯ И ВОЗРАЖЕНІЕ ИЗЪ МОНИТЕРА.

«Общественное мнѣніе въ иностранныхъ государствахъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ нынѣшнемъ положеніи журналистики во Франціи. Вообще полагаютъ, кажется, что газеты подвержены предварительной ценсурѣ, и такимъ образомъ имъ придаютъ значеніе, неимѣющее основанія. Правительство не оказываетъ на газеты никакого предупредительнаго вліянія. Итакъ публика всячески должна остерегаться выводовъ, основанныхъ на образѣ выраженій журналовъ. Всякій разъ, какъ представляется важный вопросъ или совершается значительный фактъ, правительство обращается прямо къ націи черезъ посредство официального журнала. Такой долгъ оно всегда возлагало на себя и тѣмъ совѣстливѣе будетъ исполнять его при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда общественное мнѣніе болѣе чѣмъ когда-либо вводится въ заблужденіе».

«Положеніе дѣлъ въ Италіи, хотя ужъ не новое, приняло въ послѣднее время въ глазахъ публики особенно-важный характеръ, который, разумѣется, не могъ не поразить императора; ибо глава великой державы, какова Франція, не можетъ оставаться въ сторонѣ отъ вопросовъ, касающихся европейскаго порядка. Исполненный благоразумія, недостатокъ котораго могъ бы быть ему поставленъ въ вину, онъ прямодушно заботится о разсудительномъ и справедливомъ рѣшеніи, какого могутъ ожидать эти щекотливыя и трудныя задачи. Императору нечего скрывать, не отъ чего отречься ни въ заботахъ, ни въ союзахъ своихъ. Французскій интересъ преобладаетъ надъ его политикой и оправдываетъ его бдительность. При неосновательной, будемъ надѣяться, тревогѣ, взволновавшей умы въ Ціэмонѣ, императоръ обѣщалъ сардинскому королю защищать его противъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій

Австріи; онъ не общалъ ничего болѣе, и всѣ знаютъ, что онъ сдержитъ слово. Развѣ это мечты о войнѣ? Съ которыхъ поръ пересталъ считать сообразнымъ съ правилами благоразумія предвидѣніе болѣе или менѣе близкихъ затрудненій и взвѣшиваніе всѣхъ послѣдствій ихъ? Мы указали на то, что есть дѣйствительнаго въ мысляхъ, обязанностяхъ и расположеніи императора; все, что прибавлено преувеличенными газетными статьями—выдумки, ложь и бредни. Говорятъ, что Франція дѣлаетъ значительныя вооруженія. Это обвиненіе ни на чемъ не основанное. Нормальный составъ войскъ на мирной ногѣ, принятый императоромъ два года назадъ, не превзойденъ. Артиллерія покупаетъ четыре тысячи лошадей для того, чтобы достигнуть предѣла, положеннаго уставомъ. Пѣхотные полки простираются до двухъ тысячъ человекъ, кавалерійскіе до девятисотъ. Говорятъ также, что нашимъ арсеналамъ придано необычайное движеніе. Но забываютъ, что мы должны перемѣнить всѣ наши артиллерійскіе снаряды и преобразовать весь флотъ нашъ. Это послѣднее предпріятіе, на которое мы давно рѣшились, чтобы поставить флотъ нашъ въ нормальное положеніе, ежегодно утверждается Законодательнымъ Корпусомъ; и не смотря на самую похвальную дѣятельность, для совершенія этихъ работъ требуется еще нѣсколько лѣтъ. Наконецъ тревожатся приготовленіями нашего флота. Всѣ эти приготовленія ограничиваются вооруженіемъ четырехъ фрегатовъ для перевозки войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію, и четырехъ смѣшанныхъ транспортных судовъ, предназначаемыхъ для удовлетворенія разнымъ потребностямъ, а именно для войскъ нашихъ въ Чивита-Веккіи и доставленія черезъ Александрію продовольствія экспедиціи нашей въ Кохинхинъ.

«Вотъ факты. Они должны вполне успокоить искренніе умы насчетъ намѣреній, приписываемыхъ императору, ниспровергнуть увѣренія людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы бросать тѣнь сомнѣнія на самыя прямодушныя мысли и отуманивать самыя ясныя положенія. Не пора ли спросить себя, когда кончатся эти смутные и нелѣпые слухи, распространенные газетами изъ конца въ конецъ Европы, съ цѣлью указывать общественному легковѣрію на воинственные планы императора французовъ и возлагать на него одного отвѣтственность въ тревогахъ и вооруженіяхъ Европы? Кто же можетъ имѣть право столь оскорбительнымъ образомъ вводить умы въ заблужденіе и столь неосновательно встревоживать интересы? Гдѣ слова, гдѣ дипломатическія ноты, гдѣ дѣйствія, свидѣтельствующія о желаніи возбудить войну ради страстей, ею удовлетворяемыхъ, или славы, ею доставляемой? Кто видѣлъ солдатъ, кто считалъ пушки, кто исчислилъ запасы, прибавленные, цѣною столькохъ издержекъ и съ такой поспѣшностью, къ нормальному и уставному положенію Франціи на мирной ногѣ? Гдѣ чрезвычайныя наборы, преждевременныя призывы рекрутъ? Когда призывали къ службѣ людей, срокъ отпуска которыхъ подлежитъ возобновленію? Кто можетъ указать наконецъ хоть бы на самыя ничтожныя элементы этихъ общихъ обвиненій, которыя выдумываются зло-

намеренными людьми, разносятся по свѣту легковѣрными и принимаются на вѣру глупцами? Конечно, императоръ, какъ мы уже говорили, наблюдаетъ за различными причинами несогласій, могущими показаться на горизонтѣ. Свойство всякой разсудительной политики стараться предотвращать событія или вопросы, способные нарушить порядокъ, безъ котораго нѣтъ ни мира, ни мирныхъ сдѣлокъ. Серьезнымъ дѣламъ нуженъ не отдыхъ, а необходимы безопасность и ручательство за будущее. Такая предусмотрительность не есть волненіе или вызовъ. Изучать вопросы не значитъ создавать ихъ, и отклонять отъ нихъ свои взоры и вниманіе, не значило бы ни уничтожать, ни рѣшать ихъ. Впрочемъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ вступило на дипломатическій путь, и ни изъ чего нельзя заключить, чтобы исходъ ихъ не былъ благопріятнымъ для упроченія общаго мира».

2. отвѣтъ газеты *Times*.

Подобно языческому Юпитеру, иногда покрывавшему небо грозными тучами, которыя потомъ онъ, тотъ же самый Юпитеръ, съ такою же скоростью разгонялъ, императоръ Наполеонъ, такъ долго устрашавшій насъ слухами о приближеніи войны, теперь благоволилъ успокоивать насъ словами мира и тишины. И пора было, очень пора. Перспектива чрезвычайно благоденственнаго года отчасти уже разрушена и болѣе двухъ мѣсяцевъ уже отнята у друзей цивилизаціи и прогресса повсюду разлившимся страхомъ европейской войны. Когда немногія слова такъ легко могли разсѣять страхъ, которымъ былъ обнять міръ, намъ естественно жалѣть, что они такъ долго оставались несказанными и что мы были оставлены блуждать въ совершенномъ мракѣ, который могъ быть такъ быстро и безслѣдно разсѣянъ однимъ лучемъ свѣта, подобно Розенкрейцерскому пламени горящаго въ священномъ бюро Монитера. Мы не охотники до подобныхъ шутокъ и никакъ не предполагали, чтобы у императора французовъ было такъ много серьезнаго юмора. Мистифицировать цѣлый континентъ—это шутка гигантскаго размѣра, такого размѣра, что перестаетъ быть шуткой. Читая римскую исторію, невольно бываешь пораженъ, замѣчая какую-то соотвѣтственность между безмѣрными преступленіями цезарей и громаднымъ театромъ, на которомъ они совершались; и фальшивая тревога, въ которую была ввергнута Европа на два мѣсяца, произведена была въ размѣрѣ достойномъ ея виновника. Но, слава Богу, періодъ неосновательнаго страха кончается. Веселый джентльменъ, перерядившійся привидѣніемъ, чтобы поугатъ насъ, снова надѣлъ свой обыкновенный костюмъ, и ужасная маска уже не потрясаетъ нашихъ нервовъ. Костюмировка была очень страшна, но теперь мы знаемъ, что дурнаго умысла въ ней не было, и потому успокоились. Можемъ увѣрить императора французовъ, что ни одинъ плѣнникъ, попавшійся въ руки мухаммеданъ, не прислушивался къ проповѣди курана, подъ занесенными на него кинжалами,

и ни одна прекрасно-волосая саксонка, стоя въ двухъ шагахъ отъ пала-ча, не слушала миссіонеровъ Карла Великаго съ такимъ искреннимъ и горячимъ желаніемъ обратиться, какъ слушаемъ его теперь мы, когда онъ, чрезъ посредство Монитера, усердствуетъ убѣдить насъ, что мы совершенно ошибались, предполагая нѣкоторое время, будто бы есть хотя малѣйшая вѣроятность нарушенія европейскаго мира. Ни въ комъ никогда не бывало такого пылкаго желанія повѣрить.

Поэтому съ несомнѣннѣйшимъ довѣріемъ мы принимаемъ слова неофициальной части Монитера, которая, какъ кажется, всегда особенно предназначалась для официальныхъ сообщеній, что тонъ французскихъ газетъ никакъ не надобно смѣшивать съ тономъ правительства, и что хотя онѣ, не подвергаясь предостереженіямъ и выговорамъ, могли дышать воинскимъ пламенемъ, но что все таки мы не должны изъ-за этого питать ни малѣйшаго сомнѣнія въ сохраненіи мира, пока само правительство не объявитъ о началѣ военныхъ дѣйствій. Это ученіе очень успокоительно; оно въ одинъ мигъ освобождаетъ насъ отъ всѣхъ тѣхъ печальныхъ опасеній относительно близкой войны, какія могли быть внушены недавними статьями *Presse's, Pays* и *Siècl'a* и, можетъ быть, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Мы проникнуты сильнѣйшимъ желаніемъ отречься отъ нашихъ ересей. Намъ восхитительно вѣрить, «что наши безпокойства были неосновательны» и что когда мы чуть-чуть не были готовы къ предложеніямъ менѣе лестнымъ, императоръ французовъ былъ и остается только «благоразуменъ, искрененъ и бдителенъ»; и что «онъ обѣщалъ помогать Піэмонту въ случаѣ нападенія на него отъ Австріи, но не обѣщалъ ничего болѣе». Мы готовы со стыдомъ и сокрушеніемъ сердца признаться, что принимая «предусматриваніе затрудненій и взвѣшиваніе послѣдствій» за нѣчто довольно близкое къ дѣйствию, мы ошибались, и съ печалью мы научаемся, что черезъ такое предположеніе мы провинились «въ мечтательности, лживости и безумствѣ». Мы соглашаемся, что ошиблись, принявъ за постановленіе вооруженныхъ силъ на военное положеніе ту армію, тотъ флотъ и тѣ запасы, какіе императоръ опредѣлилъ въ предположеніяхъ глубокаго мира; и что покупка 4,000 лошадей для артиллеріи ни мало не выходитъ за границы мирнаго штата и составляетъ самое натуральнѣйшее дѣло для государства, единственная цѣль котораго состоитъ въ успокоеніи тревожащихся сосѣдей. Подобно намъ, Франція имѣетъ надобность измѣнить характеръ своей артиллеріи; подобно намъ, она имѣетъ надобность перестроить свой флотъ. Какъ могли мы шорохъ, производимый въ ея арсеналахъ этими чисто мирными трудами, смѣшивать съ громомъ и шумомъ, предвѣщающимъ бѣдствія приближающейся войны? Кто можетъ претендовать на Францію за постройку четырехъ фрегатъ для перевозки ея войскъ изъ Франціи въ Алжирію и изъ Алжиріи во Францію и кто можетъ клеветать на четыре смѣшанные транспортныя судна, предназначенныя для надобностей по сношеніямъ съ Чивита-Веккіею и для продовольствія кохинхинской экспедиціи? Какъ могли мы «нагонять тучи на столь ясное положеніе» и придавать публичность

тѣмъ «неопредѣлительнымъ и нелѣпымъ слухамъ», которые «общественному легковѣрію представляютъ» императора французовъ, будто бы серьезно занимающимся приготовлениями къ войнѣ? Мы смиренно покоряемся выговору Монитера и желаемъ единственно того, чтобы императоръ благоволилъ доказать своими дѣйствіями также убѣдительно, какъ доказалъ уже своими словами, что наши опасенія были напрасны и бездѣльны. Мы не станемъ входить въ споры для опроверженія хотя одного какого нибудь изъ его словъ. Пусть только онъ сдѣластъ ихъ справедливыми въ будущемъ, и мы совершенно согласны, чтобы онъ считалъ ихъ справедливыми въ прошломъ. Мы не желаемъ побѣдъ въ спорахъ; намъ не нужно ничего, кромѣ мира, и если по какой нибудь строптивости нашего ума этотъ миръ окажется, какъ говоритъ сэръ Фрэнсисъ Гедъ, «превышающимъ всякое разумѣніе», мы все-таки не станемъ изъ-за этого возражать ему. Будетъ ли угодно императору французовъ сказать, что онъ замышлялъ войну, но что представленіями своихъ законодательныхъ властей, своихъ министровъ и своего народа онъ былъ убѣжденъ промѣнять войну на миръ; или угодно ему стараться убѣдить насъ, что страхи, волновавшіе всю Европу, и сильнѣе всѣхъ остальныхъ частей Европы волновавшіе собственную его державу, просто «сбивчивыя и неосновательныя галлюцинаціи», все равно мы окажемся одинаково податливыми на вѣру ему, если только онъ озаботится, чтобы по крайней мѣрѣ будущее явилось въ точности соответствующимъ его мнѣнію о прошедшемъ. Не будемъ предлагать никакихъ вопросовъ, не будемъ возбуждать никакихъ мрачныхъ воспоминаній; памфлеты, рѣчи и циркуляры мы погрузимъ въ рѣку забвенія, глубже книга чародѣя Просперо, трижды счищенные, если въ замѣтъ этихъ или какихъ нибудь другихъ уступокъ мы можемъ получить увѣренность, что миръ Европы останется ненарушеннымъ. Намъ представляется, не отъ того ли произошла наша ошибка, что мы не умѣли составить себѣ достаточно великодушнаго и воинственнаго понятія объ истинномъ характерѣ мира и не успѣли понять, какъ похожъ этотъ миръ на войну въ большихъ военныхъ монархіяхъ. Нельзя найти лучшаго примѣра этому сходству, какъ то, что въ самое время работы во-французскихъ арсеналахъ надъ замѣненіемъ нынѣшнихъ пушекъ новыми, болѣе сильными, но гораздо болѣе легкими, оказалось необходимымъ купить вдругъ 4,000 новыхъ лошадей для новыхъ баттарей. Мы постараемся воспитать въ себѣ болѣе воинственныя понятія о мирѣ, бдительности, предусмотрительности и искренности и всѣхъ другихъ прекрасныхъ вещахъ, общаемыхъ Монитеромъ; и когда мы перевоспитаемъ себя, быть можетъ мы сдѣлаемся способнѣе воздавать справедливость настоящимъ намѣреніямъ и будущимъ планамъ Франціи.

Но мы увѣрены, что можно простить насъ за желаніе, чтобы новый родъ мира, изобрѣтенный императоромъ, былъ сдѣланъ нѣсколько меньше убыточенъ для его сосѣдей, и чтобы Франція возжелала сидѣть подъ виноградникомъ своимъ и смоковницею своею, пожиная жатвы свои и источая въ точилѣ елей изъ маслинъ своихъ, прекративъ громадные

сборы разрушительныхъ снарядовъ, которые, хотя безъ сомнѣнiя много содѣйствуютъ увеличенiю ея внутренняго мира и счастiя, развитiю ея благосостоянiя и улучшенiю ея финансовъ, но возлагаютъ чрезвычайно тяжкое и неудобноносимое бремя подобныхъ приготовленiй на насъ, ея менѣе счастливыхъ и менѣе богатыхъ сосѣдей и союзниковъ. Мы съ восхищенiемъ слышимъ, что она прилежитъ къ мирнымъ искусствамъ, но нашъ низкiй меркантильный духъ внушаетъ намъ желанiе, чтобы она могла прилежать къ нимъ съ меньшею потерей денегъ, кредита и безопасности.

С. ОТРЫВКИ ИЗЪ РЪЧЕЙ ЛОРДА ДЖОНА РОССЕЛЯ И МИСТЕРОВЪ РОБАКА И БРАЙТА ПРОТИВЪ БИЛЛЯ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМѢ, ВНЕСЕННАГО МИСТЕРОМЪ Д'ИЗРАЭЛИ ВЪ ЗАСѢДАНiЕ ПАЛАТЫ ОБЩИНЪ 28-ГО ФЕВРАЛЯ (ПО ОТЧЕТУ ГАЗЕТЫ Times).

І. ИЗЪ РЪЧИ ЛОРДА РОССЕЛЯ.

«Я совершенно понимаю, что правительству очень затруднительно было предложить билль о народномъ представительствѣ. Я соглашаюсь также, что слыша въ первый разъ предлагаемый проэктъ, трудно судить о его подробностяхъ, безъ нѣкоторой отсрочки для ихъ разбора. Но въ словахъ достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) есть двѣ вещи, о которыхъ я долго думалъ, о которыхъ я теперь же могу судить, и слова достопочтеннаго джентльмена объ этихъ вещахъ, признаюсь, исполнили меня очень сильнаго неудовольствiя. Первая изъ этихъ вещей относится къ фригольдерамъ (*), которые теперь имѣютъ право голоса въ графствахъ. (Браво!) Эти собственники теряютъ голосъ въ графствахъ. Это представляется мнѣ очень значительнымъ и опаснымъ нововведенiемъ (Браво!) Этимъ правиломъ отнимается голосъ у 90 или 100 тысячъ лицъ, пользовавшихся такимъ правомъ въ теченiе 400 лѣтъ (Браво!) Предлагается, безъ всякаго ихъ согласiя, безъ всякаго изслѣдованiя, лишить ихъ этого права голоса безцеремоннымъ рѣшенiемъ парламента. (Браво!) Но я считалъ это право не однимъ изъ недостатковъ нынѣшней системы, нуждающихся въ исправленiи, а напротивъ оно всегда казалось мнѣ вещь чрезвычайно хорошею (апплодисменты). При реформѣ 1832 года, когда нѣкоторые пары хотѣли принять предложенiй черезъ Палату Общинъ билль реформы съ извѣстными измѣненiями и одно изъ этихъ измѣненiй было въ томъ, чтобы фригольдеры, живущіе въ городахъ, не имѣли голоса въ графствахъ, я прямо объявилъ лорду Грею, что если билль возвратится въ Палату Общинъ съ этимъ измѣненiемъ, то я предложу отвергнуть это измѣненiе и буду рисковать судьбою цѣлаго билля изъ-за этого одного измѣненiя (аппло-

(*) *Freeholders*, маленькіе собственники изъ простаго народа, участки которыхъ находятся внѣ феодальной зависимости отъ лендлордовъ, большихъ землевладѣльцевъ изъ аристократическихкихъ семей.

дисменты). Многія изъ этихъ лицъ по новому биллю лишились бы всякаго участія въ выборахъ, потому что изъ людей, имѣющихъ свободную собственность въ 40 шиллинговъ дохода и живущихъ въ городахъ, только тѣ имѣютъ голосъ въ городахъ, которые занимаютъ квартиры въ десять фунтовъ. Это одно изъ предложеній достопочтеннаго джентльмена, возбуждающихъ во мнѣ сильное неудовольствіе. Другая часть проекта, представляющаяся мнѣ очень опасною, не какое нибудь новое предложеніе, а просто умолчаніе. Мнѣ давно казалось, что въ рабочихъ сословіяхъ нашего отечества есть очень многочисленный разрядъ лицъ совершенно способныхъ быть хорошими избирателями. Относительно всѣхъ этихъ лицъ достопочтенный джентльменъ не говоритъ ничего (апплодисменты). Да, если билль о реформѣ долженъ удовлетворить націю, то я долженъ сказать, что есть значительная часть общества, права которой не удовлетворяются нынѣшнимъ законодательствомъ; это, великое сословіе рабочихъ людей (браво!). Они все больше и больше интересуются политическими дѣлами, они становятся все болѣе и болѣе способными судить о нихъ, и чувствуя себя способными имѣть голосъ, они недовольны тѣмъ, что остаются лишены этой привилегіи (апплодисменты). Если билль о реформѣ долженъ дать удовлетвореніе націи, то масса рабочихъ людей въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ должна получить голосъ, и черезъ ихъ допущеніе къ выборамъ конституція сдѣлается болѣе прочна. Я думаю, что вы лишите себя этой прибавочной силы, если вы оставите ихъ исключенными отъ выборовъ. Эти двѣ вещи въ словахъ достопочтеннаго джентльмена, пробудили во мнѣ большое неудовольствіе. Относительно другихъ статей билля я теперь не хочу говорить ничего; но о всемъ вообще вопросъ скажу, что если вы не рѣшились дать націи болѣе значительнаго удовлетворенія, если вы не хотите сдѣлать болѣе дѣйствительной перемѣны, то лучше не дѣлать никакой перемѣны (сильные апплодисменты). Я понимаю, что нація можетъ продолжать разсужденіе объ этихъ дѣлахъ еще нѣсколько времени, не производя никакихъ перемѣнъ. Но я не понимаю того, чтобы парламентъ предложилъ націю, или, лучше сказать, наложилъ на націю противъ ея воли билль, содержащій много перемѣнъ, но не содержащій никакого постановленія въ пользу честнаго и тяжело работающаго человѣка (тори кричатъ: о, о!... оппозиція апплодируетъ). Если вы не дадите удовлетворенія тѣмъ, которые имѣютъ право быть удовлетворены, то повѣрьте, вашъ билль не представляется мнѣ улучшеніемъ нынѣшнихъ законовъ о представительствѣ (апплодисменты); но важнѣе всего то, что онъ не представляется мнѣ консервативною мѣрою. Я могу понять, что консервативный министръ говорить: «это дѣло о представительствѣ было уже устроено прежними законами и мы не предполагаемъ измѣнять его, потому что намъ не кажется нужнымъ улучшеніе въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей»; но чтобы консервативный министръ предлагалъ отнятіе голосовъ у 90 или 100 тысячъ человѣкъ и не соглашался дать голосъ рабочимъ сословіямъ, — этого я не въ состояніи понимать (сильные апплодисменты).

2. ИЗЪ РЪЧИ РОБАКА.

«Перемѣна сама по себѣ зло. (Хохоть). Перемѣна въ законодательствѣ извинительна только тогда, когда перемѣна клонится къ лучшему; а мое обвиненіе противъ предложенія достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) состоитъ въ томъ, что это перемѣна, которая ведетъ къ худшему (о, о! съ одной стороны; съ другой аплодисменты). Почему былъ внесенъ въ 1831 году билль реформы 1832 года благороднымъ лордомъ (Росселемъ)? Онъ былъ внесенъ потому, что правительственная сила была въ рукахъ только у одного класса, именно у земледѣльческой аристократіи (браво!). Достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) самъ сказалъ, что цѣлью этого билля было дать власть среднему сословію. И дѣйствительно, онъ ее далъ ему. Вспомните же, какъ вело себя рабочее сословіе при этомъ случаѣ (аплодисменты); что говорили работники? Они говорили: «Билль, внесенный благороднымъ лордомъ, не дастъ намъ власти; но мы имѣемъ такое довѣріе къ вамъ, наши сограждане средняго сословія, что мы поможемъ вамъ побѣдить оппозицію землевладѣльческой аристократіи, дадимъ вамъ силу пріобрѣсть голосъ для вашего сословія». Безъ рабочаго сословія тогда не прошелъ бы билль о реформѣ (браво). Оно тогда держало себя такъ, что я никогда этого не забуду. Оно держало себя такъ, что среднее сословіе не должно никогда забыть этого (аплодисменты). Теперь отъ имени рабочихъ классовъ нашей земли я обращаюсь къ среднему классу Англіи и говорю ему: въ 1832 году вы пріобрѣли себѣ власть помощью работниковъ, и я призываю васъ, какъ серьезныхъ, какъ честныхъ, какъ благородныхъ людей, не пренебречь теперь интересами тѣхъ, которые помогли вамъ тогда (браво!).

«Билль достопочтеннаго джентльмена (Д'Израэли) не дать ни йоты власти рабочему сословію нашей земли (аплодисменты). Это билль отнимающій голоса, а не дающій голоса. Онъ отнимаетъ голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ, и не даетъ никому участія во власти. Возьму въ примѣръ тотъ городъ, представителемъ котораго имѣю я честь быть (Шеффилдъ). Въ этомъ городѣ живетъ нѣсколько тысячъ людей, имѣющихъ нынѣ голосъ въ графствахъ. Каждый изъ этихъ людей лишится голоса въ графствѣ, не получая въ вознагражденіе голоса въ городѣ. Потому вашъ билль ничего не дастъ ему, а отнимаетъ у него голосъ въ графствѣ (аплодисменты). Къ чему же это клонится? Разумѣется къ чему, — къ усиленію власти землевладѣльческой аристократіи (аплодисменты). Въ этомъ и состоитъ цѣль представленнаго билля. Я скажу достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) вотъ что: я и многіе депутаты, сидящіе на нашей сторонѣ залы, съ полнымъ одобреніемъ нашихъ избирателей давали правительству полную и неизмѣнную поддержку. Но я увѣренъ, что не проживу и 24 часовъ, какъ уже получу отъ моихъ избирателей извѣщеніе, что нѣтъ ихъ желанія, чтобы я продолжалъ поддерживать правительство (сильные

аплодисменты). Почему же так? Вот почему. Мы давали поддержку достопочтенному джентльмену (Д'Израэли) и его друзьям, полагая, что они поймут свое положеніе и положеніе страны; что они употребят ту свою власть, которая держалась нашей помощью, на хорошее управленіе страной. Но вмѣсто благороднаго и либеральнаго образа дѣйствій, котораго я ожидалъ отъ правительства, оно теперь вноситъ билль для увеличенія силы джентльменовъ своей партіи (тори кричать: нѣтъ, нѣтъ!). Достопочтенный джентльмень думалъ только о друзьяхъ, сидящихъ позади его; онъ не подумалъ о тѣхъ, къѣмъ онъ и его друзья держатся на своихъ мѣстахъ (тори кричать: о, о!...) Я говорю прямо: достопочтенный джентльмень знаетъ не хуже моего, что онъ держался въ настоящемъ своемъ положеніи только великодуш-ной помощью, какую получалъ отъ насъ. И разсматривая билль, изложенный достопочтеннымъ джентльменомъ, я громко говорю, что на каждомъ шагѣ своего пути черезъ Палату Общинъ этотъ билль долженъ встрѣтить оппозицію, упорную оппозицію каждаго друга народа въ этой палатѣ (аплодисменты).

3. ИЗЪ РѢЧИ БРАЙТА.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ мы вообще находимъ, что когда люди предпринимаютъ дѣло, къ которому неспособны по натурѣ или наклонностямъ, то не достигаютъ они особеннаго успѣха (хотятъ и аплодисменты). Достопочтенный джентльмень (Д'Израэли) могъ бы составить для парламентской реформы билль гораздо лучшій того, который внесенъ имъ; но ему привелось въ этомъ дѣлѣ быть представителемъ партіи, которая всегда упорно противилась всякому разширенію политическихъ правъ народа (аплодисменты). Я очень сожалѣлъ, что онъ и его друзья согласились заговорить объ этомъ вопросѣ и предъявить претензію на его разрѣшеніе. Я думаю, что они были отчасти правы, когда упрекали покойнаго великаго министра (Роберта Пиля), будто онъ поступилъ дурно, взявшись за дѣло, которое слѣдовало бы ему предоставить своимъ противникамъ (отмѣна хлѣбныхъ законовъ); но онъ по крайней мѣрѣ говорилъ, что совершенно убѣдился въ справедливости новыхъ принциповъ, которые сталъ защищать. Достопочтенный джентльмень и его друзья еще не говорили намъ ничего такого, изъ чего могли бы мы заключить, что они подверглись подобному обращенію въ новую вѣру (браво!). Соображая то, что я назыву незнакомствомъ достопочтенныхъ джентльменовъ, сидящихъ на министерской сторонѣ палаты, съ мнѣніями о настоящемъ вопросѣ, господствующими въ городахъ, я думаю, что отъ нихъ нельзя было ожидать, чтобы они внесли или стали поддерживать проектъ въ такомъ духѣ, какого нація ожидаетъ отъ правительства, принимающагося за вопросъ о реформѣ. Кто ихъ просилъ объ этомъ биллѣ? (браво!) Я ни разу не слышалъ, чтобы какой нибудь джентльмень министерской стороны палаты сердился на своихъ предводителей за то, что они не

хлопочать о реформѣ. Я ни разу не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ ихъ приверженцевъ въ парламента говорилъ на публичныхъ митингахъ въ пользу перемѣны парламентскаго устройства. Я никогда не читалъ въ ихъ газетахъ статей въ пользу парламентской реформы. Да, еслибы достопочтенныя джентльмены той (министерской) стороны палаты не думали, что выгода ихъ партіи требуетъ билля о реформѣ, то имъ лучше показалось бы обойтись безъ него (браво!) Но есть въ нашей землѣ сословіе, — нѣтъ, не сословіе, а огромная часть націи, которое теперь требуетъ, и уже 25 лѣтъ требовало исправленій въ биллѣ реформы 1832 года. Въ чемъ же собственно состояла ихъ жалоба на этотъ билль? Развѣ они не говорили единогласно, что билль 1832 года составленъ такъ, чтобы оставить безъ голоса огромную часть націи? (браво!) Они говорили, что люди, живущіе заработною платою, вообще не занимаютъ квартиръ цѣною въ 10 ф., и что потому опредѣлять ценъ въ 10 ф., значило опредѣлять черту, необходимо исключавшую ихъ отъ выборовъ и дѣлать ихъ паріями. Билль 1832 года поставилъ всю массу рабочихъ классовъ въ такое положеніе. Я не жалуюсь на этотъ билль, но я имѣлъ бы полнѣйшее презрѣніе, — нѣтъ, не скажу презрѣніе, — я совершенно отчаялся бы въ рабочихъ классахъ нашихъ, еслибы подумалъ, что они останутся довольны такимъ положеніемъ (апплодисменты). Повинуясь великому требованію людей, лишенныхъ голоса, представителями которыхъ мы служимъ, вы предлагаете билль, и ваши газеты стали въ послѣднее время говорить намъ, что вы сдѣлались реформерами и что вы отобьете хлѣбъ, по выраженію вашихъ газетъ, у благороднаго лорда, представителя лондонской Сити (Росселя), своимъ проэктомъ. Вотъ внесенъ этотъ билль, и когда онъ завтра утромъ разоидется по всѣмъ частямъ королевства, каждый изъ этихъ трудящихся, содержимыхъ въ рабствѣ людей, платящихъ подати и исполняющихъ другія обязанности гражданина, увидить, что какъ оставилъ его паріей билль 1832, такъ оставляется онъ паріей и по биллю 1859 года. Какими способами достопочтенный джентльменъ (Д'Израэли) предлагаетъ разширить избирательное право? Онъ даже и не претендуетъ, что этими способами рабочіе классы получаютъ голосъ (браво!) Во-первыхъ, онъ даетъ голосъ каждому, кто, нанимая комнаты въ чужой квартирѣ, платитъ 8 шиллинговъ въ недѣлю (*). Это не относится къ рабочимъ классамъ (браво!) Далѣе, дается голосъ каждому, имѣющему университетскую степень. Изъ этихъ людей не очень многихъ въ Англіи можно считать принадлежащими къ рабочимъ классамъ (хохотъ) (**). Священники, которымъ билль даетъ голосъ, уже и теперь имѣютъ голосъ (***), и претензія упоминать о нихъ въ биллѣ, просто

(*) То есть 20 ф. въ годъ. Прежній ценъ въ 10 ф. относился только къ людямъ, занимающимъ отдѣльныя квартиры.

(**) Надобно вспомнить, что дѣло идетъ объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, воспитаніе въ которыхъ стоитъ такъ дорого, что доступно только дѣтямъ богатыхъ семействъ.

(***) Потому, что едва ли какой нибудь священникъ въ Англіи занимаетъ квартиру цѣною меньше 10 фунтовъ.

претензія и больше ничего (браво!). Затѣмъ слѣдуютъ джентльмены занимающіеся адвокатствомъ и джентльмены занимающіеся медициной. Затѣмъ слѣдуютъ, учителя имѣющіе свидѣтельство отъ комитета народнаго просвѣщенія (*). Но къ чему такая исключительность? Развѣ кромѣ этихъ джентльменовъ, ходившихъ на экзаменъ, нѣтъ другихъ преподавателей, на которыхъ достопочтенный джентльменъ могъ бы распространить право голоса? (браво!) Я стыдился бы явиться передъ моими согражданами съ предложеніемъ такого пустаго, до обидности пустаго разширенія избирательнаго права (аплодисменты). Далѣе слѣдуетъ движимая собственность. Получаютъ голосъ лица, имѣющія 10 фунтовъ годичнаго дохода отъ принадлежащихъ имъ облигацій государственнаго долга, банковыхъ акцій, акцій Остѣ-Индской компаніи и желѣзныхъ дорогъ, и лица, имѣющія 60 фунтовъ въ сохранныхъ кассахъ. Чтобы быть оригинальнымъ, достопочтенный джентльменъ отступилъ отъ цифры, назначавшейся благороднымъ лордомъ (Росселемъ), который опредѣлялъ ее въ 50 фунтовъ, и даже въ этомъ неважномъ случаѣ онъ не хотѣлъ дойти до той, какъ намъ казалось, недостаточной либеральности, которая была въ биллѣ благороднаго лорда. Вникнемъ въ это правило о сохранныхъ кассахъ. Пусть палата представитъ молодаго человѣка, который скопилъ 60 фунтовъ и положилъ ихъ въ сохранныя кассы. Если онъ вздумаетъ жениться, онъ вынетъ эти 60 фунтовъ и найметъ квартиру въ 6 или 7 фунтовъ. Женитьба укрѣпляетъ узы, привязывающія его къ родинѣ; онъ имѣетъ теперь новую причину любить порядокъ и повиновеніе законамъ; но по биллю онъ теряетъ голосъ и переходитъ въ разрядъ парій (браво!).— Всѣ эти способы разширенія избирательнаго права, — просто обольщеніе; цѣль ихъ только то, чтобы казалось, будто бы вы что-то даете, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ вы дрожите отъ страха при мысли, не дали ли вы въ самомъ дѣлѣ чего нибудь (аплодисменты). Благородный лордъ (Россель) указалъ на другую статью, которая уже одна, безъ всѣхъ остальныхъ, рѣшительно погубила бы билль; это отнятіе голоса у фригольдеровъ, живущихъ въ городахъ (браво!). Мы понимаемъ это очень хорошо, и я полагаю, достопочтенные джентльмены (министерской стороны) также понимаютъ очень хорошо (браво!). Это вознагражденіе для нихъ за пониженіе ценса въ графствахъ до 10 фунтовъ (браво!). Никогда еще вамъ не предлагалось такого дряннаго или такого опаснаго вознагражденія. Благородный лордъ говорилъ, что этимъ отнимается голосъ у 100,000 человѣкъ; а я съ нѣкоторыми друзьями, предвидя такое предложеніе, вздумалъ разобрать по классамъ избирателей двухъ городовъ. Вотъ списокъ городовъ Манчестера и Сальфорда съраздѣленіемъ избирателей на классы, чтобы видѣть, каково будетъ дѣйствіе внесеннаго теперь билля. Въ Манчестерѣ считается 2,918 человѣкъ, имѣющихъ голосъ въ южномъ округѣ Ланкастерскаго графства. Изъ нихъ 1,195 че-

(*) Открывать школу и заниматься преподаваніемъ можетъ въ Англіи всякій, безъ всякаго документа на степень преподавателя; и конечно далеко не у каждаго есть охота хлопотать о полученіи такого документа.

ловѣкъ имѣють голосъ въ Манчестерѣ, занимая квартиры въ 10 фунтовъ; эти 1,195 человекъ должны потерять голосъ въ графствѣ. 298 человекъ живутъ въ городѣ, но не имѣють тамъ голоса; они совершенно перестанутъ быть избирателями. Также пропорція и въ Сальфордѣ. Значить, изъ 100 городскихъ фригольдеровъ 40, если не больше, совершенно теряють голосъ (браво!) Въ этомъ отношеніи билль не расширяетъ, а сокращаетъ право. Я вполне увѣренъ, что Палата Общинъ никогда не приметъ такого постановленія (браво!). Я думаю, что невозможно придумать никакой мѣры, которая пробудила бы большее неудовольствіе въ націи и сильнѣе поколебала бы ея довѣріе,—не скажу: къ благодѣтельству, просто скажу: сказать къ здравому смыслу парламента. И цѣль всего этого,—сдѣлать выборы въ графствахъ еще болѣе исключительными, чѣмъ прежде. Кажется, вы ничего столько не боитесь, какъ хорошихъ, и особенно свободныхъ избирательныхъ корпорацій въ графствахъ. Палатѣ можетъ быть неизвѣстенъ тотъ замѣчательный фактъ, что во многихъ англійскихъ графствахъ уже давно число избирателей не увеличивается, или даже положительно уменьшается. Въ одиннадцати графствахъ съ 1837 до 1852 года число избирателей уменьшилось на цѣлыхъ двѣ тысячи. Это происходитъ отъ затруднительности покупать свободные участки и отъ увеличенія объема фермъ. Итакъ въ вознагражденіе джентльменамъ, которые сидятъ на его сторонѣ, мнѣнія которыхъ, если онъ будетъ слѣдовать имъ, погубятъ его (хохотъ), достопочтенный джентльменъ хочетъ уничтожить въ графствахъ 100,000 голосовъ. Среднее сословіе требовало реформы, но оно хочетъ гораздо лучшаго распредѣленія избирательной силы (браво!), а достопочтенный джентльменъ съ смѣлостью, рѣшительно интересно, (хохотъ) говорить среднему сословію, что его желаніе щедро исполняется, потому что, благодаря фанатизму нашего отечества, только одинъ англійскій городъ избираетъ католика, и потому онъ сохранилъ депутата городу Эронделю (*) (хохотъ). Зналъ ли достопочтенный джентльменъ съ кѣмъ онъ говорилъ, когда онъ, выставляя Эрондель, обижалъ такіе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ, и даже и не упомянулъ о Глазго? (браво!) Но вѣдь все это будетъ хорошо понято людьми, которые завтра прочтутъ газеты. Лучше было бы достопочтенному джентльмену держаться старинной практики своей партіи и противиться реформѣ, нежели составлять подобный прое́ктъ, который въ массѣ англійскаго населенія не возбудитъ ничего кромѣ досады и негодованія. Благородный лордъ

(*) Д'Израэли говорилъ, что маленькіе города выбираютъ депутатовъ, служащихъ представителями такихъ интересовъ, которые не найдутъ себѣ представителей въ большихъ городахъ. Напримѣръ, говорилъ онъ, городокъ Эрондель, имѣющій только 2,750 жителей и только 130 избирателей, постоянно выбираетъ католика, потому-то и надобно сохранить маленькія избирательныя корпораціи. Это любимый аргументъ защитниковъ нелѣпой неравнои́рности въ распредѣленіи депутатовъ. Эрондель избираетъ католика конечно потому, что находится въ полной зависимости отъ сосѣдней фамиліи лендлордовъ католическаго исповѣданія.

(Россель) думаетъ, что этотъ проэктъ не консервативенъ; проэктъ, касающійся парламентскаго устройства, не можетъ быть консервативенъ, когда только портитъ, ничего не улучшая (браво!). Какъ ни сильно требую я парламентской реформы, но я знаю, что мало важности въ томъ, теперь, или черезъ четыре, или черезъ пять лѣтъ будетъ проведенъ законъ о реформѣ. Не нынѣ—завтра, время еще будетъ. Но когда правительство берется за такой вопросъ, оно не должно являться въ тысячу разъ менѣе консервативнымъ, нежели мы. Достопочтенный джентльменъ упоминалъ о моемъ проэктѣ, — онъ очень старъ; я предлагаю то, что предлагали въ теченіе цѣлыхъ 60 лѣтъ многіе государственные люди; защищали знаменитые государственные люди во время прежней реформы. Я не имѣю возраженій противъ сравненія моего проэкта съ проэктомъ достопочтеннаго джентльмена. Онъ говоритъ, что не принимаетъ въ соображеніе населенія и богатства. Но если не обращать вниманія на населеніе и богатство, то для чего нужна парламентская реформа, и парламенты, и министры, и канцлеры казначейства? (*) (хохотъ). Достопочтенный джентльменъ говоритъ, что основывается на интересахъ. Но что такое интересы? Вѣроятно они состоятъ въ потребностяхъ и мнѣніяхъ народа, и достопочтенный джентльменъ избралъ самый дѣйствительный способъ, — я благодаренъ ему за это, — узнать мнѣніе народа объ этомъ великомъ вопросѣ. Я не желаю бурныхъ политическихъ преній или гнѣвныхъ споровъ (браво!) ни въ парламентѣ, ни внѣ парламента. Я надѣлся, что опытъ 1831 и 1832 годовъ научилъ правительство, берущееся за этотъ великій вопросъ, необходимости рѣшить его на широкомъ и прочномъ основаніи. Я надѣлся, по прежнимъ словамъ достопочтеннаго джентльмена, что онъ такъ и поступитъ; потому что я не могъ вѣрить, что бы очеркъ билля, явившійся въ одной изъ газетъ (*Times*), былъ вѣрнымъ изложеніемъ правительственнаго проэкта. Я надѣлся, что достопочтенный джентльменъ «отобьетъ у меня хлѣбъ» биллемъ столь широкимъ, полнымъ и достойнымъ поддержки отъ націи, что я буду въ состояніи всею душою одобрять этотъ билль, а не буду принужденъ, какъ принужденъ теперь, просить у Палаты позволеніе представить другой билль объ этомъ предметѣ; чѣмъ больше вы будете разсматривать мой билль, тѣмъ болѣе будете убѣждаться, что онъ основанъ на принципахъ реформы 1832 года и конституціи и что онъ несравненно консервативнѣе, — для будущихъ пятидесяти лѣтъ, нежели проэктъ, который портитъ все, раздражаетъ огромныя массы людей и не устроитъ порядочнымъ образомъ ничего (браво!).

(*) Читатель знаетъ, что Д'Израэли канцлеръ казначейства.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Разскажь, изъ котораго можно ясно усмотрѣть, что въ Петербургѣ есть много пожилыхъ энтузіастовъ и увлекающихся людей и что провинціальные жители совершенно неосновательно считаютъ петербургскихъ обитателей людьми безсердечными и холодными.—Масляница.—Балаганы на Адмиралтейской площади.— Г-жа Пастрана, понизившаяся до 25 к. и проч. — Пикники. — Ресторанъ Огюста близъ Сергіевскаго монастыря. — Концерты съ картинами и безъ картинъ. — Г. Лаубе, скрипачъ. — Генрихъ Герцъ, Рубинштейнъ и проч. — Чародѣи — гг. Шово и Макалузо. — Популярныя чтенія о геологіи магистра и приватъ-доцента петербургскаго университета г. Пузыревскаго и вообще нѣсколько словъ о предпріятіи Торговаго дома гг. Пахитонова, Водова и Струговщикова. — Манежъ и публичныя чтенія о верховой ѣздѣ.—О г. Севастьяновѣ и его трудахъ, по поводу выставки въ святѣйшемъ синодѣ его копій и списковъ. — Два слова о г. Солярѣ. — «Московскій Вѣстникъ». — О трудѣ г. Т. Готье. — Автографы, о которыхъ было упомянуто въ прошлой книжкѣ «Современника», приобретенныя Императорскою Публичною Библіотекою.—Новое изданіе Я. А. Исакова сочиненій Пушкина. — Третья тетрадь Портретной галлерей Мюнстера. — Обѣдъ, данный петербургскими литераторами въ честь Мартынова.

I.

КАРТИНА ПЕТЕРБУРГА. — Размышленія по поводу нынѣшней ПЕТЕРБУРГСКОЙ зимы.

Тоска невыносимая! Въ окно глядѣть противно, не только что выйти на улицу.... Мутно-сѣрая, сплошная, безъ просвѣтовъ мгла на верху; грязь, ямы, лужи внизу, и между небомъ, покрытымъ мглой, и грязными улицами, гдѣ ни пройти, ни проѣхать—мокрыя лепешки снѣга, падающія съ какимъ-то ожесточеніемъ и мгновенно расплывающіяся въ грязь.... Нижніе этажи домовъ, экипажи, люди, лошади, собаки, забрызганные грязью кучи наколотыхъ грязныхъ осколковъ у тротуаровъ; тротуары, залитые грязною водою; нес-

частные дворники съ метлами и съ лопатами; наводящій уныніе звукъ воды, бѣгущей изъ трубъ, и визгъ санныхъ полозьевъ, безпрестанно задѣвающихъ о камни.... Къ вечеру понемногу стягиваетъ эти грязныя лужи; грязь начинаетъ хрустѣть подъ ногами; вода, повисшая на окраинахъ крышъ и выходявшая изъ жолобовъ, превращается въ ледяныя сосульки. Утромъ морозъ — все подсохло, все приняло болѣе приличный видъ... Слава Богу, наконецъ можно выйти изъ дому и подышать чистымъ воздухомъ! Но по тротуарамъ нѣтъ возможности безопасно пройти нѣсколько шаговъ.... нога скользитъ на каждомъ шагу, и гулянье превращается въ пытку, въ эквилибристическое искусство, въ родъ хожденія по канату.... Не безпокойтесь, это не продолжится: въ полдень начинаетъ уже валить снѣгъ, къ вечеру этотъ снѣгъ превращается почти въ дождь, снова вода льетъ изъ трубъ, разливаясь по тротуарамъ, и на слѣдующее утро опять—грязь, лужи, ямы и проч... И послѣ завтра тоже и такъ далѣе.... Морозъ съ оттепелью почти смѣняются черезъ день.... Такая неопредѣленность, такая измѣнчивость петербургскаго климата, непринимающаго въ соображеніе никакихъ временъ года, — невыносимы. Ртуть въ недоумѣвающихъ термометрахъ и барометрахъ то и дѣло что поднимается и опускается: вдругъ возвысится до beau fixe и мы всѣ, пожилые дѣти, начинаемъ радоваться, рукоплескать, воодушевляться надеждами на продолженіе такой благодетельной погоды (въ самомъ дѣлѣ, не дѣтство ли полагаться на самый безалаберный изъ всѣхъ климатовъ въ мірѣ — петербургскій?), — глядь черезъ три-четыре часа ртуть упала до великаго дождя—и наши надежды рухнули. Такова была въ особенности вся нынѣшняя петербургская зима. Можно ко всему на свѣтѣ привыкнуть, даже къ постоянному трескучему морозу, но ничего нѣтъ досаднѣе неожиданныхъ, быстрыхъ, безпрестанныхъ, ничѣмъ необъяснимыхъ переходовъ отъ мороза къ оттепели и обратнѣ. Такія перемѣны дѣйствуютъ раздражительно на человѣка и поражаютъ сплинъ, жолчное состояніе и другія болѣзни.

На меня по крайней мѣрѣ это климатическое непостоянство дѣйствуетъ самымъ зловреднымъ образомъ. Я дѣлаюсь раздражителемъ, жолченъ, придирчивъ и несправедливъ даже къ самымъ лучшимъ друзьямъ моимъ. Всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, принимаютъ въ глазахъ моихъ печальный, грязный и мрачный колоритъ, совершенно соотвѣтствующій петербургской погодѣ. Я во всемъ и вижу одну только заднюю сторону медали, и перестаю вѣрить въ различныя людскія добродѣтели; докапываясь до источниковъ самыхъ похвальныхъ стремленій и поползновеній, я нахожу—эгоизмъ, тщеславіе, суетность и т. подобное; ложь и лицемѣ-

ріе бросаются мнѣ на каждомъ шагѣ; я начинаю сомнѣваться въ убѣжденіяхъ самыхъ близкихъ мнѣ людей и въ возможности, которая одушевляетъ ихъ идти по новому *свѣтлому и прямому пути усовершенствованій и улучшеній*; эта стереотипная фраза сдѣлалась мнѣ противна; меня приводитъ въ бѣшенство всякое увлеченіе, всякая надежда, всякій радостный порывъ, всякая самая искренняя слеза благородной и умиленной, но слабой души; всякій изъ души вырвавшійся возгласъ или восклицаніе при какомъ нибудь дѣйствіи, чуть-чуть выходящемъ изъ ряду обыкновеннаго.... И все это отчасти можетъ быть потому, что я самъ увѣ! одинъ изъ самыхъ несправимо впечатлительныхъ и непростительно увлекающихся людей, а увлекаться за сорокъ лѣтъ, какъ увлекаются 18-лѣтнія юноши—не къ лицу. Увлеченіе—идетъ только къ густымъ, въ ющимся кудрямъ, къ розовымъ и пушистымъ щекамъ, а не къ сѣдымъ волосамъ, не къ лысымъ лбамъ и истасканной кожѣ, которая начинаетъ складываться въ морщины. Увлеченіе прекрасно,—сохрани меня Боже возставать противъ увлеченій! я ненавижу самодовольныхъ, умныхъ мертвецовъ, неспособныхъ къ увлеченіямъ, но всему же есть пора и мѣра.... Въ наши зрѣлыя и почтенныя лѣта надобно побольше хладнокровія и осмотрительности.

Въ сію минуту я особенно золъ на всѣхъ петербургскихъ 40 и 50-лѣтнихъ энтузіастовъ — моихъ друзей и пріятелей, повторяющихъ избитыя фразы о прогрессѣ и прочее и прочее. Впрочемъ не они одни — все и всѣ на свѣтѣ раздражаетъ меня въ сію минуту. Это болѣзненное дѣйствіе петербургскаго климата, и преимущественно нынѣшней зимы — ужаснѣйшей и непостояннѣйшая изъ петербургскихъ зимъ....

Ну что, напримѣръ, можетъ быть безвреднѣе и пошлѣе этого маленькаго господина, которого я ежедневно встрѣчаю на улицахъ и въ театрахъ?

Взгляните на него:

Что это такое? Какой-то полу-человѣкъ, что-то въ родѣ карлика, не угадаешь сколько ему лѣтъ — 40 или 15? Старикъ ли онъ или дитя? Сморщенный, безъ бровей, курносой, но всегда съ самодовольнымъ видомъ, съ наглыми манерами, одѣтый франтомъ, съ шляпою на бокъ съ растопыренными руками; то скачущій на ухорскихъ саниахъ за какою нибудь Камеліей; то бѣгающій по тротуару Невскаго проспекта; то въ первомъ ряду креселъ ломающійся и хвостающій своими побѣдами и волочающійся за какой-то актрисой, которая, разумѣется, подсмѣивается, надъ нимъ, потому что, глядя на такую фигурку, нельзя не разсмѣяться.... но во мнѣ даже и эта бессмысленная фигурка.... возбуждаетъ жолчь.

Или въ сію минузу вотъ еще этотъ — давно знакомый мнѣ, тоненькій, но съ пухлыми и румяными щеками, какъ у вербнаго херувима, вылитаго изъ сахара, заливающійся тоненькимъ голосомъ какъ малиновка, и улыбающійся съ милымъ самодовольствіемъ, какъ будто упивался гармоніей собственныхъ рѣчей, дремлющій, когда говорятъ другіе, мѣняющій ежемгновенно свои убѣжденія сообразно съ лицами, съ которыми онъ встрѣчается: либераль съ однимъ, *благонамѣренный* съ другимъ — и всегда благоговѣнно взирающій на старшихъ, ораторъ à l'eau de rose, — можетъ ли этотъ приводить кого нибудь въ раздраженіе?... А между тѣмъ я не могу на него смотрѣть и закинаетъ жолчь, при его сахарной и лицемѣрной улыбкѣ и равнодушно.... такъ умильно фальшивомъ взглядѣ.

Меня приводятъ въ раздраженіе самыя обыкновенныя, всеневныя, на каждомъ шагу встрѣчающіеся случаи и лица: — извозчикъ, стегаящій кнутомъ измученную клячу; баринъ, кричащій на извозчика просящаго о прибавкѣ: «молчи, дуракъ, я тебѣ покажу, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло!» разрумяненная Камелія, полулежащая въ высокой плетеной коляскѣ и прокатывающаяся взадъ и впередъ по Невскому проспекту; офицеръ, на рысакѣ летящій какъ вихрь и рискующій задавить скромныхъ и бѣдныхъ пѣшеходовъ; барыня, гуляющая съ жирной и маленькой собаченкой на шнуркѣ; молодой, смазливой господинъ, появившійся недавно на Невскомъ проспектѣ въ какой-то поддѣвкѣ и въ бархатной шапкѣ уланской формы съ кисточкой и показывающій себя въ одно утро то въ саняхъ на лихой парѣ съ завывающею пристяжною, то пѣшкомъ, то въ коляскѣ, на рыскахъ украшенныхъ какою-то необыкновенною сбруею и прочее и прочее. Всего не перечислишь.... Но для того, чтобы не приводить себя въ раздраженіе, стоитъ только не выходить на Невскій проспектъ?... Для здоровья можно прохаживаться въ отдаленныхъ улицахъ... тамъ попадается менѣе раздражающихъ предметовъ.

А куда же я скроюсь отъ моихъ друзей-энтузіастовъ, — отъ этихъ милыхъ, благородныхъ, увлекающихся людей, въ эти минуты, когда всякій энтузіазмъ мнѣ противенъ... когда съ безрассвѣтнаго неба падаютъ мокрыя лепешки, когда все мрачно и грязно кругомъ, когда сердце ноетъ отъ тоски и все кажется безвыходнымъ и безнадежнымъ?...

II.

мой увлекающійся другъ.

Люди, живущіе въ отдаленности отъ Петербурга и мало знакомые съ его общественною жизнію, вообще полагають, что въ Петербургѣ все люди суровые, холодные, практическіе, люди безъ сердца, мало-

радушные, эгоисты, неспособные ни къ какимъ увлеченіямъ... Какое заблужденіе!

Мы всѣ петербургскіе жители, люди страшно увлекающіеся.... Я не буду ничего говорить о'честолюбивыхъ, тщеславныхъ, эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ увлеченіяхъ... Я докажу вамъ только примѣромъ, что въ Петербургѣ есть люди, дожившіе до сѣдншъ, милые, умные, образованные люди, съ безкорыстными и честными убѣжденіями, умѣвшіе сохранить младенческую чистоту, юношескій энтузіазмъ и довѣрчивость, восторгающіеся на каждомъ шагу, увлекающіеся и умиляющіеся при малѣйшемъ поводѣ.

Вотъ вамъ очеркъ одного изъ такихъ господъ — моего искренняго друга, котораго ничѣмъ не исправишь отъ увлеченій.

Онъ родился въ Петербургѣ и почти безвыходно жилъ въ немъ. Въ двадцать пять лѣтъ онъ увлекался тѣмъ, чѣмъ всѣ увлекаются въ эти годы — любовію.... да еще какъ увлекался!... Предметъ его любви была женщина очень обыкновенная: она была ни хороша и ни дурна, ни умна и ни глупа; танцевала, какъ танцуютъ всѣ дамы и барышни, поигрывала на фортепіано какъ всѣ и пѣла нѣсколько фальшиво, какъ по большей части поютъ дамы и барышни, извѣстные романсы: «Я видѣлъ дѣву на скалѣ», «Сто красавицъ черноокихъ предсѣдали на турнирѣ», «Цвѣтокъ» «Талисманъ», и такъ далѣе.

Но мой другъ видѣлъ въ ней какое-то неземное, высшее³ существо; онъ полагалъ, что она надѣлена замѣчательнѣйшими музыкальными способностями и что ей недостаетъ только музыкальнаго развитія, чтобы сдѣлаться гениальной музыкантшей. Когда она бывало затягивала:

«Цвѣтокъ засохшій, безуханный
Забытый въ книгѣ вижу я....»

Онъ схватывалъ меня за руку и говорилъ:

— Какой голосъ! не правда ли, какой чудный голосъ! Ахъ, если бы ей сѣздить въ Италію да поучиться... Изъ нея бы вышла великая артистка, я убѣжденъ въ этомъ! И какая у ней душа! Какое сердце!

Если я или кто нибудь другой рѣшались ему замѣтить самымъ деликатнымъ образомъ, что въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, что поетъ она мило, но въ Италію ей ѣхать незачѣмъ, — онъ вспыхивалъ отъ досады и говорилъ:

— Ваше равнодушіе ко всему меня бѣситъ... и потомъ начиналъ клясться, что она во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенная женщина.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его идеалъ превратился въ обрюзгшую, толстую и вялую барыню, курившую съ утра до вечера опи-

росы и даже Жуковъ табакъ, въ страшную сплетницу и домашнюю тиранку, я говорилъ ему:

— Вотъ твоя великая артистка! Полюбуйся-ка на нее....

— Ну, чтожь такое, возражалъ онъ, — это ничего не доказываетъ. Если бы она была при другой обстановкѣ — изъ нее вѣрно вышло бы что нибудь замѣчательное...

Но мой другъ при этомъ останавливался и самъ добродушно начиналъ смѣяться надъ самимъ собою.

Подъ тридцать лѣтъ онъ сошелся съ какимъ-то аферистомъ, на котораго сама природа положила печать отверженія, какъ бы желая предостерегать другихъ. Аферистъ уговорилъ его пожертвовать тысячь сорокъ на бумаго-прядельную фабрику, которую онъ намѣренъ былъ завести, по его словамъ, на манеръ англійскихъ филатуръ, которыя онъ будто бы изучалъ нѣсколько лѣтъ въ Манчестерѣ. Аферистъ общалъ ему черезъ десять лѣтъ милліоны — и мой другъ, увлеченный его рассказами, повѣрилъ имъ добродушно, и не посоветовавшись ни съ кѣмъ, отдалъ ему свои деньги въ полное распоряженіе...

Когда мы его пріатели узнали объ этомъ — мы ахнули.

— Помилуй, закричали мы ему въ одинъ голосъ, — какъ можно было довѣряться такому человѣку? У него на рожѣ написано, что онъ разбойникъ...

— Вотъ то-то, господа, — возразилъ онъ намъ съ проницаніемъ, — вы всѣ проповѣдуете о гуманности, о человѣческихъ воззрѣніяхъ, а осуждаете человѣка, котораго вовсе не знаете, по одной только наружности. Конечно онъ не красавецъ, не имѣетъ хорошихъ манеръ, свѣтскости; но это человѣкъ умный, дѣльный и честный, съ глубокими и обширными торговыми взглядами; онъ политическую экономію знаетъ, какъ профессоръ. Если бы вы взяли на себя по крайней мѣрѣ трудъ послушать его, какъ онъ говоритъ; не думайте, чтобы онъ былъ фразеръ, — нѣтъ! у него все взвѣшано, все на математическихъ расчетахъ и на фактахъ. Онъ другъ съ Кобденомъ и въ перепискѣ съ нимъ, а Кобденъ, надѣюсь, не сталъ бы переписываться съ какимъ нибудь аферистомъ и мошенникомъ!...

— А ты читалъ эту переписку?

— Нѣтъ... Я не читалъ; но неужели же нельзя никому вѣрить на слово? Неужели по вашему весь міръ состоитъ изъ мошенниковъ? Хороши у васъ понятія о человѣчествѣ!

— Да тутъ, любезнѣйшій другъ, возразили мы, — дѣло идетъ не о человѣчествѣ, а объ одномъ аферистѣ, который надуваетъ тебя...

— Господа! произнесъ нашъ другъ съ глубокимъ огорченіемъ, — неужели жъ вы полагаете, что я такъ легко вдамся въ обманъ? Я,

кажется, не такъ глупъ... А я вамъ скажу, что я считаю себя счастливымъ, что онъ взялъ меня въ компанію къ себѣ. Ему не для чего было надувать меня: нѣсколько извѣстныхъ негоціантовъ, которые въ этомъ дѣлѣ смыслятъ поболѣе, чѣмъ мы съ вами, предлагали ему свои капиталы. — Вотъ что!.. Помилуйте, это предпріятіе великолѣпное, тутъ нѣтъ ни малѣйшаго риска... Въ десять лѣтъ можно устроить, или даже учетверить капиталъ....

— Ну дай Богъ! дай Богъ... посмотримъ... отвѣчали мы со вздохомъ.

Другъ нашъ послѣ этого накупилъ разныхъ политико-экономическихъ книгъ и весь обложился ими; прочелъ ли онъ что нибудь изъ нихъ,—за это я не ручаюсь, но промышленное направленіе на нѣкоторое время совсѣмъ овладѣло имъ: тысячи удивительныхъ проэктвъ бродили у него въ головѣ, онъ улыбался, значительно потиралъ руки и говорилъ намъ:

— Вы будете смѣяться надо мною, — пожалуй, смѣйтесь; а все таки я скажу вамъ, что черезъ десять лѣтъ я сдѣлаюсь миллионеромъ. Вотъ вы увидите. Хотите пари?

Лицо его такъ сіяло, глаза такъ горѣли, онъ весь былъ такъ проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, что было бы жестоко его разочаровывать—и мы не противорѣчили ему.

Аферистъ, съ печатью отверженія на лицѣ, былъ у него почти безвыходно. Онъ ѣлъ и пилъ на его счетъ. Это продолжалось года три. Въ теченіе этого времени другъ мой нѣсколько разъ говорилъ мнѣ о немъ съ умиленіемъ и со слезами на глазахъ....

— Отличнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ! прибавлялъ онъ обыкновенно въ заключеніе, нѣсколько нѣвучимъ голосомъ.

На четвертый годъ филатура остановилась за неуплатою долга рабочимъ, машины проданы съ аукціоннаго торга, капиталъ моего друга погибъ, а честнѣйшій человѣкъ тайно скрылся куда-то изъ Петербурга.

— Ну что? не предупреждали ли мы тебя, не говорили ли мы тебѣ, что ты связываешься съ мошенникомъ? замѣтилъ я однажды моему другу какъ-то кстати, спустя мѣсяца два послѣ этого несчастнаго событія, — можно ли до такой степени увлекаться?

— Ну чтожъ дѣлать? — сказалъ онъ съ досадою и нѣсколько сконфуженный.... Это урокъ....

— Но за который заплачено дорого.

— Что за важность! возразилъ мой другъ, — у меня осталось довольно, чтобы прожить вѣкъ безбѣдно одному, требованія мои очень умеренны....

— Но фантазіи неумѣренны, перебилъ я....

— Жениться я не намѣренъ, продолжалъ онъ, — да теперь ужъ и поздно. Пора этихъ увлеченій давно прошла...

— Не говори этого. Увлечешься и женишься....

— Никогда! никогда!

Онъ не шутя разсердился на меня и началъ мнѣ прекрасно доказывать, что онъ неспособенъ уже ни къ какимъ увлеченіямъ, что-теперь онъ имѣетъ самый положительный взглядъ на вещи.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого онъ уѣхалъ въ Москву, а черезъ два мѣсяца женился на дѣвушкѣ среднихъ лѣтъ, которую онъ въ первый разъ увидѣлъ съ эстетикой Гегеля въ рукѣ.

На эту эстетику вдругъ разгорѣлись его фантазіи.

Дѣвушка, читающая Гегеля — какое удивительное явленіе! Каковъ долженъ быть умъ!

Каждое ея слово самое обыкновенное казалось ему послѣ этой эстетички исполненнымъ глубины необычайной, удивительнаго значенія.

— Ахъ, какое дивное, существо! повторялъ онъ въ умиленіи качая головою. Какое счастье встрѣтиться съ такою дѣвушкою! Вотъ эдакая дѣвушка можетъ составить счастье человѣка! И какое въ ней тонкое эстетическое чувство....

Эстетика такъ и вертѣлась у него въ головѣ. Онъ былъ влюбленъ, влюбленъ страстно, но еще не рѣшался сдѣлать предложеніе.

Однажды онъ заговорилъ о ней съ однимъ московскимъ авторитетомъ.

Авторитетъ отозвался о ней съ большимъ уваженіемъ....

— Ужъ если онъ отзывается о ней такъ, подумалъ мой другъ, такъ послѣ этого и думать нечего!...

И онъ въ тотъ же день сдѣлалъ предложеніе....

Послѣ свадьбы онъ тотчасъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Первое свиданіе наше было глубоко-трогательно.

— Что, братъ, мое пророчество сбылось? сказалъ я, обнимая его.

Онъ крѣпко прижалъ меня къ своей груди, держалъ такъ около пяти минутъ и задыхался отъ волненія повторялъ:

— Ну да, да! ты правъ. Я теперь счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ! Еслибъ ты зналъ, какая у меня жена!

Не много прійдя въ себя, онъ началъ мнѣ описывать ея качества и кончилъ такъ:

— Я чувствую, что я не стою ея, что она во сто разъ умнѣе меня, образованнѣе, глубже смотритъ на жизнь.... Самъ NN (онъ называлъ по имени московскій авторитетъ) уважаетъ ее, спроси-ка у него объ ней, а ужъ послѣ этого кажется прибавлять ничего не остается....

Я съ любопытствомъ и не безъ страха представился ей.

Но не смотря на уваженіе къ ней авторитетовъ и прочаго, она произвела на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Высокая, сухощавая, лѣтъ за 30, съ педантскимъ выраженіемъ въ лицѣ, съ сухими, угловатыми и рѣзкими манерами, она скорѣе могла оттолкнуть отъ себя, нежели привлечь къ себѣ. Обозрѣвъ ее, я невольно прошепталъ: «О, бѣдный другъ мой!»...

И чѣмъ болѣе я узнавалъ ее впослѣдствіи и наблюдалъ за нею, тѣмъ грустнѣе и чаще повторялъ: «О, бѣдный другъ мой!»

Я это повторяю и до сихъ поръ.

Одинъ изъ нашихъ общихъ пріятелей, толкуя объ ней, замѣтилъ, что она торжественностію манеръ своихъ напоминаетъ театральныхъ царицъ на Александринскомъ театрѣ.

— Нѣтъ, возразилъ другой нашъ пріятель,—она болѣе походитъ на бѣглаго солдата въ юбкѣ....

Я болѣе согласенъ съ послѣднимъ.

Я не завидую супружескому счастью моего пріятеля, но онъ находитъ себя счастливымъ (а женатъ онъ 15 лѣтъ); онъ до сихъ поръ считаетъ свою супругу очень умной женщиной, но объ ея граціи, эстетическомъ тактѣ ея и о эстетикѣ Гегеля вообще онъ умалчиваетъ. Даже къ Гегелю онъ питаетъ, какъ я замѣтилъ, нѣкоторые отвращеніе.

Не смотря на свое счастье, онъ однако такъ и наровитъ всякій разъ выбѣжать изъ дому подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Дѣтей у нихъ нѣтъ.

И это слава Богу!...

III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРИИ ОБЪ УВЛЕЧЕНІЯХЪ МОЕГО ДРУГА. — СЛЕЗЫ ПО ПОВОДУ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА, И ПРОЧЕЕ.

Неужели и послѣ такихъ сильныхъ жизненныхъ испытаній мой другъ не пересталъ еще увлекаться?

Нѣтъ, онъ все увлекается....

Вотъ какихъ господъ производитъ Петербургъ!

Можно ли послѣ этого упрекать его въ холодности?

Лѣтъ пять назадъ тому одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, котораго мой другъ почему-то считаетъ героемъ честности и котораго всѣ мы знаемъ за человѣка весьма обыкновеннаго и притомъ не весьма акуратнаго въ денежныхъ дѣлахъ, адресовался къ нему съ просьбой достать три тысячи на полгода. Господинъ этотъ сказалъ,

что отъ трехъ тысячъ зависить его честь и что если онъ не будетъ имѣть ихъ послѣ завтра, то ему болѣе ничего не остается, какъ застрѣлится.

Что дѣлать въ такомъ случаѣ?

Самое простое и легкое отвѣчать:

— Денегъ у меня нѣтъ. Застрѣлитесь, если хотите.

Но мой другъ, у котораго никогда не бываетъ въ наличности много денегъ: — ему жена выдаетъ ежедневно только на мелочныя расходы, — рискуетъ по всему городу, чтобы достать эти деньги подъ свое поручительство.

— Да, Бога ради, изъ чего ты такъ хлопочешь? говорятъ ему пріятели, — еслибы это было для друга, для человѣка близкаго тебѣ и въ которомъ ты увѣренъ, мы не сказали бы тебѣ ни полслова, а то вѣдь этотъ господинъ — то еще сомнительный....

— Я увѣренъ въ немъ болѣе, нежели въ самомъ себѣ, нежели во всѣхъ васъ! восклицаетъ мой другъ.

— Это кажется увлеченіе? замѣчаютъ ему.

— Ахъ, Бога ради! Опять ваши шуточки! кричитъ мой другъ, затыкая уши.

Странный человѣкъ!... Какія же шуточки?...

Онъ достаетъ деньги у ростовщика и подписывается подъ заемнымъ письмомъ, какъ поручитель.

Проходитъ полгода.

Занявшій господинъ оказывается, разумѣется, несостоятельнымъ и за него платитъ мой другъ, перенося за эти деньги страшную сцену съ супругой, вооруженной Гегелемъ....

И деньги эти до сихъ поръ не возвращены ему!...

Онъ впрочемъ это скрываетъ отъ насъ и увѣряетъ, что онъ получилъ ихъ.

Состояніе моего друга теперь очень разстроено потому, что супруга его, несмотря на свой философскій взглядъ, отличается суетностію и тщеславіемъ необыкновеннымъ, издерживаетъ прѣ опасность на разныя тряпки, въ которыя она наряжается, потому что до сихъ поръ имѣетъ претензію нравиться и поддурманиваетъ свои сухощавыя и пожелтѣвшія щоки; по четвергамъ она открываетъ свой салонъ, въ которой пріятели ея супруга не допускаются; держитъ экипажъ и человѣка въ ливрейномъ фракѣ, съ гербами на пуговицахъ и въ гороховыхъ щиблетахъ и полулежитъ на туровскомъ патѣ, подъ огромнымъ листомъ сзади стоящаго банана. Гости ея находятъ ее почти всегда въ этомъ положеніи и на этомъ мѣстѣ съ Шиллеромъ, или съ Гёте въ рукѣ, особенно съ послѣднимъ, который написалъ ей

въ альбомѣ нѣсколько строчекъ, когда она въ молодости подъ именемъ русской гениальной дѣвушки ѣздила въ Германію.

Этотъ альбомъ постоянно лежитъ на столѣ въ ея салонѣ, въ великолѣнномъ футлярѣ, отдѣльно отъ всѣхъ кипсековъ и обыкновенно по четвергамъ переходитъ изъ рукъ въ руки.

И несмотря на то, что подъ глазами у моего друга образовались морщины въ видѣ лапокъ, что волосы его совсѣмъ посѣдѣли и лобъ сдѣлался необыкновенной величины съ тремя глубокими чертами, а уши обросли волосами, — несмотря на все перенесенное имъ и переносимое въ жизни, онъ все еще не потерялъ юношескаго энтузіазма и все еще продолжаетъ увлекаться и фантазировать, даже чувствительнѣе прежняго.

Все современное и общественное интересуетъ его въ высшей степени.... Пароходы, желѣзныя дороги, откупа, политико-экономическіе споры, крестьянскій вопросъ, политическія событія, литература и журналистика, — все повергаетъ въ восторгъ его любознательную фантазію.... Читаетъ онъ, говоря правду, не много, но за то съ жадностію перебираетъ всѣ газеты и журналы особенно отечественныя. Онъ съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ выхода каждой новой книжки журнала, перелистываетъ нѣкоторые, особенно замѣчательныя статьи, приходитъ обыкновенно въ умиленіе отъ которой нибудь изъ нихъ и восклицаетъ со слезами:

— Ахъ какая глубина! какая сила! какое мастерство!.. Это чудо! Ну—это статья капитальная! Меня даже лихорадка била, когда читалъ ее.... У! какого человѣка приобретаетъ русская литература!... И какой жизнью кипятъ теперь всѣ наши журналы, — прибавляетъ онъ, — сердце радуется.... благодарю Бога, что я дожилъ до такого времени!...

И слезы при этомъ такъ и капаютъ по щекамъ его....

Не такъ давно я встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ.

Онъ бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня; лицо его сіяло такимъ счастіемъ, какъ будто онъ получилъ неожиданное наслѣдство.

— Ты слышалъ? вскрикнулъ онъ.

— Что такое?...

— Вѣдь ужъ Г* получилъ 200 руб. для литературнаго фонда!

И онъ при этомъ чуть не подпрыгнулъ на тротуарѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я очень радъ.

— Да что же ты братецъ, принимаешь это такъ равнодушно? Вѣдь это отличное предпріятіе!... Общества для вспоможенія литераторовъ существовали давно вездѣ, — только у насъ до сихъ поръ не было. Честь и слава тому кто первый поднялъ вопросъ объ

этомъ дѣлѣ, и честь и слава тому, кто первый внесъ на это предпріятіе деньги.... А для тебя это какъ будто все равно!...

— Какой же ты чудакъ! отвѣчалъ я.—Я совершенно согласенъ съ тобой, что это прекрасное и благородное предпріятіе, объ этомъ и спору быть не можетъ. Я отъ души желаю, чтобы оно осуществилось скорѣе, — но неужели ты хочешь, чтобы я изъявлялъ свой восторгъ криками, слезами и прыганьемъ? Милый другъ, такое внѣшнее выраженіе восторга намъ не къ лицу и не по дѣламъ.

«Что за душа!» подумалъ я однако и крѣпко пожалъ руку моего друга.... — Вотъ, продолжалъ я, — во внутреннихъ губерніяхъ говорятъ, что весь Петербургъ помѣшанъ на одномъ личномъ интересѣ, что все мы зачерствѣлые эгоисты... Боже мой! Боже мой! Посмотрѣли бы эти господа на тебя... Вѣдь ты только живешь для другихъ и другими... Ну, казалось бы, какое тебѣ дѣло до литературнаго фонда: ты не литераторъ, и никогда ничего не получишь изъ этого фонда, а у тебя и отъ него льются слезы....

Мой другъ былъ очевидно тронутъ моими словами вполне искренними, но въ то же время онъ какъ будто замѣтилъ въ нихъ маленькую пронию и потому на фizioноміи его выразилось умиленіе, смѣшанное съ замѣшательствомъ....

— Клянусь тебѣ Богомъ, сказалъ онъ въ волненіи и съ жаромъ ударяя себя въ грудь:—всякій общественный успѣхъ, всякій шагъ впередъ на пути просвѣщенія меня такъ радуетъ и такъ дѣйствуетъ на меня, какъ будто я вдругъ и неожиданно получилъ, ну... чтобы наприимѣръ? миллионъ или какъ будто меня произвели въ большой чинъ. Я ужъ таковъ.... Что дѣлать?... Господи! да какъ же не радоваться наприимѣръ, что скоро вся Россія покроется сѣтью желѣзныхъ дорогъ?...

И на глазахъ моего друга снова показались слезы.

— Вы меня упрекаете въ увлеченіи, продолжалъ онъ: — можетъ быть я и увлекаюсь; но я счастливъ, когда могу оказать услугу какому нибудь хорошему человѣку; ейбогу....

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, мой милый другъ, перебилъ я, — но бѣда въ томъ, что ты иногда дурнаго человѣка принимаешь за очень хорошаго и въ ущербъ собственныхъ интересовъ, тратишь свои силы и свое время для такого господина, который не стоитъ твоихъ хлопотъ....

— Ну чтожъ дѣлать? Я таковъ! произнесъ онъ печально, разводя руками.

Дѣйствительно самоотверженіе моего друга не имѣетъ мѣры. Онъ вѣчно бѣгаетъ, развѣзжаетъ и хлопочетъ по чужимъ дѣламъ, самъ напрашивается у всѣхъ на какое нибудь порученіе, вѣчно кажется

озабоченнымъ и занятымъ, хотя въ сущности серьёзно ничего не дѣлаетъ. Къ серьёзному дѣлу онъ вовсе неспособенъ и самъ немножко понимаетъ это, но страшно любить, чтобы его принимали за дѣловаго человѣка и передъ незнакомыми всегда прикидывается дѣловымъ.

Въ сущности онъ только способенъ сочувствовать всему прекрасно и благородному, умиляться и восторгаться....

Онъ умиляется отъ самыхъ малыхъ причинъ. Поводомъ къ его умиленію служить хорошій обѣдъ, или ужинъ, освѣщеніе и нѣсколько добрыхъ пріятелей.... Въ такія минуты онъ доходитъ до опьяненія, не выпивъ еще рюмки вина; глаза его обыкновенно наполняются слезами, и онъ не будучи въ состояніи удерживать себя, восклицаетъ: — Ахъ, Господи, какъ я теперь счастливъ, еслибъ вы знали, какъ я люблю всѣхъ васъ! какъ мнѣ хорошо!...

Наливаетъ себѣ полный стаканъ вина и выпиваетъ его залпомъ, а иногда бросается къ кому-нибудь изъ пріятелей и начинаетъ его обнимать и целовать.

Въ провинціи полагаютъ также, что петербургскіе люди неспособны къ родственнымъ чувствамъ, но такого нѣжнаго, горячаго, любящаго роднаго, каковъ мой другъ, не пайди отъ

«Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
«Отъ потрясеннаго Кремля
«До стѣнъ недвижнаго Китая....»

Достаточно попасть къ нему какимъ-нибудь образомъ въ родство, чтобы сдѣлаться мгновенно въ глазахъ его благороднымъ, честнѣйшимъ, умнѣйшимъ, просвѣщеннѣйшимъ и даже гениальнѣйшимъ изъ людей. Для каждаго изъ родныхъ собственно своихъ или съ жениной стороны — все равно до седьмаго колѣна — онъ во всякую данную минуту готовъ пожертвовать жизнію въ случаѣ необходимости. Онъ распинается за каждаго изъ нихъ.

Если у него въ числѣ родственниковъ оказывается самодовольный и наглый невѣжа, партизанъ всякаго притѣсненія и насилія, и если кто-нибудь изъ пріятелей выскажетъ моему другу свое откровенное мнѣніе касательно этого родственника и представить на то очевидные факты, — другъ мой приходитъ, правда, въ крайнее смущеніе, но все-таки начинаетъ обыкновенно увѣрять пріятеля, что тотъ ошибается, что можетъ быть факты и противъ его родственника, но въ сущности онъ все-таки человѣкъ прелестный, свободно мыслящій, другъ всякаго разумнаго прогресса и прочее и прочее.

И родственникъ искренно кажется ему таковымъ, несмотря ни на какія обличительныя противъ него факты, потому что въ родственникѣ онъ положительно не можетъ видѣть дурныхъ сторонъ...

Въ послѣднее время другъ мой постоянно находится въ состояніи экстаза. Каждая журнальная статья, въ которой говорится о пользѣ гласности или о пользѣ публичнаго судопроизводства, о какой-нибудь новой желѣзной дорогѣ у насъ, или за границей, или новой компаніи на акціяхъ, объ улучшеніи участи крестьянъ, или объ улучшеніи петербургскихъ мостовыхъ, повергаетъ его въ несказанное умиленіе....

Онъ въ такихъ случаяхъ ко всѣмъ пріятелямъ бросается на шею и говоритъ:

— Ну, слава Богу, вотъ до какихъ временъ мы дожили!... Слава Богу!

Онъ до того увлекается, что смѣшиваетъ порыванія, стремленія и предположенія съ осуществленіемъ. Ему кажется уже, что въ Петербургѣ отличная и гладкая какъ паркетъ мостовая, потому только что напечатана гдѣ-то статейка объ улучшеніи мостовыхъ....

Восторгъ его не останавливается на однихъ отечественныхъ вопросахъ, предпріятіяхъ и событіяхъ.... Онъ также горячо сочувствуетъ всемірнымъ предпріятіямъ и вопросамъ.

Учрежденіе компаніи для прорытія Суэскаго перешейка такъ поразило его, что онъ три недѣли сряду разъѣзжалъ по своимъ пріятелямъ и знакомымъ и только объ этомъ и говорилъ, горячо пожимая ихъ руки.

— Это великое событіе, великое! И какія неисчислимыя выгоды представляются теперь для европейской торговли!

Онъ досталъ себѣ одну акцію этой компаніи, выпросивъ не безъ труда у жены денегъ на это, и получивъ акцію радовался ей, какъ ребенокъ, долго любовался ею одинъ и потомъ поѣхалъ показывать ее всѣмъ своимъ пріятелямъ.

— Вотъ и я, повторялъ онъ дрожащимъ отъ внутреннихъ ощущеній голосомъ и со слезой на рѣсницѣ,—могу теперь сказать, что буду способствовать этому великому предпріятію!..

Въ сію минуту онъ занятъ итальянскимъ вопросомъ и такъ радуется за Италію, какъ будто она уже получила свободу и независимость....

У меня другъ мой бываетъ всякій день и въ постоянно восторженномъ состояніи... Онъ обнимаетъ меня, прижимаетъ къ груди, проливаетъ слезы умиленія, жметъ мнѣ очень больно руку въ порывахъ своего увлеченія и сердится на меня, если я не исполнѣ сочувствую его преувеличеннымъ надеждамъ, и не раздѣляю его преувеличенныя фантазіи.

— Нѣтъ, ты устарѣлъ, братъ! говоритъ онъ мнѣ съ упрекомъ, качая головою....

— Чтожь дѣлать? отвѣчаю я,—но посмотри въ окно, неужели этотъ видъ не охлаждаетъ твой энтузіазмъ и не наводитъ на тебя унынія? Грязь, слякоть, мокрая лепешки снѣга, ямы...

Барометръ ужь поднимается, перебиваетъ онъ меня, — ужь поднялся.... Завтра непременно будетъ отличная погода, солнце... Ужь весною запахло...

— Да это завтра!... а посмотри, что сегодня... Весенній запахъ! — Я покуда слышу только запахъ сырости и гнили....

Я искренно и отъ всей души люблю моего друга, я вполне цѣню его прекрасное, горячо сочувствующее всѣмъ великимъ и маленькимъ современнымъ вопросамъ сердце, но его вѣчный энтузіазмъ, его постоянно восторженное состояніе переносить не всегда можно, особенно въ дурномъ расположеніи духа и при такой мрачной, измѣнчивой погодѣ, какая была нынѣшнюю зиму въ Петербургѣ. При такихъ обстоятельствахъ мой другъ раздражаетъ мою жолчь, что я выхожу изъ терпѣнія, говорю ему непріятности, впадаю въ противоположную ему крайность и дѣлаюсь несправедливъ.

Когда онъ на дняхъ бросился ко мнѣ на шею и заговорилъ о блестящей будущности Італіи, о ее независимости и прочее...

(Въ этотъ день надобно замѣнить была прескверная погода).

У меня невольно вырвалось:

— Ахъ, оставь меня пожалуйста въ покоѣ съ своей Італіей: она еще не освобождена, Суэзскій перешеекъ еще не прорытъ... Отложи свой восторгъ до времени... это скучно!...

Очеркъ моего друга нисколько не преувеличенъ. Если вы прочтете его, мой провинціальный читатель, то вѣрно откажетесь отъ своего устарѣлаго мнѣнія, что Петербургъ населенъ только одними холодными людьми. Какое! я повторяю, мы всѣ ужасные энтузіасты и увлекающіеся люди, не исключая и меня, нападающаго на энтузіазмъ... только въ дурную погоду....

Оправдавъ петербургцевъ отъ предубѣжденій, которое питають относительно ихъ жители провинцій, я перехожу къ петербургскимъ новостямъ и начинаю съ петербургской масляницы.

Петербургскіе фельетонисты описываютъ обыкновенно масляницу съ большимъ чувствомъ и очень поэтически отзываются о блинахъ, пикникахъ, катаньи съ горъ, балаганахъ и различныхъ увеселеніяхъ. У меня на это никакъ недостаетъ краснорѣчія.... Пьяные толпы на улицахъ и какіе-то неистовые возгласы и крики одурѣвшаго отъ сивухи народа, могутъ улаждать взоръ и приводить

въ восторгъ... развѣ гг. откупищниковъ; до блиновъ я не охотникъ — они разстроиваютъ желудокъ; съ горъ я отъ роду не скатывался, а въ балаганскихъ представленіяхъ, не на хожу ничего забавнаго. Неизбѣжны Пьерро, Коломбины, арлекины, добрые и злые волшебники, прыгающіе и пляшущіе и несмотря на это все-таки посинѣвшіе отъ мороза — возбуждаютъ болѣе состраданія, чѣмъ удовольствія. Юлія Пастрана, эта полуобезьяна и полуженщина, понизившаяся до 25 копѣекъ и показывавшаяся на Адмиралтейской площади на масляницѣ нынѣшняго года, — также принести большого удовольствія не можетъ, несмотря на то, что она танцуетъ передъ вами, поетъ русскую пѣсню, протягиваетъ руку зрителямъ и кричитъ: «здравствуйте! поскорѣй, поскорѣй!» потому вѣроятно, что при 8⁰ мороза (на, масляницѣ были морозы и довольно сильные въ первые дни) въ трико—ей не совсѣмъ ловко. Шерсть, покрывающая эту несчастную, видно, не защищаетъ ее отъ нашихъ морозовъ и она спѣшитъ за кулисы въ свою коморку погрѣться хоть минуту у желѣзной печки... А потомъ опять начинается та же пѣсня, та же пляска, тоже пожиманіе рукъ съ приговоромъ; «здравствуйте, поскорѣй, поскорѣй!»... Веселаго тутъ нѣтъ ничего.... Балаганный циркъ?... Но мы видѣли всѣ эти скаканья, прыганья черезъ бумагу и проч. въ гораздо болѣе привлекательномъ видѣ. Грязныя трико, скверныя лошади, затасканныя костюмы... не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго... Звѣри Крейцберга и восемнадцати-лѣтняя дѣвица ихъ укрощающая—намъ уже извѣстны. Въ звѣринцѣ довольно побывать разъ, особенно тѣмъ, кто имѣетъ тонкое обоняніе... Извѣстный мандаринъ, звѣрски напавшій въ столицѣ Китая, при посѣщеніи тамошняго звѣринца, на низшаго чиновника за то, что тотъ осмѣлился курить папирску въ присутствіи его превосходительства, вѣроятно лишенъ былъ обонянія... Онъ разгорячился и кричалъ съ пѣною у рта: «Да я сударь... да я васъ.... да я васъ научу уважать старшихъ!» Но остроумная китайская публика, возмущенная наглостію мандарина, говорятъ, закричала: «г. укротитель звѣрей! укротите этого высокопочтеннаго господина съ тремя шариками на шапкѣ!» и заставила его потихоньку убраться изъ звѣринца. — *Avis au mandarin!*

Упомянувъ о балаганскихъ представленіяхъ, нельзя не замѣтить, что они въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ не только не сдѣлали никакого прогресса, но даже отстали отъ прежнихъ. Пантомима Легата была несравненно лучше пантомимы г. Берга. На подмосткахъ Легата танцовали нѣкогда дѣвицы Ширъ... это было самое цвѣтущее время балагановъ!...

Пикники и загородныя поѣздки на трѣйкахъ обыкновенно въ

большомъ ходу въ Петербургѣ, особенно начинаясь масляницы до окончанія зимняго пути. Въ этихъ поѣздкахъ есть дѣйствительно что-то привлекательное для русскаго человѣка. Когда мшишься на птицѣ-тройкѣ, по выраженію Гоголя, то какъ бы ни было грустно и тяжело, тоска непремѣнно замретъ на минуту въ такомъ полетѣ... Поэзія троекъ всегда сохранится для насъ, несмотря на желѣзныя дороги... Пикники въ Петербургѣ бываютъ различнаго рода: свѣтскіе, блестящіе, приличные пикники, оканчивающіеся танцами, и пикники не совсѣмъ скромные. О послѣднихъ я имѣю понятія только по картинкамъ.

Глядя на такія картинки, я думаю: «какими исполинскими шагами идетъ Петербургъ по пути улучшеній и усовершенствованій... касательно роскоши дамскихъ туалетовъ и обуви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи мы скоро догонимъ Парижъ и наши Аспазіи и Фрины ни въ чемъ не будутъ уступать парижскимъ... ни въ туалетахъ, ни въ канканѣ, ни въ другихъ утонченностяхъ. Да ужъ и теперь они едва ли уступаютъ парижскимъ. Посмотрите на нихъ въ театрахъ, когда онѣ торжественно сидятъ въ бенуарахъ и ложахъ, въ великолѣпныхъ бальныхъ туалетахъ, играя своими вѣерами, или прокатаются по Невскому проспекту въ коляскахъ, развѣсивъ съ изнѣженной граціею, утонувъ въ волнахъ шелку и бархата. Какая восхитительная картина!... 15 лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго не было въ Петербургѣ; дамы эти изрѣдка и робко показывались въ несравненно скромнѣйшемъ видѣ.... Да! въ этомъ случаѣ мы совершили несомнѣнный прогрессъ—и смѣло идемъ по пути этого прогресса.

Заговоривъ о пикникахъ и загородныхъ катаньяхъ на тройкахъ, мы должны замѣтить, что всѣ эти тройки отправляются большею частію на дачу Стобеуса, по Петергофской дорогѣ, не доѣзжая Сергіевского монастыря. На этой дачѣ г. Огюстъ, бывшій содержатель Hôtel des princes устроилъ превосходный ресторанъ, съ большой залой для танцевъ, съ отдѣльными кабинетами, отлично удобными и меблированными съ большимъ вкусомъ и съ зимнимъ садомъ. Сервировка, самый столъ (у г. Огюста можно найти всѣ гастрономическія тонкости), прислуга — все превосходно и, что всего замѣчательнѣе—цѣны обѣдовъ и ужиновъ очень умѣренныя, сравнительно съ лучшими петербургскими ресторанами, которымъ г. Огюстъ не только не уступаетъ ни въ чемъ, но даже превосходитъ во многомъ... Такихъ загородныхъ ресторановъ до сихъ поръ еще не было въ Петербургѣ... Удобства, вкусъ, и даже роскошь, притомъ изящная и не бросающаяся въ глаза,—все соединено въ этомъ загородномъ ресторанѣ. Лучшаго мѣста для пикниковъ избрать не возмож-

но. Нѣтъ сомнѣнія, что Петербургская публика поддержитъ заведеніе г. Огюста...

Концертный сезонъ открылся. Театральные концерты въ пользу гг. Роллера, Ютти, Жоссъ, Кажинскаго и Леоновой, по обыкновенію были съ живыми картинами; картины въ бенефисъ г. Роллера были особенно-удачны.... Изъ замѣчательныхъ артистовъ, пріѣхавшихъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургъ, первое мѣсто занимаютъ: г. *Фердинандъ Лаубъ* (скрипачъ, воспитанникъ пражской консерваторіи и чехъ родомъ) и *Герцъ* (піанистъ). Эти два артиста вмѣстѣ съ нашимъ талантливимъ соотечественникомъ Рубинштейномъ (на котораго сказать мимоходомъ у насъ всѣ посматриваютъ теперь невольно съ большимъ уваженіемъ послѣ его блистательныхъ успѣховъ въ Европѣ) составляютъ украшеніе настоящаго музыкальнаго сезона.

То, что Рубинштейнъ принадлежитъ къ первымъ европейскимъ современнымъ піанистамъ, что онъ обладаетъ почти геніальнымъ талантомъ, какъ исполнитель, — въ этомъ теперь уже никто не сомнѣвается. Съ его удивительнымъ талантомъ мы всѣ давно знакомы. Кто изъ русскихъ не слыжалъ его?... и потому мы обратимся къ нашимъ гостямъ.

Имя Лаубе, по словамъ музыкальныхъ знатоковъ, гремитъ по всей Германіи. Настоящій виртуозъ, онъ вполнѣ, говорятъ, овладѣлъ своимъ инструментомъ и покорилъ себѣ всѣ техническія трудности... Онъ разыгрываетъ между прочимъ самыя серьезныя вещи Баха и Бетговена, но не останавливается на нихъ: его репертуаръ чрезвычайно обширенъ. Лаубе долго жилъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Веймарѣ и въ семъ послѣднемъ городѣ сошелся съ Францомъ Листомъ и пользуется его дружбою. Въ сію минуту—онъ первый солистъ при дворѣ короля прусскаго. Имя Лаубе встрѣчается между прочимъ въ сочиненіи о Бетговенѣ профессора Маркса — сочиненіи чрезвычайно замѣчательномъ, по признанію лучшихъ музыкальныхъ критиковъ....

Первый концертъ г. Лаубе въ Петербургѣ былъ на Большомъ театрѣ и имѣлъ успѣхъ блистательный.... Онъ исполнилъ между прочимъ съ совершенствомъ блестящій концертъ Мендельсона и фантазію Эрнста на темы изъ Отелло. Въ концертѣ его пѣла г-жа Бокъ—дилетантка, имѣющая очень пріятный mezzo-soprano.

Г. Лаубе, говорятъ, хочетъ устроить квартетные вечера для публики и исполнять квартеты Гайдна и Бетховена.

Герцъ—не только піанистъ, но и композиторъ и сверхъ того фабрикантъ фортепьянъ и владѣтель извѣстной концертной залы въ Парижѣ.

Онъ много путешествовалъ и описалъ свое пребываніе въ Америкѣ, слѣдовательно ко всѣмъ другимъ талантамъ онъ присоединяетъ еще и талантъ писателя....

Кромѣ поименованныхъ артистовъ дано было множество концертовъ, и между прочимъ декламационныхъ и музыкальных вечеровъ, о которыхъ упоминать здѣсь мы не считаемъ пужнымъ,—замѣтимъ только о концертѣ трехъ сестеръ *Терезы, Жанны и Клеры, Понто-Ла-Розе* (піанистка и пѣвицы).

Въ одно время съ артистами къ великому посту съѣзжаются въ Петербургъ, какъ извѣстно, чародѣи, магики и фокусники. Въ сію минуту находятся у насъ два таковыхъ: гг. *Шово* и *Макалузо*. Первый не имѣлъ большого успѣха, но, говорятъ, что снаряды, посредствомъ которыхъ онъ производитъ свои фокусы, весьма любопытны.

Г. Макалузо еще не появлялся въ публики, но про него уже пишутъ и рассказываютъ чудеса, потому что онъ далъ нѣсколько представлений въ частныхъ домахъ. — Г. Макалузо соединяетъ, по признанію тѣхъ, которые его видѣли, утонченность джентльмена съ ловкостію фокусника.

Вотъ, что мы прочли объ немъ въ «Journal de St.-Petersbourg», который, сказать мимоходомъ, очень удачно редижирруется въ нынѣшнемъ году однимъ изъ бывшихъ редакторовъ «Норда» — г. Капельманомъ.

«Г. Макалузо, говоритъ Journal de St.-Petersbourg, — давалъ представленіе на вечерѣ у графа Кушелева-Безбородко, которое имѣло успѣхъ необыкновенный. Г. Макалузо могъ бы приводить въ ужасъ зрителей, если бы онъ не выполнялъ своихъ чудесъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ, простотою и граціею. — Онъ имѣетъ наружность и манеры совершенно благовоспитаннаго человѣка. Это чародѣй хорошаго общества, — вѣжливый съ мужчинами и удивительно любезный съ дамами. На этомъ вечерѣ, о которомъ упомянули мы, подъ его рукою разцвѣтали букеты камелій и въ заключеніе онъ заставилъ разцвѣсть на своемъ стебелькѣ чудную и благоуханную розу.... Нѣсколько дней передъ этимъ мы видѣли его у г-жи Бозіо, наканунѣ ея отъѣзда изъ Петербурга, — онъ разорвалъ вышитый платокъ артистки и въ ту же секунду возстановилъ его какимъ-то чудомъ своими руками... и все это совершилось передъ нашими глазами....

«Когда мы писали эти строки въ нашемъ затворенномъ кабинетѣ, передъ окнами съ двойными рамами, вдругъ передъ нами, у самого кончика нашего пера, очутилось письмо.... Въ комнатѣ никого не было. Человѣкъ нашъ спалъ въ передней. Мы распечатали это письмо и прочли слѣдующее:

«Господинъ редакторъ,

«Вамъ угодно выдавать меня за колдуна, за чародѣя, а я не болѣе, какъ человѣкъ, пріобрѣтшій ловкость, которую и вы легко можете пріобрѣсти въ два, въ три года, если вы постоянно будете практиковаться въ томъ, что вамъ угодно, по снисходительности ко мнѣ, называть моимъ талантомъ.

«Вы позволили мнѣ объявить о моихъ представленіяхъ, и я беру смѣлость сообщить вамъ, что я дамъ семь представленій на Большомъ театрѣ.

1 въ Воскресенье	22 марта.
2 — Вторникъ	24 —
3 — Пятницу	27 —
4 — Вторникъ	31 —
5 — Среду	1 апрѣля.
6 — Четвергъ	2 —
и 7 — Пятницу	3 —

«Эти семь представленій для всѣхъ; до тѣхъ поръ я не буду, конечно, сидѣть со сложенными руками въ частныхъ собраніяхъ, на которыя меня удостоить приглашеніемъ.

«И теперь, г. редакторъ, поблагодаривъ васъ за ту любезность, съ которою вы мнѣ позволили сыграть съ вами неожиданный фокусъ, я говорю объ этомъ объявленіи и объ этой рекламѣ, я прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Макалузо.

Петербургъ, 6 марта 1859 г.
Большая Морская, домъ Руадзе,
№ кв. 6.

«Мы очень рады, прибавляетъ редакторъ газеты, — напечатать это письмо, тѣмъ болѣе, что оно написано въ очень приличныхъ формахъ.

«P. S. Въ ту минуту, когда мы, списавъ его, беремъ для того, чтобы присоединить къ нашей коллекціи автографовъ, — мы вдругъ, къ крайнему изумленію нашему, видимъ, что слова исчезли и что мы держимъ въ рукахъ листъ бѣлой бумаги»....

Каковъ г. Макалузо, если только все это не тонкая реклама со стороны остроумнаго редактора «Journal de St.-Petersbourg»!...

Въ домѣ князя Бѣлосельскаго былъ еще спектакль любителей, въ пользу патріотическихъ школъ, въ которомъ между прочимъ г-жа Мичурина (В. Самойлова) исполнила сцену Татьяны съ няней изъ Евгенія Онѣгина. Сцена эта продекламирована была г-жею Мичуриною удивительно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но мы должны откровенно признаться, что въ г-жѣ Мичуриной мы не замѣтили и

тѣни того идеала, который всѣми нами составленъ о Татьянѣ Пушкина.... Татьяна — деревенская барышня, ужъ во всякомъ случаѣ должна бы имѣть болѣе простоты, добродушія и натуральности. Она навѣрно не держала себя такъ искусственно и не говорила такъ изящно кокетливо, какъ говоритъ г-жа Мичурина.... помы совершенно забылись, что дѣлать замѣчанія любительницамъ—артисткамъ—неприлично и безтактно, поэтому мы беремъ назадъ это нечаянно вырвавшееся у насъ замѣчаніе, просимъ за него извиненія, рукоплещемъ талантливой любительницѣ, будто бы изображавшей передъ нами Татьяну, и въ восторгѣ повторяемъ вслѣдъ за всѣми: «Charmant! Charmant!»!...

Кстати о Дамскомъ патріотическомъ обществѣ, которое заботится болѣе чѣмъ о 500-хъ неимущихъ дѣвочкахъ... Въ домѣ предсѣдательницы этого общества графини Клейнмихель устроена для продажи выставка работъ этихъ дѣвочекъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что результатъ этого прекраснаго предпріятія обнаружитъ полное къ нему сочувствіе петербургской публики.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы упомянули о выставкѣ въ залѣ свѣтѣйшаго сѣнода фотографическихъ снимковъ привезенныхъ г. Севастьяновымъ съ Аѳонской горы.

Теперь мы обязаны поговорить подробнѣе о трудахъ г. Севастьянова, обратившихъ на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ обществъ, и о результатахъ этого труда, который теперь передъ нами. Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, мы заимствуемъ изъ статьи «Journal des Débats», и Русскаго Художественнаго Листка г. Тимма, который приложилъ рисунки со многихъ снимковъ, выставленныхъ нынѣ для публики г. Севастьяновымъ.

«Одно изъ первыхъ приложений свѣтописи къ снятію древнихъ надписей сдѣлано было въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ 1851 г., и фотографическимъ способомъ снята съ знаменитой монгольской надписи, объясненной Банзаровымъ и приложенной къ III тому *Записокъ* Общества. Это были однако ни болѣе, ни менѣе какъ только опыты. До самыхъ же блестящихъ результатовъ примѣненія фотографіи къ воспроизведенію памятниковъ древности первый достигъ г. Севастьяновъ.

«Петръ Ивановичъ Севастьяновъ получилъ образованіе въ императорскомъ московскомъ университетѣ. Онъ оставилъ гражданскую службу, чтобы всего себя посвятить наукамъ и искусству въ той области, въ которой надѣялся наиболѣе сдѣлаться полезнымъ своими трудами и открытіями. Сначала онъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и глубоко и подробно изучилъ священный городъ со стороны исторіи, древностей и мѣстности. Плодомъ этого изученія были составленный имъ рельефъ Іерусалима, гдѣ нагляднѣйшимъ образомъ,

изъ разныхъ веществъ были вырѣзаны и размѣщены горы, долины, зданія, проходы, улицы, ворота и т. п.; при этомъ г. Севастьяновъ трудился надъ сочиненіемъ, въ которомъ бы русскіе читатели получили въ сжатомъ выводѣ все то, что извѣстно объ Іерусалимѣ въ Европѣ, съ дополненіями изъ писателей восточной церкви, изъ сочиненій русскихъ и вообще славянскихъ, наконецъ изъ живыхъ преданій и повѣрій, собранныхъ путешественникомъ на мѣстѣ. Вскорѣ однако непреклонная воля самаго ревнителя отклонила его въ другую сторону и устремила къ другой цѣли. Посѣщая неоднократно Аѳонскую гору, путешественникъ убѣдился, что здѣсь—то именно лежитъ богатѣйшій, обильнѣйшій и доступнѣйшій рудникъ для такого изученія, съ тою притомъ выгодною, что здѣсь все византійское тѣсно соединяется съ общегреческимъ и славянскимъ и даже русскимъ. Первою задачею г. Севастьянова было сблизиться съ тамошними обитателями, т. е. монахами, преимущественно изъ Грековъ — задача, какъ извѣстно, не легкая, но которую онъ выполнилъ счастливо, съ помощію денегъ, которыхъ не щадилъ. Жажда знанія г. Севастьянова побуждала всякое упрямое укрывательство и слишкомъ была нова для иноковъ, приученныхъ къ подозрительности. Вторая, слѣдовавшая затѣмъ, задача истекала изъ того убѣжденія, что узанное и собранное не должно оставаться достояніемъ частнаго лица, но перейти во всеобщее пользованіе. Съ этою мыслію г. Севастьяновъ въ тѣ мѣсяцы, когда нельзя или неудобно было работать на Аѳонѣ, занялся прилежно въ чужихъ краяхъ изученіемъ археологій, палеографіи искусства, особенно современныхъ его техническихъ средствъ и между ними преимущественно фотографіи, при помощи которой и переревелъ на бумагу, съ изумительною точностію, церковныя изображенія, утвари, грамоты, рукописи и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ онъ достигъ того, что снималъ рукописи пергаменные и бумажныя, цѣликомъ, отъ начала до конца, листъ за листомъ, со всѣми вставленными рисунками, со всею порчею, происшедшею отъ времени. Теперь въ этихъ снимкахъ читаете вы всѣ древнѣйшія рукописи по листамъ, точно также, какъ въ подлинникѣ, потому что снимокъ до того живъ, что вы невольно хватаетесь за бумагу, думая не пергамень ли это, не загнулся ли уголъ, не налеплена ли печать? Мало того, сохраняя у себя негативу снимковъ, г. Севастьяновъ имѣетъ возможность передавать какой угодно снимокъ, въ какомъ угодно числѣ экземпляровъ.

«Изъ записки, читанной г. Севастьяновымъ, 5-го февраля 1858 г., въ собраніи Парижской Академіи Надписей и Словесности, между прочимъ, видно, что по предназначенному имъ плану, который онъ началъ уже приводить въ исполненіе, онъ полагаетъ сдѣлать собраніе фотографическихъ снимковъ на Аѳонской горѣ, куда вой-
дутъ:

«1. Рукописи греческія, грузинскія, церковно-славянскія, сербскія и болгарскія; онѣ на пергаменѣ, съ украшеніями цвѣтными и золотомъ, различнаго письма и величины, иногда съ нотами пѣнія; длина рукописей измѣняется отъ 8 сантиметровъ (около 3 дюймовъ) до одного метра (около 3 футовъ). Древнѣйшія изъ нихъ, можетъ быть, VII столѣтія.

«2. Граматы и акты: хрисовулы византійскихъ императоровъ и князей, начиная отъ Константина и Романа (X-го столѣтія), и царей, королей, деспотовъ, князей и жупановъ Сербіи и царей Булгаріи, съ XII вѣка; воеводъ угро-влахійскихъ XV вѣка и граматы русскихъ царей, начиная съ XVI вѣка; свинцовыя печати (сигиліоны) византійскихъ императоровъ и патріарховъ, начиная съ Василія Македонянина (IX столѣтія) и патріарха Николая; печати изъ зеленого воска (Ахридскія); записи, духовныя завѣщанія и т. п., съ IX столѣтія. Эти рукописи также на пергаменѣ и различной величины; на нѣкоторыхъ находятся изображенія святыхъ, портреты императоровъ и членовъ ихъ фамилій.

«3. Кресты, сосуды, ковчежцы, кадила, люстры, канделябры, переплеты, ризы на образахъ, посохи, шитыя вещи, замѣчательныя по древности и искусству. Многія изъ этихъ вещей пожертвованы были царственными особами, о чемъ имѣются подлинныя граматы. Кромѣ фотографіи, г. Севастьяновъ полагаетъ употребить гальванопластику и отливаніе въ форму, для воспроизведенія большей части этихъ вещей,

«4. Иконы, писанныя *al fresco* на стѣнахъ и масляными красками на деревѣ, холстѣ и даже на сушеной рыбѣ; разныя иконы изъ дерева и изъ мрамора. Между этими иконами однѣ приписываются Евангелисту Лукѣ, другія относятся къ IV столѣтію; нѣсколько изъ нихъ привезено сюда изъ св. Софіи, по взятіи Константинополя. Нѣкоторыя изображаютъ Богоматерь, кормящую младенца Іисуса, другія самага Іисуса съ крыльями. Одна икона носитъ странное названіе *Игрушки Императрицы Теодоры*. Превосходныя фрески Панселина, сохранились во внутренности нѣкоторыхъ церквей Аѳона. Недостаточный свѣтъ въ этихъ зданіяхъ воспрепятствовалъ г. Севастьянову снять съ нихъ свѣтописные снимки и онъ принужденъ былъ удовольствоваться простыми (черезъ прозрачную бумагу) снимками; но къ предстоящей поѣздкѣ онъ приготовлялъ аппаратъ для электрическаго освѣщенія, чтобъ имѣть возможность воспроизвести эти фрески. Этимъ же способомъ онъ полагалъ снять внутренность нѣкоторыхъ церквей первобытно-византійскаго стиля архитектуры.

«5. Надписи и изваянія на надгробныхъ камняхъ, сохранившихся на Аѳонѣ, которыя могутъ служить матеріаломъ для исторіи древнихъ жителей полуострова.

«Г. Севастьяновъ еще въ 1851 году, былъ на Святой горѣ, для общаго обозрѣнія Аѳонскихъ монастырей и хранящихся въ нихъ древностей; но возникшій вслѣдъ затѣмъ восточный вопросъ, окончившійся войною, пріостановилъ на нѣсколько лѣтъ труды г. Севастьянова, такъ что вторично отправиться на Аѳонскую гору онъ могъ не ранѣе какъ, уже въ маѣ мѣсяцѣ 1857 года. Передъ этимъ, онъ предварительно съѣздилъ въ Парижъ, чтобы ознакомиться съ техническими приѣмами фотографіи и запастись всѣми необходимыми для свѣтописи матеріалами. Прибывъ въ 1857 году на Аѳонъ, нашъ соотечественникъ немедленно приступилъ къ снятію копій съ иконъ, изображеній старинной церковной утвари и снимковъ съ древнихъ рукописей; въ этихъ занятіяхъ онъ провелъ пять мѣсяцевъ въ шатрѣ, т. е. почти подъ открытымъ небомъ, работая неутомимо, съ утра до вечера несмотря на нестерпимую жару. При этомъ необходимо замѣтить, что при всей своей дѣятельности, г. Севастьяновъ, въ слѣдствіе строгихъ уставовъ Аѳонскихъ монастырей, былъ лишенъ даже самаго необходимаго для поддержанія своего существованія. Во все время пребыванія своего на Святой горѣ онъ ни разу не ѣлъ, напримѣръ, говядины; даже рыба составляетъ тамъ рѣдкость, а чтобы имѣть овощи необходимо самому заниматься огородничествомъ. Въ октябрѣ 1857 года, г. Севастьяновъ возвратился, для новыхъ запасовъ въ Парижъ, гдѣ представилъ тамошней Академіи Надписей и Словесности образцы снятыхъ имъ копій и снимковъ, которые обратили на себя вниманіе ученыхъ и знатоковъ древностей и возбудили за границей къ трудамъ нашего соотечественника самое живое сочувствіе, незамедлившее проявиться въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, г. Севастьяновъ снова отправился на Аѳонскую гору, гдѣ между тѣмъ, оставленный имъ художникъ, въ теченіе всей зимы, работалъ по его указаніямъ и наставленію. Въ 1858 г. неутомимый путешественникъ занимался на Святой горѣ также ревностно, но занятія его шли гораздо быстрѣе, потому что онъ привезъ съ собою изъ-за границы еще одного художника. Въ сентябрѣ г. Севастьяновъ оставилъ Аѳонъ, и нужно было видѣть, съ какою заботою везъ онъ добытыя имъ сокровища въ Россію, чтобы подѣлиться ими съ своими соотечественниками.

«Во время переѣзда въ Смирну, пароходъ сѣлъ на мель, въ недалекомъ впрочемъ разстояніи отъ порта, такъ что можно было послать туда лодку къ другому русскому пароходу, стоявшему тамъ. Въ ожиданіи помощи, всѣ пожитки пассажировъ были вынесены на палубу. Пришелъ другой пароходъ, завезъ канаты и перетаскилъ къ себѣ пассажировъ, но безъ багажа, считая бесполезнымъ возиться съ нимъ. Одинъ г. Севастьяновъ не рѣшался разстаться съ своимъ

драгоцѣннымъ грузомъ и, собственноручно уложивъ его въ турецкую лодку, бережно перевезъ. И хорошо онъ сдѣлалъ, потому что когда начали тянуть обмелѣвшій пароходъ канатами, то его такъ наклонило на бокъ, что весь багажъ полетѣлъ съ палубы въ воду и былъ вынутъ изъ нея, разумѣется, подмоченный.

— Чтѣ было бы съ моими фотографическими и другими коллекціями, еслибъ я послушался! говорилъ г. Севастьяновъ. — Чтѣ было бы съ ними, еслибъ захватила насъ на мели буря!

«А о себѣ онъ и не думалъ; трудъ и его послѣдствія сдѣлались для него дороже жизни. Онъ нянчился съ своимъ тюкомъ, какъ съ ребенкомъ, почти на рукахъ довезъ его до Петербурга. И замѣьте при этомъ, что всю Россію проѣхалъ онъ съ нимъ на перекладныхъ.

«По прибытіи г. Севастьянова въ Москву, тамошній университетъ, желая доставить жителямъ первопрестольной столицы случай видѣть драгоцѣнное собраніе снимковъ съ древнѣйшихъ иконъ и рукописей святой Аѳонской горы, убѣдилъ своего бывшаго воспитанника выставить ихъ въ залахъ университета.

«Выставка продолжалась только недѣлю (съ 11 по 17-е января), потому что г. Севастьяновъ снѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, подѣлясь и съ нимъ своими сокровищами, снова отправиться къ веснѣ на Аѳонъ, для продолженія начатаго имъ труда. За входъ на выставку была назначена палата, въ пользу бѣднѣйшихъ Аѳонскихъ монастырей, скитовъ и келій.

«Императорское Русское Археологическое Общество, обративъ вниманіе на труды г. Севастьянова, по части археологіи и палеографіи, ознаменованные такими блистательными послѣдствіями, которыя вносятъ въ науку новыя открытія, въ общемъ собраніи своемъ 11 января сего года, положило избрать его въ свои члены.

«Наконецъ 8-го минушаго февраля и въ Петербургѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Москвѣ, въ зданіи святѣйшаго правительствующаго синода, открылись залы для обозрѣнія Севастьяновскаго Сборника снимковъ и копій съ священныхъ предметовъ и рукописей Аѳонскихъ монастырей въ которыхъ, по прежнему, продолжаютъ работать оставленные тамъ г. Севастьяновымъ художники.

«Хотя путешественникъ вывезъ съ собой въ Россію слишкомъ тысячу пятьсотъ различныхъ снимковъ и копій, но все это, по словамъ его, только самая малая часть того, чтѣ еще можетъ быть сдѣлано.

«Чтобы дать понятіе, чего могутъ ожидать отъ трудовъ г. Севастьянова исторія, филологія и художества, представляемъ бѣглый обзоръ важнѣйшихъ изъ вывезенныхъ имъ съ Аѳона драгоцѣнностей.

«I. Копіи съ рукописей.

«1) Глаголическое Евангеліе, вполнѣ—612 страницъ. Нѣкоторые полагаютъ, что эти письма употреблялись для славянскаго языка до введенія греческой азбуки св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Рукопись эта принадлежит Заграфскому монастырю. Долгое время листы были не сшиты, а продѣты на одинъ снурокъ, и рукопись пострадала, покуда не была переплетена, такъ что теперь у ней нѣтъ ни начала, ни конца. При переплетѣ попортили нѣсколько виньетокъ и приписокъ кирилловскими буквами. На нѣкоторыхъ страницахъ рисунки вѣроятно новѣе рукописи; но замѣчательны своею простотою. Они изображаютъ: главу Іоанна Крестителя, благословляющія десницы, св. апостоловъ Петра и Павла, св. Захарія и Елисавету, птицъ и проч. Фотографическіе снимки съ нихъ раскрашены согласно съ оригиналомъ, съ наивозможною точностью. Съ этого Евангелія г. Севастьяновъ началъ свой трудъ на Аѳонѣ. Всѣ снятыя съ листовъ этой книги копіи онъ соединилъ по порядку, въ одну книгу, для которой переплетъ слѣланъ по образцу переплетовъ древнихъ рукописей.

«2) Сто десять страницъ Житія Святыхъ Отцевъ, со всѣми рисунками, находящимися въ подлинникѣ, раскрашенными согласно оригиналу, относному къ X вѣку.

«3) Двадцать шесть страницъ греческой рукописи, свято сохраняемой между древностями монастыря Пантократора, но ошибочно приписываемой Іоанну Кушнику (V-го столѣтія). Она заключаетъ въ себѣ 500 страницъ, писана красивыми и тонкими буквами, съ золотомъ и цвѣтными украшеніями; виньеты разрисованы на золотомъ полѣ. Хотя рукопись и озаглавлена Евангеліемъ, но заключаетъ въ себѣ различные предметы: Новый Завѣтъ, рѣчи Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина, Діонисія Ареопагита и другихъ, и сверхъ того 152 врачебныя статьи. Помѣщенные здѣсь творенія Дамаскина, жившаго уже въ VIII вѣкѣ, свидѣтельствуютъ, что рукопись эта моложе, чѣмъ предполагаютъ аѳонскіе иноки. Переплетъ рукописи изъ дуба съ массивнымъ серебромъ. Одна изъ сторонъ представляетъ Распятіе Христа со св. Марією и св. Іоанномъ, по сторонамъ. Надпись славянская. На другой сторонѣ изображеніе Благовѣщенія, также съ славянскою подписью, отчасти уже егладившеюся. Снимокъ съ этого переплета находится на верхней сторонѣ переплета глаголическаго Евангелія г. Севастьянова.

«4) Десять страницъ изъ пергаменнаго Евангелія XVI вѣка, на болгарскомъ языкѣ, прекрасно сохранившагося въ монастырѣ Эсхигмена; красиваго и правильнаго письма. Фотографическіе снимки уменьшены вполовину противъ подлинника. Кромѣ того изъ этого Евангелія сняты четыре евангелиста, лики которыхъ иллюминированы согласно подлиннику.

«5) Восемнадцать страницъ изъ другаго болгарскаго Евангелія, столь же замѣчательнаго, какъ и предъидущее. Это послѣднее Евангеліе находится въ столицѣ Аѳона-Карѣѣ, въ келліи, носящей названіе *типикарницы* отъ хранящагося въ ней типика (устава) св. Саввы архіепископа сербскаго. Сверхъ того изъ этого Евангелія скопировано и раскрашено 310 буквъ, изумительныхъ по неистощимому разнообразію рисунковъ.

«6) Двѣнадцать страницъ изъ болгарскаго Евангелія, находящагося въ скиту Богородицы; оттуда же сняты (прорисью) заглавныя буквы и превосходные арабески.

«7) Шестнадцать страницъ изъ Житія Святыхъ Отецъ Варлаама и Иосафата, съ раскрашенными рисунками.

«8) Восемь страницъ изъ Дѣяній Апостольскихъ, на славянскомъ языкѣ, XII столѣтія.

«9) Полный снимокъ съ Литургіи Іоанна Златоуста, для діакона, на славянскомъ языкѣ; подлинникъ есть пергаменный свитокъ XIV столѣтія.

«10) Восемь страницъ Слова Іоанна Златоуста, на греческомъ языкѣ; съ этой рукописи кромѣ того скопировано арабесковъ и буквъ, числомъ до 40.

«11) Восемнадцать страницъ изъ Сборника на греческомъ языкѣ.

«12) Пятьдесятъ страницъ изъ четырехъ греческихъ Евангелій неодинаковаго формата и различнаго времени; кромѣ того съ одного изъ нихъ скопировано до 40 буквъ и арабесковъ.

«13) Пять экземпляровъ типика св. Саввы Сербскаго. Подлинникъ — свитокъ XII вѣка.

«14) Снимки съ рукописи, въ листъ, на 295 страницахъ, заключающихъ въ себѣ: а) географію Птолемея съ 42 раскрашенными географическими картами, б) географію Страбона и в) Периплъ Арріана. Оригиналъ принадлежитъ Ватопедскому монастырю и по времени относится къ XII вѣку, слѣдовательно заключающіяся въ немъ географическія карты Птолемея гораздо древнѣе находящихся въ парижской императорской библіотекѣ, которыя принадлежатъ къ XV столѣтію. Изъ этой рукописи географія Птолемея снята вполне (110 страницъ), притомъ карты раскрашены согласно съ оригиналомъ, а изъ географіи Страбона скопировано покуда еще только 44 страницы.

«15) Хрисовуль (царскія и княжескія граматы съ золотыми печатями), сигилій (граматы съ свинцовыми печатями, содержащія въ себѣ приказы царей и разныхъ владѣтелей) и другихъ актовъ на греческомъ и славянскомъ языкахъ, изъ монастырей Зографскаго—15, Эсфигменскаго—36, Хиландарскаго—26 и Иверскаго—4. Кромѣ того граматъ русскихъ царей изъ Хиландарскаго монастыря—12.

«II. Снимки съ иконъ.»

«Византійская живопись имѣтъ также своихъ представителей въ Сборникѣ г. Севастьянова, именно до пятидесятибольшихъ, *скалькированныхъ* копій съ иконъ и фресокъ. Снятіе этихъ копій представляло очень много затрудненій. Въ большей части аѳонскихъ церквей господствуетъ такой сумракъ, что не только не представляется возможности употребить фотографическій аппаратъ, но едва можно различить покрывающія стѣны этихъ церквей изображенія, и потому, для снятія съ нихъ копій, г. Севастьяновъ употреблялъ особеннаго рода, такъ называемую, *стеклянную* бумагу прозрачную какъ слюда; на этой бумагѣ контуры дѣлались кистью, а потомъ уже переводились на тонкую восковую бумагу, особеннаго свойства, позволяющую класть краски на сторонѣ противоположной карандашу, т. е. наоборотъ. Снятія, такимъ образомъ, на этой бумагѣ, копій съ фресокъ и иконъ и называются *кальками* или *прорисью*. Всѣ надписи на иконахъ греческія; только на одной изъ нихъ (Богоматери млекопитательницы) есть и славянскія; но если справедлива древность этого образа, относимаго къ VI столѣтію, то конечно находящіяся на немъ славянскія буквы написаны позднѣе. Большая часть образовъ писана на холстѣ наклеенномъ на деревѣ или на деревянныхъ доскахъ красками, разведенными на желткѣ (a tempera). Скалькированная стѣнная живопись въ церкви Иротата относится, по предположенію, къ XVI или XVII столѣтію, хотя нѣкоторые и приписываютъ ее Панселину, жившему въ XII вѣкѣ; къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ, штукатурка на стѣнахъ отстала и обвалилась.

«III. Изображеніе церковной утвари.»

«Въ этомъ отдѣлѣ Аѳонскаго Сборника г. Севастьянова мы находимъ фотографическія изображенія крестовъ, лампадъ, кадилницъ, понагій, окованныхъ переплетовъ, жезловъ св. отецъ и проч.; рельефно сдѣланные снимки съ образовъ металлическихъ и разныхъ деревянныхъ и т. п.

«и IV. Виды Св. Горы Аѳонской; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ шестомъ номерѣ «Русскаго Художественнаго Листка».

«Въ заключеніе приведемъ изъ записки, читанной г. Севастьяновымъ, въ собраніи Парижской Академіи Надписей и Словесности, нѣсколько предположеній нашего соотечественника, относительно примѣненія фотографіи къ снятію копій съ рукописей:

«Въ различныхъ библіотекахъ, говоритъ онъ, существуетъ значительное число рукописей драгоцѣнныхъ и иногда единственныхъ. Эти сокровища науки часто невѣдомыя публикѣ и даже археологамъ и библіофиламъ, много бы выиграли, еслибъ были болѣе извѣстны и окончательно пріобрѣтены для науки и застрахованы отъ гибели.

Поэтому не полезно ли было бы каждой европейской библіотекѣ устроить фотографическое отдѣленіе, для воспроизведенія всего, что въ ней есть драгоцѣннѣйшаго, и послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ работы дѣлать взаимный обмѣнъ снимковъ?—Тогда каждая библіотека имѣла бы у себя все, что есть замѣчательнѣйшаго въ мірѣ; была бы обезпечена на случай непредвидѣнной утраты рукописи и сверхъ того могла бы излишніе снимки обращать въ продажу. Еще выгоднѣе было бы, еслибъ снимки эти были воспроизводимы лито-фотографіей, которая обходится въдесятеро дешевле фотографіи, что дало бы возможность и самымъ скромнымъ, по состоянію, ученымъ приобрести для ихъ кабинетовъ и имѣть всегда подъ руками точныя воспроизведенія библіографическихъ рѣдкостей. Это былъ бы для археологіи столь же важный переворотъ, какой произвело книгопечатаніе для литературы и наукъ.

«Можно надѣяться, что сами правительства, имѣя въ виду пользу науки и искусства, окажутъ содѣйствіе этому дѣлу, тѣмъ болѣе, что фотографъ воспроизводитъ снимки издали, не касаясь оригинала и слѣдовательно не подвергая его никакой порчѣ.

«Что касается до монастырскихъ библіотекъ въ Европѣ и Азіи, то воспроизведеніе ихъ рѣдкостей тѣмъ болѣе превышаетъ средства одного человѣка. Для предпріятія въ столь обширномъ размѣрѣ необходимо соединеніе ученыхъ и фотографовъ; надлежитъ также имѣть значительныя суммы для приобретенія необходимыхъ матеріаловъ и перевозки ихъ. Если предпріятіе признано будетъ полезнымъ, почему бы правительству или ученымъ обществамъ не снаряжать учено-художественныхъ экспедицій, результаты которыхъ могутъ быть столь важны для науки?.....»

Нельзя не пожелать полного успѣха г. Севастьянову въ его будущихъ трудахъ.

Публичныя лекціи нынѣшнюю зиму въ величайшемъ ходу въ Петербургѣ. Кромѣ популярныя чтеній въ залѣ Пасажа по механикѣ, ботаникѣ, физиологіи, химіи и физикѣ, — Торговый домъ гг. Струговщикова, Пахитонова и Водова, все болѣе и болѣе расширяя свое полезное и заслуживающее полного сочувствія предпріятіе, открылъ съ первой недѣли поста еще новыя лекціи: 1) о геогнозіи и 2) приспособленныя собственно къ дѣтскимъ понятіямъ, элементарныя чтенія объ устройствѣ міра вообще и въ особенности о живыхъ существахъ, населяющихъ землю, о животныхъ и растеніяхъ.

Геогнозію читаетъ магистръ и приватъ-доцентъ с.-петербургскаго университета г. Пузыревскій. Элементарныя чтенія для дѣтей магистръ петербургскаго университета г. Михайловъ. Двѣ прочтанныя лекціи г. Пузыревскаго отличались совершенно популярнымъ и яснымъ изложеніемъ этой занимательной науки. Въ первой

лекціи онъ представилъ краткій очеркъ геологіи и ея исторіи. На второй лекціи онъ говорилъ: о водѣ, сушѣ, очертаніи материка, о высотахъ, о низменностяхъ, о распредѣленіи горъ, о составѣ морской воды, о происхожденіи рѣкъ и источниковъ.

Дѣтскихъ лекцій мы еще не имѣли случай слышать, но взрослые отзываются объ нихъ съ большою похвалою.

Вообще нельзя не порадоваться полезному предпріятію гг. Струговщика, Пахитонова и Водова и нельзя не пожелать искренно, чтобы это предпріятіе было поддержано петербургскою публикою...

Скоро должны открыться лекціи... для кавалеристовъ и вообще любителей верховой ѣзды въ манежѣ князя Меншикова. Лекціи эти будетъ читать подполковникъ А. А. Панаевъ.... Вотъ что говоритъ онъ въ разосланномъ имъ объявленіи:

«Постоянныя, исключительныя занятія мои изученіемъ природы лошади и изысканіемъ рациональнаго пути развитія ея естественныхъ способностей привели меня къ убѣжденію, что распространеніе въ публикѣ результатовъ моихъ трудовъ и наблюденій можетъ принести существенную пользу какъ самому дѣлу, такъ и всѣмъ интересующимся этимъ предметомъ, и наконецъ всѣмъ потребителямъ лошадей.

«Съ этою цѣлью я испросилъ у его свѣтлости, князя Александра Сергѣевича Меншикова, разрѣшеніе открыть въ принадлежащемъ ему манежѣ *публичныя чтенія объ искусствѣ образованія и употребленія лошади, въ обширномъ смыслѣ.*

«По возможности простое, для всѣхъ удобопонятное изложеніе ихъ будетъ сопровождаться практическими объясненіями процесса работы на самой лошади и необходимыми доказательствами при каждомъ, даже мелочномъ, обстоятельствѣ.

«По содержанію своему чтенія эти раздѣлятся на два рода: первыя будутъ заключать въ себѣ *систематическое изложеніе предмета*; вторыя—исключительно будутъ посвящены на *разрѣшеніе* и объясненіе, предлагаемыхъ мнѣ посѣтителемъ, различныхъ *вопросовъ на данныя случаи*, въ предѣлахъ моей спеціальности».

Первая лекція г. Панаева была 16 марта, при многочисленномъ стеченіи любителей ѣзды...

Г. Сюзоръ началъ въ нынѣшнемъ году свои чтенія о Французской литературѣ, въ залѣ 2-й гимназіи 15 марта.—Всего онъ предполагаетъ четыре чтенія.

Въ Петербургѣ находится съ нѣкотораго времени доминиканецъ *Сойларъ*, который въ католической церкви св. Екатерины каждое воскресенье произноситъ то, что у насъ называютъ проповѣдями, или върнѣе краснорѣчивыя рѣчи, въ которыхъ между прочимъ, разумѣется, съ католической точки зрѣнія, затрогиваются нѣкоторые

изъ важныхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ. Такъ на-
 примѣръ г. Сойяръ посвятилъ одну изъ своихъ рѣчей вопросу о
 трудѣ (Le Travail). Приѣзжій ораторъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ,
 его стекаются слушать, о немъ говорятъ въ обществахъ, многія да-
 мы отъ него въ восторгѣ, даже нѣкоторые кавалеры завели объ
 немъ полемику въ журналахъ.... Какой-то ветеранъ и патріотъ (изъ
 тѣхъ, которые бьютъ себя въ грудь и кричатъ на всѣхъ перекрест-
 кахъ о своемъ патріотизмѣ) испугался, говорятъ, за своихъ соотече-
 ственниковъ и соотечественницъ и страшно отдѣлалъ.... перомъ
 своимъ католическаго оратора, боясь, что онъ всѣхъ насъ совратитъ
 съ пути истины, что всѣ мы покоримся его удивительному красно-
 рѣчію.... Но хотя г. Сойяръ обладаетъ звучнымъ и громкимъ голо-
 сомъ, которымъ онъ пользуется съ нѣкоторою кокетливостію, искус-
 но возвышая и понижая его; хотя онъ для большаго эффекта сопро-
 вождаетъ свои цвѣтистыя, риторическія фразы живописными тѣло-
 движеніями, и тому подобное... его католическая логика не поко-
 леблетъ насъ русскихъ, которые изъ любопытства забѣжимъ посмо-
 трѣть на него.... Такого рода краснорѣчіе можетъ развѣ подѣйстви-
 вать и то не надолго на двухъ или трехъ нервическихъ женщинъ, и
 мы упомянули о г. Сойярѣ только потому, что нѣкоторые изъ добро-
 душныхъ людей приняли его краснорѣчіе болѣе серьезно, чѣмъ оно
 того заслуживаетъ....

Мы уже не разъ говорили о ежедневно размножающихся и въ
 Петербургѣ и въ Москвѣ новыхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ
 числѣ ихъ надо отличить появившуюся въ Москвѣ еженедѣльную
 литературную и политическую газету, подъ названіемъ «Москов-
 скій Вѣстникъ», всѣмъ доступную по цѣнѣ. (Цѣна ея въ Москвѣ
 4 р., съ пересылкою въ другіе города имперіи 5 р.).

Полученные нами до селѣ пять нумеровъ представляютъ чтеніе
 чрезвычайно разнообразное, занимательное и дѣльное. Видно, что
 редакція, проникнутая благородными и честными убѣжденіями, испол-
 нѣ и серьезно понимаетъ свое дѣло. Статья, служащая введеніемъ,
 къ политическому отдѣлу, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о
 прошедшемъ десятилѣтіи» замѣчательна по своему свѣтлому взгляду
 на политическія событія... Не менѣе замѣчательна другая политиче-
 ская статья: «Нѣсколько замѣчаній по поводу реформы парламента
 въ Англіи».

Литературный отдѣлъ представилъ уже нѣсколько небольшихъ,
 но замѣчательныхъ произведеній: въ 1-мъ № помѣщенъ превосход-
 ный отрывокъ изъ неизданнаго романа И. С. Тургенева: «Собствен-
 ная господская контора»; во 2-мъ №—мастерской очеркъ г. Оптухина,
 подъ названіемъ: «Клехатуха»; въ 3-мъ №—очень живой, остроумный
 рассказъ о нѣкомъ генералѣ Зубатовѣ изъ книги объ умирающихъ

г. Щедрина, а въ 4-мъ и 5-мъ №№ — два стихотворенія, прекрасно переведенныя съ малороссійскаго языка г. Плещеевымъ....

Нельзя не порадоваться появленію этой газеты, которую мы привѣтствуемъ отъ всей души и которой желаемъ полного и прочнаго успѣха, считая долгомъ обратить на нее особенное вниманіе публики.

На дняхъ появились въ Петербургѣ три тома новаго изданія Сочиненій А. С. Пушкина (томы 2, 3 и 4). Во второмъ томѣ помѣщены поэмы, сказки и пѣсни Западныхъ Славянъ; въ третьемъ — Евгенийъ Онегинъ и Драматическія произведенія; въ четвертомъ — записки, замѣтки, романы и повѣсти. Все изданіе будетъ заключаться въ шести томахъ, — остальные три выйдутъ въ непродолжительномъ времени. — Форматъ — большой in-8, изданіе очень красиво и удобно. Издатель г. Исаковъ (Я. А.) добросовѣстно выполняетъ свое дѣло — и это удивительно, потому что Я. А. Исаковъ — одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и честнѣйшихъ нашихъ книгопродавцевъ.

Вышла третья тетрадь портерной галлерей, издаваемой г. Мюнстеромъ. Въ ней помѣщены четыре портрета: *И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемскаго* и *г. Костомарова*. — Изданіе г. Мюнстера улучшается съ каждымъ выпускомъ и мы можемъ смѣло рекомендовать его нашимъ читателямъ.

Г. Теофиль Готье уѣхалъ въ Парижъ до іюня мѣсяца; въ іюнѣ онъ снова вернется въ Петербургъ, чтобы заняться окончаніемъ большаго труда, предпринятаго имъ, который долженъ выйти въ свѣтъ, подъ названіемъ: «Сокровища искусства въ Россіи» (*Les trésors d'art de la Russie*) съ фотографическими снимками съ замѣчательныхъ картинъ императорскаго эрмитажа. Для этого уже пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый французскій фотографъ г. Ришебургъ (*Richebourg*).

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы извѣщали нашихъ читателей о продающемся любопытномъ собраніи автографовъ.

Намъ пріятно извѣстить, что это собраніе пріобрѣтено уже просвѣщеннымъ начальствомъ Императорской Публичной Библіотеки, которое просило насъ извѣстить, что тѣ изъ автографовъ упомятаго собранія, которыхъ въ библіотекѣ еще не было, будутъ присоединены къ ея выставкѣ автографовъ, открытой для обозрѣнія публики по воскресеньямъ и вторникамъ, въ часъ пополудни....

Въ заключеніе мы расскажемъ объ обѣдѣ, который данъ былъ въ честь г. Мартынова, 10 марта.

Около 5 часовъ въ большой залѣ ресторана Мартена (Люссо) собрались до 40 человекъ литераторовъ и почитателей Мартынова, на дняхъ отправляющагося за границу, чтобы выразить ему, какъ горячо и искренно цѣнятъ они его великій талантъ, его честное слу-

женіе искусству, его независимый и безукоризненный характеръ и пожелать ему добраго пути и полнаго возстановленія его разстроеннаго здоровья.... Мартыновъ пріѣхалъ къ 5 часамъ и былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ.—Обѣдъ очень былъ оживленъ. Въ концѣ его г. Дружининъ обратился къ Мартынову съ слѣдующимъ словомъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ:

«Александръ Евстаѣевичъ!

«Уже много лѣтъ, какъ мы всѣ, здѣсь собравшіеся читатели высокаго дарованія вашего, слѣдимъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ за вашею артистическою дѣятельностью. Мы чтимъ въ васъ не только артиста, одареннаго высокимъ талантомъ, но и мужественнаго бойца за честь русскаго искусства, такъ часто увлекаемаго на ложную дорогу. Мы видимъ въ васъ художника съ здравымъ и возвышеннымъ направленіемъ, художника русскаго по твердости, русскаго по неуклонному своему постоянству. Въ другихъ странахъ Европы великіе артисты имѣютъ за себя богатую драматическую литературу, сотни ролей, исключительно для нихъ написанныхъ лучшими писателями,—наконецъ публику, воспитанную на строгихъ идеяхъ изящнаго. Вамъ судьба назначила дѣйствовать въ другой сферѣ. Наша сценическая литература не богата, немногіе изъ лучшихъ писателей нашихъ трудятся для театра. Наперекоръ всѣмъ невыгоднымъ и подчасъ невыносимымъ условіямъ, — вы честно дѣлали свое дѣло и ни шагу не отступили передъ трудностями, васъ окружавшими. Можетъ быть, самыйэтотъ гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ былъ плодотворенъ для вашего генія, для того 'внутренняго огня, который вы навсегда сохранили въ своемъ сердцѣ. Русскому дарованію необходимы борьба и могучій трудъ—вся исторія нашего искусства служить подтвержденіемъ этой истинѣ.

«Примите же, нашъ высокоталантливый другъ, выраженіе искренняго поздравленія по поводу послѣднихъ заслугъ вашихъ. Настоящій годъ будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ русскаго театра, благодаря ролямъ, истинно созданнымъ вами на удивленіе всѣмъ поклонникамъ вашимъ. Мы здѣсь въ своей семьѣ, и потому не нуждаемся ни въ какихъ лстивыхъ выраженіяхъ. Искренности привѣта нашего вы заподозрить не можете. А потому вы смѣло повѣрите голосу людей, изъ которыхъ всѣ душой цѣнятъ сценическое искусство, а многіе видали блистательнѣйшихъ его представителей на всѣхъ театрахъ Европы. По нашему искреннему и нелицемѣрному мнѣнію, — въ ряду современныхъ артистовъ, вы стоите *первымъ между первыми*. И въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи вы можете встрѣтить достойнаго соперника, — но не найдете ни одного побѣдителя.

«Берегите же себя для славы нашего родного театра. Храните свое здоровье и свой талантъ, какъ нашу общую драгоценность, — и пусть судьба пошлетъ вамъ сладкіе мѣсяцы отдыха подъ чужимъ небомъ, послѣ честнаго и славнаго труда, за который, въ лицѣ нашемъ, благодарятъ васъ всѣ читатели изящнаго въ нашемъ отечествѣ!»

Привѣтъ этотъ встрѣченъ было и прерываемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ жаркими рукоплесканіями и послѣ него провозглашенъ былъ тостъ Мартынова.

Вслѣдъ затѣмъ представитель нашей драматической литературы въ сію минуту, писатель, поддерживающій послѣ Гоголя честь русскаго репертуара, обратился къ Мартынову и произнесъ голосомъ, исполненнымъ глубокаго чувства:

«Александръ Евстаѣевичъ! Публика васъ цѣнитъ и любитъ; каждая новая роль ваша для публики новое наслажденіе, а для васъ новая слава; вы постоянно слышите громкія выраженія восторга, вызваннаго вашимъ дарованіемъ и тридцатилѣтнимъ честнымъ служеніемъ искусству; вы наконецъ накопили столько пріятныхъ ощущеній въ зрителяхъ, что они сочли долгомъ выразить вамъ лично и торжественно свою благодарность, за тѣ минуты наслажденія, которыхъ вы были виновникомъ: но въ огромномъ числѣ почитателей вашего таланта есть нѣкоторые, — ихъ у насъ очень не много, — которымъ ваши успѣхи ближе къ сердцу, которымъ ваша слава дороже, чѣмъ кому нибудь, это — драматическіе писатели, отъ лица которыхъ я беру на себя пріятную обязанность принести вамъ искреннюю благодарность.

«Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не удовлетворяя нисколько автору; примѣры этому мы видимъ часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писателей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи. Этого мало, каждый изъ насъ, я думаю, долженъ признаться, что игра ваша всегда была одною изъ главныхъ причинъ успѣха нашихъ пьесъ на здѣшней сценѣ. Вы не старались выиграть въ публикѣ на счетъ пьесы, напротивъ — успѣхъ вашъ и успѣхъ пьесы были всегда неразрывны. Вы не оскорбляли автора, вырывая изъ ролей серьезное содержаніе и вставляя, какъ въ рамку, свое, болѣею частію характера шутивлаго, чтобъ не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала въ роли правды и находила ее часто въ однихъ только намекахъ; вы помогали автору; вы угадывали его намѣренія, иногда неясно и неполно выраженные; изъ нѣсколькихъ чертъ, набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали оконченные типы, полные художественной правды. Вотъ чѣмъ вы и дороги авторамъ; вотъ отчего и не мыслима постановка ни одной сколько нибудь серьезной пьесы на петербургской сценѣ безъ

вашего участія; вотъ отчего, даже при самомъ замыслѣ сценическаго произведенія, каждый писатель непременно помнить о васъ и заранѣе готовить для вашего таланта мѣсто въ своемъ произведеніи, какъ вѣрное ручательство за будущій успѣхъ. Поблагодаримъ васъ и за то, что вы избѣжали искушенія, которому часто поддаются комики, искушенія тѣмъ болѣе опаснаго, что оно льститъ скорымъ, безъ труда достаемымъ успѣхамъ:—вы никогда не прибѣгали къ фарсу, чтобы вызывать у зрителей пустой и безплодный смѣхъ, отъ котораго ни тепло, ни холодно. Вы знаете, что кромѣ минутной веселости, фарсъ ничего не оставляетъ въ душѣ, а продолжительный или часто повторяемый — доставляетъ актеру въ лучшей публикѣ вмѣсто уваженія—чувство противоположное.

«Наконецъ, самую большую благодарность должны принести вамъ мы, авторы новаго направленія въ нашей литературѣ, за то, что вы помогали намъ отстаивать самостоятельность русской сцены. Наша сценическая литература еще бѣдна и молода—это правда; но съ Гоголя она стала на твердой почвѣ дѣйствительности и идетъ по прямой дорогѣ. Если еще и мало у насъ полныхъ, художественно законченныхъ произведеній, за то уже довольно живыхъ, цѣликомъ взятыхъ изъ жизни типовъ и положеній, чисто русскихъ, только намъ однимъ принадлежащихъ; мы уже имѣемъ всѣ задатки нашей самостоятельности. Отстаивая эту самостоятельность, работая вмѣстѣ съ нами для оригинальной комедіи и драмы, вы заслуживаете отъ насъ самаго горячаго сочувствія, самой искренней благодарности. Если бы новое направленіе, встрѣтившее на сценѣ огромный переводный репертуаръ, не нашло сочувствія въ артистахъ, дѣло бы было сдѣлано только въ половину. Ваше художественное чувство указало вамъ, что въ этомъ направленіи правда и вы горячо взяли за него. Приобрѣтя извѣстность репертуаромъ переводнымъ, вы не смотрите съ неудовольствіемъ на новыя произведенія, — вы знаете, что переводы эфемерныхъ французскихъ произведеній не обогатятъ нашей сцены, что они только удаляютъ артистовъ отъ дѣйствительной жизни и правды, что успѣхъ ихъ въ неразборчивой публикѣ только вводитъ нашихъ артистовъ въ заблужденіе на счетъ ихъ способностей, и рано или поздно имъ придется разочароваться въ этомъ заблужденіи. Несмотря на всѣ старанія, на всю добросовѣстность исполненія переводныхъ пьесъ, нашимъ артистамъ никогда не избѣжать смѣси французскаго съ нижегородскимъ. Переводныя пьесы намъ нужны, безъ нихъ нельзя обойтись; но не надо забывать также, что они для насъ дѣло второстепенное, что они для насъ роскошь; а насущная потребность наша въ родномъ репертуарѣ. Честъ и слава вамъ, Александръ Евстаѣевичъ! Вы поняли отно-

шеніе переводнаго репертуара къ родному и пользуетесь тѣмъ и другимъ съ одинаковымъ успѣхомъ.

«Вы ѣдете запасаться здоровьемъ. Счастливаго вамъ пути! Запасайтесь имъ какъ можно болѣе! Для насъ, драматическихъ писателей оно дороже, чѣмъ для кого нибудь. Вѣрьте, что между искренними желаніями вамъ долгихъ дней, желанія наши самыя искреннія.

«Гг! Я предлагаю выпить еще разъ за здоровье Александра Евстаѣевича».

Эта рѣчь Островскаго произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ и глубоко разстрогала артиста, который со слезами на глазахъ, произнесъ нѣсколько словъ, въ которыхъ онъ изъяснилъ свою благодарность всѣмъ присутствовавшимъ за ихъ дружеское, радушное расположеніе къ нему.

Въ заключеніе обѣда Некрасовъ произнесъ Мартынову слѣдующіе стихи:

Со славою прошелъ ты подороги,
 Полноприща ты доблестно свершилъ,
 Мы молимъ одного: чтобъ даровали боги
 Тебѣ на долго крѣпость силъ!
 Чтобъ въ старости, бывое вспоминая,
 Могли мы повторять, смѣясь:
 «А помнишь ли, гурьба какая
 «На этотъ праздникъ собралась?
 «Тутъ не было ни почестей народныхъ,
 «Ни громкихъ хвалъ, — однимъ онъ дорожъ былъ:
 «Свободную семью людей свободныхъ
 «Мартыновъ вокругъ себя въ тотъ день соединилъ!
 «И чѣмъ же, чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
 «Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!...»
 Мы знаемъ всѣ: ты стоишь большей чести,
 Но мы даемъ, что можемъ дать!

Стихи эти, при громкихъ рукоплесканіяхъ, были повторены по желанію Мартынова и по общему востребованію.

Послѣ обѣда поднесенъ былъ Мартынову альбомъ фотографическихъ портретовъ всѣхъ присутствовавшихъ литераторовъ, превосходно выполненныхъ лучшимъ петербургскимъ фотографомъ г. *Деньеромъ*. Г. Деньеръ, также присутствовавшій на этомъ обѣдѣ, поднесъ съ своей стороны Мартынову—мастерски снятый портретъ съ Ольриджа въ ролѣ «*Лира*».

Этотъ артистическій праздникъ надолго сохранится въ памяти артиста, въ честь котораго онъ былъ устроенъ, и въ памяти всѣхъ насъ—почитателей его великаго таланта....

О СРЕДСТВАХЪ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

Въ настоящее время кончились у насъ всѣ споры о грамотности (споры только *у насъ* и возможные); всѣ согласились въ необходимости ея и многіе стали указывать на разныя средства для ея распространія. Самое лучшее средство, конечно, — учрежденіе возможно-большаго числа мужскихъ и женскихъ народныхъ школъ. А какъ учрежденіе школъ требуетъ большихъ издержекъ, а правительство наше, принимая всѣ зависящія отъ него мѣры, стѣсняется матеріальными средствами; (*) то многіе начали указывать и на источники средствъ. Одни совѣтуютъ открыть всеобщую подписку; другіе — образовъ сельскихъ учителей изъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ, пополамъ съ правительствомъ; третьи находятъ возможнымъ обойтись пока безъ учителей, поруча народное образованіе сельскому духовенству и. т. д. Всѣ эти проекты неудобноисполнимы на практикѣ и дадутъ далеко не тѣ результаты, какихъ отъ нихъ ожидаютъ: пожертвованіями можно собрать тысячи, пожалуй, десятки тысячъ руб., а нужны миллионы; обязывать исключительно помѣщиковъ къ пожертвованіямъ для народнаго образованія, при уничтоженіи крѣпостнаго права, было бы несправедливо; духовенство, живущее всегда при церквахъ, можетъ быть полезно только жите-

(*) Журн. М. Н. Пр. іюль 1837 г. «Отчетъ М. Н. Пр. за 1836 г.» стр. 133 — 138.

лямъ ближайшихъ къ нимъ деревень, да и не имѣть достаточныхъ педагогическихъ свѣдѣній.... Мнѣ кажется, что лучше всѣхъ этихъ мѣръ было бы освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія грамотныхъ людей податныхъ сословій.

Чтобы отличить грамотныхъ людей отъ неграмотныхъ, нужно будетъ, разумѣется, выдавать первымъ свидѣтельства въ знаніи грамоты (отъ школъ или особыхъ, именно для этого учрежденныхъ, комитетовъ). Взявъ при выдачѣ ихъ извѣстную плату — напр. хоть по 5 руб. за каждое, — правительство легко можетъ получить значительныя суммы (*), которыя съ распространеніемъ грамотности будутъ увеличиваться, — и суммы эти можетъ, нисколько не стѣсняя себя, употреблять на учрежденіе народныхъ школъ.

Предоставляя средства для учрежденія школъ, мѣра эта въ тоже время послужитъ и поощреніемъ къ ученію: народъ, видя, что именно ученію онъ обязанъ освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, будетъ учиться гораздо охотнѣе.

Плата за свидѣтельства, не будучи обязательною, не составитъ налога и слѣдовательно не можетъ быть обременительна для народа.

Предоставленіе правъ учащимся у насъ не новость: Императоръ Николай I предоставилъ лицамъ всѣхъ сословій, получившимъ ученныя степени, гораздо больше не только личныхъ, но и служебныхъ правъ, которыя теперь распространены и на евреевъ (*).

Мѣра эта не можетъ послужить къ ослабленію власти: власть, необходимость которой сознается, конечно, прочнѣе власти, поддерживающейся матеріальной силой. Притомъ тѣлесное наказаніе допускается не столько потому, что оно не замѣнимо, сколько съ цѣлью знакомить массу народа съ властью и карательными законами, — такъ какъ при безграмотности народа для этого нѣтъ никакихъ другихъ средствъ.

Число преступленій отъ этого не увеличится, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить статистика преступленій любого государства, показывая, какъ ничтожно число грамотныхъ преступниковъ въ сравненіи съ числомъ неграмотныхъ. Да и странно было бы предполагать, что освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія низшихъ сословій увеличитъ число преступленій, когда этого не было у насъ при ос-

(*) Въ низшихъ сословіяхъ теперь немало найдется грамотныхъ людей особенно между горожанами.

(*) Журн. М. Н. Пр. іюль 1837 г. «Отчетъ М. Н. Пр.» стр. 112

вобожденіи дворянства и купечества первыхъ двухъ гильдій: оба эти сословія въ эпохи своего освобожденія едва ли выше стояли въ умственномъ и нравственномъ развитіи, нежели грамотные люди низшихъ сословій въ наше время.

Наконецъ, если въ народныхъ школахъ не будутъ употребляться тѣлесныя наказанія, то народъ, не привыкая къ нимъ съ дѣтства, еще легче будетъ обходиться безъ нихъ въ зрѣломъ возрастѣ.

А. САПОЖНИКОВЪ.

ОТЧЕТЪ

С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 1858 ГОДЪ.

8 февраля происходилъ годичный актъ петербургскаго университета. На немъ прочтенъ былъ отчетъ университета за прошлый годъ, составленный ректоромъ его, П. А. Плетневымъ. Въ нынѣшнемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ существованія университета, и это подало поводъ почтенному составителю отчета бросить бѣглый взглядъ на прошедшую жизнь этого заведенія. Взглядъ этотъ приводитъ автора къ мысли, что и здѣсь отражается общій законъ, по которому все, преобладающее въ обществѣ, отражается и на характерѣ и дѣятельности университета. «Иначе и быть не можетъ, замѣчаетъ онъ: частица массы, размышляющая въ опредѣленные часы по аудиторіямъ, сочувствуетъ духу и направленію цѣлаго. Эта всесильная жизнь, обнимающая современное общество, каждого изъ насъ проникаетъ своимъ дыханіемъ». Замѣчаніе это, — къ несомнѣнному удовольствію всякаго, истинно любящаго жизнь науки, — въ значительной степени примѣняется ко всѣмъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, а въ числѣ ихъ и къ петербургскому университету. Въ самомъ дѣлѣ — сочувствіе общественнымъ интересамъ и живое общеніе съ ними одни только и могутъ придать наукѣ истинную полезность и сдѣлать ее интересною и нужною для общества. Пока она плаваетъ въ отвлеченностяхъ, погружается въ схоластику, растрачивается въ безплодной діалектикѣ, до тѣхъ поръ она и не имѣетъ права требовать, чтобы общество интересовалось ею. Къ счастью, у насъ большая часть учебныхъ заведеній вышла уже изъ

этого мертвеннаго состоянія, и уже очень рѣдки такіе наставники и начальники училищъ, которые бы вздумали защищать *застой и отчужденіе* науки отъ общества. И конечно ужъ не въ числѣ людей, знакомыхъ съ университетомъ, могутъ попасться такіе неразумные консерваторы и аскеты схоластики....

При пробужденіи общаго стремленія къ образованію, Петербургскій университетъ также расширилъ въ послѣднее время кругъ своей дѣятельности. По Высочайшему разрѣшенію онъ отправилъ уже нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ за границу; профессора читали публичныя лекціи; число слушателей въ самомъ университетѣ увеличилось. Такъ теперь находятся за границею: магистръ русской словесности — *Пытинъ* и кандидатъ естественныхъ наукъ — *Гофманъ*, «для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ». Кромѣ того, въ маѣ 1858 г. отправился за границу адъюнктъ по кафедрѣ русской словесности въ университетѣ — *Сухомлиновъ*, «который съ тѣхъ поръ занимается *пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для него новыхъ знаній*». Публичныя лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ Струговщикова, Пахитонова и Водова, — читали профессора *Ценковский* и *Ленцъ*. Кромѣ того, въ пользу бѣдныхъ студентовъ — читали лекціи профессора *Никитенко* и *Стасюлевичъ*, о которыхъ уже было говорено въ нашемъ журналѣ. Число слушателей въ университетѣ увеличилось *до тысячи*, такъ что, по замѣчанію отчета, петербургскій университетъ сравнялся въ этомъ отношеніи съ московскимъ. Въ Москвѣ считается до 2,000 студентовъ; но изъ нихъ половина должна быть отдѣлена на медицинскій факультетъ, котораго здѣсь не существуетъ. Увеличеніе числа желающихъ поступить въ университетъ дало возможность начальству быть болѣе разборчивымъ и строгимъ при пріемныхъ экзаменахъ. При началѣ нынѣшняго академическаго года цѣлая *треть* изъ общаго числа желавшихъ поступить въ университетъ не была принята. За то при окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ 1858 г. *два трети* кончившихъ курсъ получили степень кандидата.

Въ заключеніе приведемъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о новомъ проявленіи стремленія къ университетскому образованію, въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Вотъ слова отчета:

«Въ память заключеннаго генералъ-адъютантомъ *графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ* Айгунскаго трактата 16 мая 1858 года, тамошнее купечество между прочимъ положило: «Воспитывать на свой счетъ пятнадцать лѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, «по факультету восточныхъ языковъ, двухъ лучшихъ учениковъ, «кончившихъ полный курсъ въ Иркутской губернской гимназіи и «изъявившихъ на то полное согласіе, на слѣдующихъ условіяхъ: 1)

воспитанники именуются пансіонерами графа Николая Муравьева-Амурскаго; 2) они отправляются изъ гимназіи въ университетъ черезъ каждыя пять лѣтъ по два; 3) въ воспитанники избираются, изъявившіе согласіе, лучшіе ученики гимназіи, отличающіеся какъ способностями, такъ и поведеніемъ, безъ различія ихъ происхожденія, племени и вѣроисповѣданія: кромѣ этого, выборъ воспитанниковъ предоставляется также личному усмотрѣнію его сіятельства графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго; 4) при избраніи въ число пансіонеровъ, отдается, при исчисленныхъ условіяхъ, преимущество неимущему предъ имущимъ; 5) воспитанники, отправляемые въ С.-Петербургъ, будутъ преимущественно изучать китайскій и манчжурскій языки, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ, по выбору, англійскій или французскій, преимущественно же первый; 6) въ случаѣ смерти пансіонера, или другихъ причинъ, не дозволившихъ съ успѣхомъ окончить университетскій курсъ, факультетъ восточныхъ языковъ избираетъ изъ студентовъ китайско-манчжурскаго разряда одного изъ способнѣйшихъ и изъявившихъ согласіе и зачисляетъ его вмѣсто выбывшаго, съ обязательствомъ принять всѣ условія, постановленныя для пансіонеровъ графа Николая Муравьева-Амурскаго; 7) если бы на мѣсто выбывшаго пансіонера, по какому либо случаю, не нашлось кандидата, то совѣтъ университета относится чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири въ Иркутскую гимназію, которая избираетъ одного воспитанника изъ кончившихъ гимназическій курсъ учениковъ и отправляетъ его въ университетъ; 8) по окончаніи полнаго пятилѣтняго университетскаго курса и полученіи ученой степени, пансіонеры обязаны прослужить не менѣе четырехъ лѣтъ, по назначенію правительства, на Амурѣ, или въ другихъ мѣстахъ, для сношеній съ Манчжуріею, или Китаемъ; наконецъ 9) необходимая на содержаніе пансіонеровъ сумма должна быть опредѣлена совѣтомъ С.-Петербургскаго университета, и будетъ уплачиваться кяхтенскимъ купечествомъ ежегодно.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСѢЯ ПВАНОВА ДАВЫДОВА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевского дворца,
въ домѣ Завѣтнаго,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

БИБЛЕЙСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА. Соч. профессора П. Саввинтова. Спб. 1859 г. Ц. 65 коп. съ пер. 90 коп.

ИЗБРАННЫЯ МОЛИТВЫ и краткія понятія о Церкви, о принадлежностяхъ Богослуженія и о Литургіи. Сост. пр. І. Э. Съ рисунками. Спб. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

БЕСѢДЫ о СТРАДАНІЯХЪ Господа нашего Ісуса Христа, говоренныя Филаретомъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ. 2 ч. Спб. 1859 г. Ц. 2 р. 80 к., съ пер. 3 р. 50 коп.

СЛОВА и **БЕСѢДЫ** Филарета, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго. 3 ч. съ портретомъ автора. Спб. 1859 г. Ц. 4 р. 70 к., съ пер. 5 р. 70 коп.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ Новаго Завѣта. сост. Протоіереемъ М. Богословскимъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 35 к., съ пер. 1 р. 85 коп.

ОБЪ АНТИХРИСТѢ противъ раскольниковъ. Соч. Баккалавра С. Д. А. И. Нильскаго. Спб. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

БОГОСЛУЖЕНІЕ Православной церкви въ страстную недѣлю. Соч. священника Г. Крылова. Спб. 1858 г. Ц. 40 к., съ перес. 65 коп.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ и ДЛЯ БІОГРАФІИ Владиміра Алексѣевича Корнилова, собранныя и объясненныя капитанъ-лейтенантомъ А. *Жандромъ*, бывшимъ его флангъ-офицеромъ. Съ портретомъ Корнилова, двумя снимками съ приказовъ, собственноручно имъ писанныхъ, двумя картами Чернаго моря, съ означеніемъ мѣстъ нашихъ и турецкихъ судовъ, шестью планами Севастополя, объясняющими постепенное улучшеніе обороны его, и двумя планами сраженій. Спб. 1859 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к. Книга эта напечатана съ Высочайшаго соизволенія.

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ о Димитріи Самозванцѣ. Н. Устрялова. 2 т. съ портретами Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ. Спб. 1859 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

СБОРНИКЪ СНИМКОВЪ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Сост. Директоромъ архива П. Ивановымъ. М. 1858 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 коп.

КРЕСТЬЯНСКОЕ дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Отрывки изъ новѣйшихъ польскихъ экономистовъ, собранные графомъ Севери-

- номъ Урусскимъ. Перев. Е. Молмеръ. 2 ч. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. (На 2-ю часть выдается билетъ).
- О ДРЕВНѢЙШЕЙ Исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги. А. Васильева. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ проэкта сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Барона К. Розена. Съ чертежами. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.
- ХИМИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ Товаровѣденія: изслѣдованіе съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Соч. доктора А. Ходнева. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- РУКОВОДСТВО къ ИЗУЧЕНІЮ садоводства и огородничества. Сост. Э. Рего. Въ 3 част. съ рисунками. М. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 коп.
- СОВѢТЪ МАТЕРЯМЪ или необходимыя наставленія беременнымъ, роженицамъ и родильницамъ, съ присовокупленіемъ правилъ перваго физическаго воспитанія дѣтей, календаря беременности и двухъ рисунковъ. Соч. К. фонъ-Дейча. М. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, рассказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ IX. Содержаніе его слѣдующее: 1) Тернистый Путь; Т. Ч. 2) Шесть стихотвореній Роберта Борнса. Перев. Михайлова. 3) Пикникъ во Флоренціи, Майкова. 4) Бесѣда журналиста съ подписчикомъ. Драматическая сцена ***. 5) Два зайца. С. Колбасина. 6) Фанфаронъ. А. Писемскаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- ПЕРВЫЙ ШАГЪ НА МОРѢ. Рассказъ стараго моряка. Издалъ И. фонъ-Шанцъ. Кронштадтъ 1859 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 75 к.
- ПРИРОДА И ЛЮДИ. Выпускъ третій. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.
- ПОЛНЫЙ ПИСЬМОВНИКЪ содержащій въ себѣ примѣры писемъ на разные случаи общественной жизни, хрестоматию образцовыхъ писемъ и прочее. Состав. Марковъ. М. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.
- БАБУШКИНЫ уроки или Русская Исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Соч. А. Ишимовой. 2 ч. съ картинками. Спб. 1859 г. Ц. 4 р. 25 к., съ пер. 5 р.
- НОВѢЙШІЙ способъ фотографіи на желѣзныхъ пластинкахъ съ присоединеніемъ подробнаго описанія метода Топено на сухомъ коллодіонѣ и статьи о фотографическихъ лакахъ. Соч. Монкговена. Пер. съ франц. Спб. 1858 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.
- ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ. (Баронъ Брамбеусъ). Біографическія записки его жены. Спб. 1859 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- Т. Б. МАКОЛЕЙ. Рассказы изъ исторіи Англіи. Два тома (до 1000 старан.). Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПУСТОЙ ДОМЪ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ЧЕРЕЗЪ УЛИЦУ.

Я прожила на Товбриджскихъ минеральныхъ водахъ безвыѣздно десять лѣтъ. Однажды мой докторъ, очень умный человѣкъ, знатокъ своего дѣла и прекраснѣйшій игрокъ въ обыкновенный вистъ,—въ эту благородную, аристократическую игру, до введенія виста-преферанса, — сказалъ мнѣ, пощупавъ мой пульсъ:

— Намъ нуженъ толчокъ, ма'мъ.

— Праведное небо! — докторъ Товерсъ! — сказала я, въ крайнемъ недоумѣніи: — я не понимаю васъ; что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, любезная ма'мъ, что намъ нужна перемѣна воздуха и мѣстности.

— Боже мой! — продолжала я: — кого же вы разумѣете подъ словомъ *намъ*?—Своихъ паціентовъ, или это относится только ко мнѣ?

— Къ вамъ ма'мъ,—къ однимъ только вамъ.

— Помилуй васъ Богъ, докторъ Товерсъ, сказала я: — отчего вы не приучитесь выражаться опредѣлительнѣе, какъ слѣдуетъ всякому вѣрноподанному нашей всемогущейшей королевы Викторіи и всякому члену протестантской церкви?

Товерсъ засмѣялся. Онъ смѣялся каждый разъ, когда ему удавалось привести меня въ раздражительное состояніе.

— Городъ, ма'мъ,—сказалъ онъ: — городъ вамъ необходимъ.

Съ послѣдними словами докторъ обратился къ Тротлю, который въ эту минуту принесъ въ комнату каменный уголь и въ своемъ опрятномъ черномъ платьѣ казался человѣкомъ, вызваннымъ на такой поступокъ чувствомъ благотворительности.

Тротль, котораго я постоянно называю моей правой рукой, прослужилъ у меня тридцать два года. Онъ поступилъ ко мнѣ въ услуженіе въ странѣ, далекой отъ Англіи. Это лучшее и почтеннѣйшее изъ человѣческихъ созданій, но любитъ возражать и не соглашаться съ мнѣніемъ людей постороннихъ.

— Да, мадамъ, — сказалъ Тротль, разводя огонь спокойно и съ знаніемъ этого дѣла:—городъ вамъ необходимъ.

— Господь съ вами! — вскричала я и разразилась смѣхомъ: — у васъ, я вижу, заговоръ противъ меня; такъ дѣлайте со мной, что хотите;—и ужъ если нужна перемена, то везите меня въ Лондонъ.

Я была приготовлена къ этому, потому что Товерсъ нѣсколько недѣль сряду намекалъ мнѣ на Лондонъ. Рѣшившись на это, мы приступили къ дѣлу такъ быстро, что Тротль черезъ день же отправился въ Лондонъ съ порученіемъ пріискать квартиру, въ которой я могла бы пріютить мою удрученную старую голову.

Дня черезъ два Тротль воротился въ Тонбриджъ съ извѣстіемъ, что онъ нанялъ на шесть мѣсяцовъ премиленькую квартиру, что по истеченіи срока можно возобновить контрактъ еще на шесть мѣсяцовъ, и что въ ней находились всѣ необходимыя удобства.

— И въ самомъ дѣлѣ, Тротль, ты не находишь недостатковъ въ квартирѣ? — спросила я.

— Никакихъ рѣшительно, ма'мъ.* Квартира вамъ понравится, я увѣренъ. Если и есть недостатокъ, то не внутри ея, а снаружи.

— Какой же это недостатокъ?

— Противъ этой квартиры стоитъ Пустой Домъ.

— Вотъ что! сказала я, подумавъ. — Неужели же это большой недостатокъ?

— Не большой, это правда, но все же я считаю долгомъ упомянуть о немъ. Ма'мъ, вамъ скучно будетъ имѣть его постоянно передъ глазами. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ квартира такъ мнѣ понравилась, что я рѣшился немедленно заключить условія, имѣя на это ваше уполномочіе.

Послѣ такого отзыва объ удобствахъ квартиры, я не хотѣлъ разочаровывать Тротля, тѣмъ болѣе, что онъ дѣлалъ это для меня.

— А можетъ быть этотъ Пустой Домъ займутъ постояльцы,—сказала я.

— О нѣтъ, ма'мъ, — возразилъ Тротль, покачавъ головой съ

виломъ чловѣка, убѣжденнаго въ своихъ словахъ: — не займутъ, никогда не займутъ!

— Помилуй, Тротль! Почему же ты знаешь это?

— Этого никто не знаетъ, ма'мъ. Я только одно могу сказать, что постоялецевъ въ немъ не будетъ.

— А долго ли этотъ несчастный домъ остается пустымъ? — спросила я.

— Очень долго, отвѣчалъ Тротль. Нѣсколько лѣтъ.

— И что же онъ въ — развалинахъ?

— Починки требуетъ большой, но развалинами назвать нельзя.

Объясненіе наше кончилось тѣмъ, что на другой день я приказала заложить въ мою карету пару почтовыхъ лошадей. Я никогда не ѣзжала по желѣзной дорогѣ, не потому, чтобы имѣла сказать что нибудь невыгодное объ нихъ; но онѣ устроились въ то время, когда я уже слишкомъ устарѣла, чтобы привыкнуть къ нимъ, и ѣзда на нихъ чрезвычайно быстра, такъ быстра, что не замѣтишь ни одной шоссейной заставы. Занявъ мѣсто внутри кареты и посадивъ Тротля на заднія козлы, я отправилась осмотрѣть внутреннее расположеніе квартиры и, разумѣется, наружный видъ Пустаго Дома.

Квартира была превосходна во всѣхъ отношеніяхъ. Вирочемъ я была увѣрена въ этомъ заранѣе: Тротль отличный знатокъ комфорта. Одинъ только Пустой Домъ непріятно бросался въ глаза; слѣдовательно Тротль и въ этомъ случаѣ былъ совершенно правъ. Какъ бы то ни было, квартира моя очень скоро одержала верхъ надъ предубѣжденіемъ противъ Пустаго Дома. Адвокатъ мой, мистеръ Сквэрсъ, составилъ контрактъ; пишець мистера Сквэрса съ такимъ ужасомъ пробормоталъ мнѣ содержаніе контракта, что кромѣ своего имени, да и то съ трудомъ, я не поняла въ немъ ни слова; къ контракту слѣдано было надлежащее рукоприкладство, и черезъ три недѣли я перевезла въ Лондонъ весь свой багажъ и вслѣдъ за тѣмъ свои старыя кости.

Я распорядилась, чтобы на первый мѣсяцъ Тротль оставался въ Тонбриджѣ. Распоряженіе это слѣдано было не только потому, что нужно было позаботиться о моихъ ученицахъ и пансіонерахъ, и о новой очищающей воздухъ печкѣ, которая казалось для того и слѣлана была, чтобы лопнуть и взорвать на воздухъ весь домъ, — но и потому еще, что Тротль, какъ я подозрѣвала (не смотря на то, что онъ былъ степенный чловѣкъ и притомъ вдовецъ лѣтъ семидесяти) начиналъ дѣлаться волокитой. Я хочу этимъ сказать, что когда которая нибудь изъ подругъ моихъ пріѣзжала повидаться со мной и привозила съ собой горничную, Тротль всегда съ видимымъ

желаніемъ услужить въ тотъ же вечеръ показывалъ этой горничной минеральныя воды; кромѣ того я не разъ замѣчала, какъ тѣнь его руки падала на стѣну противъ самаго моего кресла и обличала Тротля, что онъ обнималъ въ прихожей станъ горничной.

Я сочла за лучшее прежде, чѣмъ начнется волокитство въ Лондонѣ, провести нѣсколько времени безъ Тротля, осмотрѣться и узнать, какія горничныя находились въ домѣ моемъ и по сосѣдству съ домомъ.

Такимъ образомъ, когда Тротль устроилъ и привелъ все въ порядокъ, я осталась въ моей новой квартирѣ съ одной только Пегги-Флоббинсъ, самой доброй и преданной женщиной, которая съ тѣхъ поръ, какъ знаю ее, — никогда не была предметомъ волокитства и можно было надѣяться, что и въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ не сдѣлается имъ.

Было пятое ноября, когда я въ первый разъ завтракала въ моей новой квартирѣ. Ученики изъ госпиталя Гай, окруженные красноватымъ туманомъ, подобно чудовищнымъ инфузоріямъ въ столовомъ пивѣ, шагъ за шагомъ тянулись мимо оконъ; одинъ изъ нихъ отдыхалъ на крыльцѣ Пустаго Дома. Я надѣла очки, частію для того, чтобъ посмотреть, довольны ли будутъ мальчики лакомствами, которыя были высланы мною съ Пегги, а частію, чтобъ убѣдиться, рѣшится ли Пегги подойти на близкое разстояніе къ какому нибудь проказнику, начиненному шутихами, готовыми во всякой моментъ вылетѣть изъ его кармановъ и пазухи. При этомъ-то случаѣ я впервые увидѣла Пустой Домъ и притомъ сквозь очки, которыми вооружалась очень рѣдко, потому что зрѣніе мое по моимъ лѣтамъ было чрезвычайно хорошо.

Я знала уже, что Пустой Домъ имѣлъ десять комнатъ, весьма грязныхъ и крайне запущенныхъ; что перила на крыльцѣ были покрыты ржавчиной; въ нѣкоторыхъ рамахъ были выбиты стекла, на другихъ прилипли комки грязи, брошенные ребятишками; на площадкѣ лѣстницы была цѣлая коллекція камней — приношеніе тѣхъ же шалуновъ; на стѣнахъ и на уличной двери вывѣшены были мѣломъ различныя каракули и портреты привидѣній; всѣ окна закрыты были гнилыми старыми сторами или ставнями, или тѣми и другими вмѣстѣ; билетки, объявлявшіе объ отдачѣ дома въ наймы, свернулись въ трубки, какъ будто отъ сыраго воздуха съ ними сдѣлались судороги, а иные совершенно отлипли и попадали за рамы, какъ будто ихъ совсѣмъ не существовало. Я все это увидѣла съ перваго раза и замѣтила Тротлю, что нижняя часть черной доски, на которой значились условія найма, была отколота, а на верхней невозможно разо-

брать написаннаго, и что самый камень, составлявшій порогъ уличныхъ дверей, раскололся на двое. Не смотря на то, въ это незабвенное утро пятого ноября, я сидѣла за завтракомъ, не отрывая глазъ отъ Пустаго Дома, какъ будто я никогда на него не смотрѣла.

Но вдругъ въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, въ отверстіе сторы или ставня я увидѣла какой-то таинственный глазъ. Блескъ огня моего камина отражался на этомъ глазѣ и заставлялъ его сверкать; я видѣла, какъ блескъ этотъ то являлся, то исчезалъ.

Таинственный глазъ можетъ быть видѣлъ меня, а можетъ быть и нѣтъ — предоставляю вамъ допустить какое угодно предположеніе; но съ своей стороны я знаю только одно, что весь организмъ мой былъ потрясенъ въ одинъ моментъ, какъ будто изъ этого глаза вылетѣла электрическая искра и устремилась прямо въ меня. Онъ произвелъ на меня такое дѣйствіе, что я не могла оставаться въ покоѣ, — должна была призвать Флоббинсъ и придумать для нея занятіе, для того только, чтобы она осталась въ комнатѣ. Когда завтракъ убрали со стола, я, не снимая очковъ, осталась на томъ же мѣстѣ, дѣлала движеніе головой то въ ту, то въ другую сторону и старалась изъ блеска каминнаго огня и отраженія его на выпуклостяхъ стеколъ воспроизвести искру, которая имѣла бы сходство съ искрой таинственнаго глаза. Но нѣтъ, ничего подобнаго не могла я слѣдить. Мнѣ представлялись на фасадѣ Пустаго Дома кривыя и ломаныя линіи, одно окно сливалось съ другимъ, но все же изъ этого не образовывалось глаза, даже ничего подобнаго глазу. Поэтому я убѣдилась, что дѣйствительно видѣла глазъ.

Я никакимъ образомъ не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого глаза; онъ ежеминутно тревожилъ меня, повсюду меня преслѣдовалъ, такъ что наконецъ это преслѣдованіе обратилось въ настоящую пытку. До этой поры я вовсе не думала, чтобы противоположный Пустой Домъ могъ заинтересовать меня; но теперь, когда мнѣ показался таинственный глазъ, всѣ мои душевныя способности сосредоточились на этомъ предметѣ, — я думала, объ одномъ только домѣ, говорила о домѣ, наблюдала его, видѣла его во снѣ. Теперь я вполне увѣрена, что тутъ участвовало благое провидѣніе. Впрочемъ вы сейчасъ же убѣдитесь въ этомъ сами.

Хозяинъ дома, въ которомъ я занимала квартиру, былъ дворецкій; онъ женился на поварихѣ и обзавелся хозяйствомъ. Они содержали домъ свой не болѣе двухъ лѣтъ и знали о Пустомъ Домѣ не болѣе моего. Не болѣе того узнала я отъ сосѣднихъ торговцевъ и разными другими путями; словомъ — узнала не болѣе того, что сообщалъ мнѣ Тротль съ самаго начала. Одни говорили, что домъ былъ

пусть шесть лѣтъ, другіе восемь, иные десять. Никто не нанималъ его, и всѣ соглашались, что никто не найметъ.

Вскорѣ я убѣдилась, что розысканія относительно Пустаго Дома доведутъ меня до одного изъ моихъ болѣзненныхъ припадковъ; — такъ и случилось. Цѣлый мѣсяцъ я провела въ какомъ-то волненіи, которое усиливалось съ каждымъ днемъ. Рецепты доктора ТOVERCA, привезенные мною въ Лондонъ, не оказывали существенной пользы. При зимнемъ солнечномъ свѣтѣ, яркомъ, но не грѣющемъ, въ густомъ зимнемъ туманѣ, въ темномъ зимнемъ дождѣ, при бѣлизнѣ зимняго свѣга, Пустой Домъ постоянно представлялся мнѣ въ одномъ и томъ же видѣ. Я слышала, что онъ населенъ былъ привидѣніями; но объ этихъ привидѣніяхъ я имѣла совсѣмъ превратное понятіе: они посѣщали не Пустой Домъ, а мою квартиру.

Во весь мѣсяцъ я не видѣла, чтобы кто нибудь входилъ въ Пустой Домъ или выходилъ изъ него. Я полагала, что подобныя вещи происходили или во мракѣ глубокой ночи или при самомъ началѣ разсвѣта; но ни чуть не бывало. Мнѣ не было легче даже и въ то время, когда при наступленіи ночи на окна моей квартиры опускались занавѣсы, закрывавшіе собою видъ Пустаго Дома. Таинственный глазъ начиналъ сверкать тогда въ огнѣ моего камина.

Я одинокая старая женщина. Мнѣ бы слѣдовало сказать, что я старая дѣва, вовсе не стыдясь этого названія; но я устарѣла уже для этого выраженія. Было время, когда любовь и для меня служила источникомъ душевныхъ безпокойствъ; но это было давно; очень давно. Онъ погибъ въ морѣ (да успокоитъ небо его душу!) въ то время, когда мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ. Во всю мою жизнь, сколько могу помнить себя, я нѣжно любила дѣтей, такъ нѣжно, что я думала иногда, будто бы жизнь моя приняла какое-то ложное направленіе, что она уклонилась отъ той цѣли, къ которой была направлена, — иначе я была бы счастливой матерью многихъ дѣтей, гордилась бы ими и въ настоящее время имѣла бы внучатъ, которые называли бы меня старой бабушкой. Съ радостію и покорностію я узнала вскорѣ, что въ замѣнъ этой утраты Богъ благословилъ меня и даровалъ мнѣ обиліе разума. Но даже и тогда мнѣ приводилось отирать горькія слезы. Каждый разъ, когда я вспоминала о моемъ миломъ, храбрѣмъ, полномъ надеждъ Чарли, и о довѣріи, которымъ онъ хотѣлъ меня порадовать, я безутѣшно плакала. Чарли былъ мой младшій братъ; онъ отправился въ Индію, женился тамъ, прислалъ ко мнѣ свою миленькую жену, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи періода беременности она возвратилась къ нему, оставивъ мнѣ ребенка для воспитанія. Но едва успѣла я прошептать ей: «малюжка мертвъ!» — а она

отвѣтитъ мнѣ: «земля къ землѣ и прахъ ко праху! Положи его на грудь мою и старайся утѣшить Чарли!»—какъ изъ груди ея вылетѣлъ послѣдній вздохъ. Съ этими словами она покинула нашъ міръ; она улетѣла въ горнія предѣлы искать малютку своего у ногъ Спасителя. Я пріѣхала къ Чарли объявить ему, что для него ничего не осталось, кромѣ меня. Я прожила въ Индіи много лѣтъ. Чарли было пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ на моихъ рукахъ. Лицо его измѣнилось; оно постарѣло и сдѣлалось суровымъ; но когда я плакала и молилась подлѣ него, оно постепенно смягчалось, а когда я взглянула на него въ послѣдній разъ, оно представляло лицо моего неопѣннаго, спокойнаго, прекраснаго, молодаго Чарли, котораго я знала много, много лѣтъ тому назадъ..

Я хотѣла было сказать, что одиночество Пустаго Дома навело меня на эти грустныя воспоминанія, хотѣла выразить до какой степени отравляло оно мое сердце,—какъ вдругъ Флоренсъ, отворивъ дверь и посмотрѣвъ на меня съ сдержаннымъ смѣхомъ, сказала:

— Мистеръ Джабезъ Джарберъ!

При этихъ словахъ мистеръ Джарберъ вошелъ въ комнату своей неуклюжей походкой.

— Софонизба!—вскричалъ онъ.

Софонизба, надобно сказать—мое имя. Очень миленькое имя и приличное тому времени, когда мнѣ дали его, но послѣ того протекло много времени и въ устахъ мистера Джарбера оно звучало какъ—то особенно высокопарно и смѣшно. Поэтому я рѣзко сказала ему:

— Хотя меня и зовутъ Софонизба, но вы, Джарберъ, не обязаны упоминать это имя во всякое время.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе забавный мистеръ Джарберъ приложилъ къ губамъ своимъ концы моихъ пальцевъ и снова сказалъ съ протяжнымъ удареніемъ на третій слогъ.

— Софонизба!

Я не освѣщаю моихъ комнатъ лампами, потому что терпѣть не могу копоти отъ ламповаго масла; къ тому же восковыя свѣчи напоминаютъ мнѣ о дняхъ моей юности. Въ настоящую минуту положеніе одного изъ моихъ высокихъ старинныхъ полсвѣчниковъ,—и именно на столѣ усамого локтя,—было такъ удобно, что еслибы Джарберъ повторилъ это слово еще разъ, я бы столкнула полсвѣчникъ ему на ноги. А было впрочемъ время и для меня и для Джарбера, когда имя Софонизбы нравилось намъ обоимъ. На минеральныхъ водахъ и теперь еще существуетъ оркестръ, подъ звуки котораго, подъ открытымъ небомъ и въ присутствіи многочисленной публики изъ лучшаго сословія, мы танцевали съ Джарберомъ

минуэтъ. И теперь еще существуетъ домъ, въ которомъ я носила коротенькое платьице съ маленькимъ перелникомъ, домъ, въ которомъ выдернула зубъ себѣ, привязавъ его сначала ниточкой къ рукояткѣ двернаго замка и потомъ рванувшись отъ дверей изо всей силы. Воображаю, какою Сильфидой показалась бы я теперь при моихъ лѣтахъ, въ коротенькомъ платьицѣ, — какую картину представила бы я собою, еслибъ для зубной операціи прибѣгнула къ двери, вмѣсто дантиста?

Джарберъ постоянно былъ болѣе или менѣе забавнымъ существомъ. Онъ щегольски одѣвался, прыскался духами самаго нѣжнаго аромата, и многіе дѣвицы моего времени готовы были подарить ему свои сердца, тогда какъ онъ, — я обязана сказать, — вовсе не думалъ о нихъ, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ маневры и былъ постояненъ ко мнѣ одной. Онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе не только въ то время, когда утрата любимаго друга отравила дни моего счастія, но и впослѣдствіи; притомъ не разъ и не два, — я даже не могу сказать сколько разъ именно. Много ли это было или мало, — все равно; но послѣднее повтореніе этого комплимента случилось немедленно послѣ того, какъ Джарберъ подарилъ мнѣ пищеварительную пилюлю, напививъ ее на кончикъ булавки. При этомъ случаѣ я, смѣясь отъ чистаго сердца, сказала ему:

— Послушайте, Джарберъ, неужели вы не постигаете, что двухъ людей, лѣта которыхъ вмѣстѣ взятые составляютъ почти полтора столѣтія, смѣло можно назвать стариками? — Если нѣтъ, то проглотите этотъ вопросъ, какъ я проглочу вашу пилюлю (что я сдѣлала въ тотъ же моментъ) — и пожалуйста объ этомъ больше ни полслова.

Послѣ этого Джарберъ велъ себя довольно сносно. Онъ былъ маленькаго роста, худощавенькій, на маленькихъ ножкахъ человѣчекъ; чрезвычайно любилъ пестрые камзолы; у него была сладенькая улыбочка, тоненькій голосокъ и очень милыя манеры. — Сколько я могу припомнить, онъ постоянно исполнялъ различныя порученія и всегда приносилъ съ собой свѣжія городскія сплетни. Въ настоящее время, когда онъ называлъ меня Софонизбой, онъ занималъ небольшую квартиру въ ближайшемъ отъ меня сосѣдствѣ, меблированную въ старинномъ вкусѣ. Я не видѣла его года три, но слышала, что онъ по прежнему ходилъ съ лорнеткой и останавливался у преддверія въ улицу Сентъ-Джемсъ, полюбоваться приѣзжавшей ко двору аристократіей; отсюда въ маленькомъ плащѣ и голошахъ переходилъ къ окнамъ кондитерской Виллиса и смотрѣлъ, какъ та же самая аристократія отправлялась на балъ Олмакка, — получалъ при этомъ страшныя простуды, сильныя толчки

отъ кучеровъ и факельщиковъ, возвращался домой совершеннымъ инвалидомъ и оставался въ комнатѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Джарберъ снялъ плащъ съ мѣховымъ воротникомъ и сѣлъ на-противъ меня съ маленькой тростью и шляпой въ рукѣ.

— Пожалуйста, Джарберъ, оставьте Софонизбу въ покоѣ,—сказала я. — Называйте меня просто Сарой. Какъ поживаете? — На-дѣюсь, вы совершенно здоровы?

— Благодарю васъ. А какъ ваше здоровье? сказалъ Джарберъ.

— Я здорова на столько, на сколько это возможно старухѣ.

— Зачѣмъ же говорить о старухахъ, Софониз... началъ было Джарберъ; но я взглянула на полсвѣчникъ, и онъ замолчалъ, показавъ видъ, что не скажетъ ни слова.

— Конечно, ни я, ни вы не можемъ похвалиться здоровьемъ,—сказала я: — будемъ же благодарны и за то, что здоровье наше не хуже настоящаго.

— Меня, быть можетъ, обманываютъ глаза, но вы кажетесь чрезвычайно изнуренными, — сказалъ Джарберъ.

— Весьма вѣроятно. Я даже не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Что же могло изнурить васъ, моя Софо... мой нѣжный другъ? спросилъ Джарберъ.

— Полагаю, что нибудь непріятное. Меня изнуряетъ до смерти Пустой Домъ, — вонъ тамъ... черезъ дорогу.

Джарберъ на ципочкахъ подошелъ къ окну, отдернулъ занавѣсъ, заглянулъ за нее и обернулся ко мнѣ съ вопрошающимъ видомъ.

— Да, отвѣчала я: — этотъ самый домъ.

Заглянувъ еще разъ за занавѣсъ, Джарберъ возвратился къ стулу и занялъ его съ видомъ нѣжнаго ко мнѣ участія.

— Отъ чего же этотъ домъ, Со... Сара, производитъ на васъ такое непріятное впечатлѣніе?—спросилъ онъ.

— Это для меня загадка,—сказала я. Разумѣется, всякій домъ есть уже болѣе или менѣе загадка. Но тутъ что-то особенное, о чемъ я даже не хочу и говорить (и дѣйствительно таинственный глазъ былъ такою нелѣпостью, что мнѣ стыдно было упомянуть о немъ),—что-то странное, которое сдѣлало для меня этотъ домъ до такой степени загадочнымъ, что въ теченіе цѣлаго мѣсяца я не имѣла покоя, и сколько могу предвидѣть, я не буду имѣть его до пріѣзда Тротли, то есть до будущаго понедѣльника.

Мнѣ бы слѣдовало упомянуть нѣсколько ранѣе, что между Тротлемъ и Джарберомъ существовала ревность и что они не оказывали другъ къ другу ни малѣйшаго расположенія.

— Тротль, съ пренебреженіемъ повторилъ мистеръ Джарберъ,

слегка размахнувъ своей тростью:—какимъ же образомъ Тротль, можетъ возвратить спокойствіе... Саръ.

— Онъ постарается узнать что нибудь объ этомъ домѣ. Я теперь такого убѣжденія, что тѣми или другими путями, хорошими или дурными, прямыми или кривыми, но мнѣ непременно должно узнать, отъ чего этотъ домъ остается Пустымъ?

— Почему же такое порученіе дѣлается Тротлю? Почему же не... и Джарберъ прикажъ къ сердцу свою маленькую шляпу: — почему не Джарберу?

По правдѣ вамъ сказать, предполагая сдѣлать порученіе Тротлю, я вовсе не думала о Джарберѣ. Теперь же, хотя я и думаю о немъ, благодаря вашему намеку,—за что я вамъ искренно обязана, — но не надѣюсь, чтобы Джарберъ могъ исполнить такое порученіе.

— Сара!

— Я думаю, Джарберъ, что для васъ это будетъ слишкомъ обременительно.

— Сара!

— Тутъ нужно будетъ приходить и выходить, приносить и относить, а чрезъ это вы можете простудиться.

— Сара!—Все то, что можетъ сдѣлать Тротль, можетъ быть сдѣлано и мной. Я въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми значительными людьми въ здѣшнемъ кварталѣ, я свой человекъ въ здѣшней библиотекѣ; ежедневно вижу и разговариваю съ членами ассизнаго суда; я квартирую въ домѣ, гдѣ помѣщается общество водопроводовъ. Я знаю здѣшняго главнаго медика, обѣдаю съ церковными старостами; имѣю сношенія съ опекунами. — А что такое Тротль?—Лицо, принадлежащее къ сферѣ домашней прислуги; лицо, вовсе неизвѣстное обществу!

— Не горячитесь, Джарберъ. Я считаю Тротля за свою правую руку;—чтобъ исполнить какой нибудь глупый капризъ своей старой госпожи, онъ готовъ принять на себя какой угодно трудъ. Впрочемъ, если вы можете сдѣлать открытіе, которое послужитъ къ разъясненію загадки о Пустомъ Домѣ, то я буду такъ много обязана вамъ, какъ будто Тротль никогда не существовалъ. Джарберъ всталъ и накинулъ на себя маленькій плащъ. Пара свирѣпыхъ бронзовыхъ львовъ застегивала воротникъ и охраняла грудь маленькаго человека;—для этого, мнѣ кажется, достаточно было бы и пары самыхъ ручныхъ кроликовъ.

— Сара, сказалъ онъ:—я ухожу. — Ждите меня въ понедѣльникъ вечеромъ.... шестаго числа,—и тогда, быть можетъ, вы дадите мнѣ чашку чаю,—только, рада Бога! не зеленого!—Adieu!

Это было въ четвергъ, втораго декабрия. Припомнивъ, что въ понедѣльникъ долженъ прибыть Тротль, я живо представила себѣ затрудненія, которыя могли возникнуть при встрѣчѣ этихъ двухъ могущественныхъ силъ; встрѣча ихъ грозила открытой войной,—и я, хотя и стыдно признаться,—не на шутку испугивалась. Какъ бы то ни было, на другое утро мысль о Пустомъ Домѣ поглотила у меня всѣ другія мысли;—Пустой Домъ не выходилъ изъ головы въ теченіе всей пятницы и всей субботы.

Воскресенье было бурное: съ утра до ночи лилъ проливной дождь и бушевалъ вѣтеръ. Звонъ колоколовъ, призывавшихъ къ вечернѣ, заглушался порывами вѣтра и потоками дождя; они звучали глухо и печально, улица представляла собою картину глубокаго унынія и въ ней самымъ унылымъ предметомъ былъ Пустой Домъ.

Потухавшій огонь тускло отражался на темныхъ стеклахъ моей квартиры. Отходя ко сну, я молилась о сиротахъ и вдовахъ, о всѣхъ безпріютныхъ и удрученныхъ горемъ, какъ вдругъ, приподнявъ голову и взглянувъ на окно, я снова увидала таинственный глазъ. Какъ и прежде, онъ скрылся въ тотъ же моментъ; но на этотъ разъ я была внутренно убѣждена, что видѣла не призракъ, а дѣйствительность.

О, какая тяжелая ночь наступила для меня!—Я закрывала глаза только для того, чтобы видѣть глаза. На другое утро, въ безразсудно, слѣдовало бы сказать, въ невѣроятно-ранній часъ (впрочемъ виной тому желѣзныя дороги) пріѣзжаетъ Тротль. Какъ только рассказалъ онъ мнѣ все о Тонбриджѣ, я въ свою очередь, рассказала ему все о Пустомъ Домѣ. Тротль слушалъ меня съ величайшимъ участіемъ и вниманіемъ до тѣхъ поръ, пока рѣчь не дошла до Джабеза Джарбера; тутъ вниманіе Тротля внезапно охладѣло; въ немъ вдругъ явилось желаніе противорѣчить.

— Ну, вотъ что мы слѣбаемъ, Тротль,—сказала я, не обращая вниманія на него:—когда мистеръ Джарберъ явится сегодня, мы сложимъ наши головы вмѣстѣ.

— Едвали это нужно, мадамъ; я знаю, что голова мистера Джарбера — вещь совершенно пустая.

Рѣшившись не обращать вниманія на возраженіе Тротля я повторяла, что мы должны соединить наши умы въ одно цѣлое.

— Разумѣется, мамъ, все, что вы прикажете, должно быть исполнено. Но какъ вамъ угодно, а нельзя отвергать, что голова мистера Джарбера не въ состояніи сопротивляться высокому давленію.

Этотъ отвѣтъ обидѣлъ меня; тѣмъ болѣе было досадно, что хотя Тротль нѣсколько разъ выходилъ въ тотъ день изъ дому, но ни

разу не взглянулъ черезъ улицу на Пустой Домъ. Рѣшившись однажды не обращать вниманія на его причуды, я не показала и вида, что онѣ меня досаждаютъ. Однако съ наступленіемъ вечера, когда Тротль впустилъ въ столовую Джарбера и когда Джарберъ, отклоняя отъ себя услуги своего соперника и стараясь разъединить сомкнувшіяся пасти бронзовыхъ львовъ, (чего не могъ впрочемъ сдѣлать безъ посторонней помощи) тыкалъ тростью то въ плетенныя спинки стульевъ, то въ фарфоровыя фигуры, то въ собственный свой глазъ,—тогда я готова была прогнать ихъ обоихъ.

Кончилось впрочемъ тѣмъ, что я взяла чайникъ и приготовила чай; Джарберъ вынулъ изъ подъ плаща свертокъ бумаги, которымъ торжественно показалъ черезъ улицу, подобно призраку отца Гамлета, и положилъ его на столъ.

— Вѣрно открытіе? сказала я, указывая на свертокъ, когда Джарберъ опустился на стулъ и расположился пить чай.—Тротль, ты пожалуйста не уходи.

— Это еще только приступъ къ открытіямъ, отвѣчалъ Тротль. Тутъ вы найдете нѣкоторыя подробности о прежнемъ арендаторѣ этого дома,—подробности, заимствованныя мною отъ главнаго медика и членовъ ассизнаго суда.

— Не уходи, Тротль, повторила я; я замѣтила, что онъ прокрадывается къ двери.

— Прошу вашего извиненія, мамъ; я, можетъ статья, буду въ тягость мистеру Джарберу?

Джарберъ показалъ видъ, что присутствіе Тротля дѣйствительно было бы ему въ тягость. Чтобы успокоить себя, я ограничилась только гнѣвнымъ взглядомъ. Рѣшившись, какъ уже сказано, не обращать вниманія на упрямство Тротля, я сказала:

— Тротль, будь такъ добръ, пожалуйста присядь. Я хочу, чтобы ты выслушалъ, что здѣсь написано.

Тротль сухо поклонился и расположился на самомъ отдаленномъ стулѣ. Сдѣлавъ это, онъ не замедлилъ придвинуться къ замочной скважинѣ въ дверяхъ.

— Во-первыхъ, началъ Джарберъ, отпивъ изъ чашки полный глотокъ: — мнѣ желательно знать, изумилась ли бы моя Софья...

— Начните съ начала, сказала я.

— Изумилась ли бы вы, если бы этотъ Пустой Домъ оказался собственностію одного изъ вашихъ родственниковъ?...

— Разумѣется, это было бы очень изумительно.

— Такъ выслушайте же: онъ принадлежитъ вашему первому

кузену (который, какъ я мимоходомъ узналъ, весьма нездоровъ въ настоящее время) — Джоржу Форли.

— Начало не общается хорошаго, замѣтила я. Не могу отрицать, что Джоржъ Форли по родству приходился мнѣ первымъ кузиномъ; но я съ нимъ не имѣю никакихъ сношеній. Джоржъ Форли былъ тяжелымъ, холоднымъ, жестокимъ отцомъ для ребенка, который, къ счастью, умеръ. Джоржъ Форли былъ неумолимъ, непреклоненъ для одной изъ двухъ дочерей своихъ, которая вышла замужъ за бѣднаго. Какъ тяжело лежала рука Джоржа Форли на этомъ бѣдномъ созданіи, такъ легко и снисходительно покоилась она на ея сестрѣ, которая вышла за богатаго. Надѣюсь, что мѣра, которою мѣрялъ Джоржъ Форли, не будетъ возана ему десятирицею. Этого я ему не желаю.

Воспоминанія эти взволновали меня и я не могла удержаться отъ слезъ; исторія мололенькой дѣвушки, дочери Форли, была въ высшей степени трогательна; я еще до этого часто о ней плакала.

— Если этотъ домъ принадлежитъ Джоржу Форли, сказала я: — то неудивительно, что судьба наложила на него свою печать. Говорится ли что нибудь о Джоржѣ Форли въ этомъ сверткѣ?

— Ни слова.

— Я очень этому рада. Прочитайте же, пожалуйста. Тротль, придвинься къ намъ поближе. Неужели тебѣ нравится сидѣть, повѣсивъ носъ, въ арктическихъ странахъ? — Придвигайся.

Джарбертъ повернулъ свой стулъ, такъ что весь фасъ его спины обратился прямо къ лицу моего упрямаго друга и слуги. Джарбертъ началъ читать, передавая Тротлю звуки своего голоса черезъ свое собственное ухо и плечо.

Онъ читалъ слѣдующее:

МАНЧЕСТЕРСКИЙ БРАКЪ.

Мистеръ и мистриссъ Опеншо пріѣхали изъ Манчестера и заняли пустой домъ. Мистеръ Опеншо былъ главнымъ повѣреннымъ большаго торговаго дома, который, при распространеніи круга своихъ дѣйствій, нашелъ необходимымъ открыть въ Лондонѣ складочный магазинъ и для присмотра за нимъ назначилъ мистера Опеншо. Перемена мѣстопробыванія ему понравилась; любопытство, котораго онъ не могъ удовлетворить во время кратковременныхъ посѣщеній столицы, влекло его въ Лондонъ. Въ то же время онъ питалъ какое-то странное нерасположеніе къ жителямъ нашей столицы. Онъ представлялъ ихъ себѣ изнѣженнымъ, избалованнымъ на-

родомъ, котораго больше всего занимають моды и аристократія, который цѣлые дни проводить въ улицѣ Бондъ и другихъ фэшенэбельныхъ мѣстахъ, который издѣвается надъ всѣмъ прекраснымъ и во всякое время готовъ посмѣяться надъ самымъ мистеромъ Опеншо, какъ надъ провинціаломъ. Часы, которые дѣловые люди проводили въ Сити, не нравились ему; онъ, какъ и всѣ манчестерцы, привыкъ рано пообѣдать и не засиживаться по вечерамъ до поздней поры. Все же ему хотѣлось переѣхать въ Лондонъ, — но онъ ни за что въ мірѣ не сознался бы въ этомъ даже самому себѣ, и съ друзьями своими говорилъ о своемъ переѣздѣ, какъ о необходимой мѣрѣ, требуемой интересами торговаго дома и смягчаемой для него значительнымъ увеличеніемъ жалованья. И въ самомъ дѣлѣ, жалованье его было столь значительно, что онъ могъ бы, не стѣсняясь, нанять домъ гораздо обширнѣе этого, еслибъ не считалъ себя обязаннымъ показать лондонцамъ, до какой степени манчестерецъ пренебрегаетъ пышностью. Однакожъ домъ его отличался невѣроятнымъ комфортомъ. Въ зимнюю пору, во всѣхъ комнатахъ, гдѣ температура казалась прохладною, онъ приказывалъ разводить такой яркій огонь, что едва выдерживали каминныя рѣшетки. Кромѣ того, его сѣверное понятіе и гостепріимство было таково, что если онъ былъ дома, то ни гостю, ни случайному посѣтителю не позволялъ уйти отъ себя, не принудивъ его раздѣлить съ нимъ вкусное блюдо и бутылку вина. Всѣ слуги имѣли удобное помѣщеніе, получали теплое платье, хорошій столъ и пользовались ласковымъ обращеніемъ. Ихъ господинъ пренебрегалъ мелочными сбереженіями, когда они клонились къ ущербу комфорта; онъ находилъ особенное удовольствіе не отказывать себѣ ни въ чемъ, что бы тамъ ни говорили сосѣди.

Жена его была миловидная, добрая женщина; она была ему подъ пару и по лѣтамъ и по характеру. Ему было сорокъ два года, ей — тридцать пять. Мистеръ Опеншо любилъ пошумѣть и былъ настойчивъ; его жена имѣла мягкое, кроткое, покорное сердце. У нихъ было, или вѣрнѣе, у ней было двое дѣтей; потому что старшая изъ нихъ, одиннадцатилѣтняя дѣвочка родилась отъ Франка Вильсона, перваго мужа мистриссъ Опеншо. Младшее дитя былъ маленькій мальчикъ, Эдвинъ, который только-что началъ лепетать и съ которымъ отецъ находилъ невыразимое удовольствіе вести разговоръ на своемъ самомъ грубомъ и самомъ непонятномъ ланкашѣйрскомъ діалектѣ, съ тою цѣлію, чтобъ сохранить такъ называемый имъ чисто-саксонскій акцентъ.

Имя, которое мистриссъ Опеншо получила при крещеніи, было Алиса; она вышла въ первый разъ замужъ за своего кузена. Али-

са была круглая сирота, племянница морскаго капитана въ Ливерпуль; тихое, кроткое, серьёзное маленькое созданіе; на пятнадцати и шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ она была дѣвочка красоты очаровательной; имѣла правильныя черты и отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ. При этомъ она была очень застѣнчива и считала себя неловкой и неразвязной; ея тетка, вторая жена ея дяди, часто ее журила. Поэтому, когда ея кузень, Франкъ Вильсонъ, послѣ долгаго плаванія по морямъ возвратился домой и оказался во-первыхъ добрымъ ея покровителемъ, во-вторыхъ внимательнымъ и въ-третьихъ до безумія влюбленнымъ въ нее, — Алиса не знала, какъ и чѣмъ выразить ему свою признательность. Первые два фаза его поведенія нравились ей, но ее смущала и страшила пламенная и безумная его любовь. Ея дядя не содѣйствовалъ и не препятствовалъ развитію этого чувства, не смотря на то, что оно совершалось подъ самымъ его носомъ. Мачиха Франка имѣла самый непостоянный характеръ, такъ что трудно было угадать, понравится ли ей сегодня то, что нравилось наканунѣ, или нѣтъ. Наконецъ она довела неопредѣленность своего характера до такой степени, что Алиса съ радостію готова была зажмурить глаза и, не раскрывая ихъ, избавиться отъ домашняго тиранства, воспользовавшись единственнымъ шансомъ, который представлялся ей въ супружествѣ съ своимъ кузеномъ. Любя его болѣе всего на свѣтѣ, кромѣ дяди, который въ это время былъ въ экспедиціи, Алиса въ одно прекрасное утро обвѣнчалась съ Франкомъ; свадебной подругой ея была одна только служанка ея тетки. Слѣдствіемъ этого было то, что Франкъ и его жена перебрались изъ дома дяди на квартиру, а мистриссъ Вильсонъ запретила имъ показываться ей на глаза и выгнала изъ дому Нору, преданнѣйшую свою служанку. Новобрачные приняли Нору въ свой домъ. Капитанъ Вильсонъ, возвратясь изъ экспедиціи, отъ чистаго сердца обнялъ молодую чету; онъ проводилъ у нея вечера, курилъ трубку и потягивалъ грогъ; но, говорилъ онъ, въ видахъ сохраненія семейнаго спокойствія ему невозможно было пригласить ихъ къ себѣ; — его жена была ожесточена противъ нихъ. Это обстоятельство нисколько не отравляло счастья новобрачныхъ.

Зародышъ будущаго несчастія хранился скорѣе въ пыломъ и энергическомъ характерѣ Франка; съ помощію этого характера онъ принудилъ жену свою откинуть застѣнчивость и подчиненность другимъ, какъ два недостатка, нарушавшіе гармонію супружеской жизни. Опасенія, внушаемыя воображаемыми бѣдствіями, которыя могли бы выпасть на долю Франка во время предстоявшей экспедиціи, начинали однакоже пробуждать въ немъ раскаяніе, мучили его и въ нѣкоторой степени его молодую жену. Подъ вліяніемъ такого

чувства онъ отправился однажды къ отцу—упросить его снова принять подъ свой кровъ Алису: это было тѣмъ болѣе необходимо, что во время отсутствія Франка она должна была разрѣшиться отъ бремени. Капитанъ Вильсонъ, какъ онъ самъ выражался, «хилѣлъ день ото дня» и не хотѣлъ бы быть свидѣтелемъ семейныхъ непріятностей; но все же вполне сознавалъ справедливость словъ своего сына. Онъ отправился къ женѣ, и Франкъ до отправленія въ море имѣлъ удовольствіе видѣть жену въ домѣ своего отца, въ томъ самомъ маленькомъ мезонинѣ, который занимала она до замужества. Помѣстить ее въ одну изъ лучшихъ и просторныхъ комнатъ не согласовалось съ понятіями мистриссъ Вильсонъ объ уступчивости. Худшая часть въ этой исторіи состояла въ томъ, что преданной Норѣ было отказано. Мѣсто горничной было отдано другой; даже еслибъ оно и не было отдано, Нора навсегда потеряла хорошее о себѣ мнѣніе мистриссъ Вильсонъ. Доброе созданіе утѣшало молодого господина и госпожу пріятными предсказаніями о томъ времени, когда они будутъ имѣть свое хозяйство, въ устройствѣ и распространеніи котораго она, разумѣется, надѣялась принять участіе, гдѣ бы въ то время ни находилась въ услуженіи. Передъ самымъ отплытіемъ въ море, Франкъ Вильсонъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность отправиться вмѣстѣ съ Алисой повидаться съ Норой въ домѣ ея матери. Послѣ этого свиданія Франкъ уѣхалъ.

Между тѣмъ съ наступленіемъ зимы, тестъ Алисы ставился съ каждымъ днемъ слабѣе и слабѣе. Алиса, ухаживая за больнымъ и развлекая его, служила для мачихи величайшей подмогой. Въ домѣ было много заботъ, но не смотря на то, въ немъ давнымъ давно не существовало такого спокойствія, какъ въ настоящее время. Оставляя въ сторонѣ капризы мистриссъ Вильсонъ, надобно по справедливости сказать, что она имѣла доброе сердце, которое еще болѣе смягчалось при видимомъ приближеніи смерти того, кого она любила болѣе всего на свѣтѣ; ее трогало до глубины души одиночество молодого созданія, ожидавшаго первенца въ отсутствіи мужа. Такому сострадательному настроенію духа Нора обязана была позволеніемъ явиться въ домъ, гдѣ жила Алиса, помогать Алисѣ, когда родилось дитя, и ухаживать за больнымъ капитаномъ Вильсономъ.

Не прошло еще перваго письма отъ Франка (онъ отправился въ Остъ-Индію и Китай), какъ отецъ его переселился въ вѣчность. Алисѣ отраднo было вспоминать, что онъ держалъ ея малютку на рукахъ, цаловался и передъ смертью благословилъ его. Послѣ печальнаго событія и послѣ разсмотрѣнія дѣлъ капитана, оказалось, что онъ оставилъ гораздо менѣе, чѣмъ воображали многіе, судя по его образу жизни; весь свой капиталъ онъ завѣщалъ въ полное

распоряженіе жены. Это впрочемъ для Алисы не имѣло особенной важности, потому что Франкъ былъ первымъ офицеромъ на своемъ кораблѣ и послѣ экспедицій былъ бы капитаномъ. Между тѣмъ онъ оставилъ ей нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, составлявшихъ всѣ его сбереженія.

Наступило время, когда Алисъ слѣдовало бы получить извѣстіе отъ мужа. Одно письмо съ мыса Доброй Надежды она уже получила. Другое должно было извѣстить о его прибытіи въ Индію. Недѣля проходила за недѣлей, а между тѣмъ въ конторѣ владѣльцевъ корабля не было никакихъ извѣстій; жена капитана корабля оставалась въ такой же неизвѣстности, какъ и Алиса; опасенія послѣдней становились невыносимы. Наконецъ наступилъ день, когда на освѣдомленіе въ корабельной конторѣ отвѣтили, что владѣльцы корабля потеряли всякую надежду услышать что нибудь о «Бетен-Дженъ» и уже послали объявленіе въ Страховое Общество. Теперь, когда Францъ не существовалъ уже болѣе для Алисы, она впервые почувствовала непреодолимую любовь къ своему доброму кузену, нѣжному другу, безкорыстному покровителю, — впервые почувствовала страстное желаніе показать ему новорожденное дитя, которое съ этого времени было для нея драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ въ мірѣ: оно было ея единственнымъ достоинствомъ. Печаль ея однакожь не сопровождалась истерическими припадками; она была спокойна; но это спокойствіе давало только пищу притворству мистриссъ Вильсонъ. Мистриссъ Вильсонъ оплакивала своего пасынка такъ неутѣшно, какъ будто во всю свою жизнь, она жила съ нимъ въ добромъ согласіи; встрѣчаясь съ новымъ незнакомымъ лицомъ, она считала обязанностью пролить горькіе слезы, распространиться о горестномъ положеніи молодой вдовы, о беспомощности и беззащитности осиротѣлаго ребенка; но при этомъ она припымала на себя такой умильтельный видъ, какъ будто въ этой горестной исторіи заключался нѣкотораго рода источникъ ея отрады и утѣшенія.

Такъ прошли первые дни вдовства Алисы. Мало по малу порядокъ вещей принялъ обыкновенное направленіе. Между тѣмъ, должно быть этому бѣдному молодому созданію суждено было переносить тяжкія страданія! Дочь Алисы начала хилѣть и вообще обнаруживать признаки слабаго здоровья. Болѣзнъ ребенка сосредоточивалась въ спинѣ; но она не сокращала его жизни, такъ крайней мѣрѣ говорили доктора. Всякой матери тяжело смотрѣть на медленные, изнурительныя страданія любимаго дѣтища; смотрѣть на подобныя страданія единственной дочери — для Алисы было невыносимо! Одна только Нора угадывала, отчего страдала Алиса; никто другой, кромѣ Бога, не зналъ тому причины.

Однажды, когда мистриссъ Вильсонъ вошла въ комнату Алисы, въ припадкѣ глубокаго унынія, возбужденнаго уменьшеніемъ цѣнности имущества, оставленнаго мужемъ, уменьшеніемъ, черезъ которое доходовъ съ этого имущества едва было достаточно для содержанія ея одной, не говоря уже объ Алисѣ и ея ребенкѣ, — Алиса съ трудомъ поняла, какимъ образомъ то, что не имѣло вліянія на здоровье или жизнь, могло быть причиной столь глубокой печали; поэтому она выслушала объясненіе съ спокойствіемъ, приводившимъ мистриссъ Вильсонъ въ раздраженіе. Но, къ вечеру, когда больной ребенокъ принесенъ былъ въ столовую и когда бабушка, которая, отдавая ей справедливость, любила малютку, снова начала оплакивать надъ невнемлющимъ слухомъ ребенка свои потери, начала сообщать свои предположенія посоветоваться съ лучшими докторами и впоследствии предоставить малюткѣ средства жить въ спокойствіи и изобиліи, — Алиса растаяла. Противъ всякаго обыкновенія, она осыпала мистриссъ Вильсонъ нескончаемыми ласками, и съ чувствомъ, неимѣвшимъ ни малѣйшаго сходства съ чувствомъ Руэи, говорила, что какаѣ бы судьба не постигла ее, она не разстанется съ своей драгоценной мачихой. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній въ наступившіе затѣмъ дни, было рѣшено, что мистриссъ Вильсонъ найметъ въ Манчестерѣ домъ и меблируетъ его на свои средства, а чего неостанетъ, то прикупить на оставшіеся у Алисы двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Мистриссъ Вильсонъ была манчестерская уроженка и весьма естественно могла желать возвращенія въ свой родной городъ. Нѣкоторые ея родственники нуждались въ удобныхъ квартирахъ и охотно соглашались платить за нихъ хорошія деньги. Алиса приняла на себя присмотръ за домомъ и главный трудъ въ дѣлѣ домохозяйства. Нора, безкорыстно преданная Нора, вызвалась стряпать, соблюдая въ домѣ чистоту и опрятность, словомъ дѣлать все, лишь бы ей позволили остаться съ ними.

Планъ удался. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жильцы были постоянные и все шло превосходно, съ однимъ только непріятнымъ исключеніемъ: безобразіе маленькой дѣвочки увеличивалось, Нѣтъ словъ, которыми бы можно было выразить любовь матери къ этому ребенку!

Но вдругъ ихъ постигло несчастіе. Квартиранты одинъ за другимъ перешли на другія квартиры и на мѣсто ихъ никто не являлся. Спусти нѣсколько мѣсяцовъ, онѣ принуждены были перебраться въ домъ, менѣе обширный. Алиса, руководимая мягкой совѣстью, сознавала, что ей не слѣдовало обременять свою мачиху, и что нужно отыскать свои собственные средства. Ей нужно бы-

ло оставить ребенка!—Мысль объ этомъ отзывалась въ ея сердцѣ, какъ звукъ похороннаго колокола.

Наконецъ явился новый постоялецъ, мистеръ Опеншо. Человѣкъ этотъ началъ свое поприще въ одномъ торговомъ домѣ, въ качествѣ рассыльнаго и подметальщика; прокладывая себѣ дорогу чрезъ тяжолыя лишенія манчестерской жизни, при сильномъ энергическомъ характерѣ, онъ прошелъ всѣ степени прикащикскаго быта. Все свободное время онъ постоянно посвящалъ самовоспитанію. Онъ былъ превосходный счетчикъ, прекрасно владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками, былъ проникательнымъ, дальновиднымъ торговымъ человѣкомъ. Зная состояніе рынковъ въ близкихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, онъ умѣлъ пользоваться выгодными для торговли случаями; вникая въ мельчайшія подробности своего призванія, онъ въ тоже время не пропускалъ въ полѣ ни одного цвѣтка, не подумавъ о томъ, не образуютъ ли ихъ краски и оттѣнки хорошаго рисунка для какой нибудь новой матеріи. Онъ посѣждалъ общества, въ которыхъ обсуживали общественные вопросы, и всею душею былъ преданъ политикѣ; всякаго, кто не соглашался съ его мнѣніемъ, онъ называлъ пустымъ, пошлымъ человѣкомъ, избралъ верхъ надъ своими противниками скорѣе громозвучною силою своего языка, чѣмъ спокойною силою логики. Во всемъ этомъ было что-то похожее на янки.

Подобный человѣкъ, можно подумать, не имѣлъ времени влюбляться или вообще предаваться цѣльнымъ влеченіямъ сердца. Въ тѣ лѣта, когда молодые люди начинаютъ думать о супружеской жизни, Опеншо не имѣлъ средствъ, чтобы содержать жену; а между тѣмъ онъ смотрѣлъ на женитьбу совершенно съ практической точки зрѣнія. Когда же обстоятельства его улучшились, когда онъ сталъ появляться въ средѣ своей замѣчательнымъ человѣкомъ, онъ уже смотрѣлъ на женщинъ, какъ на лишнее бремя для цѣлаго свѣта;—онъ убѣжденъ былъ, что чѣмъ меньше имѣть дѣла съ женщиной, тѣмъ лучше.

Опеншо всѣми силами старался уничтожить въ себѣ первое впечатлѣніе, произведенное на него Алисой.

— Женщина порялочная, ... ничёго... такъ себѣ,—говорилъ онъ, когда необходимость заставляла его отозваться о ея личности. Сначала онъ думалъ, что спокойствіе Алисы проистекало изъ неподвижности, недѣятельности ея душевныхъ силъ, вовсе несогласовавшейся съ его неугомонной, энергической натурой. Но когда онъ убѣдился, съ какой пунктуальностію исполняла она всѣ его желанія, ни на волосъ не отступая отъ обязанностей по хозяйственной части; когда она будила его поутру съ первымъ ударомъ назначеннаго ча-

са, подавала ему горячую воду для бритья, разводила огонь въ каминѣ, приготовляла кофе совершенно по его рецепту (Опеншо имѣлъ для всего свою теорію, основанную, по его словамъ, на правилахъ науки, теорію, часто весьма оригинальную) тогда онъ началъ думать совершенно иначе, но и тутъ онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Алиса имѣла особенныя достоинства, и приписывалъ это тому обстоятельству, что попалъ на очень хорошую квартиру. Безпрестанныя перемѣщенія наскучили ему, и онъ задумалъ не выѣзжать изъ этой квартиры.

Мистеръ Опеншо велъ слишкомъ дѣятельную жизнь, чтобъ имѣть свободное время заглянуть въ глубину своей души. Онъ вовсе не подозревалъ, что столько нѣжности скрывалось въ его сердцѣ; а если иногда и признавалъ въ себѣ это чувство, то приписывалъ его скорѣе болѣзненному состоянію. Больной ребенокъ, несходившій съ рукъ той или другой изъ трехъ дѣятельныхъ женщинъ въ домѣ, а иногда терпѣливо разбиравшій разноцвѣтныя бусы на стулѣ, съ котораго не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія безъ посторонней помощи; большіе голубые глаза съ серьезнымъ выраженіемъ прилавали нѣжному личику дѣвочки видъ, несоотвѣтствовавшій ея возрасту; мягкій плачевный голосъ, произносившій только нѣсколько словъ, которыя не имѣли ни малѣйшаго сходства съ неумолкаемымъ дѣтскимъ лепетомъ—овладѣли вниманіемъ мистера Опеншо, наперекоръ ему самому. Однажды (впослѣдствіи онъ презиралъ себя за это) онъ спѣшилъ кончить обѣдъ собственно для того, чтобъ сходить въ лавки и купить ребенку игрушку, которая замѣнила бы собою эти скучныя, примелькавшіяся бусы. Не помню, что именно было куплено; но когда Опеншо отдалъ подарокъ внезапный восторгъ, озарившій лицо ребенка, привелъ его въ трепетъ; картина свѣтлой, внезапной радости на лицѣ малютки представлялась ему въ этотъ вечеръ на каждомъ шагѣ. Возвратясь домой, онъ увидѣлъ, что туфли его стояли подлѣ камна; на его прихоти обращено вниманіе тщательнѣе, чѣмъ было принято въ этомъ образцовомъ домѣ. Алиса, убравъ со стола послѣднія чайныя принадлежности, молча остановилась въ дверяхъ. До этой поры она постоянно была молчалива. Мистеръ Опеншо показывалъ видъ, что читаетъ книгу, хотя въ сущности онъ не видѣлъ въ ней ни слова; онъ отъ души желалъ, чтобы женщина эта удалась какъ можно скорѣе, а тѣмъ болѣе, чтобы не вздумала пуститься въ выраженіе своей благодарности. Алиса впрочемъ только и сказала:

—Сэръ, я очень вамъ обязана. Благодарю васъ премного. И съ

этими словами она ушла, прежде чѣмъ Опеншо успѣлъ отвѣтить ей: «не на чемъ, моя милая,—иди на свое мѣсто.»

Въ теченіе нѣкотораго времени Опеншо не обращалъ на ребенка замѣтнаго вниманія. Онъ даже старался подавить въ своемъ сердцѣ порывы нѣжности. Какъ бы то ни было, это не могло продолжаться навсегда; предавшись вторично нѣжнымъ ощущеніямъ, невозможно отъ нихъ оторваться. Такимъ образомъ, чувство любви открыло доступъ въ сердце Опеншо, подъ видомъ состраданія къ ребенку; а вскорѣ приняло болѣе опасный видъ, и именно участіе въ положеніи матери. Опеншо зналъ объ этомъ новомъ чувствѣ, презирая себя за него, боролся съ нимъ и въ тоже время предавался ему и лелѣялъ его, не позволяя себѣ обнаружить его словомъ, дѣломъ или взглядомъ. Онъ внимательно наблюдалъ за послушаніемъ Алисы своей мати; замѣчалъ любовь, которую Алиса внушала грубой Норѣ (огрубѣвшей еще болѣе отъ горести и лѣтъ); но, что всего главнѣе, онъ замѣтилъ глубокую, страстную любовь, которая существовала между Алисой и ея дочерью. Онѣ по видимому только и говорили другъ съ другомъ, и то безъ постороннихъ свидѣтелей; оставаясь наединѣ, онѣ говорили безъ умолку, выражали другъ другу чувства свои, ласкали другъ друга, цаловались—такъ что мистеръ Опеншо сначала удивлялся, не понимая о чемъ онѣ разговариваютъ, а потомъ приходилъ въ раздраженіе, замѣчая, что съ нимъ онѣ постоянно были серьезны и молчаливы. Во все это время онъ безпрестанно доставлялъ новыя удовольствія маленькой дѣвчкѣ. Его воображеніе живо рисовало передъ нимъ одиночество Алисы, ея безотрадную будущность, и онъ часто возвращался домой обремененный тѣми предметами, которые Алиса желала бы имѣть, но не имѣла возможности пріобрѣсти ихъ. Онъ нанималъ фіакръ, прокатить маленькую страдалицу по улицамъ, и часто по вечерамъ наступившаго лѣта катался съ ней самъ, не обращая вниманія на пересуды своихъ знакомыхъ. Однажды осенью, когда Алиса принесла завтракъ, мистеръ Опеншо положилъ газету и чрезвычайно хладнокровно сказалъ:

— Мистриссъ Франкъ, почему бы вамъ не раздѣлить свои заботы со мной пополамъ?

Измученная Алиса остановилась. Что хотѣлъ онъ сказать?—подумала она. Но Опеншо снова принялся за газеты, какъ будто на вопросъ свой онъ вовсе не нуждался въ отвѣтѣ; поэтому Алиса сочла за лучшее ограничиться молчаніемъ, и накрыла завтракъ спокойно, не сказавъ ни слова. Опеншо, отправляясь въ обычный часъ

къ занятіямъ своимъ въ складочномъ магазинѣ, заглянулъ въ свѣтлую, чистую, уютную кухню, гдѣ завтракали всѣ три женщины.

— Мистриссъ Франкъ, сказалъ онъ:—вы пожалуста подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ, и вечеромъ дайте отвѣтъ.

Алиса благодарила судьбу, что мачиха и Нора были слишкомъ заняты, чтобъ обратить особенное вниманіе на эти слова. Въ теченіе цѣлаго дня Алиса старалась не думать объ этомъ, и, разумѣется, чѣмъ больше прилагала усилій не думать, тѣмъ больше объ этомъ думала. Съ вечернимъ чаемъ она послала вмѣсто себя Нору; но мистеръ Опеншо едва не столкнулъ съ лѣстницы бѣдную Нору и, оставаясь на площадкѣ, кричалъ: Мистриссъ Франкъ!—Въ его голосѣ обнаружился досада и нетерпѣніе.

Алиса поднялась наверхъ, все еще не придавая большаго значенія словамъ своего квартиранта.

— Ну что же, мистриссъ Франкъ, сказалъ онъ:—какой вашъ отвѣтъ? Пожалуйста не медлите,—мнѣ некогда: въ конторѣ у меня на цѣлую ночь работы.

— Я право не знаю, что вы хотите сказать? возразила Алиса, вѣрная имени своего мужа.

— Гм! А я думалъ, что вы догадались.—Вы не то, что я,—не новичекъ въ дѣлѣ подобнаго рода. Впрочемъ на этотъ разъ я буду говорить прямо. Хотите ли вы имѣть меня своимъ законнымъ мужемъ, служить мнѣ, любить, почитать меня и тому подобное?—Если хотите, то я буду мужемъ для васъ и отцемъ для вашей дочери....—я общаю вамъ болѣе, чѣмъ требуется вообще отъ мужей по церковному положенію. Я человѣкъ честный, люблю слержать слово; что говорю я, то и чувствую, что общаю, то и исполню. Отвѣчайте же мнѣ.

Алиса молчала. Опеншо началъ готовить чай, какъ будто отвѣтъ вовсе не интересовалъ его; но, кончивъ приготовленія, онъ сдѣлался нетерпѣливымъ.

— Что же? сказалъ онъ.

— Долго ли, сэръ, можно подумать объ этомъ?

— Три минуты! (взглянувъ на часы). Вы уже истратили двѣ, — поэтому это составляетъ пять. Будьте благоразумны, — скажете «да» и тогда садитесь за столъ, и за чаемъ мы поговоримъ о дальнѣйшемъ; послѣ чая я буду занятъ; скажете «нѣтъ» (онъ колебался, стараясь поддержать въ голосѣ тотъ же самый тонъ), и я не повторю слова объ этомъ, но завтра же отдамъ годовую плату за квартиру, и удалюсь. Время дорого! — Да или нѣтъ?

— Да! если это вамъ угодно, сэръ... вы были такъ добры къ моей маленькой Эйльзи....

— Ну, такъ садитесь на диванъ и будемъ пить чай. Я считалъ васъ за добрую и умную женщину, и радъ, что не ошибся.

— Пробужденіе любви въ Алисъ Вильсонъ было вторичное.

Воля мистера Опеншо была непреклонна; онъ обладалъ хорошими средствами; для него было все ни по чемъ. Онъ помѣстилъ мистриссъ Вильсонъ въ ея собственномъ домѣ, очень спокойномъ и совершенно независимомъ отъ квартирантовъ. Алиса мало говорила о будущихъ плавахъ, но и въ этомъ маломъ она высказала многое въ пользу Норы.

— Да, сказалъ мистеръ Опеншо. Нора должна беречь свою лѣди, пока будетъ въ силахъ, а потомъ она можетъ жить у насъ на пансіонѣ, или же, — если это ей не понравится, — мы обезпечимъ ея будущность собственно для васъ, мистриссъ Франкъ. Кто былъ внимателенъ къ вамъ или къ вашей дочери, тотъ не останется въ убыткѣ. Но, мнѣ кажется, вашей малюткѣ нужно доставить что нибудь новое свѣжее. Возьмите ей въ пяньки добрую, веселую, умную женщину, которая не станетъ лизать ее желе изъ телячьихъ пожекъ, какъ это дѣлаетъ Нора, которая не станетъ прибѣгать къ наружнымъ лѣкарствамъ вмѣсто внутреннихъ, но будетъ слѣдовать предписаніямъ докторовъ — чего, вы вѣроятно это сами замѣтили, не дѣлаетъ Нора. — не дѣлаетъ потому, что по ея понятіямъ доктора только изводятъ бѣдненькую лѣвочку. Конечно мнѣ самому тяжело видѣть страданіе другихъ. Я могу сопротивляться самому жестокому напору, и ни за что не сдамся; но посадите меня въ операціонный залъ какой нибудь больницы — и я упаду въ обморокъ, какъ слабонервная барышня. Когда понадобится, я пожалуй буду держать малютку на колѣняхъ, если только это облегчитъ ея страданіе. Перенести операцию — дѣло тяжелое, но вѣдь она же не вѣчная. Нора, я знаю, пожалѣетъ ребенка и по возможности будетъ обманывать докторовъ. Пусть она удалится года на два, а тамъ, когда доктора сдѣлаютъ все, что зависитъ отъ нихъ — къ тому времени, быть можетъ, и теща переселится въ вѣчность — тогда мы снова возьмемъ Нору, сдѣлаемъ для нея все, что будетъ зависеть отъ насъ.

Доктора ничего хорошаго не могли сдѣлать для маленькой Эйльзи. Ея болѣзнь не подчинялась ихъ искусству. Но отецъ ея (такъ Эйльзи называла вочима) своей веселостью, своей рѣшимостью достигъ цѣли, своими шутками и остротами, равно какъ своей искренней и сильной любовью сообщалъ ея жизни новыя наслажденія радости и свѣтлой надежды. Горбъ ребенка не уменьшался, но здоровье ея вообще укрѣплялось, и Алиса сама, не позволявшая себѣ обыкновенной улыбки, выразительнѣе той, которую

требовало приличіе, замѣчала съ величайшимъ удовольствіемъ, что ребенокъ ея научился смѣяться.

Собственная жизнь Алисы была счастливѣе, чѣмъ когда нибудь. Мистеръ Опеншо не требовалъ особенныхъ выраженій любви; ему это даже не нравилось. Алиса умѣла ее любить, но не умѣла говорить объ этомъ. Безпрестанное требованіе нѣжныхъ словъ, взглядовъ и ласкъ, было величайшей попыткой во время ея прежняго замужества. Теперь, подъ руководствомъ здраваго разсудка своего мужа, при его горячемъ сердцѣ и могущественной волѣ, все шло прекрасно. Состояніе ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Послѣ смерти мистриссъ Вильсонъ къ нимъ переѣхала Нора въ качествѣ няньки при новорожденномъ маленькомъ Эдвинѣ. Она вступила въ отправленіе этой обязанности, выслушавъ сначала назидательную орацію со стороны горлаго и счастливаго отца, который объявилъ, что если только замѣтитъ онъ, что Нора будетъ баловать ребенка и способствовать къ разслабленію его тѣла или ума, то прогнать ее въ тотъ же день. Нельзя сказать, чтобы Нора и мистеръ Опеншо находились въ хорошихъ отношеніяхъ другъ къ другу; никто изъ нихъ не могъ постичь вполне и оцѣнить въ другомъ прекрасныя качества.

Такова первоначальная исторія Ланкашѣйрскаго семейства до перехода его въ Лондонъ и до занятія имъ Пустаго Дома.

Прошло около года послѣ этого переѣзда, когда мистеръ Опеншо совершенно неожиданно объявилъ женѣ, что онъ рѣшился прекратить старинную родственную вражду и для этого пригласилъ къ себѣ дядю и тетку Чадвикъ. Мистриссъ Опеншо ни разу еще не видѣла ни дяди, ни тетки своего мужа. Вражда, о которой упомянулъ мистеръ Опеншо, началась еще за нѣсколько лѣтъ до ея вторичнаго замужества. Всѣ ея свѣдѣнія по этому предмету заключались въ томъ, что мистеръ Чадвикъ былъ незначительный фабрикантъ въ небольшомъ городкѣ южнаго Ланкашѣйра. Она радовалась отъ души, что вражда наконецъ прекратится, и начала дѣлать приготовленія, чтобы гости остались довольны посѣщеніемъ. Гости наконецъ пріѣхали. Поѣздка въ Лондонъ была для нихъ такимъ событіемъ, что мистриссъ Чадвикъ сшила для этого случая новое бѣлье, начиная отъ ночнаго чепчика; что касается до платьевъ, лентъ, воротничковъ и проч., то запасъ ихъ былъ такъ громаденъ, какъ будто она отправлялась въ самыя дикія мѣста Канады, гдѣ нѣтъ ни одного магазина. Недѣли за двѣ до отъѣзда въ Лондонъ она сдѣлала прощальный визитъ всѣмъ своимъ знакомымъ, сказавъ при этомъ, что остальнаго до отъѣзда времени только-что останется на упаковку вещей. Въ ея воображеніи эти дни были по-

втореніемъ первыхъ дней ея супружеской жизни; для довершенія этого сходства, мистеръ Чадвикъ привезъ ей изъ Манчестера великолѣпную брошку съ жемчугомъ и аметистомъ.

— Пускай знаютъ въ Лондонѣ, сказалъ онъ: — что Ланкашейрцы умѣютъ цѣнить и пріобрѣтать хорошія вещи.

Прошло уже нѣсколько времени послѣ пріѣзда мистера и мистриссъ Чадвикъ въ домъ Опеншо, а еще ни разу не представилось случая надѣть эту великолѣпную брошку. Наконецъ получено было дозволеніе осмотрѣть Букингэмскій дворецъ. Чувство вѣрно-подданничества требовало, чтобы мистриссъ Чадвикъ, при посѣщеніи мѣстопребыванія своихъ государей, надѣла лучшіе свои наряды. По возвращеніи она тотчасъ переодѣлась, потому что мистеръ Опеншо предложилъ прокатиться на лодкѣ въ Ричмондъ, напиться тамъ чаю и возвратиться домой при лунномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ около пяти часовъ мистеръ и мистриссъ Опеншо, мистеръ и мистриссъ Чадвикъ отправились.

Горничная и кухарка сидѣли внизу; впрочемъ Нора не знала, гдѣ именно. Сама она находилась въ дѣтской, и тамъ сначала нянчилась съ двумя дѣтьми, потомъ сидѣла подлѣ больной, безпокойной Эйльзи, пока она не заснула. Спустя нѣсколько времени, послѣ отъѣзда господъ, горничная Бесси тихо постучалась въ дверь дѣтской. Нора вышла къ ней, и онѣ заговорили шопотомъ.

— Няня! тебя кто-то спрашиваетъ.

— Меня спрашиваютъ? — Кто же?

— Какой то джентльменъ....

— Джентльменъ? какой вздоръ!

— Право, право какой-то мужчина; онъ позвонилъ въ парадную дверь, спросилъ тебя и пошелъ прямо въ столовую.

— Зачѣмъ же ты пустила его? вскричала Нора: — ты знаешь, что никого нѣтъ дома....

— Я вовсе не хотѣла впускать его, но когда онъ услышалъ, что ты живешь здѣсь, онъ опередилъ меня, сѣлъ на первый стулъ и сказалъ: — «позови ее поговорить со мной». — Въ столовой нѣтъ газа и столъ накрытъ для ужина.

Ну, что, если онъ утащитъ ложки! воскликнула съ испугомъ Нора. Собираясь выйти изъ дѣтской, она взглянула на больную дѣвочку; — Эйльзи спала крѣпко и спокойно.

Волнуемая неопредѣленнымъ страхомъ, Нора спустилась съ лѣстницы. Прежде, чѣмъ войти въ столовую, она взяла свѣчку и, переступивъ черезъ порогъ, стала отыскивать глазами посѣтителя.

Онъ стоялъ передъ ней, опираясь на столъ. Они взглянули другъ

на друга; по выраженію ихъ глазъ можно было заключить, что они узнали другъ друга.

— Нора! это ты? спросилъ наконецъ посѣтитель.

— Кто вы? спросила Нора, пораженная ужасомъ и не вѣря глазамъ своимъ. — Я васъ не знаю.

Нора хотѣла пустыми словами устранить отъ себя страшный фактъ.

— Неужели я такъ перемѣнился? сказалъ онъ патетическимъ тономъ. — И то сказать, не мудрено. Но, скажи мнѣ Нора, — и у него захватило дыханіе: — гдѣ моя жена? — Скажи, жива ли она?

Онъ приблизился къ Норѣ и хотѣлъ было взять ея руку; но Нора отступила назадъ; во все это время она смотрѣла на него, расширивъ глаза, какъ будто передъ ней стояло привидѣніе. А между тѣмъ это былъ мужчина видный собой, съ загорѣвшимъ, но пріятнымъ лицомъ, съ бородой и усами, которые придавали ему видъ иностранца; — но глаза его! это были тѣ же самые задумчивые, прекрасные глаза, въ которые Нора за полчаса тому назадъ смотрѣлась; — смотрѣлась бы и теперь, если бы онъ не закрылъ ихъ рѣсницами.

— Говори же Нора... я могу перенести этотъ ударъ.... я такъ часто страшился за это. Она умерла? — Нора молчала. — Умерла!

Онъ ждалъ только слова или взгляда, который бы послужилъ подтвержденіемъ или опроверженіемъ его догадки.

— Что я стану дѣлать? простонала Нора. О, сэръ! зачѣмъ вы пришли сюда? какимъ образомъ вы отыскиали меня? гдѣ вы были? Мы думали, что вы умерли; мы были въ этомъ увѣрены!

Нора дѣлала эти вопросы, чтобы выиграть время, какъ будто оно могло оказать ей помощь.

— Нора, отвѣчай же на мой вопросъ прямо: да или нѣтъ... Моя жена умерла?

— Нѣтъ, не умерла! сказала Нора протяжно и печально.

— О, теперь мнѣ легче! Получала ли она мои письма? Но ты, можетъ быть, этого не знаешь. Отчего ты оставила ее? Гдѣ она живетъ? — Отвѣчай Нора — скорѣе, скорѣе!

— Мистеръ Франкъ! сказала Нора наконецъ; она готова была зарыдать; одна мысль о томъ, что ея госпожа сейчасъ воротится и застанетъ его, пробуждала въ ней ужасъ. Будучи не въ состояніи придумать, что ей дѣлать или сказать, она рѣшилась кончить дѣло разомъ; — настоящее положеніе ея дѣлалось невыносимымъ.

— Мистеръ Франкъ! — мы не получали отъ васъ ни строчки; въ корабельной конторѣ намъ объявили, что вы утонули — вы и всѣ другіе. Мы думали, что васъ не существуетъ на свѣтъ.... Не-

счастливая миссъ Алиса осталась безъ всякихъ средствъ, съ больной сироткой на рукахъ! О, сэръ! неужели вы не догадываетесь? — сказала наконецъ бѣдная Нора и залилась слезами: — я не въ состоянн досказать вамъ остальное! Тутъ никто не виноватъ! Господи, помоги намъ!

Нора опустилаcь на стулъ. Страхъ, въ которомъ она находилась, отнялъ у нея послѣднія силы. Франкъ взялъ ее за руки и крѣпко сжалъ ихъ, воображая, что этимъ сжатіемъ вынудить истину.

— Нора! — Его взглядъ былъ спокоенъ, неподвиженъ; въ его голосѣ звучало глубокое отчаяніе. — Неужели она вышла замужъ за другаго?

Нора печально покачала головой. Пальцы Франка разогнулись; онъ упалъ въ обморокъ.

На столѣ стояла водка. Нора влила нѣсколько капель въ ротъ Франка, отогрѣла его пульсъ. Когда признаки жизни возвратились къ нему, хотя Франкъ все еще оставался въ безсознательномъ положеніи, Нора приподняла его и положила голову его къ себѣ на колѣна. Потомъ взяла кусочекъ хлѣба со стола, намочила его водкой и положила ему въ ротъ. Франкъ мгновенно всталъ на ноги.

— Гдѣ она? говори сію минуту.

Онъ казался такимъ безумнымъ, бѣшеннымъ, отчаяннымъ, что Нора чувствовала себя въ опасности; страхъ совершенно исчезъ въ ней. Она не смѣла сообщить ему истину и рѣшительно не знала что дѣлать; но теперь, при видѣ его отчаянія, душевныя ея силы окрѣпли. Она думала только, что онъ долженъ немедленно оставить домъ. Она пожалѣетъ о немъ послѣ; теперь же ей оставалось только приказывать ему и требовать отъ него исполненія этихъ приказаній: Франкъ долженъ былъ оставить домъ до возвращенія госпожи. Нора живо представила себѣ эту необходимость.

— Ея здѣсь нѣтъ; кажется, этого для васъ довольно. Я даже не могу сказать, гдѣ она находится. — Уйдите отсюда и скажите, гдѣ можно найти васъ завтра, и тогда я вамъ все расскажу. Я съ минуты на минуту жду господъ; что будетъ со мной, когда они застанутъ меня съ незнакомымъ для нихъ человѣкомъ?

Такіе доводы были слишкомъ ничтожны, чтобы подѣйствовать на возбужденное состояніе Франка.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до твоихъ господъ. Если твой господинъ человѣкъ, онъ долженъ оказать мнѣ сочувствіе, — мнѣ, бѣдному моряку, который потерпѣлъ крушеніе, который провелъ нѣсколько лѣтъ между дикими, постоянно думая о женѣ своей и объ отчизнѣ, — для котораго не проходило ночи, чтобы онъ не видѣлъ ее въ своихъ грезахъ, не проходило дня, чтобы онъ не говорилъ

съ ней, хотя она не могла его слышать. Я любилъ ее болѣе, чѣмъ все небо и земли взятые вмѣстѣ. Говори сію минуту; гдѣ она? говори, жалкая женщина! Ты помогала ей погибнуть, и хочешь вѣрно погубить меня?

Часы пробили десять. Отчаянное положеніе требовало рѣшительныхъ мѣръ.

— Если вы оставите этотъ домъ немедленно, я приду къ вамъ завтра и все расскажу. Вдобавокъ, вы теперь же увидите ваше дитя. Оно наверху... спитъ. О, сэръ, у васъ есть дитя; — вы не знали объ этомъ.... больная маленькая дѣвочка, съ сердцемъ и душой далеко не полѣтамъ. Мы берегли, лелѣли ее; проводили надъ ней безсонныя ночи, постоянно думали, что она гостя у насъ, лѣчили ее; ни одной непріятности не знала она, ни одного грубаго слова она не услышала. И вотъ являетесь вы и хотите изторгнуть жизнь изъ нея, хотите ее уничтожить. Чужіе люди были ласковы къ ней; но ея отецъ.... мистеръ Франкъ, — я ее нянька, я люблю, берегу ее и готова дѣлать для нее все возможное отъ меня. Сердце матери одинаково бьется съ ея сердцемъ; при ея страданіяхъ душою страдаетъ и мать; отъ одной ея улыбки мать радовалась и дѣлалась счастливою; съ возстановленіемъ ея силъ и мать чувствовала себя здоровѣе, вмѣстѣ съ ея хилостью хилѣла и мать. — Умри она, и тогда.... тогда ужъ я и не знаю: невозможно же лечь и умереть, когда вздумается. Пойдемте наверхъ, мистеръ Франкъ, — посмотрите вашу дочь. Быть можетъ это успокоитъ ваше бѣдное сердце, — и потомъ уйдете отсюда, именемъ Бога умоляю васъ, уйдите! по крайней мѣрѣ на эту ночь.... завтра, если понадобится, вы можете дѣлать, что вамъ угодно, можете убить насъ, если хотите, или показать себя благороднымъ, великодушнымъ человѣкомъ, котораго Богъ благословитъ на всю жизнь. Пойдемте, мистеръ Франкъ; видъ спящаго ребенка успокоитъ васъ.

Нора провела его наверхъ; она поддерживала его до самыхъ дверей дѣтской. Она совершенно забыла о существованіи Эдвина. Это обстоятельство поразило ее, когда тусклый свѣтъ ночника упалъ на дѣтскую кроватку; но она ловко затемнила ту часть комнаты и сосредоточила весь свѣтъ на спящей Эйльзи. Верхняя часть одѣяла спустилась съ Эйльзи, она лежала спиной къ серединѣ комнаты и изъ подъ платья ея рѣзко выдавался горбъ. Ея маленькое личико, лишенное блеска глазъ, казалось истомленнымъ, болѣзненнымъ, но въ то же время, не смотря на сонъ, имѣло какое-то патетическое выраженіе. Взоры несчастнаго отца поглощали ее; двѣ крупныя слезы выступили на глаза его, увеличивались въ объемъ, и тяжело упали

на полъ, въ то время, когда онъ нагнулся надъ спящимъ ребенкомъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Нора сердилась на себя за нетерпѣніе при этомъ продолжительномъ взглядѣ. Ей показалось, что она прождала болѣе получаса, прежде чѣмъ Франкъ сдѣлалъ движеніе. И потомъ вмѣсто того, чтобы удалиться, онъ опустился подлѣ кровати на колѣна и приникъ лицомъ къ одѣялу. Маленькая Эйльзи пошевелилась. Нора въ ужасѣ отдернула Франка отъ постели. Подъ вліяніемъ невыразимаго страха, она не дала ему нѣсколькихъ минутъ даже для молитвы: съ каждымъ моментомъ она ждала возвращенія своей госпожи. Она твердо взяла его за руку, но въ то время, когда Франкъ послѣдовалъ за ней, его взоры встрѣтились съ другой дѣтской кроваткой; онъ остановился. Лицо его выражало одушевленіе, его руки сжались въ кулакъ.

— Это его дитя? спросилъ онъ.

— Это ея дитя, отвѣчала Нора. Господь охраняетъ его, сказала она инстинктивно, потому что взгляды Франка возбуждали въ ней ужасъ, и она сочла необходимымъ напомнить себѣ о защитникѣ беззащитныхъ.

— Только меня не охранилъ Господь, сказалъ онъ въ отчаяніи. Его мысли, очевидно, сосредоточены были на своемъ собственномъ одиночествѣ. Но Нора не имѣла времени для сожалѣнія. Завтра она готова была сострадать, и вполнѣ предаться этому чувству. Наконецъ она проводила его съ лѣстницы, отворила уличную дверь, выпустила его и захлопнула задвижку; тяжелый камень отпалъ отъ сердца Норы, но это не изгладило изъ ея памяти страшной дѣйствительности.

Выпроводивъ Франка, Нора удалилась въ столовую и уничтожила всѣ слѣды его присутствія. Она поднялась въ дѣтскую, и съ поникшей головой размышляла, чѣмъ все это кончится.

Было около одиннадцати часовъ. Ей казалось, что господа очень долго не возвращаются. Наконецъ она услышала на лѣстницѣ громкіе, веселые ланкашѣйрскіе голоса; при этомъ ей живо представился рѣзкій контрастъ между веселыми людьми, входившими въ домъ, и одиночествомъ, отчаяніемъ человѣка, только-что передъ ними ушедшаго.

Нора выходила изъ себя, когда мистриссъ Опеншо съ спокойной улыбкой, прекрасно одѣтая, веселая, счастливая вошла въ дѣтскую навѣстить дѣтей.

— Ну, что, Эйльзи уснула спокойно? шопотомъ спросила она Нору.

— Да.

Мать нагнулась надъ спящимъ ребенкомъ и посмотрѣла на него

съ чувствомъ безпредѣльной любви. О, какъ мало она знала, кто смотрѣлъ на этого ребенка за нѣсколько минутъ до ея прихода! Потомъ она подошла къ Эдвину и тоже посмотрѣла, но не съ любовью, а скорѣе съ горячностью. Сбросивъ съ себя излишніе наряды, она спустилась къ ужину. Въ тотъ вечеръ Нора больше ея не видѣла.

Кромѣ дверей, ведущихъ изъ дѣтской въ корридоръ, были другія, отворявшіяся въ спальню мистера и мистриссъ Опеншо, съ тою цѣлю, чтобъ дѣти постоянно были передъ ихъ глазами. Рано поутру въ слѣдующій день, встревоженный крикъ Эйльзи: мама! мама! разбудилъ мистриссъ Опеншо. Она вскочила съ постели, накинула капотъ и прибѣжала къ ребенку. Эйльзи была вполонину пробуждена и находилась въ необыкновенномъ испугѣ.

— Кто былъ здѣсь, мама? Скажите, пожалуйста!

— Здѣсь, моя милочка, никого не было. Вѣрно тебѣ приснилось. Разгуляйся, мой ангелъ. Посмотри, бѣлый свѣтъ на дворѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ свѣтло, сказала Эйльзи, оглянувшись кругомъ, и потомъ, прильнувъ къ матери, продолжала: — но, мама, вчера здѣсь былъ какой-то мужчина.

— Перестань, глупенькая; это тебѣ показалось во снѣ.

— Нѣтъ, мама, былъ. Онъ вотъ тутъ и стоялъ. Подлѣ Норы. Мужчина съ черными волосами и бородой. Онъ опускался на колѣна у моей постели и молился. Да, мама, Нора знаетъ, что здѣсь былъ мужчина, (послѣдніе слова малютка произнесла съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, потому что мистриссъ Опеншо съ недовѣрчивой улыбкой качала головой).

— Ну, хорошо, мой другъ; когда придетъ Нора, мы ее спросимъ, сказала мистриссъ Опеншо, стараясь успокоить ребенка: — мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Теперь нѣтъ и пяти часовъ; вставать еще рано. Не хочешь ли я прочитаю тебѣ книжку?

— Мама, пожалуйста, не уходи отсюда, говорила Эйльзи, прижимаясь къ матери. Мистриссъ Опеншо принуждена была сѣсть на постель Эйльзи и рассказывать ей о томъ, что они дѣлали въ Ричмондѣ; рѣсницы дѣвочки начали мало по малу смыкаться, и она снова заснула.

— Что тамъ случилось? спросилъ мистеръ Опеншо, когда жена воротилась въ спальню.

— Эйльзи проснулась и очень испуганная рассказывала, что въ дѣтской былъ какой-то мужчина и молился; сонъ, я полагаю.

На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Мистеръ Опеншо совсѣмъ почти забыла объ этомъ, но около семи часовъ, онъ былъ пробужденъ рѣзкимъ и громкимъ разгово-

ромъ въ дѣтской. Нора сердито говорила съ Эйльзи — обстоятельство весьма необыкновенное.

— Молчать, Эйльзи! я слышать не хочу твоихъ словъ; и пожалуйста никогда не говорить мнѣ объ этомъ ни слова!

Эйльзи заплакала.

Мистеръ Опеншо отворилъ дверь въ дѣтскую, прежде чѣмъ жена его успѣла вымолвить слово.

— Нора, поди сюда!

Нянька смѣло подошла къ дверямъ. Она догадалась, что ее услышали, но рѣшилась защищаться.

— Впередъ чтобы я не слышалъ подобныхъ вещей, суровымъ тономъ сказалъ мистеръ Опеншо и захлопнулъ дверь.

У Норы отлегло отъ сердца; она боялась, что ее будутъ допрашивать; но теперь, когда допросы оставлены были въ сторонѣ, для нея не трудно было перенести легкій выговоръ за грубое обращеніе съ ребенкомъ.

Вскорѣ послѣ того все семейство спускалось въ столовую къ завтраку; мистриссъ Опеншо несъ Эйльзи на рукахъ; неповоротливый Эдвинъ, держась за руку матери, сходилъ съ лѣстницы самъ, ступая на каждую ступеньку непремѣнно правой ногой. Дѣтей посадили за столъ; мистеръ и мистриссъ Опеншо стояли у окна, ожидая появленія гостей и составляя планы на предстоявшій день. Потомъ послѣдовало молчаніе. Вдругъ мистеръ Опеншо обратился къ Эйльзи и сказалъ:

— Какіе у тебя странные сны, моя мплочка! среди ночи ты будишь бѣдную усталую мать и рассказываешь ей сказку, что въ дѣтской у васъ былъ какой-то мужчина.

— Папа! я въ самомъ дѣлѣ его видѣла, сказала Эйльзи сквозь слезы: — я не хочу сердить Норы; но я не спала, хотя она и говоритъ, что спала. Я только засыпала и тотчасъ проснулась въ страшномъ испугѣ. Слегка раскрывъ глаза, я увидѣла мужчину, высокаго, смуглаго, съ бородой. Онъ молился у моей постели, потомъ посмотрѣлъ на Эдвина; потомъ Нора взяла его за руку и отвела въ сторону; послѣ того они говорили о чемъ-то шопотомъ.

— Послушай, моя умница, надобно быть поразсудительнѣе, сказалъ мистеръ Опеншо, постоянно снисходительный къ маленькой Эйльзи. Вчера вечеромъ не было никакого мужчины. Никакому мужчинѣ не могло быть надобности входить въ домъ, а тѣмъ менѣе въ дѣтскую. Но случается, иногда мы видимъ сны, которые такъ сходны съ дѣйствительностью, что ты, мой другъ, не первая принимаешь сонъ за дѣйствительность.

— Какъ вамъ угодно, папа, но это не былъ сонъ! сказала Эйльзи, начиная плакать.

Въ это время въ столовую вошли мистеръ и мистриссъ Чадвины серьезные и озабоченные. Во время завтрака они соблюдали молчаніе и обнаруживали душевное волненіе. Какъ скоро убрали со стола принадлежности завтрака и унесли дѣтей въ дѣтскую, мистеръ Чадвикъ, очевидно, подготовившій себя къ этому заранее, спросилъ своего племянника, исполнили ли онъ увѣренія въ честности своихъ слугъ? Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ потому, что у мистриссъ Чадвикъ не оказалось поутру довольно цѣнной брошки, которую она надѣвала наканунѣ. Мистриссъ Чадвикъ помнила, что сняла эту брошку тотчасъ, по пріѣздѣ домой изъ Букингемскаго дворца. Лице мистера Опеншо приняло суровое выраженіе; оно сдѣлалось какимъ бывало дознакомства съ Алисой и ея дочерью. Чадвикъ не успѣлъ еще кончить, какъ мистеръ Опеншо позвонилъ въ колокольчикъ. На призывъ его явилась горничная.

— Мэри, не былъ здѣсь вчера кто нибудь во время нашего отсутствія?

— Былъ какой-то мужчина, сэръ; онъ приходилъ поговорить съ Норой.

— Поговорить съ Норой! Кто онъ такой? Долго ли онъ оставался здѣсь.

— Не могу сказать, сэръ. Онъ пришелъ сюда такъ.... около десяти часовъ. Я сходила въ дѣтскую, и Нора спустилась внизъ переговорить съ нимъ. Она его и выпускала. Нора знаетъ, кто этотъ мужчина, и ей лучше извѣстно, долго ли онъ пробылъ у нея.

Горничная, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вопросовъ, прождала нѣсколько секундъ; но не получивъ ихъ, удалилась.

Спустя минуту, Опеншо сдѣлалъ движеніе, показывавшее, что онъ намѣренъ выйти изъ комнаты; но жена его взяла его за руку.

— Пожалуйста, не говори Норѣ при дѣтяхъ, сказала она своимъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ:—лучше я сама пойду и спрошу ее.

— Нѣтъ! я долженъ говорить съ ней. Надо вамъ замѣтить, сказалъ мистеръ Опеншо, обращаясь къ дядѣ и теткѣ: у моей жены старая служанка, очень вѣрная женщина, насколько это возможно для женщины, но въ то же время эта служанка умѣетъ и обманывать, съ чѣмъ согласится и моя жена. Теперь, по моему разумѣнію, эта самая Нора влюбилась въ какого нибудь негодяя (она въ такихъ лѣтахъ, когда женщины ищутъ мужей), и пригласила его въ нашъ домъ, а онъ, бездѣльникъ, поддѣлываетъ вашу брошку, да можетъ стать и еще что нибудь. Я вамъ вотъ что

скажу, мистриссъ Опеншо: вѣдь только говорятъ, что у Норы доброе сердце и что она терпѣть не можетъ лжи.

Любопытно было видѣть, до какой степени измѣнился его голосъ, его взглядъ, все его лицо, когда онъ говорилъ съ женой. Онъ былъ человѣкъ рѣшительный во всѣхъ отношеніяхъ. Алиса знала, что ему нельзя противорѣчить; поэтому она пошла наверхъ и сказала Норѣ, что съ ней хочетъ говорить мистеръ Опеншо и что въ ея отсутствіи она посмотритъ за дѣтьми.

Нора, не сказавъ ни слова, удалилась.

— Если они разорвутъ меня на клочки, думала она: — те и тогда ничего не узнаютъ. Онъ можетъ придти сюда самъ... тогда, да помилуетъ насъ Богъ! кто нибудь не останется въ живыхъ, — это навѣрное. Пусть объясняется онъ самъ, но не я.

Послѣ этого вы можете вообразить рѣшительный взглядъ Норы, который она устремила на своего господина. Онъ сидѣлъ въ столовой одинъ; мистеръ и мистриссъ Чадвикъ, увидѣвъ съ какимъ жаромъ племянникъ ихъ принался за дѣло, предоставили ему право рѣшить его по своему усмотрѣнію.

— Нора! Какой мужчина приходилъ сюда вчера вечеромъ?

— Мужчина!

И она посмотрѣла на мистера Опеншо съ безпредѣльнымъ удивленіемъ; но это было сдѣлано для того, чтобъ выиграть время.

— Да, мужчина, которому Мэри отворила дверь, о приходѣ котораго она поднялась въ дѣтскую сказать тебѣ, къ которому ты спустилась внизъ и говорила съ нимъ; тотъ самый мужчина, безъ всякаго сомнѣнія, котораго ты провела въ дѣтскую, и тамъ разговаривала съ нимъ, котораго видѣла Эйльзи, и вообразила, бѣдненькая, что онъ читалъ молитвы, тогда какъ, я готовъ побожиться, у него и въ умѣ не было ничего подобнаго; который наконецъ укралъ брошку мистриссъ Чадвикъ, стоящую десять гиней. Стой, Нора! Не уходи. Я увѣренъ въ томъ, что ты ничего не знаешь объ этомъ воровствѣ, какъ увѣренъ въ томъ, что меня зовутъ Томасъ Опеншо. Онъ обманулъ тебя, вотъ и все тутъ. Какой нибудь негодяй приволокнулся за тобой, а ты, какъ и всѣ другія женщины, отвела ему въ своемъ сердцѣ тепленькій уголокъ; и вотъ вчера вечеромъ онъ пришелъ полюбезничать съ тобой, ты взяла его въ дѣтскую, а онъ воспользовался этимъ случаемъ и удалился отсюда, захвативъ съ собой нѣсколько цѣнныхъ вещей! Послушай, Нора, — мы тебя не обвиняемъ; будь только на будущее время благоразумнѣе. Теперь же скажи намъ, продолжалъ мистеръ Опеншо: — какъ зовутъ этого человѣка? Я увѣренъ, что онъ сказалъ тебѣ свое настоящее имя; это будетъ служить питіемъ для полиціи.

Нора выпрямилась.

— Вы можете предлагать мнѣ этотъ вопросъ, сказала она: — можете сколько вамъ угодно, мистеръ Опеншо, порицать меня за легкомысліе, за мое безразсудство, но вы не получите отъ меня отвѣта. Что касается до брошки и вообще воровства, то еслибъ и приходилъ кто навѣстить меня (что впрочемъ я рѣшительно отвергаю и не хочу доказывать), то онъ такъ же неспособенъ на это, какъ и вы, мистеръ Опеншо, и даже болѣе, если хотите; я еще не совсѣмъ увѣрена въ томъ, что все ваше достояніе пришло къ вамъ прямымъ путемъ и что вы будете владѣть имъ долго, если кто нибудь предъявитъ на него свои права.

Подъ словомъ достояніе Нора, безъ сомнѣнія, разумѣла жену мистера Опеншо; но онъ принялъ это за намекъ на его подвижность.

— Послушай, моя милая, сказалъ онъ: — по правдѣ сказать, я никогда не довѣрялъ тебѣ; но моя жена любила тебя, и я полагалъ, что въ тебѣ есть добрыя качества. Если же ты начинаешь говорить мнѣ дерзости и не хочешь объявить правду, спокойно и безъ принужденія, то я отдамъ тебя полиціи, и ты обязана будешь сказать ее передъ судомъ. Лучшая вещь, которую ты можешь сдѣлать, это объявить мнѣ имя вчерашняго гостя. Ты выслушай меня: въ мой домъ приходитъ человѣкъ, спрашиваетъ тебя; ты приводишь его наверхъ, на другой день не оказывается дорогой брошки; мы знаемъ, что ты, Мэри и кухарка—женщины честныя; но ты отказываешься объявить имя этого человѣка. Ты уже солгала относительно его, сказавъ, что вчера вечеромъ никого здѣсь не было. Какъ ты думаешь, что скажетъ на все это полицейскій слѣдователь или судья? Да, моя милая, судья скоро заставитъ тебя сказать истину.

— Не родился еще тотъ человѣкъ, мистеръ Опеншо, возразила Нора, — который бы вынудилъ отъ меня отвѣтъ, если я не хочу сказать его.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ мистеръ Опеншо, теряя терпѣніе при такомъ упорствѣ Норы. Стараясь возвратить хладнокровіе, онъ, прежде чѣмъ продолжать допросъ, подумалъ.

— Нора, ради твоей госпожи я не хочу прибѣгать къ крайностямъ. Будь, пожалуйста, благоразумна. Быть обманутой—это еще не позоръ. Какъ друга, спрашиваю тебя еще разъ: кто былъ этотъ человѣкъ, котораго ты вчера впустила въ мой домъ?

Отвѣта не было. Опеншо гнѣвнымъ тономъ повторилъ вопросъ. И опять нѣтъ отвѣта. Нора рѣшилась молчать.

— Въ такомъ случаѣ остается одно средство: послать за полицейскимъ.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, сказала Нора, выступивъ впередъ. Вы не должны дѣлать этого! Служитель полиціи не долженъ коснуться до меня. Я ничего не знаю о брошкѣ. Двадцать четыре года я заботилась больше о вашей женѣ, чѣмъ о себѣ; съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла ее бѣдной спротою въ домѣ ея дяди, я старалась больше служить ей, чѣмъ себѣ! Я заботилась о ней и объ ея ребенкѣ, какъ никто другой. Я не обвиняю васъ, но говорю: не хорошо вѣрить клеветѣ людской; эта клевета на васъ же падетъ. Почему мистриссъ Опеншо сама идетъ сюда, чтобы высказать свое подозрѣніе? Можетъ статься, она уже ушла за полиціей? Но нѣтъ, я не останусь здѣсь, я не хочу видѣть ни полиціи, ни судьи, ни господина. Вы человѣкъ несчастный! На васъ лежитъ проклятіе! Я сегодня же оставляю васъ. Да! Оставляю и эту бѣдную Эйльзи. Оставляю, оставляю! Не ждите себѣ хорошаго.

Эта рѣчь изумила мистера Опеншо; большая часть ея, какъ многіе легко догадаются, была для него совершенно непонятна. Не успѣвъ онъ придумать, что сказать или сдѣлать, какъ Нора оставила комнату. Не думаю, что онъ дѣйствительно былъ намѣренъ послать за полиціей; онъ ни на минуту не сомнѣвался въ совершенной честности старой служанки своей жены. Онъ только хотѣлъ принудить ее объявить имя вчерашняго гостя, но и то не удалось. Поэтому онъ былъ сильно раздраженъ. Онъ возвратился къ дядѣ и теткѣ въ досадѣ и смущеніи и сообщилъ имъ, что ничего не могъ узнать отъ этой женщины; что вчера приходилъ какой-то мужчина, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія; но Нора рѣшительно отказалась объявить его имя. Въ эту минуту въ комнату вошла мистриссъ Опеншо, сильно взволнованная; она спросила, что случилось съ Норой, которая чрезвычайно поспѣшно собрала свои вещи и оставила домъ.

— Это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ подозрѣніе, сказалъ мистеръ Чадвикъ. — Честные люди подобнымъ образомъ не поступаютъ.

Мистеръ Опеншо молчалъ. Онъ недоумѣвалъ. За то мистриссъ Опеншо накинулась на мистера Чадвика съ такимъ ожесточеніемъ, какого до этой поры никто еще не замѣчалъ въ ней.

— Дядюшка, вы не знаете Норы! Она удалась отсюда, потому что глубоко оскорблена несправедливымъ подозрѣніемъ. О, зачѣмъ мы не дали поговорить съ ней. Она бы чтонибудь сказала мнѣ.

Алиса въ горести и отчаяніи ломала себѣ руки.

— Надо признаться, вполголоса продолжалъ мистеръ Чадвикъ, обращаясь къ племяннику:—я не могу постичь тебя. Ты привыкъ примѣнять слово къ дѣлу, и даже часто у тебя дѣло предшествуетъ слову; теперь же, когда подозрѣніе такъ очевидно, ты ровно ничего не сдѣлалъ. Твоя жена очень добрая женщина, я согласенъ; но она могла быть пристрастна, подобно многимъ другимъ женщинамъ. Если ты не посылаешь за полиціей, то я пошлю.

—Какъ хочешь,—угрюмо отвѣчалъ мистеръ Опеншо. Я не могу оправдать Норы. Она сама не хотѣла оправдать себя, хотя и могла бы это сдѣлать. Во всякомъ случаѣ я умываю руки; я увѣренъ, что это честнѣйшая женщина; притомъ она долго жила при моей женѣ и я не хочу ее позорить.

— Все же нужно бы принудить ее оправдать себя. Это во всякомъ случаѣ необходимо.

— Ну, хорошо, хорошо! Миѣ чрезвычайно непріятно все это дѣло. Алиса, иди пожалуйста къ дѣтямъ; а то они соскучатся. Послушай, лядя,—замѣтилъ мистеръ Опеншо, снова обращаясь къ мистеру Чадвику, въ то время когда взоръ его остановился на блѣдномъ, печальномъ, озабоченномъ лицѣ Алисы:—я рѣшительно не хочу посылать за полиціей. Лучше я сегодня же куплю брошку, вѣдь лучше и дороже утраченной; но не хочу, чтобы подозрѣвали Нору, не хочу огорчать жену мою. Довольно вамъ этого?

Съ этими словами онъ и жена его вышли изъ комнаты. Мистеръ Чадвикъ спокойно дождался, когда они удалятся на такое разстояніе, на которомъ разговоръ его не будетъ для нихъ слышенъ; потомъ обратился къ женѣ и сказалъ:

— Не смотря на великодушіе Тома, я все-таки спокойно отправляюсь въ полицію.—Ты не говори никому, какъ будто ничего не знаешь.

Примѣняя слово къ дѣлу, мистеръ Чадвикъ отправился въ полицейскій домъ, и тамъ объяснилъ причину своего посѣщенія. Онъ остался очень доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвели его показанія. Всѣ соглашались съ его мнѣніемъ; къ отысканію Норы немедленно были приняты мѣры. Большинство полагало, что она убѣжала къ мужчине, который, по всей вѣроятности, былъ ея любовникъ. Когда мистеръ Чадвикъ спросилъ—какимъ образомъ они ее отыщутъ—они улыбнулись, покачали головой и заговорили между собой о таинственныхъ, но самыхъ вѣрныхъ способахъ къ тому и средствахъ. Мистеръ Чадвикъ воротился въ домъ племянника съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей дальновидности. Его встрѣтила жена, съ выраженіемъ раскаянія на лицѣ:

— Другъ мой, сказала она:—вѣдь я нашла свою брошку! Она бы-

ла припиlena подъ сборкой шолковаго платья, которое я вчера надѣвала. Раздѣваясь въ тороняхъ, я припилила брошку и платье повѣсила въ шкафъ. Только теперь, когда хотѣла было расправить его, я увидѣла въ немъ брошку. Предосадная вещь; а я ужъ такъ и думала, что она пропала!

Мистеръ Чадвинъ поворчалъ сквозь зубы: чортъ тебя возьми и съ брошкой-то! Зналъ бы, такъ лучше и не покупалъ ее!—схватилъ шляпу и побѣжалъ въ полицейскій домъ, надѣясь остановить предпринятые мѣры относительно отысканія Норы. Но същичкъ уже отправился на поиски.

Гдѣ же была Нора? Открытіе страшпой тайны едва не помрачило ея разсудокъ; она провела бессонную ночь, раздумывая, что должно дѣлать? А теперь ея честность подвергаютъ сомнѣнію. Состояніе ея умственныхъ способностей было близко къ помѣшательству, когда она прибѣжала въ дѣтскую, нагнула на себя шляпку и шаль и оставила домъ, забывъ даже взять кошелекъ съ собой. Въ этомъ домѣ она не хотѣла оставаться. Вотъ все, что сознавала она и что было для нея ясно. Она даже не хотѣла взглянуть на дѣтей, опасаясь поколебаться въ своей рѣшимости. Богѣе всего она страшилась возвращенія Франка съ предъявленіемъ правъ на Алису. Главнѣйшей причиной къ побѣгу скорѣе было желаніе находиться въ сторонѣ отъ ужасной семейной сцены, чѣмъ несправедливое подозрѣніе; послѣднее обстоятельство только ускорило исполненіе ея желанія. Какъ съумасшедшая, она бѣжала по улицамъ и плакала, потому что дома она не смѣла плакать, боясь возбудить удивленіе въ тѣхъ, которые могли бы услышать ее. Наконецъ она остановилась. Ей пришла въ голову мысль оставить немедленно Лондонъ и переселиться въ Ливернуль, въ родной городъ. Подходя съ этимъ намѣреніемъ къ станціи желѣзной дороги, близъ Юстонъ-сквера, Нора, чтобы удостовѣриться, есть ли при ней деньги, ошупала карманы, — но кошелька не оказалось. Она забыла его дома. Бѣдная ея голова разболѣлась, глаза отъ слезъ распухли, она принуждена была еще разъ остановиться и сообразить, куда послѣ этого направить свой путь. Внезапно въ головѣ ея блеснула свѣтлая мысль—отыскать несчастнаго мистера Франка. Накапунѣ она приняла его очень сурово, хотя послѣ того сердце ея и обливалось кровью. Нора вспомнила, что на вопросъ ея о квартирѣ Франка, когда она сильно провожала его за двери, Франкъ сказалъ, что остановится къ какомъ-то отелѣ, въ улицѣ не далеко отъ Юстонъ-сквера. Туда Нора и отправилась, но съ какою цѣлью — она и сама не знала; она хотѣла только успокоить свою совѣсть; выразивъ свое сочувствіе къ нему. Въ настоя-

щемъ своемъ положеніи Нора чувствовала себя ни къ чему неспособною; посоветовать что нибудь хорошее, удержать отъ дурнаго, помочь въ чемъ нибудь она не могла; она могла только соболѣзновать и плакать. Въ гостинницѣ сказали Норѣ, что тамъ дѣйствительно остановился точно такой человѣкъ, какого она описала имъ; что онъ пріѣхалъ третьяго дня; вскорѣ послѣ пріѣзда вышелъ изъ гостинницы, оставивъ въ квартирѣ весь свой багажъ, и послѣ того не возвращался. Нора попросила позволенія пріѣхать и дожидаться его возвращенія. Содержательница гостинницы, обезпеченная на случай неустойки въ уплатѣ денегъ за квартиру оставленнымъ имуществомъ, ввела Нору въ комнату Франка, и, вышедъ оттуда, повернула въ замкъ ключъ. Изнуренная Нора заснула сномъ лихорадочнымъ, безпокойнымъ, продолжавшимся нѣсколько часовъ.

Между тѣмъ полицейскій стѣщикъ, преслѣдуя Нору по горячимъ слѣдамъ, вошелъ въ ту же самую гостинницу, немного раньше. Попросивъ хозяйку дома задержать Нору на какой нибудь часъ, онъ не объяснилъ при этомъ причины ареста, но только предъявилъ свое полномочіе (что заставило хозяйку дома похвалить себя за дальновидность, руководствуясь которой она заперла Нору на замокъ); онъ возвратился въ полицейскій домъ съ донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ. Онъ могъ взять Нору и доставить ее въ полицію, но цѣлью его было выслѣдить, если возможно, человѣка, который учинилъ воровство. Въ полицейскомъ домѣ онъ услышалъ, что брошка отыскалась, и поэтому не считъ за нужное возвратиться въ гостинницу.

Нора спала до тѣхъ поръ, пока свѣтлый лѣтній вечеръ началъ переходить въ сумерки. Тутъ она проснулась. У дверей ея комнаты кто-то стоялъ. Вѣроятно, подумала она, это мистеръ Франкъ. Нора поправила спустившіеся на глаза свѣлые волосы и встала, чтобы посмотреть на него поближе. Въмѣсто Франка передъ ней очутился мистеръ Опеншо и полицейскій агентъ.

— Это и есть Нора Кеннеди, сказалъ мистеръ Опеншо.

— Мистеръ Опеншо, сказала Нора: — я не брала вашей брошки; клянусь, не брала. О, сэръ! послѣ такого позора я не могу смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

И Нора, безъ того уже большая и изнуренная, безъ чувствъ упала на полъ. Но къ ея удивленію мистеръ Опеншо весьма бережно поднялъ ее. Даже полицейскій агентъ помогъ положить ее на диванъ. По приказанію мистера Опеншо, онъ отправился за виномъ и сандвичами; бѣдная, слабая Нора, совершенно потеряв-

шая силы отъ душевнаго волненія и истомы, лежала на диванѣ, какъ мертвая.

— Нора! сказалъ мистеръ Опеншо чрезвычайно ласковымъ голосомъ: — брошка нашлась! Она была пришилена къ платью мистриссъ Чадвикъ. Прости меня, Нора. Тѣмъ болѣе прошу простить меня, что черезъ эту брошку мы надѣлали тебѣ страшныхъ хлопотъ. Моя жена въ отчаяніи. Скушай это Нора... или постой, сначала выпей рюмку вина, продолжалъ Опеншо, приподнявъ голову Норы и принудивъ ее выпить нѣсколько глотковъ.

Только теперь Нора вспомнила, гдѣ находилась, и кого ожидала. Она въ минуту оттолкнула отъ себя мистера Опеншо.

— Сэръ, сказала она: — уйдите отсюда. Вамъ ни на минуту нельзя оставаться здѣсь. Онъ васъ убьетъ, когда встрѣтится съ вами.

— Увы, Нора! я не знаю, кто этотъ онъ. Знаю однакожь одного человѣка, котораго и ты знаешь, въ которомъ ты принимаешь живое участіе, но который никогда со мной не встрѣтится.

— Сэръ, я не понимаю васъ, сказала Нора. Ласковое и вмѣстѣ съ тѣмъ носившее на себѣ отпечатокъ грусти обхожденіе мистера Опеншо приводило ее въ замѣшательство болѣе, чѣмъ слова.

По знаку мистера Опеншо, полицейскій агентъ вышелъ изъ комнаты, и они остались одни.

— Нора, ты должна понять меня, когда я говорю, что человѣкъ, въ которомъ ты принимаешь участіе, никогда сюда не прійдетъ. Я хочу сказать, что онъ умеръ.

— Кто? сказала Нора, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Какой-то бѣднякъ, котораго сегодня вытащили изъ Темзы.

— Неужели онъ утопился? отчаяннымъ тономъ спросила Нора.

— Это извѣстно одному только Богу, отвѣчалъ мистеръ Опеншо, не измѣняя голоса. Въ его карманѣ нашли записку, въ которой значилось твое имя и адресъ нашего дома, нашли кошелекъ, — и больше ничего. Непріятно говорить тебѣ подобныя вещи, моя бѣдная Нора; но это необходимо; ты должна отправиться съ нами и сдѣлать нѣкоторыя показанія.

— Какія показанія? спросила Нора.

— Ты скажешь, кто онъ такой. Это всегда дѣлается для того, чтобы узнать причину самоубійства, — если только онъ былъ самоубійцей. Я нисколько не сомнѣваюсь, что это тотъ самый человѣкъ, который приходилъ въ нашъ домъ вчера вечеромъ. Непріятно, очень непріятно; но дѣлать нечего.

Мистеръ Опеншо отдѣлялъ одну фразу отъ другой, чтобы слова его были понятны для Норы. Глядя на лицо ея, принявшее какое-

то дикое, безсмысленное выраженіе, онъ начиналъ бояться за ея разсудокъ.

Мистеръ Опеншо, сказала она наконецъ: — я должна сообщить вамъ страшную тайну.... но съ тѣмъ, что вы никому ее не откроете: вы и я будемъ хранить ее до смерти. Я думала, что она останется при мнѣ, но вижу, что это невозможно. Несчастный человѣкъ, который умеръ, утонулъ, никто другой, какъ мистеръ Франкъ, первый мужъ моей госпожи.

Какъ пораженный громомъ, мистеръ Опеншо опустился на стулъ. Онъ не сказалъ ни слова; но спустя немного сѣлалъ Норъ знакъ, чтобы она продолжала.

— Мистеръ Франкъ пришелъ ко мнѣ въ тотъ вечеръ, когда вы всѣ, къ вашему счастью, находились въ Ричмондѣ. Онъ спросилъ, жива ли жена его? И я, думая больше о вашемъ возвращеніи, чѣмъ о его душевной пыткѣ, была передъ нимъ настоящимъ звѣремъ; я говорила съ нимъ рѣзко и въ добавокъ объявила, что Алиса вторично вышла замужъ, что она довольна своей судьбой и счастлива: и его почти выгнала изъ дому, — и вотъ онъ лежитъ теперь мертвый, охладѣвшій.

— Господи! прости меня! сказалъ мистеръ Опеншо.

— Господь да проститъ и помилуетъ насъ всѣхъ! продолжала Нора. Несчастный мистеръ Франкъ нуждается въ прощеніи быть можетъ меньше, чѣмъ каждый изъ насъ. Онъ находился между дикими, потерпѣлъ крушеніе.... перенесъ всякаго рода лишенія и страданія, писалъ письма, которые не доходили до моей бѣдной госпожи.

— Онъ видѣлъ свою дочь?

— Да, видѣлъ. Я нарочно провела его въ дѣтскую, чтобы дать его мыслямъ другое направленіе: я такъ и думала, что онъ сойдетъ съ ума. Я въ половину дала обѣщаніе увидѣться съ нимъ и съ этой цѣлью пришла сюда. Разсудокъ началъ измѣнять мнѣ, когда я услышала, что онъ не придетъ сюда. О, сэръ! это долженъ быть онъ.

Мистеръ Опеншо позвонилъ въ колокольчикъ. Нора была слишкомъ поражена горестью, чтобы удивляться тому, что онъ дѣлалъ. Онъ потребовалъ письменныя принадлежности, написалъ письмо и потомъ сказалъ Норѣ:

— Я пишу Алисѣ, что непредвидѣнные обстоятельства требуютъ моего отсутствія на нѣсколько дней, что я отыскалъ тебя, что ты здорова, посылаешь ей поклонъ и завтра будешь дома. Теперь же, Нора, ты пойдешь со мной въ полицію; ты должна подтвердить наши догадки относительно утопленника; я заплачу большія

деньги, чтобы изъ слѣдствія по этому несчастному дѣлу исключены были всѣ имена и подробности.

— Но куда же вы отправляетесь, сэръ?

— Нора! отвѣчалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія: — я долженъ идти съ тобой и посмотреть на лицо человѣка, котораго я оскорбилъ такъ жестоко, — оскорбилъ неумышленно, это правда; но все же, мнѣ кажется, какъ будто я его убилъ. Я похороню его, какъ роднаго брата. Воображаю, какъ онъ долженъ былъ ненавидѣть меня! Я не могу воротиться домой, пока не сдѣлаю всего, что только можно для него сдѣлать. Ужасная тайна умереть въ моемъ сердцѣ! Я слова не скажу о ней; надѣюсь, Нора, и ты сдѣлаешь тоже самое.

Онъ крѣпко сжалъ руку Норы. Съ этой минуты о тайнѣ не было сказано слова, даже другъ другу.

На другой день Нора явилась къ Алисѣ. Объ ея внезапномъ отсутствіи не было и помину. Алиса получила приказаніе отъ мужа не говорить о покражѣ брошки. Будучи отъ природы и по привычкѣ безусловно покорная тѣмъ, кого любила, она не сдѣлала даже намека на этотъ предметъ; она обходилась съ Норой кротко и почтительно, стараясь загладить этимъ несправедливое подозрѣніе.

Мистеръ Опеншо сказалъ, что отсутствіе его необходимо, и Алиса не старалась узнавать причины, которая тѣмъ болѣе должна быть побудительна, что мужъ ея не обратилъ даже вниманія на присутствие въ его домѣ дяди и тетки. Онъ пріѣхалъ серьезный. Съ этого времени въ немъ произошла страшная перемѣна. Онъ сдѣлался задумчивѣе, чѣмъ прежде. Въ отношеніи къ Алисѣ онъ не могъ быть внимательнѣе; но все же съ этой поры онъ смотрѣлъ на нее, какъ на предметъ священный для него, которому должно было оказывать уваженіе и преданность. Онъ занимался дѣлами и нажилъ огромное состояніе, половину котораго отдалъ Алисѣ.

Много лѣтъ спустя послѣ этихъ событій и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Алисы, Эйльзи и ея отецъ (такъ постоянно называла она мистера Опеншо) пріѣхали къ кладбищу, не вдалекѣ отъ города. Горничная поднесла Эйльзи къ одной изъ могильныхъ оградъ и получила приказаніе удалиться къ каретѣ. На могильномъ камнѣ вырѣзано было: Ф. В., годъ, мѣсяцъ и число. Сидя подлѣ могилы, мистеръ Опеншо разсказалъ Эйльзи всю эту исторію. За несчастную участь бѣднаго отца, котораго Эйльзи никогда не видѣла, мистеръ Опеншо пролилъ горькія слезы. Это были первыя слезы, которыя Эйльзи увидѣла въ глазахъ своего вѣтхима.

— Преинтересная исторія! сказала я въ то время, когда Джарберъ съ торжественнымъ видомъ свернулъ первую часть своихъ открытій относительно Пустаго Дома. Разсказъ этотъ говоритъ прямо сердцу, особенно его послѣдняя часть. Но....

Я замолчала и посмотрѣла на Тротля.

Тротль протестовалъ противъ этого громкимъ кашлемъ.

— Ну, что же? сказала я, начиная терять терпѣніе. Развѣ ты не видишь, что я жду отвѣта отъ тебя и вовсе не нуждаюсь въ твоёмъ кашлѣ?

— Совершенно такъ, мадамъ, отвѣчалъ Тротль, сохраняя почтительное упрямство, которое и святого вывело бы изъ терпѣнія. Вѣроятно, мадамъ, вы желаете знать мое мнѣніе относительно этой исторіи?

— Да, да! сказалъ Джарберъ. Сдѣлайте милость, позвольте намъ услышать мнѣніе этого добрака.

— Позвольте, сэръ, отвѣчалъ Тротль: — я хочу знать, отчего домъ черезъ дорогу отъ насъ остался безъ жильцевъ, а изъ вашей исторіи я не получаю на это отвѣта. Вотъ мое мнѣніе, сэръ.

Въ этотъ моментъ я готова была противорѣчить моему несговорчивому слугѣ. Но, при всѣхъ достоинствахъ прочитанной исторіи, я сознавала, что Тротль открылъ въ немъ слабую сторону.

— Такъ въ этомъ-то и заключается ваше мнѣніе? повторилъ Джарберъ. Гм! Входя въ эту комнату, я, кажется, объявилъ, что имѣю цѣлый рядъ открытій, а вы съ чего-то взяли, что у меня уже болѣе нѣтъ и источниковъ. Миссъ Со... Сара, позвольте мнѣ прочитать второй свертокъ въ назиданіе и просвѣщеніе этого упрямого, тупаго господина!

— У меня остановилось все дѣло, мадамъ, сказалъ Тротль, сдѣлавъ движеніе къ дверямъ въ ту минуту, когда Джарберъ получилъ позволеніе.

— Оставайся здѣсь, сказала я повелительнымъ тономъ: — и предоставь мистеру Джарберу удобный случай отвѣтить на твое возраженіе.

Тротль, съ видомъ мученика, занялъ прежнее мѣсто, а Джарберъ началъ читать, уже прямо обратясь сипной къ своему сопернику.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ОБЩЕСТВО.

Въ періодъ превратностей своего счастья пзвѣстный вамъ домъ былъ нанятъ какимъ-то антрепренеромъ. Имя этого человѣка отыскалось въ книгахъ нашего прихода, относящихся къ тѣмъ го-

дамъ, когда онъ занималъ тотъ домъ, и слѣдовательно вѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ либо другимъ мѣрамъ для узнанія его имени. Гораздо труднѣе было отыскать его самого. Онъ велъ бродячую жизнь; люди осѣдлые потеряли его изъ виду, а тѣ, которые считали себя людьми респектабельными, стыдились допустить, что имъ извѣстно было что-нибудь объ этомъ человѣкѣ. Наконецъ на низменныхъ, болотистыхъ берегахъ Темзы, окружающихъ Дентфордъ, между соседними огородами и разсадниками продажныхъ растений, нашелся человѣкъ, съ сѣдой головой, въ одеждѣ изъ простой бумажной ткани, съ лицомъ, на которомъ атмосферическія перемѣны сдѣлали такой отпечатокъ, что оно показалось нататуированнымъ. — Онъ сидѣлъ у дверей своего деревяннаго подвижнаго домика и курилъ трубку. Подвижной деревянный домикъ останавливался на зимнее время и приводился въ порядокъ на берегу небольшого залива, и все вокругъ него — рѣка съ вѣчнымъ туманомъ, болота съ своими испареніями, огороды съ своей непроницаемой мглой — все по вилному курило трубку за компанію съ сѣдымъ старикомъ. Не хотѣла отставать отъ этой компаніи и труба деревяннаго подвижнаго домика; подражая соседямъ, и она въ свою очередь пускала клубы густаго, сѣраго дыма.

Когда спросили сѣлаго старика, случалось ли ему занимать такой-то Пустой Домъ? онъ сначала удивился, а потомъ отвѣчалъ: да. — Значитъ, твое имя Магсманъ? — Да, Тоби Магсманъ. При крещеніи ему дано было имя Роберта, но его еще въ малолѣтствѣ прозвали Тоби, и это прозвище осталось за нимъ навсегда. А что, развѣ говорятъ о Тоби Магсманѣ чтонибудь дурное? — Надѣюсь, что нѣтъ! а если да, то скажите, что именно?

Его увѣрили, что дурнаго о немъ ничего не говорятъ, но что нужно собрать нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ Пустаго Дома и что вѣроятно у него нѣтъ препятствій объявить, почему онъ оставилъ этотъ домъ.

— Отчего же не объявить?—Онъ оставилъ его изъ-за карлика.

— Изъ-за карлика?

— Да, изъ-за карлика, повторилъ мистеръ Магсманъ протяжно и выразительно.

Мистеръ Магсманъ вѣроятно согласится сдѣлать намъ величайшее одолженіе, сообщить нѣкоторыя подробности по этому предмету, разумеется, если только это не нарушитъ его спокойствія?

И мистеръ Магсманъ сообщилъ слѣдующія подробности:

Начнемъ съ того, что это было очень давно. Задолго передъ тѣмъ, какъ вывели изъ употребленія лоттерей и потому подобное, мистеръ Магсманъ, искавшій удобнаго помѣщенія, увидѣлъ этотъ

домъ и сказалъ про себя: — возьму тебя любезный, если только тебя отдадутъ. Если за деньги можно получить тебя, то получу.

Сосѣди сердились и подавали жалобы; мистеръ Магсманъ даже и не зналъ, за что и про что, и не подозревалъ, чего они хотятъ. А вещь была чудная! Во-первыхъ, тутъ была картина, изображавшая портретъ гиганта въ испанскомъ костюмѣ; величиной эта картина была въ половину дома; ее подняли наверхъ по блоку, такъ что голова гиганта приходилась наравнѣ съ парашютомъ. Потомъ другая картина, изображавшая альбиноску, показывающую волосы свои передъ арміей и флотомъ въ полныхъ парадныхъ мундирахъ. Третья картина представляла дикаго индійца, скалпирующаго какого-то господина чужеземной породы. На слѣдующей картинѣ изображено было дитя британскаго плантатора, котораго схватили два боа-констриктора—ухъ, какая страшная сцена!—хорошо что у насъ нѣтъ ни дѣтей, ни констрикторовъ. Далѣе — представленъ былъ дикій степной оселъ; эту картину трудно вообразить себѣ, потому что у насъ нѣтъ дикихъ ословъ, да намъ и даромъ ихъ не нужно. Наконецъ, послѣдняя картина представляла карлика передъ Георгомъ IV, который при видѣ его не могъ не выразить своего удивленія. Лицевой фасадъ дома совершенно завѣшанъ былъ подобными картинами, такъ что изъ-за нихъ не пробивалось въ окна ни одной искорки дневнаго свѣта. Ко всему этому прибавьте еще вывѣску пятнадцать футовъ длины и два фута ширины; она висѣла надъ уличными дверями, закрывала собой окна гостиной и носила слѣдующую надпись: *увеселительныя представленія мистера Магсмана*. Корридоръ, обитый зеленой матеріей, съ изображеніемъ на ней садовыхъ растений, представлялъ собою лѣтній навильонъ. Шарманка играла безъ умолку. И вообще что касается до благоустройства, то за три пенса, не знаю, гдѣ ее можно было найти больше?

Но главѣйшей диковинкой былъ карликъ. Мы его называли на вывѣскѣ: «майоромъ Trpschoffki, королевской Булградеріанской бригады». Никто ни могъ произнести его имени; оно впрочемъ съ тѣмъ и было придумано, чтобы никто не произнесъ. Публика, по принятому обыкновенію, обратила это имя въ *Чопски*. Въ послѣдствіи же его называли просто Чопскъ, частію по созвучію этого слова съ даннымъ ему прозвищемъ, частію же потому, что его настоящее имя, если только онъ имѣлъ его (что впрочемъ очень сомнительно) было Стексъ (*).

(*) Сопр въ буквальномъ переводѣ значитъ котлета; steak ломтикъ говядины.

Онъ былъ необыкновенно маленькаго роста, съ необыкновенно-большой головой; но что творилось въ этой головѣ, никто не зналъ, да и трудно было узнать, судя по его различнымъ продѣлкамъ.

Такого добраго, ласковаго карлика, не существовало въ мірѣ. Онъ былъ вспыльчивъ, но не золъ. Путешествуя съ полосатымъ ребенкомъ, онъ няичалъ его, какъ мать, хотя зналъ, что онъ натуральный карликъ и что полосы на ребенкѣ искусственныя. Гиганту нашему онъ не сказалъ грубаго слова. Онъ позволялъ себѣ не совѣтъ приличныя выраженія только въ разговорѣ съ толстой лэди изъ Норфолка, но тутъ участвовало сердце; а когда сердцемъ мужчины поиграетъ какая нибудь лэди и окажется предпочтеніе какому нибудь индійцу, тогда хоть кому будетъ трудно владѣть съ собой.

Разумѣется, онъ постоянно былъ влюбленъ: феноменъ довольно обыкновенный. Но онъ влюблялся всегда въ женщинъ огромнаго роста; я не знавалъ еще карлика, который бы былъ влюбленъ въ малорослую. Это-то и составляетъ въ нихъ диковинную рѣдкость.

Въ это огромной головѣ пріютилась одна въ своемъ родѣ замѣчательная идея, которая имѣла свое основаніе, иначе ея бы тамъ не было. Чопсъ былъ того мнѣнія, что ему суждено разбогатѣть. Писать онъ не умѣлъ. Его училъ этому искусству одинъ безрукій молодой человѣкъ, который писалъ ногами, но такъ отлично, что этимъ только и жилъ; однако Чопсъ умеръ бы съ голоду, прежде чѣмъ привелось бы ему этимъ способомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Идея разбогатѣть была тѣмъ страннѣе, что онъ не имѣлъ ни состоянія, никакой надежды на него; все его состояніе ограничивалось домомъ и блюдечкомъ. Подъ словомъ *домъ* я разумѣю ящикъ, разрисованный снаружи, какъ слѣдуетъ быть дому; Чопсъ съ брильянтовымъ перстнемъ (хотя и не настоящимъ, но вѣдь издали не разберешь), заползалъ въ этотъ домъ и звонилъ въ колокольчикъ, изъ гостиной, какъ полагала публика. Говоря о блюдечкѣ, я разумѣю китайское блюдечко, въ которое онъ собиралъ въ свою пользу добровольное подаваніе, по окончаніи каждаго представленія. Последнія слова его въ концѣ представленія (онъ заимствовалъ ихъ у меня) были слѣдующія: «Лэди и джентльмены! маленькій человѣкъ пройдетъ теперь три раза вокругъ собранія и потомъ скроется за занавѣсъ». Въ частной своей жизни, говоря о чемъ нибудь серьезно, онъ постоянно заключалъ свою рѣчь этими словами; отпра-вляясь спать, онъ этими словами прощался со мной.

У него, сколько я могу судить, была прекрасная душа... поэтическая душа. Идея относительно богатства становилась сильнѣе въ то время, когда онъ садился на шарманку и брался за рукоятку.

Когда вибраціи звуковъ проникали въ его душу, онъ начиналъ кричать: Тоби, я чувствую, что ко мнѣ приближается богатство... играй громче! Я считаю гиней тысячами... громче, еще громче!—Тоби, я становлюсь богачемъ! Я чувствую, Тоби, что во мнѣ бряंचить звонкая монета; я увеличиваюсь въ своемъ объемѣ и достигаю величины англійскаго банка!»—Вотъ какое вліяніе производитъ музыка на поэтическую душу. Нельзя сказать, чтобы кромѣ шарманки онъ имѣлъ пристрастіе къ какой нибудь другой музыкѣ; напротивъ онъ ее ненавидѣлъ.

Чопсъ постоянно ворчалъ на публику; это вы замѣтите во многихъ феноменахъ, существованіе которыхъ зависитъ совершенно отъ публики. Больше всего не нравилось ему въ своемъ ремеслѣ то, что онъ нѣкоторымъ образомъ отчужденъ былъ отъ общества. Онъ постоянно говорилъ: «Тоби, честолюбіе побуждаетъ меня вступить въ общество. Самое худшее мое положеніе въ отношеніи къ публикѣ состоитъ въ томъ, что я исключенъ изъ общества. Это ничего не значитъ для такого дикаго звѣря, какъ индѣецъ, — онъ не созданъ для общества; ничего не значитъ и для полосатаго ребенка, — онъ еще не понимаетъ, что такое общество; — но я долженъ быть въ обществѣ».

Никто не зналъ и не могъ узнать, что дѣлалъ Чопсъ съ своими деньгами. Онъ получалъ хорошее жалованье, кромѣ пищи; въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящій дятель, — былъ прожорливъ, какъ вообще всѣ карлики. Китайское блюдечко доставляло ему множество мелкихъ монетъ, которыя онъ завязывалъ въ носовой платокъ. А между тѣмъ у него никогда не было денегъ. — Виною тому не была порфолькская толстая лѣдъ, какъ нѣкоторые полагали; здравый разсудокъ говоритъ, что когда вы чувствуете къ индѣйцу вражду, которая заставляетъ скрежетать зубами и называть его оскорбительными именами въ то время, когда онъ выполняетъ «военный танецъ», здравый разсудокъ говоритъ, повторяю я, что при такихъ обстоятельствахъ вы не станете отказывать себѣ въ нѣкоторыхъ прихотяхъ, для того собственно, чтобы доставлять индѣйцу средства жить въ роскоши.

Тайна эта разъяснилась однажды весьма неожиданно на ихемскихъ конскихъ скачкахъ. Публика на этотъ разъ была какъ-то пуглива. Чопсъ звонилъ въ маленькій колокольчикъ, высунувъ его изъ окна своей гостиной. Вставъ на колѣни, онъ смотрѣлъ на меня съ извѣстной усмѣшкой. Не согнувъ колѣнъ, ему нельзя было выползти изъ домика, какъ нельзя было и расположиться въ немъ. И такъ онъ посмотрѣлъ на меня съ извѣстной усмѣшкой. «Вотъ-такъ отличная публика! чтожь она не аплодируетъ мнѣ?» —

Вдругъ въ толпѣ народа какой-то мужчина вскричалъ: «есть ли здѣсь кто изъ подписавшихся на лотерею? — Она разыграна: нумера третій, седьмой и сорокъ второй выиграли главные призы! третій, седьмой и сорокъ второй!» — За такое отвлеченіе вниманія публики я готовъ былъ отдать этого человѣка на изтязаніе фуріямъ; вѣдь вы знаете, публика такая вещь, что изъ какихъ нибудь пустяковъ она во всякое время готова отвернуться отъ того, что ей показываютъ; если вы сомнѣваетесь въ этомъ, такъ соберите ее съ какой нибудь серьезной цѣлю, и когда она соберется, то пусть черезъ нѣсколько времени войдутъ двое запоздалыхъ, и вы увидите, что все собраніе отвернется отъ васъ, чтобы посмотрѣть на этихъ запоздалыхъ. Такъ случилось и со мной; мнѣ крайне не понравился возгласъ этого человѣка и я мысленно огиривлялъ его въ адъ, какъ вдругъ вижу, что колокольчикъ Чопса летитъ въ какую-то старую лѣлѣ, домикъ его опрокидывается вверхъ дномъ и вся тайна обнаруживается. Чопсъ вцѣпилъ ко мнѣ въ ноги, да и кричитъ благимъ матомъ: «Тоби, тащи меня вонъ; окати холодной водой, не то я умру: вѣдь я получилъ богатство!»

Дѣйствительно, выигрышъ Чопса простирался до двѣнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ купилъ полбилета на двадцать пять тысячъ фунтовъ, и выигралъ. Первое употребленіе денегъ, сдѣланное Чопсомъ, состояло въ предложеніи подражаться съ дикимъ индѣйцемъ на пари въ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ, съ тѣмъ условіемъ, что Чопсъ вооружится штопальной, намазанной ядомъ иглой, а индѣецъ — дубиной; но на сторонѣ индѣйца не было охотниковъ на такую сумму, и драка не состоялась.

Послѣ того въ теченіе цѣлой недѣли онъ ходилъ точно помѣшанный. Онъ находился въ такомъ жалкомъ положеніи, что если бы я позволилъ ему просидѣть на шарманкѣ минуты двѣ лишнія, онъ бы чисто пропалъ; мы наконецъ принуждены были спрятать эту шарманку—и мистеръ Чопсъ поправился. Онъ обходился съ нами любезно, и не жалѣлъ для насъ денегъ. Спустя нѣсколько времени онъ послалъ за однимъ молодымъ человѣкомъ, давнишнимъ знакомымъ, весьма джентильной наружности и довольно образованнымъ (отецъ его занималъ почетное мѣсто между ливрейными грумами, имѣлъ хорошіе деньжки, но потерялъ ихъ при одномъ несчастномъ коммерческомъ кризисѣ). Ну, вотъ знаете, мистеръ Чопсъ и говоритъ этому молодому человѣку, называвшему себя Норманди,—только это не правда:

— Норманди, я намѣренъ вступить въ общество. Не хочешь ли быть моимъ товарищемъ?

— Хорошо ли я понимаю васъ, мистеръ Чопсъ? сказалъ Нор-

манди:—въ состояніи ли вы уплатить всѣ издержки, которыя при этомъ случаѣ неизбежны?

— Разумѣется, отвѣчалъ мистеръ Чопсъ;—да еще и вамъ удѣлю малую-толику.

Молодой человекъ приподнялъ мистера Чопса на стулъ, чтобы пожать ему руку, и со слезами на глазахъ отвѣчалъ стихами:

Пусть вѣтры бушуютъ, пусть волнуется море,
Я не боюсь и плыву съ тобой вмѣстѣ!

Они отправились въ общество въ каретѣ четверней, съ кучеромъ въ шолковой ливреѣ; наняли квартиру въ улицѣ Полль-Молль и окружили себя блескомъ.

Въ слѣдующемъ году осенью ко мнѣ вдругъ является щегольски одѣтый лакей и подаетъ записку. Меня приглашали въ Полль-Молль. Въ назначенный вечеръ я отправился. Джентльмены только-что пообедали и сидѣли за виномъ. Глаза мистера Чопса стояли въ его огромной головѣ неподвижнѣе, чѣмъ я ожидалъ. За столомъ сидѣло всего трое; одного изъ нихъ я зналъ очень хорошо. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ оркестрѣ на выставкѣ дикихъ звѣрей, гдѣ онъ игралъ на кларнетѣ и страшно фальшивилъ.

Джентльменъ этотъ показывалъ видъ, что не знаетъ меня вовсе.

— Джентльмены, сказалъ мистеръ Чопсъ: — рекомендую вамъ стараго друга моихъ прежнихъ дней.

Норманди посмотрѣлъ на меня сквозь очки.

— Ахъ, Магсманъ! вскричалъ онъ:—душевно радъ видѣть васъ. (Это вздоръ онъ душевно былъ радъ не видѣть меня.)

Стулъ мистера Чопса, для большаго удобства, былъ поставленъ на возвышеніи и нѣкоторымъ образомъ представлялъ собою тронъ (точь въ точь такой, какой былъ нарисованъ на картинѣ, изображавшей пріемъ карлика Георгомъ IV). Но самъ мистеръ Чопсъ ни въ какомъ отношеніи не могъ показаться королемъ, потому что двое другихъ джентльменовъ распоряжались въ домѣ и приказывали совершенно какъ императоры. Всѣ они одѣты были, какъ майскій день—великолѣпно! — а что касается до вина, то оно лилось рѣкой, и притомъ различное.

Я выпилъ понемногу изъ всѣхъ бутылокъ: сначала отдѣльно изъ каждой; потомъ заразъ изъ двухъ, наливая полстакана одного и полстакана другаго, наконецъ наполнилъ стаканъ изъ всѣхъ бутылокъ понемногу. Словомъ, я провелъ пріятнѣйшій вечеръ, пока не почувствовалъ, что меня начинаетъ мутить: тогда, соблюдая приличіе, я счелъ за лучшее встать и сказалъ:

— Мистеръ Чопсъ, лучшіе друзья и тѣ разстаются. Благодарю

вастъ за разнообразіе и обиліе иностранныхъ напитковъ, — отличные напитки! Выпьемте по стакану портвейну и я прощусь съ вами.

— Магсманъ, — отвѣчалъ мистеръ Чопсъ: — если ты возьмешь меня подъ правую мышку и снесешь внизъ, то пожалуй я провожу тебя.

Я отвѣчалъ, что мнѣ и въ голову не пришла бы подобная мысль; но, исполняя его желаніе, я снялъ его съ трона. Отъ него страшно несло мадерой; спускаясь съ нимъ съ лѣстницы, я не могъ не подумать, что тащу огромную бутылку вина, съ неуклюжимъ горлышкомъ и безобразной пробкой.

Въ прихожей, когда я хотѣлъ было спустить Чопса на полъ, онъ вѣднлся въ мой воротникъ и прошепталъ:

— Магсманъ, я несчастливъ.

— Что съ вами, мистеръ Чопсъ?

— Они дурно со мной обходятся. Они неблагодарны мнѣ... ставятъ меня на каминную полку, когда не хочу больше шампанскаго, и запираютъ въ буфетъ, когда не даю имъ денегъ.

— Отвяжитесь отъ нихъ, мистеръ Чопсъ.

— Не могу. Что скажетъ общество?

— Надо оставить общество.

— Не могу. Вы не понимаете, что говорите. Вступивъ однажды въ общество, вы не должны выходить изъ него.

— Въ такомъ случаѣ извините мою смѣлость, мистеръ Чопсъ, — замѣтилъ я серьезно, покачавъ головой: — въ такомъ случаѣ очень жаль, что вы вступили въ него.

Въ свою очередь и мистеръ Чопсъ покачалъ огромной головой своей и нѣсколько разъ ударилъ по ней маленькой ладонью.

— Ты добрый человѣкъ, сказалъ онъ: — но ничего не понимаешь. Спокойной ночи! прощай, Магсманъ! Маленькій человѣчекъ три раза обойдетъ собраніе и потомъ скроется за занавѣсъ.

Я видѣлъ какъ онъ совершенно въ безчувственномъ состояніи карабкался на лѣстницу съ одной ступеньки на другую, помогая себѣ и руками и ногами. Ступеньки были слишкомъ круты для него даже и тогда, если бы онъ былъ въ трезвомъ состояніи; о помощи Чопсъ и слышать не хотѣлъ.

Вскорѣ послѣ того я прочиталъ въ газетахъ, что мистеръ Чопсъ представлялся ко двору. Между прочимъ было напечатано: «надобно помнить, (я замѣчалъ, что въ газетахъ всегда напоминаютъ о томъ, чего не нужно вовсе помнить), что мистеръ Чопсъ — особа чрезвычайно небольшого роста. Блестящій его выигрышъ въ послѣдней государственной лоттерей обратилъ

на него всеобщее вниманіе». — Да, подумалъ я, вотъ что значить жизнь-то! — Чопсъ таки добился своего! Онъ изумилъ Георга IV!

(По этому событію я подновилъ свою картину; представилъ Чопса съ мѣшкомъ денегъ въ рукѣ, въ парикѣ, при шпагѣ, съ золотыми пряжками на башмакахъ, — словомъ все, какъ слѣдуетъ; въ ней изображенъ моментъ, когда онъ представляется Георгу IV, — и тутъ же въ него влюбляется леди въ страусовыхъ перьяхъ).

Я занималъ домъ, который служитъ предметомъ вашихъ освѣдомленій, — хотя съ вами я не имѣю чести быть знакомымъ, — и продолжалъ увеселительныя представленія въ теченіе тринадцати мѣсяцовъ, показывая иногда одну ликовинку, иногда другую и никогда ничего ликовиннаго; но картины постоянно висѣли снаружи дома. Однажды, послѣ представленія, доставившаго незначительный сборъ по случаю дождливой погоды, я сидѣлъ на крыльцѣ съ безрукимъ молодымъ человѣкомъ и курилъ трубку, какъ вдругъ совершенно неожиданно въ уличную дверь раздался стукъ.

— Ало! — говорю я молодому человѣку: — кто тамъ?

Онъ протеръ ногами глаза.

— Не могу вообразить, мистеръ Магсманъ, — отвѣчалъ онъ.

И правду сказалъ: онъ вовсе не имѣлъ воображенія; скучный былъ малый.

Стукъ не прекращался. Я положилъ трубку, взялъ свѣчу, спустился съ лѣстницы и отперъ дверь. Выглянулъ на улицу — нѣтъ ни души; я хотѣлъ было снова запереть дверь, какъ между ногами моими кто-то проскочилъ и прямо въ корридоръ. Смотрю — мистеръ Чопсъ!

— Магсманъ, говоритъ онъ: — прими меня къ себѣ на прежнихъ условіяхъ: согласенъ, что ли? — говори скорѣй!

Я удивился, но сказалъ ему: согласенъ!

— Согласенъ, такъ и кончено! А есть ли у тебя чтò поужинать?

Вспомнивъ превосходныя иностранныя вина, которыя мы распивали въ улицѣ Полль-Молль, мнѣ, признаться, совѣстно было предложить ему холодный кусокъ мяса и грогъ; но онъ съ радостію принялъ предложеніе. Мы подставили его стулъ къ столу, и онъ расположился какъ встарину. Смотрю на него и не вѣрю глазамъ.

Способность говорить, какъ испарина, начала показываться въ немъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ оплелъ весь кусокъ мяса, вѣсомъ на худой конецъ фунта въ два съ половиной.

— Магсманъ, сказалъ онъ: — гляди на меня! Ты видишь передъ собой человѣка, который вступилъ въ общество и вышелъ изъ него.

— О! такъ вы, значить, вышли изъ него? — Какимъ же это образомъ, сэръ?

— *Откупился!* отвѣчалъ онъ.

Умѣе этихъ двухъ словъ его огромная голова ничего, мнѣ кажется, не производила.

— Другъ мой Магсманъ, я расскажу тебѣ объ открытіи, которое сдѣлалъ. Драгоценное открытіе! оно стоитъ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ; оно принесетъ тебѣ пользу на всю жизнь. Весь секретъ заключается въ томъ, что неважное еще дѣло, когда человѣкъ присоединяется къ обществу, а важно то, когда общество присоединяется къ человѣку.

Не вполне понимая, что онъ намѣренъ сказать, я покачалъ головой, принявъ глубокомысленный видъ и отвѣтилъ:

— Вы правы, мистеръ Чопсъ.

— Магсманъ, продолжалъ онъ, трепля меня за ногу: вѣдь это общество-то такъ прильнуло ко мнѣ, что у меня пенис не осталось отъ моего состоянія.

Я чувствовалъ, что начинаю блѣднѣть, — и хотя отъ природы человѣкъ я не робкій на слова, но едва-едва могъ промолвить:

— Гдѣ же Норманди?

— Убѣжалъ... съ моимъ серебромъ, отвѣчалъ мистеръ Чопсъ.

— А другой?

— Убѣжалъ... съ моими брилліантами.

Я сидѣлъ и выпуча глаза смотрѣлъ на него, а онъ стоялъ и тоже выпуча глаза смотрѣлъ на меня.

— Магсманъ, сказалъ онъ, — мнѣ казалось, что Чопсъ съ каждой минутой становился умѣе:—общество, взятое въ цѣлости, не что иное, какъ карлики. При сенъ-джемскомъ дворѣ всѣ они выдѣлываютъ тѣже самыя штуки, которыя выдѣлывалъ и я встарину: всѣ по три раза обходятъ собраніе,—разница только въ томъ, что они одѣты въ придворныя платья. Большая часть изъ нихъ звонитъ въ колокольчикъ, запрятавшись въ картонные домики. Повсюду въ ходу блюдечко. Да, Магсманъ, блюдечко въ большомъ ходу, въ большомъ употребленіи.

Я замѣтилъ, что несчастіе подняло жолчь въ мистерѣ Чопсѣ, и отъ души пожалѣлъ его.

— Что касается до диковинныхъ лэди, сказалъ онъ и, сильно покачнувъ головой уларился о стѣну:— то въ обществѣ ихъ множество, и всѣ онѣ несравненно хуже того оригинала, который ты показываешь. *Здѣшняя лэди*—это чисто оскорбленіе для вкуса; она возбуждаетъ омерзѣніе — и за это наказывается дикимъ индѣйцемъ!—(Онъ снова размахнулъ головой и снова стукнулся силь-

нѣе прежняго). Тамашнія ликовинныя лѣди, по своему корыстолюбію, отвратительны. Они закутываются въ кашемировыя шали, покупаютъ браслеты, швыряютъ по вашей комнатѣ вѣеры и дорогія вещи, давая этимъ знать, что если хочешь восхищаться, то надобно быть тише воды; но по первому призыву онѣ стекутся къ вамъ со всѣхъ сторонъ, чѣмъ бы вы ни были. Онѣ, Магсманъ, просверлятъ тебѣ все сердце, сдѣлаютъ изъ него просто рѣшето. Когда у васъ нечего будетъ дарить, онѣ насмѣются вамъ въ лицо и оставятъ ваши кости на сѣдненіе коршунамъ, бросятъ какъ дикаго осла,—и по дѣломъ!

При этомъ Чопсъ снова стукнулся о стѣну и безъ чувствъ повалился на полъ.

Я ужъ думалъ, что онъ умеръ. Его голова была такъ тяжела, онъ ударялся о стѣну такъ сильно и былъ взволнованъ до такой степени, что я рѣшительно думалъ, что съ нимъ все кончилось.—Однакожь Чопсъ скоро очнулся, сѣлъ на полу, бросилъ на меня выразительный взглядъ (чего прежде за нимъ не водилось)—и сказалъ:

— Магсманъ! Существенная разница между двумя періодами существованія твоего несчастнаго друга,—и Чопсъ вынулъ изъ кармана свою ручонку и отеръ слезы, катившіяся по его усамъ, на возвращеніе которыхъ онъ употреблялъ всѣ свои усилія, но успѣхъ въ этомъ случаѣ не зависить отъ нашихъ усилій: — вся разница заключается въ слѣдующемъ: когда я находился внѣ общества, тогда платили мнѣ деньги за право посмотриѣть на меня; а когда я вступилъ въ общество, тогда мнѣ самому пришлось платить за право смотреѣть на общество. Я отдаю преимущество первому состоянію, даже въ такомъ случаѣ, еслибъ необходимость не принудила меня снова обратиться въ него.—Такъ пожалуйста, Магсманъ, завтра же труби обо мнѣ, по старому.

Послѣ этого онъ снова всталъ на ту же линію, какъ будто ничего не бывало.

Одно только, онъ сталъ молчаливъ; о богатствѣ его не было и помину. Чопсъ съ каждымъ днемъ становился умнѣе; его взглядъ на общество и публику былъ свѣтлый, восторженный, благоговѣйный; вмѣстѣ съ приращеніемъ ума и голова его становилась все больше и больше.

Въ теченіе девяти недѣль онъ держалъ себя хорошо и особенно важнаго ничего не случилось. Въ концѣ этого времени голова его сдѣлалась настоящимъ чудомъ. Однажды вечеромъ послѣ послѣдняго представленія, когда затворили уже на ночь уличныя двери, Чопсъ пожелалъ послушать музыку.

— Мистеръ Чопсъ, сказалъ я (я всегда обращался къ нему съ словомъ «мистеръ»: оно къ нему шло, но ко мнѣ никогда):—мистеръ Чопсъ, можете ли вы, при такомъ состояніи вашего тѣла и души, усидѣть на шарманкѣ.

Не бойся, Тоби, отвѣчалъ онъ:—я не сердитъ теперь ни на толстую лѣди, ни на дикаго индѣйца,—я простилъ ихъ.

Со страхомъ и лихорадочной дрожью я началъ вертѣть рукоятку; Чопсъ однакожь сидѣлъ какъ ягненокъ. Мнѣ кажется, я не забуду до самой смерти увеличенія головы его, происходившаго въ эти минуты; можете вообразить, какое множество мыслей гнѣзилось въ ней. Выслушавъ всѣ пьесы, онъ всталъ.

— Тоби, сказалъ онъ съ спокойной улыбкой:—маленькой человѣчекъ три раза обойдетъ собраніе и потомъ скроется за занавѣсъ.

На слѣдующее утро, вошедши въ его комнату, мы увидѣли, что онъ вступилъ въ общество лучше нашего и лучше общества улицы Полль-Молль. Я, сколько позволили мои средства, сдѣлалъ приличныя похороны; шелъ впереди гроба за церемоніймейстера, неся въ рукахъ, въ видѣ знамя, картину, изображавшую Георга IV.

Послѣ того домъ, въ которомъ мы жили, до такой степени показался мнѣ скучнымъ, что я оставилъ его, и съ тѣхъ поръ веду бродячую жизнь.

— Я не торжествую, сказалъ Джарберъ, свернувъ вторую рукопись и гнѣвно посмотрѣвъ на Тротля.—Я не торжествую надъ этимъ почтеннымъ созданіемъ, я только спрашиваю: доволенъ ли онъ теперь?

— Да можетъ ли быть иначе? сказала я, отвѣчая за Тротля, упорно молчавшаго. На этотъ разъ, Джарберъ, вы не только прочитали презанимательную исторію, но и отвѣтили на вопросъ относительно Пустаго Дома. Ясно, что домъ и по сіе время остается пустымъ. Да и кто согласится нанять его, узнавъ, что онъ нѣкогда служилъ балаганомъ?

Сказавъ это, я взглянула на Тротля, и Джарберъ свисходительно махнулъ рукой по тому же направленію.

— Пусть этотъ превосходный человѣкъ говоритъ, что ему угодно, сказалъ Джарберъ. Вы, кажется, хотѣли что-то сказать?...

— Я только хотѣлъ спросить васъ, сэръ, — угрюмо сказалъ Тротль:—къ какому времени относится послѣдняя ваша исторія?

— Къ какому времени! повторилъ Джарберъ. Да какое вамъ дѣло до времени?

— Мнѣ бы хотѣлось знать, продолжалъ Тротль:—былъ ли Магсманъ послѣднимъ постояльцемъ въ этомъ домѣ? По моему мнѣнію,—извините, если я осмѣливаюсь его высказать, — онъ рѣшительно не былъ послѣднимъ.

Съ этими словами Тротль низко поклонился и спокойно вышелъ изъ комнаты.

Джарберъ, когда мы остались одни, казался крайне встревоженнымъ. Очевидно было, что онъ забылъ справиться о времени пребыванія Магсмана въ Пустомъ Домѣ, и не смотря на то, что хвастался большимъ запасомъ открытій, запасъ этотъ ограничивался только двумя прочитанными рассказами. Побуждаемая чувствомъ благодарности къ нему, я считала себя обязанною вывести его изъ затруднительнаго положенія. Я пригласила его къ чаю въ понедѣльникъ, черезъ недѣлю, въ теченіе которой онъ могъ собрать необходимыя свѣдѣнія и съ помощію ихъ слѣлать Тротлю торжественное возраженіе.

Джарберъ съ утонченною вѣжливостью поцаловалъ мнѣ руку, выразилъ въ немногихъ словахъ свою признательность и удалился. Во всю эту недѣлю я не давала Тротлю ни малѣйшаго повода говорить о Пустомъ Домѣ. Я подозрѣвала, что онъ самъ собиралъ свѣдѣнія, но не хотѣла его спрашивать.

Въ понедѣльникъ вечеромъ Джарберъ явился аккуратно въ назначенный часъ. Онъ казался такимъ разстроеннымъ, что представлялъ собою олицетвореніе слабости и истомы. Я сразу замѣтила, что розыски его не удалось, что мистеръ Магсманъ не былъ послѣднимъ постояльцемъ Пустаго Дома и что причину его опустѣнія еще нужно было отыскивать.

— Никакими словами невозможно выразить того, что я пере-несъ въ это время, сказалъ Джарберъ. О, Софонизба! я снова началъ мои открытія! Примите первые два рассказа на вашъ жертвенникъ всесоженія, но подождите порицать меня за неудовлетвореніе вашего любопытства, пока не услышите нумера третьяго.

Нумеръ третій казался очень коротенькимъ, и я замѣтила это Джарберу. Джарберъ объявилъ, что на этотъ разъ у него стихотворенія. Во время розысковъ онъ зашелъ въ бібліотеку, въ надеждѣ собрать какія нибудь свѣдѣнія по столь важному предмету. Въ бібліотекѣ знали о Пустомъ Домѣ только то, что родственница одного постояльца, послѣ переезда его на другую квартиру, достави-

ла содержателю библіотеки поэму, въ которой описывались событія, относившіяся до Пустаго Дома, и просила напечатать ее. Въ письмѣ она не означила своего адреса и просила библіотекаря (изданіе поэмъ не было въ его характерѣ) хранить рукопись до востребованія. Никто однакожь до сихъ поръ не являлся за ней, и Джарберъ, по усиленной просьбѣ, получилъ позволеніе прочесть ее мнѣ.

Прежде чѣмъ Джарберъ началъ читать, я позвонила, рѣшившись позвать Тротля, чтобы онъ непременно выслушалъ новое чтеніе; я считала это за полезное средство къ искорененію его упрямства. Къ моему удивленію Пегги отвѣчала, что Тротль вышелъ изъ дому, не сказавъ куда. Я тотчасъ догадалась, что онъ принялся за свои старыя проказы: уйти изъ дому вечеромъ, безъ позволенія, — это прямо означало волокитство.

Удерживая себя отъ гнѣва въ присутствіи Джарбера, я отпустила Пегги, подавила негодованіе и приготовилась слушать поэму.

Чтеніе продолжалось недолго. Я отъ души похвалила поэму, но въ то же время не могла не замѣтить, что она вовсе не клонилась къ разъясненію тайны Пустаго Дома.

Въ тотъ вечеръ Джарберъ не произвелъ на меня впечатлѣнія, и я не знаю, чему это приписать: отсутствію ли его раздражающаго вліянія или просто усталости; хотя онъ и говорилъ, что его нисколько не страшитъ первая неудача, что онъ рѣшился продолжать открытія, но въ его голосѣ звучала безнадежность. Онъ ушелъ отъ меня ранѣе обыкновеннаго.

Когда Тротль воротился домой и когда я съ негодованіемъ стала упрекать его въ волокитствѣ, онъ не только отклонилъ отъ себя несправедливыя упреки, но утвердительно говорилъ, что ходилъ по моему же дѣлу, а въ заключеніе смѣло попросилъ позволенія отлучиться дня на два, чтобы кончить это дѣло, въ которомъ, какъ онъ торжественно объявилъ, я принимаю живое участіе. Изъ уваженія къ его долговременной службѣ и безкорыстной преданности, я скрѣпя сердце изъяснила согласіе. Съ своей стороны Тротль обязался сообщить мнѣ результаты своего отсутствія, но не ранѣе недѣли, — въ слѣдующій понедѣльникъ вечеромъ.

Дня за два до назначеннаго дня я послала къ Джарберу пригласить его на чашку чаю. Хозяйка дома, гдѣ жилъ Джарберъ, прислала мнѣ отвѣтъ, отъ котораго у меня волосы стали дыбомъ. Его ноги были поставлены въ горячую воду, голова его была укутана въ фланель, глаза прикрывались зеленымъ зонтикомъ; въ ногахъ былъ сильный ревматизмъ, на груди стоялъ горчишникъ. Кромѣ того у него былъ бредъ, сосредоточенный на какомъ-то манчестер-

скомъ бракъ, на карликахъ и на стихахъ, относившихся до Пустаго Дома.

При этихъ горестныхъ обстоятельствахъ, я по необходимости осталась съ однимъ Тротлемъ. Его обѣщанное объясненіе началось, подобно открытіямъ Джарбера, чтеніемъ какой-то рукописи. Разница заключалась только въ томъ, что Тротль представилъ свою рукопись, подъ слѣдующимъ названіемъ:

ДОНЕСЕНІЕ ТРОТЛЯ.

Любопытные факты, описываемые на этихъ страницахъ, быть можетъ остались бы навсегда и для всѣхъ неизвѣстными, если бы пѣкій Тротль не вздумалъ, противъ своего обыкновенія, сдѣлать ихъ гласными.

Предметомъ, по поводу котораго помянутый Тротль въ первый разъ въ своей жизни рѣшился составить свое исключительное мнѣніе, былъ тотъ самый, который уже въ высшей степени заинтересовалъ многоуважаемую госпожу. Выражаясь опредѣлительнѣе, предметомъ этимъ была тайна, которою окруженъ былъ Пустой Домъ.

Надѣясь на достиженіе своей цѣли, въ то время, когда всѣ розысканія мистера Джарбера остались безплодными, Тротль рѣшился въ прошедшій понедѣльникъ вечеромъ сдѣлать свою собственную попытку къ разъясненію тайны Пустаго Дома. Устранивъ отъ себя пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ свѣдѣнія о прежнихъ постояльцахъ, и постоянно имѣя въ виду главную цѣль, онъ старался достичь ее кратчайшимъ путемъ, а именно: отпра-виться прямо въ Пустой Домъ и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ первымъ, кто отворитъ ему двери.

Въ понедѣльникъ, тринадцатаго декабря, при началѣ сумерекъ, Тротль впервые ступилъ на ступеньки этого дома. Рѣшась постучать въ дверь, онъ ровно ничего не зналъ о предметѣ, который намѣревался изслѣдовать; зналъ впрочемъ, что владѣлецъ дома былъ богатый человекъ, пожилыхъ лѣтъ вдовецъ, и что его звали Форли. Для начала и этого было весьма достаточно.

Стукнувъ разъ-другой въ дверь, онъ смотрѣлъ, какое дѣйствіе произведетъ его стукъ на кухонное окно. Въ этомъ окнѣ немедленно явилась женская фигура, бросила пытливый взглядъ на незнакомца, торопливо отбѣжала отъ окна и снова появилась у него съ письмомъ въ рукѣ, обративъ его къ потухавшему дневному свѣту. Бѣгло прочитавъ нѣсколько строкъ, женская фигура снова исчезла.

Вскорѣ послѣ того Тротль услышалъ шарканье ногъ, раздававшееся въ пустой пріемной. Звукъ этотъ внезапно замолкъ и вмѣсто него до слуха Тротля долетѣли звуки двухъ голосовъ—одного рѣз-

каго, произительнаго, старавшагося кого-то убѣдить, — другаго грубаго, не допускавшаго никакихъ убѣжденій. Спусти еще нѣсколько секундъ, голоса замолкли; зазвѣнѣла цѣпь, скрѣплявшая дверныя засовы, — засовы отодвинулись, дверь отворилась, — и Тротль очутился лицомъ къ лицу съ двумя человѣческими существами: съ женщиной у самыхъ дверей и мужчиной нѣсколько поодаль, прислонившимся къ стѣнѣ.

— Позвольте пожелать вамъ добраго вечера, сэръ, — сказала женщина такимъ хриплымъ, каркающимъ голосомъ, что непріятно, даже страшно было ее слышать. — Холодная погода, сэръ, не правда ли?—Сдѣлайте милость, войдите. Вѣдь вы пожаловали отъ добраго мистера Форли, не правда ли, сэръ?

— Не правда ли, сэръ? слышимъ голосомъ пробормоталъ мужчина, представляя собою грубое эхо, и нѣсколько разъ чмокнулъ, воображая, что сказалъ отличную шутку.

Скажи Тротль «нѣтъ», и дверь захлопнулась бы передъ самымъ его носомъ. Но понимая положеніе, въ которое поставили его обстоятельства, Тротль во что бы то ни стало рискнулъ сказать: «да».

— Ну, такъ и есть, — сказала женщина. — Добрый мистеръ Форли писалъ, что вмѣсто него явится къ намъ его задушевный пріятель, и назначилъ время въ понедѣльникъ тринадцатаго числа, когда смеркнется; а если не тринадцатаго, то непременно въ понедѣльникъ двадцатаго, и въ тѣ же часы.

— А вы изволили пожаловать въ понедѣльникъ, тринадцатаго, — не правда ли, сэръ? — значить вы-то и есть задушевный пріятель добраго мистера Форли.... да такъ, такъ... всѣ въ черномъ... это вѣрно. Не угодно ли, сэръ, пожаловать въ столовую; на случай пріѣзда мистера Форли она у насъ постоянно прибрана и очищена; я сію минуту принесу вамъ свѣчку. Теперь по вечерамъ становится такъ темно, что хоть глазъ выколи,—не правда ли, сэръ? А какъ здоровье добраго мистера Форли? — Надѣмся, онъ поправляется, — не правда ли, Бенжеминъ?—Мы очень жалѣемъ, что давно его не видали,—не правда ли, Бенжеминъ? — Черезъ полминуты, сэръ, если это не составитъ вамъ разницы, — я ворочусь со свѣчкой. — Пойдемъ, Бенжеминъ.

— Пойдемъ, Бенжеминъ, — повторило эхо и снова зачмокало, какъ будто въ этихъ словахъ заключалась новая шутка.

Оставленный одинъ съ самимъ собою въ пустой прихожей, Тротль, прислушиваясь къ шарканью и шлепанью башмаковъ и туплей, старался угадать, что будетъ дальше. Уличная дверь была плотно затворена и приперта желѣзными засовами, такъ что безъ шуму не было ни малѣйшей возможности отворить ее и убѣжать.

Къ счастію Тротль, не принадлежа къ разряду Джарберовъ, не слишкомъ беспокоился о своемъ положеніи, и время, проведенное имъ безъ постороннихъ свидѣтелей, онъ употребилъ на соображеніе тѣхъ немногихъ подробностей, которыя уже такъ много способствовали къ разъясненію тайны. Тротль во-первыхъ узналъ, что мистеръ Форли имѣлъ обыкновеніе навѣщать свой домъ въ извѣстные промежутки времени. Во-вторыхъ, что мистеръ Форли, во время болѣзни своей, не позволявшей ему навѣстить людей, уполномоченныхъ присматривать за домомъ, назначалъ вмѣсто себя кого нибудь изъ своихъ друзей, и по этому случаю посылалъ предупредительное письмо. Въ-третьихъ, что другъ мистера Форли избралъ для своего посѣщенія именно понедѣльникъ, и притомъ вечеромъ, при наступленіи сумерекъ; и что Тротль при самомъ началѣ своихъ изслѣдованій случайно попалъ на одинъ изъ этихъ понедѣльниковъ, и какъ нарочно, въ ту пору дня, какъ было написано. Въ-четвертыхъ, что сходство между черной одеждой Тротля, какъ лакея, получившаго дозволеніе не надѣвать ливреи, и одеждой посланнаго (кто бы онъ ни былъ) усиливало мистификацію, чрезъ которую Тротль выигрывалъ. Но въ чемъ заключалось порученіе посланнаго? И развѣ не могло случиться, что онъ пріѣдетъ самъ и поступится въ дверь въ тотъ же самый вечеръ?

Въ то время, когда Тротль дѣлалъ эти соображенія, онъ услышалъ, что шарканье и шлепанье поднимались на лѣстницу, предшествуемая свѣтомъ салыной свѣчи. Онъ, впрочемъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія женщины, потому что глубокіе сумерки не позволяли ему разсмотрѣть въ подробности ни лица женщины, ни лица мужчины.

Женщина шла впереди; за ней слѣдовалъ мужчина, котораго она звала Бенжеминомъ. Это было непріятно; бойкая старуха, страшно тощая и поджарая, съ острыми глазами, острымъ носомъ и подбородкомъ, необыкновенно развязная и постоянно улыбающаяся, съ грязной накладкой волосъ, прикрытыхъ грязнымъ чернымъ чепцомъ, съ коротенькими, ни на минуту не остающимися въ покоѣ руками, съ костлявыми пальцами и длинными когтеобразными ногтями, — необыкновенно крѣпкая старуха, она ходила, припрыгивая, какъ будто въ старыхъ ногахъ ея вставлены были пружины, говорила она постоянно съ улыбкой на старомъ лицѣ, — словомъ, это была старуха, которой, по мнѣнію Тротля, слѣдовало бы жить въ дровніа, покрытыя мракомъ времена, и стоять у какого-нибудь водооя, вмѣсто того, чтобы процвѣтать въ девятнадцатомъ столѣтіи и присматривать за христіанскимъ домомъ.

— Вы вѣроятно извините моего сына, Бенжемина, — не правда

ли, сэръ? сказала эта вѣдьма безъ помела, указывая на мужчину, который стоялъ позади ея, прислонясь къ стѣнѣ столовой, точь-въ-точь, какъ онъ стоялъ за нѣсколько минутъ, прислонясь къ стѣнѣ корридора. У него опять повторился страшный внутренній припадокъ. Онъ не ложится спать, а будетъ ходить за мной повсему дому, «и вверхъ и внизъ, и въ спальню милэди», какъ говорится въ одной пѣснѣ. И все это происходитъ отъ неваренія желудка, а невареніе желудка — прескверная вещь, — не правда ли, сэръ?

— Не правда ли, сэръ? повторилъ Бенжеминъ, глядя на свѣчку и хлопая глазами, какъ сова передъ солнечнымъ свѣтомъ.

Въ то время, какъ страшная старая мать говорила о своемъ дѣтищѣ, Тротль съ любопытствомъ его осматривалъ. Онъ увидѣлъ, что «мой сынъ Бенжеминъ» былъ небольшого роста, въ ветхомъ, засаленномъ, длиннополомъ сюртукѣ, опускавшемся до истасканныхъ туфель. Глаза его были очень влажны, щеки очень блѣдны, губы очень красны. Дышалъ онъ такъ громко, что другой подумалъ бы, что онъ храпитъ, а не дышитъ. Его голова тяжело качалась на чудовищно-огромномъ воротникѣ длиннополога сюртука, неуклюжія руки его плетью спускались отъ плечъ и лихорадочно опцупывали стѣну, какъ будто отыскивая воображаемую бутылку. Выражаясь опредѣлительнѣе, недугъ «моего сына Бенжемина» былъ скотское пьянство, — пьянство запоемъ. Сдѣлавъ такое заключеніе послѣ кратковременнаго наблюденія, Тротль однакожь долго не могъ отвести своихъ глазъ отъ этой безобразной, пьяной головы, качавшейся со стороны на сторону въ чудовищномъ воротникѣ, и смотрѣлъ на нее съ напряженнымъ любопытствомъ, въ которомъ сначала не могъ дать себѣ отчета. Въ чертахъ этого человѣка было что-то знакомое, но что именно — Тротль этого не понималъ. На минуту онъ отвернулся и потомъ снова обратился къ нимъ. Послѣ этого вторичнаго взгляда, Тротль припомнилъ, что дѣйствительно онъ видѣлъ гдѣ-то лицо, грязную копію котораго представляло лицо этого пьяницы. «Но гдѣ? раздумывалъ Тротль: гдѣ я видѣлъ человѣка, котораго такъ живо напоминаетъ мнѣ этотъ отвратительный Бенжеминъ?

При острыхъ глазахъ старухи, осматривающихъ Тротля съ головы до ногъ, при бойкомъ языкѣ ея, не дававшемъ времени Тротлю сказать два-три слова въ замѣнъ двадцати-тридцати, Тротлю некогда было отыскивать въ своей памяти маленькія бездѣлушки, завалившіяся, вѣроятно, въ ея темные уголки. Тротль положилъ въ души своей заняться любопытнымъ обстоятельствомъ, относившимся до лица Бенжемина, при болѣе благопріятномъ случаѣ; въ на-

стоящее время онъ держалъ свои умственные способности въ совершенной готовности на предстоящія надобности.

— Не угодно ли пожаловать на кухню, сэръ? сказала вѣдьма безъ помела, такъ фамиліарно, какъ будто она была матерью Тротля, а не Бенжемина. Тамъ есть огонекъ подъ очагомъ, а въ чистой половинѣ сегодня вовсе нѣтъ кухоннаго запаха. Здѣсь оставаться холодно, особенно для человѣка, у котораго кости еле-еле прикрыты мясомъ. Но вы, кажется, совѣмъ не озябли, сэръ, не правда ли? И опять же наше дѣло такое маленькое, что я ужъ и не знаю, какъ мы перебиваемся. Точно какая нибудь игра, не правда ли? Возьми — и отдай, какъ я называю ее, просто-таки возьми — и отдай!

Съ этими словами острые глаза старой вѣдьмы съ выраженіемъ алчности остановились на жилетномъ карманѣ Тротля; зубы ея зачмокали, какъ у сына; согнувъ костлявые пальцы одной руки, она съ какимъ-то наслажденіемъ защелкала ими по ладони другой. Отвратительный Бенжеминъ, замѣтивъ движеніе матери, немного выпрямился, тоже зачмокалъ и захлопалъ въ подражаніе матери; въ пьяной головѣ его явилась какая-то смутная идея, и онъ проболталъ ее на пользу Тротля.

— Послушай! сказалъ онъ, снова прислонясь къ стѣнѣ и злобно кивая головой бойкой своей матери: — послушай, берегись! Она обещаетъ тебя!

Съ помощію такихъ знаковъ и предостереженій, Тротль безъ затрудненія понялъ, что все это относилось до выдачи денегъ, и что выдачи этой ждали отъ него. Только теперь онъ почувствовалъ невыгодность своего положенія, и лучше желалъ находиться въ эту минуту за порогомъ уличной двери.

Тротль всѣми силами напрягалъ мозгъ, чтобъ придумать какой нибудь предлогъ для сохраненія кармана, какъ вдругъ водворившееся въ комнатѣ молчаніе было внезапно нарушено глухими звуками, выходившими изъ верхней части зданія.

Звуки эти были спокойны, плавны, похожи на шарканье и столь тихи, что не будь это въ пустомъ домѣ, ихъ бы не услышало самое чуткое ухо.

— Слышишь, Бенжеминъ? сказала старуха: — онъ опять за работой, не смотря на темноту. Можетъ статься, вамъ угодно посмотреть его, сэръ? продолжала она, обращаясь къ Тротлю и выдвинувъ впередъ свое гадкое, ухмыляющееся лицо. Вы только скажите, сэръ, что вамъ угодно, прежде чѣмъ займемся нашими дѣлшками, а я провожу друга мистера Форли наверхъ, какъ бы проводила самого мистера Форли. Ноги у меня исправнѣе, чѣмъ у Бенжемина. Я съ каждымъ днемъ становлюсь моложе и моложе,

крѣпче и крѣпче, веселѣе и веселѣе. Если желаете видѣть его, то, пожалуйста, изъ-за меня не стѣсняйтесь.

— Его? Тротль не могъ приложить ума, чтобъ объяснить себѣ это слово. Былъ ли это мужчина, или мальчикъ, или какое нибудь домашнее животное мужскаго пола, — рѣшить этотъ вопросъ не было возможности. Чтò бы впрочемъ ни означало это выраженіе, оно представляло Тротлю возможность отдѣлаться отъ занятія непріятными дѣлишками и, что еще важнѣе, быть можетъ представляло случай узнать одну изъ тайнъ этого таинственнаго дома. Тротль успокоился и сказалъ «желаю» съ увѣренностью человѣка, знавшаго домъ, какъ свои пять пальцевъ.

Мать Бенжемина быстро схватила свѣчку и, поднимаясь по лѣстницѣ, свѣтила Тротлю. Бенжеминъ хотѣлъ было идти за ними; но, переступивъ нѣсколько ступенекъ, притомъ съ помощью перилъ, оставилъ попытку, выполненіе которой, при его особеннаго рода болѣзни, оказалось невозможнымъ. Онъ спустился на одну изъ ступенекъ; голова его склонилась къ стѣнѣ; длинныя полы его сюртука раскинулись около него, спереди, сзади и съ боковъ, какъ грязное подражаніе шлейфу придворной лэди.

— Не сиди тутъ, мой милый, сказала чадолюбивая мать, останавливаясь на первой площадкѣ, чтобы снять со свѣчи.

— А вотъ буду сидѣть, отвѣчалъ донельзя отвратительный Бенжеминъ: — и просижу до утра, пока не придетъ молочница.

Бойкая старуха скоро и ловко поднялась на лѣстницу. Тротль слѣдовалъ за ней, настороживъ и зрѣніе и слухъ. Ни на лѣстницѣ, ни въ пріемной комнатѣ онъ ничего особеннаго не замѣтилъ. Во всемъ домѣ, снизу доверху, было грязно, пусто, душно, но не было ничего такого, что могло бы возбудить любопытство, кромѣ слабого звука, который теперь, когда Тротль поднялся во второй этажъ, становился слышнѣе. Ничего не было и на площадкѣ лѣстницы во второмъ этажѣ, кромѣ паутины и кусковъ обсыпавшейся штукатурки. Мать Бенжемина нисколько не устала, даже не запыхалась; она готова была взлѣзть на вершину лондонскаго пожарнаго столба, еслибъ ее принудила къ тому необходимость. Слабый отдаленный звукъ становился слышнѣе и слышнѣе, но Тротль оставался относительно его въ такомъ же точно недоумѣніи, въ какомъ находился при самомъ началѣ, въ пріемной комнатѣ нижняго этажа.

Наконецъ и третій этажъ. На площадкѣ лѣстницы было двое дверей: одна, замкнутая на замокъ, вели въ мезонинъ, выходившій на лицевой фасадъ дома, — другія, безъ замка, вели въ другой мезонинъ, позади перваго; надъ площадкой находился входъ на чердакъ; толстый слой пыли и паутины убѣдительно говорилъ, что туда дав-

но не ходили. Звукъ, похожій на шарканье, внятно раздавался за дверями задняго чердака, и къ разъясненію недоумѣнія Тротля бойкая старуха отворила именно эту дверь.

Тротль послѣдовалъ за ней, и первый разъ въ жизни онѣмѣлъ отъ удивленія при зрѣлищѣ, которое представилось ему внутри мезонина.

Мезонинъ былъ совершенно пустъ; не было ни одного предмета въ немъ, похожаго на мебель. Видно было, что здѣсь жилъ чело-вѣкъ, профессія котораго или ремесло требовало обилія свѣта, потому что окно, занимавшее почти все пространство въ задней стѣнѣ дома, было вдвое или вчетверо больше обыкновеннаго окна большого мезонина. Подлѣ самаго окна, на голыхъ доскахъ, на колѣняхъ и лицомъ къ дверямъ стояло крошечное дитя, увидѣть которое совершенно одинокимъ, въ такомъ мѣстѣ и въ такую пору дня, никто не подумалъ бы; это былъ худенькій, чахлый, странно одѣтый мальчикъ, которому нельзя было дать больше пяти лѣтъ. Накинута на него засаленная, голубая шаль скрещалась на груди, обхватывала его маленькій станъ, и концы ея, чтобъ не волочились по полу, были завязаны на его спинѣ огромнымъ узломъ. Изъ-подъ шали выглядывалъ лоскутокъ старой фланелевой юбки; черные чулки съ взрослого человека покрывали его ноги; красныя ручонки прикрывались поголенками отъ старыхъ шерстяныхъ чулковъ; огромный ночной колпакъ, спускавшійся на глаза, заключалъ странный костюмъ ребенка, который былъ слишкомъ малъ для каждаго отдѣльнаго предмета въ костюмѣ, и слишкомъ слабъ, чтобы таскать на себѣ такую ношу.

Но еще страннѣе и необыкновеннѣе этого наряда была игра, которою онъ былъ занятъ и которая сейчасъ же объяснила звуки, проходившіе, среди безмолвія Пустаго Дома, черезъ полуоткрытую дверь, по лѣстницѣ въ нижній этажъ.

Было уже сказано, что ребенокъ стоялъ на колѣняхъ, когда Тротль увидѣлъ его. Онъ не молился и не принялъ этого положенія, чтобъ отдѣлаться отъ страха, возбуждаемаго въ немъ одиночествомъ и темнотою. Чтò бы вы думали — онъ дѣлалъ? — Онъ исправлялъ обязанность поломойки или горничной и мылъ полъ. Обѣими ручонками онъ держалъ старую сапожную щетку, совершенно безъ щетины, и теръ ею полъ такъ серьезно и такъ прилежно, какъ будто занимался этой работой нѣсколько лѣтъ и какъ будто этимъ трудомъ поддерживалъ огромное семейство. Приходъ Тротля и старухи нисколько его не встревожилъ. Свѣтлыми своими острыми глазами онъ посмотрѣлъ на свѣчу и снова принялся за работу, какъ ни въ чемъ не бывало. Подлѣ него

съ одной стороны стоялъ обломокъ соусника съ ручкой, замѣнявшій въ воображеніи ребенка лоханку, съ другой лежалъ обрывокъ грязной свинцоваго цвѣта тряпки, замѣнявшей фланель для вытиранья пола. Послѣ двухъ-минутнаго тренія щеткой, онъ взялъ тряпку, вытеръ ею полъ, приподнял ее и выжалъ воображаемую воду въ воображаемую лоханку, и все это дѣлалъ съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ, какое не всегда можно увидѣть даже на лицѣ судьи. Когда ему показалось, что полъ довольно чистъ и сухъ, онъ выпрямился, вздохнулъ, поправилъ лохмотья на ручонкахъ и, взглянувъ на Тротля, кивнулъ головой.

— Кончилъ! сказалъ онъ, нахмуривъ свои маленькіе брови. Всю грязь соскоблilъ! Теперь кажется чисто! Гдѣ же мое пиво?

Мать Бенжемина продолжала чмокать; въ груди ея что-то клокотало; Тротль думалъ, что это клокотанье ее задушить.

— Господи, Твоя воля! — сказала она: — слышите, какой пострѣльнокъ! Вѣдь вы не повѣрите, что ему всего пять лѣтъ; вѣдь не повѣрите, сэръ? Пожалуйста, скажите доброму мистеру Форли, что онъ ведетъ себя по прежнему, моего полъ и потомъ спрашиваетъ, гдѣ его пиво? Это его обыкновенная игра утромъ, въ полдень и вечеромъ, и она ему не надоѣдаетъ. Посмотрите, какъ мы бережемъ его, одѣваемъ его. На немъ моя шаль, — она согрѣваетъ его драгоценное тѣлцо; на немъ кофакъ Бенжемина, чтобъ не озябла его драгоценная головка; на немъ чужки Бенжемина, чтобъ не простудились его драгоценныя ножки. Мы бережемъ его и холимъ; онъ у насъ счастливъ.

Ну-ка скажи, мой милашка: — «гдѣ же мое пиво?» — скажи-ка, скажи же еще разъ!

Еслибъ Тротль увидѣлъ этого ребенка при огнѣ, въ темной комнатѣ, одѣтаго, подобно другимъ дѣтямъ, играющаго волчкомъ, оловянными солдатиками или резиновымъ мячкомъ, то можетъ быть, даже при этихъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы также доволенъ имъ, какъ и сама старуха. Но при видѣ ребенка, принужденнаго, за неимѣніемъ дѣтскихъ игрушекъ и дѣтскаго общества, заняться вмѣсто игры подражаніемъ поломойкѣ, — для Тротля, хотя и холостатаго человѣка, это зрѣлище казалось самымъ прискорбнымъ, самымъ возмутительнымъ, — зрѣлищемъ, какого онъ не видѣлъ въ теченіе всей своей жизни.

— О, мой милый, — сказалъ Тротль: — ты, какъ я вижу, первый смѣльчакъ во всей Англіи. Ты совсѣмъ не боишься оставаться въ совершенно-пустыхъ стѣнахъ и въ совершенной темнотѣ.

— А большое окно-то зачѣмъ? сказалъ ребенокъ, указывая на окно: — при этомъ окнѣ можно видѣть и въ потьмахъ.

Онъ замолчалъ, всталъ съ колѣнъ и пристально посмотрѣлъ на мать Бенжемина.

— Я вѣдъ умница, — сказалъ онъ: — не правдали? Я сберегаю свѣчи!

Тротль хотѣлъ узнать, какое другое развлеченіе имѣлъ этотъ заброшенный, одинокій ребенокъ, и поэтому рискнулъ сдѣлать вопросъ: позволяютъ ли ему иногда поиграть, побѣгать на чистомъ воздухѣ?

— О, какъ же! — выбѣгаетъ отъ времени до времени и за двери, не говоря уже о томъ, что бѣгаетъ по всему дому, — шалунъ ужасный! — бѣгаетъ, гуляетъ, согласно инструкціи нашего добраго мистера Форли, которой мы слѣдуемъ буквально; это конечно пріятно слышать другу добраго мистера Форли.

Тротль могъ бы отвѣтить, что, по его мнѣнію, инструкціи добраго мистера Форли, имѣютъ адское свойство. Но зная, что такой отвѣтъ оказался бы смертельнымъ ударомъ для дальнѣйшихъ открытій, проглотилъ свое негодованіе, удержалъ языкъ и посмотрѣлъ на окно, воображая узнать отъ него, чѣмъ другимъ еще забавлялся несчастный ребенокъ.

Ребенокъ поднялъ сапожную щетку и тряпку, положилъ ихъ въ воображаемую лоханку и съ этими принадлежностями потащился, насколько позволяло навьюченное на немъ платье, къ двери, соединившей задній мезонинъ съ переднимъ.

— Для чего вы стоите здѣсь? — рѣзко сказалъ онъ, посмотрѣвъ на насъ черезъ плечо. — Я иду спать — вотъ что!

Вмѣстѣ съ этимъ онъ отворилъ дверь и вошелъ въ переднюю комнату. Бенжеминова мать, увидѣвъ, что Тротль сдѣлалъ движеніе, чтобы слѣдовать за мальчикомъ, выразила въ своихъ старыхъ глазахъ величайшее удивленіе.

— Помилуйте, — сказала она: — неужели вы еще мало его видѣли?

— Мало, отвѣчалъ Тротль: — я хочу видѣть, какъ онъ ляжетъ спать.

Въ груди старухи началось такое клокотанье, что щипцы, лежащія на подсвѣчникѣ, забрякали отъ содроганія ея руки. Возможно ли, чтобъ другъ добраго мистера Форли безпокоился объ этомъ чертенкѣ въдесятеро больше самого мистера Форли? Такой диковинки Бенжеминова мать не видала въ теченіе всей своей жизни, и потому просила извинить ее, если она посмѣется надъ этимъ.

Предоставивъ ей смѣяться, сколько душѣ угодно и пришедшъ къ довольно-положительному заключенію, что попеченія добраго мистера Форли объ этомъ маленькомъ созданіи не отличались особенною нѣжностію, Тротль вошелъ въ переднюю комнату; за нимъ вошла и старуха, задыхаясь отъ смѣха.

Въ этой комнатѣ находились два предмета, которые можно было отнести къ мебели: старый табуретъ изъ разряда тѣхъ, на которыхъ обыкновенно ставятъ пивные боченки, и огромная ветхая складная кровать. Посрединѣ этой кровати, завѣшенной полинялымъ коричневымъ мѣшочнымъ холстомъ, находилась груда различной ветоши и хлама; старое изголовье, почти безъ перья, сложенное втрое, замѣняло подушку; обрывокъ стеганого, штопаннаго одѣяла, и подъ нимъ двѣ полинялыя волосяныя подушки со ступень служили вмѣсто тюфяка. Когда Тротль вошелъ въ комнату, одинокій маленькій мальчикъ съ помощью пивной табуретки вскарабкался на постель, сталъ на колѣни и взялъ въ руки концы одѣяла, приноровясь заткнуть ихъ подъ волосяныя подушки.

— Я укутаю тебя, мой милый, сказалъ Тротль. Прыгай скорѣй на постель.

— Я самъ укутаюсь, возразилъ несчастный заброшенный ребенокъ: — и я вовсе не хочу прыгать. Я подползу подъ одѣяло, вотъ и все тутъ.

Сказавъ это, ребенокъ началъ подтыкать концы лохмотьевъ подъ бока подушекъ; потомъ выпрямившись на колѣняхъ и пристально посмотрѣвъ на Тротля, какъ будто говоря: что вы думаете, предлагая услуги свои такому ловкому мальчику? — онъ приступилъ къ развязыванью шали и кончилъ этотъ трудъ менѣе, чѣмъ въ полминуты. Послѣ того, сложивъ вдвое шаль и положивъ ее въ ногахъ кровати, сказалъ: «смотрите же» и вмѣстѣ съ тѣмъ юркнулъ подъ одѣяло, и потихоньку началъ ползти выше и выше, пока наконецъ изъ-подъ одѣяла, въ верхней части кровати, показался огромный ночной колпакъ. Этотъ головной уборъ, несоразмѣрный съ дѣтской головой, во время путешествія ребенка къ подушкѣ, спускался все ниже и ниже, и наконецъ, когда голова ребенка высунулась изъ подъ одѣяла, — спустился до самаго подбородка. Ребенокъ скоро однакожь исправилъ это неудобство, заворотивъ низъ колпака до половины лба, потомъ взглянулъ на Тротля и сказалъ: «теперь хорошо, — неправда ли? Прощайте!» Сказавъ это, онъ снова юркнулъ подъ одѣяло; одна только верхушка огромнаго колпака какъ-то неловко торчала посрединѣ подушки.

— Не правда ли, какой проворный мальчикъ? сказала старуха, съ самодовольной улыбкой подталкивая Тротля подъ локоть. Пойдемте же внизъ. — Теперь вы больше ничего не увидите.

— Это правда! прозвенѣлъ изъ-подъ одѣяла дѣтскій голосъ въ видѣ игриваго финала къ послѣднимъ словамъ Бенжеминовой матери.

Еслибъ Тротль не рѣшился въ это время положительно изслѣдо-

вать тайну, на которую навелъ его случай, изслѣдовать ее по всѣмъ извилинамъ и изворотамъ до самаго конца, онъ вѣроятно схватилъ бы мальчика въ тотъ же моментъ и унесъ бы его изъ этого заточенія вмѣстѣ съ тряпьемъ, замѣнявшимъ ему постель и одѣяло; какъ бы то ни было, онъ всячески старался обуздывать въ себѣ душевные порывы и, въ полной увѣренности узнать что нибудь болѣе, позволилъ матери Бенжемина вести его внизъ.

Пожалуйста, не опирайтесь на перила, сказала старуха въ то время, когда Тротль положилъ на нихъ свою руку:—они весьма не надежны.

— Когда къ вамъ приходятъ желающіе нанять домъ, вы вѣроятно не показываете имъ этой комнаты? спросилъ Тротль, намѣреваясь еще глубже проникнуть въ тайну этого дома.

— Помилюте! какъ это можно, отвѣчала старуха:—впрочемъ теперь почти никто и не приходитъ. Уже одна наружность дома отбиваетъ охоту заглядывать въ него. Для меня это очень прискорбно. Бывало это служило развлеченіемъ; страшная цѣна за наши дома пугала всякаго, особливо женщинъ. Какъ велика годовая плата за этотъ домъ?

— «Сто двадцать фунтовъ»

— «Сто двадцать фунтовъ?—да во всей здѣшней улицѣ нѣтъ дома дороже восьмидесяти фунтовъ.»

— «Очень можетъ быть, ма'мъ; — другіе домохозяева могутъ понижать арендную плату насколько имъ угодно; но нашъ хозяинъ не гонится за постояльцами и намѣренъ получать съ своего дома если не больше, то никакъ не меньше того, что получалъ его отецъ.»

— «Но вѣдь съ того времени въ здѣшней части города произошло много переменъ!»

— «Сто двадцать фунтовъ, мадамъ.»

— «Вашъ хозяинъ должно быть сѹмасшедшій!»

— «Сто двадцать фунтовъ, мадамъ.»

— «Отворите дверь! вы наглая женщина!»

— О Боже! съ какимъ наслажденіемъ смотрѣла я на нихъ, когда онѣ съ гнѣвомъ и бѣшенствомъ убѣгали отсюда; звукъ непомѣрно высокой цѣны раздавался въ ихъ ушахъ до послѣдняго дома въ нашей улицѣ!

На второй площадкѣ она остановилась перевести духъ, между тѣмъ какъ Тротль старался изъ словъ ея вывести заключеніе.

— Тутъ очевидны два вывода, думалъ онъ:—домъ остается пустымъ съ намѣреніемъ, и для этого назначается наемная цѣна, которой никто не хочетъ платить.

— Ахъ, Боже мой! — сказала старуха, внезапно перемѣняя разговоръ и обращаясь съ ужасающей быстротой къ непріятному для Тротля разговору, прерванному въ пріемной нижняго этажа. — Того, что мы дѣлаемъ для мистера Форли, нельзя выразить никакими словами! Достаточно поставить на видъ величайшій трудъ и хлопоты, которые мы принимаемъ на себя, мы, то есть, Бенжемнигъ и я, — чтобы беречь этого чертенка, котораго вы видѣли. Если бы доброму мистеру Форли угодно было подумать, какъ много онъ обязанъ Бенжемнину и мнѣ....

— Справедливо, — сказалъ Тротль, прервавъ патетическую рѣчь старухи и видя возможность съ помощію послѣднихъ ея словъ ловко проскользнуть сквозь ея пальцы. Но что вы скажете мнѣ, если я объявлю вамъ, что мистеръ Форли, вовсе не такъ мало думаетъ объ этомъ, какъ вы воображаете? Вы только разочаруетесь, если скажу вамъ, что я пришелъ сегодня безъ денегъ (при этомъ нижняя сухая челюсть старухи совершенно нависла и старые плутовскіе глаза ея засверкали, выражая паническій страхъ). — Но что вы отвѣтите мнѣ, если я скажу, что мистеръ Форли ждетъ отъ меня донесенія, чтобы послать меня сюда въ слѣдующій понедѣльникъ, въ сумерки, съ особымъ порученіемъ? — Что вы скажете на это?

Вмѣсто отвѣта, старая вѣдьма бросилась на Тротля и такъ плотно прижала его въ уголъ, что у него захватило дыханіе.

— Вы не забудете вотъ этого счета? — вскричала она, приподнявъ одну руку и согнувъ костлявые пальцы прямо передъ лицомъ Тротля.

— А если я вмѣсто одной руки покажу двѣ? — сказалъ Тротль, оттолкнувъ ее, и опрометью побѣжалъ по лѣстницѣ.

Тротль счелъ за лучшее не повторять отвѣтъ старухи на послѣдній вопросъ. Очарованная открывавшейся передъ ней блестящей перспективой, эта лицемѣрка позволила себѣ упомянуть священныхъ именъ и лица, которыя не должны бы были приближаться къ ея устамъ, и осыпала голову Тротля такимъ страшнымъ градомъ благословеній, отъ которыхъ у послѣдняго волоса стали дыбомъ. Онъ бѣжалъ съ лѣстницы съ быстротою, доступною для его старыхъ ногъ, и потомъ, передъ послѣдними ступеньками, вдругъ обстенилъ паруса, какъ выражаются моряки. Здѣсь, поперегъ всей лѣстницы, лежалъ Бенжемнигъ. Опыляемый, онъ, какъ и надо было ожидать, развалился и заснулъ тяжелымъ сномъ.

Видъ этого человѣка внезапно напомнилъ Тротлю любопытное сходство, открытое имъ между лицомъ Бенжемнина и лицомъ другаго человѣка, котораго онъ видѣлъ гдѣ-то. Тротль до выхода изъ

дома рѣшился еще разъ взглянуть на это жалкое, рязное созданіе; и въ силу такой рѣшимости живо растолкалъ его и прислонилъ къ стѣнѣ, прежде чѣмъ мать успѣла вмѣшаться въ это дѣло.

— Оставьте его мнѣ; я освѣжу его, сказалъ Тротль, пристально глядя въ лицо Бенжемина.

Испугъ и изумленіе отъ внезапнаго пробужденія, повидимому, въ четверть минуты протрезвили несчастнаго. Когда онъ открылъ глаза, то свѣжее выраженіе ихъ мелькнуло въ памяти Тротля быстро и ярко, какъ молнія. Спустя минуту, они снова приняли свое сонное, тусклое, бессмысленное выраженіе и затемнили все признаки былаго блеска. Для Тротля достаточно было перваго момента, и онъ оставилъ Бенжемина въ покоѣ.

— До сумерекъ будущаго понедѣльника, — сказалъ онъ, рѣзко прерывая болтовню старухи на счетъ неваренія Бенжеминова желудка. Сегодня мнѣ рѣшительно некогда, мадамъ: пожалуйте, отворите дверь.

Еще нѣсколько благословеній, еще нѣсколько почтительныхъ посланій доброму мистеру Форли, еще нѣсколько дружескихъ напоминаній о сумеркахъ слѣдующаго понедѣльника — и тягостное прощанье кончилось. Дверь отворилась и Тротль, къ невыразимому удовольствію своему, снова увидѣлъ себя за порогомъ Пустаго Дома.

НАКОНЕЦЪ ПУСТОЙ ДОМЪ ПЕРЕСТАЕТЪ БЫТЬ ПУСТЫМЪ,

— Я кончилъ, мадамъ! сказалъ Тротль, свернувъ рукопись и съ торжествующимъ видомъ положивъ ее на столъ.

— Смѣю ли спросить, что вы думаете на счетъ моего донесенія, или вѣрнѣе, на счетъ догадки, моей собственной, а не мистера Джарбера, относительно Пустаго Дома.

Въ теченіе минуты или двухъ я не въ состояніи была сказать ни одного слова. Первый мой вопросъ, когда я нѣсколько оправилась, относился до бѣднаго, заброшеннаго мальчика.

— Сегодня понедѣльникъ, двадцатое число, сказала я. Тротль, неужели ты пропустишь цѣлую недѣлю, не сдѣлавъ попытки узнать чего нибудь болѣе?

— За исключеніемъ часовъ, опредѣленныхъ для обѣда и ночнаго отдыха, мадамъ, я не пропущу ни минуты, отвѣчалъ Тротль. Прошу васъ понять, что я кончилъ только то, что написано въ моемъ донесеніи, а не то, что я намѣренъ сдѣлать. Я записалъ эти первыя подробности, ма'мъ, потому, что онѣ довольно важны, и потому еще, что я рѣшился выступить на сцену своихъ открытій съ письменными документами, какъ это угодно было

сдѣлать мистеру Джарберу при самомъ началѣ его открытіи. Теперь я готовъ продолжать вторую часть донесенія изустно; оно будетъ и короче и яснѣе. Прежде всего я долженъ коснуться семейныхъ дѣлъ мистера Форли. Я слышалъ, мадамъ, вы иногда говорили о нихъ; и изъ вашихъ словъ я понялъ, что мистеръ Форли имѣлъ отъ покойной жены двухъ дочерей. Старшая вышла замужъ, къ полному и совершенному удовольствію отца, за мистера Бэйна, богатаго человека, занимавшаго высокое правительственное мѣсто въ Канадѣ. Она и по сіе время живетъ тамъ съ своимъ мужемъ и единственнымъ дитятей, восьми или девятилѣтней дѣвочкой. Кажется, это такъ, мадамъ?

— Совершенно такъ, отвѣчала я.

— Вторая дочь, продолжалъ Тротль:—и фаворитка мистера Форли, обманула его надежды и ожиданія и погубила себя вступленіемъ въ бракъ съ человѣкомъ низкаго происхожденія, съ помощникомъ шкипера какого-то коммерческаго корабля, съ мистеромъ Кирклэндъ. Мистеръ Форли не только не простилъ этого брака, но поклялся жестоко отомстить за него на мужъ и жену. Мужъ и жена однакожь избѣжали этого преднамѣреннаго мщенія. Мужъ утонулъ во время перваго вояжа послѣ брака, жена умерла въ родахъ. Кажется, ма'мъ, и это справедливо?

— Совершенно справедливо.

— Сдѣлавъ это вступленіе, мы возвратимся теперь, мадамъ, къ мнѣ и къ моимъ дѣйствіямъ. Въ прошлый понедѣльникъ я получилъ отъ васъ позволеніе отлучиться на два дня; это время я употребилъ на разъясненіе обстоятельства относительно лица Бенжемина. Въ субботу меня не было дома, и въ то время, когда вы потребовали меня, я игралъ въ дурачки съ моимъ старымъ пріятелемъ, главнымъ писцомъ въ конторѣ одного адвоката; утро мы провели съ нимъ въ общинѣ адвокатовъ надъ разсмотрѣніемъ духовнаго завѣщанія отца мистера Форли. Оставивъ на время въ сторонѣ это завѣщаніе, я попрошу васъ, мадамъ, если не встрѣтите препятствія, заняться дѣломъ по предмету лица Бенжемина. Лѣтъ шесть или семь тому назадъ я, благодаря вашему добродушію, получилъ позволеніе провести нѣкую недѣлю съ моими друзьями въ маленькомъ городкѣ Пендльбири. Одинъ изъ этихъ друзей (одинъ только онъ и существуетъ теперь въ томъ городѣ) содержалъ аптеку, въ которой я познакомился съ городскимъ врачомъ, по имени Баршамъ. Этотъ Баршамъ былъ превосходный хирургъ и могъ бы сдѣлаться первымъ по своей профессіи, еслибъ не былъ величайшимъ негодяемъ. Онъ пилъ и игралъ, такъ что въ Пендльбири никто не хотѣлъ обращаться къ нему, и въ то время, когда я познакомился съ нимъ въ аптекѣ, дру-

гой докторъ, мистеръ Миксъ, много уступавшій Баршаму въ медицинскихъ познаніяхъ, но человѣкъ респектабельный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, завладѣвъ всею практикой. Послѣ этого Баршамъ и его мать жили въ такой страшной бѣдности, что всѣ удивляются, какимъ образомъ они не попали въ богадѣльню.

— Неужели это Бенжеминъ и его мать?

— Такъ точно, мадамъ. Въ прошлый четвергъ поутру (тоже благодаря вашему добродушію) я отправился въ Пендльбири къ моему пріятелю, аптекарю, навести нѣкоторые справки о Баршамъ и его матери. Я узналъ, что лѣтъ пять тому назадъ они выѣхали изъ города. Выпнувъ въ обстоятельства этого выѣзда, я узналъ изъ отвѣтовъ доктора нѣкоторыя странныя подробности. Безъ сомнѣнія, мадамъ, вамъ безызвѣстно, что несчастная мистриссъ Кирклэндъ во время отсутствія мужа проживала въ деревнѣ Флятфильдъ; тамъ она скончалась и тамъ ее похоронили. Но вамъ быть можетъ неизвѣстно, что деревня Флятфильдъ находится въ трехъ миляхъ отъ Пендльбири, что докторъ, лѣчившій мистриссъ Кирклэндъ, былъ Баршамъ, что нянька, ухаживавшая за больной, была мать Баршама, что особа, приглашавшая на этотъ трудъ сына и мать, былъ мистеръ Форли. Писала ли ему дочь о своемъ положеніи, или онъ узналъ объ этомъ какимъ нибудь другимъ путемъ, не знаю; но только мистеръ Форли, не смотря на клятву, никогда не видѣлъ дочь свою, провелъ у нея мѣсяць и даже болѣе, до ея разрѣшенія, и безпрестанно развѣзжалъ между Флятфильдомъ и Пендльбири. Какимъ образомъ онъ сошелся съ Баршамами—узнать въ настоящее время невозможно; но то достоверно, что онъ умѣлъ пьяницу доктора держать въ трезвомъ видѣ; достоверно и то, что Баршамъ отправился къ бѣдной женщинѣ въ здоровомъ разсудкѣ, что его мать, возвратясь изъ Флятфильда послѣ смерти мистриссъ Кирклэндъ, торопливо собрала всѣ свои пожитки и ночью тайно оставила городъ. Наконецъ, другой докторъ, мистеръ Диксъ, былъ приглашенъ на помощь, спустя недѣлю послѣ рожденія и погребенія ребенка, когда мать быстро умирала отъ изнуренія, которое, надо отдать справедливость негодлю Баршаму, произошло, по мнѣнію мистера Дикса, не отъ неправильнаго лѣченія, но отъ тѣлеснаго ослабленія....

— Послѣ погребенія ребенка? прервала я, дрожа всѣмъ тѣломъ. Тротль, ты кажешься еще нарочно сдѣлалъ удареніе на это слово.... ты и теперь какъ-то странно смотришь на меня....

Тротль нагнулся ко мнѣ и чрезъ окно указалъ на Пустой Домъ.

— Смерть ребенка занесена въ метрическую книгу пендльбирійскаго прихода, сказалъ онъ:—по свидѣтельству Баршама, подъ загла-

вѣсть: «младенецъ мужескаго пола, вскорѣ послѣ рожденія». Гробъ ребенка лежитъ въ могилѣ матери на Флятфильдскомъ кладбищѣ, а самый ребенокъ живетъ и дышетъ въ настоящее время, какъ живу и дышу я, заброшенный, заточенный въ этомъ разбойническомъ домѣ.

Я невольно отклонилась на спинку моего кресла.

— Конечно, это догадка, но мнѣ слается, что догадка эта очень близка къ истинѣ. Потрудитесь, мадамъ, подумать немного. Последнія свѣдѣнія о Баршамъ заключаются въ томъ, что онъ лѣчилъ непокорную дочь мистера Форли. Послѣ того я узнаю, что Баршамъ находится въ домѣ мистера Форли, что ему ввѣрена тайна. Онъ и его мать внезапно и подозрительно оставляютъ Пендльбри пять лѣтъ тому назадъ; у него и у матери пятилѣтній ребенокъ, котораго они скрываютъ въ этомъ домѣ. Повремените, мадамъ, пожалуйста повремените: я еще не кончилъ. Духовное завѣщаніе отца мистера Форли подтверждаетъ подозрѣніе. Пріятель мой, съ которымъ мы ходили въ общину адвокатовъ, взялъ на себя трудъ разобрать этотъ документъ, и когда кончилъ свой трудъ, я предложилъ ему слѣдующіе два вопроса: «можетъ ли мистеръ Форли оставить свои капиталы кому захочетъ, по своему усмотрѣнію?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ мой пріятель:—его отецъ предоставилъ ему право пользоваться по жизни одними только процентами.» — «Ну, положимъ, что одна изъ замужнихъ дочерей мистера Форли, имѣетъ дочь, а другая сына—кому должны перейти завѣщанные капиталы?» — «Разумѣется мальчику, сказалъ пріятель:—всѣ сполна, за исключениемъ развѣнъкоторой части изъ дохода въ пользу его кузины. Послѣ смерти кузины и эта часть поступаетъ ему же и потомъ все переходитъ къ его наследникамъ!» Примите это, ма'мъ, въ соображеніе! Дитя дочери, которую мистеръ Форли ненавидитъ, мужъ которой избѣгаетъ его мнѣнія, отнимаетъ на зло ему все его состояніе, а дитя другой дочери, которую онъ любитъ, должно получать положенную пенсію отъ своего шзкаго родомъ кузена! Тутъ была побудительная, слишкомъ побудительная причина, показать ребенка мистриссъ Кирклэндъ умершимъ, вскорѣ послѣ рожденія. И если, какъ я думаю, показаніе это основано на ложномъ свидѣтельствѣ, то еще яснѣе становится, почему должно было скрывать существованіе этого ребенка на чердакѣ Пустаго Дома, почему должны быть изглажены всѣ слѣды его происхожденія.

Тротль остановился и снова указалъ на тусклыя, покрытыя пылью окна сосѣдняго мезонина. Въ эту минуту я вздрогнула отъ испуга; я находилась въ такомъ настроеніи, что достаточно было легка-

го шороха, чтобъ испугать меня, а тѣмъ болѣе удара, который раздался въ дверь моей комнаты.

Къ намъ вошла горничная съ письмомъ въ рукѣ. Я взяла его. Траурная карточка, лежавшая въ конвертѣ, выпала изъ моихъ рукъ.

Джоржа Форли уже болѣе не существовало. Онъ отошелъ изъ здѣшней жизни три дня тому назадъ, въ пятницу вечеромъ.

— Неужели вмѣстѣ съ нимъ исчезла и послѣдняя возможность открыть истину? спросила я. Неужели она умерла вмѣстѣ съ его смертью?

— Не унывайте, мадамъ! Я не думаю. Возможность эта заключается въ нашей власти принудить Баршама и его мать признаться; смерть мистера Форли, оставляя ихъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, по видимому, прямо передастъ эту власть въ наши руки. Съ вашего позволенія, я не буду ждать сумерекъ, и приступаю къ дѣлу сейчасъ же. Съ переодѣтымъ полицейскимъ, который будетъ наблюдать за домомъ, чтобы Баршама не вздумали дать тягу, — съ этой карточкой, которая убѣдитъ ихъ въ смерти мистера Форли, — съ полнымъ сознаніемъ, что мнѣ извѣстна ихъ тайна и что я во всякое время могу располагать ею въ невыгодную для нихъ сторону, я нисколько не теряю надежды довести ихъ до чистосердечнаго признанія. Въ случаѣ, если я найду невозможнымъ воротиться сюда ранѣе сумерекъ, то пожалуйста, передъ тѣмъ какъ станутъ зажигать уличные фонари, присядьте къ окну и наблюдайте за Пустымъ Домомъ. Если вы замѣтите, что парадная дверь его отворится и потомъ снова затворится, то будьте такъ добры — надѣньте шляпку и не медля ни минуты перейдите черезъ улицу. Кончина мистера Форли можетъ ускорить или замедлить появленіе его посланнаго. Но если этотъ посланный явится, то вамъ, какъ родственницѣ мистера Форли, необходимо увидѣться съ нимъ; вы въ состояніи будете произвесть на него впечатлѣніе, чего я не могу принять на себя.

Единственные слова, которыя я могла сказать Тротлю въ то время, какъ онъ отворилъ дверь и оставилъ меня, выражали желаніе, чтобы онъ берегъ бѣднаго, заброшеннаго мальчика.

Оставшись одна, я придвинула къ окну кресло и съ удвоеннымъ біеніемъ сердца смотрѣла на преступный Пустой Домъ. Время длилось безконечно долго до той минуты, пока въ отдаленномъ концѣ улицы не раздался звукъ остановившагося кэба. Я посмотрѣла въ ту сторону и увидѣла, что изъ кэба выскочилъ Тротль, подошелъ къ Пустому Дому и постучалъ въ парадную дверь. Его впустила въ домъ мать Баршама. Минуты двѣ спустя, къ Пустому Дому подошелъ прилично одѣтый мужчина, посмотрѣлъ на него и удалился на уголъ

ближайшей улицы. Здѣсь онъ прислонился къ фонарному столбу, закурилъ сигару и принялъ беззаботную позу, но въ тоже время не спускалъ глазъ съ Пустаго Дома.

Въ свою очередь и я не спускала глазъ съ этого дома, особливо съ дверей. Наконецъ мнѣ показалось, что они отворились и потомъ медленно затворились. Хотя я и старалась сохранить хладнокровіе, но дрожала всѣмъ тѣломъ такъ сильно, что принуждена была позвать Пегги надѣть на меня шляпку и плащъ и проводить черезъ улицу.

Не успѣли мы постучаться, какъ Тротль отворилъ двери. Пегги ворочилась, а я въ первый разъ переступила черезъ порогъ Пустаго Дома: Тротль держалъ въ рукѣ свѣчу.

— Какъ я думаю, мадамъ, такъ случилось, — прошепталъ онъ, провожая меня въ холодную, негостепріимную, пустую комнату. Баршамъ и его мать сообразили свои выгоды и во всемъ признались. Догадки мои уже болѣе недогадки: онѣ обратились, чего я давно ожидалъ, въ истину!

Чувство, для меня необычайно странное, чувство, которое должно быть знакомо матерямъ, внезапно пробудилось въ сердцѣ и вызвало на глаза мои горячія слезы. Я взяла моего вѣрнаго слугу за руку и просила показать мнѣ дитя мистриссъ Кирклэндъ; я умолила его сдѣлать это именемъ матери несчастнаго ребенка.

— Если вамъ угодно, мадамъ, сказалъ Тротль съ необыкновенной нѣжностью, чего до этой поры я въ немъ не замѣчала. Но, въ свою очередь, я попрошу васъ немного подождать. Вы и безъ того сильно взволнованы; а первая встрѣча съ ребенкомъ не возвратитъ вамъ хладнокровія, которое такъ необходимо при появленіи посланнаго мистера Форли. Ребенокъ наверху и внѣ всякой опасности. Прошу васъ прежде всего успокоиться; помните, что вамъ придется говорить съ совершенно-незнакомымъ человѣкомъ, и послѣ того, повѣрьте мнѣ, вы не выйдете изъ этого дома, не взявъ съ собой ребенка.

Я сознавала справедливость словъ преданнаго Тротля и терпѣливо заняла кресло, которое онъ заблаговременно поставилъ. Открытіе безчестныхъ поступковъ моего родственника до такой стѣпени показалось мнѣ ужаснымъ, что я, когда Тротль вызвался познакомить меня съ вынужденнымъ признаніемъ Баршама и его матери, попросила избавить меня отъ излишнихъ подробностей и рассказать только то, что относилось до Джоржа Форли.

— Относительно мистера Форли можно сказать только одно, мадамъ, что онъ, рѣшившись скрыть существованіе младенца и отнять отъ

него права происхожденія, долженъ былъ сначала показать его умершимъ, а впоследствии, когда ребенокъ достаточно подрастетъ, пустить его по міру. Подлогъ устроенъ былъ, мадамъ, съ сатанинскою хитростью. Мистеръ Форли имѣетъ вліяніе на Баршамовъ, потому что они помогали ему въ его мошенничествѣ и потому что отъ него зависѣли ихъ насущный хлѣбъ. Онъ перевезъ ихъ въ Лондонъ, чтобъ держать подъ непосредственнымъ своимъ присмотромъ. Онъ помѣстилъ ихъ въ этомъ Пустомъ Домѣ (принявъ его предварительно отъ своего агента, подъ предлогомъ, что самъ намѣренъ управлять имъ), и, поддерживая пустоту въ домѣ, считалъ его самымъ удобнѣйшимъ мѣстомъ для укрывательства ребенка. Мистеръ Форли могъ пріѣзжать сюда во всякое время и видѣть, что бѣдное, одинокое дитя не умираетъ еще отъ голода; разумѣется, подобные визиты онъ могъ дѣлать подъ предлогомъ наблюденія за своею собственностью. Здѣсь ребенокъ долженъ былъ усвоить себѣ убѣжденіе, что онъ сынъ Баршама, а потомъ, съ лѣтами, мистеръ Форли доставилъ бы ему мѣсто настолько низкое и бѣдное, насколько бы позволяла ему совѣсть. Быть можетъ онъ хотѣлъ примириться съ своей совѣстью на смертномъ одрѣ, но отнюдь не прежде, — въ этомъ я совершенно увѣренъ!

При этихъ словахъ легкій, повторившійся два раза стукъ въ уличныя двери заставилъ насъ содрогнуться.

— Вѣрно посланный! сказалъ Тротль взволнованнымъ голосомъ.

Онъ вышелъ въ корридоръ и вскорѣ воротился съ мужчиной пожилыхъ лѣтъ, почтенной наружности, одѣтымъ, подобно Тротлю, въ черное платье, въ бѣломъ галстукѣ, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не имѣвшимъ ни малѣйшаго сходства съ Тротлемъ.

— Извините, сказалъ незнакомецъ: — мнѣ кажется, я сдѣлалъ величайшую ошибку.

Тротль, благоразумно принявшій на себя все объясненія, увѣрилъ его, что джентльменъ не сдѣлалъ никакой ошибки, назвалъ ему мое имя и спросилъ, не пожаловалъ ли онъ въ этотъ домъ по дѣлу, близко касавшемуся покойнаго мистера Форли. Джентльменъ показалъ видъ крайняго изумленія и отвѣчалъ: «да». Наступила минута тягостнаго молчанія. Незнакомецъ казался не только встревоженнымъ и удивленнымъ, но недоувѣрчивымъ, и какъ будто испугался и сожалѣлъ о своей откровенности. Замѣтивъ это, я попросила Тротля положить конецъ дальнѣйшему недоумѣнію изъясненіемъ тѣхъ подробностей дѣла, которыя онъ уже сообщилъ мнѣ, а джентльмену предложила терпѣливо ихъ выслушать. Незнакомецъ очень

почтительно поклонился мнѣ и сказалъ, что приготовился слушать съ особеннымъ вниманіемъ.

Я замѣтила съ самаго начала, чего не могъ не замѣтить и Тротль, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ честнымъ.

— Прежде чѣмъ я выскажу мнѣніе свое, — съ горячностью и озабоченнымъ видомъ сказалъ онъ, когда Тротль кончилъ свое объясненіе: — позвольте мнѣ, для моего собственнаго оправданія, объяснить участіе мое въ этомъ весьма странномъ и непріятномъ дѣлѣ. Я былъ довѣреннымъ, законнымъ адвокатомъ покойнаго мистера Форли, и вы теперь видите передъ собою его душеприкащика. Не болѣе двухъ недѣль тому назадъ мистеръ Форли, пренужденный по болѣзни оставаться дома, прислалъ за мной и поручилъ мнѣ зайти сюда и отдать небольшую сумму денегъ мужчинѣ и женщинѣ, которымъ ввѣрено охраненіе дома. Мистеръ Форли объявилъ, что у него есть причины желать, чтобы это порученіе осталось тайной. Онъ просилъ меня зайти сюда или въ прошлый понедѣльникъ или сегодня и непременно въ сумерки; при этомъ мистеръ Форли упомянулъ, что предупредить своихъ людей о моемъ посѣщеніи, не называя моего имени, — меня зовутъ Долкотъ, — это дѣлалъ онъ потому, что не хотѣлъ подвергнуть меня непріятностямъ, могущимъ возникнуть со стороны оберегателей здѣшняго дома. Нужно ли говорить, что такое странное порученіе изумило меня; но при моихъ отношеніяхъ къ мистеру Форли, мнѣ оставалось или принять его безъ дальнѣйшихъ объясненій, или прервать давнишнія и дружескія сношенія съ моимъ кліентомъ. Я рѣшился на первое. Занятія помѣшали мнѣ исполнить порученіе въ прошлый понедѣльникъ, и, если я явился сюда сегодня, не смотря на неожиданную смерть мистера Форли, то собственно потому, что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ дѣлѣ. Какъ душеприкащикъ, я считаю себя обязаннымъ разъяснить его. Я съ своей стороны сказалъ вамъ истину.

Мы совершенно въ этомъ увѣрены, сэръ, — отвѣчала я. Вы сейчасъ упомянули, что смерть мистера Форли была неожиданна. Позвольте спросить, находились ли вы при немъ въ послѣднія минуты, и какого рода были его послѣднія приказанія.

— За три часа до смерти мистера Форли, сказалъ мистеръ Долкотъ: — докторъ оставилъ его въ прекрасномъ положеніи. Перемена къ худшему случилась такъ внезапно и сопровождалась столь жестокими страданіями, что больной не имѣлъ никакой возможности выразить свои послѣднія желанія. Когда я пріѣхалъ, мистеръ Форли былъ уже безъ чувствъ. Я однакожь пересмотрѣлъ его бумаги, но ни одна изъ нихъ не относится ни къ настоящему времени, ни къ серьезному дѣлу, которое занимаетъ насъ. Не имѣя отъ него ника-

кихъ инструкцій, я долженъ дѣйствовать весьма осторожно, но въ тоже время прямодушно и справедливо. Прежде всего, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Тротлю, — надо допросить мужчину и женщину, которые находятся внизу. Если вы можете дать мнѣ письменныя принадлежности, то я отберу показанія отъ каждого отдѣльно, здѣсь же на мѣстѣ, въ вашемъ присутствіи и въ присутствіи полицейскаго чиновника, который наблюдаетъ за домомъ. Копія съ этихъ показаній, съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, я завтра же отправлю къ мистеру и мистриссъ Бэйнъ, въ Канаду (оба они знаютъ меня очень хорошо, какъ адвоката покойнаго мистера Форли), и приостановлю дальнѣйшія съ моей стороны распоряженія, пока не получу отвѣта отъ нихъ или отъ ихъ лондонскаго стряпчаго. Вотъ все, что я могу сдѣлать въ настоящее время.

Намъ оставалось только согласиться съ нимъ и поблагодарить за его прямое и благородное участіе въ нашемъ дѣлѣ. Я вызвалась прислать письменные матеріалы; вмѣстѣ съ этимъ, къ моей невыразимой радости, рѣшено было, что бѣдный спротка не могъ найти лучшаго пріюта, какъ на моихъ старыхъ рукахъ, которыя давно хотѣли принять его, не могъ найти болѣе надежной защиты, какъ подъ моею кровлею. Тротль побѣжалъ наверхъ такъ быстро, какъ молодой человѣкъ.

Тротль не замедлилъ привести его внизъ. Я опустилась на колѣни передъ этимъ крошечкой, обняла его и спросила: хочетъ ли онъ идти со мной въ мой домъ? Сначала онъ оттолкнулъ меня, но спустя немного выразительно посмотрѣвъ на меня своими томными, умными глазенками, крѣпко прижался ко мнѣ и сказалъ:

— Я пойду съ вами... да, пойду.

За такое довѣріе, внезапно пробудившееся въ душѣ заброшеннаго ребенка, я отъ чистой души благодарила небо тогда, благодарю и теперь!

Завернувъ малютку въ плащъ, я понесла его черезъ улицу. Пегги не могла надвинуться, увидѣвъ, что я, задыхаясь отъ усталости, поднималась на крыльцо съ неизвѣстной для нея парой дѣтскихъ ногъ подъ мышкой; но, догадавшись въ чемъ дѣло, она зарыдала. Пегги всегда была доброй, чувствительной женщиной. Она плакала тихо, спокойно, пока бѣдный ребенокъ, уложенный мною на постели Тротля, не заснулъ.

— Тротль, тебя Богъ не оставитъ за это доброе дѣло, — сказала я, поцаловавъ ему руку: — черезъ тебя этотъ заброшенный, одинокій ребенокъ поналъ подъ мою кровлю; онъ поможетъ и тебѣ на пути твоёмъ къ небу.

Тротль отвѣчалъ, что я всегда была его доброй госпожей, тотчасъ

же вышелъ на крыльцо, высунулъ голову въ открытое окно и долго, долго смотрѣлъ въ темный, отдаленный конецъ улицы.

Въ ту же ночь, когда я сидѣла и думала объ этомъ бѣдномъ младенцѣ и о другомъ младенцѣ, о которомъ ненадумаешься вдоволь въ святочные дни, мнѣ пришла въ голову мысль, осуществленіе которой сдѣлалось цѣлью моей жизни; осуществленіе этой мысли улаживаетъ мои дни и я вполнѣ могу назваться счастливѣйшей женщиной.

— Какъ ты думаешь, Тротль, продастъ ли душеприкащикъ этотъ домъ?

— Безъ сомнѣнія, мадамъ, если только найдется покупатель.

— Я его хочу купитьъ.

Часто видѣла я Тротля довольнымъ, но ни разу не видѣла его въ такомъ восхищеніи, какъ теперь, когда объявила ему планъ, который имѣла въ виду.

Чтобъ сократить длинную исторію — а какая исторія, рассказываемая старухой, какъ я, можетъ быть не длиною, если силой не принудятъ сократить ее! — скажу, что я купила этотъ домъ. Въ жилахъ мистриссъ Бейнъ текла кровь ея отца; она отклонила отъ себя предлагаемый случай оказать прощеніе и великодушное удовлетвореніе ребенку признаніемъ его правъ законными. Я приготовилась къ этому и любила его еще болѣе, потому что, кромѣ меня, никто о немъ не заботился.

Отъ избытка радости и счастья я начинаю уклоняться отъ цѣли моего разсказа, начинаю даже путаться. Я купила Пустой Домъ, измѣнила въ немъ все отъ основанія до кровли и обратила его «въ Дѣтскую Больницу».

Нѣтъ надобности говорить о постепенности, съ которою примышль мой началъ усваивать формы уличныхъ предметовъ и звуки, столь хорошо знакомые другимъ дѣтямъ и столь странные для него; нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ постепенно онъ дѣлался милымъ, добрымъ, ласковымъ дитятей, окружилъ себя игрушками, картинками и товарищами. Излагая на бумагѣ эти событія, я смотрю черезъ улицу на мою «Больницу» и вижу тамъ моего милаго питомца, который убѣжалъ туда поиграть; онъ киваетъ мнѣ въ одно изъ одинокихъ нѣкогда оконъ; его круглое доброе личико рельефно рисуется на темномъ фонѣ жилета Тротля, который приподнял этого баловня, чтобы показать его «бабушкѣ».

Много глазъ вижу я въ этомъ Домѣ, но ни одни изъ нихъ не остаются въ одиночествѣ и небреженіи; напротивъ я вижу много глазъ въ этомъ Домѣ, которые съ каждымъ днемъ становятся свѣтлѣе и свѣтлѣе, по мѣрѣ возвращенія здоровья. Та же самая свѣтлая перемѣна, которая произошла съ моимъ милымъ питомцемъ, про-

исходить и съ другими питомцами другихъ бѣдныхъ матерей, происходитъ ежедневно, въ теченіе года. За все это я смиренно приношу безпредѣльную благодарность тому всеблагову, всевышнему Творцу, который воскресилъ сына бѣдной вдовы и дочь богатаго вельможи и научилъ все человѣчество обращаться къ одному, общему для всѣхъ Отцу, — Отцу Небесному!

УТРАТА.

ИЗЪ ДИККЕНСОВА ЖУРНАЛА

HOUSEHOLD WORDS.

I.

Зачѣмъ я женился на ней? Въ дни, наступившіе послѣ нашего медоваго мѣсяца, я часто предлагаю себѣ этотъ вопросъ. Говоря по всей справедливости, мнѣ бы ни на комъ не слѣдовало жениться. Но я любилъ ее, какъ люблю по сіе время.

Это была странная личность своего времени. Я не понималъ ея, когда она была въ дѣвщахъ, и глядя за обѣдомъ на ея серьезное, спокойное лицо, я часто думаю, что не понимаю ея и теперь. Въ ея умѣ вырабатывается множество мыслей, о которыхъ я вовсе ничего не знаю; въ глазахъ ея отъ времени до времени показываются проблески чувства и опять скрываются, какъ заключенные выглядываютъ иногда на вѣншній міръ изъ темничнаго окна и снова удаляются въ глубь и уединеніе каменныхъ, непроницаемыхъ стѣнъ. Она мнѣ жена. Я владѣю ею и берегу ее, какъ никто другой. Она носитъ мое имя и занимаетъ за моимъ столомъ первое мѣсто; въ экипажѣ она сидитъ рядомъ со мной, во время прогулки она идетъ со мной подъ руку; а между тѣмъ я сознаю и чувствую, что жизнь моей жизни отлетѣла отъ меня навсегда и что вблизи меня находится теперь не та живая, веселая Алиса, которою овладѣлъ я въ полномъ цвѣтѣ ея свѣтлой юности, но ея тѣнь, ея призракъ.

Въ то время, когда я женился на ней, хотя она была и очень молодая, но отнюдь не ребенокъ. Я хочу сказать, что жизнь сообщила ей множество уроковъ, которые даются однимъ только сѣдовласымъ, и что она наложила на нее такое бремя, которое по праву принадлежитъ старикамъ. Ее не любили въ семействѣ; на шестнадцати-

лѣтнемъ возрастѣ она была оставлена на свой произволъ; средства къ существованію зависѣли совершенно отъ ея трудовъ. Друзей и родныхъ у нея не было, такъ обыкновенно смѣясь говорила она; но я узналъ, что у нея были сестры и жили счастливо, даже въ то время, когда она дала священный обѣтъ и вышла изъ большаго свѣта, чтобъ его исполнить. Объ этой части своей жизни она никогда не говоритъ; но зато люди, знавшіе ее въ то время, сообщили мнѣ многое. Это было время печали и борьбы съ искушеніями. Только что выпущенная изъ большаго пансіона, она была неспособна къ шумной жизни эгоистическихъ жителей громадной столицы. Слезы невольно выступаютъ на глаза, когда я подумаю о ребенкѣ, который проложилъ себѣ дорогу черезъ всѣ препятствія, поставленныя людьми сильными, приобрѣлъ извѣстность, положеніе въ обществѣ и независимое состояніе. Она была сотрудницей—начала, конечно, труженицей—въ одномъ періодическомъ изданіи и получала скудное возмездіе; ея труды не оцѣнивались со всею справедливостью. Мало по малу и для нея появилась заря, предвѣщающая болѣе свѣтлые дни, и нужда покинула ея пороги. Сочиненіями ея восхищались, ихъ читали, требовали въ журналы и—что всего главнѣе — за нихъ хорошо платили. Но и тогда она не умѣла воспользоваться мудростью, купленную столь дорогою цѣною. Какъ ни берегла она свое сердце, но его похитили у нея и терзали ежедневно.

— Перестать любить и перестать дышать—для меня одно и то же, говорила она съ улыбкой счастія. Пожалуйста, не говорите мнѣ о моемъ безразсудствѣ. Дайте мнѣ свободу играть моими игрушками; вѣдь если онѣ и сломаются въ моихъ рукахъ, вы ихъ не почините; не приду къ вамъ за сочувствіемъ.

Она не была красавицей; но что-то особенное въ ней — свѣтлое ли ея, счастливое лицо, или неугомонная ея веселость — очаровывало людей и заставляло ихъ любить ее. Мужчины дѣлали для нея безразсуднѣйшія вещи, какія только можно представить себѣ; и не только молодые люди, въ которыхъ безразсудство простиительно, но даже и тѣ, которые должны бы казаться быть достаточно благоразумными, чтобъ увлекаться ея свѣтлыми улыбками, или веселымъ, звучнымъ, серебристымъ смѣхомъ. Она не довѣряла имъ; ея ранняя жизнь научила ее лучшему; все же я полагаю, они нравились ей до той поры, пока у нея не являлся новый капризъ; и тогда она, какъ мотылекъ, отлетала отъ нихъ и исчезала.

Я встрѣтился съ ней въ первый разъ въ деревнѣ; тамъ она была самостоятельнѣе, чѣмъ въ городѣ. Мы были дальніе родственники, хотя никогда другъ съ другомъ не встрѣчались. Судьба дозволила

мнѣ провести лѣтнія вакаціи въ деревнѣ у тетки, куда пріѣхала и Алиса еще прежде меня. Чему приписать этотъ пріѣздъ?—не знаю. Я былъ степенный, скромный адвокатъ, и для меня крайне было бы непріятно, еслибъ непродолжительные дни отдыха были нарушены какою бы то ни было лѣди, а тѣмъ болѣе хорошенькой. Я замѣтилъ это теткѣ, когда она послѣ обычныхъ привѣтствій сказала мнѣ: Алиса Кентъ тоже здѣсь. Она съ удивленіемъ смотрѣла на меня черезъ очки, въ то время, когда я дѣлалъ ей легкій очеркъ жизни Алисы въ столицѣ.

— Правду говорятъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Кто бы подумалъ, Франкъ, что ты говоришь это объ Алисѣ? Съ своей стороны я не скажу о ней ни слова. Ты проведешь у меня цѣлый мѣсяцъ; а этого весьма достаточно, чтобы съ ней познакомиться. Мы отъ души рады тебѣ; комната твоя готова... та самая, которую ты такъ любишь.

Я взялъ шляпу и вышелъ полюбоваться фермой. Шагъ за шагомъ, я пробрался за стѣны огорода, перешелъ черезъ ручей, черезъ большую дорогу и вступилъ въ рощу, дальнѣйшія деревья которой росли по скату горы и казались изъ окна моей комнаты такими синими и отдаленными. Въ старину это было моимъ любимымъ мѣстомъ прогулки. Широкая колесная тропа проходила по рощѣ и вела на открытую поляну, гдѣ находилось небольшое озеро, называемое «Зеркаломъ Волшебницы», и прекрасный видъ сельской природы, окаймленный вдали крутыми зелеными горами, завернутыми въ мягкое прозрачное покрывало облаковъ и тумана. На этомъ мѣстѣ, въ этотъ прекрасный солнечный день, я невольно вспомнилъ о дальнозоркости пилигрима Боніана, когда онъ смотрѣлъ въ трубу пастуха на городъ, которымъ должно было кончиться его путешествіе. Казалось, я подымался на тѣ отдаленныя горы, терялся въ одной изъ долинъ при ихъ подошвѣ, и съ удовольствіемъ готовъ былъ остаться въ нихъ, чтобы не видѣть болѣе этого скучнаго, тягостнаго свѣта.

Тихо пробирался я по перелѣску. Солнечныя лучи, прорываясь сквозь зеленую листву молодыхъ тополей и вязовъ, бросали на тропу пеструю, игривую тѣнь. Длинными глотками я впивалъ свѣжій воздухъ и чувствовалъ, что съ каждымъ глоткомъ становилось легче и легче на душѣ; казалось, что старая, застоявшаяся кровь въ моихъ венахъ замѣнялась новою и струилась. Наконецъ я очутился въ небольшой сосновой рощѣ, отражавшей свои красоты въ «Зеркалѣ Волшебницы». Раздвигая вѣтви, заслѣнявшія дорогу, я нарушалъ безмолвіе.... вдругъ впереди меня зашевелилось что-то и раздалось глухое ворчанье.

Подлѣ маленькаго озера, на лужайкѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, полусидѣла, полuleжала дѣвица, бросая въ воду камешки и любуясь кругами, которые разстилались на зеркальной поверхности и уничтожались одинъ за другимъ при первомъ столкновеніи съ противоположнымъ берегомъ. Между мной и ней стояла огромная черная ньюфаундлэндская собака; оскаливъ страшный рядъ крѣпкихъ, бѣлыхъ зубовъ, собака смотрѣла мнѣ въ лицо съ угрожающимъ видомъ.

Сидѣвшая на берегу дѣвица испугалась, быстро оглянулась во-кругъ и, увидѣвъ меня и ньюфаундлэнду, захохотала.

Я чувствовалъ, что представлялъ собою уморительную фигуру; но, не смотря на то, принялъ серьезный видъ и хладнокровно спросилъ:

— Не вы ли Алиса Кентъ?

— Этимъ именемъ всѣ зовутъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, я могу назвать васъ кузиной: я Франкъ Атертонъ.

— Кузень Франкъ! Мы ждали васъ всю эту недѣлю. Когда вы пріѣхали?

— Сію минуту.

Алиса указала мѣсто подлѣ себя. Мы долго разговаривали о нашихъ родныхъ, объ общихъ знакомыхъ, о старомъ домѣ Атертоновъ, который она видѣла нѣсколько разъ, но я—никогда. Она много говорила мнѣ объ этомъ домѣ и о кузинахъ, которыя жили въ немъ: я слушалъ ее молча, отъ времени до времени взглядывалъ то на нее, освѣщенную солнцемъ, то на огромную собаку, лежавшую у ея ногъ. Не менѣе теткой моей удивлялся я, думая, неужели это та самая Алиса Кентъ, о которой я слышалъ такъ много? Одѣта она была просто, даже очень просто; сѣренькая матерія обвивала ея станъ легкими, нѣжными складками. Бѣлый полотняный воротничекъ соединялся бантомъ изъ незатѣйливой голубой ленты; лежавшая подлѣ нея соломенная шляпа съ широкими полями имѣла уборку того же голубаго цвѣта. Золотая цѣпочка, немного толще обыкновенной нитки, и колечко съ маленькимъ брилліантомъ—были единственными украшеніями, подававшими мысль о роскоши. Не смотря на то, нарядъ ея мнѣ очень нравился. Она была высокаго роста (слишкомъ высокаго слѣдовало бы сказать, еслибъ рѣчь шла о комъ нибудь другомъ; когда мы встали, ея голова была наравнѣ съ моей), стройна, быстра и гибка во всѣхъ движеніяхъ. Ея каштановые волосы были мягки и роскошны, но она носила ихъ небрежно, они не имѣли той тщательной изысканной прически, которую я ожидалъ увидѣть на столичной красавицѣ. Черты ея были правильны, исполне-

ны жизни и одушевленія, но весьма обыкновенны; цвѣтъ лица нѣжный, ротъ великоватъ, но улыбающійся непринужденно, искренно; брови — дугой, какъ будто онѣ о чемъ-то спрашивали; глаза большіе, мягкаго темносѣроватаго цвѣта, въ которые пріятно смотрѣться, но которые, какъ я узналъ впоследствии, способны приводить въ замѣшательство того, кто въ нихъ смотрѣлся. Эти глаза были исключительною прелестью, которою обладала Алиса, и она безсознательно производила ими глубокое впечатлѣніе. Будь Алиса монахиней кармелитскаго ордена, она бы говорила ими: такую силу, такую выразительность имѣли они, хотя сама Алиса вовсе этого не подозрѣвала. Нормальное положеніе ихъ было въ то время, когда они смѣялись: въ нихъ отражался тогда поразительно яркій свѣтъ; но когда они внезапно омрачались и становились мягче и глубже, когда съ выраженіемъ, свойственнымъ однимъ только имъ, останавливались на лицѣ какого нибудь несчастнаго созданія, о, тогда—горе ему!

Я испыталъ это на себѣ, пробывъ съ ней не болѣе пяти минутъ, и отъ времени до времени встрѣчая ея взглядъ, особливо въ тотъ моментъ, когда Алиса, кончивъ говорить, внимательно, съ полукрѣпыми глазами и плѣнительнымъ румянцемъ, разсматривала мое лицо. Въ этой встрѣчѣ взглядовъ было что-то электрическое. Я замѣтилъ, что румянецъ, игравшій на ея щекахъ, мгновенно разлился по ея лицу; дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Опасно было наблюдать распространеніе этого румянца, но я наблюдалъ; мнѣ хотѣлось узнать причину его, узнать мысль, которая его вызвала.

— Фредъ, подай шляпу! сказала она собакѣ, притворно зѣвая. — Я думаю, пора идти ужинать. — Вы согласны съ этимъ, кузень Франкъ?

— Да... нѣтъ, — отвѣчалъ я, все еще стараясь узнать причину внезапнаго румянца.

Алиса отъ души расхохоталась и взяла шляпу свою изъ зубовъ ньюфаундлендки.

— Должно быть, вы очень любите эту собаку, — сказалъ я, поднимаясь на ноги.

— Люблю ли я эту собаку?

И Алиса нагнулась надъ животнымъ, сжала руками его морду и поцаловала бѣлое пятнышко по срединѣ его лба.

— Люблю ли я его, кузень Франкъ? Эта собака — мой идолъ! Это единственное существо въ цѣломъ мірѣ, которое предано мнѣ, — единственное существо, которому.....

Алиса замолкла и вспыхнула.

— Которому преланы вы, — сказалъ я, дополнивъ ея мысль.

— Такъ говорятъ другіе, — смѣясь, отвѣчала Алиса. Посмотрите на нее... посмотрите на эти прекрасные глаза и скажите, кто въ состояніи не любить ея? — Бѣдный мой Фредъ! Въ этомъ обветшаломъ мірѣ одинъ только ты честенъ и прямоушенъ.

Сказавъ это, Алиса вздохнула, погладила пса, который стоялъ передъ ней, махая пушистымъ хвостомъ и глядя ей въ лицо глазами, которые дѣйствительно были прекрасны и выражали любовь и прямодушіе.

— Вамъ трудно будетъ идти вмѣстѣ съ нами, — сказала она, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ: — Фредъ хочетъ побѣгать... въ лѣсу я всегда позволяю ему эту прихоть. Угодно вамъ?

— О нѣтъ! ради Бога, избавьте!

Черезъ минуту она неслась какъ вѣтеръ; ньюфаундлэндка мчалась за ней, оглашая лѣсъ своимъ лаемъ. Въ тотъ вечеръ я ея не видѣлъ.

II.

Я, какъ уже было сказано, былъ серьезный, степенный адвокатъ, и вступалъ въ права почтеннаго средняго возраста; въ черныхъ волосахъ моихъ начинала показываться сѣдина. У меня были свои мечты и причуды, была, какъ у большей части людей, горячая, пылкая, благородная юность, — это все миновало. Одного только не зналъ я, одного не испытывалъ, это—любви женщины.

Если иногда я облекалъ мои мечты, мои грезы въ живыя формы, и давалъ имъ имена, то они далеко не имѣли сходства съ тою дѣйствительностью, которая меня окружала. Жену мою я представлялъ себѣ легкимъ, воздушнымъ, нѣжнымъ созданіемъ, съ прозрачно-блѣднымъ лицомъ, съ плѣнительными губками и свѣтло-голубыми глазами, съ голосомъ тихимъ и плѣнительнымъ, какъ звуки Эоловой арфы. Она молча сидѣла подлѣ моего кресла, постоянно любила меня, но любила тоже молча; ея имя было Мэри. — Но еслибъ я встрѣтилъ оригиналъ этого портрета, еслибъ я началъ преклоняться предъ нимъ и наконецъ овладѣлъ имъ, то сдѣлался бы жалкимъ человѣкомъ.

Поэтому я находился теперь въ опасномъ положеніи. Когда Алиса Кентъ распѣвала и прыгала по всему дому, оставляя на пути всѣ окна и двери открытыми, я обыкновенно бросалъ перо и смотрѣлъ ей вълѣдъ; казалось, что при ней и самое солнце свѣтило ярче. Когда она, преслѣдуемая своей огромной собакой, бѣгала по рошѣ или саду, я улыбался и гладилъ Фреда. Когда она мчалась

мимо дома небольшимъ галопомъ на своей сѣрой лошаdkѣ, Фра-Діаволо, дѣлала прыжокъ черезъ заборъ, и кокетливо грозила мнѣ хлыстикомъ, — я, читая книгу, останавливался на самомъ интересномъ мѣстѣ и любовался ея граціозностью, ея неустрашимостью.

Мы становились большими друзьями, становились братомъ и сестрой, — такъ по крайней мѣрѣ я обыкновенно говорилъ себѣ. Какимъ образомъ эта братская привязанность постепенно обратилась въ страстную любовь, я не могъ объяснить. Однажды я встрѣтился съ ней на перекресткѣ двухъ дорогъ, пересѣкавшихъ деревню. Повернувъ за уголъ, я сравнялся съ ней. Она шла тихо вмѣстѣ съ собакой; глаза ея были потуплены; она казалась такою серьезною и задумчивою, какою я никогда ея не видѣлъ. При видѣ меня, все лицо ея внезапно прояснило; не смотря на то она, возвращаясь домой, прошла мимо меня съ едва замѣтной улыбкой и самымъ легкимъ движеніемъ головы. При этомъ внезапномъ проблескѣ на ея серьезномъ лицѣ, я почувствовалъ какое-то особенное влеченіе къ ней; я узналъ, какія именно чувства влекли насъ другъ къ другу.

Послѣ прогулки, проведенной преимущественно въ размышленіяхъ, я возвратился домой довольно поздно. Фермеръ и его жена давно уже спали; ихъ дѣти веселились въ сосѣднемъ домѣ; изъ открытаго окна гостиной вырывался свѣтъ одинокой лампы. На небѣ, кромѣ полной луны, не было ни облачка. Я отперъ калитку и вошелъ. На крыльцѣ у открытыхъ дверей сидѣла Алиса. Легкая шаль предохраняла ее отъ вечерней росы; ея голова покоилась на мохнатой одеждѣ пьюфаундлендской собаки. Черные глаза собаки слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ, но сама она не дѣлала ни малѣйшаго движенія.

Я сѣлъ вблизи Алисы, ступеньки на двѣ ниже ея, такъ чтобы можно было смотрѣть ей въ лицо.

— Алиса, вы нездоровы?

— Напротивъ; я совершенно здорова. — Завтра я уѣзжаю.

— Уѣзжаете! — Куда?

— Домой. Въ Лондонъ. — Чтоже васъ изумляетъ, кузень Франкъ? Неужели вамъ въ первый разъ приводится слышать о чѣмъ нибудь отъѣздѣ въ Лондонъ?

— Нѣтъ, не въ первый; но зачѣмъ вы туда ѣдете?

— Зачѣмъ?

Алиса открыла глаза и посмотрѣла на меня.

— Зачѣмъ? — На это много причинъ. Во-первыхъ я пріѣхала сюда только на шесть недѣль, а пребыла почти три мѣсяца; во-вторыхъ у меня есть дѣло, которое нельзя откладывать въ длинный

ящикъ; въ-третьихъ, мои знакомые не могутъ постичь, что удерживаетъ меня въ этомъ мѣстѣ такъ долго (пожалуй еще скажутъ, что причиною тому вы, Франкъ). Они клянутся, что безъ меня не могутъ жить, — зачѣмъ же оставлять ихъ въ такомъ положеніи?

— Значить вы возвращаетесь къ прежней жизни, Алиса? — И конечно, выйдете замужъ?

Не совѣтую никому, ни старому ни молодому, въ случаѣ, если онъ считаетъ безразсудствомъ жениться на женщинѣ, которую любить, оставаться съ ней наединѣ на крыльцѣ дома, погруженного въ безмятежный сонъ, держать ея руку и любоваться эффектами лунной ночи. Одно прикосновеніе маленькихъ пальчиковъ сдѣлало окончательный подрывъ моимъ благороднымъ намѣреніямъ и моему благоразумію (если я имѣлъ его).

— Алиса, тихо сказалъ я и испугался, какъ испугалась и она, звуковъ моего голоса, — до такой степени они измѣнились.

— Алиса, — мы, кажется, были счастливы здѣсь.

— Очень.

Я взялъ обѣ ея руки и крѣпко сжалъ ихъ. Алиса не смотрѣла на меня, хотя ея лицо обращено было ко мнѣ.

— Между нами, милая Алиса, большая разница. Я старѣе васъ и гораздо серьезнѣе. Въ жизнь мою, кромѣ васъ, я не любилъ ни одной женщины, тогда какъ вы очаровывали тысячи сердець и позволяли своему собственному сердцу имѣть тысячи причудъ. Еслибъ вы и въ самомъ дѣлѣ были тѣмъ существомъ, какимъ считаетъ васъ свѣтъ и какимъ вы стараетесь казаться, я и тогда сказалъ бы вамъ, что люблю васъ. Но знаю, что у васъ есть сердце. Я знаю, что вы способны любить, способны быть преданной, если захотите. Поэтому умоляю васъ: говорите со мной откровенно, — скажите — можете ли вы любить меня, или любите ли меня. Алиса, я не имѣю привычки дѣлать подобные вопросы, я, какъ вы сами видите, — человекъ холодный и грубый; но повѣрьте словамъ моимъ, что вы плѣнили мое сердце, и что безъ васъ я не могу быть счастливъ.

— Я вамъ вѣрю, — сказала Алиса.

— Но любите ли вы меня?

Надъ легкомысленнымъ, вѣтренымъ повѣсой она бы посмѣялась, но со мной была серьезна.

— Вѣрю вамъ и люблю васъ, — сказала она отъ чистаго сердца. Быть можетъ васъ удивляетъ, почему я остаюсь съ вами и могу говорить такъ спокойно? — Это потому, мнѣ кажется, что я никогда не выйду за васъ за мужъ. Вы не любите меня такъ, какъ бы долженъ любить меня мужъ мой. Я причудлива и своенравна, я могу отравить вашу жизнь, требуя отъ васъ постоянной цѣнности. Я

люблю, чтобы меня баловали; а вы, сколько я понимаю васъ, хотя и способны любить, но неспособны угождать. Не пройдетъ и мѣсяца послѣ нашей женитьбы, какъ вы захотите, чтобы я очутилась на днѣ Чернаго моря; а такъ какъ исполненіе подобнаго желанія вещь невозможная, то вы для развлеченія займетесь дѣлами и убьете меня. Я знаю это такъ хорошо, какъ будто вижу передъ собой... даже теперь.

Алиса взглянула на меня, и въ этомъ взглядѣ вполне отразилось ея душевное состояніе. Ея глаза выражали любовь, страсть и глубокую, глубокую нѣжность. Въ эту минуту мое сердце переполнилось чувствомъ, котораго до этой поры я никогда не испытывалъ; передъ этимъ пламеннымъ взглядомъ все, что наполняло мою душу въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ часовъ, казалось холоднымъ и мертвымъ. Еще минута, и я держалъ Алису въ крѣпкихъ объятіяхъ.

— Алиса! если мужчина въ состояніи любить женщину отъ всего сердца и души, любить безразсудно и безумно, но искренно и благородно, — то я люблю васъ именно этой любовью.

— И навсегда? — О, Франкъ, навсегда?

Я наклонился и наши уста слились въ продолжительный, нѣжный поцалуй.

— Хотите быть моей женой, Алиса?

Хорошенькая головка Алисы склонилась на мое плечо, ея рука сжимала мою.

— Вы отвѣчаете мнѣ? — Милая Алиса, могу ли я называть эту руку моею?

— Если ты хочешь, Франсисъ.

Въ первый разъ она назвала меня этимъ именемъ. Иначе она и не называла меня до тѣхъ поръ, пока любовь ея ко мнѣ не охладѣла. Это имя и теперь еще отрадно звучитъ въ моихъ воспоминаніяхъ и будетъ звучать до послѣдняго дня моей жизни.

III.

Мы вскорѣ обвѣнчались и въ теченіе шести мѣсяцовъ жили въ «Раю безумцевъ». Еслибъ не я, то эта жизнь продолжалась бы до самой смерти; теперь я могу только сожалѣть и съ сокрушеннымъ сердцемъ нести бремя моей жизни.

Алису называли невѣрной... о, какая страшная несправедливость! Ни одно человѣческое существо не могло быть столь предано другому, какъ была предана мнѣ Алиса.

— Франсисъ, — говорила она, когда я смѣлся надъ ней по поводу глупой молвы: — я хотѣла найти человѣка, который владѣлъ бы

мною. Я искала его въ теченіе многихъ лѣтъ и уже начинала думать, что никогда не отыщу его. Но съ той минуты, когда услышала твой голосъ, когда встрѣтила твой взоръ, я убѣдилась, что этотъ человѣкъ недалеко отъ меня. Я съ радостію наложила на себя его цѣпи, — прибавила она, цалуя мою руку.

Она говорила серьезно, въ этомъ я увѣренъ. Я правился ей больше всего въ то время, когда обходился съ ней, какъ съ ребенкомъ. Алиса не была ангеломъ; она была существо смертное, одаренное свѣтлымъ умомъ и пламенной душой. Въ теченіе дня у нея являлась тысяча причудъ, но она любила подчиняться мнѣ. Мило было смотрѣть на нее, когда она съ огнемъ въ глазахъ и яркимъ румянцемъ на щекахъ выбѣгала изъ комнаты; еще милѣе, когда, положивъ руку на локоны, съ покорностію склоняла свою гордую головку и ждала моихъ словъ: остановись! затвори дверь и выслушай меня! — Но поступать такимъ образомъ было опасно. Мнѣ, незнавшему, что такое любовь, не трудно было сдѣлаться тираномъ, когда созданіе преданное, какъ Алиса, преклоняло предо мной свою голову!

Алиса любила меня. Каждая струна ея чувствительнаго сердца дрожала отъ моего прикосновенія, трепетала и издавала плѣнительные звуки, — и я все-таки не былъ доволенъ. Я добивался минорнаго тона. За ея глубокую привязанность ко мнѣ я жестоко оскорбилъ ее. Только теперь я вижу это. Умная идея успѣла пробраться въ мою голову и прошептала мнѣ, что я своею нѣжностію обращаю жену мою въ ребенка и что ея характеръ никогда не разовьется при такомъ обиліи солнечнаго свѣта. Я отгонялъ эту мысль, забывая до какой степени тяжело было для Алисы переносить огорченія; я вовсе не обращалъ вниманія, что въ минуты, когда возвращалась къ ней веселость дѣтскаго возраста, глубокомысленные совѣты мои скрывались подъ блистающею поверхностію ея игривыхъ поступковъ.

Иногда она успѣвала выводить меня изъ моего серьезнаго самоуглубленія, но я рѣшилъ, чтобы этого болѣе не было. Я снова посвятилъ себя своей профессіи, предался ей тѣломъ и душой и по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ бумагами, не промолвивъ слова. Алиса не сердилась. До тѣхъ поръ, пока въ ней сохранялась увѣренность, что я люблю ее, она была довольна, бралась за перо, и спокойное теченіе нашей супружеской жизни нарушалось только этими трудами. Ея конторка стояла въ моемъ кабинетѣ, подлѣ окна, совершенно напротивъ моего письменнаго стола.

Иногда, переставая вслушиваться въ быстрыя движенія ея пера, я приподнималъ голову и всегда замѣчалъ, что глаза ея были устремлены на меня, на губахъ ея играла улыбка невыразимаго счастья. Однажды этотъ взглядъ встрѣтился съ моимъ, когда я находился въ

самомъ дурномъ расположеніи духа. Ея любовь показалаcя мнѣ притворною, и я рѣзко сказалъ:

— Не хорошо, Алиса, бросать на кого бы то ни было подобные взгляды.

Алиса положила перо; она рада была случаю поговорить со мной, подошла ко мнѣ и облокотилась на спинку моего кресла.

— Почему же? взглядъ этотъ предназначается тому, кого я люблю.

Начало было дурно. Я намѣревался прочесть ей лекцію, и долженъ былъ ограничиться молчаніемъ и сосредоточеніемъ вниманія на моихъ бумагахъ.

— Франсисъ, неужели я безпокою тебя?

— Немного.

Ея тоненькая ручка играла моими волосами; я слышалъ на моей щекѣ ея жаркое дыханіе. Благоразуміе покидало меня; я это чувствовалъ и старался замѣнить его усиленной холодноcтью.

— Одинъ подалуй,—сказала она. Только одинъ, и я уйду.

— Какой вздоръ, Алиса. Время ли мнѣ думать о твоихъ подалуяхъ?

Алиса выпрямилась и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— Такъ я тебѣ надоѣдаю, Франсисъ?

— Очень.

Она тихо вздохнула, такъ тихо, что я почти не слышалъ, и вышла изъ комнаты. На это утро я запугалъ ея игривость.

Это было первое облако, показавшееся на нашемъ небосклонѣ.

Станнымъ кажется теперь, когда, оглядываясь въ минувшее, по истеченіи многихъ лѣтъ, я замѣчаю, какъ настойчиво старался я разрушить основаніе спокойствія и счастія, на которомъ можно было бы возвести привсходное зданіе всей моей жизни. Остальные шесть мѣсяцовъ того года были для меня мѣсяцами бѣдствія,—тоже самое и для Алисы, потому что она худѣла, блѣднѣла и навсегда утратила свою веселость. Я успѣлъ только въ одномъ — посѣять въ душѣ Алисы сомнѣніе относительно моей любви къ ней. Я замѣтилъ это по ея взглядамъ, которые она отъ времени до времени бросала на меня, и по ея привязанности къ ньюфаундлендскому псу,—какъ будто преданность и любовь этого созданія служили для нея единственной отрадой и надеждой. Я былъ слишкомъ гордъ, чтобъ сознать себя виновнымъ,—и разлединеніе наше увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Среди этого отчужденія захворала собака. Я вмѣнялъ Алисѣ въ непростительную слабость, когда она не отходя отъ больного пса читала книги и писала,—когда въ одинъ несчастный день, оставивъ

всѣ свои книги и рукописи, она склонилась надъ любимымъ созданіемъ и, заливаясь слезами, смотрѣла въ его быстро потухавшіе глаза, — когда среди глубокой тишины лежала, обнявъ его шею, оставаясь безъ словъ безъ движенія. Наконецъ, не стало давняго Фреда. Алиса, въ порывѣ безпредѣльной горести, целовала бѣленькое пятнышко на его головѣ и закрыла его черные глаза, которые нѣкогда смотрѣли на нее съ чувствомъ безкорыстной любви.

Алиса не пришла ко мнѣ за сочувствіемъ. Садовникъ вырылъ яму подъ окномъ кабинета и Алиса одна слѣдила за этой работой. Она не сказала мнѣ слова о своемъ любимцѣ, и только по вечерамъ, когда я совершенно углублялся въ свои занятія, уходила на могилу Фреда. Такъ кончился годъ, начавшійся любовью и счастіемъ.

Однажды поутру въ февралѣ слѣдующаго года я сидѣлъ въ кабинетѣ и разсматривалъ дѣла, долго остававшіеся безъ движенія, какъ вдругъ на балконѣ раздался голосъ Алисы. Послѣ смерти Фреда, это была первая ея нѣсеня; я положилъ перо и началъ слушать. Но когда Алиса вошла въ залъ, я снова взялся за перо и принялъ видъ человѣка, углубившагося въ серьезное дѣло.

День былъ теплый, свѣтлый, прекрасный; Алиса, отворивъ дверь, какъ будто впустила въ мой кабинетъ потокъ солнечнаго свѣта и счастья. Ея лицо было лучезарно; вообще она казалась прежнею Алисой, особенно въ то время, когда на ципочкахъ подошла къ моему креслу и наклонилась.

— Это что значитъ? спросилъ я, отрываясь отъ дѣла.

Алиса положила на столъ хорошенькій букетъ фіалокъ, перевязанный голубой лентой.

— Я была въ цвѣтникѣ и оттуда принесла тебѣ, Франсисъ, первые весенніе цвѣты.... цвѣты и другой подарокъ, который быть можетъ тебѣ не понравится.

Положивъ руку на мое плечо, она нагнулась и поцаловала меня два раза. Въ теченіе нѣкотораго времени она была не слишкомъ щедра на подобныя ласки; теперь же, когда она это сдѣлала по своему собственному желанію, я повернулъ кресла и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Алиса, ты кажешься сегодня очень счастливою.

— Сегодня чей-то день рожденія, сказала она, сядь на колѣно ко мнѣ и глядя мнѣ въ глаза: — дай Богъ, Франсисъ, чтобы ты всегда былъ счастливъ. Голосъ Алисы дрожалъ. Если въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцовъ чувства наши имѣли ложное направленіе, прибавила она, то забудемъ объ этомъ теперь и навсегда.

Сказавъ это, она прильнула ко мнѣ и спрятала лицо свое на моей груди. Я былъ тронутъ, поцаловалъ ея каштановые волосы, раз-

сыпавшіеся по моему плечу, и сказалъ, что готовъ за быть все (какъ будто у меня было забывать что нибудь). При этомъ она посмотрѣла на меня съ свѣтлой улыбкой и, кажется, сочла меня весьма великодушнымъ.

— Значить съ этого дня мы положимъ нашей жизни новое начало, Франсисъ?

— Если ты хочешь, дитя мое.

Она надѣляла меня своимъ особенно милыми ласками, которыя всегда заставляли меня улыбаться и состояли преимущественно изъ множества поцалувъ въ различныя части моего лица; помнится, четыре поцалувъ лобъ, по два—въ каждую щеку, два—въ подбородокъ, четыре — въ губы, и четыре—въ глаза. Со всемъ стараніемъ она исполняла эту церемонію и потомъ глядѣла мнѣ въ лицо. Въ эту минуту я вполне понималъ всю ея любовь и нѣжность и старался изгладить изъ памяти непріятное прошедшее. Я крѣпко прижалъ ее къ сердцу; ея рука обвила мою шею.

Повѣрить ли кто словамъ моимъ? Не прошло пяти минутъ послѣ выхода жены изъ кабинета, какъ въ головѣ моей родилась мысль, что я обнаружилъ свою слабость. Приучая себя къ холодности и равнодушію, я растаялъ отъ перваго горячаго поцалуя, отъ первой сладенькой улыбки. Въ теченіе тѣхъ мѣсяцовъ она надѣдала, огорчала меня, дѣлала все наперекоръ: съ ней бы не слѣдовало мириться, прежде чѣмъ она не попроситъ прощенія. Въ душѣ моей возникла внезапная рѣшимость; и когда Алиса вторично вошла въ кабинетъ, я снова углубился въ бумаги. Бѣдное дѣтя! для нея довольно было бы и полчаса радости.

Еще минуточку, сказала она, взявъ перо изъ моеѣ руки и держа что-то надъ моеѣ головой. У меня есть подарокъ тебѣ. Хочешь имѣть его, Франсисъ?

— Если подаришь, то, разумѣется, я буду его имѣть.

— Такъ попроси сначала.

Вмѣсто отвѣта, я взялъ перо. Лицо Алисы слегка нахмурилось.

— Хочешь имѣть отъ меня подарокъ, Франсисъ? повторила она боязливо.

— Былъ одинъ святой, — сказалъ я спокойно, продолжая заниматься бумагами: — Франсисъ изъ Салеса, который постоянно говорилъ, что человѣкъ ничего не долженъ просить и ни въ чемъ не долженъ отказывать.

— Прекрасно! Но я говорю не съ святымъ Франсисомъ, — я говорю съ тобой. Хочешь ли ты имѣть отъ меня маленькій подарокъ? Отвѣчай: да, — если только намѣренъ угодить мнѣ, если намѣренъ этотъ радостный для меня день сдѣлать болѣе радостнымъ.

— Перестань ребячиться, Алиса.

— Съ моей стороны это ребячество, я знаю; но позволь мнѣ предаться ему. Это ничтожная вещь, а между тѣмъ она доставитъ мнѣ удовольствіе.

— Я не откажусь ни отъ чего, что бы ты ни подарила мнѣ. Только пожалуйста не отвлекай меня отъ занятій... мнѣ непременно нужно разсмотрѣть эти бумаги.

При этихъ словахъ Алиса бросила къ ногамъ своимъ маленькую игрушку (хорошенькую бронзовую чернильницу, съ купидономъ, колчанъ котораго наполненъ былъ перьями), отвернулась отъ меня, опечалилась и разсердилась. Я нагнулся, чтобы поднять игрушку, которая разбилась на-двое.

— Какъ это! Вы рѣшаетесь поднять ее съ земли! сказала Алиса саркастическимъ тономъ.

— Послушай, Алиса, ты безразсуднѣйшее созданіе. Но ничего;— этого маленькаго бога любви легко починить.

— Да.

Алиса, положивъ одинъ обломокъ на другой, посмотрѣла на меня.

— Его можно починить; но все же вещь эта останется разбитою; это несчастье, какъ и всѣ другія, оставитъ свои слѣды. О, Франсисъ! прибавила она, опускаясь на колѣна подлѣ кресла и цалуя мнѣ руку. — Зачѣмъ ты дѣлаешь мнѣ подобныя испытанія? Скажи откровенно: любишь ты меня?

— Алиса, сказалъ я теряя терпѣніе: — встань. Ты надоѣдаешь мнѣ.

Алиса встала и поблѣднѣла.

— Я встану. Но сначала дай мнѣ отвѣтъ на мой вопросъ. Любишь ли ты меня, Франсисъ?

Я ощущалъ въ душѣ моей гнѣвъ и упрямство. Неужели она вздумала грозить мнѣ?

— Скажи, Франсисъ, — любилъ ли ты меня въ то время, когда думалъ жениться на мнѣ?

— Любилъ. Но...

— Но не любишь меня теперь?

— Пожалуй, если ты хочешь, — сказалъ я.

— Продолжай, продолжай!

— Я не люблю тебя... но не въ томъ смыслѣ, какъ ты думаешь.

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина. Алиса такъ поблѣднѣла и бросила на меня такой томный взглядъ, что я раскаялся въ моей жестокости и забылъ свой гнѣвъ.

— Алиса! вскричалъ я. Я сказалъ это совсѣмъ не въ томъ смы-

слѣ, какъ ты думаешь. Ты поблѣднѣла!—Повѣрь, мой другъ, я сказалъ это въ шутку.

Алиса отвернулась отъ меня, и спокойно, съ поникшей головой вышла изъ комнаты.

Въ эту минуту солнце спряталось за облака и въ окно пробивался тусклоблѣдноватый свѣтъ. Ея печаль оставила въ душѣ моей столь глубокіе слѣды, что я не могу видѣть золотистой лучезарности солнечнаго свѣта, безъ той рѣзкой, язвительной боли, которую я ощущалъ въ то время, когда Алиса затворила дверь моего кабинета.

IV.

Алиса слабѣла и хворала серьезно. Для возстановленія ея здоровья доктора совѣтовали путешествія по континенту. Мнѣ невозможно было и думать объ отъѣздѣ изъ Лондона; но къ счастью наши знакомые, нѣкто мистеръ и мистриссъ Ворренеръ, отправлялись съ своей дочерью на шесть мѣсяцевъ въ Италію, и я устроилъ такъ, что Алиса была ихъ спутницей.

Вмѣсто шести мѣсяцевъ, они пробыли за границей девять. Многіе удивлялись и шутили надо мной по случаю столь продолжительнаго отсутствія моей жены; но я отдѣлывался смѣхомъ и говорилъ, что если она не возвратится въ скоромъ времени, то самъ поѣду за ней; и насъ продолжали считать за образцовую чету. Но еслибъ кто нибудь видѣлъ меня въ моей конторѣ, когда нибудь вечеромъ, за письмами Алисы изъ-за границы, то сейчасъ убѣдился бы, какая бездна раздѣляла насъ. Я перечитывалъ эти письма по нѣсколько разъ, съ болѣзненнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ, повторявшимся при каждомъ словѣ. Они были полны приключеній и интереса; ихъ называли прекрасными тѣ люди, которые не видѣли, подобно мнѣ, отраженія въ характерѣ Алисы женской страсти, смѣшанной съ ребяческой игривостью; — этого и мнѣ уже не видѣть больше!

Наконецъ Алиса возвратилась. Однажды вечеромъ я пришелъ домой чрезвычайно утомленный и увидѣлъ на столѣ письмо, извѣщавшее меня, что на слѣдующее утро Алиса будетъ въ Дуврѣ. Я немедленно отправился въ Дувръ. Наше отчужденіе другъ отъ друга становилось для меня тягостнымъ. Алиса когда-то любила меня; она должна, думалъ я, снова полюбить меня!

Я усталъ, не спалъ цѣлую ночь. Послѣ быстрого путешествія, я выкунался и приводилъ къ концу мой тщательный туалетъ. При послѣднемъ взглядѣ въ зеркало вошелъ лакей съ извѣстіемъ, что путешественники пріѣхали.

Взволнованный до нелзя, чего не бывало со мной во всю жизнь, я пошелъ залаксемъ. Мистеръ Ворренеръ радушно сжалъ мои руки, а мистриссъ Ворренеръ—небо да благословить ея доброе сердце!—прослезилась.

— Ахъ, Франкъ! какая радость, что я вижу васъ. Мы привезли вамъ вашу Алису... она здорова.

Черезъ минуту вошла Алиса; около ногъ ея прыгала маленькая Шарло. Я обнялъ ее въ ту же минуту, но при первомъ поцалуѣ я узналъ, до какой степени она была холодна и блѣдна.

— Алиса, ты нездорова? сказалъ я и, не выпуская ея руки, отступилъ на шагъ и посмотрѣлъ ей въ лицо.

Ея глаза встрѣтились съ моими; огонь, постоянно до-этого освѣщавшій ихъ, совершенно потухъ.

— Нѣтъ, Франкъ, я здорова, — спокойно сказала она. Не забудь, что я не видѣла тебя въ теченіе девяти мѣсяцевъ, и встрѣча съ тобой немного меня взволновала.

Моя фея отлетѣла отъ меня; мнѣ оставалось сѣтовать, что не придется болѣе видѣть ея плѣнительнаго, молодого личика. Это была совсѣмъ не та Алиса. Я убилъ мою Алису, и ничто не могло одушевить ее.

Весь этотъ день я пробылъ, какъ сонный; я не могъ проснуться даже и по пріѣздѣ домой. Я сдѣлалъ въ домѣ много перемѣнъ, и все для нея. На другой день я водилъ Алису по комнатамъ и показывалъ улучшенія. Она была довольна мебелью, любовалась картинами и цвѣтникомъ, и повидимому была въ восторгѣ отъ миленькаго будуара, который нарочно устроенъ былъ для нея и убранъ по моему рисунку. Алиса благодарила меня. Не далѣе какъ годъ тому назадъ она бы прыгала по этимъ комнатамъ, произносила бы тысячи восклицаній, выражавшихъ удивленіе и восторгъ, осыпала бы меня поцалуями и въ заключеніе назвала бы меня «милымъ старымъ медвѣдемъ», или какимъ нибудь другимъ подобнымъ именемъ; — все это, конечно, было очень смѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очаровательно.

Я переносилъ это положеніе въ теченіе мѣсяца; но однажды поутру, когда я одиноко сидѣлъ за завтракомъ (Алиса завтракала въ своей комнатѣ) горькое чувство одиночества и унынія такъ сильно овладѣла мною, что я вошелъ въ ея комнату.

— Ты занята, Алиса? спросилъ я ее въ то время, когда она положила перо и оглянулась.

— Какъ бы я ни была занята, но говорить съ тобой у меня всегда найдется время.

— Алиса, долго ли мы будемъ вести эту жизнь?

Алиса покраснѣла.

— Какую жизнь, Франкъ?

— Какою мы живемъ въ настоящее время. Въ ней ничего нѣтъ отраднаго; мы должны жить съ любовью другъ къ другу. Ты со-
всѣмъ не та, чѣмъ была прежде.

— Я это знаю.

Алиса вздохнула и печально посмотрѣла на меня.

— Почему не могутъ возвратиться къ намъ прежніе дни?—Если я сдѣлалъ страшную ошибку, то неужели ты не въ состояніи простить ее? Я думаю, что такъ любить, какъ любилъ мы другъ друга, было нелѣпно, но я убѣдился теперь, что любовь на землѣ есть истинное счастье.

Алиса печально улыбнулась.

— Возврати мнѣ ту любовь, Алиса, которою я не умѣлъ пользо-
ваться. Возврати мнѣ утраченные дни моего счастья.

Я всталъ со стула и пошелъ къ ней, но Алиса отступила на-
задъ и покачала головой.

— Франкъ, не проси меня объ этомъ.

— Алиса, теперь я знаю, какъ должно цѣнить этотъ даръ.

— Быть можетъ; но, бѣдный мой Франкъ, мнѣ нечего возвра-
тить тебѣ.

Я прижалъ ее къ сердцу. Огонь въ этомъ сердцѣ, кажется, въ со-
стояніи былъ бы возвратитъ мертвого къ жизни, но Алиса остава-
лась неподвижною. Въ моихъ объятіяхъ она была какъ статуя; она
только смотрѣла на меня и вздыхала.

— Слишкомъ поздно! Слишкомъ поздно, Франкъ!

— Ужели же ты никогда не простишь меня?

— Прощу ли я? Не ужели ты думаешь, Франкъ, что я могу пи-
тать къ тебѣ злобныя чувства? — О, нѣтъ! Я охладѣла ко всему.
Моя любовь умерла и погребена. Удалемся отъ ея могилы и будемъ
по возможности спокойно переносить нашу утрату.

Я закрылъ руками лицо; слезы текли изъ глазъ моихъ и я ихъ
не стыдился; но Алису онѣ удивили.

— Ты плачешь? воскликнула она. Ты, который годъ тому назадъ
посѣялъ сѣмя, принесшее этотъ плодъ, — ты оплакаваешь теперь
свой посѣвъ? — Перестань, Франкъ! Прими отъ меня все, что я мо-
гу удѣлить тебѣ, прими отъ меня мою искреннюю дружбу, и дай
Богу, чтобъ мы никогда не разлучались, ни здѣсь, ни въ небесахъ.

— О! въ небесахъ, если мы попадемъ туда, ты снова полюбишь
меня.

Алиса повторила печальныя слова, которыя бѣдный Сень-Пьеръ
произнесъ на смертномъ одрѣ:

«Que ferait une âme isolée dans le ciel même (*)»?

(*) Что станетъ дѣлать одинокая душа даже и въ самомъ небѣ?

И положила свою руку на мою.

— Богу извѣстно, милая Алиса, что какъ любилъ я тебя при первой нашей встрѣчѣ, такъ точно я любилъ тебя въ несчастный день нашего разъединенія, такъ люблю и теперь.

— Мнѣ пріятно слышать это, торопливо сказала Алиса. Я не въ состояніи описать дней и ночей, наступившихъ послѣ того дня. Моя жизнь, Франкъ, сливалась въ одно цѣлое съ твоею, и раздѣленіе ихъ было ужасно. Сначала я думала, что мнѣ не пережить этой горести. Мнѣ кажется, такъ думаютъ все, на кого судьба ниспосылаетъ тяжелые удары. Но таже судьба даровала мнѣ силу и потомъ душевный покой. Мы представляемъ собою двѣ тѣни въ какомъ-то безмолвномъ мірѣ и должны ждать конца нашей жизни; надѣюсь, что по ту сторону могилы эта важная ошибка можетъ исправиться. Повѣрь мнѣ, Франкъ, я счастлива тѣмъ, что нахожусь съ тобой, — счастлива мыслію, что насъ прикрываетъ одна и таже кровля и что мы не разлучимся до смерти одного изъ насъ.

Я открылъ мои объятія и Алиса еще разъ добровольно упала въ нихъ; ея руки обвились вокругъ моей шеи, ея голова склонилась ко мнѣ на плеча, губы наши встрѣтились, Алиса поцаловала меня нѣжно и искренно.

— Мы, милой мой Франкъ, сдѣлались теперь старѣе, умнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ печальнѣе. Почему знать? быть можетъ любовь не совсѣмъ еще насъ оставила.

Такъ кончилась эта глава нашей жизни.

Съ тѣхъ поръ мы никогда не возобновляли этого разговора; я спокойно прождалъ нѣсколько лѣтъ; тотъ же самый тихій свѣтъ отражается въ глазахъ Алисы; тотъ же самый глубокій печальный тонъ голоса приводитъ въ трепетъ мое сердце, когда я слышу ея разговоръ или пѣніе. Самъ ангелъ едва ли былъ бы спокойнѣе и добрѣе той, которая нѣкогда была такъ рѣзва и исполнена огня. Въ тѣ дни она была неразсудительна, своенравна, вспыльчива, любила повелѣвать, — такъ что я при моей неразвязности долженъ былъ постоянно напрягать усилія, чтобъ держаться съ ней наравнѣ; но все же, — о! какимъ была она свѣтлымъ, радостнымъ, счастливымъ созданіемъ!

Еслибы не я, то жизнь наша проходила бы совсѣмъ иначе. Вы, которые прочитали этотъ маленькій рассказъ, вспомните во-время, что ласковое слово и ласковый взглядъ ничего не стоятъ; между тѣмъ какъ то и другое въ состояніи произвести страшный переворотъ въ душѣ человѣческой; вспомните, что никакая обида не западаетъ такъ глубоко, какъ обида, нанесенная любящему сердцу.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской. № 44.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕ- ПИАНО ВЪ МАЛОМЪ ФОРМАТѢ.

- AUBER. Fra Diavolo (2 p. 85 к.) Fenella (2 p. 85 к.)
BELLINI. I Montechi ed i Capuletto (3 p.) Norma (3 p.) Il Pirate (3 p.)
» La Sonambula (3 p.) La Straniera (3 p.)
BOILDIEU. La Dame blanche (2 p. 85 к.)
DONIZETTI. L'élisire d'amore (3 p.) Lucia di Lammermoor (3p.)
HEROLD. Zampa (2 p. 85 к.)
MOZART. Don Juan (3p.) L'enlèvement du Sérail (2 p.) Figaro (2 p. 85 к.)
» La jardinière (2 p. 85 к.) Titus (2 p.)
PAER. Sargino (3 p.)
ROSSINI. Le Barbier de Seville (2 p.) Cenerentola (3 p.) La donna del
Lago (2 p. 85 к.)
» Le siège de Corinthe (3 p.) Tancred (2 p. 85 к.)
VERDI. Ernani (3 p.) Lombardi (3 p.)

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ ВЪ МАЛОМЪ ФОРМАТѢ.

- AUBER. Fenella (5 p. 15 к.) Le maçon (5 p. 15 к.)
BELLINI. Norma (5 p. 15 к.) La Sonambula (5 p. 15 к.)
BOILDIEU. La Dame blanche (5 p. 15 к.)
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor (5 p. 15 к.)
HEROLD. Zampa (4 p. 30 к.)
MOZART. Don Juan (5 p. 70 к.) Figaro (5 p. 70 к.) Die Zauberflöte (5 p.
15 к.)
ROSSINI. Le Barbier de Seville (5 p. 15 к.)
VERDI. Ernani (5 p. 15 к.)

ВЫБОРЪ ЛУЧШИХЪ МѢСТЪ ИЗЪ ОПЕРЪ ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО.

- ADAM. Le fidèle berger (1 p. 15 к.) Le postillon de Lonjuimeau (1 p. 15 к.)
AUBER. Actéon (1 p. 15 к.) L'ambassadrice (1 p. 15 к.) La Bayadère (1
p. 15 к.) Les chaperons blancs (1 p. 15 к.) Le cheval de bronze (1
p. 15 к.) Les Diamants de la couronne (1 p. 15 к.) Le Domino noir (1
p. 15 к.) Le duc d'Olonne (1 p. 15 к.) Fenella (1 p. 15 к.) La fian-
cée (1 p. 15 к.) Fiorella (1 p. 15 к.) Fra Diavolo (1 p. 15 к.) Gu-
stave, ou le bal masqué (1 p. 15 к.) Le Lac des fées (1 p. 15 к.)
Le serment (1 p. 15 к.) Zanetta (1 p. 15 к.)

BEETHOVEN. Fidelio (1 p. 15 к.)

BELLINI. Beatrice di Tenda (1 p. 15 к.) Bianca et Fernando (1 p. 15 к.)
J Montechi ed i Capuletti (1 p. 15 к.) Norma (1 p. 15 к.) Il Pirate
(1 p. 15 к.) J Puritani (1 p. 15 к.) La Sonambula (1 p. 15 к.) La
Straniera (1 p. 15 к.)

BENEDICT. The gipsy's warning (1 p. 15 к.)

BOILDIEU. La Dame blanche (1 p. 15 к.)

CHERUBINI. Les deux journées (1 p. 15 к.)

DONIZETTI. Anna Bolena (1 p. 15 к.) Belisario (1 p. 15 к.) Don
Pasquali (1 p. 15 к.) Don Sebastien (1 p. 15 к.) L'élisire d'amore
(1 p. 15 к.) Fausta (1 p. 15 к.) La fille du régiment (1 p. 15 к.)
Linda di Chamounix (1 p. 15 к.) Lucia di Lammermoor (1 p. 15 к.)
Lucrezia Borgia (1 p. 15 к.) Maria di Rohan (1 p. 15 к.) Marino fa-
liero (1 p. 15 к.) Parisina (1 p. 15 к.) Polinto (1 p. 15 к.)

HALEVY. L'éclair (1 p. 15 к.) La Suiye (1 p. 15 к.) Les treize (1 p. 15 к.)

HEROLD. Marie (1 p. 15 к.) Le pré aux clercs (1 p. 15 к.) Zampa (1 p.
15 к.)

KREUTZER. Das Nachtlager in Granada (1 p. 15 к.)

LOBE. Die Flibustier (1 p. 15 к.) Die Fürstin von Granada (1 p. 15 к.)

LORZING. Die beiden Schützen (1 p. 15 к.)

MERCADANTE. Il bravo (1 p. 15 к.) I briganti (1 p. 15 к.) Elena da Fel-
tre (1 p. 15 к.) Il giuramento (1 p. 15 к.) La Vestale (1 p. 15 к.)

MEYERBEER. Il Crociato (1 p. 15 к.) Les Guelfes et les Gibelins (1 p.
70 к.) Robert le Diable (1 p. 15 к.)

MOZART. Don Juan (1 p. 15 к.) Figaro (1 p. 15 к.) Na flûte enchantée
(1 p. 15 к.)

NICOLAI. Il Templario (1 p. 15 к.)

PACCINI. Saffo (1 p. 15 к.)

PAER. Achilles (1 p. 15 к.) Sargino (1 p. 15 к.)

Выписывающіе книгъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этою пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать чрезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, къ которымъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла третья тетрадь «Нувеллиста» (годъ XX), которая содержитъ въ себѣ: *Pacher, Cavatine de l'opéra Il Trévatore, transcription de concert.* — *Cramer, Galop du Diable.* — *Mayer, Ch. Die Schönsten Augen, Melodie de Stigelli, transcrit.* — *Bernard M. «Два прощенья» Romance d'Alex. Dubuque, paraphrasée.* — *Hess, Tige brisée, Romance d'Arnaud.* — *Romanus Polka.* — *Pugni Eoline ou la Dryade, Quadrille.* — *Talexu, Polka-Mazurka d'après l'opéra Martha.* — *Spinter, Mazurka de salon.* — *Talexu Bolero, Op. 96.* Игнатьевъ, «Еще томлюсь», Романсъ. Музыкально-Литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 рубъ 50 коп. сер.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, марта 16-го дня. Ценсоръ Д. Мацкевичъ.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

3 8198 318 797 360

DATE DUE

GAYLORD

PRINTED IN U.S.A.

